

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ
ЖИЗНЬ
ЧЕЗАРЕ
БОРДЖА
СУД
ГЕРЦОГА

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

5 РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

RAFAEL SABATINI

THE LIFE
OF
CESARE
BORGIA

THE JUSTICE
OF THE DUKE

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ ПЯТЫЙ

РАФАЭЛЬ СЛАТИНИ

ЖИЗНЬ
ЧЕЗАРЕ
БОРДЖА,

герцога Романьи и Валентино, князя Андрии
и Венафри, графа Дуа, повелителя Пьомбино,
Урбино и Камерино, военачальника
и знаменосца церкви

СУД
ГЕРЦОГА

Санкт-Петербург — Москва
Акционерное общество «Прибой»
Журнал «Вокруг света»
1993

ББК
84.4 Вл
С 12

Рафаэль САБАТИНИ
ЖИЗНЬ ЧЕЗАРЕ БОРДЖА
СУД ГЕРЦОГА

Перевод с английского

Редакционный совет:

Полещук А. А.
(председатель)
Костюкова Л. В.
Лебедев В. А.
Москвин А. Г.
Непомнящий Н. Н.
Семенов Ю. Л.

С 4703010100—23 Без объявл.
В 38(03)—93

- © Журнал «Вокруг света»
АО «Прибой» — состав.,
1992 г.
© Наталья Манихало —
художественное оформление
серии

ISBN 5-87260-005-4

От автора

Эта книга была задумана как исследование бесчисленных обвинений в адрес семьи Борджа, и мне казалось особенно важным сохранить беспристрастность, не впадая ни в восторженный, ни в осуждающий тон. Мне хотелось понять этих людей во всем их человеческом разнообразии, понять мотивы и устремления, питавшие неустанную жажду деятельности, присущую столь ярким личностям, как Борджа¹. Каждый человек — продукт своей эпохи и окружения, а рубеж XV и XVI веков был очень бурным периодом в истории Европы. Эта картина, в которой яркие краски чередуются с глубокими тенями, слепящий свет — с непроглядным мраком; это время несдерживаемых страстей, высоких стремлений и жестокого произвола, неутомимых поисков и непримиримых противоречий.

Судить о событиях прошлого, оценивая их с точки зрения нашего законопослушного, трезвого и расчетливого века, столь же неправильно, как, находясь в зрелом возрасте, осуждать молодежь за свойственные ей легкомыслие, несдержанность и непоследовательность в речах и поступках. Но еще большая ошибка — рассматривать отдельных людей прошлого в отрыве от контекста эпохи. Обрисованные скупыми и чаще всего пристрастными строчками хроник исторические личности под увеличительным стеклом летописца превращаются либо в невероятных монстров, либо в бестелесных ангелов. И можно не сомневаться, что такая же метаморфоза произошла бы с любым их современником, попади он в анналы тогдашних историографов.

Из сказанного следует, что изучение личности должно идти параллельно с изучением соответствующего культурного периода. В противном случае полученные результаты будут столь же нелепы и далеки от истины, как характеристика полинезийца или готтентота, выведенная на основе какого-нибудь европейского правового кодекса нашего времени. А бессмертное отражение духа любой эпохи — ее литература. Именно литература итальянского Возрождения сохранила для нас чувства, настроения и идеи людей

той эпохи — с их наивным бесстыдством и фанатичным аскетизмом, страстностью и ленью, любопытством и верой в чудесное.

Вспомним, что представлял собой круг чтения мужчин и женщин XV—XVI веков — а процент грамотных людей в Италии всегда был куда более высоким, чем в среднем в Европе, где далеко не всякий барон умел подписать свое имя. Это «Декамерон» Боккаччо, «Шутки» Подджо, сатиры Филельфо и «Гермафродит» Панормитано. В то время высокоученый Лоренцо Валла — мы еще встретимся с ним — написал свое знаменитое «Обвинение девственности», в котором доказывал протiwоестественность означенного состояния, а преосвященный Каза, епископ Беневентский, составил и опубликовал любопытнейшее сочинение по философии эротики. Христос и святые обретали реальную плоть на фресках соборов, а знаменитые блудницы пользовались не меньшим почетом, чем проповедники; так, одна из красивейших римских куртизанок, умершая в возрасте всего лишь двадцати шести лет, удостоилась погребения в соборе Санто-Грегорио. Прочувствованная и трогательная надпись на ее мраморном надгробии свидетельствует об искреннем горе сограждан.

И, наконец, нельзя забывать, что это было время смены идеалов. Рыцарство как стиль мышления и образ жизни навсегда уходило в прошлое. Наемные военачальники — кондотьеры — заняли место суровых фанатичных воинов раннего средневековья; стремление к роскоши и наслаждениям сильно потеснило соображения о спасении души. Верность клятве стала скорее исключением, чем правилом, и вся политическая история Чинквеченто ² — сплошной ряд вероломных измен, иногда тщательно продуманных, иногда примитивных, но всегда совершаемых ради собственной выгоды.

По меткому замечанию Раудона Брауна, «история рода Борджа — полотно, запечатлевшее закат Возрождения». Мы начнем знакомство с ними с Каликста III, занявшего ватиканский престол в середине XV века. Правление четырех пап, предшествовавших Родриго Борджа — Александру VI, — будет описано лишь вкратце, чтобы задать масштаб для оценки основных героев этой книги, храбрость и политические дарования которых заметно возвышались над общим уровнем итальянских владык того времени. А честолюбивый государь, если он к тому же талантливый дипломат и полководец, всегда страшен соседям. И неудивительно, что многочисленные слухи

о преступлениях Родриго Борджа и его сына Чезаре находили особенно благоприятную почву в государствах, имевших наибольшие основания опасаться усиления власти Рима, — Венецианской республике, Флоренции и Милане.

За исключением религиозной, нет ненависти более яростной, чем ненависть политическая, и использование клеветы в политических распрях — дело настолько обычное, что у нас нет никакой необходимости подтверждать это положение примерами из далекого прошлого. Но хотя сам прием универсален, характер пороков и преступлений, приписываемых политическому противнику, меняется в соответствии со взглядами и моральными нормами данного общества и данной эпохи.

Необходимо также учесть, что первые жизнеописания Борджа — отца и сына — создавались уже во время понтификата Юлия II (бывшего кардинала Джулиано делла Ровере), их заклятого врага. Писатели, рассчитывавшие на милость папы, разумеется, не жалели черных красок для характеристики его недругов. Самый известный из этих авторов — флорентинец Гвиччардини. Впоследствии, уже в XVIII веке, Борджа удостоились внимания Вольтера. Последний, по выражению Рене де Марикура, «не привел никаких доказательств преступных деяний Борджа, но зато в полной мере продемонстрировал на них силу своей непревзойденно грязной фантазии, насыщенно-реминисценциями из времен Тиберия, Нерона и Гелиогабала»³.

Многие обвинения, выдвигавшиеся против Борджа, были впоследствии документально подтверждены. Самые страшные и знаменитые преступления — убийства и грабежи, нарушения клятв и кровосмешение — остались недоказанными. И тем не менее уже не первое столетие сама мысль о необходимости доказательства преступлений кажется совершенно нелепой, когда речь идет об этой семье. Чем сенсационнее выглядит очередной сюжет, выданный за исторически достоверное сообщение, тем с большим восторгом хватаются за него оборотистые романисты и историки-популяризаторы. Обычно никто из них не утруждает себя проверкой имеющейся версии, ограничиваясь в лучшем случае оговоркой, что «многие детали еще ждут уточнения в будущем, однако в целом вина Борджа в описанных событиях не подлежит сомнению».

Исследователь, задумавший провести беспристраст-

ное изучение предмета, неминуемо оказывается в невыгодном положении. Ему трудно рассчитывать на доверие читателей — слишком непохожим оказывается истинное лицо его героя на вымышленное, но привычное представление о нем.

Чезаре Борджа вовсе не был ангелом, однако образ этого человека — холодного эгоиста и умелого политика, храброго воина и прекрасного организатора — очень далек от образа опереточного злодея, утвердившегося в литературе.

Всегда бывает полезно проследить истоки того или иного мнения, и в вопросах новейшей истории это обычно не так уж трудно. Другое дело — события, отделенные от нас четвертьм с половиной столетиями. Мы уже упомянули, что первые версии жизнеописания рода Борджа появились в XVI веке, и обстоятельства их создания не способствовали беспристрастности авторов. Затем, уже в XVIII веке, с легкой руки законодателя интеллектуальных мод тогдашней Европы Вольтера появился определенный штамп, перекочевавший в литературу XIX века и вполне устроивший великих романистов — Виктора Гюго и Александра Дюма.

Глупо было бы пытаться умалить заслуженную славу двух крупнейших французских писателей первой половины прошлого столетия, но многочисленные анахронизмы, неточности и просто голословные утверждения, щедро рассыпанные на их страницах, посвященных Борджа, — это факт. Тем большее удивление вызывают ссылки Гюго на историков прошлых времен, из чьих трудов он якобы почерпнул материалы для своей знаменитой трагедии «Лукреция Борджа». Скептикам, которые усомнятся в правдивости его повествования, он рекомендует прочесть книгу Томмазо Томмази и «Дневник» Бурхарда. Последний из названных источников несомненно заслуживает всяческого внимания: записи ватиканского церемониймейстера охватывают почти четверть века — с 1483-го по 1506 год, сделаны очевидцем, а нередко и участником описываемых событий и весьма подробны. Но ознакомление с «Дневником» приводит к удивительному выводу: Гюго явно не читал Бурхарда, хотя и старается прикрыться его авторитетом. В противном случае, вероятно, автор «Отверженных» не стал бы ссылаться на «Дневник» для подтверждения исторической достоверности «Лукреции Борджа» — ведь события в изложении Бурхарда не имеют почти ничего общего, исключая имена действующих лиц, с той кровавой

эпопеей, что предстала в XIX веке глазам французских читателей.

Несколько иначе обстоит дело с Александром Дюма. Упрека в научной недобросовестности он не заслужил, хотя глава «Борджа» в книге «Знаменитые злодеяния» также возводит напраслину на Александра VI и его сына Чезаре. Великий романист был попросту введен в заблуждение одним из своих предшественников.

Семнадцатый век подарил миру много писателей; среди них — ныне забытый, а тогда весьма популярный Грегорио Лети, писавший под псевдонимом Томмазо Томмази. Став кальвинистом, он покинул Италию и, как часто бывает, с жаром новообращенного принялся обличать недостатки и пороки своей прежней религии и римского духовенства. Его «Жизнь герцога Валентино» имела большой успех, и вскоре появился ее французский перевод, который быстро разошелся и стал чем-то вроде учебного пособия для всех позднейших писателей, обращавшихся к той же теме, в том числе и для Александра Дюма. Что же касается осведомленности Томмази о роде Борджа, то она не превосходила уровня, обычного для образованных людей того времени, да и сам автор не старался выдать свой роман за историческое исследование. К сожалению, впоследствии это как-то забылось.

Но ведь есть еще один автор, писавший о Борджа, очевидец и активный участник политической жизни Италии конца XV — начала XVI века, а кроме того — один из умнейших людей своего времени, чья слава пережила столетия. Современники не считали его особо крупной фигурой, но теперь он известен куда больше многих коронованных особ, когда-то взиравших свысока на скромного, хотя и довольно влиятельного Никколо Макиавелли, секретаря Совета флорентийской Синьории.

Знаменитая книга Макиавелли, навсегда обессмертившая его имя — «Государь», — предназначалась в качестве руководства для не отличавшегося умом и решительностью Джулиано Медичи⁴; она стала первым в Европе систематическим изложением теории управления государством. А примером идеального носителя верховной власти автору служил не кто иной, как Чезаре Борджа.

Макиавелли пишет: «Окидывая мысленным взором все, сделанное и достигнутое герцогом, мы видим, что он сумел создать прочную основу для устойчивой власти, и я не знаю лучшего образа действий, который мог бы избрать

новый государь, занявший трон не по праву наследования. В тех случаях, когда его мероприятия не приносили успеха, причина заключалась не в допущенных герцогом ошибках, а в его несчастливой судьбе».

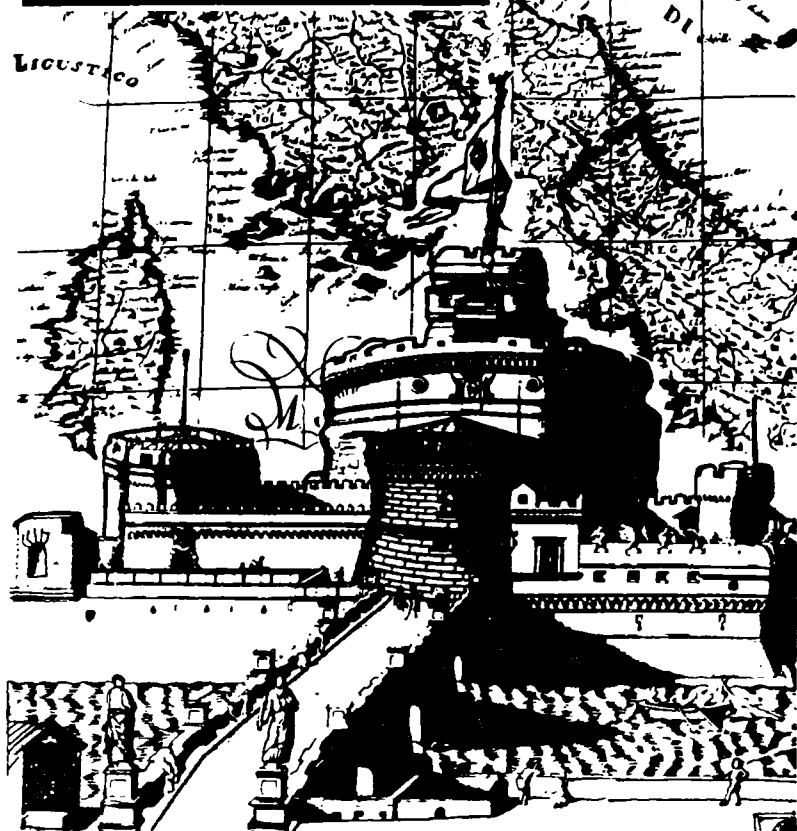
В дальнейшем мы еще не раз встретимся с комментариями флорентийца. Он чрезвычайно высоко оценивал политическую деятельность Борджа, и это тем знаменательнее, что Макиавелли, хотя и встречался с герцогом, не мог ждать от него милостей в награду за историческую лесть; Рим и Флоренция нередко враждовали, а Макиавелли, в качестве посла Синьории в Ватикане, отстаивал интересы своего родного города.

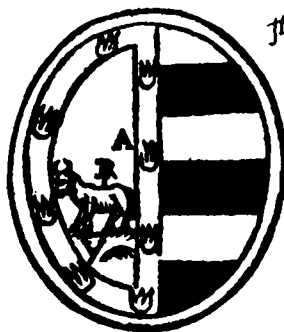
Думается, соображения и факты, изложенные выше, убедили читателя хотя бы в том, что появление новой книги о Борджа вполне обоснованно. Поэтому перейдем к нашему повествованию об одном из самых ярких деятелей итальянского Возрождения. Но прежде, чем на сцене появится сам герцог Валентино — Чезаре Борджа, сын Александра VI, — нам придется познакомиться с историей возвышения этого знаменитого рода.

ЖИЗНЬ ЧЕЗАРЕ БОРДЖА,

герцога Романьи и Валентино,
князя Андрии и Венафри,
графа Дуа, повелителя
Пьомбино, Урбино и Камерино,
военачальника и знаменосца
церкви

*Ille Imperator et Rex Dñe Capator et regis Fr̃ nobis Cr̃m Aug̃st̃o
Et ceteris dñis suis et regibus haec prout ad se dñi liberos et
ceteros de prout in mundo et de fidei meo secretario celebrat
de quibus de de opus aliorum et de prout fidei meo et prout
ad prout in mundo et de fidei meo et prout fidei meo et prout
quella prout fidei meo et prout fidei meo et prout fidei meo et prout
de prout in mundo et de fidei meo et prout fidei meo et prout fidei meo et prout*

deum et ceteris et ceteris

(Signature)

Книга первая

ДОМ БЫКА

*Saeculi vitia, non hominis **

Глава 1

ВОСХОД ДОМА БОРДЖА

История Борджа неотделима от истории римско-католической церкви — в этой семье родились два будущих папы и даже, как ни удивительно, один святой ⁵. Род Борджа претендует на происхождение от Арагонского королевского дома, и корни его прослеживаются до XI столетия. Однако для наших целей достаточно начать повествование с Алонсо де Борха, появившегося на свет тридцатого декабря 1378 года, в Хативе, королевство Валенсия.

Именно с Алонсо начался стремительный взлет могущества этой семьи. Получив прекрасное образование и будучи весьма одаренным человеком, он быстро достиг степени доктора юриспруденции в университете Лериды. Вскоре познания и красноречие дон Алонсо снискали ему столь широкую известность, что король Неаполя и обеих Сицилий ⁶ Альфонсо I, один из могущественных владык Южной Европы, предложил ему пост королевского тайного секретаря. Алонсо принял предложение и отдался новой службе со всей энергией, какой можно было ожидать от умного, деятельного и честолюбивого человека.

* Пороки эпохи, а не человека (лат.).

Через несколько лет он вернулся на родину уже в сане епископа Валенсии, затем — в 1444 году — стал кардиналом и, наконец, под именем Каликста III занял трон св. Петра. Это произошло в 1455 году. Несмотря на весьма почтенный возраст — новому папе было уже 77 лет, — он сохранил запас душевных сил и жажду деятельности. И, конечно, подобно большинству своих предшественников и преемников на Святейшем престоле, Каликст III отдавал дань обычаю, получившему впоследствии название nepotизма, то есть, попросту говоря, раздаче важнейших постов в церковной иерархии своим родственникам. Одним из них был его племянник, Родриго де Лансоль-и-Борха, возведенный в кардинальское достоинство в 1456 году.

Дон Родриго стал кардиналом Сан-Никколо в возрасте двадцати пяти лет; в следующем году он получил должность вице-канцлера церкви — место, приносившее огромный по тем временам годовой доход в 8000 флоринов.

Молодой человек, занявший столь высокое положение, был и сам по себе личностью весьма примечательной. Красивый и статный, с живым взглядом и чувственным ртом, остроумный собеседник и талантливый оратор, он легко привлекал внимание и завоевывал сердца. Необычайно сильный и выносливый, Родриго де Борха не знал усталости; что же касается женщин... По воспоминаниям современника, «каждая, на коей останавливался его взгляд, тут же ощущала в крови любовное волнение, и лишь немногим из них удавалось устоять перед его царственным обаянием. Он притягивал их, как магнит — кусочки железа». Конечно, это последнее качество не назовешь особенно желательным для духовной особы, но обольстительный юный кардинал не видел необходимости в отказе от привычных удовольствий.

Итак, первым этапом своей головокружительной карьеры Родриго был обязан высокому родству: не у каждого родной дядя — римский папа! Но он сумел в течение многих лет сохранить и упрочить свои позиции в Риме, хотя и был иностранцем. Четверо пап — Пий II, Павел II, Сикст IV и Иннокентий VIII — сменились на Святейшем престоле, а кардинал Сан-Никколо по-прежнему оставался вице-канцлером, и его влияние в Ватикане росло. Это свидетельствует о недюжинном уме и ловкости племянника Каликста III.

Первый папа из рода Борджа правил католической церковью и Вечным городом недолго, всего лишь около трех лет. Но даже за этот короткий срок Рим наводнили испан-

цы — для них Каликст III был земляком. Авантюристы и искатели наживы стекались из-за Пиренеев в Италию в надежде получить выгодные и почетные должности из рук «каталанского папы».

Преуспели лишь немногие из них — Каликст III вовсе не был таким уж горячим патриотом Испании, и его честолюбие замыкалось рамками собственного рода. Однако наплыв наглых чужеземцев вызывал растущее недовольство римлян. Особенно негодовали старинные патрицианские семьи, и больше всех — могущественный клан Орсини. Тому была веская причина: пост префекта Рима, по давней традиции занимаемый кем-либо из этого дома, папа неожиданно предоставил брату Родриго, Педро Луису де Лансоль-и-Борха.

Жажда наследуемой верховной власти, стремление основать собственную династию — характерный признак, родовая черта Борджа. И действия престарелого Каликста III были в этом смысле достаточно откровенными.

Дон Педро Луис получил титул герцога Сполетского и звание знаменосца церкви, то есть командующего войсками Святейшего престола. Это воспринималось как откровенный вызов. Римляне, ощущавшие себя наследниками двухтысячелетней славной истории, не собирались добровольно признавать иноземное владычество. В 1458 году, когда Каликст находился на смертном одре, в городе вспыхнуло восстание. Возглавив вооруженных граждан, Орсини огнем и мечом изгоняли испанцев.

Спасаясь от врагов, дон Педро Луис тайно переправился через Тибр и скрылся в Чивитавеккья, где вскоре внезапно скончался. Обстоятельства его смерти неизвестны, и можно лишь удивляться, что никто из историков не обвинил Родриго в убийстве брата — ведь все богатство покойного досталось ему.

Третий брат Борха — дон Луис Хуан, настоятель собора Куаттро Коронатти — решил навсегда покинуть страну, где его род навлек на себя такую ненависть, и вернулся в Испанию.

Оставшись один — в том смысле, что его окружали лишь слуги, но не союзники, — Родриго де Борджа не выказал ни растерянности, ни страха. Пренебрегая опасностью, он прибыл на конклав⁷, где предстояло определить преемника Каликста III. И здесь, в обстановке откровенной враждебности большинства присутствовавших, кардинал Сан-Никколо не только удержал позиции, но и сумел обеспечить защиту своих интересов в будущем.

После тайного голосования выяснилось, что имеется две кандидатуры: высокообразованный Энеас Сильвиус Пикколомини из Сиены и знатный француз д'Этутвиль. Ни один из них не набрал двух третей голосов, требуемых для избрания нового папы, хотя за сиенского кардинала проголосовало большее число собравшихся иерархов, чем за его соперника. В таких случаях конклав прибегал к процедуре, называемой акцессией: тем, кто воздержался при первом голосовании, предлагалось поддержать одного из основных кандидатов. И вот — решающим оказался голос Родриго де Борджа, поданный за кардинала Пикколомини. Таким образом, новый папа, принявший имя Пия II, не мог не испытывать благодарности к вице-канцлеру.

Перед нами текст очень любопытного письма: папа написал его в Петриоло, у горячих источников, где отдыхал по совету врача. Письмо адресовано в Сиену — там Борджа наблюдал за строительством нового кафедрального собора и перестройкой дворца Пикколомини. При всей внешней строгости нетрудно уловить в нем привязанность Пия II к дону Родриго. Кроме того, этот документ наглядно отражает образ жизни молодого прелата в Сиене.

«Возлюбленный сын, до Нашего слуха дошло известие, будто бы четыре дня назад ты принимал участие в некоем празднестве в садах Джованни де Бикис, куда сошлись многие женщины Сиены; забыв о сани, коим ты облечен, ты находился среди них с семнадцатого до двадцать первого часа. При этом тебя сопровождало еще одно духовное лицо, столь желавшее оказаться на празднике, что его не остановили ни забота об авторитете святой церкви, ни хотя бы мысль о собственном возрасте. Мы слышали, что танцы в означенных садах отличались самым необузданным весельем и не было там недостатка в любовных соблазнах, твое же поведение несколько не отличалось от того, как принято вести себя в подобных случаях у мирской молодежи. Стыд мешает Нам продолжать, ибо речь идет о таких делах, самое упоминание о коих несовместимо с твоим саном, не говоря уже об участии в них. Как нам сообщили, ни один из родственников этих девиц — ни отец, ни брат, ни муж — не был приглашен и не присутствовал на вашем сборище, чтобы не помешать веселью.

Слышали Мы также, что вся Сиена только и говорит, что о развлечениях твоего преосвященства. Во всяком слу-

чае, здесь, на водах, где собралось множество людей всякого звания, и духовных и светских, ты уже стал притчей во языцех.

Скорбь Наша из-за этих событий, столь пятнающих достоинство церкви, безмерна. Поистине, правы будут теперь те, что станут упрекать Нас; правы, говоря, что Наше богатство и власть служат лишь погоне за наслаждениями. Как сможем Мы теперь призывать к благочестию князей, пренебрегающих своим долгом перед святой церковью, чем ответим на насмешки невежественной толпы? Пастырь, чья жизнь не безупречна, губит и себя, и свою паству. И столь же сурового осуждения заслуживает наместник Господа Христа, если постыдные деяния совершены кем-нибудь из его подчиненных.

Возлюбленный сын мой! Ты возглавляешь епископство Валенсийское, первое в Испании; ты канцлер католической церкви и, наконец, ты — кардинал, один из советников Святейшего престола. Все это делает твое поведение еще более предосудительным. Размысли сам, прилично ли твоему преосвященству шептать ласковые слова юным девицам, слать им фрукты и вино и проводить время в непрерывной череде развлечений. Знай, что Мы с сокрушенным сердцем выслушиваем порицания в твой и — косвенно — в Свой адрес; и многие здесь уже говорят, что твой дядя, покойный Каликст, сделал ошибку, доверив тебе столь ответственные посты.

...Поистине мы собственноручно раним себя, мы накликаем на свою голову злую беду, допуская, чтобы наши поступки бесчестили дело церкви. Расплатой нам будет позор в этом мире и загробные муки. Возможно ли, сын мой, чтобы разум не подсказал тебе все эти доводы? Неужели следует разьяснять, что прозвание волокиты и любезника несовместимо с кардинальским достоинством?

Ты знаешь о Нашей неизменной любви к тебе, о том, сколь высоко Мы ценим твои способности. Если ты дорожишь Нашим добрым мнением, то помни, что должен изменить свой образ жизни. Твоя молодость объясняет многое, но не может служить оправданием, и тем больше у Нас оснований ныне обращаться к тебе со словами отеческого упрека.

Петриоло, 11 июня 1460».

Это письмо раскрывает целый ряд обстоятельств. Во-первых, конечно, можно отметить поразительную без-

застенчивость Родриго, граничащую с наивностью. Как видно из письма, увеселения кардинала Сан-Никколо взбудоражили общественное мнение, хотя итальянцы XV века не отличались пуританской строгостью нравов. Но дело в том, что искусство лицемерия тогда еще не зашло так далеко, как в позднейшие времена. Рамки приличия и морали, столь тесно замыкающие сегодня нашу жизнь, были гораздо просторнее, и большинство людей просто не видело необходимости маскировать свои чувства и побуждения. А нравственный уровень духовенства немногим отличался от уровня паствы. Иногда простодушное бесстыдство святых отцов отливалось в слишком вопиющие формы, и приходилось принимать экстренные меры, чтобы сохранить хоть какое-то уважение прихожан. Так, Пию II потребовалось издать специальную буллу, запрещающую лицам духовного звания держать кабаки, игорные дома и... бордели. А налоги, взимаемые властями с многочисленных «веселых дев» Рима, ежегодно обогащали папскую казну на 20 000 дукатов. На таком фоне вольности, допущенные кардиналом Сан-Никколо, выглядят не столь уж серьезным нарушением границ допустимого. Да и сам факт написания письма — вместо каких-либо мер взыскания — и выражения, в которых оно составлено, показывают, что папа был огорчен, но отнюдь не шокирован поведением Борджа. К тому же в молодости Энеас Пикколомини, еще не помышлявший о возможности стать Пием II, также не отличался особой праведностью.

В общем, можно сказать, что наш кардинал вел себя именно так, как было естественно для человека его положения в ту эпоху. Естественным фактором, могущим в принципе несколько охладить жизнелюбивого прелата, стал бы пример других церковных иерархов. Но, увы, примеры, если и были, то совсем другого рода. Так, упомянутый в письме спутник Родриго на сиенском карнавале был не кто иной, как Джакомо Амманати, кардинал-настоятель собора Сан-Кризоньо. Кстати, здесь можно отметить интересную деталь: Борджа, уже будучи кардиналом, еще не являлся священником, то есть настоятелем какого-либо храма, и стал им лишь в 1471 году, уже при Сиксте IV. Это характерный пример: люди, обладавшие властью, не чувствовали внутренней необходимости следовать каким-то правилам в своих действиях.

В том же 1460 году кардинал Борджа узнал радость отцовства — у него родился сын, мать которого, *mulier*

soluta *, так и осталась неизвестной. Родриго признал мальчика и заботился о нем, и маленький дон Педро Луис де Борха рос хотя и не рядом с отцом, но в почете и богатстве, соответствовавшими его происхождению. Семью годами позже появилась и дочь — Хиролама, и снова современникам оставалось лишь строить догадки об имени ее матери. Большинство считало, что это Джованна де Катаней, чьи любовные отношения с кардиналом продолжались много лет, став достоянием гласности около 1470 года. Но в таком случае непонятно, зачем понадобилось окутывать тайной рождение Хироламы, в то время, как происхождение других детей Борджа — Чезаре, Джованни, Лукреции, — как и имя их матери, ни для кого не являлось секретом и не скрывалось самим кардиналом.

Престарелый Пий II скончался в 1464 году, и надо признать, что весь клир ⁸ — от епископов и аббатов до приходских священников и простых монахов — то и дело огорчал мягкосердечного папу одним и тем же грехом. Бороться с этим злом не было никакой возможности. Известно следующее высказывание Пия II: «Конечно, есть непререкаемо веские причины для сохранения celibата ⁹, но иногда мне кажется, что по причинам не менее основательным следовало бы ввести обязательную женитьбу всех духовных лиц».

Пию II наследовал венецианский кардинал Пьетро Барбо. Его шестилетнее правление под именем Павла II не было отмечено какими-либо выдающимися событиями — и это не самый тяжкий упрек, какой можно сделать в адрес властителя тех времен. После смерти Павла II в 1471 году новым папой стал кардинал Франческо Мария делла Ровере, францисканский монах, чья энергия и образованность помогли ему проделать путь от безвестного босоногого брата до генерала Ордена ¹⁰. После избрания на Святейший престол он принял имя Сикста IV.

Родриго де Борджа в качестве архидиакона католической церкви принимал участие в торжественном коронавании, и именно он возложил тройную тиару на беспокойную корыстолюбивую голову Франческо делла Ровере. По-видимому, уже в том же году архидиаконский ранг стал для кардинала Борджа пройденным этапом: возведенный наконец в священнический сан, сорокалетний дон Родриго был назначен епископом Альбанским ¹¹.

* Распутная женщина (*лат.*).

ПАПЫ СИКСТ IV И ИННОКЕНТИЙ VIII

Правление Сикста IV можно охарактеризовать двумя основными чертами: энергия и бесстыдство. Его действия привели, пожалуй, к несколько противоречивому результату. С одной стороны, политические позиции церкви укрепились — в том, что касается материального могущества; с другой стороны — немного было в истории случаев, когда авторитет духовенства падал столь низко, и притом вполне заслуженно, как в период правления Сикста IV. Свою неразборчивость он оправдывал старым принципом «*Similia similibus curantur*» *. Нельзя сказать, что такое объяснение удовлетворяло всех современников, но все же политика нового папы оказалась довольно результативной — в том смысле, что ему удалось достичь большинства поставленных целей.

Сикст IV надел тиару в очень беспокойное для Святейшего престола время, когда могущество католической церкви заметно колебалось. В 1453 году Стефано Поркаро возглавил восстание против папской власти, и оно едва не увенчалось успехом. А страстные речи и памфлеты образованного и бесстрашного Лоренцо Валлы вдохновляли итальянцев на новые акты неповиновения.

Мессер Валла, талантливый переводчик Гомера, Геродота и Фукидида, внес огромный вклад в дело приобщения своих современников к философскому и литературному наследию античного мира. Служба у короля Альфонсо Арагонского, при дворе которого он находился с 1453 года, обеспечивала ему достаточно независимое положение, чтобы делать самые отчаянные — с точки зрения Ватикана — заявления; каждое из них стоило бы ученому жизни, окажись он тогда в Риме. Долгие годы изучения классических древностей выработали у Лоренцо куда более определенные взгляды на нормы права и добродетели, чем у большинства окружавших его людей, а также научили четко и образно выражать свои мысли. Гусиное перо в руке подобного человека было опаснее тысячи стальных мечей, и преемники св. Петра очень скоро убедились в этом.

Одинаково хорошо ориентируясь как в Писании, так

* «Подобное излечивается подобным» (лат.)

и в римском праве, Лоренцо Валла не устал доказывать греховность и противоестественность соединения в одних руках духовной и светской властей. Он требовал секуляризации, то есть отчуждения церковных земель в пользу итальянских государств, и утверждал, что политическая деятельность несовместима со служением Богу. Легко догадаться, какие чувства вызывали такие заявления у папы и кардиналов. «*Ut Papa tantum Vicarius Christi sit, at non etiam Caesari*»*, — писал Лоренцо, и раздражение Святейшего престола от подобных пассажей бывало тем сильнее, чем труднее было подыскать возражения. Неугомонный историк выпустил книгу «О подложном даре Константина», в которой доказывал — и совершенно справедливо, — что первый император-христианин никогда не имел ни возможности, ни желания отдавать Рим под власть папы. Утверждение о том, что этот важнейший для католической церкви документ — позднейшая подделка, сопровождалось обличением коррупции, пронизавшей сверху донизу все римское духовенство.

Арагонское королевство — не Рим, но католическая церковь при всех своих внутренних сварах все же оставалась единой, и покушение на основы не осталось для мессера Лоренцо без последствий. Он попал в тюрьму инквизиции, и лишь вмешательство короля Альфонсо спасло его от костра.

После такого урока Валла на время присмирел, но брошенные им обвинения прогремели по всей Европе. Никогда еще положение мировой церкви не было в политическом смысле столь шатким, и очень возможно, что лишь беспринципный Сикст IV спас ее от окончательного поражения в борьбе со свободолюбивыми патрицианскими родами.

Его избрание осуществилось благодаря разветвленной системе подкупа, в основном в форме симонии¹², и та же симония дала Сиксту IV средства для борьбы с противниками и хулителями папской власти. Современники не питали на этот счет никаких иллюзий. В своей «Повести о горьком времени» («*De calamitatibus Temporum*») Баттиста Мантовано пишет, что «продажность при нем превосходила всякое обыкновение, и предметом торговли стало все, начиная с кардинальского звания и кончая мельчайшими дозволениями».

* «А папа — только первосвященник Господа Христа, но не Цезарь» (лат.).

Можно было бы найти некоторое моральное оправдание таким действиям, если бы полученные средства направлялись только на общецерковные нужды, но, увы! — обнаружив столь верный и неиссякаемый источник дохода, Сикст IV черпал из него и для своих личных нужд.

Непотизм в то время также достиг небывалых ранее высот. Предметом постоянной заботы нового папы стали четверо «племянников» (по крайней мере двое из них, Пьеро и Джироламо Риарио, повсеместно считались его сыновьями).

Двадцатилетний Пьеро был простым монахом ордена миноритов¹³, когда его отец занял трон св. Петра. Не прошло и года, как безвестный брат-минорит стал патриархом Константинопольским и одновременно кардиналом св. Сикста, с годовым доходом в 60 000 флоринов.

Кардинал Амманати, уже знакомый нам участник сиенского празднества, упоминает в письме к Франческо Гонзаге, что «роскошь, коей окружил себя кардинал Риарио, превосходит все, чего когда-либо достигали наши предшественники и что когда-либо смогут вообразить потомки». К этому мнению присоединяется и Макиавелли; в его «Истории Флоренции» мы обнаруживаем несколько строк, посвященных Риарио. Хотя сам Макиавелли был склонен скорее хвалить, чем осуждать людей, он с явным неодобрением пишет о кардинале, который, «будучи рожден и воспитан в низком звании, стал проявлять безудержное честолюбие, едва успев надеть красную шляпу. По слухам, даже возможный понтификат не казался ему достаточной наградой. А праздник, устроенный им в Риме, сделал бы честь любому королю — затраты на украшение города и народные увеселения составили 20 000 флоринов».

В 1474 году Риарио посетил Венецию, а затем Милан, где вступил в секретные переговоры с герцогом Галеаццо Мариа. Их замыслы, как впоследствии стало известно, включали создание Ломбардского королевства под властью Галеаццо; в случае успеха новый король должен был дать кардиналу войско для похода на Рим и захвата папского трона.

Неизвестно, в какой мере Сикст IV успел проведать о сыновних интригах. Но политическая борьба в Италии, переплетение и столкновение интересов различных городов и королевств было слишком сложным и бурным, чтобы честолюбивые планы Риарио могли иметь какие-нибудь последствия, кроме озлобления и беспокойства соседей. Не обладая ни дипломатическим талантом, ни собственной

реальной властью, он строил замки на песке. Не позаботившись о соблюдении тайны, он подписал себе приговор. Вскоре после возвращения в Рим, в январе 1474 года, кардинал св. Сикста скончался «от злоупотребления излишествами». По всеобщему убеждению, Риарио был отравлен венецианцами.

Его брат Джироламо не отличался столь непомерными амбициями. Не будучи возведенным в духовный сан, он решил укрепить свое положение женитьбой. Его супругой стала Катерина Сфорца, дочь того же миланского герцога Галеаццо. Препятствий для свадьбы не было, а к приданому юной красавицы — богатому городу — его святейшество, не желавший уступить герцогу в щедрости, присоединил свой дар — город Форли.

Но единственным из четырех «племянников», сумевшим оставить заметный след в истории не только из-за высокого родства, но и благодаря личным качествам, стал Джулиано делла Ровере; любопытно, что даже всеведущая молва никогда не причисляла его к сыновьям Сикста IV. Избрав духовную карьеру, он был вскоре возведен в достоинство кардинала Сан-Пьетро-ди-Винколи; а через тридцать два года, уже под именем Юлия II, ему предстояло прославиться в качестве одного из самых энергичных и воинственных пап в истории римской церкви.

А как же в это время обстояли дела нашего героя — кардинала Борджа? Его позиции в конклаве укреплялись, и влияние росло; он вновь сумел доказать свою необходимость. Как и в случае с Пием II, его голос — наравне с голосами Орсини и Гонзаго, членами знатнейших родов Италии, — сыграл решающую роль на выборах. Правда, услуга была не бескорыстной: новый папа щедро расплатился за проявленную на соборе лояльность. Богатое и цветущее аббатство Субиако стало лишь первым знаком его благодарности Борджа. К этому же времени относятся первые упоминания о связи кардинала Родриго с Джованной де Катанеи.

О происхождении этой женщины ничего не известно. Позднейшие историки и писатели считали ее римлянкой, но для такого утверждения нет, в сущности, никаких оснований — фамилия Катанеи часто встречается во многих областях Италии. Внешность и душевные качества Джованны также не нашли отражения ни на холсте, ни на бумаге, но, зная избалованный вкус Борджа и его возможности по части выбора возлюбленных, можно сказать наверняка, что она была очень красива и, по крайней мере,

достаточно умна, чтобы не наскучить кардиналу. В общем, единственное исторически достоверное свидетельство о ней, сохранившееся до наших времен, — надгробие в церкви Санта-Мария дель Пополо. Надпись на камне позволяет установить, что Джованна (или, как ее называли римляне, Ваночца) Катанеи родилась тринадцатого июля 1442 года; значит, к началу понтификата Сикста IV ей исполнилось тридцать лет. Этой женщине предстояло стать матерью главного героя нашей книги — Чезаре Борджа.

Следует сказать, что происхождение Чезаре не раз вызывало споры среди историков. Два хрониста, Инфессура и Гвиччардини, упоминают о попытках Родриго — уже после занятия папского трона — объявить отцом Чезаре некоего Доменико д'Ариньяно, человека, за которого он будто бы собирался выдать замуж свою любовницу. Основание для такой версии давал существовавший тогда запрет незаконнорожденным занимать высшие должности в церковной иерархии — Чезаре, не признанный собственным отцом, не смог бы впоследствии стать кардиналом. В действительности же в данном случае никакой проблемы с отцовством не возникало. Во-первых, уже в 1480 году Сикст IV, не забывший услуги Родриго Борджа, специальной буллой от первого октября освободил малолетнего Чезаре от необходимости доказывать законность своего происхождения. А во-вторых, установление номинального отцовства, пожелай этого его преосвященство, не составило бы никакого труда, поскольку у прекрасной Ваночки имелся законный муж — Джорджо делла Кроче, секретарь папской канцелярии. Супруги жили в доме на площади Пиццо-ди-Мерло, нынешней Сфорца-Чезарини, неподалеку от дворца вице-канцлера.

Миланец делла Кроче был, по-видимому, вполне заурядной личностью и не испытывал особых неудобств из-за двусмысленности своего положения. Точная дата его свадьбы с Джованной неизвестна, но трудно согласиться с не раз высказывавшимся мнением, что брак этот устроил сам кардинал Борджа ради сокрытия своих отношений с молодой женщиной. Как мы уже видели, прелат-обольститель совершенно не заботился о соблюдении тайны или хотя бы маскировке своих развлечений и удовольствий. А ведь самые незначительные усилия, немного лицемерия и осторожности — и острословы потеряли бы возможность болтать о кардинальских проказах на всех перекрестках Рима. Так что протекция, оказанная мужу Ваночки — Борджа поместил его на должность, по тем временам весь-

ма выгодную, — объяснялась, надо полагать, не своекорыстными мотивами; это была всего лишь презрительная щедрость вельможи к покорному плебею.

В 1447 и 1476 годах Ваночца подарила Родриго двух сыновей: Чезаре, главного героя нашего повествования, и Джованни, будущих герцогов Валентино и Гандийского, а в 1479 году — дочь, Лукрецию Борджа.

Сейчас трудно установить с полной определенностью, кто из братьев родился первым — имеющиеся свидетельства, в основном косвенного характера, нередко противоречат друг другу. Все же в большинстве документов старшим братом называется Чезаре; с этим согласуется и упомянутая надгробная надпись, где в числе детей Джованны именно он упомянут первым.

А беспокойное правление Сикста IV вступило тем временем в новый этап: честолюбие и жадность папы ввергли в пучину войны чуть ли не всю Италию. Неизвестно, насколько далеко простирались его замыслы в целом, но, во всяком случае, они включали захват центральной области страны — Романьи; и вот войска под командованием Джулиано дела Ровере осадили Читта-ди-Кастелло. На помощь осажденным пришла Флоренция — дальновидный Лоренцо Медичи, хорошо знавший бывшего генерала ордена св. Франциска, понимал, что покорение Романьи станет лишь прологом к дальнейшим завоеваниям.

Папа решил подавить зло в зародыше, и к братьям Медичи были подсланы наемные убийцы. Но покушение не достигло поставленной цели: хотя пронзенный кинжалом Джулиано Медичи истек кровью, старший брат сумел отбиться и спастись, получив незначительные ранения. Теперь флорентийцы еще теснее сплотились вокруг Лоренцо Великолепного.

Оставался единственно возможный вариант действий — открытая война. Сикст IV наложил интердикт на непокорный город, и это послужило сигналом к общепитальянской сваре. Венеция и Милан встали на сторону флорентийцев — при этом, разумеется, каждый из городов сражался за собственные интересы, удовлетворить которые можно было лишь за счет соперников. После нескольких стычек в 1480 году стороны заключили перемирие, но через три месяца папа снова начал военные действия против Флоренции, и вся страна превратилась в бурлящий котел. Венеция сочла, что настал удобный момент для захвата новых владений на континенте, и, придравшись к ничтожному предлогу, объявила войну герцогу Феррар-

скому. К ней присоединились Генуя и мелкие княжества центральной Италии. Феррара оказалась зажатой врагами с востока и с запада, но Флоренция, Мантуя, Болонья и Неаполь, образовав мощную коалицию, двинулись к ней на помощь. Наемные отряды Венеции блокировали Феррару, надеясь, что голод быстро вынудит защитников города сдаться; на севере шли бои между войсками Генуи и Милана, а в центральной части страны папские гвардейцы отражали атаки неаполитанцев, пытавшихся пробиться на помощь осажденной Ферраре.

Сикст IV не ожидал такого развития событий. Стратегическая обстановка требовала немедленных действий, но вражда с Флоренцией уже отошла на второй план — главным противником отныне стала Венеция, усиления которой боялись решительно все. И если на западе взаимные притязания Генуи и Милана как-то уравнивали друг друга, то появление в восточной части нового анклава вокруг богатой и алчной купеческой республики не сулило покоя в будущем ни одному из итальянских государств, в том числе и Ватикану. Осознав это, Сикст заключил союз с Неаполитанским королевством, разрешив его войскам проход через Папскую область. Теперь продовольствие беспрепятственно доставлялось в Феррару с юга, и осада потеряла всякий смысл. Более разумный политик, вероятно, ограничился бы этим и подождал дальнейшего развития событий, но Сикст IV, увлекаемый своим темпераментом, проклял Венецию и призвал к походу против нее все итальянские государства. Котел забурился снова, и беспорядочные военные действия, не приносявшие уже никому никакой выгоды, продолжались до середины 1484 года — лишь к этому сроку, устав воевать, города заключили мир, и вражеские армии отошли от Феррары.

Мирный договор, подписанный в Баньоле в августе того же года, стал в буквальном смысле причиной смерти Сикста, умершего, как ни прискорбно это признавать, от злости. Ознакомившись со статьями Баньольского трактата, папа пришел в неопишуемую ярость, крича, что никогда не согласится со столь унижительными условиями. Его старое сердце не выдержало тяжести гнева, и на следующий день, двенадцатого августа 1484 года, Рим узнал о кончине Сикста IV.

Не подлежит сомнению, что духовный авторитет католической церкви сильно пострадал за время его правления. А вот политическое могущество Ватикана скорее возросло — этому способствовала воинственность бывшего

францисканца, а также обильные, хотя и небезгрешные, доходы, обогатившие при нем церковную казну. Имя Сикста IV, жадного, честолюбивого и безнадежно погрязшего в мирских заботах, оказалось увековеченным лишь благодаря постройке Сикстинской капеллы, над украшением которой потрудились лучшие живописцы Тосканы — АLESSАНДРО ФИЛИПЕПИ (Боттичелли), ПЬЕТРО ВАННУЧЧИ (Перуджино) и ДОМЕНИКО ДИ ТОММАЗО БИГОРДИ (Гирландайо). Но подлинно неповторимую красоту капелла приобрела уже позднее, при Юлии II — усилиями титанического гения Микеланджело.

А семья кардинала Борджа в начале восьмидесятых годов приносила своему неофициальному главе то радости, то горе. В 1481 году Ваноцца родила третьего сына — Жофре*; а полугодом позже умер двадцатидвухлетний Педро Луис, сын неизвестной женщины, уже помолвленный с принцессой Марией Арагонской. В январе 1482 года состоялась свадьба пятнадцатилетней Хироламы Борджа с Джованни Андреа Чезарини, отпрыском одного из знатнейших патрицианских родов Рима. Этот брак укрепил давнюю дружбу между двумя семействами, но молодым супругам суждено было трагически краткое счастье: оба скончались от неведомой болезни меньше чем через год.

Сведения о жизни Чезаре, относящиеся к тому же периоду, мы черпаем в основном из папских булл, предоставляющих маленькому Борджа одну синекуру¹⁴ за другой: в июле 1482 года ему пожалованы доходы с монастыря в Валенсии; в следующем месяце семилетний мальчик получает должности папского нотариуса и полномочия каноника Валенсии. В апреле 1484 года он назначен пробстом¹⁵ Альбы, в сентябре — казначеем картагенской церкви. Но юный Чезаре отнюдь не изнывал под гнетом такого множества ответственных должностей; он мирно и весело жил со своими братьями под материнским кровом, в доме на площади Пиццо-ди-Мерло.

Кардиналу Борджа шел пятьдесят третий год, и он находился в расцвете душевных сил, могущества и богатства. Отменное здоровье не изменяло ему во многом благодаря выработанной с юности привычке к простоте и умеренности... но только в пище; еда — это, пожалуй, единственная область, в которой вкусы кардинала совпадали с евангельскими заветами. Во всем остальном домашний быт Родриго

* Jofre — здесь приводится каталонское чтение имени.

де Борджа блистал королевской роскошью. Многочисленные доходные аббатства в Испании и Италии, три епископства (в Валенсии, Порту и Картахене), а также высшие церковные должности, включая вице-канцлерскую, — все это обеспечивало ему заслуженную репутацию одного из богатейших вельмож Рима. Рассказы о его драгоценной утвари, жемчугах и золотых безделушках, о его редкостной библиотеке передавались из уст в уста. Впрочем, библиотека служила предметом восхищения скорее гостей, чем самого хозяина, — кардинал обладал слишком деятельной натурой, чтобы уделять значительное время книгам. Вольтерра, встречавшийся с Борджа в 1486 году, отзывался о нем в одном из писем так: «...Это человек дальновидный и разносторонне одаренный; речь его изящна и занимательна для собеседника, ибо природный ум возмещает его преосвященству не очень глубокую начитанность. Свойственна ему также несравненная ловкость в обделывании всех затеянных дел...»

В тот год умер Джорджо делла Кроче. Ваночча недолго оставалась вдовой — уже через три месяца она обвенчалась с неким мантуанцем по имени Карло Канале. Бывший секретарь кардинала Гонзаги, он переселился в Рим после смерти своего господина.

Как видно из брачного договора, постаревшая любовница Родриго де Борджа была уже достаточно обеспеченной женщиной: помимо собственного дома, ей принадлежало цветущее поместье в Субурре и небольшая гостиница в Риме.

Второе замужество Джованны подвело окончательную черту под ее отношениями с кардиналом. С этого момента дети дона Родриго — Лукреция и Жофре — покинули материнский дом и переехали во дворец на Монте-Джордано: отныне синьора Адриана Орсини, вдова Лодовико Орсини и кума кардинала Борджа, должна была заняться их воспитанием. Им предстояло делить кров с сыном Адрианы — Орсо, недавно помолвленным с одной из прелестнейших девушек Италии — Джулией Фарнезе.

Красота Джулии снискала ей прозвище «La Bella»^{*}; все римляне восхищались ею. Впоследствии она послужила моделью для двух знаменитых художников. Кисть Пинтуриккьо запечатлела ее на полотне в образе «Мадонны в башне», а резец Гульельмо делла Порта — в мраморе,

* «Прекрасная» (ит.).

в виде аллегорической статуи Правды, на надгробии ее брата Алессандро Фарнезе (будущего папы Павла III). Джулия часто бывала в доме Адрианы Орсини, и здесь ее впервые увидел Родриго де Борджа. Никого из современников эта золотоволосая красавица не могла оставить равнодушным — и вот 56-летний кардинал влюбился в шестнадцатилетнюю девушку. Он умел желать и умел добиваться желаемого — сразу после свадьбы с молодым Орсини «Giulia la Bella» стала любовницей кардинала. Этим и объясняется стремительный взлет рода Фарнезе в конце XV века — влияние и поддержка всемогущего Борджа вскоре доставили кардинальский пурпур красивому и легкомысленному брату Джулии. Пройдут годы, и под именем Павла III он станет архипастырем католического мира; впрочем, надо заметить, что это послужит лишь славе его семьи, но отнюдь не славе церкви.

В 1490 году из детей Джованни де Катанеи в Риме жила только Лукреция. Джованни Борджа отбыл в Испанию, где ему предстояло вступить во владение герцогством Гандия — наследством умершего Педро Луиса. А пятнадцатилетний Чезаре изучал древние языки и ораторское искусство в университете Перуджи, причем, если верить восторженным отзывам Паоло Помпилио, уже тогда выделялся столь выдающиеся способности, что окружающие называли его красой и надеждой рода Борджа. Через год он продолжил обучение в Пизанском университете. Выскородного студента всюду сопровождал испанский дворянин Джованни (Хуан) Бера; впоследствии дон Родриго доставит кардинальский сан и ему, в благодарность за заботу о сыне.

Чезаре, конечно, готовили к духовной карьере, и знаменитейшие профессора Италии посвящали его во все тонкости канонического права. Он вел блестящую жизнь, но учился прилежно. Впрочем, наградой за академические успехи для него были не надежды на признание в будущем, как у других студентов, а вещи куда более реальные и внушительные: еще слушая лекции в Пизе, Чезаре узнал о новых должностях, добытых ему отцом: генерального нотариуса церкви и епископа Памплонского. Новоиспеченный семнадцатилетний епископ, с детства привыкший к золотому дождю сыпавшихся на него синекур, поблагодарил его преосвященство и вернулся к занятиям.

А что происходило в то время в Вечном городе? Как мы помним, Сикст IV скончался в 1484 году, а смерть папы, как бывало почти всегда, вызвала в Риме немалые беспо-

рядки. Толпа ворвалась во дворец Риарио и разграбила его; Джироламо, «племянник» — в действительности сын — покойного, вооружив своих сторонников и слуг, пробился к замку св. Ангела и засел там.

Отряды Орсини и Колонна обложили замок, и город захлестнула волна насилия, резни и мелких междоусобиц. Спешно собравшаяся Святейшая коллегия потребовала, чтобы Джироламо сдал захваченные укрепления, распустил свое войско и покинул Рим. Не желая навлекать на себя гнев будущего папы, кем бы он ни был, Риарио подчинился решению кардиналов, сдался и благополучно вернулся в Имолу.

Восстановив хотя бы видимость порядка в городе, коллегия приступила к голосованию, и большинство голосов получил кардинал Мольфеттский Джованни Баттиста Чибо, родом из Генуи; после интронизации он принял имя Иннокентия VIII. Разумеется, выборы и на этот раз не обошлись без подкупа. Так, арагонский кардинал, брат неаполитанского короля, и кардинал Асканио Сфорца, брат миланского герцога Лодовико, устроили нечто вроде аукциона, предлагая свои голоса тому кандидату, который раскошелится на большую сумму. Но сохранить торги в тайне не удалось — скандальное бесстыдство оборотистых прелатов вызвало бурю возмущения во всей Италии, став прологом недолгого и бесславного правления нового папы.

Иннокентий VIII, обладая всеми недостатками и пороками своего предшественника, не имел и тени яростной энергии Сикста IV. Вопросы собственного престижа, авторитета и власти церкви нисколько не волновали его, но отнюдь не из-за христианского смирения — просто жизненные интересы Иннокентия ограничивались слепым корыстолюбием и погоней за всеми видами удовольствий, какие только мог ему позволить преклонный возраст. Безудержный nepотизм генуэзца также превосходил все мыслимые рамки приличия, изумляя даже издававших виды римлян: он спешно наделял доходными местами своих сыновей — а было их семеро, не обращая внимания ни на церковные законы, ни на общественное мнение.

Торговля индульгенциями и званиями переживала небывалый взлет. При Иннокентии VIII можно было с одинаковой легкостью приобрести как сан кардинала, так и отпущение отцеубийства — лишь бы хватило денег. Не лучшие обстоятели дела и в судопроизводстве: продажность и равнодушие к закону пронизали сверху донизу всю пирамиду городской власти. Грабежи среди бела дня стали

обычным явлением, и каждое утро на улицах находили тела убитых. Преступников никто не искал, а если отряд стражи случайно оказывался свидетелем творящегося разбоя, то охотно удалялся, получив требуемую мзду. В тюрьму или в руки палача рисковали попасть лишь неудачники, еще не успевшие срезать чужой кошелёк. В общем, неудивительно, что Инфессура в своей хронике называет «благословенным» день смерти Иннокентия VIII, «избавивший мир от подлинного чудовища».

Этот день наступил в 1492 году. Папа окончательно одряхлел и уже не мог принимать никакой иной пищи, кроме... женского молока; несколько тщательно отобранных кормилиц старательно потчевали его святейшество. Вскоре у него начались припадки — видимо, каталептические, — во время которых Иннокентий подолгу не подавал признаков жизни, и это не раз вводило в заблуждение придворных. Инфессура приводит жуткую историю, не подтвержденную, впрочем, другими источниками, так что нельзя поручиться за ее достоверность: будто некий врач-еврей явился в Ватикан и утверждал, что обладает чудодейственным рецептом, могущим восстановить здоровье и силы папы. Предложенный им способ омоложения заключался в переливании крови. Не брезговавший ничем Иннокентий VIII согласился на эту процедуру, явно предосудительную с христианской точки зрения и совершенно безнадежную — с медицинской: люди XV века не имели понятия даже о системе кровообращения, не говоря уже о группах крови. В качестве доноров были выбраны трое двенадцатилетних мальчиков, каждый из которых получил по золотому дукату. Как ни удивительно, у Иннокентия, пожалуй, имелась возможность войти в историю под именем папы-мученика: его шансы остаться в живых во время трансфузии равнялись нулю, и он стал бы первым и единственным папой, принявшим смерть от руки врага веры Христовой. Но все кончилось гораздо печальнее — видимо, лекарь переоценил свои способности, и несчастные дети умерли от потери крови. Узнав об этом, папа ужаснулся и приказал схватить злодея и предать суду, но тому удалось скрыться. «*Judeus quidem aufugit, et Papa sanatus non est*»*, — так заключает Инфессура свое повествование.

Иннокентий VIII скончался двадцать пятого июля 1492 года.

* «Иудей, конечно, сбежал, и папа остался неизлеченным» (лат.).

АЛЕКСАНДР VI

Траур по случаю кончины Иннокентия VIII продолжался, как и предписывалось, девять дней и завершился пятого августа 1492 года. Теперь Святейшей коллегии вновь предстояла нелегкая задача — выбрать достойнейшего из своей среды.

Конклав включал тогда 27 кардиналов, но четверо из них не смогли прибыть в Рим — их епископства находились на окраинах католического мира. Шестого августа прелаты собрались на заключительную заупокойную мессу; епископ-кардинал Джулиано делла Ровере произнес традиционную проповедь «*Proeligendo Pontifice*»^{*}

Затем, присягнув на Евангелии в неизменности однажды сделанного выбора, они перешли в зал для голосования, двери которого, по старинному обычаю, замуровали — каменная кладка разбирается лишь после объявления имени нового папы.

Предположения и слухи о вероятных кандидатах на католический трон уже несколько дней волновали воображение римлян. Поговаривали, что наибольшие шансы на избрание имеют двое: неаполитанец Оливьеро Караффа и его соперник, лиссабонский кардинал Джорджо Коста. Исход голосования затрагивал интересы многих европейских держав, и в донесении моденского посла Кавальери упоминается о кругленькой сумме в 200 000 дукатов — эти деньги, переведенные одному римскому банкиру королем Франции, должны были обеспечить победу Джулиано делла Ровере, на него же сделала ставку Генуя, добавившая к французскому золоту еще 100 000 дукатов¹⁶.

Большое трех суток шло совещание, и вот утром одиннадцатого августа, неожиданно для всех, как гром среди ясного неба, разнеслась весть: римский папа — Родриго Борджа. Особенно удивительным казалось единогласие, проявленное конклавом. В своем послании к Совету восьми — флорентийской Синьории — Валори подчеркивает, что избрание Александра VI произошло после жарких споров, но против не было подано ни одного голоса. Последнее обстоятельство дружно игнорируется всеми

^{*} «Усопшему владыке» (лат.).

историками, а между тем оно заслуживает внимания, поскольку позволяет взглянуть на Родриго глазами его современников.

Кардинал Борджа, безусловно, был очень богат. Но трудно допустить, что его личные средства превосходили объединенное финансовое могущество Французского королевства и Генуи, так что «встречный подкуп» колеблющихся членов конклава маловероятен. Чем же в таком случае объяснить единодушие кардиналов, остановивших выбор на человеке, которого впоследствии обвинят во всех смертных грехах? Единственно возможный ответ очень прост: Родриго де Борджа наряду с несомненными пороками и недостатками обладал и достоинствами, достаточно яркими, чтобы обеспечить ему уважение остальных итальянских иерархов.

Большинство писателей, прошлых и современных, трактовали эти выборы как заведомую серию циничных сделок; ничем иным, по их мнению, не может быть объяснен приход к верховной власти столь отъявленного негодяя, как Борджа. Мы уже видели, как обстояли дела в смысле возможности подкупа, хотя, конечно, полностью исключать всякое участие золота в событиях одиннадцатого августа не следует; сказочное богатство и щедрость пресвященного Родриго, а также «свойственная ему непостижимая ловкость» — факты столь же общеизвестные и достоверные, как и откровенная продажность многих его «коллег», также облаченных в пурпур. Но был ли Борджа негодяем, верно ли утверждение, что «никогда на престоле св. Петра не находился человек худший, чем он»?

Оправдать подобные заявления можно только невежеством их авторов. Ни один исследователь, изучивший историю папства, не может с чистой совестью утверждать, что Александр VI по своим личным, человеческим качествам был хуже взбалмошного, алчного и сварливого Сикста IV или ничтожного Иннокентия VIII. Как и они, Борджа отнюдь не увлекался пастырской деятельностью, но зато в отличие от своих предшественников проявил несомненный ум и способности политика.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня кажется противоестественным, что первосвященнические обязанности были возложены на человека корыстного, аморального и, в сущности, совершенно нерелигиозного. Однако воздержимся от искушения обратить вспять этические нормы современности. Борджа, будучи гораздо одареннее других кардиналов и пап XV века, не возвышался над средним нрав-

ственным уровнем людей своего круга, но вряд ли это нужно ставить ему в вину.

Папство эпохи Возрождения — исторический феномен, почти не имевший аналогии. Считаясь наместником Христа на Земле, римский папа был в то же время государем, и его вооруженные силы использовались в столь же мирских целях, как и армии светских владык. Такое положение вещей, в корне противоречащее духу и букве Евангелия, не могло не наложить отпечаток фальши и двусмысленности как на деятельность пап, так и на их образ мыслей. Искреннее служение Богу несовместимо даже с дипломатией, тем более — с военной деятельностью. А преемники св. Петра вспоминали о духовном значении церкви и своем архипастырском достоинстве лишь в те минуты, когда требовалось добиться уступки или покорности от какого-нибудь европейского венценосца. Лишь мощная волна Реформации, ставшая смертельной угрозой для полновласти католической церкви, отрезвила римских первосвященников. Можно сказать, что именно великое сражение за умы и сердца христианского мира, разгоревшееся в XVI веке, стало причиной нравственного возрождения католицизма. Но до начала этих событий оставалось еще почти полвека. Пока что, не подвергаясь систематической и нелицеприятной критике, князья церкви без зазрения совести пользовались в личных целях своим исключительным положением. Немаловажно и следующее обстоятельство: многие из них принимали слишком уж всерьез догмат о собственной непогрешимости. А поскольку церковное государство рассматривалось как прообраз Царства Божьего на Земле, то стремление пап расширить его пределы получало солидное теологическое обоснование.

Сын своего времени, Александр VI думал и действовал в соответствии с традицией и живыми примерами. Но, будучи умнее и последовательнее большинства своих предшественников, он сумел вплотную приблизиться к не достигнутому никем из них идеалу — созданию мощного теократического государства, управляемого единой династией. Родриго Борджа и его сын Чезаре пугали соперников не жестокостью и вероломством, а силой, решимостью и удачливостью. Именно зависть и ненависть, порожденные этим страхом, вдохновляли историографов, создавших впоследствии эпопею злодеяний Борджа. Теми же причинами объясняется тенденциозность, а зачастую и недостоверность в изложении многих исторических эпизодов, сопутствующих избранию Александра VI.

Так, Виллари, заметив, что «весть о его избрании звала уныние во всей Италии», приводит в качестве одного из самых ярких и известных примеров рассказ о неаполитанском короле Ферранте, который, узнав об интронизации Борджа, не смог удержать слез, «хотя прежде ничто, даже смерть собственных детей, не повергало его в столь глубокую скорбь». Возникает действительно возвышенная картина: богобоязненная, благочестивая душа, пораженная горем и ужасом при виде воплощенного порока, взявшего бразды правления церковью; благородный король, оплакивающий кончину всех христианских надежд. Но прежде чем вместе с хронистом умиляться этой трогательной историей, попытаемся задать вопрос: что еще нам известно о короле Ферранте?

Оказывается, главной чертой характера неаполитанского монарха была жестокость, граничащая с патологией. Достаточно привести лишь одну деталь — ее упоминает Джовио в «Истории моего времени». Королю доставлял особое удовольствие вид поверженного врага — удовольствие столь острое, что его хотелось продлить. И вот трупы политических и иных противников Ферранте, казненных, замученных или умерших в темнице, набальзамированные придворными медиками, доставлялись во дворец. У короля скопилась целая коллекция таких музеев. Одеты в их собственную одежду, они хранились в одной из дворцовых зал, и ничто не радовало Ферранте сильнее, чем созерцание этой галереи.

Таким был человек, оплакивавший избрание Борджа. Король Неаполя враждовал с миланским герцогом Лодовико Сфорца (о причинах этого конфликта будет сказано в следующей главе), и у него теперь имелись веские основания для огорчения — семейства Борджа и Сфорца связывали не только дружеские, но и родственные узы. Кроме того, Ферранте активно пытался помешать избранию столь нежелательного для него кандидата, и это не составляло секрета в Риме. В общем, ярость и страх, охватившие короля, когда он узнал, что высший престол католического мира занят другом его врагов, вполне объяснимы. Король мог заплакать. Но... произошло ли это в действительности?

Читаем «Историю Италии» Гвиччардини: «Известно, что король Неаполя, узнав об этом, пришел к королеве, своей супруге, со слезами на глазах, чего не бывало с ним до тех пор никогда, даже в минуту смерти его ребенка, и сказал, что избран папа, который станет погибелью его страны и всего христианства». Значит, августейшие слезы

проливались в ходе супружеской беседы, и если они стали достоянием гласности, то лишь со слов королевы. Таким образом, мы имеем дело — в лучшем случае — с показаниями только одного, и далеко не беспристрастного, свидетеля. Тем не менее слезы Ферранте кристаллизовались на скрижалях истории, и этот пример типичен.

Столь же сомнительным представляется утверждение Виллари о всеобщем унынии, охватившем Италию после избрания Борджа.

Позволительно спросить, какие города и в какой форме проявили свою скорбь, дав основания для подобного вывода? Ни Виллари, ни Гвиччардини не вдаются в подробности, но зато мы располагаем текстами приветствий и поздравлений, с которыми обратились к новоизбранному папе послы городов в Риме.

Миланцы явно не имели повода для недовольства — кардинал Асканио Сфорца, брат герцога Лодовико, был одним из горячих сторонников Родриго Борджа и немало способствовал его победе, отмеченной в Милане многодневным праздником.

Флорентийцы? Тоже нет. Медичи относились к Борджа весьма дружелюбно и приветствовали решение конклава, а посол Феррары писал из Флоренции, что «это будет, как говорят здесь, великолепный папа».

По мнению Венеции, «невозможно было бы найти лучшего пастыря для Святой церкви», выказавшего себя столь «опытным и мудрым предводителем в годы пребывания кардиналом».

Приветствие Генуи звучало, правда, несколько двусмысленно: «Заслуга его — не в самом избрании, а в том, что столь многие желали этого события».

Мантуя объявила, что «давно уже понтификат не доставался человеку, чей ум и любовь к справедливости снискали бы ему в предшествующие годы такую известность».

Сиена выразила радость по поводу избрания «папы, получившего тиару лишь благодаря своим заслугам и достоинствам». В том же духе откликнулись на это событие посланцы Лукки.

Конечно, не стоит преувеличивать искренность приведенных поздравлений, но вместе с тем было бы ошибкой объяснять их исключительно желанием польстить новому папе, кем бы он ни был. Мы уже видели, что независимые итальянские города отнюдь не испытывали благоговейного трепета перед Святейшим престолом и вполне могли позволить себе хотя бы большую сдержанность в выражении

чувств, будь избрание Борджа настолько огорчительным сюрпризом, как повествуют Виллари и Гвиччардини.

В действительности все обстояло наоборот. Интронизация Александра VI вызвала в Италии не скорбь, а радость. И для этого имелись основания. В самом деле: кардинал Борджа славился умом и «ловкостью в обделывании затеянных им дел», его богатства были неисчислимы, щедрость — общеизвестна. Он принадлежал к одному из знатнейших родов Южной Европы и пользовался огромным влиянием. Все это позволяло надеяться на блестящий понтификат, не омраченный безрассудной жадностью и непредсказуемыми порывами человека, непривычного к высокому положению и власти. Родриго де Борджа отнюдь не был святым, но никто и не предъявлял такого требования в качестве критерия пригодности нового папы.

Правда, остаются еще обвинения в подкупе. Они начались сразу же после избрания и повторялись на протяжении четырех столетий. Вполне возможно, что Родриго в этом отношении не отступил от традиции доброго десятка своих предшественников, но предыстория выборов и их результат свидетельствуют о важном обстоятельстве: даже если деньги и повлияли на решение конклава, они не стали решающим фактором. Не золото сделало кардинала Сан-Никколо Александром VI. А уж если искать своекорыстные мотивы в действиях отцов римской церкви, то более вероятным, чем прямой подкуп, кажется следующее соображение.

Люди средневековья жили в сословном обществе, где власть денег была велика, но не безгранична, как это имеет место при демократии. Высокое положение, даруемое титулом, званием или саном, ценилось больше, чем мы можем себе представить. А избрание Борджа сразу же делало вакантными несколько важнейших — и очень доходных — церковных постов, начиная с вице-канцлерского. Кардиналы, сумевшие заблаговременно снискать расположение нового папы, не без основания рассчитывали, что львиная доля этого «наследства» достанется им. И можно быть уверенным, что епископства в Валенсии и на Майорке, в Порту и Картахене, не говоря о многочисленных монастырях, аббатствах и деканатах — все их возглавлял Борджа, — являлись куда более соблазнительной приманкой, чем просто деньги, даже очень большие.

...В тот день более семисот духовных лиц различного ранга двигалось в торжественной процессии к собору св. Петра. За ними служители вели под уздцы двенадцать

белоснежных коней в золотой сбруе. Яркое августовское солнце дробилось на тысячи лучей на сверкающих доспехах и оружии ватиканской стражи, папских гвардейцев и знатнейших римских всадников, удостоившихся участия в церемонии. На ступенях собора кардинал-архидиакон Франческо Пикколомини возложил тиару на склоненную голову Родриго де Борджа, и звуки труб возвестили «городу и миру» о вступлении нового владыки на Святейший престол.

Папе подвели коня, и он проследовал в Ватикан — уже верхом, как подобает хозяину Рима, благословляя народ, запрудивший улицы и площади по пути процессии. Это был, конечно, самый счастливый день дона Родриго — сбылись его честолюбивые замыслы, и цель, к которой он шел больше тридцати лет, была достигнута: ликующие толпы приветствуют его, законно избранного папу Александра VI. Он немолод, но полон сил, планов и замыслов и сквозь дождь цветов едет к своему трону. Ветерок играет яркими шелковыми штандартами. Скрещенные ключи — эмблема Ватикана, напоминающая всем добрым католикам о власти, данной преемникам св. Петра ¹⁷, — чередуются на них с пасущимся быком — родовым гербом Борджа.

И друзья, и враги видели перст Божий в символике этого герба применительно к Александру VI. Если для одних бык олицетворял силу и величие нового папы, то другие на все лады обыгрывали тему бычьей плодовитости, и соответствующие песенки вскоре зазвучали на римских перекрестках. Неудивительно, что прозвище «Бык» с тех пор закрепилось за Александром, сперва в устной речи, а впоследствии — и в рукописных копиях многочисленных памфлетов.

Глава 4

СОЮЗЫ БОРДЖА

Восемнадцатилетний Чезаре находился в Пизе в тот день, когда его отец занял трон св. Петра. Учитывая горячую любовь Александра VI к своим детям, кажется странным, что он не пригласил старшего сына на римские торжества. Высказывалось мнение, что присутствие Чезаре могло бы стать поводом для нежелательных толков, принижающим достоинство нового папы, но скорее всего

историки и в этом случае ошибаются, приписывая людям прошлого собственные взгляды. Итальянцы XV века настолько привыкли к первосвященникам, обремененным многочисленным потомством, что участие Чезаре Борджа в праздничной процессии не удивило бы никого. К тому же Лукреция и Жофре тогда еще жили в Риме, и Александр VI, видимо, считал, что присутствие детей на интронизации ни в малейшей степени не может его скомпрометировать.

Как бы то ни было, Чезаре продолжал занятия, покинув Пизу лишь через месяц — отец назначил его комендантом замка Сполето, города на полдороге между Римом и Перуджей. Оттуда он послал письмо Пьеро де Медичи во Флоренцию — факт сам по себе незначительный, но интересный в связи с установившимся мнением о личной вражде между Чезаре и флорентийскими правителями.

Гвиччардини сообщает, что Борджа, еще находясь в Пизе, обратился к Пьеро с просьбой о посредничестве в некой криминальной истории, в которую был замешан один из его друзей. Специально приехав во Флоренцию, Чезаре — по словам историка — несколько часов безуспешно дожидался аудиенции во дворце Медичи и наконец вынужден был ни с чем вернуться обратно, немало уязвленный таким пренебрежением.

Трудно сказать, как возникла такая версия, но ясно одно — она не имеет ничего общего с действительностью. В упомянутом письме Чезаре приносит свои извинения в связи с тем, что из-за крайней спешки не посетил Пьеро, проезжая через Флоренцию в Сполето. Загадочная, темная история — тоже миф; в письме содержится просьба оказать содействие некоему Ремолино, желающему получить должность на кафедре канонического права в Пизанском университете (а не избежать суда, как уверяет Гвиччардини). В этом-то деле Борджа и просит дружеской поддержки Пьеро де Медичи. Судя по всему, желаемая услуга была незамедлительно оказана — уже в следующем году назначенный Ремолино числится полноправным (то есть штатным) лектором канонического права, как явствует из «Истории Пизанской академии» Фаброниса.

Письмо показывает, что семнадцатилетний юноша уже вполне сознавал свое исключительное положение в обществе. Весь стиль, выражения и подпись — «Ваш брат, Чезаре де Борджа, избранник Валенсийский» — соответствует тону, принятому в переписке коронованных особ. Своеобразный титул Чезаре объясняется тем, что он уже получил

от Александра VI сан архиепископа Валенсии — должность, приносившая 16 000 дукатов годового дохода — и готовился принять герцогское достоинство.

А папа в Риме между тем не знал покоя. Первое, на что он обратил внимание, было наведение порядка в городе. Преступность за годы правления Иннокентия VIII достигла, как уже говорилось, неслыханных масштабов и еще более усилилась за краткий промежуток междоусобицы. В августе 1492 года ежедневно около двухсот римлян погибало насильственной смертью — в десять раз больше, чем в спокойные годы. Перед организованными бандами наемных убийц и вольнопрактикующих грабителей трепетали не только мирные горожане, но и отряды стражников.

Александр VI быстро и решительно изменил положение — он не собирался делить власть над Римом с кем бы то ни было. Не прошло и недели, как главари бандитов — их имена не составляли тайны — уже качались на виселицах; укрепленные притоны были взяты штурмом и разгромлены. Сменив наиболее продажных судей, папа ввел новые муниципальные должности — тюремных инспекторов и комиссаров, которым поручалось наблюдение за охраной спокойствия на городских улицах. Кроме того, каждый четверг Александр VI лично принимал посетителей, чьи споры или жалобы не могли быть решены обычным судом.

Правопорядок в Риме был восстановлен, но куда сложнее обстояли дела в области внешней политики. Тучи войны вновь начали заволакивать итальянское небо, и надлежало всерьез позаботиться об устойчивости папского трона. Главная угроза для мира на Апеннинском полуострове исходила на этот раз из Милана, от Лодовико Мария Сфорца по прозвищу «иль Моро»¹⁸, занимавшего престол в качестве регента при своем племяннике, молодом герцоге Джане Галеаццо. Отстранив от правления мать юноши, Лодовико поместил — вернее сказать, заточил — его в крепость Павию; ради соблюдения приличий это объяснялось заботой о безопасности принца. Вместе с Джаном почетное заключение разделяла его юная жена, Изабелла Арагонская, дочь герцога Калабрийского, наследника Неаполитанского королевства (сына короля Ферранте). Молодая чета не доставляла узурпатору особых хлопот, пока у них не родился сын. Родительская любовь и гордость заставили Изабеллу забыть об осторожности, и в Неаполь полетело письмо — внучка умоляла старого короля защитить законные права ее сына на миланский трон. Для Ферранте не могло быть, конечно, более выгодной ситуации,

чем воцарение в Милане Изабеллы и ее мужа — и притом благодаря прямому вмешательству короля. В этом случае интересы Неаполя на севере страны получили бы прочную и постоянную поддержку. Вопрос заключался в другом — хватит ли у него средств, чтобы тем или иным путем устранить Лодовико Сфорца. Так обстояли дела к моменту интронизации Александра VI. К миланской проблеме, омрачавшей отношения между Римом и Неаполем, вскоре добавились новые трудности.

Франческетто Чибо, сын Иннокентия VIII, в свое время получил в удел от отца два богатых лена — Серветри и Ангуиллару. Почувствовав себя в стесненных обстоятельствах и к тому же понимая, что ему не удержать столь крупной добычи, Франческетто решил продать землю. Покупатель нашелся быстро — мессер Джентиле, глава могущественного рода Орсини. В начале сентября 1492 года в Риме, во дворце кардинала Джулиано делла Ровере, стороны подписали договор, согласно которому Орсини получал обе области за 40 000 дукатов. Деньги ему ссудил король Ферранте — ведь Орсини были его вассалами.

Эта сделка уже непосредственно затрагивала интересы Ватикана, поскольку лены, отданные Иннокентием сыну, принадлежали церкви. Александр VI, разумеется, не мог допустить отчуждения церковных земель — он считал их своими, как, впрочем, и все его предшественники. И папа объявил купчую незаконной.

Удостоверившись, что в костер разногласий между папой и королем легло новое крупное полено, Лодовико начал действовать. О том, чтобы избавиться от венценосных пленников в Павии, пока не могло быть и речи — известие об их убийстве или смерти вызвало бы немедленную войну, а Лодовико прекрасно понимал, что силы Неаполитанского королевства превосходят его собственные ресурсы. Требовалось поскорее найти союзников.

При первой же встрече с венецианским послом Сфорца в доверительной беседе дал ему понять, насколько сочувствует несчастной республике, чьим владениям вскоре грозит близкое соседство с армией неаполитанского испанца. А ведь этого не избежать — путь к Милану открыт, и Ферранте лишь ждет предлога, чтобы силой оружия посадить на трон безвольную куклу Галеаццо. Грустная озабоченность звучала в голосе герцога, и весь его облик свидетельствовал о готовности твердо и с достоинством принять неизбежный удар судьбы — потерю власти, изгнание или заключение в крепость.

Лодовико Моро был, бесспорно, одним из талантливейших лицедеев своего времени. В данном случае ему удалось провести даже венецианцев, славившихся коварством во всей Европе. Посол, уверенный в искренности герцога, отправил тревожное донесение дожу, и поскольку аргументы миланца выглядели весьма убедительно, оба города поспешно заключили союз. Как почти всегда бывало в средневековой Италии, образование блока вызвало цепную реакцию — Мантуя, Феррара и Сиена присоединились к союзникам, чтобы впоследствии не оказаться их добычей. В итоге на севере страны сформировалась мощная лига, и теперь королю Ферранте надо было дважды подумать, прежде чем начинать войну с Миланом. Первый этап дипломатии Сфорца увенчался блестящим успехом.

Видимо, все эти события осушили королевские слезы, воспетые Гвиччардини, и Ферранте решил попытаться наладить отношения с Ватиканом. В декабре 1492 года в Рим прибыл принц Альтамурский, средний сын короля. Он поверг к стопам святейшего отца заверения в почтительной преданности Неаполя и умолял о содействии в важном и щекотливом деле. Речь шла о том, чтобы отказать венгерскому королю в праве на развод с донной Леонорой, дочерью Ферранте.

В Риме принц остановился у кардинала Джулиано делла Ровере, где нашел самый дружественный прием. Как мы помним, даже поддержка Франции не принесла кардиналу победы на выборах — тиара досталась Борджа. Глубоко уязвленный позорным провалом, делла Ровере обратил на Александра VI всю ненависть, на какую была способна его страстная, неукротимая натура. Эта ненависть стала лейтмотивом его поведения на долгие годы, заставляя искать могущественных друзей и союзников, помогать в сделке Чибо и Орсини, ободрять и поддерживать Ферранте — словом, использовать любые возможности, чтобы ослабить позиции папы и в конце концов добиться его низвержения.

Между тем Александр VI сообщил принцу, что вопрос о разводе венгерского короля будет рассмотрен тщательнейшим образом. Одновременно он упомянул о мелком недоразумении, все еще омрачающем отношения Рима с Неаполем и связанном с незаконной продажей двух ленов, принадлежащих святой церкви. Затем, благословив принца, папа пожелал ему счастливого пути домой.

Таким образом, его хитроумное святейшество выдвинул на первый план интересы собственного государства

и вместе с тем сохранил за собой свободу маневра, чтобы решить, на чьей стороне выступит церковь в назревающей борьбе Неаполя с Северной лигой. Узнав об исходе переговоров, кардинал делла Ровере удалился в свое родовое владение — крепость Остию, рассчитывая, что меч св. Павла проложит ему дорогу к ключам св. Петра. Он был уверен, что король, оскорбленный полученным ответом, немедленно двинет войска к границам церковного государства, где наверняка получит поддержку отрядов Орсини и Колонна. Борджа не сможет устоять под двойным ударом — извне и изнутри, и тогда кардинал присоединиться к нападающим.

Папа между тем принял необходимые меры предосторожности. Он приказал заново отремонтировать укрепления Ватикана и замка св. Ангела и разместил там постоянные гарнизоны. Во всех поездках Александра сопровождала многочисленная вооруженная охрана. Но в целом он не тревожился — ведь в Риме находился Асканио Сфорца, брат Лодовико и деятельнейший друг Борджа, не устававший напоминать его святейшеству о выгодах союза с Миланом и о том, как был бы счастлив «иль Моро», заручившись благословенной помощью главы церкви. Ферранте собирал войска, но папа сохранял, по крайней мере внешне, безмятежное благодушие, зная, что ему достаточно шевельнуть пальцем — и Северная лига городов встанет за его спиной.

Король же, напротив, не находил себе места от волнения, поскольку ход событий постоянно ускользал из-под его контроля. И вот в Неаполь пришла тревожная весть: Лодовико Сфорца предлагает святейшему отцу возглавить союз, об этом уже ведутся переговоры, и на них скорее всего будет достигнуто согласие. А пока в Риме объявлено о помолвке Лукреции Борджа с Джованни Сфорца, двоюродным братом «иль Моро», тираном Пезаро¹⁹.

Король в отчаянии отправил в Рим новое посольство. Пытаясь выбить клин клином, он предложил папе стать на сторону Неаполя, освятив своим авторитетом защиту правого дела — возвращение законному владельцу миланского престола, отнятого насилием и обманом. Скрепить договор должно было обручение двенадцатилетнего Жофре Борджа с внучкой короля — Лукрецией Арагонской.

Папа медлил и всячески уклонялся от прямого ответа. Пока послы томились в консистории, тщетно дожидаясь очередной аудиенции, он проводил время в хлопотах и разъездах, инспектируя войска и крепости. Наконец все

военные приготовления завершились, и двадцать пятого апреля 1493 года ошеломленные послы узнали новость: папа римский разорвал отношения с Неаполем и присоединился к Северной лиге.

Можно представить гнев и возмущение старого короля. Свои чувства он выразил в сохранившемся до наших дней письме к неаполитанскому послу в Испании.

«...Сей папа, — писал Ферранте, — ведет жизнь, имя которой — бесчестье, ибо он не испытывает никакого благоговения к собственному сану. Все его заботы направлены лишь на то, чтобы любыми средствами возвеличить своих детей. Ничто иное его не волнует, и с первых же дней понтификата он только то и делал, что возмущал мир и спокойствие в стране. На улицах Рима уже не видно священников — повсюду солдаты, и даже при торжественных выездах его святейшество окружает отряд вооруженных швейцарцев. В мыслях у него не благочестие, а война, и он думает лишь о том, как бы досадить Нам. Этот папа не упускает ни единой возможности причинить Нам вред, ободряя наших противников, вдохновляя на новые заговоры мятежных князей и охотно объединяясь с любым негодяем в Италии — лишь бы тот являлся нашим заведомым врагом. Он действует с прирожденной хитростью и лукавством, добывая деньги для своих постыдных козней продажей отпущений и церковных постов...»

Многие оценки здесь небезосновательны, хотя король, конечно, преувеличивал степень злонамеренности Александра VI. Но пристрастность Ферранте легко объяснима — ведь речь идет о человеке, отвергнувшем его дружбу и примкнувшем к враждебному лагерю. Не случаен и адресат. Неаполитанскому послу в Мадриде предстояло донести до слуха их католических величеств — Фердинанда и Изабеллы — гневные филиппики своего господина и тем побудить их к действиям против Рима. Родственные узы между династиями Кастилии и Арагона позволяли надеяться на успех.

Но, увы, — Ферранте выбрал для жалоб неудачный момент. В тот год вернулся из второго путешествия Христофор Колумб, открывший новые земли для испанской короны. Рассказы знаменитого генуэзца о чудесном, богатом мире, раскинувшимся за океаном, взволновали всю Европу. Возникла опасность начала бесконечной войны за новые колонии, и в этой ситуации резко возросла роль папы римского как верховного арбитра всего христианского мира. Только он мог создать прецедент законного введения коро-

ля во владение открытыми землями, и это отлично понимали в Мадриде.

Понимал это и Александр VI. Получив соответствующее прошение от испанского двора, он издал буллу, предоставлявшую Испании право владения любыми территориями, лежащими более чем на 100 миль к западу от Азорских островов и островов Зеленого Мыса. Большого Фердинанд и Изабелла не могли и желать. Отношения между Эскориалом и Ватиканом сразу же приобрели небывалую сердечность, и теперь любые происки Ферранте были обречены на провал. К вящей досаде короля, союз Рима с Миланом скрепила свадьба Лукреции Борджа с любезным и безвольным Джованни Сфорца.

Апология Лукреции — дело будущего, и это интереснейшая задача для беспристрастного историка. На страницах нашего повествования мы не сможем уделить ей должного внимания. Отметим лишь, что образ, созданный фантазией Гюго в одноименной трагедии, имеет очень мало общего с несчастной женщиной, с юности ставшей бессловесной разменной фигурой в большой политической игре, затеянной хитрым отцом и честолюбивым братом. Мы знаем, что ее смерть — Лукреция умерла при родах в возрасте 42 лет ²⁰ — оплакивали не только муж, но и народ Феррары, чью любовь она заслужила мягким нравом и милосердным правлением.

В дальнейшем мы будем говорить о ней лишь постольку, поскольку ее жизненный путь пересечется с судьбой Чезаре, и постараемся разобраться лишь в части небылиц, связанных с ее именем.

К моменту первого замужества Лукреции исполнилось 14 лет ²¹, что считалось нормой для невест средневековой Европы. Голубоглазая блондинка, она отличалась завидным здоровьем и красотой — семейными чертами Борджа. За плечами у нее были уже две помолвки с родовитыми испанскими дворянами — отец устроил их, а затем расторг. Жених, достойный дочери кардинала Борджа, уже не годился в зятья папе Александру VI; отныне в жилах будущего мужа Лукреции должна течь лишь княжеская или королевская кровь. Властелин Пезаро и Котиньолы удовлетворял этим требованиям — а также политическим планам Борджа на данном этапе — и получал золотоволосую девушку с тридцатью тысячами дукатов приданого.

Свадьбу отпраздновали двенадцатого июня 1493 года в Ватикане с богатством и роскошью, приличествующими положению невесты, прославленной щедрости Борджа

и рангу гостей. Вечером начался пир, на котором присутствовали многие кардиналы, послы городов Северной лиги и Франции, а также более двух сотен знатных римлян. Музыка и пение улаждали слух собравшихся; после ужина состоялся бал. Среди прочих увеселений была разыграна некая комедия. В хрониках нет определенных указаний на состав ее участников — то ли это был экспромт высокогородних дам и девиц (роли исполнялись женщинами), то ли выступление профессиональной труппы. Конечно, по нынешним меркам, Ватикан — не самое подходящее место для пиров и карнавалов, но... только по нынешним. В XVI веке веселье во дворце наместника Бога казалось почти столь же естественным, как и праздник в любом королевском замке. Однако в изложении позднейших историков свадьба Лукреции приобрела явно скандальные черты, главным образом из-за упомянутой злосчастной комедии.

Дело в том, что по завершении представления довольный папа велел наградить участниц. По его знаку слуги взяли полсотни серебряных блюд со сладким воздушным печеньем и преподнесли угощение артистам от имени отца всех верующих. Тем не оставалось ничего другого, кроме как подставить подолы платьев, куда и был высыпан лакомый дар. Последовали смех и беготня, но всякий, кто представлял себе одежду богатых женщин XV века, поймет, что ничего непристойного, даже по современным меркам, в этом зрелище не было. Вместе с тем, конечно, нельзя отрицать, что шутка вышла не самого лучшего тона видимо, подвыпивший дон Родриго де Борджа вспомнил молодость и славный город Сиену...

Инфессура, повествуя об этом эпизоде, не скупится на иронию. Изложив — опираясь на городские сплетни — историю с печеньем, он заключает ее саркастическим резюме: «Папа сделал это, конечно, к вящей славе всемогущего Господа и Римской церкви». Любопытно, что в версиях позднейших авторов появились новые пикантные подробности, связанные уже с недобросовестным переводом. Так, Ириарте перевел употребленное Инфессурой выражение «*sinist*» (подол) словом «*corsage*», и в результате возникла действительно умопомрачительная картина — несколько десятков дам, которым высыплют за корсаж по блюду печенья.

Инфессура добавляет, что «было там еще многое, о чем хотелось бы рассказать, но слухи эти столь невероятны, что я воздержусь от их передачи». Итак, историк опирается на слухи. А каковы были впечатления очевидца?

Перед нами письмо Джанандреа Боккаччо, посла, герцогу Феррарскому. Подробно описав церемонию венчания, подарки молодым, а также наиболее значительных гостей светского и духовного звания, он заканчивает донесение следующими словами: «...затем дамы танцевали, а в перерыве между танцами была представлена комедия, сопровождаемая музыкой и пением. Присутствовали папа и все прочие. Что еще мне остается упомянуть? Вздумай я перечислять все виденное на празднике, письмо не имело бы конца, а потому лишь скажу, что так, веселясь и развлекаясь, мы провели ночь, хорошо же это или дурно — предоставляю судить Вашей Светлости». Заметим, что хотя Боккаччо, по-видимому, не одобряет легкомысленного времяпровождения Александра VI, он явно не видел ничего необычного или шокирующего в самом празднике. Это подтверждается определением «*una degna commedia*» * в его письме.

Никаких упоминаний о присутствии Цезаре на свадьбе сестры нет, и остается предположить, что в тот день его не было в городе. Однако в начале 1493 года сын Александра VI находился в Риме. В письме, которое мы цитировали, Боккаччо описывает одну из случайных встреч с ним.

«...Я встретился с Цезаре позавчера в доме в Трастевере ²². Он собирался отправиться на охоту, а потому был в мирской одежде и вооружен. Некоторое время мы ехали вместе, беседуя друг с другом доверительно и без всякой натянутости. Суждения показались мне разумными и взвешенными, а внешность и нрав — приятными. Манеры и поведение молодого архиепископа Валенсии вполне изобличают в нем юношу княжеского рода, счастливо сочетааясь с дружелюбием и приветливостью. Он не выказывает особой склонности к духовным занятиям, но сан и место приносят ему более 16 000 дукатов год. Скромность же, с которой он держится, производит особенно выгодное для него впечатление по сравнению с герцогом Гандийским ²³, также не лишенным дарований».

Итак, новое поколение семейства Борджа стало выдвигаться на первый план политический жизни Италии. Здесь следует сделать небольшое отступление, касающееся положения внебрачных детей в те времена.

Как мы уже видели, ни Лукреция, ни ее братья не чувствовали себя ущемленными — ни в правовом, ни в нрав-

* Достоянная похвалы комедия (*ит.*).

ственном отношении — из-за того, что были незаконнорожденными. А между тем их можно считать «вдвойне незаконными» — как детей невенчаных родителей, чей отец к тому же дал торжественный обет безбрачия и чистой жизни. Нам, воспитанным в иной правовой традиции, кажется противоестественной легкость, с которой они получали герцогские титулы или высшие духовные звания. Но это лишь показывает нашу неспособность взглянуть на дело глазами людей прошлого.

Кровь, текущая в жилах человека, имела тогда несравненно большее значение, чем любая запись на бумаге или пергаменте. В XV—XVI веках сын благородного отца, кем бы ни была его мать, имел право на родовой герб и не мог быть исключен из числа наследников даже в тех случаях, когда речь шла о троне. И если фактически бастарды²⁴ пользовались несколько меньшим объемом прав, чем рожденные в браке, то это напоминало положение младших (независимо от возраста) братьев и сестер, но никак не изгоев. Так смотрели на них и родители, и окружающие. На страницах нашей повести мы уже не раз встречались с примерами подобного рода. Вспомним Франческетто Чибо, женатого на дочери гордого Лоренцо де Медичи; Джироламо Риарио и Катерину Сфорца — тот и другой были незаконнорожденными, что не помешало им получить верховную власть над Форли и Имолой; наконец, еще один незаконнорожденный отпрыск семейства Сфорца — Джованни, тиран Пезаро, стал мужем Лукреции.

Следует подчеркнуть, что Апеннинский полуостров не являлся в этом смысле каким-то исключением — во всей Западной Европе дело обстояло подобным образом. Признание прав единокровных «приблудков» очень расширяло состав знатных семей, позволяя их главам сплести чрезвычайно обширную сеть династических браков, являвшихся одним из важнейших орудий в политическом арсенале средневековья и Возрождения. Но, с другой стороны, обилие бастардов вносило путаницу в вопрос престолонаследия, а это нередко приводило к войнам.

Замужество Лукреции укрепило связь Рима с Миланом, чего и хотел Александр VI. Но дальновидный Лодовико не считал, что настало время почивать на лаврах. Герцог не питал иллюзий насчет своих союзников, прекрасно сознавая своекорыстные мотивы их действий. И Ватикан, и Северная лига поддерживали Сфорца не ради личной дружбы, а по тактическим соображениям. Пока что расстановка сил складывалась явно в пользу герцога, но равновесие

было неустойчивым. Только реальный разгром Неаполитанского королевства, сокрушительное военное — а не дипломатическое — поражение Ферранте могли избавить Лодовико Моро от постоянного страха потерять власть. И вот он приступил к осуществлению следующего этапа своих планов.

Италия уже не первый год притягивала взоры французского короля. Карл VIII, представитель Анжуйской династии, имел некоторые, хотя и довольно зыбкие, основания претендовать на неаполитанский трон. Изворотливый ум Лодовико Сфорца подсказал ему план: необходимо подтолкнуть французов к войне с Неаполем. Если герцогу удастся убедить Карла выступить с оружием в руках на защиту своих действительных или мнимых прав на юге Италии, то с господством Арагонского дома будет покончено, и на этот раз навсегда. Такой хитроумный план сделал бы честь любому политическому интригану, но Лодовико заглядывал еще дальше. Миланские владения отделены от Франции лишь легко преодолимой преградой древних Альп; Карл VIII честолюбив и отважен, а его армия — одна из лучших в Европе. Было бы крайне неразумно добиться низвержения Ферранте ценой роста французского могущества. И герцог задумал уничтожить сегодняшнего врага, обессилив при этом завтрашнего. Неаполю отводилась роль сыра в мышеловке. А когда победоносная, но измотанная и поредевшая в боях с неаполитанцами французская армия тронется в обратный путь, между нею и Альпами встанут войска Милана. Тогда и будет самое время побеседовать с Карлом Анжуйским, и едва ли тому доведется увидеть родину, не выполнив всех требований Сфорца.

При удачном осуществлении план сулил герцогу контроль над всей Италией, и он в строжайшей тайне отправил гонца в Париж.

Задача облегчалась характером того человека, которому отводилась главная роль. Карл VIII являл собой законченный тип короля-рыцаря — пылкого, смелого, но недальновидного. Воображение, рисовавшее ему подвиги и походы в духе Ричарда Львиное Сердце, постоянно толкало его на рискованные поступки, и миланцу, изо щренному в лабиринтах итальянской политики, не составило большого труда увлечь короля очередной авантюрой.

Итак, герцог послал Карлу письмо. Выразив поддержку законным и справедливым притязаниям Анжуйской династии на неаполитанский престол, он обещал французам свободный проход через миланские земли. Борьба с Фер-

ранте, вне всякого сомнения, превратится в триумфальное шествие Карла. Исход войны предreshен, и смешно думать, будто старый деспот сумеет оказать серьезное сопротивление непобедимым войскам французского короля. А утвердившись в Сицилии, можно будет начать широкомасштабные боевые действия против Османской империи, отобрать у турок Иерусалим, наконец возвратить гроб Господень христианскому миру и тем стяжать себе на все времена славу второго Карла Великого. Нечего и говорить, какой восторг вызвали эти фантастические перспективы в романтической душе французского короля. Он начал, не мешкая, готовиться к итальянской кампании.

А Лодовико Сфорца выжидал. Приманка сработала, но он понимал, что радоваться пока еще рано. Силы Неаполя велики — герцог знал это куда лучше, чем Карл. Неаполитанское королевство занимало тогда пол-Италии и было самым могущественным из государств Апеннинского полуострова. Нужны осторожность и точный расчет, чтобы уцелеть, сталкиваясь друг с другом врагов, каждый из которых намного сильнее тебя. Но Лодовико в полной мере обладал такими способностями и потому надеялся перехитрить всех. А одним из дополнительных достоинств его плана являлась реальная возможность немного пообломать рога грузному Быку — Александру VI, только что породнившемуся со Сфорца. Папская область лежит на пути в Неаполь, и армии Карла неминуемо предстояло пройти через нее. Из этого обстоятельства можно было извлечь определенную выгоду, что и собирался сделать герцог. Родня родней, но доверять испанцам не следует. Верный своему прозвищу, «иль Моро» не хотел упускать ни одной благоприятной возможности.

Скоро слухи о предстоящем вторжении французов поползли по Италии. Ферранте, кляня злую судьбу, смирил гордыню и снова отправил в Рим принца Альтамурского. Надо было любой ценой восстановить мир с Ватиканом и создать тем самым хоть какую-то преграду между Неаполитанским королевством и его врагами. Принц имел полномочия уладить вопрос со спорными землями, купленными Орсини вопреки воле его святейшества. Понимая, что терять уже нечего, Ферранте привел войска в боевую готовность — в случае провала мирных переговоров королевская армия сразу же выступила бы в поход на Рим. Но на этот раз папа не стал испытывать терпение Неаполя, и вскоре было достигнуто соглашение, по которому Джентиле Орсини до конца жизни сохранял за собой Сер-

вистри и Ангуиллару, а после его смерти оба лена возвращались во владение церкви. В качестве компенсации за временное отчуждение земель папское казначейство получало 40 000 дукатов — ту же цену, какую получил от Орсини, а фактически от короля Ферранте, Франческетто Чибо. Заключение мира между Неаполем и Ватиканом должен был скрепить брак Жофре Борджа с Санчей Арагонской, внебрачной дочерью наследника неаполитанского престола — герцога Калабрийского. Приданое дожны Санчи составляли два княжества — Скуиллаче и Кориате.

Этот пункт договора не вызвал никаких затруднений. Разногласия возникли лишь после того, как принц огласил последнее условие (подсказанное королю кардиналом делла Ровере): папа отстраняет от вице-канцлерской должности Асканио Сфорца и удаляет его из Рима. Пойти на такой шаг Александр не мог и не желал — это означало бы ссору с Миланом. Он предложил компромисс — кардинал Сфорца остается на прежнем месте, но при этом святейший отец прощает измену делла Ровере, возвращает ему свою милость и позволяет вернуться в Рим.

Принц Альтамурский согласился с таким вариантом, и в августе 1493 года высокие стороны подписали долгожданный договор. А уже на следующий день в Рим прибыл сьер Перон де Баски, посол французского короля, с приказом не допустить примирения Александра VI с Неаполем.

Трудно сказать, что предпринял бы его святейшество, появившись эмиссар Карла VIII на двое-трое суток раньше. Но теперь путь к отступлению был отрезан, и папа, избрав единственно достойный образ действий, передал послу, что не сможет его принять.

Узнав о провале миссии де Баски, разгневанный Карл созвал государственный совет, «на коем обсуждены были меры, направленные к смещению папы, а также реформа всей церкви». И надо заметить, что подобные приступы христианского рвения, желание избавить всех добрых католиков от плохого пастыря и заодно перестроить всю церковную систему впоследствии охватывали короля еще не один раз, неизменно следуя за его военными и политическими неудачами в Италии.

В преддверии войны папа поспешил принять меры к укреплению своих позиций в конклаве. В сентябре были объявлены имена двенадцати новых кардиналов, что почти наполовину увеличивало состав священной коллегии. В число новых прелатов вошел и Чезаре Борджа, девятнадцатилетний архиепископ Валенсии, а также его сверст-

ник Алессандро Фарнезе, брат прекрасной Джулии. Причина возвышения молодого Алессандро была настолько очевидна, что папе не без труда удалось облечь его в пурпур — далеко не все члены конклава сразу согласились с предложенной кандидатурой. В конце концов папа сумел переубедить строптивцев, но прозвище «Кардинал от юбки» надолго сохранилось за Алессандро. С этого момента начался восход звезды Фарнезе, в будущем им предстояло носить титул герцогов Пармских. Их род оборвется лишь через два с половиной столетия, но оборвется в зените — Изабелла, последняя из Фарнезе, чей жизненный путь завершился в 1758 году, умрет не герцогиней, а королевой Испании.

Книга вторая

БЫК НА ЛУГАХ

*Roma Bovem invenit tunc, cumf undatur aratro,
Et nunc lapsa suo est ecce renata Bove *.*

Глава 5

ВТОРЖЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ

Итак, мы видим девятнадцатилетнего Чезаре уже в красном облачении кардинала де Санта-Мария Нуова. Правда, сам он предпочитает называть себя по-прежнему кардиналом Валенсийским, и так же обычно именуют его и все окружающие. Это можно счесть определенной вольностью, хотя Борджа никак не самозванец — ведь он действительно возглавляет епархию Валенсии. Чезаре принял рукоположение, и вместо каштановых локонов на его голове появилась тонзура ²⁵. В октябре он сопровождает святого отца в поездке в Орвието, куда их обоих пригласил кардинал Фарнезе. В ту пору город переживал период упадка, но острый взгляд Александра VI сумел распознать его стратегическое значение. Орвието легко можно было превратить в крепость, в форпост, прикрывающий подступы к Риму, и папа приказал немедленно начинать строительные работы по возведению новых укреплений и починке стен. Чезаре остался там — для наблюдения за точным и быстрым исполнением воли его святейшества. Видимо, ему удалось завоевать доверие жителей, так как следующим летом в Ватикан явилась депутация из Орвието, которая обратилась к папе с просьбой назначить комендантом новой крепости кардинала Валенсийского, уважаемого и любимого всеми горожанами. Разумеется, довольный папа удовлетворил ходатайство.

К этому времени относится еще один эпизод созидательной деятельности Александра, ставший впоследствии основой лживого, но на удивление стойкого слуха. Все началось с того, что папа, соблюдая добрую традицию, задумал украсить Ватикан каким-нибудь новым зданием. Вско-

* Когда наставало время пахоты, Рим всегда находил себе быка. И вот ныне, в годину бедствий, Бык призван снова (лат.).

ре к небу поднялась величественная Башня Борджа, для внутренней отделки которой Александр пригласил в Рим Пинтуриккьо, Перуджино, Вольтеррано и Перуцци. И вот в своей книге «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Вазари сообщает нам, что на дверях одной из зал Пинтуриккьо изобразил Джулию Фарнезе в образе Девы Марии, а перед ней — коленопреклоненного Александра VI в полном облачении.

Этот анекдот столетиями вызывал смех, а то и возмущение благочестивых читателей. В самом деле, что можно сказать о папе римском, чье бесстыдство доходит до заказывания собственного портрета в обществе любовницы, тем более в форме столь кощунственного маскарада! Нам оставалось бы только разделить негодование критиков и обвинителей Борджа, если бы не одно обстоятельство: картины означенного содержания нет и никогда не было.

В действительности речь идет о двух разных картинах — правда, обе они созданы Пинтуриккьо. На одной из них мы и впрямь видим Мадонну, наделенную прелестными чертами Джулии Фарнезе, но едва ли кому-нибудь придет в голову осуждать художника за недостаточное внимание к нравственности его модели. А на другой картине, находящейся, кстати, в ином помещении, изображен папа, склонившийся перед Воскресшим Христом. Небрежность, неосведомленность или злой умысел соединили оба изображения в одно, и можно лишь удивляться, насколько живучей оказалась ложь — освященная авторитетом Вазари, она до сих пор кочует из книги в книгу.

А теперь вернемся в Неаполь, к королю Ферранте. Он по-прежнему страдал от мучительной неизвестности, гадая, какой новый сюрприз приготовили его враги. Все могло измениться; папа еще не прислал в Неаполь своего сына Жофре и вполне способен расторгнуть помолвку, если сочтет это выгодным. Коварный и безжалостный противник, Черный Сфорца, продолжает плести паутину в Милане. А хищный французский волк того и гляди покинет логово и перевалит через Альпы. Что будет завтра?

В тоске король стал подумывать даже о таком безнадежном в политике деле, как примирение с врагом. Сохранились свидетельства о намерении Ферранте лично отправиться в Милан, принять все требования Лодовико, попытаться усовестить узурпатора и смягчить его сердце.

Но старому королю не суждено было выпить до дна чашу унижения. Пришла тревожная весть: неаполитанские послы высланы из Франции.

Этот удар добил несчастного короля, и он скоропостижно скончался двадцать пятого января 1494 года, в горестном предчувствии скорой гибели, надвигающейся на его род и страну.

А война все близилась. Смерть Ферранте подстегнула Карла VIII. В марте он принял титул короля Сицилии и направил уведомление об этом святейшему престолу, требуя от папы официального коронования: за услугу «христианнейший король»²⁶ предлагал ежегодно вносить в папскую казну несколько десятков тысяч ливров²⁷.

Александру VI предстоял сложный выбор, но он вышел из положения с честью. Возможно, папа рассудил, что враг за Альпами все же менее опасен, чем враг у самых границ церковного государства. Но не обязательно объяснять его решение только политическими соображениями — очень может быть, что он поступил так, как считал справедливым. Во всяком случае, папа отказался короновать Карла.

Консистория превратилась в арену ожесточенных дипломатических баталий. Перон де Баски, не жалея сил и не скупясь на обещания, старался уговорить его святейшество. Посла деятельно — и небескорыстно — поддерживала профранцузская партия в конклаве — кардиналы Сансеверино, Колонна и Савелли. К ним присоединился и Асканио Сфорца, выступавший в данном случае защитником интересов брата. Но зачинщиком и вдохновителем раскола в коллегии был, разумеется, не кто иной, как кардинал делла Ровере, никого не простивший и ничему не научившийся.

Ободренный присутствием столь влиятельных союзников, Перон де Баски заговорил уже в иной тональности, решив испробовать кнут, а не пряник. Во время очередной встречи он заявил Александру, что королю Франции не составит большого труда убрать с должности несговорчивого папу. Это была ошибка — трусость не входила в число пороков Родриго де Борджа. Обнаглевшему послу предложили немедленно покинуть Рим, и он, кипя досадой и негодованием, подчинился приказу.

Узнав об этом, Джулиано делла Ровере пришел к выводу о необходимости переменить климат. Продолжать испытывать долготерпение Быка было бы явно неразумно, да и грешно. Делла Ровере отряхнул с ног своих римскую пыль и, поспешно добравшись до Остии, отплыл в Геную, а оттуда — во Францию. Очутившись в безопасности, кардинал возобновил борьбу, заочно уличая папу в симонии и других недостойных поступках.

Известие о бегстве делла Ровере Александр VI воспринял спокойно и, вероятно, даже с радостью — открытый враг лучше затаившегося изменника. Он отправил в Неаполь своего племянника Хуана Борджа, которому от имени его святейшества поручалось короновать принца Альфонсо Калабрийского. Вместе с Хуаном выехал и юный Жофре Борджа, чтобы обвенчаться с дочерью нового короля Санчей и тем скрепить союз между Римом и Неаполем.

Осенью 1494 года армия французского короля двинулась через альпийские перевалы. Карл привел в Италию огромное войско — 90 тысяч человек, все силы, какие только могла выставить Франция. Захватчики шли на юг, не встречая сопротивления, — по презрительному замечанию папы, французы завоевывали Италию, вооружившись лишь квартирными мелками²⁸.

В Милане состоялась дружеская встреча христианнейшего короля с Лодовико Моро. Оба государя нанесли короткий визит в Павию, где доживал последние дни несчастный Джан Галеаццо. Он скончался через неделю после отъезда высоких гостей — по всеобщему убеждению, от яда. Здоровье Галеаццо было безнадежно подорвано тяжелыми условиями многолетнего заточения, но, видимо, Лодовико предпочел ускорить события. Теперь ему уже не грозила месть Ферранте, и он поступил с племянником так, как считал необходимым.

Весть о смерти молодого герцога догнала Карла в Пьяченце. Будучи добрым христианином, король заказал торжественную мессу за упокой души усопшего и одновременно сообщил в Милан о своем желании видеть носителем верховной власти над городом герцога Лодовико Сфорца. Тот, в свою очередь, также принял меры — подкупом и угрозами склонил на свою сторону городской совет, который и провозгласил Лодовико законным государем Милана. Отныне сын Джана, пятилетний Франческо Галеаццо, уже не мог претендовать на трон.

Карл двинулся дальше. Заняв Флоренцию, он обнаружил манифест, излагавший цели французского короля в Италии. Там говорилось о его правах на Неаполитанское королевство, но не было никаких угроз в адрес папы, короновавшего Альфонсо, — Карл не без основания надеялся, что глава церкви уступит военному нажиму и пойдет на попятную. К немалому удивлению короля, его послы вернулись из Рима с обескураживающим ответом — на аудиенции девятого декабря Александр VI отказался пропустить французов через территорию церковного государ-

ства. И тогда вся армия повернула на Рим. К ней присоединились отряды мятежных итальянских баронов Орсини и Савелли.

Двигаясь форсированным маршем, Карл быстро достиг римских предместий и захватил город врасплох. Дальнейшие события не раз ставились в вину Александру — его упрекали в предательстве своих неаполитанских союзников. И в самом деле, войска святейшего престола не оказали никакого сопротивления врагу.

Однако здравый взгляд на вещи показывает безосновательность обвинений в предательстве. Папа просто не мог остановить французов — силы были слишком неравными. Кроме того, король известил его, что любая попытка военного противодействия обернется штурмом Рима, разграблением города и избиением жителей. Имел ли Александр моральное право пренебречь подобной угрозой? Он уже выразил свой протест и не отказывался от произнесенных слов, но было бы безумием предать огромный прекрасный город огню и мечу только ради того, чтобы на два-три дня задержать захватчиков.

В начале января 1495 года французская армия вступила в Рим. Под треск барабанов первыми через городские ворота прошли несколько тысяч германских ландскнехтов — все как на подбор богатырского сложения, светловолосые, в ярких колетах²⁹ и куртках из буйволиной кожи, — наглые и бесстрашные потомки варваров, некогда сокрушивших Римскую империю. Со страхом и любопытством смотрели горожане на их алебарды и длинные десятифутовые копья — оружие, доселе не бывшее в ходу в Италии. Вооружение каждого воина довершал короткий меч. На тысячу тяжеловооруженных солдат приходилось по сотне лучников. За германцами следовали полки французской пехоты с офицерами в стальных панцирях, за ними шли пять тысяч смуглых, низкорослых гасконских арбалетчиков. Выглядели они далеко не столь внушительно, как великаны-ландскнехты, но славились ловкостью и отвагой в бою. Поэскадронно, шагом, потянулась легкая кавалерия. Подковы французских коней звенели по древним плитам Вечного города, и лес пик колыхался над блестящими касками всадников.

Снова шли бесконечные полки пехотинцев — на каждого конника во французской армии приходилось три пеших солдата. Наконец двинулась тяжелая кавалерия, затем сотни закованных в сталь рыцарей и дворян. Среди них, сопровождаемый гвардейцами-лучниками, ехал Карл VIII.

Внешность двадцатичетырехлетнего короля, повелителя огромного войска, была на удивление карикатурной. Маленького роста, кривобокий, со скошенным лбом и выдающимися вперед губами, он казался римлянам каким-то причудливым головастиком, словно по недоразумению покинувшим родную стихию и вознесенным на трон.

Вслед за королем в город вошла артиллерия. Особенно грозно выглядели осадные орудия — тридцать шесть бронзовых пушек, каждая длиной в восемь футов и более шести тысяч фунтов весом, стрелявшие ядрами величиной с человеческую голову.

Король расположился во дворце Сан-Марко, спешно подготовленном для приема высоких гостей. На следующее утро туда прибыли Чезаре Борджа и шесть других кардиналов. Папа, укрепившись в замке Св. Ангела, послал их выразить его христианнейшему величеству дружеские чувства святого отца и узнать о королевских планах относительно Рима.

Карл говорил с кардиналами вполне откровенно. Подтвердив, что главной целью его пребывания в Италии остается завоевание Неаполитанского королевства, он потребовал, чтобы Александр доказал на деле искренность своей дружбы, а именно: предоставил в распоряжение французских войск, на случай неудачного исхода войны, главную цитадель Рима — замок св. Ангела. Кроме того, вместе с королем на юг должны были отправиться в качестве заложников кардинал Борджа и принц Джем, удивительная и драматичная жизнь которого вполне достойна отдельного описания.

Младший сын султана Мехмеда II, принц Джем (или, как его называли турки, Джем-султан) после смерти отца выступил претендентом на престол Османской империи. У него нашлось достаточно сторонников, чтобы собрать войско, и Джем пошел войной на своего старшего брата — Баязида ³⁰, законного наследника султана. Но Джем не повезло — его армия была разбита наголову в первой же битве, и принц, спасая собственную жизнь, бежал на Родос, к рыцарям-иоаннитам ³¹. Гроссмейстер ордена принял беглеца с великой радостью — иоанниты воевали с турками уже много лет. Остров Родос был одним из аванпостов христианского мира в восточном Средиземноморье, и рыцарям приходилось туго. А принц Джем, даже разбитый в бою, сохранил массу приверженцев в исламских странах, и в случае смерти Баязида он получил бы реальные шансы на отцовский трон.

Д'Обюссон, гроссмейстер ордена иоаннитов, прекрасно понимал, какую ценность представляет собой сын Мехмеда II. Он окружил его царским почетом и вниманием, а через некоторое время, опасаясь дипломатических осложнений — султан вполне мог потребовать выдачи брата как мятежника и государственного преступника, — переправил принца во Францию. «Покуда Джем жив и находится в нашей власти, Баязид ни за что не осмелится поднять оружие против христиан, и мы сможем беспрепятственно наслаждаться благословенным миром» — так писал гроссмейстер французскому королю.

В Европе с появлением злосчастного принца разгорелись страсти — все государи, враждовавшие с турками, наперебой старались заполучить его в свои руки. Этой выгодной чести добивались и венгерский король, чьим владениям постоянно угрожала султанская армия, и Фердинанд Испанский, еще не окончательно освободивший от мавров юг страны, и Ферранте, также живший в постоянном ожидании турецкого десанта на Сицилию.

Иоанниты забеспокоились — драгоценная добыча могла ускользнуть, и тогда конец всем надеждам на перемирие с турками. А когда прошел слух, что Баязид предлагает французскому королю огромные деньги за выдачу мятежного брата и уже начаты соответствующие переговоры — терпение гроссмейстера иссякло. Он приказал известить принца о нависшей опасности и переправить его из Франции в Рим, в уверенности, что там рыцари смогут обеспечить более спокойную жизнь своему невольному гостю. Карл VIII, не желая идти на открытый конфликт с иоаннитами, отпустил Джема, и мусульманский принц перебрался в Ватикан, ко двору папы Иннокентия.

Султан Баязид, немало раздосадованный невозможностью незамедлительно снять голову брата-соперника, предложил папе компромисс: 40 тысяч дукатов за каждый год, безвыездно проведенный принцем в Риме. Такой вариант устраивал и гроссмейстера, и жадного Иннокентия, и самого Джема. Он остался в Вечном городе и жил в одном из ватиканских дворцов, окруженный всевозможными почестями, пользуясь относительно свободой.

После смерти Иннокентия положение не изменилось. Султан исправно платил обусловленную сумму, а принц, по-видимому, смирился со своей участью. Его часто видели в обществе Александра и герцога Гандия.

Такова предыстория. Но теперь, когда французы заняли Рим, до Карла дошел слух, будто папа решил на по-

следнее средство и готов обратиться к туркам за военной помощью против захватчиков. Этим и объясняется желание короля заполучить Джема, ставшего в глазах европейских властителей чем-то вроде живого талисмана. Александр же был глубоко оскорблен самим подозрением, что римский папа способен заключить военный союз против христиан с султаном неверных, однако спорить не приходилось.

А Баязид был чрезвычайно напуган перспективой выдачи его брата Карлу VIII. Планы короля начать большую войну с турками не составляли особого секрета, а при таком повороте событий Джем мог стать действительно опасным. И вот султан направил папе тайное послание, предлагая святейшему отцу любым образом избавить принца от тревог и горестей этого брненного мира. Означенная услуга, насущно необходимая для покоя повелителя правоверных, оценивалась в 300 тысяч полновесных золотых дукатов.

Префект Сенигаллии, Джованни делла Ровере, сумел перехватить гонца. Он немедленно переслал письмо султана своему брату — кардиналу Джулиано делла Ровере, и уже на следующий день французский король ознакомился с его содержанием. Теперь он скорее готов был сжечь Рим, чем отказаться от мысли получить турецкого принца.

Папа сгоряча отклонил королевский ультиматум, но Карл напомнил его святейшеству о том, что подобное упорство в окружении многотысячной армии, послушной воле короля, неуместно. Прижатый к стенке, Александр VI согласился, и 15 января 1495 года стороны подписали договор. Французский король получил обоих заложников и замок св. Ангела, обязавшись при этом «уважать и защищать все права святого отца». На следующий день в консистории состоялось чисто театральное действо: римский папа дал официальную аудиенцию христианнейшему королю Франции. Карл VIII, как и подобает доброму католику, поцеловал туфлю его святейшества и пастырский перстень на его руке. Затем папа и король провели несколько минут в краткой душевспасительной беседе о вопросах веры. К чести высоких сторон надо отметить, что оба удержались от усмешек и иных проявлений иронии в ходе встречи.

Проведя в Риме еще двенадцать дней, французы выступили по направлению к Неаполю. Прощание Карла со святейшим отцом вновь было отмечено всеми признаками взаимного уважения и привязанности. А кардинал Борджа, которому предстояло совершить вместе с королем вынуж-

денную прогулку на юг, даже сделал его величеству богатый подарок — шесть великолепных боевых коней.

Армия остановилась на ночлег возле городка Веллетри, и здесь король принял испанского посла дона Антонио да Фонсека. Фердинанд и Изабелла решили прийти на помощь своим неаполитанским родственникам, оставленным в час беды всеми итальянскими союзниками. Дон Антонио передал Карлу требования испанской короны — прекратить поход на Неаполь и вернуться во Францию. В противном случае Испания объявляет ему войну.

Очень вероятно, что Чезаре знал об испанском демарше и строил свое дальнейшее поведение с учетом вероятного развития событий в ближайшем будущем. Во всяком случае, в ту же ночь, переодевшись конюхом, он выбрался из лагеря и под покровом темноты дошел до деревушки, где его уже ждал с лошастью один из горожан Веллетри, успевший ранее перекинуться несколькими словами с молодым кардиналом. Вскочив в седло, Чезаре помчался в Рим.

Возвращаться прямо в Ватикан было бы неразумно. Известив отца о своем бегстве из плена, Чезаре остановился в доме некоего Антонио Флореса — высокопоставленного судейского чиновника. Антонио был доверенным лицом кардинала и часто оказывал ему разные услуги. Теперь, в минуту опасности, он без колебаний предоставил кров, отдых и поддержку своему другу, и Чезаре Борджа вспомнит об этой ночи — Антонио, облеченный саном архиепископа Авиньонского, получит должность папского нунция³² при французском дворе.

Через день Чезаре выехал в крепость Сполето, комендантом которой он был уже больше года. А в Риме тем временем поднялась тревога — перепуганные жители, прослышав о дерзком побеге кардинала, ждали возвращения разъяренного короля. В конце концов к французам отправилась депутация знатнейших граждан, чтобы уверить Карла в непричастности городского населения к происшедшему нарушению договора. Но король, по-видимому, решил проявить великодушие или отложить расправу с вероломным городом. Успокоив дрожащих римлян, он вручил им письмо к святому отцу, где выражал возмущение безответственным поступком кардинала Борджа и в то же время подтверждал верность французской стороны принятым обязательствам. Инцидент, таким образом, был исчерпан, и Чезаре снова стал появляться в Ватикане.

Ультиматум испанского посла не изменил намерений

Карла. Армия шла вперед, и все города на ее пути по-прежнему сдавались без боя.

Король Альфонсо не стал дожидаться французов. Он отрекся от престола в пользу своего брата Федерико и отплыл на Сицилию, где укрылся в уединенном монастыре, объявив о намерении провести остаток дней в молитвах и покаянии. Впрочем, современники отнеслись к поступку короля скептически, считая, что замаливать грехи Альфонсо мог бы и в любом другом месте, а бегство на остров объясняется лишь трусостью и желанием поскорее сесть на любой корабль, направляющийся к берегам Испании.

Федерико также не преуспел в организации отпора врагу. Французская армия без боя вошла в Неаполь через три недели после того, как покинула Рим. Это было поистине триумфальное шествие, но, увы, Карл не мог в полной мере насладиться торжеством легкой победы. Короля удручала тяжкая и неожиданная утрата: он лишился второго — и последнего из своих римских заложников. Принц Джем, оставленный в Капуе, скоропостижно скончался от дизентерии. Это произошло двадцать пятого февраля 1495 года.

Слухи о том, что принц не умер, а был отравлен по приказу Александра VI, немедленно поползли по Италии. Именно тогда возникла легенда о знаменитом «яде Борджа» — таинственном белом порошке неизвестного состава, без вкуса и запаха, медленно убивающем жертву так, что картина отравления неотличима от обычной болезни. Говорили, будто любые противоядия бессильны против ужасного порошка и спастись от него невозможно.

Люди средневековья знали толк в ядах, и в арсенале отравителей эпохи Возрождения попадались действительно страшные и коварные средства. Но даже современной науке неизвестно вещество, способное убить человека через месяц после приема — а ведь Джем умер через двадцать восемь дней после того, как покинул Ватикан, и все это время был окружен самой бдительной охраной. И дизентерия, наравне с другими инфекционными болезнями, была частой гостьей в перенаселенных и — и по нашим меркам — очень грязных городах Южной Европы. Лечить ее, конечно, не умели, и смертность среди больных всегда была очень высокой. Но то, что выглядело естественным концом ремесленника или скотовода, казалось совершенно невозможным применительно к принцу. Особы, рожденные на троне, умирают на поле брани или от яда. При чем здесь катар желудка или дизентерия?

Яд Борджа, семейная тайна безжалостных убийц — отца и сына... Но позволительно спросить — кто же из них поведал миру об этом чудодейственном порошке, если хроники говорят правду о его существовании и свойствах? На сей счет мы не находим ответа. Однако сама легенда об ужасном яде была настолько в духе времени, что укоренилась сразу и навсегда. С тех пор разговоры о *polvere di Borgia* * возникали всякий раз, когда в Риме умирал — от любой болезни — кто-либо из кардиналов или иных значительных лиц.

Теперь разберемся в мотивах предполагаемого злодеяния. Все хронисты, обвиняющие Борджа, приводят в качестве главной причины корыстолюбие — те самые 300 тысяч дукатов, обещанных султаном за смерть брата. В то же время они сходятся в том, что по необъяснимому стечению обстоятельств папа не получил этих денег. Но ведь совершенно очевидно, что после смерти Джема уже ничто, кроме разве только природной щедрости, не могло побудить Баязида расстаться с золотом. Об этом мог бы легко догадаться любой человек, даже не обладающий хитростью Александра. А вот ущерб, понесенный Ватиканом из-за гибели принца, не подлежит сомнению: во-первых, прекращение ежегодных выплат, во-вторых, утрата возможности влиять на турецкую политику в Средиземноморье.

Карл VIII был очень опечален смертью несчастного заложника. Джем умер мусульманином, и король не мог даже заказать мессу за упокой его души, как в случае с Джаном Галеаццо — другим пленным принцем, в судьбе которого также принял некоторое участие Карл Анжуйский.

Глава 6

ПАПА И ЧУДЕСА

В середине марта 1495 года падение Неаполя стало свершившимся фактом. Французская армия расположилась на отдых, и измученное королевство получило наконец передышку.

Но теперь важные события развернулись на севере стра-

* Порошок Борджа (ит.).

ны. Лодовико Сфорца, отныне уже законный государь Милана, сделал очередной ход в затеянной им большой игре.

Герцог начал переговоры с Венецией: как ему было хорошо известно, республика с возрастающим беспокойством следила за успехом Карла на Апеннингах. Мысль о соединении усилий против общего врага пришлась по сердцу венецианцам, и Совет десяти³³ направил посла в Ватикан, чтобы выяснить намерения святейшего отца и по возможности перетянуть его на сторону Севера.

Карлу вскоре донесли о готовящейся коалиции, но он лишь рассмеялся — после победоносного и почти бескровного шествия через всю Италию он уже не принимал итальянцев всерьез. А те продолжали переговоры; двадцать шестого марта его святейшество послал дожу орден Золотой Розы, и в вербное воскресенье в соборе св. Петра уже служили праздничную мессу по случаю заключения нового союза. Договор, составленный в общих выражениях, не содержал статей, явно направленных против французов, — говорилось лишь, что он принят «по доброй воле всех сторон и ко всеобщему благу». Но сразу же после подписания союзники принялись собирать войска. Первым показал зубы Лодовико Сфорца, напав на стоящий у берегов Генуи французский флот.

Осознав опасность, король поднял армию и двинулся к Риму, оставив в Неаполе гарнизон под командованием маркиза Д'Обиньи. Успех всей кампании зависел теперь от того, удастся ли отколоть от Лиги Александра VI. Собственные военные силы церкви были невелики, но папа оставался признанным духовным вождем Италии, а потому был столь же опасным врагом, сколь полезным союзником.

В июне французы вошли в Рим, но, к ярости короля, выяснилось, что он опоздал — папа, весь его двор и священная коллегия уже покинули город и под охраной венецианской пехоты перебрались в крепость Орвието. Более того — там успел побывать посланник австрийского императора, который сообщил о желании своего государя присоединиться к борьбе итальянских городов за независимость. Король попытался начать переговоры, но французскому послу было отказано в аудиенции у его святейшества. После этого папа, понимая, что Карл не смиритсся с положением отвергнутого просителя, покинул Орвието и вместе со всей свитой перебрался в Перуджу.

Там он оставался во время битв в долине реки Таро и у Форново, где французская армия и итальянское ополчение сошлись наконец в решающей схватке. Последнее из

двух сражений примечательно тем, что победу в нем приписывали себе обе стороны, имея для этого определенные основания. Если считать, что намерение короля состояло в том, чтобы продолжать движение на Север, то он, безусловно, вышел победителем, сумев пробиться через заслон итальянских войск. Однако в бою его армия понесла тяжелые потери и к тому же лишилась артиллерии и обозов, в том числе 20 000 вьючных лошадей с добычей, захваченной в Неаполе. Все это попало в руки союзников под командованием герцога Гонзаги Мантуанского. Дальнейшее отступление Карла было столь поспешным, что сильно напоминало бегство. Лишенная пушек и трофеев, французская армия, огрызаясь, уходила к Альпам, оставляя о себе память в виде сожженных деревень, вытопанных виноградников и полей, а также бесчисленных случаев венерических заболеваний — неизвестного дотоле зла, вскоре получившего в Италии название *il morbo gallico* — французская болезнь.

Но вернемся к Александру VI. Будучи в Перудже, он столкнулся с не совсем обычным аспектом своих профессиональных обязанностей — исследованием явлений, отнесенных молвой к разряду чудес.

В те годы в перуджанском монастыре сестер-доминиканок жила молодая монахиня по имени Коломба да Рие-ти, чья слава вышла далеко за пределы округа. Сведения о ее жизни мы черпаем из хроники Матараццо. К словам этого историка следует относиться с известной осторожностью — он частенько давал волю фантазии, хотя в том, что касается событий в родном городе, его свидетельства неплохо согласуются с сообщениями независимых источников.

Итак, Матараццо повествует, что сестра Коломба не принимала ни воды, ни пищи и только изредка позволяла себе наслаждаться одной-двумя ягодами жужубы³⁴. «В день, когда она пришла в Перуджу, в 1488 году от Р. Х., несколько молодых людей на мосту со смехом преградили ей путь, обратившись к святой с вольными и непристойными шутками, ибо была она молода и хороша собой. Не сказав ни слова, она бросила в обидчика ягодой, и в тот же миг все они, как один, лишились телесных сил и разума». Столь эффектное вступление в город сразу же принесло таинственной гостье громкую известность. О том, вернулось ли впоследствии здоровье к неудачливым донжуанам, хронист умалчивает.

Иногда Коломба впадала в своеобразный транс, про-

должавшийся до часа и более; пульс не прощупывался, и девушка казалась мертвой. Затем ее тело сотрясала дрожь, Коломба возвращалась к жизни и пророчествовала, рассказывая собравшимся людям об «удивительных и страшных делах грядущего». А однажды утром ее нашли без сознания, в крови, с двумя выбитыми зубами. Оказалось, что всю ночь напролет Коломба сражалась с дьяволом! Эта история наделала много шума, но установить какие-либо подробности так и не удалось, да никто и не пытался это сделать.

Множество бед и несчастий, пишет Матараццо, было предотвращено ее молитвами, и весь город благословлял худенькую, молчаливую девушку — чудесную заступницу, посланную Перудже небом.

Местное духовенство оказалось в очень затруднительном положении. Игнорировать Коломбу не представлялось возможным, признать ее святой — и вовсе немыслимо, поскольку канонизация могла исходить лишь из Ватикана (и, кроме того, лишь уже умерший человек мог быть признан святым). Все больше прихожан соблазнялось рассказами о чудесах, творимых подвижницей, но до открытого конфликта с официальной церковью, к счастью, не дошло. Во-первых, Коломба оставалась ревностной католичкой, неукоснительно соблюдала все предписания церкви, ходила к исповеди и часами молилась. Во-вторых, на пожертвования перуджийцев вскоре был построен небольшой женский монастырь, куда она с радостью удалилась. Отныне популярность сестры Коломбы уже не подрывала авторитет приходского духовенства среди паствы.

Чезаре Борджа, обучаясь в Перудже, постоянно слышал рассказы о творимых монахиней чудесах и пророчествах. Более того, однажды он стал свидетелем удивительной сцены в церкви св. Катерины Сиенской, где восторженная толпа окружила Коломбу с крохотным голым младенцем на руках. Плача и смеясь, люди кричали, что она воскресила ребенка. Предыстория этого события неизвестна, мы не имеем возможности проанализировать сообщение хрониста. Но, по-видимому, горожане не сомневались в истинности чуда воскрешения, совершенного у них на глазах. Доминиканский приор³⁵, не зная, как отнестись к такому экстравагантному случаю, отказал жителям, которые упрашивали его отметить великое событие колокольным звоном со всех городских церквей. Но и без колоколов слава Коломбы прокатилась по всей долине Тибра, и люди приходили издалека, чтобы только увидеть ее.

Выразил такое желание и Каря VIII. В декабре 1495 года, находясь в тех краях, он собирался посетить монастырь доминиканок, но не осуществил этого намерения из-за более срочных и важных дел. Король считал себя очень благочестивым человеком, однако его отношение к чудотворцам, святыням и тому подобным вещам напоминало скорее любопытство, чем благоговение. Здесь достаточно упомянуть анекдотический случай: в свое время Савонарола³⁶ получил предложение сотворить «хоть одно небольшое чудо» в присутствии христианнейшего короля — это-де развлечет его величество. Можно представить возмущение сурового проповедника! Разумеется, чуда не состоялось.

Во время «перуджанской эмиграции» вспомнил о Колombe и Александр VI. Их встреча произошла в монастыре св. Доминика, куда папа явился в сопровождении Чезаре, нескольких кардиналов и дворян свиты. После торжественной мессы в монастырской церкви высокие гости вместе с приором — тем самым, что запретил звонить в колокола, — направились к келье сестры Коломбы. Увидев оставившегося в дверях папу, она опустилась на колени и поцеловала край его одежды. Александр помог девушке подняться и заговорил с ней «о божественных тайнах». Но беседа оказалась непродолжительной: не успел папа задать несколько вопросов, как Колomba побледнела, начала заикаться и, наконец, замолчала, дрожа с головы до ног. Нельзя было усмотреть никаких причин столь внезапного изменения ее состояния. Недовольный и обескураженный, Александр обернулся к приору и произнес: «*Caveto, Pater, quia ego Papa sum!*»^{*} — слова, обратившие несчастного настоятеля в такую же бледную, дрожащую статую, как и сестра Колomba.

На помощь приору пришел Чезаре, упомянув о здоровом скептицизме, проявленном тем во время достопамятного воскрешения младенца. Надо полагать, что приор преисполнился самой горячей благодарности к молодому кардиналу — конфуз в келье мог стоить ему места и всей карьеры.

Александр больше не возвращался к этой истории и никак не комментировал ее; не исключено, что окружающие ошибались, приписывая папе лишь негативное впечатление от встречи с Коломбой. Вместе с тем он действительно всегда проявлял определенное недоверие к сообщениям

* «Остерегись, отче, ибо я папа!» (лат.).

о чудесах, стараясь как можно тщательнее отделить факты от вымысла. Его деятельный и ясный ум был, в общем, глубоко чужд мистицизму — чужд в большей степени, чем у паствы, жадно впитывавшей любые, самые невероятные слухи. Очень показателен, например, такой эпизод: однажды папе доложили о чудесах, творимых во славу Божию некой Люцией из Нарни. Сограждане Люции не сомневались в ее святости, но папа отреагировал на известие очень своеобразно — послал собственного врача с приказом «осмотреть упомянутую девицу и дать заключение о состоянии ее здоровья». Поступок, естественный для любознательного скептика XIX или XX века, но никак не для прелата конца XV!

Здесь следует упомянуть еще об одной стороне деятельности главы римской церкви — преследовании еретиков и инакомыслящих. Александр VI не снискал в этом в глазах современников никаких лавров, и неудивительно — редкий папа проявлял такое равнодушие и даже более того, расположение к иноверцам, как он. В эпоху, когда могущество инквизиции не ограничивалось ни светскими законами, ни общественным мнением, когда охота на кодунов и ведьм была не литературным сюжетом, а реальностью, папа последовательно выступал против религиозной нетерпимости. В Италии во время понтификата Борджа ни один человек, обвиненный в ереси, не сгорел в костре на рыночной площади, и несчастные мавры и евреи — первые жертвы большинства аутодафе — вздохнули свободнее. Конечно, им по-прежнему угрожала случайная ярость возбужденной толпы, но теперь они, по крайней мере, знали, что всегда найдут защиту и милосердие в Риме.

В этом отношении Александр VI сильно опередил свое время. Еще полтора столетия князья церкви и светские владыки во всем христианском мире будут посылать на костер людей, чья вера отличается от предписанной. Нетерпимость и ненависть к еретикам, ведьмам и колдунам в протестантских странах будет не менее ожесточенной, чем в католических.

Либерализм Александра в деле защиты религии был столь необычным явлением, что современники оказались неспособны поверить в его искренность. Папа, потакающий неверным, предает тем самым святую веру и делает это сознательно и неспроста — примерно таков был ход мыслей многих людей, обвинявших главу римской церкви в богоотступничестве. Непосредственная причина обвинений постепенно отходила на второй план, и в анналы исто-

рий, отредактированные врагами Борджа, вошли зловещие намеки на связь папы с колдунами, чернокнижниками и прочими приспешниками дьявола.

Кое-кто даже при жизни Александра старался довести эту «критику» до логического конца. Так, кардинал делла Ровере, сидя во Франции, развивал тезис об иудейском происхождении Борджа, относя его предков к марранам³⁷; а Савонарола, не вдаваясь в подробности генеалогии, попросту утверждал, что Александр VI — лжепапа, ибо он не христианин и вообще неверующий.

Мнение об атеизме Александра не раз высказывалось и позднейшими историками. Попробуем разобраться в этом вопросе подробнее. Прежде всего заметим, что никаких прямых или косвенных свидетельств, подтверждающих такое предположение, не обнаружено. Зато имеется множество документов, отразивших усилия папы в деле распространения христианства и — уже вполне в духе времени — в борьбе с явными противниками католической церкви. В булле, утверждавшей испанское владычество над Америкой, специально оговаривалась обязанность их католических величеств — Фердинанда и Изабеллы — всемерно способствовать обращению языческих племен Нового Света в истинную веру. Такое же условие было поставлено португальскому королю Мануэлу Счастливному, собравшемуся завоевывать Африку. Монархи, начертавшие крест на парусах и знаменах, получали благословение святейшего отца, щедрую финансовую поддержку ватиканской казны и ратификацию своих притязаний на захваченные земли. И вместе с солдатами на борт каравелл всходили миссионеры.

По-видимому, Александр VI был против того, чтобы выискивать врагов среди людей, признавших, хотя бы формально, власть римской церкви, но он отнюдь не мирился с тем, кто активно отвергал католицизм. Богемским еретикам — продолжателям дела Яна Гуса, вальденсам, пикардам, приверженцам разнообразных демонических культов, — всем им не за что было благодарить папу. Александр неизменно поддерживал и одобрял репрессии, которые обрушивали на них собственные государи, хотя сам никогда не пытался выступать в роли вдохновителя религиозной войны; столь возвышенные порывы были не в его характере. На всех этапах своей жизни и карьеры он оставался в душе скорее политиком, чем священнослужителем.

Книгопечатание в конце XV века делало лишь первые шаги, но Александр сумел оценить возможности и опасно-

сти нового изобретения. В булле от первого июня 1501 года он под угрозой отлучения воспрещает печатать сочинения, которые «противоречат добрым обычаям и католической вере или наносят иной вред благочестию». Любопытно, что в данном случае кара направлялась против издателя, а не автора. Сомнительная честь создания первого в Европе списка запрещенных книг — «Index Expurgatorius» * — также принадлежит Александру.

В общем, насколько мы можем теперь судить, он относился к своему архипастырскому званию вполне серьезно, и приписывать ему безбожие нет никаких оснований. Истинный атеизм в средние века и в эпоху Возрождения был чрезвычайно редким явлением, в отличие от разнообразных сект и ересей. Очень трудно представить себе человека, способного всю жизнь, изо дня в день, играть труднейшую роль религиозного вождя миллионов верующих, не признавая при этом догматов церкви и тайно насмехаясь над собственным положением.

Родриго де Борджа, безусловно, всегда оставался христианином и католиком, но вера его была лишена фанатизма — а это было подозрительным недостатком в глазах современников.

Глава 7

РИМСКИЕ БАРОНЫ

Вытеснив Карла VIII из Италии, союзники приступили к наведению в стране прежнего государственного порядка. Предстояло восстановить трон Арагонского дома, и неудивительно, что Фердинанд и Изабелла пожелали внести в это свою лепту, выслав на помощь итальянцам войско под командованием знаменитого полководца Гонсало де Кордобы ³⁸.

Высидевшись в Калабрии в начале 1496 года, «великий капитан» соединился с отрядами папских гвардейцев и венецианцев, которыми предводительствовал Гонзага Мантуанский. Герцог Лодовико к этому времени считал за лучшее отделиться от Лиги — близость Милана к альпийским перевалам заставила его возобновить контакты с Фран-

* «Очистительный указатель» (лат.).

цией. Но его двоюродный брат, Джованни Сфорца, с шестьюстами копеейщиками находился в рядах папских войск, тем самым сглаживая впечатление от двусмысленных маневров кузена. Другим отрядом в 700 копий командовал молодой Жофре Борджа, именовавшийся отныне принцем Скуиллаче — титул он получил после свадьбы с донной Санчей Арагонской, юной особой королевского рода, но столь свободного нрава, что это вызывало нареkania даже при веселых и легкомысленных дворах итальянских владык.

Французы потеряли Неаполь так же быстро, как и захватили. Уже седьмого июля 1496 года Фердинанд II занял отеческий трон, а французский комендант д'Обиньи бесславно отбыл на родину.

Теперь у папы появилась возможность навести порядок в собственном доме и усмирить наконец мятежных аристократов, доставивших столько беспокойств и неприятностей. Первого июня консистория опубликовала буллу, объявившую вне закона Джентиле Орсини, Джанджордано Орсини и его сына Паоло, а также Бартоломео д'Альвиано. Земли и имущество перечисленных лиц, перешедших на сторону французов, подлежали конфискации в пользу церкви. Этот декрет необходимо было подкрепить военной силой, и герцог Гандийский получил приглашение срочно прибыть в Рим, чтобы возглавить экспедицию против Орсини. Он отплыл в Италию в начале августа, оставив в Гандии свою молодую жену Марию Энрикес, племянницу Изабеллы Испанской.

При въезде в Рим герцога и его свиту встретила кавалькада во главе с Чезаре, и оба брата, обменявшись приветствиями, направились в Ватикан.

Впоследствии распространился слух, что среди даров, которые привез с собой Джованни Борджа, был и особый сюрприз для папы — некая андалусийская красавица. Правда это или нет, сказать трудно — во всяком случае, в «Дневнике» Бурхарда на сей счет никаких упоминаний не имеется. Однако нельзя отрицать, что Александр был вполне способен по достоинству оценить подобный подарок. Но все же царственный прием, оказанный герцогу в Риме, объяснялся не личными, а государственными соображениями.

Непосредственное командование войсками святейшего престола папа поручил знаменитому кондотьеру Гуидобальдо Урбинскому. Молодому герцогу, формально разделявшему с ним пост главнокомандующего, предстояло на

деле обучиться искусству войны под руководством признанного мастера. Двадцать пятого октября Джованни Борджа был торжественно провозглашен знаменосцем церкви, и в тот же день в соборе святого Петра состоялось освящение трех знамен — ватиканского, со скрещенными ключами и тиарой, и личных штандартов обоих полководцев. Два герцога — Гуидобальдо тоже носил этот титул — в полном вооружении, с белыми маршальскими жезлами в руках, склонив головы, приняли благословение святого отца.

На следующий день армия выступила из Рима. Поначалу военные действия складывались очень удачно для папских войск — в течение нескольких недель им сдались одно за другим десять вражеских укреплений. Но три последние крепости рода Орсини: Браччано, Тревиньяно и Ангуиллара — неожиданно оказали упорное сопротивление. Особенно ожесточенные бои разгорелись на подступах к Браччано — там оборонялся гарнизон под командованием отважного молодого воина, лихого кавалериста Бартоломео д'Альвиано.

Приближалась зима. Война затягивалась, постепенно принимая позиционный характер. Утрата инициативы всегда губительна для нападающей стороны — это фундаментальное положение военной теории подтвердилось в очередной раз. На помощь Орсини пришел Вителлоццо Вителли, тиран Читта-ди-Кастелло, вскоре к нему присоединился Бальони из Перуджи, затем сторонники делла Ровере — словом, постепенно зашевелились все враги Александра VI. Вдохновленные отвагой защитников осажденных крепостей, они начали стягивать войска. Но семейства Колонна и Савелли сохранили верность святейшему престолу, поскольку и сами имели кое-какие претензии к семейству Орсини.

Овладев Тревиньяно, почти вся папская армия сосредоточилась вокруг Браччано, полностью отрезав крепость от внешнего мира. Защитники голодали, и Бартоломео уже подумывал о капитуляции, как вдруг на далеких холмах появились всадники, и ветер принес звуки боевых труб — к осажденным спешили отряды Вителли и Карло Орсини. После короткой схватки союзники опрокинули войска Борджа и обратили их в бегство; Гуидобальдо, пытавшийся остановить своих солдат и организовать отпор, попал в руки врагов. Герцог Гандийский, раненный в голову, с трудом избежав плена, ускакал в Ронсильоне. С ним остались лишь Фабрицио Колонна и папский легат, кардинал Лунате.

Так бесславно закончилась кампания, начатая двумя месяцами раньше в столь выгодных условиях. Однако практический результат был не так уж плох. На долю Джованни Борджа выпал позор поражения, меж тем как папа оказывался в выигрыше — ценой единственной проигранной битвы он получил одиннадцать крепостей. Конечно, Орсини надеялись — и пытались — развить успех, но Александр окончательно лишил их шансов на стратегический перевес, призвав на помощь Гонсало де Кордобу, благо испанская армия еще стояла между Неаполем и Римом. После нескольких стычек испанцы рассеяли отряды Орсини, а вскоре пала последняя цитадель — крепость Остия, которую обороняли сторонники кардинала делла Ровере. Гонсало с триумфом въехал в Рим, ведя за собой в цепях коменданта гарнизона Остии и его офицеров.

Итак, Александр VI победил в борьбе, хотя и вел ее чужими руками. Убедившись, что военное и политическое могущество его противников окончательно подорвано, папа не стал судить и казнить побежденных — как мы уже говорили, он не был ни жесток, ни кровожаден. К тому же полная ликвидация одного из знатнейших родов была бы только на руку остальным римским баронам, а усиливать их позиции никоим образом не входило в расчеты Ватикана. В итоге Орсини остались на свободе и даже получили обратно захваченные у них города; правда, за эту любезность им пришлось внести в папское казначейство 50 000 дукатов.

Вскоре после окончания междуусобицы Рим взволновало удивительное событие, которое вполне заслуживает названия скандала в святейшем семействе. Речь идет о бегстве мужа Лукреции — Джованни Сфорца. Однажды ночью, в апреле 1497 года, он вскочил в седло и, опустив капюшон плаща, прищипорил коня. Видимо, сильнейший страх всю дорогу не отпускал Джованни — он мчался, не останавливаясь, до своего родового владения Пезаро, и его арабский скакун пал на городской площади.

Что же произошло в Риме? Прежде всего надо отметить, что брак Лукреции и Джованни не принадлежал к числу счастливых. Согласия между супругами не было, и Лукреция не раз повторяла, что собственный муж для нее — «неподходящая компания». Что при этом имела в виду дочь Александра VI, сказать трудно, но, во всяком случае, семейные неурядицы едва ли могли стать причиной столь поспешного бегства. Возможно, ключ к разгадке дает история, изложенная Альмеричи в «Воспоминаниях о Пезаро».

Однажды вечером, когда Джакомино, дворецкий и доверенный слуга Джованни Сфорца, находился в покоях донны Лукреции, в комнату вошел Чезаре Борджа. Не заметив сидевшего за ширмами Джакомино, кардинал заговорил с сестрой, заметив, между прочим, что уже отдан приказ об убийстве ее мужа. «Ты все слышал?» — спросила Лукреция после ухода кардинала. Побледневший Джакомино лишь молча кивнул головой, и она приказала ему немедленно предупредить Джованни...

Этот рассказ выглядит очень правдоподобно — куда правдоподобнее, чем интерпретации и выводы, сделанные на его основе.

Можно не сомневаться, что Борджа — отец и сын — действительно хотели избавиться от Джованни Сфорца. Честолюбивый и не блиставший никакими талантами, он несколько не привлекал Александра VI в качестве зятя, а союз с герцогом Лодовико Сфорца в начале 1497 года казался уже не насущной необходимостью, а досадным пережитком. Изворотливый ум папы прозревал в будущем новые комбинации, важным элементом которых мог стать очередной династический брак. Но Джованни и ДжофFREдо уже получили жен королевской крови, а Чезаре — кардинал; он может завести себе хоть дюжину любовниц, однако никакого политического эффекта из этого извлечь невозможно. Другое дело Лукреция. Правда, она обвенчана со смазливym ничтожеством Джованни Сфорца, но кто, как не римский папа, наделен правом расторгнуть любой брак в католическом мире? Чувства дочери Александр или не принимал во внимание, или полагал, что она будет только рада избавиться от нелюбимого мужа.

Гораздо труднее допустить реальность подготовки убийства Джованни. Во-первых, такой шаг сделал бы Лодовико Моро непримиримым врагом Борджа — герцог и сам знал толк во внезапных кончинах родственников, и, конечно, сумел бы правильно истолковать известие о скоропостижной смерти своего кузена в Риме. А во-вторых, невозможно понять, зачем, планируя покушение, сообщать об этом жене будущей жертвы. Не надо быть провидцем, чтобы предугадать, как в таком случае поведет себя женщина, пусть она и не слишком горячо любит своего мужа. Но ведь даже враги Борджа не ставили им в упрек глупость или нерасчетливость.

Скорее всего, история, приведенная Альмеричи, отбрасывает нехитрую инсценировку, разыгранную Борджа — отцом, сыном и дочерью, — чтобы удалить из Рима молодого

го Сфорца. Джованни остался жив, поскольку никто и не собирался его убивать. Неизвестно, была ли Лукреция в сговоре с братом или приняла все сказанное им за чистую монету; последний вариант выглядит более правдоподобным. Идея и распределение ролей в этой маленькой драме наверняка принадлежали Александру. И надо признать, проделка удалась блестяще: Чезаре добросовестно произнес свой монолог, Лукреция отреагировала именно так, как надо, а подвернувшийся очень кстати Джакомино поверил всему, что услышал. Обман, таким образом, приобрел еще большую убедительность, и вот уже перепуганный насмерть Джованни Сфорца вскакивает в седло...

В начале июня Лукреция покинула дворец в Ватикане и поселилась в монастыре св. Сикста на Аппиевой дороге. Этот поступок вызвал самые разнообразные толки, но все они сходились в одном: между членами семейства Борджа пробежала черная кошка.

Папа, недовольный разладом с дочерью, перенес внимание на сыновей, осыпав их новыми почестями и богатствами. Обратив Беневентский лен в герцогство, он передал его, вместе с городками Террачиной и Понтекорво, «в вечное и наследуемое владение» герцогу Гандийскому. Кроме того, Джованни Борджа был назначен наместником Витербо и управителем патримония ³⁹ прихода св. Петра — второй из этих постов пришлось срочно отобрать у кардинала Фарнезе, который, естественно, не возражал.

Чезаре к тому времени заслуженно считался одним из богатейших священнослужителей христианского мира; точнее говоря, он занимал третье место после самого Александра VI и кардинала д'Эстотвилля. Теперь к его прочим бенефициям прибавилась должность канцлера Святейшего престола, ибо прежний канцлер, кардинал Риарио, был прикован к постели, и надежд на его выздоровление не было. А после смерти Риарио папа не замедлил передать своему возлюбленному сыну мантуанский дворец покойного вместе со всей обстановкой.

Архиепископу Валенсийскому, знаменитому богачу, обладателю множества титулов и земель, шел тогда всего лишь двадцать второй год. Современники называли его одним из красивейших молодых людей Италии. Страстный охотник — любимой дичью Чезаре были медведи, — высокий, стройный и необычайно сильный, он, конечно, совсем не походил на духовное лицо. Не по возрасту проница-тельный взгляд темных глаз усиливал впечатление от его незаурядной внешности.

В первых числах июня в Рим пришла весть о внезапной смерти молодого неаполитанского короля Фердинанда. Теперь трон должен был перейти к принцу Альтамурскому, и кардиналу Борджа, в качестве папского легата, предстояло отправиться в Неаполь для официального коронования нового властителя — короля Федериги. Герцог Гандийский решил поехать с кардиналом. Братья собирались провести это лето вместе и вернуться в Рим в сентябре, после чего Джованни отплывет на родину, взяв с собой сестру — Лукреция выразила желание перебраться в Испанию.

Но не все людские планы осуществляются. Над родом Борджа уже был занесен молот судьбы.

ГЛАВА 8

УБИЙСТВО ГЕРЦОГА ГАНДИЯ

В тот вечер они собрались за столом под виноградными лозами в Трастевере...

Перед отъездом старшие братья и юный Жофре решили повидаться с матерью, и четырнадцатого июня 1497 года постаревшая Ваночца снова обняла своих мальчиков — кардинала, герцога и принца. Праздничный ужин устроили в винограднике, под открытым небом, и теплый свет восковых свечей смешивался с мерцанием звезд. До поздней ночи пенилось в кубках молодое вино и не умолкала беседа. Кроме братьев и их матери, за столом находились кардинал Монреале и некий таинственный незнакомец в маске — он сопровождал герцога Гандия. Этого человека, чье имя и роль так и остались неизвестными, уже больше месяца почти каждый день видели рядом с Джованни Борджа. Поодаль расположилась свита.

После ужина, простившись с матерью, высокие гости сели на коней и тронулись обратно в папский дворец. Омрачилось ли сердце Ваночки предчувствием беды, когда она, стоя на дороге, прислушивалась к затихающему стуку копыт? Мы уже никогда не узнаем об этом.

Возле дворца вице-канцлера, кардинала Асканио Сфорца, Джованни натянул поводья. В немногих словах герцог сообщил братьям, что приедет в Ватикан вслед за ними, а сейчас у него есть кое-какие дела. Посадив за собой человека в маске, он жестом подозвал своего конюшего и приказал остальным слугам сопровождать братьев.

Повернув коней, герцог и его спутники исчезли в ночи, а Чезаре и Жофре со всей свитой проследовали в ватиканский дворец.

Наутро встревоженные придворные доложили папе, что герцог Гандийский все еще не вернулся; рассказали и об обстоятельствах, при которых он расстался с братьями. Но Александр, вспомнив собственную молодость, не обеспокоился, решив, что сын задержался в гостях у какой-нибудь сговорчивой красотки.

Однако уже к полудню папу поразили сразу две грозные вести: коня Джованни, без седока и с оборванным стремянем, видели недалеко от дворца кардинала Пармского, а тяжело раненный конюший найден рано утром на площади еврейского квартала и вскоре умер, не приходя в сознание. Через полчаса была поднята на ноги вся городская стража. Сыщики опрашивали всех подряд — бродяг и трактирщиков, проституток и нищих, солдат и рыбаков. И вот некий лодочник по имени Джорджо поведал о происшествии, случившемся у него на глазах...

Его барка стояла на якоре между мостом св. Ангела и церковью Санта-Мария Нуова. В ту ночь он остался на судне, чтобы присматривать за выгруженным на берег штабелем дров. В пятом часу, незадолго до рассвета, лодочник заметил двух человек — они вышли из-за угла госпиталя Сан-Джирооломо и остановились у спуска к воде, в том месте, где городские мусорщики имеют обыкновенные омовения. Оглядевшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, один из них тихо свистнул. Через несколько секунд из того же переулка шагом выехал всадник на белом коне; в предрассветном полумраке на его сапогах блеснули золотые шпоры. Рыцаря сопровождали еще двое пешеходов — они шли по обе стороны, придерживая мертвое тело, перекинутое через круп лошади.

Всадник остановился на берегу. Двое сняли труп и, раскачав, кинули в реку. Джорджо расслышал вопрос, прозвучавший с высоты седла: «Он попал в стремя?» — и почтительный ответ: «Да, ваша милость». Некоторое время всадник в молчании смотрел на темную воду, потом показал на какой-то предмет, мелькнувший среди волн, — видимо, плащ убитого, всплывший на поверхность. С полдюжины метко брошенных камней увлекли на дно последнюю улику, и затем все пятеро скрылось тем же путем, каким пришли.

— Почему же ты сразу не дал знать властям? — в отчаянии закричал папа, выслушав рассказ лодочника.

Тот, робея и запинаясь, пробормотал, что успел повидать на своем веку не меньше сотни трупов, брошенных в Тибр, но еще никогда ни один из них не вызвал чьего-либо интереса.

Охваченный ужасом, Александр отдал приказ — шаг за шагом обыскать русло Тибра, и сотни матросов и рыбаков тут же принялись за работу. Не прошло и двух часов, как их усилия увенчались успехом — одна из сетей принесла со дна тело несчастного Джованни Борджа.

Открывшееся зрелище вполне соответствовало тому, что сообщил Джорджо. Не могло быть и речи о корыстных мотивах преступления — все вещи убитого остались при нем: кошелек с пятьюдесятью дукатами и усыпанный драгоценными камнями кинжал висели у пояса. Руки герцога были связаны. Убийцы потрудились на совесть: на теле Джованни оказалось девять колотых ран, горло перерезано.

Его доставили в лодке к приземистой мрачной башне замка св. Ангела и там, омыв ил и песок, обрядили в доспехи главнокомандующего — знаменосца церкви. Уже ночью, при свете факелов, двинулась в путь траурная колесница, на которой под бархатым плащом покоилось тело герцога Гандийского. Отпевание состоялось в церкви Санта-Мария дель Пополо, и еще до рассвета останки злодейски убитого Джованни Борджа были преданы земле.

Папа, казалось, потерял рассудок от горя. Когда озаренная факелами повозка пересекала мост Ангела, он «рыдал, как женщина, даже не пытаясь сдержать слезы». Сразу после похорон Александр затворился в своих покоях. С ним был старый кардинал Сеговийский, но прошло трое суток, прежде чем ему удалось уговорить папу хоть немного поесть и поспать.

На четвертый день желание отомстить за сына заставило Александра прервать затворничество. Он приказал усилить заставы на всех выездах из города и найти убийц, чего бы это ни стоило. Два месяца продолжался повальный розыск, но соединенные усилия сыщиков, стражников и придворных остались безрезультатными.

Так описана смерть герцога Гандийского в хронике Сануто — единственном подробном и достоверном источнике, повествующем о событиях тех дней.

Кто же направил руку убийцы или убийц? Первое подозрение падало на Джованни Сфорца, у которого имелись основания мстить папе за пережитый страх. Но он как будто не покидал Пезаро, и не было никаких свидетельств его

причастности к ночному злодеянию. Поговаривали и о кардинале Асканио Сфорца — все знали, что между ним и покойным герцогом не так давно разгорелась вражда. Причиной ее стала казнь одного из приближенных вице-канцлера — он имел неосторожность чем-то оскорбить Джованни Борджа, был за это схвачен и отдан палачу. Слухи об Асканио держались довольно долго, и его многочисленные враги старательно обращали на них внимание папы. Дошло до того, что перепуганный вице-канцлер бежал из Рима и укрепился в своем замке в Гротта-Феррата. Он отказывался вернуться в Вечный город, пока Александр не заявил, что уверен в его невиновности.

Не остался без внимания и младший брат герцога Жофре — оказалось, и у него был серьезный счет к покойному. Дело касалось любвеобильной Санчи. Неаполитанская красавица охотно уступала всем, сколько-нибудь настойчивым домогательствам, и в числе ее любовников молва называла имя Джованни. Слух о братоубийстве на почве ревности возникал снова и снова, и в конце концов Александру пришлось прибегнуть к официальной процедуре — особым постановлением консистории Жофре Борджа, принц Скуиллаче, был объявлен вне подозрений.

В конце августа папа распорядился прекратить расследование, но все остались при убеждении, что Александр знает имена людей, убивших его сына. Как писал флорентийский посол Браччи, «его святейшество, не имея возможности доказать вину известных ему убийц, решил дать им успокоиться, рассчитывая, что они сами выдадут себя неосторожным словом». Впрочем, впоследствии Браччи не пытался подтвердить свое мнение.

Между тем появились новые версии, новые догадки. Всплыло имя старых врагов папы — Орсини; мотивом преступления объявлялась месть за проигранную войну. Называли и Бартоломео д'Альвиано — он также имел основания ненавидеть Борджа, хотя тайное убийство никак не вязалось с репутацией отважного молодого воина.

Все эти умозаключения, в равной степени оставшиеся бездоказательными, имеют, однако, определенную ценность — они показывают, что подозрение в убийстве герцога падало поочередно на всех, с кем он поддерживал какие-либо отношения. И было бы поистине удивительно, если бы в этом ряду рано или поздно не появилось имя Цезаре Борджа.

Первые высказывания о причастности архиепископа Валенсийского к трагическим событиям той июньской ночи.

относятся к февралю следующего года. Они совпали с взволновавшим весь Рим слухом о намерении Цезаре оставить духовное поприще и вести дальнейшую жизнь уже в качестве светского лица. Общественный интерес к остальным подозреваемым уже иссякал, преступление по-прежнему оставалось нераскрытым, и соблазн связать изменения в статусе Цезаре с братоубийством оказался слишком силен. А много позже эти слухи, уже в качестве исторического факта, были освящены авторитетом Грегоровия в многотомной «Истории средневекового Рима».

Отдавая должное эрудиции и истинно немецкому прилежанию историка, следует отметить и его недостатки — такие, как чрезмерная безапелляционность суждений или перечисление обстоятельств, которые могут быть известны только Господу Богу. Достаточно вспомнить, например, строки, повествующие о том, что творилось в душе Цезаре Борджа во время коронации неаполитанского короля. Такое же недоумение вызывает пассаж, где говорится о «твердой убежденности Александра VI в виновности Цезаре, хотя реальных доказательств его участия в убийстве герцога собрать не удалось». Эти слова достойны писателя-романтика или провидца, читающего в душах давно умерших людей, но не ученого.

Как бы то ни было, сам Грегоровий вынес окончательный вердикт о виновности молодого архиепископа в каиновом грехе. Побудительными причинами назывались зависть, борьба за власть — и, конечно же, ревность. Кардинал завидовал брату, занявшему столь блестящее положение, тогда как сам он вынужден был облачиться в сутану; существование Джованни ставило крест на честолюбивых замыслах Цезаре, ибо именно Джованни был любимцем отца; и, наконец, братья враждовали из-за страстной и преступной любви к одной и той же женщине — Лукреции, своей сестре.

Так недоказанное обвинение в кровосмешении само по себе стало доказательством братоубийства.

Все же Грегоровий был слишком добросовестным исследователем, чтобы не подкрепить свои взгляды ссылками на свидетельства современников Борджа. Но именно здесь и таится опасность: заранее составив предвзятое мнение, ученый неспрогнозно уделяет большее внимание материалам, подтверждающим его правоту. А сведения, противоречащие теории, частенько выпадают из поля зрения. Список авторов, чьи сообщения использовал в своей работе Грегоровий, выглядит очень внушительно: Саннадзаро,

Капелло, Макиавелли, Матараццо, Сануто, Пьетро д'Ангера, Гвиччардини и Панвинио. Однако попробуем вооружиться лупой критического анализа и выяснить — что именно мог знать каждый из них и насколько определенные приводимые ими сведения.

Первым в нашем ряду стоит Саннадзаро — неаполитанский поэт, создатель множества сатирических, а зачастую и не вполне пристойных эпиграмм. Его творения пользовались довольно широкой популярностью, но, вероятно, никому из современников не пришло бы на ум, что хлесткие и грубые шутки Саннадзаро могут быть возведены в ранг свидетельских показаний. Пикантность той или иной новости интересовала его куда больше, чем правдивость, а политика и история рассматривались им лишь как исходный материал для памфлетов. Хорошим примером легкомыслия и бессердечности неаполитанца может служить факт написания эпиграммы⁽¹⁾ на смерть Джованни Борджа — и это в то время, когда даже враги, вроде Джулиано делла Ровере и Савонаролы, сочли необходимым выразить папе свое соболезнование.

Однако примечательно, что в самых едких сатирах, посвященных кардиналу Валенсийскому, Саннадзаро ни словом не упоминает о братоубийстве, полностью сосредоточиваясь на «клубничке» — теме сожительства Чезаре с собственной сестрой.

Насколько можно судить, перу Капелло, феррарского посла в Венеции, принадлежит первая запись, в которой ответственность за убийство прямо возлагается на Чезаре Борджа. Но донесение, датированное двенадцатым февраля 1498 года, написано в Венеции, и в данном случае посол просто воспроизводит римские слухи, докатившиеся до места его службы. А сам он очутился в Вечном городе лишь через два года после событий, описываемых им с уверенностью очевидца — или лжеца.

Капелло вообще отличался несколько чрезмерной для дипломата склонностью к драматизации. В одном из своих писем он излагает, например, обстоятельства гибели некоего Перотто — дворецкого Александра VI, «заколотого кардиналом Валенсийским прямо на руках его святейшества, пытавшегося спасти своего слугу; кровь убитого брызнула папе в лицо».

Несчастный Перотто — или, точнее, Педро Кальдерон — действительно умер насильственной смертью, но совершенно бескровно, и никто, кроме Капелло, не называл убийцей Чезаре Борджа. По сообщению Сануто, тело

Перотто, утонувшего или утопленного в Тибре, было выловлено через шесть дней после его исчезновения из Ватикана. Почти так же излагает события Бурхард, добавляя, что дворецкий оказался в реке «*non libenter*»^{*}.

Таким образом, высокохудожественные подробности, приводимые Капелло, еще не дают основания считать феррарского посла «надежнейшим источником», как это делал Грегоровий.

Комментарий Макиавелли краток, ясен и... бесполезен. Флорентийский секретарь знал цену слухам. Не располагая собственной достоверной информацией, он лишь зафиксировал картину общественного мнения на данный момент. В «Отрывках из писем к Совету десяти» Макиавелли, сообщая о преступлении в Риме, пишет: «Поначалу никто ничего не знал, а впоследствии говорили, будто это сделал кардинал Валенсийский». Заметим, что свои «Отрывки» Макиавелли составлял во Флоренции и на основании посольских донесений.

О перуджанском летописце Матараццо мы уже говорили — его слова заслуживают доверия лишь постольку, поскольку относятся к событиям в родном городе. Во всех остальных случаях утверждения Матараццо разительнo отличаются от других имеющихся в нашем распоряжении текстов.

Верный своему самобытному подходу, Матараццо приводит особую версию событий. Он поддерживает обвинения в инцесте⁴⁰, но любовником Лукреции считает погибшего Джованни Борджа, а его убийцей — оскорбленного, обманутого и фактически изгнанного из Рима Джованни Сфорца. Такой схеме нельзя отказать в логике; настаивает лишь обилие подробностей, приводимых перуджийцем, но не подтвержденных ни одним другим автором. Сам Матараццо скромно умалчивает об источниках своей удивительной осведомленности. Но, даже не пытаясь судить о правдивости его рассказа, заметим, что он не содержит каких-либо конкретных обвинений в адрес Чезаре, если не считать таковыми упоминание о «неслыханных и ужасных обычаях, царивших в этом семействе».

Большого внимания заслуживают письма Сануто — внимательного и беспристрастного наблюдателя, который к тому же в 1497 году находился в Риме. Однако и в них мы не находим ясного ответа. Сануто с одинаковым приле-

* «Не по своей воле» (лат.).

жанием излагает несколько версий, возникших после убийства герцога, и возлагает вину то на Асканио Сфорца, то на Орсини, то на Чезаре Борджа. Интересно, что хотя мотивом преступления снова названа ревность, объект ее уже иной — Санча Арагонская, жена Жоффе. Вместе с тем Сануто ни разу не упоминает об интимных отношениях братьев с Лукрецией.

Пьетро Мартире д'Ангьера, испанский дипломат и государственный деятель, был полностью убежден в факте братоубийства. Его суждения не лишены остроумия, но их свидетельская ценность невелика, поскольку автор пребывал в тысяче миль от места событий, в Бургосе. И уже совершенно необъяснимой выглядит датировка того письма, в котором д'Ангьера излагает свои соображения об убийстве герцога: 9 апреля 1497 года, за два месяца до действительной смерти Джованни Борджа! Очевидно, в данном случае мы имеем дело с фальсификацией источника — если только д'Ангьера не обладал даром предвидения.

Гвиччардини принадлежал уже к следующему поколению историков, творивших в условиях раскола западного христианства на два враждебных — и нередко воевавших — лагеря. Хотя флорентийский хронист и оставался католиком, он был последовательным противником политической власти пап, а потому не упускал ни одной возможности представить их в самом неприглядном виде. История убийства Джованни Борджа, слухи, которыми оно обросло, — все это Гвиччардини использовал как обвинительный материал против папства в целом. Можно соглашаться или спорить с его аргументацией и выводами, но важнее другое: Гвиччардини не является независимым свидетелем. Описывая в своей «Истории Италии» событие, происшедшее тремя десятилетиями раньше, он всего лишь цитирует сообщения прежних авторов — в первую очередь Капелло и Матарazzo.

Пампинио, написавший «Историю пап», работал уже во второй половине XVI века. Книга его пестрит неточностями, и к нему в равной мере относится все, что сказано в предыдущих строках о Гвиччардини.

Итак, мы видим, какой разноречивой царит в оценках современников Борджа — а ведь мы обратились только к тем, на чьи мнения ссылается Грегоровий, желая доказать собственную точку зрения. При всем разнообразии и произволе имеющихся гипотез необходимо признать, что ни одна из них не может считаться хотя бы формальным доказа-

тельством причастности кардинала Валенсийского к убийству его брата Джованни.

Но, говорят, что не бывает дыма без огня. Как же возникли слухи о роковой любви обоих братьев к сестре? Ведь именно ревность считалась главной причиной вражды между Чезаре и Джованни. Эта загадка решается довольно просто.

В сентябре 1497 года папа объявил недействительным брак Лукреции с Джованни Сфорца. Основанием для расторжения была названа неспособность мессера Сфорца к исполнению супружеских обязанностей — *impotentia coeundi*.

Всякий, кто имеет представление хотя бы о современной Италии, легко поймет, каким громовым хохотом встретила такое известие Италия XV века. Вся страна издевалась над опозоренным мужем. Вздвигнув Джованни, не имевшему возможности заткнуть сталью глотки врагов и насмешников, оставалось лишь отвечать ложью на ложь и оскорблением на оскорбление.

Так он и сделал. И дома, в Пезаро, и в других городах Джованни не устал повторять, что возведенная на него гнусная клевета служит лишь одной цели — скрыть невероятные оргии, в которых участвовали чуть ли не все члены семейства Борджа.

Мысль о том, что престарелый отец, да еще и римский папа, развлекается в объятиях развратной дочери, была слишком чудовищной, чтобы утвердиться в умах людей и получить широкую огласку. Эта часть выдумки как-то сразу отошла на задний план — повторять ее казалось и грешно, и небезопасно. Другое дело — любовные похождения блистательного молодого красавца Чезаре. Предполагаемый роман кардинала с прекрасной Лукрецией тешил воображение слушателей, но не ужасал их; к тому же пересказ этой истории не мог квалифицироваться как святотатство.

Таковы истоки мрачной «легенды Борджа». А теперь оставим интимную жизнь наших героев и попробуем взглянуть на вопрос с другой стороны, чтобы решить, действительно ли смерть Джованни была настолько выгодна его брату, как это принято считать? Каким образом существование герцога Гандия могло стать помехой честолюбивым замыслам кардинала Валенсийского? И как сам Чезаре использовал ситуацию, возникшую после смерти брата?

Ответ в обоих случаях отрицателен. Уже к середине 90-х годов жизненные пути старших сыновей Александра VI разошлись, в прямом и переносном смысле, доста-

точно далеко. Конечно, не все поступки людей объясняются логическими соображениями, хотя, кстати сказать, Чезаре всю жизнь оставался вполне рациональным человеком. Несомненно одно: Джованни Борджа, получивший герцогство в Испании, ни с какой точки зрения не являлся соперником брату, избравшему ареной своей деятельности именно Италию. Кроме того, конкуренция между ними исключалась ввиду полного несходства характеров. Насколько можно судить, Джованни был довольно заурядным молодым человеком: недалекий, чувственный и чванливый, он не обладал ни честолюбием брата, ни его холодным умом, ни талантами политика и полководца. Правда, Александр VI предоставил ему должность главнокомандующего, но, как мы помним, Джованни не снискал особой славы на военном поприще, да и не собирался задерживаться в Италии.

Утверждение о том, будто смерть герцога связана с желанием Чезаре сложить кардинальский сан и вернуться к светской жизни, настолько странно, что едва ли заслуживает специального разбора. Джованни, живой или мертвый, не имел к этому никакого отношения и не мог ни помочь брату, ни помешать ему совершить задуманное.

Действительно, Чезаре Борджа впоследствии отказался от кардинальского пурпура и был провозглашен знаменосцем церкви. Но эти события произошли почти через два года после смерти Джованни. Герцог, останься он в живых, к тому времени спокойно царствовал бы в Гандии. Безоблачная жизнь повелителя обширной области, включавшей несколько городов, в роскоши и безопасности, привлекала его куда больше, чем замысловатые лабиринты римской политики.

И, наконец, еще один факт. За Пиренеями остался маленький сын Джованни, законный наследник его титула и владений, к которому беспрепятственно перешло все имущество герцога. И Чезаре, назначенный опекуном, не делал никаких попыток захватить права племянника или его матери — Марии Энрикес, овдовевшей герцогини Гандия.

Подытожим сказанное. Ни показания свидетелей, ни материальные соображения, ни последующий ход событий — ничто не дает нам оснований обвинить Чезаре Борджа в убийстве брата. Ничто, кроме клеветы, которая повторялась веками, но не превратилась в правду.

Истинный виновник остался ненайденным. Внешний вид жертвы — множество ран, связанные руки, кинжал, оставшийся в ножнах, — свидетельствует, во-первых, об

умелой подготовке преступления — Джованни, прежде чем умереть, был лишен возможности обороняться — и, во-вторых, о личной ненависти организатора убийства к молодому герцогу. Но этих соображений недостаточно. Куда отправился Джованни в ту роковую для него ночь? Кто скрывался под маской и что связывало таинственного незнакомца с герцогом? Они виделись ежедневно в течение целого месяца — это подтверждено Бурхардом и Сануто. В ночь убийства замаскированный спутник герцога бесследно исчез. Какова его роль во всей истории? И, наконец, кем был всадник с золотыми шпорами, главарь убийц, выехавший на берег с безжизненным телом Джованни на крупе коня? Всем этим вопросам суждено остаться безответными.⁴¹

Глава 9

ОТКАЗ ОТ ПУРПУРА

Одрахлевшим, разбитым и опустошенным выглядел человек, который вошел в зал консистории девятнадцатого июня 1497 года. Папа объявил кардиналам, что и мир, и собственная жизнь отныне утратили для него смысл и всякое значение.

«Невозможно было бы причинить Нам большее горе. Мы нежно любили его — и вот он убит. Ничто, даже сан римского папы, не сможет облегчить эту скорбь и не принесет утешения. Ах, будь у Нас не одна, а семь тиар — все их с великой радостью отдали бы Мы за жизнь Нашего сына».

Так говорил Александр. Он публично каялся, признаваясь, что вел недостойную, несовместимую с его саном жизнь, забыв о христианском долге и об ответственности пастыря. Гибель любимого сына — кара, посланная Всевышним за грехи отца...

Впоследствии эта сцена не раз использовалась как признак виновности Александра VI во всех приписываемых ему преступлениях. Рассуждение строилось по очень простой схеме: раз уж сам старый Борджа считал смерть Джованни заслуженной карой небес, значит, ему было в чем каяться. Но такая трактовка свидетельствует лишь о полном незнании человеческой души или предвзятости. В самом деле, ведь давно известно, что все святые считали себя при жизни закоренелыми грешниками. Конечно, Алек-

сандр VI не был святым, но будь он тем кровожадным чудовищем, каким изображают его многие авторы, вряд ли угрызения совести столь явно проявились бы у папы в тот день.

Далее он сказал, что отныне хочет направить все помыслы лишь на духовные нужды церкви. Осудив продажность и развращенность духовенства в целом, он снова подтвердил, как велика его собственная вина в умножении этого зла, и объявил о желании осуществить глубокую реформу церкви, в том числе римской курии ⁴². Для изучения вопросов, связанных с будущей реформой, и подготовки необходимых мероприятий была создана комиссия в составе шести кардиналов.

Какое-то время Александр даже подумывал об отречении, но одно лишь упоминание о таком акте вызвало в конклаве целую бурю протестов. Насколько серьезно рассматривал папа возможность возврата к частной жизни, неизвестно. Вняв уговорам, он отложил принятие окончательного решения и впоследствии уже не возвращался к этой идее.

Отовсюду приходили в Ватикан письма с соболезнованиями. Даже Джулиано делла Ровере, казалось, забыл старую вражду — что, впрочем, вполне соответствовало его интересам на данный момент — и сообщил из Франции о своем искреннем сочувствии горю святого отца. Это письмо послужило прологом к примирению папы с кардиналом.

Еще примечательнее, что флорентийский проповедник Савонарола, «неистовый чудотворец», которого многие называли святым, прервал свои обличительные речи против папства из уважения к тяжелой утрате, постигшей главу столь гневно бичуемой им церкви. Сохранилось его послание в Рим, где он молит Господа ниспослать утешение Александру.

Письмо Савонаролы — очень любопытный документ, говорящий о личности знаменитого монаха куда больше, чем иные книги, посвященные его роли в истории. Несомненно, что именно сострадание побудило Савонаролу взяться за перо, но привычка и страсть к проповедям быстро заслонили первоначальную цель. Он пускается в пространные и совершенно неоригинальные рассуждения о вере, о бесконечном Божьем милосердии, покрывающем все человеческие грехи, и, вдохновляясь собственными красноречием, явно забывает, что обращается к убитому горем отцу. Савонарола призывает папу «отринуть несчастных и безбожных советчиков и прислушаться к голосу истинных ревнителей христианской веры», — тогда Господь не

замедлит утешить его, как некогда утешил Иова ⁴³, и уже не отнимет от губ святого отца чашу благодати и радости. В заключение, по не вполне понятной логике, Савонарола предупреждал, что «уже приблизилась гроза гнева Господня», и напоминал о верности всех своих предсказаний.

Давно известно, что фанатизм несовместим ни с тактом, ни с чувством меры. И все же это письмо — дополнительное свидетельство уважения итальянцев к Александру VI.

Между тем комиссия, учрежденная папой для подготовки церковной реформы, усердно трудилась и уже через месяц представила его святиейшеству подробный доклад. Но настроение Александра к тому времени изменилось.

Текст доклада, испещренный пометками и замечаниями папы, сохранился до наших дней, однако практического значения он не имел и даже не был опубликован.

Раздумав перестраивать церковное здание в целом, Александр VI, видимо, сохранил желание показать, что шутки с ним отныне плохи. Ничем иным нельзя объяснить необычно жестокую расправу с провинившимся епископом Козенцы.

В Риме происходила оживленная торговля подложными индульгенциями. Уже в первый год своего понтификата Александр в специальной булле, адресованной испанским епархиям, строго напоминал о необходимости беспощадного преследования изготовителей и продавцов фальшивых отпущений грехов. И вот, по сообщению Бурхарда, в сентябре 1497 года были схвачены трое служащих Бартоломео Флоридо, тайного секретаря папы и епископа Козенцы. У арестованных обнаружилось более двенадцати поддельных индульгенций, и на допросе они показали на своего господина. На очной ставке Флоридо сознался в совершенном преступлении, и папа приказал бросить его в каземат замка св. Ангела. Там, на хлебе и воде, бывшему епископу пришлось каяться в своей предприимчивости, пока смерть не освободила его от оков. Еще страшнее была участь трех помощников — по закону их, подобно фальшивомонетчикам, ждал костер на Кампо-дей-Фьори.

В том же месяце решилась судьба Марии Энрикес, вдовы герцога Гандия, и ее детей — трехлетнего Хуанито и двухлетней Изабеллы. Папа без промедления подтвердил их права, и маленький Хуан стал третьим герцогом Гандийским, князем Сессы и Теано, государем Чериньолы и Монтефосколо. До совершеннолетия герцога управление его землями доверялось дяде, кардиналу Борджа. Только свой последний подарок покойному сыну — Бене-

вентский лен — Александр решил передать во владение Чезаре.

Испанскую ветвь рода Борджа ждало славное будущее. Четвертому герцогу Гандия — Франсиско Борха — предстояло стать гофмаршалом при дворе императора Карла V. После смерти королевы Изабеллы, испытав глубокий душевный надлом, он отвергнет мирскую жизнь. Вступив в Общество Иисуса, герцог пройдет все ступени его иерархической лестницы и умрет в 1562 году генералом Ордена. Впоследствии же Франсиско Борха будет причислен к лику святых.

Несчастье, обрушившееся на семью, задержало отъезд Чезаре в Неаполь, но все же откладывать коронацию Федерико на долгий срок не стоило. Двадцать второго июля, простившись с отцом, кардинал выехал из Рима, сопровождаемый свитой в двести человек.

Его встреча с королем произошла в Капуе — из-за эпидемии лихорадки в Неаполе был объявлен карантин. Но Чезаре не сумел избежать заразы и несколько дней тяжело болел, к немалому беспокойству свиты и короля. Наконец, почувствовав себя лучше, архиепископ Валенсийский совершил требуемую церемонию. Коронацию не омрачили никакие непредвиденные эксцессы, хотя вообще в Неаполитанском королевстве было неспокойно. Продолжала полыхать вражда между сторонниками Арагонского дома и галлофилами ⁴⁴, и дело доходило до вооруженных столкновений. Несмотря на изгнание французов, трон под Федерико казался не слишком надежным, и Чезаре должен был по возможности примирить обе партии. Но сам король не возлагал на это больших надежд. Получив благословение святого отца и корону из рук горделивого светложудрого юноши вдвое моложе себя, он не стал задерживать кардинала и в конце августа со всевозможными почестями отпустил его в Рим.

Утром шестого сентября все прелаты, находившиеся тогда в Вечном городе, и послы союзных государств собрались в монастыре Санта-Мария Нуова, чтобы приветствовать вернувшегося из поездки архиепископа Валенсии.

После мессы была назначена аудиенция у его святейшества. Когда молодой кардинал приблизился к трону Александра VI, «папа обнял и поцеловал его, но не произнес ни слова». Так описывают их встречу два очевидца — Бурхард и Сануто, и молчание папы в тот день до сих пор считается фактом многозначительным. По глубокому убеждению Грегоровия, продемонстрированная папой

холодность доказывает, что он не сомневался в братоубийстве, совершенном Чезаре. Но можно ли считать сам поцелуй естественным актом по отношению к убийце? И наоборот, если бы Александр заговорил с сыном, не поцеловав его, о чем свидетельствовал бы такой нюанс?

Как уже говорилось, в феврале 1498 года появились первые слухи о намерении Чезаре Борджа сложить с себя сан. Они крепили и становились все определеннее, показывая, что у папы родился некий план, осуществлению которого мешает пурпурное облачение сына. И действительно, Александр задумал женить его на Карлотте Арагонской, дочери Федериги, потребовав в качестве приданого два княжества — Альтамуру и Таранто.

Король был вовсе не в восторге от такой перспективы. Нашествие французов истощило Неаполитанское королевство и опустошило казну, а замужество прекрасной Санчи уже обернулось потерей княжества Скуиллаче. Федериги не желал отдавать ненасытным Борджа еще два огромных лена, но и ссориться с папой ему не хотелось. Снедаемый тревогой, расхаживал он ночами по залам дворца, раздумывая, как увернуться от нависших над его владениями рогов Быка.

Между тем слухи становились все скандальнее. Поговаривали, что папа готов презреть непреложность celibата и дать сыну официальное разрешение на брак, сохранив за ним все церковные должности. Вряд ли Александр действительно готовил столь беспрецедентный шаг, но сама мысль о подобном кощунственном варианте побудила Федериги к действию. Решив выбивать клин клином, неаполитанский король предложил его святейшеству подумать о другой паре возможных супругов. Он имел в виду своего племянника Альфонсо и Лукрецию, чей развод с Джованни Сфорца уже был оформлен в римской курии. Папа согласился, и свадьбу решили отпраздновать в Риме двадцатого июня 1498 года. Приданое невесты составляли 40 000 дукатов, но хитрый Александр позаботился о том, чтобы расход окупился — он настоял на выделении в самостоятельное княжество двух неаполитанских городов — Бишелье и Корато. Будущий муж Лукреции получал их в собственное владение, становясь таким образом герцогом Бишельским.

И все же папа, к неудовольствию Федериги, не переставал возвращаться к мысли о женитьбе Чезаре. Тогда король объявил, что должен обсудить этот вопрос с их католическими величествами. Такой маневр позволял ему как

бы переместить ответственность из Неаполя в Мадрид, не боясь осложнений, — Александр, конечно, не захочет портить отношения с испанским двором и смирится с отказом, подкрепленным ссылкой на мнение Фердинанда и Изабеллы. Но все тонкости итальянской брачной дипломатии вскоре отошли на задний план, уступив место более важным делам: из Франции пришла весть о кончине Карла VIII.

Смерть короля, если верить летописям, наступила в результате случайности настолько нелепой, насколько можно только это представить. Будучи в замке Амбуаз, Карл захотел посмотреть, как продвигается работа художников, вывезенных им из Неаполя; итальянцам доверили роспись стен в королевских покоях. Поспешно пробираясь темным замковым коридором, он наткнулся на полуоткрытую дверь и упал, сильно ударившись головой. Вечером того же дня Карл VIII скончался.

Теперь на французский трон взошел Людовик, герцог Орлеанский. Уже его миропомазание в Реймсе стало поводом для сильнейшей тревоги в Италии — Людовик принял сразу три короны, объявив себя королем Франции, обеих Сицилий и герцогом Миланским. Лодовико Сфорца и Федерико восприняли этот шаг как начало войны и даже отозвали своих послов из Парижа. Всем было ясно, что христианнейший король намерен вести весьма активную и не вполне дружественную политику к югу от Альп. И конечно, ему не обойтись без помощи римского папы.

Людовик XII понимал это, как и Александр VI. У короля имелась и еще одна веская причина искать расположения Ватикана — едва успев занять престол, он направил в Рим прошение о разводе с женой — Жанной Валуа, дочерью покойного Людовика XI (которому наследовал Карл). Свое желание расторгнуть брак король обосновывал довольно убедительными доводами. Во-первых, он женился против собственной воли, подчиняясь требованию хитрого и безжалостного Людовика Валуа — в случае неповиновения герцогу грозила потеря всех владений, а возможно, и смерть. Во-вторых, сам Людовик XI был крестным отцом герцога Орлеанского, так что жених и невеста считались в каком-то смысле братом и сестрой; согласно же постановлению Триентского собора такая степень родства исключала возможность брака. В-третьих, физический недостаток лишил Жанну способности к деторождению⁴⁵.

Получив письмо, папа сразу же образовал комиссию из нескольких епископов под председательством кардинала Люксембургского для всестороннего и тщательного изуче-

ния столь важного вопроса. У нас нет оснований утверждать, что отцы церкви покривили душой, вскоре признав этот брак недействительным. Их решение, хотя оно и было выгодно святейшему престолу, полностью соответствовало канонической точке зрения на супружество.

Кроткая принцесса, с юности привыкшая подчиняться — сперва суровому отцу, затем мужу, который откровенно тяготился ее обществом, — не пыталась протестовать. Она только обратилась к папе с просьбой разрешить ей основать монашеский орден во славу Девы Марии. Расстроганный Александр немедля выслал Жанне требуемую буллу и свое благословение. Кстати сказать, сам он, по-видимому, испытывал какое-то особое благоговение перед светлым образом Девы Марии. Оно не раз ощущалось в его речах и поступках и было отмечено современниками. Такое поклонение Деве — олицетворению чистоты и непорочности — наверняка покажется странным для столь чувственного и во всех отношениях очень земного человека. Как мог папа искренне чтить Богоматерь, сам не становясь при этом чище и милосерднее, продолжая вести жизнь, исполненную греха и мирских страстей (хотя, конечно, диапазон его прегрешений был уже не тот, что в молодости)? Не лицемерил ли Александр VI? Но, скорее всего, никакого лицемерия не было. Здесь мы снова встречаемся с уже упоминавшейся характерной чертой людей средневековья — алогичностью, непоследовательностью их поступков — с нашей точки зрения, конечно.

Из королевского развода папа собирался извлечь максимум пользы. Момент казался чрезвычайно благоприятным — представлялась возможность сразу обеспечить сыну высокое положение, независимое от церкви, но уже за счет Франции. Возрастали и его шансы на брак с дочерью Федерико, поскольку Карлотта Арагонская жила и воспитывалась не в Неаполе, а при французском дворе.

Деликатную миссию папа возложил на епископа Сеуты — ему поручалось сообщить христианнейшему королю о дозволении развестись с Жанной Валуа, а заодно изложить Людовику личную просьбу его святейшества. Александр уже не скрывал, что предстоящее отречение кардинала Борджа — вопрос решенный, и просьба заключалась в предоставлении Цезаре двух французских графств — Валанса и Дуа.

Эти графства, расположенные в предгорьях Альп, почти двести лет были предметом споров между французскими королями и Ватиканом. Незадолго до смерти Людо-

вик XI формально передал суверенитет над ними святейшему престолу, фактически сохранив там свою власть. Но Карл VIII отказался признать договор, к вящему негодованию папы Иннокентия.

И вот теперь Александр предлагал компромисс. Оба графства юридически остаются в составе французского королевства, не переходя к церкви, но его христианнейшее величество объединяет их в герцогство, сюзереном которого становится Чезаре Борджа.

Людовик XII не возражал против предложенной сделки, однако считал, что герцогство — слишком высокая плата за единственную услугу. Король, как и папа, умел позаботиться о своей выгоде. Понимая, сколь волнует святого отца судьба архиепископа Валенсийского, Людовик решил воспользоваться удобным случаем и окончательно устроить свою семейную жизнь, а заодно помочь ближнему. Итак, король дал знать Александру VI, что исполнит волю его святейшества, но при этом просит еще о двух небольших одолжениях: во-первых, о церковном разрешении на брак с молодой вдовой Карла VIII, прекрасной Анной Бретонской, а во-вторых, о кардинальском пурпуре для епископа Руанского. Епископ, Жорж д'Амбуаз, был верным другом герцога Орлеанского со времен Людовика XI, а теперь стал главным советником короля.

Папа принял оба условия, и седьмого августа 1498 года полномочный посол, сьер Луи де Вильшев, торжественно вручил Чезаре Борджа королевский диплом — грамоту, дарующую ему и его потомкам корону герцогов Валентинуа. В тот же день новоявленный герцог предстал перед священной коллегией, чтобы просить о сложении с себя сана.

Преклонив колени у папского трона, Чезаре исповедал собравшимся свой грех — отсутствие стремления к духовному служению. Лишь повинаясь воле отца всех верующих, принял он священный сан, но душа его оставалась мирской. Не в силах противостоять влечению и не желая идти против совести, он умолял его святейшество ■ весь конклав о единственной милости — позволить ему сдать должности и бенефиции, доверенные святой церковью, сложить сан и вернуться в мир. В заключение герцог сообщил также о своем желании вступить в брак.

Эта церемония была, конечно, просто спектаклем, но все же не обошлось без неожиданностей. Кардинал Хименес выступил с резким протестом, отказываясь удовлетворить просьбу преосвященного Борджа. В данном случае строптивость испанского прелата объяснялась чис-

то политическими мотивами: Фердинанда и Изабеллу весьма беспокоил наметившийся союз между Ватиканом и Францией.

Решение коклава должно было быть единогласным, и Александр поспешил вмешаться в дискуссию. Призвав всех к тишине, он заявил, что не видит причин, да и возможности, отказывать кардиналу Валенсийскому в просьбе, от выполнения которой явно зависит спасение его души — ведь нерадивого пастыря неминуемо ждет адское пламя. Этот аргумент — *pro salute animae suae* * — был неопровержим и заставил Хименеса умолкнуть, ибо спасение души кающегося грешника — всегда главная и первостепенная задача церкви. Впрочем, предусмотрительный папа тут же подсластил пилюлю, объявив, что все лежащие за Пиренеями бенефиции кардинала Валенсийского будут переданы испанскому духовенству. Доходы с этих земель достигали 35 000 флоринов ежегодно, и львиная доля предназначалась Хименесу. Кроме того, папа напомнил кардиналу, что поручил заботе их католических величеств своего малолетнего племянника герцога Гандийского и желает ныне и впредь сохранить самые теплые отношения с королевским двором. Под «племянником» подразумевался внук Александра VI Хуан, сын убитого Джованни.

Итак, разрешение было получено, и Чезаре мог начинать новую жизнь. По удивительной причуде судьбы титул его почти не изменился: из кардинала испанской Валенсии он превратился в герцога французского Валанса.

Но Чезаре Борджа все же приобрел новое имя, или, вернее, прозвище. Людовик XII, соединив оба графства, сделал их герцогством Валентинуа, и с тех пор так стали называть сына Александра VI во Франции. А для итальянцев он стал герцогом Валентино, войдя под этим именем в историю своей страны.

* Для спасения его души (лат.).

Книга третья

БЫК В НАСТУПЛЕНИИ

Cum numine Caesaris omen *

Девиз на рукояти шпаги Цезаре Борджа

Глава 10

ГЕРЦОГИНЯ ВАЛЕНТИНУА

Король Людовик снарядил целую флотилию, чтобы с подобающим почетом доставить во Францию нового вассала французской короны — герцога Валентинуа. В конце сентября 1498 года три корабля и пять галер стали на якорь в гавани Остии.

В Риме спешно заканчивались последние приготовления к отъезду Цезаре. Папа желал, чтобы его сын предстал при французском дворе во всем великолепии, приличествующем отпрыску княжеского рода Италии — страны, где наслаждение красотой и роскошью уже полторы тысячи лет считалось естественной целью человеческой жизни. Помимо этих соображений, герцог должен был олицетворять величие и могущество святейшего престола — в качестве посла Александра VI он вез королю разрешение на брак с Анной Бретонской, а епископу Руанскому — звание кардинала. Наконец, имелось еще одно, не менее важное, обстоятельство — во Франции Цезаре предстояло познакомиться со своей невестой.

Его свита насчитывала больше ста человек. Кроме слуг, пажей, испанских и итальянских дворян, в нее входили гофмаршал герцога Рамиро де Лорка, личный секретарь Агапито Герарди и придворный медик Гаспаре Торелла — всех их мы еще не раз встретим впоследствии на страницах нашего повествования. Особенно ценим был доктор Торелла — он был одним из немногих врачей своего времени, знавших способ лечения «французской болезни».

В свите Борджа находились молодые люди из трех десятков знатнейших римских фамилий — среди них Джанд-

* Все ради имени Цезаря (лат.).

жордано Орсини, Пьетро Сантакроже, Марио ди Мариано, Доменико Сангуинья, Джулио Альберини, Бартоломео Капраника и Джанбаттиста Манчини. Все эти семьи связали свою судьбу с интересами Александра VI. Не являлись исключением и Орсини — убедившись в бесперспективности борьбы с папой, они предпочли породниться с Борджа. Двадцать восьмого сентября в Ватикане отпраздновали свадьбу Фабио Орсини с Хироламой, племянницей Александра.

Ранним утром первого октября 1498 года Чезаре в сопровождении всей свиты выехал из Трастевере в Остию. Кавалькада двигалась по тенистой дороге вдоль берега Тибра. Римская молодежь предпочитала одеваться на французский манер, но надменные испанцы и в путешествии хранили верность модам Кастилии и Арагона. Среди яркого многоцветья расфранченных дворян резко выделялась высокая фигура герцога в черно-белом бархатном костюме. Ни кружева, ни золотое шитье не нарушали строгости его одежды, и лишь несколько кроваво-красных рубинов, «каждый величиной с боб», пылали в лучах восходящего солнца на черном берете, показывая, кто играет главную роль в этой толпе блестящих мужчин. Позднее в Риме рассказывали, что святой отец плакал от радости, глядя из дворцовых окон на гордого и прекрасного «сына своего сердца» (так он называл Чезаре в письме к королю), уезжавшего навстречу славе и могуществу. Вторая мечта старого Родриго де Борджа сбывалась на глазах.

Двенадцатого октября итальянцы высадились в Марселе, где высоких гостей встречал епископ Дижонский, и, не задерживаясь, направились в Авиньон. Там их с нетерпением ждал кардинал Джулиано делла Ровере. Нетерпение объяснялось горячим желанием кардинала восстановить добрые отношения — или, по крайней мере, видимость таковых — с его святейшеством. Первый шаг к примирению, заключавшийся в соболезнованиях папе по случаю смерти Джованни Борджа, был уже сделан, и теперь делла Ровере собирался, не щадя сил, помогать Чезаре, зная, что на свете не существует более верного способа добиться расположения папы.

Сам король был в отъезде. Французский двор временно расположился в Шамонском замке; еще не окончилась работа в новом королевском дворце в Блуа. Около месяца Чезаре со святой прожил в Авиньоне, в обществе сменявшихся друг друга прелатов и вельмож. Наконец, в середине

декабря курьер привез известие о возвращении его христианнейшего величества, и герцог выехал в Шинон.

Торжественность прибытия Чезаре Борджа ко двору Людовика была достойна посланника апостольского престола. Сперва в ворота замка вошли двадцать четыре белых мула, нагруженных дарами королю; их бархатные попоны украшал вышитый золотом герб Борджа — пасущийся бык. Слуги вели под уздцы шестнадцать чистокровных лошадей в серебряной сбруе с серебряными стремянами. Затем следовали восемнадцать конных пажей и толпы прислужников разного ранга — все, как один, в красно-желтых ливреях с гербами. За ними, в окружении трех десятков молодых дворян, ехал герцог.

Его вороной конь, покрытый чешуйчатой попоной из ажурных золотых листьев тончайшей работы, с хвостом, охваченным жемчужной сеткой, казался невиданным произведением искусства. Говорили, что герцог велел подковывать своего любимца золотыми подковами, и когда гвозди стирались, то потерянную подкову не поднимали с дороги — она оставалась лежать, сверкая в пыли, в качестве драгоценного дара первому путнику, которому посчастливится пройти вслед за Чезаре Борджа.

Но и всадник был под стать сказочному коню. Черный бархат по-прежнему облекал его с головы до ног. Сквозь прозрачные рукава сверкала золотая парча камзола, и, как раньше, на широком черном берете горели рубины. Но теперь на груди Чезаре покоилась тяжелая золотая цепь с усыпанным бриллиантами медальоном — знак герцогского достоинства. Впрочем, сын Александра VI немного предвосхищал события — ему еще предстояло получить желанный титул из рук короля.

Жорж д'Амбуаз, епископ Руанский, и другие придворные встретили гостя у моста и проводили в замок, где его ожидал повелитель Франции.

Людовик XII окружил Чезаре вниманием и почетом, и все вельможи французского двора, светские и духовные, наперебой старались выказать сыну Александра VI самую искреннюю и теплую привязанность. Пожалуй, единственным исключением, темным пятнышком на ярком фоне всеобщего подчеркнутого радушия, оказалась невеста — Карлотта Арагонская.

Поговаривали, будто сердце принцессы уже отдано некоему молодому бретонцу из свиты королевы Анны. Возможно, в этом слухе имелась доля истины. Во всяком случае, холодность принцессы с блистательным женихом была

слишком явной, чтобы остаться незамеченной и не вызвать многочисленных толков. Кардинал делла Ровере, ставший отныне усердным ревнителем интересов папы при французском дворе, не замедлил известить Александра об этом прискорбном обстоятельстве. Сам делла Ровере видел в столь необъяснимом поведении девицы результат неких враждебных Ватикану интриг, о чем и сообщил его святейшеству.

Скорее всего, кардинал ошибался, ибо судил по себе. История знает немало примеров того, как романтическая любовь нарушала далеко идущие планы монархов и князей. Не вняв уговорам, Карлотта объявила, что вступит в брак с герцогом лишь после того, как неаполитанский посол передаст ей соответствующий приказ отца, короля Федерико. Разумеется, посол не имел таких полномочий.

Людовик был в ярости. Оскорбление, нанесенное сыну Александра VI, разом ставило под удар всю трансальпийскую политику короля. Не могло быть и речи о том, чтобы визит герцога завершился таким скандалом.

Здесь стоит упомянуть об одной истории, имевшей место во время пребывания Чезаре во Франции и включенной в эпопею вымышленных преступлений Борджа. Она основана на сообщении Макиавелли. В «Отрывках из писем к Совету десяти» флорентийский секретарь пишет следующее:

«Разрешение на брак короля Франции было вручено Валентино папой перед самым отъездом и в глубочайшей тайне. Папа велел не показывать и не отдавать этот документ королю до тех пор, пока тот не выполнит всех пожеланий герцога. Но в ходе переговоров епископ Сеуты выдал королю секрет, и король отпраздновал свадьбу, так и не увидев разрешения, но твердо зная, что оно существует. За свое предательство епископ был убит по приказу Валентино».

Этот рассказ использовался многими авторами, писавшими после Макиавелли. Но если не подозревать секретаря в намеренной лжи, то придется допустить, что его ввели в заблуждение. Существование диспенсации ⁴⁶ не составляло секрета — это видно хотя бы из того, что о ней упоминает феррарский посол Манфреди в письме от второго октября, на следующий день после отплытия герцога из Италии. Да и как мог бы сам Макиавелли узнать о деле, окутанном столь глубокой тайной, о том, что происходило с глазу на глаз между отцом и сыном Борджа? Что же до смерти Фернандо д'Альмейды, епископа Сеутского, то он

погиб седьмого января 1500 года во время осады Форли, где находился в составе герцогской свиты. Этот факт нашел отражение в «Хрониках» Бернарди и в «Истории Форли» Боноли, но, как всегда, прошел мимо внимания пристрастных обвинителей Борджа.

Но вернемся во Францию. Как уже говорилось, Людовик XII был исполнен решимости не отпускать Чезаре холостяком. Конечно, он досадовал, что принцесса Арагонская заупрямилась так некстати, но ведь при королевском дворе были и другие невесты. Король высказал эти соображения герцогу Валентинуа, и вскоре стало известно, что гость остановил свой выбор на семнадцатилетней красавице Шарлотте д'Альбре — дочери герцога Гиеннского и сестры короля Наварры.

Начались переговоры. Наваррский король не возражал против такой партии для своей племянницы, но Ален д'Альбре проявил неуступчивость. Объяснялось это просто: если дядя Шарлотты думал в первую очередь о сохранении дружбы французского короля, защищавшего маленькую Наварру от притязаний Кастилии, то прижимистый отец беспокоился о приданом, прикидывая, намного ли облегчит его казну молодой римский хищник. В конце концов, поддавшись уговорам Людовика, герцог д'Альбре согласился отдать свою дочь Борджа, не преминув, впрочем, заручиться подробными сведениями о доходах будущего зятя.

Приданое определили в размере 30 000 ливров (т. е. 90 000 франков), из которых шесть тысяч выплачивались Чезаре после свадьбы, а остальные — в виде ежегодных взносов по пятьсот ливров. Надо заметить, что даже такую сомнительную щедрость Ален д'Альбре проявил за счет покойной жены — вся сумма приданого представляла собой неотчуждаемую долю Шарлотты в наследстве ее матери, Франсуазы Бретонской. Предусмотрительный герцог заодно потребовал у дочери письменного отказа от любых имущественных притязаний в будущем. Кроме того, он намеревался сорвать солидный куш с Ватикана — после свадьбы папа должен был выплатить Шарлотте 100 000 ливров и дать звание кардинала сыну герцога — Аманье д'Альбре. Чезаре поручился за выполнение обоих требований.

Теперь планам Людовика XII обеспечивалась безоговорочная поддержка Рима, и в середине апреля в Блуа был подписан договор между французским королем и Венецианской республикой — фактически наступательный и обо-

ронительный союз против всех остальных государств. Единственное исключение делалось для правящего папы римского — святой отец мог, если будет на то его добрая воля, присоединиться к союзникам. То, что речь идет лишь об Александре VI, но не о его преемнике, специально оговаривалось в тексте договора.

Этот союз стал первым практическим шагом к низвержению дома Сфорца. Встречи короля с венецианцами проходили в обстановке строжайшей тайны, и о мече, уже нависшем над его головой, Лодовико Моро узнал с большим опозданием. В Милане был перехвачен папский гонец, направлявшийся во Францию. Ознакомившись с найденными у него письмами, герцог, к своему ужасу, убедился не только в существовании коалиции, но и в том, что к антимиланскому союзу примкнул Александр VI. Непосредственным следствием этого открытия стало поспешное бегство из Рима кардинала Асканио Сфорца.

А во Франции тем временем Чезаре Борджа наслаждался безоблачным счастьем. Двенадцатого мая в дворцовой церкви состоялось его бракосочетание с Шарлоттой д'Альбре, и уже на следующий день он получил из рук Лодовика «свадебный подарок» — орден св. Михаила, высшую награду королевства.

Любил ли герцог свою юную жену? Мы не располагаем прямыми указаниями на этот счет, но как обстоятельства их брака, так и последующие события свидетельствуют об искренней и пылкой привязанности двух молодых сердец. Да и могло ли быть иначе? И она, и он единодушно признавались красивейшими людьми своих стран, и если о жизни и характере Шарлотты известно сравнительно немного, то все современники отмечали неотразимую привлекательность Чезаре — его царственное обаяние не уступало внешности. Они провели вместе очень короткое время, затем расстались навсегда и умерли, не дожив до зрелого возраста — и все же, судя по всему, лето 1499 года, озаренное любовью и надеждой, стало бы лучшим воспоминанием Чезаре и Шарлотты, даже если бы судьба наградила их спокойной и долгой жизнью.

Но уже в сентябре вновь запели трубы войны. Приготовления к итальянскому походу закончились, и армия Людовика XII под командованием Джанджакомо Тривульцио двинулась через Пьемонт. Герцог Валентинуа находился в свите короля, и ему предстояло впервые вступить на родную землю в рядах армии завоевателей. Он простился с семнадцатилетней женой, назначив ее правительницей

всех своих французских владений, и, на случай смерти в бою, оставил завещание, по которому Шарлотте предназначалось все движимое имущество герцога в Италии и во Франции. Последний поцелуй — и Чезаре Борджа снова вдел ногу в стремя. Вороной конь, звеня золотыми подковами, унес седока навстречу осадам и сражениям, стычкам и штурмам, почестям, лести и проклятиям. Отныне и до смерти все его дела и помыслы будут неразрывно связаны с войной.

Глава 11

ОТХОДНАЯ ТИРАНАМ

Теперь Лодовико Сфорца предстояло пожинать плоды собственной жестокости и лицемерия — в час горькой победы, надвинувшейся на Милан, от него разом отвернулись друзья и союзники. Соседи слишком хорошо помнили нрав герцога и его дела, чтобы помогать Лодовико. А он, при всем своем уме, никак не мог предвидеть, что случайно приоткрывшаяся дверь в замке Амбуаз раскроит лоб Карлу VIII и тем самым сведет на нет хитроумный план низвержения Арагонской династии в Неаполе. Правда, нынешний французский король тоже собирался завоевать сицилийскую корону, но и относительно Милана у него имелись весьма определенные намерения, притом первоочередные.

Тщетно пытался «иль Моро» измыслить какую-нибудь новую комбинацию, заручиться чьей-нибудь военной помощью и отвести лавину, неудержимо катившуюся к его владениям. Уже никто не верил его слову и не искал его дружбы. Город за городом открывал ворота войскам французского короля, и падение Милана было вопросом немногих дней. О вооруженном сопротивлении не приходилось и думать, и единственное, что оставалось Сфорца, — попытаться спастись самому, уже без надежды сохранить престол.

Пока шло бескровное завоевание Миланского герцогства, Людовик со своей свитой находился в Лионе, но уже шестого октября все было кончено. Французский король въехал в Милан, встреченный всеобщей радостью — жители смотрели на него как на освободителя, ибо Черный Лодовико отнюдь не пользовался народной любовью. Целая

толпа французских и итальянских вельмож следовала за повелителем — горожане узнавали принца Савойского, герцогов Феррары, Монферра, Мантуи и других именитых особ. Был здесь и Чезаре Борджа — в отличие от прочих он ехал не за королем, а рядом с ним, и эта деталь не ускользнула от внимания зрителей.

А папа в Риме понял, что наконец настал его час. В середине сентября в Венецию прибыл кардинал Джованни (Хуан) Борджа и изложил Совету десяти условия, на которых святой отец согласен присоединиться к франко-венецианскому блоку. Опираясь на политическую и военную поддержку французского короля, Александр задумал грандиозное предприятие. Речь шла о том, чтобы вновь подчинить власти святейшего престола почти всю центральную часть страны — Романью. Это означало войну с полдюжиной крупных независимых городов.

С формальной точки зрения Ватикан являлся сюзереном ленов Романьи — правители городов должны были платить папе ежегодную дань. Но в действительности все давно уже обстояло иначе. Предшественники Александра VI щедрой рукой раздавали церковные земли своей родне, а новоявленные владыки сохраняли определенную лояльность святейшему престолу лишь до тех пор, пока его занимал благодетель, увенчанный тройной тиарой. Затем папа умирал, и очередной кардинал, обычно также обремененный многочисленным и алчным семейством, занимал место покойного. Феодалы, получившие богатство и власть от прежнего архипастыря, всеми правдами и неправдами держались за свои владения, и вернуть церкви лены, принадлежавшие ей каких-нибудь пять-десять лет назад, оказывалось очень нелегким делом. В результате церковные земли таяли, как снег на весеннем ветру. Ни о каких выплатах не было и речи — родственники почивших пап чувствовали себя не вассалами церкви, а самодержцами. Они основывали династии и правили своими городами и областями с помощью насилия и разбоя, иногда нападая друг на друга, иногда — объединяясь перед лицом общего врага. Вся Центральная Италия изнемогала под гнетом их жадности и междуусобиц, но никто из пап не обладал ни достаточными военными возможностями, ни умом, нужным для восстановления единства Романьи. Никто — пока не пришли Борджа.

Конечно, не стоит идеализировать Александра VI — его усилия по созданию мощного церковного государства не были бескорыстными. И все же он лишь собирал то, что

разбросали предшественники. Обратим внимание на еще одну немаловажную черту его деятельности: обеспечивая будущее собственных детей, он старался добывать им земли и короны «на стороне», за пределами папской области. В самом деле — Джованни стал испанским герцогом, Чезаре — французским, а Жофре — неаполитанским принцем. Можно объяснять деятельность Александра VI какими угодно эгоистическими побуждениями, но нельзя не признать, что его политика была куда более дальновидной, разумной и выгодной для церкви, чем беспорядочное хищничество Сикста IV или бесславное себялюбие Иннокентия VIII.

В октябре консистория опубликовала папскую буллу, составленную в весьма резких тонах. Из нее следовало, что святой отец данной ему властью наместника Христова лишает всех прав тиранов Римини, Пезаро, Имола, Форли, Камерино, Урбино и Фаэнцы, как не выполняющих своих вассальных обязанностей по отношению к святейшему престолу и, более того, не раз поднимавших оружие против церкви.

Перечисленные города с прилегающими к ним землями объявлялись отныне ленными владениями Ватикана.

Эта булла, естественно, повергла мелких тиранов Центральной Италии в смятение и ярость. Сам по себе папский гнев значил для них не очень много, но все знали, что герцог Валентино — Чезаре Борджа — спешно собирает войска, и авторитет апостольского престола будет надежно подкреплён силой меча. На Чезаре уже тогда многие смотрели со страхом, как на молодого волка, однако было бы глубокой ошибкой представлять его противников стадом беззащитных овечек. Пожалуй, единственной чертой, допускающей такую аналогию, явилась бестолковая сумятица в их последующих действиях.

Джованни Сфорца, тиран Пезаро, люто ненавидевший Борджа за тяжкую обиду и в то же время боявшийся их, как огня, поспешил в Венецию в надежде соблазнить Совет десяти щедрыми посулами и расколоть вражеский союз. Постепенно повышая ставку, он в конце концов даже предложил венецианцам навечно присоединить к республике всю область Пезаро, оставив для себя лишь роль наместника — лишь бы не попасть в руки Борджа.

Но отчаянное красноречие Джованни пропало даром — сделка не состоялась. Лукавые купцы лишь покачивали головами, а потом объяснили незадачливому просителю, что он опоздал со своими предложениями. Венеция не может

пойти на ссору с французским королем ради спасения Сфорца, а распоряжаться судьбой города высокочтимый мессер Джованни уже не вправе, ибо больше не имеет над ним реальной власти...

Форли входил в сферу интересов Флоренции, и Синьория предпринимала лихорадочные усилия, пытаясь срочно создать оборонительный блок. Предполагалось, что в него войдут Болонья, Феррара, Форли, Пьомбино и Сиена. Но этот план также провалился, не успев даже окончательно оформиться. Феррара и Сиена, не упомянутые в октябрьской булле, сочли неразумным рисковать собственным благополучием ради других, навлекая на себя гнев Борджа и их могущественного союзника, христианнейшего короля. Переговоры были прерваны.

Некоторые разногласия возникли относительно участи Фаэнцы. Венеция склонялась к тому, чтобы исключить ее из списка предстоящих аннексий. Это милосердие объяснялось очень просто — Манфреди, юный властитель опального города, задолжал венецианцам огромную сумму, и было очевидно, что с его устранением от власти все надежды на возвращение денег обратятся в прах. В сей крайности Совет десяти даже отправил в Рим специальное посольство, спрашивая, не угодно ли будет святейшему отцу немного отсрочить расправу над Фаэнцей или взять на себя уплату долгов Манфреди. Но Александр не собирался расплачиваться за своих врагов. Он с достоинством ответил венецианцам, что сейчас не время говорить о деньгах, и огорченные послы отправились восвояси, понимая, что не имеет смысла ссориться с папой из-за Манфреди.

Борджа никогда не придавали значения общественному мнению, однако в преддверии войны на помощь Александру VI пришел случай. Италию потряс слух о невероятном, чудом провалившемся злодействе — покушении на жизнь папы римского. Вина за подготовку преступления возлагалась на город Форли.

Дело было так. В конце ноября стража задержала в Ватикане двух человек. Оба носили имя Томмазо, хотя и не состояли в родстве. Один из арестованных оказался музыкантом, другой — камергером двора Форли. В конфискованном у них дорожном посохе обнаружился тайник с письмом, «пропитанным столь сильным и проникающим ядом, что смертельной опасности подвергался любой человек, по неведению взявший это письмо в руки». Смертоносное послание адресовывалось папе, а написала и от-

правила его графиня Катерина Риарио-Сфорца, правившая городом после смерти своего мужа, Джироламо Риарио.

Многое в этой истории выглядит недостоверным, и прежде всего — само орудие преступления. Легенды об отравленных письмах были весьма популярны в средневековой Европе, но существование столь мощного яда вызывает еще большее сомнение, чем пресловутый «белый порошок Борджа». Кроме того, очень уж наивным выглядит план графини — отвести беду от города, убив папу столь экстравагантным и в то же время очевидным для всех способом. Даже если допустить наличие яда и представить, что Александр VI пал его жертвой, единственным результатом такого исхода стала бы беспощадная война на уничтожение Форли и всего семейства Риарио. И если действиями графини руководило властолюбие и забота о будущем своих детей, то трудно понять, какие чувства воодушевляли ее посыльных — они не имели никаких личных счетов к Борджа, а между тем обрекали себя на неминуемую и мучительную смерть.

Большинство историков сходится на том, что оба несчастных Томмазо попросту оклеветали себя и свою госпожу, сознавшись под пыткой во всех черных замыслах, какие Борджа хотели бы приписать собственным врагам. Однако имеется одно интереснейшее свидетельство, косвенно подтверждающее версию отравленного письма.

В основательных и подробных «Хрониках Форли» Андреа Бернарди сообщается о некоем «моровом поветрии» — опустошительной эпидемии, поразившей город в конце 1499 года. И вот, по словам Бернарди, графиня приказала положить приготовленное к отправке письмо на одного из больных, надеясь таким способом перенести заразу на Александра.

Папа устроил торжественное богослужение по случаю избавления от страшной опасности. А кардинал Раффаэле Риарио спешно покинул Рим — он опасался, и не без основания, что кары, угрожающие всему семейству Риарио, затронут и его персону.

В общем, независимо от того, какой именно беды — яда или болезни — избежал Александр VI, эта история лишь укрепила позиции Ватикана, дав ему дополнительный «*casus belli*»^{*}. Все было готово, и герцог Валентино мог

* «Повод к войне» (лат.).

начинать поход. Он по-прежнему пользовался благоволением французского короля и всемерной поддержкой Джулиано делла Ровере, остававшегося самым ревностным и усердным защитником интересов Борджа при дворе Людовика XII. Отношения кардинала с папой в тот период не оставляли желать лучшего — по крайней мере, внешне. Оба они были слишком умны для того, чтобы до конца доверять друг другу, и оба понимали, что союз им выгоднее, чем вражда. Конечно, в большей мере это относилось к кардиналу.

Примирение с Борджа стало для него не тактическим маневром, а стратегическим выбором. Понадобилось семь лет ожесточенной политической борьбы, чтобы Джулиано делла Ровере понял: ему не свалить Быка. Сохранилось письмо, в котором кардинал благодарит папу за оказанную честь — благословенный святым отцом брак между племянником Джулиано, Франческо делла Ровере, и Анджелой Борджа, племянницей Александра. По-видимому, и папа, решивший породниться с семейством делла Ровере, не тайл зла на прежнего противника.

Со своей стороны, кардинал старался не за страх, а за совесть, делая для папы куда больше, чем тот мог рассчитывать. Он стал одним из поручителей Чезаре, ссудив ему 45 000 дукатов на снаряжение войск, и не предпринял никаких шагов, чтобы отвести угрозу от Форли, где правили его родственники — Риарио. Но кардинал не был бы итальянцем, если бы действительно забыл старую вражду. Джулиано смирил свой гордый и независимый дух, признав, что ни силой, ни хитростью ему не удастся победить старого Борджа. Но он умел ждать и верил — его час придет. А пока помогал Чезаре Борджа сломить тех глупцов, которые надеялись преуспеть там, где потерпел поражение кардинал делла Ровере.

Армия герцога Валентино насчитывала уже около 10 000 солдат. В нее входили триста французских рейтар под командованием Ива д'Аллегра, четыре тысячи гасконских пехотинцев, полк швейцарцев, состоявших на службе у папы, отряды Тиберти и Бентивольо Чезенского — Чезена была одним из немногих городов Романьи, сохранивших верность святому престолу.

В начале октября Людовик XII покинул покоренный Милан — присутствие короля стало необходимо во Франции. А днем позже Чезаре поднял армию и двинул ее вдоль реки По, через земли Феррары и Кремоны, начав свой первый самостоятельный поход. Овладение любым ремеслом

включает период ученичества, который особенно долг и труден в ремесле солдата и полководца. Чезаре Борджа исполнилось лишь двадцать четыре года, и он еще не видел ни одного большого сражения. Но война была его призванием, и отчаянная храбрость в сочетании с ясным, холодным умом прекрасно восполняли недостаток боевого опыта. Окружающим людям нередко казалось, что этот стройный широкоплечий красавец, с головы до ног затянутый в черный бархат, так и родился зрелым воином, подобно тому, как Афина вышла из головы Зевса ⁴⁷.

Глава 12

ИМОЛА И ФОРЛИ

Первой на очереди стояла Имола. Прежде чем выступить в поход, Чезаре приехал в Рим — повидаться с отцом, которого не видел больше года. Он провел в Ватикане три дня, и все это время было заполнено тайными совещаниями между старым и молодым Борджа. А затем герцог со свитой вновь поскакал на север, к своей армии, усиленной присоединившимися к ней войсками святейшего престола и отрядом под командованием Вителлоццо Вителли.

Тиран Кастелло, знаменитый и талантливый полководец, Вителли явился в Милан, надеясь получить помощь Людовика XII в борьбе против Флоренции. Им двигало чувство мести — незадолго до того по приговору Синьории флорентийцы казнили его брата Паоло, обвиненного в измене. Теперь Вителлоццо решил встать под знамена Борджа, рассчитывая, что рано или поздно Флоренция также окажется в сфере интересов папы и французского короля. Тогда появится законная и удобная возможность отомстить городу, пролившему кровь Вителли.

Тем временем графиня Риарио-Сфорца, понимавшая, что после неудачного покушения на папу терять ей уже нечего, принимала все возможные меры для защиты своей власти над городом и наследственных прав своих детей. Жизнь этой высокородной дамы не была ни спокойной, ни счастливой. Она не принадлежала к числу женщин, падающих в обморок при виде крови. Ее отец, герцог Галеаццо Сфорца, был заколот в миланском кафедральном соборе; брат, молодой Джан Галеаццо, умер в Павии, замученный

родным дядей, безжалостным Лодовико Моро. Первый муж Катерины, Джироламо Риарио, погиб во время мятежа у нее на глазах, и бунтовщики выбросили его обнаженное мертвое тело из окна того самого замка, который ныне предстояло оборонять вдове. Почти такая же судьба постигла Джакомо Фео, второго супруга Катерины, с которым она обвенчалась тайно, ибо он принадлежал к недостаточно знатному роду. Заговорщики зарезали его на глазах у жены, но просчитались, недооценив волю графини. В ту же ночь, собрав слуг и сторонников, она приказала оцепить квартал, где жили убийцы, и не оставлять в живых ни мужчин, ни женщин, ни детей — никого, кто был связан с виновными узами хотя бы самого дальнего родства. Эту историю приводит Макиавелли. Графиня лично руководила карательной операцией. С окаменевшим лицом, не сходя с седла, наблюдала она за точным и доскональным исполнением своего повеления, а над площадью, озаренной пляшущим светом факелов, неслись вопли казнимых... Надо признать, что эта мера оказалась действенной — третий муж Катерины, Пьерфранческо де Медичи, умер в 1498 году естественной смертью. Сыну графини от последнего брака, Джованни делла Бенде Нере, еще предстояло прославиться в качестве предводителя разбойничьей шайки, наводившей страх на всю Италию.

Такова была женщина, решившая дать отпор обоим Борджа. Кстати, сразу после издания папской буллы графиня предъявила Ватикану встречные претензии, обвинив святой престол в неуплате сумм, причитавшихся ее первому мужу как главнокомандующему церковными войсками (Джироламо Риарио некоторое время занимал эту должность). Разумеется, иск не имел последствий и ничего не изменил, а после истории с отравленным письмом у Катерины не осталось иного выбора, кроме вооруженного сопротивления.

Она отправила во Флоренцию семейные драгоценности и малолетних детей; вместе с матерью остался старший сын, двадцатилетний Оттавиано. Впрочем, графиня не имела в виду вручать ему в тяжелый час власть над городом и всеми оборонительными работами распоряжалась сама.

Военные силы Форли были невелики, и сражение с армией Валентино в открытом бою исключалось. Но графиня надеялась выдержать осаду. В крепость спешно завезли припасы, заново укрепили ворота и стены, отремонтировали внешний вал. Оттавиано с небольшой свитой поскакал

в Имолу — мать поручила ему убедить тамошний городской совет оказать стойкое сопротивление общему врагу. Однако дипломатическая миссия молодого Риарио провалилась, как того и следовало ожидать. Два постоянно действующих фактора играли на руку Чезаре Борджа в ходе завоевания Романьи — тупой эгоизм городов, неспособных забыть взаимные дразнки и раздоры, и настроение их жителей. Никто из мелких романских тиранов не пользовался любовью подданных. Горожане, раздраженные высокими налогами, своим бесправием и постоянным произволом властителей, были, как правило, не прочь найти нового хозяина. А семейство Риарио снискало себе среди других особенно дурную славу, так что жители Имолы всерьез считали герцога Валентино орудием божественной справедливости. Чезаре, разумеется, не возражал против репутации карающего ангела — помимо очевидных политических выгод, такое отношение к нему льстило его артистичной натуре.

Поэтому никто не удивился появлению в лагере герцога депутации именитых граждан Имолы — они выехали навстречу Валентино, когда ему оставалось до города еще несколько переходов, и вручили его светлости письмо, красноречиво говорившее об их покорности апостолическому престолу и верноподданнических чувствах, питаемых к папе. Имольты обещали открыть ворота и просили не ставить в вину городу возможное сопротивление войск графини.

Но все обошлось без крови. Герцог выслал вперед эскадрон кавалеристов под командованием Тиберти — ему поручалось потребовать капитуляции. Никто не обнажил меча, и начальник гарнизона беспрекословно сдал город, мотивировав свое решение единодушно выраженной волей жителей. В конце ноября 1499 года Чезаре Борджа въехал в покорную Имолу.

Однако в самом городе еще оставался очаг сопротивления — цитадель, удерживаемая небольшим отрядом солдат под началом храброго и опытного коменданта Диониджи ди Нальди. Он отказался капитулировать. Увидев, что армия герцога без боя входит в ворота, взбешенный комендант приказал направить на город пушечный огонь со стен крепости. В Имоле занялись пожары.

Ди Нальди справедливо считался один из лучших военачальников Италии, но в данном случае у него не было шансов. На следующий день Чезаре установил орудия и начал бомбардировку цитадели. Через неделю в стене

образовалась брешь, и штурмовые отряды герцога ворвались в пролом. Завязался ожесточенный бой, в результате которого солдатам Валентино удалось закрепиться на захваченном пятачке. Осажденные воздвигли баррикады напротив разрушенного участка стены и дрались с мужеством отчаяния. Наконец Диониджи ди Нальди, тяжело раненный в голову, отправил к герцогу парламентаря, предлагая заключить трехдневное перемирие. По истечении этого срока комендант обещал сдать цитадель, если он к тому времени не получит подкреплений. Чезаре охотно согласился с таким условием.

В дальнейшем против ди Нальди не раз выдвигались обвинения в измене при обороне Имолы. Говорили, что трехдневная отсрочка, которую он выпросил у Борджа, служила лишь прикрытием уже состоявшегося предательства. Но эти упреки скорее всего незаслуженны. Ди Нальди уже много лет состоял на службе у Сфорца, сохраняя репутацию верного и доблестного командира. Нет оснований считать, что сдача крепости запятнала его честь — он храбро сражался, пока оставалась хоть малейшая надежда удержать цитадель. К тому же его жена и дети находились в Форли, во власти непреклонной графини Риарио-Сфорца, являясь, по сути дела, заложниками, а комендант знал, какая участь может постигнуть семью изменника.

Срок перемирия истек седьмого декабря. Не получив ожидаемых подкреплений, ди Нальди капитулировал. Со своей стороны герцог гарантировал свободный выход всем защитникам крепости.

Неделей позже в Имолу прибыл кардинал Джованни Борджа, двоюродный брат Чезаре. Святой отец назначил его на пост папского легата в Болонье и Романье — должность, ставшую вакантной после бегства Асканио Сфорца. Джованни, находясь при войске, должен был олицетворять собой поддержку церковью действий герцога, и начал он с того, что в качестве официального представителя Ватикана привел к вассальской присяге захваченный город. Уполномоченные члены городского совета поставили свои подписи под текстом договора, и присоединение Имолы к владениям апостольского престола было закреплено окончательно.

Теперь армия Чезаре могла двинуться на Форли. Небольшие городки, лежавшие на ее пути, без колебаний раскрывали ворота перед герцогом. Среди них была и Фаэнца — Манфреди, уповая на своих кредиторов-венецианцев,

рассчитывал, что ему удастся восстановить хорошие отношения с папой и сохранить власть.

На подступах к Форли все происходило точно так же, как и в Имоле — жители города, хотя они и находились под непосредственным надзором самой графини и ее брата Алессандро, выслали депутацию, обратившуюся с просьбой к Чезаре поскорее свергнуть ненавистных Риарио-Сфорца. Но скрыть этот визит горожанам не удалось.

Катерина принадлежала к тем редким людям, чьи упорство и храбрость возрастают пропорционально опасностям, встающим на их пути. Она не пала духом и не пришла в отчаяние, узнав о предательстве подданных. Отослав во Флоренцию старшего сына, графиня вместе с несколькими сотнями слуг и приближенных перебралась в городскую крепость. Затем она приказала схватить всех, кто ездил в лагерь Борджа, и дюжину наиболее знатных и влиятельных граждан Форли, и посадить в крепостной каземат в качестве заложников. Однако горожане, услышав об опасности, нависшей над парламентарями, схватились за оружие. Начался бунт. Стражники не смогли исполнить повеление грозной госпожи, и ей не осталось ничего иного, кроме как запереться в крепости. Подобно коменданту Имолы, графиня пыталась отвести душу, обстреливая из пушек собственный город.

Утром девятнадцатого декабря под проливным дождем войско герцога проследовало в распахнутые настежь ворота Форли. Артиллерия крепости молчала, а на башнях колыхались мокрые знамена с венецианскими львами. Это была последняя надежда осажденных — они пытались создать видимость союза с купеческой республикой. Но уловка не удалась — вражеский полководец не обращал внимания ни на знамена, ни на гербы, а сразу же приступил к осадным работам. Армию расквартировали в городе, и на площади перед церковью Иоанна Крестителя началась установка тяжелых орудий. Герцог торопил своих офицеров, и даже Рождество прошло в напряженном труде. Через несколько дней позиции были подготовлены, и жерла семи больших мортир и десяти фальконетов⁴⁸ уставились в упор на замшелые зубчатые стены крепости.

Солдаты Чезаре чувствовали себя в Форли очень свободно. Армия почти наполовину состояла из иностранных наемников, и к герцогу шел непрерывный поток жалоб на бесчинства и грабежи. Подданные французского короля не питали ни к итальянцам, ни к их собственности ровным счетом никакого почтения. Чезаре не хотелось на первых

порах прибегать к слишком суровым мерам, но восстановить дисциплину было необходимо, и герцог приказал готовиться к штурму.

Повествуя о тех днях, Сануто не без злорадства описывает горестное положение форлийцев, призванных в свой город врага, чтобы избавиться от власти Риарио-Сфорца. Насилие и разбой, чинимые солдатами Валентино, стали, по мнению историка, достойным воздаянием горожанам за их продажность и низкую измену. Но с моральной точки зрения такой вывод явно несправедлив — ведь жители города обратились к герцогу не из страха, а потому, что видели в нем своего освободителя.

Вероятно, Чезаре испытывал невольное уважение к графине; кроме того, он, как всякий разумный полководец, старался по возможности избегать больших людских потерь, когда речь шла не о генеральном сражении. Решив попробовать закончить дело миром, герцог в сопровождении горниста подъехал к крепостному рву.

Вороной жеребец, приплясывая под всадником в золоченых латах, дважды обошел вокруг стен. Но напрасно пела труба — хозяйка замка так и не откликнулась. Казалось, она ничего не замечала или считала ниже своего достоинства вступать в сделку с врагом. Прошла минута, другая — и лязгнули тяжелые цепи, заскрипел ворот, и подъемный мост начал медленно опускаться. Чей-то голос с башни прокричал, что графиня предлагает герцогу переговорить с глазу на глаз на середине моста.

Чезаре Борджа не ведал страха — это всегда признавали и друзья и враги. И хотя он не страдал излишней доверчивостью, его не остановила мысль о возможной ловушке. Положившись на свою силу и ловкость, которые выручат его из любой засады, герцог соскочил с коня и направился к месту встречи. Но как только он сделал первый шаг по окованному железом дубовым бревнам, мост дрогнул и начал стремительно подниматься. Лишь молниеносный прыжок спас герцога от неминуемого позорного плена — еще секунда, и бегство было бы невозможно.

Хитрость не удалась: капкан захлопнулся, но добыча ускользнула по причине излишней пунктуальности исполнителей. Дело в том, что графиня приказала страже «немедленно поднимать мост, как только на него ступит нога Борджа». Привратники не отличались сообразительностью, но зато привыкли беспрекословно повиноваться каждому слову своей госпожи. Так они поступили и в этот раз, невольно предоставив Чезаре шанс на спасение. Успей он

сделать еще несколько шагов вперед, и графиня могла бы праздновать победу.

Герцог взлетел в седло и, побелев от ярости, помчался в город. Он объявил, что заплатит двадцать тысяч золотых дукатов тому, кто сумеет захватить Катерину Сфорца живой. А вдвое меньшая — тем не менее огромная — сумма была назначена им за голову графини.

На следующее утро началась бомбардировка крепости. Она продолжалась почти две недели, но без особого успеха, поскольку в войске Чезаре в то время еще не было опытных артиллеристов. Только к двенадцатому января, когда осаждающим удалось определить самый слабый участок стены, наступил перелом. Огонь всех орудий, сосредоточенный на десятке метров обветшалой каменной кладки, принес долгожданный результат — стена рухнула, и в тот же миг в дело вступили горожане, союзники Борджа. Они бежали ко рву, таща огромные вязанки хвороста — фашины, и через несколько минут широкий зыбкий мост соединил оба берега. Первыми в атаку пошли гасконцы под командованием дижонского бальи⁴⁹. Здесь никто никому не давал пощады, и за полчаса более четырехсот человек полегло в рукопашной схватке. Участь защитников крепости была предрешена — они не могли долго сопротивляться врагу, во много десятков раз численно превосходившему их. Те, кто уцелел, отступили к массивной старой башне, господствовавшей над крепостью. Если бы им удалось укрепиться в этом последнем оплоте, войскам герцога пришлось бы заново начинать осаду: башня, служившая ядром всей цитадели, была в изобилии снабжена запасами продовольствия и оружия, а стены ее достигали шести футов толщины. Но в пылу битвы бойцы обеих сторон слишком перемешались, и отступавшие не успели захлопнуть кованые двери — вместе с ними в башню ворвались французские наемники Борджа. В узких переходах и закоулках, в казематах и на крутых винтовых лестницах — везде происходила страшная резня, и вопли раненых, заглушаемые свирепыми победными кличами, оглашали древние своды.

Десятки трагедий, каждая ценой в человеческую жизнь, разыгрались в эти минуты. Мы уже никогда не узнаем имен всех погибших, но вот перед нами описание одного эпизода из хроники Бернарди — эпизода, типичного для тех времен. Молодой писарь из графской канцелярии — звали его Эванджелиста да Монсиньяне — пытался спрятаться в какой-то дальней каморке, но был схвачен бур-

гундским солдатом. Поигрывая окровавленным мечом, бургундец осведомился, есть ли у него деньги, и юноша отдал кошелек с тринадцатью дукатами — все, что имел при себе. Довольный солдат отпустил его, но не успел несчастный писарь пройти и несколько шагов, как угодил в руки другого, столь же безжалостного и корыстолюбивого воина. Бросившись на колени, Эванджелиста умолял сохранить ему жизнь, обещал выкуп в сто дукатов. Это услышал первый грабитель и, конечно, посчитал себя обманутым. Каждый солдат, грозя юноше смертью, требовал, чтобы он шел именно за ним. Не видя выхода, пленник в ужасе кинулся к оказавшемуся поблизости монаху, в надежде, что авторитет духовного лица поможет ему выпутаться из беды. Последовала короткая перебранка между бургундцами — ни один не желал отступить от своего права на сотню золотых, но и сражаться друг с другом им не хотелось. Наконец, убедившись, что спор зашел в тупик, первый солдат заявил: «Лучше сразу покончим с этим делом», — и хладнокровно погрузил свой клинок в грудь Эванджелисты.

Не избежала плена и Катерина Риарио-Сфорца. Правда, ей не грозила участь стать предметом дележа. Графиню с горсткой родственников и приближенных арестовал один из французских офицеров. Пленницу немедленно препроводили к герцогу.

Чезаре не посрамил полученного им воспитания. Он встретил графиню с отменной учтивостью и приказал разместить всех Сфорца в одном из городских дворцов. И даже если допустить, что герцог все еще таил недобрые чувства к своей пленнице, то выразилось это лишь в передаче ей кошелька с двумя сотнями дукатов на мелкие расходы.

Покорив Форли, Чезаре занялся восстановлением нормального распорядка жизни в городе. Он учредил должность городского судьи, пригласив на этот пост одного из знатных граждан Имолы *, и вновь созвал Совет десяти — городской муниципалитет, конечно, постаравшись при этом ввести в него как можно больше своих сторонников. Предстояло отремонтировать и укрепить цитадель, а также все здания, пострадавшие во время боев, и герцог при-

* По старинному обычаю, главные судебные должности в городах средневековой Италии занимали уроженцы других независимых городов. Считалось, что таким образом обеспечивается беспристрастность суда при разборе тяжб. — *Прим. Р. Сабатини.*

казал приступить к работам. Общий надзор за этим ответственным делом он поручил своему адъютанту Рамиро де Лорке.

На площади, на том месте, где стояли пушки, сокрушившие последний оплот Риарио, был установлен памятный обелиск — черная мраморная плита с тремя вырезанными на ней гербами: бык Борджа, французские лилии и скрещенные ключи Ватикана.

Следующей целью похода был Пезаро, но герцог медлил и не покидал Форли, дожидаясь возвращения своего кузена, кардинала Джованни Борджа. Ему предстояло привести город к присяге на верность святейшему престолу. Но вместо кардинала в Форли прискакал гонец, чтобы сообщить Валентино горестную весть — его двоюродный брат, преосвященный Борджа, скончался от лихорадки в Фоссомброне.

Джованни покинул лагерь у Форли в конце декабря и выехал в Чезену, собираясь заняться вербовкой новых сторонников Борджа. Известие о взятии Форли застало его в Урбино, когда болезнь уже разыгралась вовсю. Невзирая на жар и страшную слабость, кардинал попытался вернуться к брату, но в Фоссомброне почувствовал, что не может держаться в седле. Состояние его быстро ухудшалось, и пятнадцатого января 1500 года Джованни Борджа испустил дух.

Чезаре, по-видимому, тяжело переживал потерю — с Джованни его связывали дружба и общие интересы, не говоря уже об узах родства. Кардинал был верным и надежным помощником своему старшему брату-полководцу, и между ними никогда не возникало трений. Однако и эта смерть впоследствии оказалась включенной в список преступлений Чезаре Борджа. По словам Сануто, молва обвиняла герцога в отравлении брата. Говорили, будто причиной убийства стала зависть — зависть к положению папского легата, которому святой отец вполне мог бы доверить управление одним из завоеванных городов.

Вздорность такого обвинения очевидна. В самом деле, вспомним смерть другого Джованни — герцога Гандийского. Тогда в Риме ходили слухи, что Чезаре расправился с братом, завидуя его титулу, в то время как сам он был всего лишь кардиналом и... папским легатом. Остается допустить одно из двух — или Чезаре Борджа завидовал вообще любому человеку, положение которого отличалось от его собственного, или, сделавшись герцогом, изменил взгляды и вновь возмечтал о церковной карьере.

Еще более нелепым выглядит сообщение Джовио. Поддерживая версию убийства кардинала, он не пытается найти какие-нибудь убедительные причины вражды, объясняя случившееся тем, что в прошлом Джованни был очень дружен с герцогом Гандийским. По мнению историка, Валентино не забыл и не простил кузену этого обстоятельства.

Армия должна была покинуть Форли двадцать второго января, но выступление на Пезаро пришлось отложить: в ночь накануне похода в войске начался мятеж. Швейцарцы — один из отрядов, подчинявшихся бальи Дижона — отказались следовать дальше. Они заявили, что срок их договора с герцогом уже давно истек, и требовали немедленной выплаты задержанного жалования, и притом в двойном размере, ибо лишения и опасности, встреченные ими в Италии, никак не окупаются оговоренной суммой.

Командиры наемников во все времена прислушивались к мнению своих подчиненных. Явившись во дворец, бальи сообщил герцогу о требованиях солдат, а также выдвинул еще одно, собственное. Он добивался освобождения графини Риарио-Сфорца — ни более ни менее.

Неизвестно, чем в действительности руководствовался бальи, выдвигая такое условие. В разговоре с главнокомандующим он привел два соображения, которые, впрочем, в корне противоречили одно другому: во-первых, графиня не может считаться пленницей Борджа, поскольку ее арестовал один из французских офицеров — следовательно, она находится в распоряжении бальи; во-вторых, военные законы Франции запрещают брать в плен женщин.

Даже если Чезаре и обратил внимание на нелогичность такой аргументации, момент был явно неподходящим для правоведческого диспута. Выпроводив разбушевавшегося подчиненного, он тут же отправил гонца в пригород, где стояли кавалерийские части под началом Ива д'Аллегра. Утром, когда швейцарцы собрались на площади, чтобы услышать ответ на свои требования, они увидели за спиной герцога всю его армию, построенную в боевые порядки, — итальянцев, испанцев и гасконцев, не присоединившихся к мятежу.

Впрочем, сам Чезаре не хотел доводить дело до вооруженного конфликта — к великой радости форлийцев, уже попрятавшихся по домам в ожидании новой резни, на этот раз между товарищами по оружию. Он согласился выпла-

тить швейцарцам удвоенное жалованье, но лишь в том случае, если они не покинут войско до Чезены, где и будет произведен расчет. В заключение герцог дал понять, что выбирать им, в общем-то, не приходится — в случае отказа он прикажет ударить в набат и, объединив армию с отрядами горожан, поступит с бунтовщиками по всей строгости военных законов.

После короткого совещания мир был восстановлен; балли отказался от попыток заполучить графиню, и двадцать третьего января 1500 года, приняв вассальную присягу города на верность папе, герцог выступил в путь, направляясь к следующей цели — Пезаро.

Джованни Сфорца уже переправил в безопасное место деньги и ценности из своего дворца. Теперь он был занят приисканием столь же надежного укрытия для собственной особы, даже не помышляя о сопротивлении. Но ему на помощь пришла судьба в образе двоюродного брата, нашего старого знакомого Лодовико Моро.

Ставленники французского короля в Милане вели себя вызывающе и обложили город непомерными налогами и поборами. Все, как известно, познается в сравнении, и миланцы начали приходить к мысли, что променяли кукушку на ястреба. При всей жестокости и коварстве Лодовико к нему успели притерпеться — он правил городом уже много лет. К тому же Лодовико считал Милан своим родовым владением, ввиду чего грабил купцов и горожан не столь остервенело, как иноземные захватчики, опираясь на более предсказуемую, регулярную основу. Поэтому в городе вызвала всеобщий восторг весть о неожиданной удаче Сфорца — ему удалось пригласить на службу отряды ландскнехтов из Германии и Швейцарии. Теперь, сформировав неплохую армию, герцог шел отвоевывать Милан у французов и Борджа.

Когда войска святейшего престола расположились лагерем возле Монтефьори, гонец привез Чезаре письмо от Тривульцио, оставленного оборонять Милан. Обуянный паникой, он просил как можно скорее прислать подкрепления, ибо, по слухам, Черный Лодовико находится всего лишь в нескольких переходах от города. Потеря Милана стала бы очень серьезным ударом по планам папы и, несомненно, осложнила бы отношения Борджа с Людовиком XII. Прерывать начатую столь удачно кампанию было очень обидно, да и невыгодно, но приходилось выбирать меньшее из двух зол. В итоге Валентино отправил на север

весь французский контингент своей армии, конницу Ива д'Аллегра и все орудия.

Узнав об этом, Джованни Сфорца возблагодарил небеса — он получил передышку. Неизвестно, что готовит грядущий день, но непосредственная угроза отпала: теперь у Борджа было слишком мало сил, чтобы начинать осаду Пезаро.

Чезаре тем временем решил возвратиться в Рим. Оставив гарнизон в Форли — пять сотен рейтар Эрколе Бентивольо и триста испанских пехотинцев под командой Гонсальво Мирафонте, — он покинул город тридцатого января с остатками своей армии. Катерине Риарио-Сфорца предстояло совершить это путешествие вместе с герцогом, и они ехали рядом, стремя в стремя — молодой полководец в черном бархате и гордая пленница на белом коне, закованная в тонкие золотые цепи. Существует версия, что отношения Чезаре с прекрасной амазонкой были вполне хорошими, более того — будто герцог покорил не только укрепления Форли, но и сердце их отважной защитницы. Маловероятно, чтобы эти слухи соответствовали действительности, хотя бы из-за разницы в возрасте — Катерина Риарио-Сфорца была на двенадцать лет старше своего победителя.

Забегаая вперед, скажем вкратце о ее дальнейшей судьбе. В Риме графиню поселили в одном из дворцов, где она с небольшой свитой пребывала в качестве почетной пленницы. Однако уже в июне 1500 года Катерина попыталась бежать, и разгневанный папа приказал перевести ее в замок св. Ангела и содержать под самым строгим надзором. Но заточение оказалось недолгим — меньше чем через год Александр VI освободил графиню по просьбе французского короля и даже разрешил ей уехать во Флоренцию, к детям. Там и окончился трудный жизненный путь этой удивительной женщины. Она умерла в 1509 году, посвятив остаток жизни благим делам.

Как видим, Катерине сошла с рук даже попытка отравить самого Александра VI. Трудно найти более красноречивое свидетельство, опровергающее расхожее мнение о дьявольской жестокости Борджа. Конечно, можно, допустить, что папа не мстил графине и выпустил ее на свободу лишь из страха перед Людовиком XII, но в таком случае непонятно, почему не был пущен в ход знаменитый «порошок Борджа», ужасный медленный яд, от которого нет спасения. Может быть, все дело в том, что его не существовало в действительности?

ЗНАМЕНОСЕЦ ЦЕРКВИ

Взятие Имолы и Форли не принадлежит к числу самых выдающихся подвигов Чезаре. Однако это было его первое — и притом успешное — выступление в роли полководца, а потому весть о победе вызвала в Ватикане великую радость. Теперь для всех стали очевидными способности самого герцога, до тех пор как бы заслонявшиеся мощной и яркой личностью Борджа-отца. Ликование достигло высшей точки двадцать шестого февраля 1500 года, когда военачальник возвратился в Рим.

Счастье и гордость за сына переполняли душу Александра. Отныне уже никто не посмеет попрекнуть его дарованным кардиналу Валенсийскому разрешением сложить сан. Герцог Валентино показал всему миру, что броня воина — более подходящее облачение для старшего сына Родриго де Борджа, чем сутана священника. По словам Сануто, папа в тот день был не в силах заниматься обычными делами, выслушивать просителей, епископов и послов — он лишь снова и снова принимался благодарить Господа, ниспославшего ему такую радость.

Уже с утра возле ворот Санта-Мария дель Пополо начала собираться нарядная толпа. Вельможи и кардиналы, представители союзных городов и люди простого звания нетерпеливо вглядывались в даль, ожидая приближения победоносного войска и его молодого предводителя.

Солнце уже клонилось к западу, когда на дороге показались первые повозки обоза. За ними, сохраняя строй, мерным шагом двигались усталые пехотинцы. Вскоре можно было слышать слова команд, звяканье стремян и приглушенный пылью стук копыт по каменным плитам — это шла легкая кавалерия Вителлоццо Вителли. Вслед за конницей, окруженный несколькими десятками гвардейцев и телохранителей, ехал сам герцог.

Войско, предшествуемое трубачами и герольдами, вступило в город. Кардиналы, послы, Жофре Борджа и принц Альфонсо Арагонский образовали свиту Чезаре. А в нескольких шагах за победителем в сопровождении двух своих придворных дам ехала на белом жеребце пленная амазонка — скованная тонкими золотыми цепями графиня Катерина Риарио-Сфорца.

Когда копыта лошадей застучали по мосту св. Ангела,

со стен замка грянул орудийный салют. Над огромной круглой башней взмыли в небо родовые знамена Борджа и штандарты Ватикана. Теснившиеся на улицах многотысячные толпы разразились приветственными криками. Это был юбилейный год — полторы тысячи лет со дня Рождества Христова, и паломники со всей Европы устремились в Рим, чтобы встретить здесь Пасху и получить за свои труды обещанное святым отцом полное отпущение всех грехов.

Миновав мост, процессия свернула на широкую, недавно отстроенную улицу, спланированную по личному указанию Александра специально к великому церковному юбилею.

Папа давно уже изнывал от нетерпения, прохаживаясь взад-вперед по беломраморному балкону. Издали увидев приближавшуюся кавалькаду, он перекрестился и поспешил вниз, двигаясь, несмотря на тучность, с таким проворством, что пятеро кардиналов с трудом попевали за святым отцом. В тот миг, когда Чезаре соскочил с коня перед широкими ступенями дворца, Александр VI в полном архиерейском облачении уже ожидал сына в аудиенц-зале.

Свита остановилась у дверей. Приблизившись к трону его святейшества, герцог опустился на колени и поцеловал руку первосвященника, а затем, как того требовал обычай, прикоснулся губами к его туфле.

Папа, на глазах которого блеснули слезы радости, не выдержал — он поднял сына и порывисто обнял его. При этом церемониймейстер Бурхард, стоявший в двух шагах от трона, услышал, как старый и молодой Борджа вполголоса обменялись несколькими испанскими фразами, но не разобрал сказанных слов.

Торжества по случаю успешного завершения похода возобновились на следующий день. Возвращение Чезаре совпало с ежегодным римским карнавалом, составившим некую реальную канву для множества красочных постановок, в которых принимал участие любой желающий. Украшением города занимались лучшие художники Италии, а гвоздем программы стало представление на площади Навона, изображавшее триумф Юлия Цезаря. По очевидной аналогии, роль великого полководца была доверена герцогу Валентино.

Ириарте убежден, что именно тогда Чезаре выбрал своим девизом знаменитое высказывание будущего диктатора

и преобразователя Рима — «Aut Caesar, aut nihil» * ⁵⁰. Но этот вывод кажется очень сомнительным. Во-первых, при своем честолюбии сын Александра VI был достаточно умен, чтобы не афишировать столь откровенно свои планы и намерения. А во-вторых, единственная личная вещь герцога, украшенная этим изречением, — парадная шпага, изготовленная к дню коронации Неаполитанского короля, на эфесе которой выгравированы слова великого римлянина, окруженные сценами из его жизни **. Совершенно очевидно, что тема девиза и украшений была подсказана мастеру, изготовлявшему рукоять шпаги, сходством имен, и нет больше ни одного предмета или свидетельства, позволяющего заключить, будто Чезаре всерьез уподоблял себя Цезарю.

Еще не закончился праздник, когда в Ватикан прибыли полномочные представители Имолы и Форли. Они привезли на подпись его святейшеству вассальные договоры, в которых жители обоих городов признавали своим законным господином и повелителем герцога Валентино.

Современники тех событий и историографы последующих веков не раз обвиняли Александра VI в том, что он развязал войну, руководствуясь единственной целью — обеспечить княжескими владениями своего незаконнорожденного сына. И действительно, в результате похода, начатого во имя общецерковного дела и оплаченного из церковной казны, к имени Чезаре Борджа были присоединены титулы графа Имольского и Форлийского. Но все же обвинение, адресованное папе, нельзя назвать полностью справедливым. Во-первых, земли, о которых шла речь, с точки зрения канонического права действительно принадлежали церкви. А во-вторых, Александру в любом случае предстояло послать наместника для управления возвращенными ленами — викария святейшего престола.

На эту должность он назначил Чезаре, и выбор был, безусловно, не из худших: мало кто из ватиканских чиновников и епископов обладал таким умом и способностями, как молодой герцог. Кроме того, он сумел в короткий срок приобрести немалую популярность в завоеванных городах. Должность папского викария означала не наследственное владение, а лишь церковно-административный пост, прав-

* «Или Цезарь, или ничто» (лат.).

** В настоящее время ножны этой шпаги находятся в Англии, в музее Южного Кенсингтона, а сам клинок — в Италии, являясь собственностью семейства Казтани. — *Прим. Р. Сабатини.*

да, весьма доходный и почетный. И хотя графский титул, преподнесенный новому викарию гражданами Имолы и Форли, не был результатом их свободного волеизъявления, можно не сомневаться, что жители городов выбрали меньшее из возможных зол.

После праздников папа решил без проволочек дать Чезаре звание главнокомандующего войсками святого престола — знаменосца церкви. Как мы помним, именно борьбой за этот пост молва объясняла смерть Джованни Гандия. И вот теперь Чезаре Борджа в самом деле получил место покойного брата, но никто во всей Италии не мог сказать, что герцог не заслужил такого назначения.

Двадцать девятого марта 1500 года папа в сопровождении всей священной коллегии прибыл к собору св. Петра. Подойдя к алтарю, он снял головной убор первосвященника — украшенную драгоценными камнями белоснежную митру из лебединых перьев — и, преклонив колени, долго молился. После этого кардинал Беневентский выслушал исповедь Александра и дал ему отпущение вольных и невольных грехов. Заиграл орган, папа сел в поданное ему кресло; по обе стороны от него полукругом расположились члены коллегии.

Но вот музыка смолкла, и в тишине прозвучали шаги — перед иерархами католической церкви предстал герцог Валентино. Медленно опустившись на колени, он прикоснулся губами к перстню на руке святого отца и оставался неподвижным все время, пока папа произносил над его головой древние слова инвеституария⁵¹. «Да покроет тебя Господь плащаницей своего милосердия, и да облечет Он тебя одеждами радости», — дрогнувшим голосом проговорил Александр и набросил на широкие плечи сына тяжелый парчовый плащ гонфалоньера (знаменосца) церкви. Церемониймейстер Бурхард передал Чезаре еще одну регалию главнокомандующего — отороченный горностаевым мехом пунцовый берет с вышитым крупными жемчужинами голубем — символом Святого Духа. Вновь послышались звуки органа; папа, поднявшись к алтарю, взял кадильницу и окурил посвящаемого дымом ладана. Нежные голоса хора присоединились к серебряным трубам, и началась торжественная месса.

После окончания службы прелаты снова заняли свои места по обе стороны папского трона. Кардинал Сан-Клементе прошел в ризницу и вернулся в сопровождении двух слугителей, которые несли свернутые знамена церкви. Папа освятил знамена, а герцог, положив руку на Библию,

громким, отчетливым голосом произнес слова вассальной присяги, поклявшись «верно и бесстрашно служить святому отцу, а равным образом и любому его преемнику, и, не щадя жизни, с мечом в руке отстаивать и защищать все права и достоинства католической церкви».

Теперь Бурхард вручил ему белый маршальский жезл и золотую розу. Еще раз облобызав стопы его святейшества, герцог выпрямился и встал рядом с тронном. Церемония посвящения завершилась.

Новый главнокомандующий не собирался почивать на лаврах. Наверное, ни один из его наемников не жаждал окунуться в пучину битв сильнее, чем он. Однако военнополитическая обстановка на Апеннинском полуострове все еще оставалась слишком запутанной и неопределенной. Вняв голосу разума, Чезаре решил немного выждать. Не покидая Рима, он начал исподволь собирать войска и стягивать их к Чезене, дав необходимые полномочия, включая назначение офицеров, папскому викарию в тех краях, епископу Изернийскому.

С севера Италии поступили противоречивые слухи. Ко всеобщему изумлению, Лодовико Сфорца разгромил французский гарнизон и сумел изгнать захватчиков из Милана. Но его успех оказался недолгим: король Людовик послал за Альпы новую армию, и десятого апреля войско Сфорца потерпело поражение в битве при Новаре. Сам Черный Лодовико, постыдно преданный швейцарцами, попал в плен, что ознаменовало безусловный конец величия дома Сфорца. Скованного по рукам и ногам герцога увезли во Францию. Там, в каменном мешке беррийского замка Лош, Лодовико «иль Моро» предстояло томиться десять ужасных лет, пока смерть не сжалилась над бывшим миланским тираном.

Убедившись, что французы вернули свои утраченные было позиции на севере Италии, папа обратился к королю с просьбой о военной помощи. Целями будущей экспедиции назывались уже не только Пезаро, Фаэнца и Римини, но и Болонья, правитель которой, Джованни Бентивольо, нарушил свои союзнические обязательства и не поддержал французов в борьбе с Лодовико Моро. Но Бентивольо, несмотря на интриги его святейшества, удалось отвести угрозу от родного города — ценой сорока тысяч дукатов он вернул себе расположение короля.

Отказавшись от Болоньи, Александр столкнулся с трудностью иного рода: осложнились отношения с Венецией. Республика проявляла недовольство незначительно-

стью тех выгод, которые приносило ей участие в Лиге, и требовала пересмотра стратегических планов Ватикана. Римини и Фаэнца все еще находились под формальным протекторатом Венеции, и дож известил святого отца, что не видит смысла лишать эти города венецианских войск, если предстоящий поход не будет включать захват Мантуи и Феррары с тем, чтобы присоединить их к землям Республики. Папа считал такую цену явно завышенной, но не слишком беспокоился, полагая возможным обойтись и без помощи венецианцев, опираясь лишь на копейщиков Людовика XII.

Правда, союз между Александром и французским королем был уже не столь безоблачным. Очередным камнем преткновения стала Пиза — высокие стороны долго не могли прийти к единому мнению о ее дальнейшей судьбе. В конце концов король уступил, ибо враждебность Ватикана сделала бы бессмысленными любые его военные победы в Италии. А папа уже мог завершить захват Романьи собственными силами, поскольку именно в 1500 году церковное государство обрело огромные людские и денежные ресурсы. По всей католической Европе, от Польши до Португалии и от Норвегии до Неаполя, не осталось города, откуда не вышел бы хоть один паломник, желавший встретить великий праздник в стенах Рима, получить благословение святого отца и полное отпущение грехов. Во время юбилейной пасхальной службы на площади св. Петра преклонили колени двести тысяч верующих⁵². Но богомольцы думали не только о спасении души — они еще ели, пили и веселились, и значительная доля серебра, оставляемого ими в гостиницах, лавках и трактирах Вечного города, стекалась в виде налогов в папскую казну. Вдобавок среди пришельцев было немало беглых солдат и прочих искателей легкой наживы, готовых немедля наняться хоть к самому дьяволу, а уж тем более — в войско к известному своей щедростью Александру VI. В общем, юбилейные торжества сулили Ватикану такие выгоды, что папа заблаговременно распорядился о продлении праздника на целый год.

Чезаре был счастлив. Теперь он не зависел от милости союзников, и ему не придется делить командование армией ни с французским, ни с венецианским генералом. Герцог, не торопясь, подбирал надежных офицеров, принимал послов, сопровождал папу в загородных поездках. Не чурался он и народных развлечений, восхитив своей силой и храбростью даже привыкшую ко всему римскую толпу.

В день св. Иоанна, двадцать четвертого июня, он принял участие в бое быков. Это жестокое и увлекательное зрелище перекочевало в Италию вместе с арагонской династией. Коррида быстро укоренилась — сперва в Неаполе, а затем и в других больших городах, где сохранились цирки античной эпохи.

Герцог Валентино выехал на арену, вооруженный только легким копьем, и поразил им одного за другим пять диких быков, ни разу не покачнувшись в седле и не потеряв стремян. Этого было вполне достаточно, чтобы вызвать рукоплескания публики и заслужить почетный лавровый венок. Но главный эффект он приберегал под конец. И вот, когда на арену, взрывая песок, выскочил шестой бык, Чезаре соскочил с коня, быстро подбежал к огромному животному и одним мгновенным ударом меча отрубил ему голову.

Помимо военных дел и рыцарских забав, Чезаре по-прежнему отдавал должное изящным искусствам, щедрым и ревностным ценителем которых он оставался всю свою короткую жизнь. Дом его был открыт для любых талантов — Чезаре с равным дружелюбием принимал и поддерживал стихотворцев, ваятелей и художников. Он раздавал им множество заказов и платил за работу такие суммы, что не раз получал от его святейшества выговор за «бездумное мотовство».

В это время при дворе герцога находились Джустоло, Сперуло и Серафино Чимино д'Агуила — поэт, завоевавший впоследствии славу под именем Агуилано. Тогда же, летом 1500 года, Пьер ди Лоренцо написал портрет Чезаре. (Несколькими десятилетиями позже Вазари видел это полотно во Флоренции; впоследствии, по-видимому, портрет был украден или уничтожен.) Через год мы увидим в свите герцога Леонардо да Винчи и Пинтуриккьо, а пока что среди его гостей бывали Браманте — главный архитектор Рима и Микеланджело Буонарроти; чудесную «Пьета», изваянную им для кардинала Сен-Дени, уже называли лучшей скульптурой Италии. Любопытно, что первый успех пришел к Микеланджело в результате ловкой и небескорыстной мистификации, обратившей внимание римских вельмож на молодого скульптора.

Двадцатитрехлетний Буонарроти приехал в Рим из Флоренции в 1496 году по приглашению кардинала Риарио, задумавшего украсить свой дворец каким-нибудь изваянием. В то время в городских предместьях производились большие раскопки, и почти каждый день рабочие из-

влекали из земли саркофаги, статуи, обломки колонн и другие памятники бывшего величия Рима. Страстный поклонник античного искусства, кардинал Риарио усердно следил за появлением новых находок, собрав большую коллекцию римских древностей. И вот, расхаживая вместе с Микеланджело по дворцовой галерее, среди своих любимых антиков⁵³, кардинал с законной гордостью спросил, может ли молодой тосканец создать что-либо подобное? Вопрос был чисто риторический, но, к изумлению и досаде его преосвященства, скульптор без труда обнаружил в коллекции свою собственную работу — «Купидона». Это прелестное мраморное дитя считалось одной из жемчужин собрания Риарио.

Возмущенный кардинал поначалу принял слова Микеланджело за розыгрыш и наглую ложь. Он заявил, что купил статую у известного торговца Бальдассаре из Милана и собственноручно заплатил за нее двести дукатов. Теперь вознегодовал Микеланджело — он получил от торговца всего лишь тридцать золотых монет. Возникло разбирательство, и скоро выяснилась предыстория дела. Работая во Флоренции, в школе скульпторов при дворе Медичи, Микеланджело высек из белого каррарского мрамора спящего ребенка. Кто-то из друзей, пораженный сходством изваяния с античными фигурами, предложил ему «составить» статую, чтобы придать ей вид древнего подлинника. Конечно, такая обработка не составила для молодого мастера никакого труда: он осторожно нанес изваянию несколько мелких повреждений, а затем втер в мраморную поверхность жидкую глину. Теперь купидон выглядел так, словно пролежал в земле не меньше тысячи лет. Он ввел в заблуждение и торговца, и преосвященного коллекционера.

В итоге все действующие лица почувствовали себя плохо обманутыми. Единственным приемлемым выходом оказалось восстановление status quo*. Микеланджело вернул деньги торговцу, а торговец — кардиналу Риарио. Последний, не желая держать в своей коллекции фальшивку, возвратил скульптору злополучного купидона. Вся эта история сослужила Микеланджело хорошую службу, ибо разом прославила его искусство среди римских меценатов. Вскоре нашелся и новый покупатель — Чезаре Борджа, тогда еще кардинал Валенсийский. Он с охотой приобрел

* Существующее положение (лат.).

«Купидона», а впоследствии подарил его Изабелле д'Эсте. В сопроводительной записке Чезаре выразил мнение, что «эта статуя — лучшее из произведений искусства, созданных современными мастерами».

Глава 14

СМЕРТЬ АЛЬФОНСО АРАГОНСКОГО

Брачные события, к изложению которых мы сейчас перейдем, не имели в глазах современников ничего загадочного, став лишь одним из эпизодов в длинной череде злодеяний Борджа. Имеющиеся свидетельства менее противоречивы, чем те, которые относятся к гибели герцога Гандия, и возможно, что обвинительный приговор, вынесенный молвой нашему герою, в данном случае вполне справедлив. Но подлинные причины трагедии остаются неясными, и теперь уже едва ли удастся стереть все «белые пятна» в этой истории.

Как мы помним, второе замужество Лукреции состоялось в июле 1498 года. Ее супругом стал Альфонсо Арагонский, внебрачный сын прежнего неаполитанского государя Альфонсо II и племянник правящего короля Федерико. Это был красивый и пылкий юноша, на год моложе своей жены (Лукреции уже исполнилось восемнадцать). В качестве свадебного подарка, а также ради благоволения папы, король дал юному Альфонсо титул принца Бишелье и Салерно. Судя по всему, новобрачные очень полюбили друг друга. В ноябре 1499 года у них родился сын, названный в честь деда Родриго.

Беда всегда приходит внезапно. Пятнадцатого июля 1500 года поздно вечером принц подвергся нападению на лестнице св. Петра. В короткой схватке Альфонсо был тяжело — и, как все поначалу думали, смертельно — ранен. Нападавшие скрылись.

Согласно записям Бурхарда, принц получил ранение в голову, правую руку и бедро. Обливаясь кровью, юноша упал на каменные ступени, а злодеи, сочтя его убитым, кинулись вниз, где у подножия лестницы их ожидало около сорока верховых. Вскочив в седла, всадники пришпорили лошадей и умчались в направлении Пертузианских ворот.

В Риме Альфонсо жил во дворце кардинала Санта-Мария ин Портико, но люди, сбежавшиеся к месту преступле-

ния, побоялись, что он не перенесет долгой дороги. Поэтому раненого поместили в ближайший дом, приличествующий его титулу и званию, — ватиканские палаты Борджа. Состояние принца казалось всем совершенно безнадежным, и кардинал Капуанский спешно дал ему отпущение грехов *in articulo mortis* *.

Неслыханная дерзость преступления потрясла горожан. Конечно, особенно волновалась и негодовала неаполитанская община. Через трое суток после покушения на Альфонсо был обнародован указ герцога Валентино, грозивший смертью всякому, кто появится с оружием в руках между Ватиканом и замком св. Ангела. Эта явно запоздалая мера предосторожности лишь усилила тревогу в городе.

Быстро распространяясь, весть о случившемся достигла Неаполя. Король Федерико немедленно отправил в Рим своего личного врача, приказав ему сделать все возможное для спасения племянника и не покидать его ни днем, ни ночью. Миновала неделя, другая, и уже казалось, что искусство мессера Гальено обеспечило благоприятный исход: молодой человек пришел в сознание, жар спал, и началось заживление ран. Все были убеждены, что опасность отступила, как вдруг семнадцатого августа Рим потрясло известие о том, что принц скончался — на тридцать третьи сутки после ранения.

Бурхард сопровождал события того дня следующей лаконичной записью: «Поскольку он не пожелал умереть от ран, его задушили прямо в постели, вчера, в четыре часа пополудни». Это единственное упоминание о судьбе несчастного принца, сделанное автором «Дневника», кроме заметки о самом покушении.

Конечно, многоопытный церемониймейстер, выдавший на своем веку всякие виды, не принадлежал к числу особо впечатлительных людей. И все же циничное хладнокровие его комментария выглядит несколько необычно, равно как и чрезмерный лаконизм в изложении событий. Скорее всего, он знал больше, чем осмеливался доверить бумаге. Сдержанность Бурхарда вынудила историков обратиться к многословному, но куда менее надежному источнику.

На следующий вечер тело Альфонсо Арагонского без лишнего шума перенесли в собор и после отпевания похоронили в часовне Санта-Мария делла Феббре; последнее напутствие ему дал Франческо Борджа, архиепископ Ко-

* На смертном одре (лат.).

зенцы. По приказу папы неаполитанский врач и его помощник были арестованы. Впрочем, оба медика провели в замке св. Ангела не больше суток — их освободили почти сразу по завершении допроса.

Начиная с этого момента, мы вступаем на зыбкую почву слухов и домыслов. Они весьма обильны, нередко очень драматичны, но, к сожалению, ни в одном случае не содержат и намека на доказуемость. Рассмотрим их по порядку.

Основным авторитетом в вопросе о причинах гибели принца стал уже знакомый нам неутомимый сплетник — посол Венеции Паоло Капелло. В свое время, находясь далеко от Рима, Капелло ухитрился дать подробное изложение обстоятельств убийства герцога Гандия; не оплошал он и на этот раз. В своем донесении от девятнадцатого июля, сообщив о покушении, он добавляет: «Имя организатора нападения неизвестно, но это, без сомнения, тот же самый человек, который убил и бросил в Тибр герцога Гандия. Монна Лукреция, супруга принца Бишелье, занемогла от горя; по словам врачей, у нее открылась нервная горячка. Герцог Валентино издал эдикт, запрещающий ношение оружия на всем пространстве от Ватикана до замка св. Ангела». В конце июля Капелло упоминает о том, что «раненый очень слаб и надежд на его выздоровление мало, хотя жар, кажется, начинает спадать». А восемнадцатого августа посол делает следующую запись: «Сегодня скончался принц Бишелье. Причиной его смерти явилась предпринятая полтора месяца назад попытка покушения на герцога Валентино. Герцог приказал своим людям изрубить молодого Альфонсо на куски, ибо узнал о некоем заряженном арбалете, стрела из которого должна была пронзить его (Чезаре) во время прогулки в дворцовом саду». По словам Капелло, несколько слуг принца были арестованы папской стражей и под пыткой признались в намерении своего господина расправиться с Чезаре Борджа.

В пространном донесении от двадцатого сентября, адресованном венецианскому сенату, Капелло сводит приведенные отрывки воедино, дополнив их множеством подробностей. В его изложении события разворачивались следующим образом:

«Нападение произошло в девятом часу вечера, поблизости от дворца герцога Валентино. Собрав последние силы, принц бросился к папе и крикнул ему: «Я ранен и знаю кем!» Присутствовавшая при этом дочь его святейшества, Лукреция, увидев мужа окровавленным, упала в обморок.

Перевязав раны, принца перенесли в один из дворцовых покоев, где потом при нем неотлучно находились жена и сестра⁵⁴, принцесса Скуиллаче. Обе женщины ухаживали за ним и собственноручно готовили ему всю еду и напитки, ибо в любом непроверенном кушанье мог оказаться яд. Они знали о ненависти, которую питает к принцу герцог Валентино, и трепетали поминутно, ожидая новых убийц. Знал об этом и папа, приказавший охранять покой и жизнь раненого зятя шестнадцати стражникам.

Святой отец несколько раз навещал принца, утешал и ободрял его. Однажды вместе с его святейшеством пришел Валентино, и когда папа заговорил о чем-то с Лукрецией, герцог, наклонясь к постели больного, тихо произнес: «Чего не было за завтраком, то будет на ужин...» И семнадцатого августа, видя, что дело идет на поправку, он появился вновь. Велев женщинам уйти, герцог кликнул своего слугу, Микелотто, и тот быстро задушил несчастного принца. В ту же ночь тело убитого было предано земле.

Рассказ посла игнорирует некоторые важные обстоятельства и скорее ставит, чем разрешает вопросы. Кроме того, он полон противоречий.

Первое. «Нападение произошло... поблизости от дворца герцога». Альфонсо ранили на ступенях лестницы св. Петра — об этом знал и говорил весь Рим, да и сам Капелло упоминал это в депеше от шестнадцатого июля. Здесь налицо или провал в памяти, или явная подтасовка, цель которой — сразу же указать виновного.

Второе. «...он бросился к папе и крикнул ему: «Я ранен и знаю кем!» В описании ранений, полученных принцем, Капелло сходится с Бурхардом. Очень трудно себе представить, что человек, истекающий кровью, сумел пробежать одну-две улицы и сделать свое драматическое заявление. Нападающие не добились его лишь потому, что сочли мертвым. Альфонсо был без сознания, когда кардинал Капуанский отпускал ему грехи, и затем восемь суток оставался на грани жизни и смерти. Способность бегать и кричать, находясь в таком состоянии, выглядит довольно сомнительной. Вероятно, Капелло ввел в повествование этот эпизод ради его логической полноты — желая показать, что уже с самого начала всем, включая жертву, все было ясно.

Третье. Лукреция и Санча «ухаживали за ним и собственноручно готовили еду и напитки». Легко поверить в доброту обеих принцесс, в их искреннее желание спасти мужа и брата. Но у них не было никакой необходимости за-

ниматься стряпней — ведь рядом с Альфонсо находился опытный врач, который наверняка мог проконтролировать пищу и уберечь своего пациента от отравления. В июле тот же Капелло сообщал о приезде к раненому неаполитанского доктора, но в дальнейшем не упоминает о нем.

Четвертое. «Папа приказал шестнадцати стражникам охранять раненого зятя». Эта деталь должна свидетельствовать о том, что и сам Александр знал, кто угрожает жизни принца. Но куда подевалась вся охрана при появлении убийц — герцога и его слуги Микелотто?

Пятое. «...Герцог тихо произнес: «Чего не было за завтраком, то будет на ужин». Тут мы воочию убеждаемся не только в виновности Валентино, но в его дьявольской жестокости — герцог приходит полюбоваться на страдания раненого врага и дает тому понять, что он обречен. Однако возникает вопрос: кто предоставил венецианцу эти бесценные сведения? Всюду, где можно, Капелло называет своих информаторов, но в данном случае предпочитает фигуру умолчания. Тем самым он низводит свое сообщение до уровня обыкновенной сплетни, которую нельзя ни проверить, ни проанализировать.

Следует подчеркнуть, что в целом версия причастности Чезаре Борджа к убийству принца вполне допустима — речь идет лишь о недостоверности отдельных эпизодов и об удручающей нехватке надежных документальных свидетельств, которые позволили бы восстановить истинную картину.

Прошло три с половиной столетия, и «Донесения» Капелло были освящены авторитетом Грегоровия. В очерке «Лукреция Борджа» мы находим безапелляционный вывод: «Тайна, окутывавшая гибель Альфонсо, скоро рассеялась. Чезаре открыто заявил, что убил принца, поскольку тот сам покушался на его жизнь».

Но делал ли Чезаре подобное признание? Будь это так, откровенность герцога была бы обязательно зафиксирована в письмах, дневниках и посольских отчетах. В действительности же повсюду — только повторение слухов, возникших неизвестно как и неизвестно где.

Есть еще одно обстоятельство, которое трудно согласовать с рассказом Капелло, — присутствие неаполитанского врача, лечившего Альфонсо. Уж он-то наверняка пользовался доверием принца и к тому же, в силу своей профессии, был весьма наблюдательным человеком. Освобожденный после допроса в замке св. Ангела мессер Гальено вернулся на родину и, надо думать, дал королю Федерико пол-

ный отчет обо всем, что видел и слышал в Риме. Значит, летописи Неаполя могут предоставить нам столь необходимое свидетельство очевидца.

Увы — эта надежда тщетна. Анналы Неаполитанского королевства содержат лишь бесконечные пересказы версии Капелло. Остается только гадать, чем объясняется молчание доктора Гальено — тем, что ему нечего было сказать, или запугиванием во время допроса.

Даже скупые строки «Дневника» Бурхарда дают, при внимательном чтении, пищу для недоуменных размышлений. В самом деле — зачем было посылать сорок всадников ради убийства одинокого восемнадцатилетнего юноши? Кто и когда успел их пересчитать? Почему целый эскадрон, сгрудившийся у лестницы св. Петра, не привлеч ничьего внимания и как такому количеству людей удалось бесследно исчезнуть после нападения на принца?

Впрочем, здесь к нашим услугам информация, исходящая от флорентийского посла Франческо Капелло (по воле судьбы два дипломата оказались однофамильцами). В зашифрованных письмах синьора Франческо число нападающих ограничивается четырьмя злоумышленниками в масках. Дальнейшие события посланец Флоренции описывает примерно так же, как Бурхард, но оговаривается, что лишь передает городские слухи. Он упоминает также о неудачном покушении на Чезаре Борджа, предпринятом Альфонсо Арагонским.

Пытаясь разобраться в истории убийства принца Бишелье, мы оказываемся перед альтернативой: или принять целиком версию Паоло Капелло, возлагающего вину на герцога Валентино, или отвергнуть ее ввиду явной противоречивости. Второй путь сразу же заводит нас в тупик, поскольку вообще не дает материала для рассуждений. А идя по первому пути, мы вынуждены заключить, что Чезаре, при всей своей жестокости, только отвечал ударом на удар. Истоки непримиримой вражды двух молодых аристократов не попали в поле зрения историков, и мы не знаем причин, побудивших Альфонсо взяться за арбалет. Но ведь это — самый важный фрагмент всей картины, без которого нельзя судить об истинных ролях действующих лиц. Не всякий, кто умер насильственной смертью, — невинная жертва, и думается, что Грегоровий не прав, утверждая, будто «тайна, окутывавшая гибель принца, скоро рассеялась». Эта тайна до сих пор ждет своего исследователя.

РИМИНИ И ПЕЗАРО

Осенью 1500 года Чезаре с головой погрузился в хлопоты по сбору и снаряжению новой армии. Посол де Вилльнев сообщил ему о желании французского короля по-прежнему участвовать в военных предприятиях герцога; в качестве ответной любезности подразумевалась помощь Борджа при очередном походе Людовика на Неаполь. Со своей стороны, Чезаре обратился к Людовику с просьбой оказать дипломатический нажим на венецианцев, под чьим покровительством находились двое противников Александра VI — Манфреди и Малатеста, правившие в Фазенце и Римини.

Как нередко бывало, на помощь Борджа пришел случай. Именно в это время обострились отношения между Венецией и султаном Баязидом, так что республика всерьез опасалась нападения турецкого флота. В сложившихся условиях дож и Совет десяти не могли рисковать дружбой с папой и королем Франции. Оставалось лишь сделать хорошую мину при плохой игре — Венеция не только отказалась от протектората над обоими городами, но и осыпала почестями их будущего завоевателя, пожаловав герцогу Валентино почетное гражданство. Отныне его имя было навсегда внесено в Золотую книгу Республики, а один из красивейших дворцов города перешел во владение нового гражданина.

Как мы помним, Александр VI принимал очень близко к сердцу все, что касалось благополучия его сына, и этот случай не стал исключением. Папа, еще совсем недавно метавший громы и молнии в коварного и неискреннего союзника и уверявший, что Венеция лишь даром потратит время, пытаясь снискать его милость, теперь не находил слов, чтобы выразить свое удовольствие и благоволение. А сам Чезаре в разговоре с послом Республики дал понять, что, когда Всевышнему будет угодно призвать к себе нынешнего папу, герцог Валентино обеспечит передачу святейшего престола венецианскому кардиналу.

Армия уже стояла в боевой готовности. Под знаменами Чезаре собрались как его сподвижники по первому походу, так и новые солдаты и командиры — кондотьеры, искатели приключений, дворяне, права которых были когда-то ущемлены нынешними врагами Борджа. Артиллерией рас-

поряжался Вителлоццо Вителли, один из лучших в Европе знатоков артиллерии, а общее командование было поручено Бартоломео да Капранике.

Яркая личность самого Чезаре, его щедрость и ум привлекали к нему не только воинов, но в не меньшей степени людей свободных профессий. Писатели и ученые, художники и скульпторы всегда встречали радушный прием при его дворе, ибо герцог проявлял вкус к прекрасному как в своих блистающих роскошью римских апартаментах, так и среди опасностей и забот походного лагеря. К демоническому обаянию Чезаре Борджа и к возможностям, предоставляемым им всем творческим натурам, не оставался равнодушен даже человек столь независимого характера, как Леонардо да Винчи — этот универсальный гений поступил на службу к герцогу в качестве военного инженера. Но встреча с Леонардо произойдет немного позже, в начале 1501 года. Пока что к армии Валентино присоединились служители муз меньшего масштаба, среди них поэты Джуство, Кальмета, Сперуло и скульптор Пьеро Торриджани.

Сохранился портрет Торриджани, сделанный его собратом по ремеслу, таким же авантюристом, но куда более одаренным художником — Бенвенуто Челлини. Даже если бы мы не располагали воспоминаниями современников, внешность и осанка этого зеленоглазого силача и красавца, запечатленные кистью молодого Бенвенуто, позволили бы сделать безошибочный вывод в том, что меч и копье привлекали Пьеро не меньше, чем молоток и резец. Самым значительным произведением Торриджани стало надгробие английского короля Генриха VII, но настоящую известность ему принес один-единственный кулачный удар. Именно этот удар, сломавший нос четырнадцатилетнему Микеланджело Буонарроти и навсегда обезобразивший лицо будущего величайшего ваятеля и живописца эпохи Возрождения, «обессмертил» Пьеро Торриджани. Ссора произошла в те времена, когда оба юноши были еще учениками в школе скульптора Бертольдо при дворе Лоренцо Медичи. Интересно, что сам Торриджани всю жизнь считал увечье, нанесенное Микеланджело (который был моложе и слабее его) своим наиболее выдающимся подвигом. И, как ни удивительно, он оказался прав.

Но вернемся к нашим героям — Борджа. Надо полагать, что страх и ненависть врагов к Чезаре порождались не только его талантами полководца и политика, но и той необычайной быстротой, с которой ему всегда удавалось набирать и снаряжать войска. Как правило, на подготовку

к очередной кампании герцогу требовалось куда меньше времени, чем другим государям, и это ставило его противников в особенно невыгодное положение. Причина такой быстроты была очень проста — свободный доступ к ватиканской казне. А церковные доходы неиссякаемыми ручейками золота стекались в Рим из всех приходов Европы, не говоря уже о средствах, получаемых от продажи индульгенций, многочисленных пожертвованиях и вкладах в монастыри, прибылях с земельных владений и тому подобном. Папа, владевший сравнительно небольшой территорией, единолично распоряжался куда большими суммами, чем иные монархи, и его воинственный сын мог не стеснять себя в тратах, тем более, когда исполнял отцовскую волю. Так было и до, и после похода на Римини и Пезаро, но именно осенью 1500 года враги Борджа впервые четко осознали столь прискорбное для них положение вещей. Тогда же прозвучала чья-то крылатая фраза: «Войско герцога куплено ценой двенадцати кардиналов».

Действительно, в сентябре Александр VI вновь резко расширил состав Святой коллегии, учредив сразу целую дюжину кардинальских постов. Вероятно, папа в преддверии войны хотел усилить свои позиции в конклаве, создав там абсолютное большинство своих ставленников. Однако наиболее шокирующим новшеством явилась не сама раздача красных шапок в столь небывалом количестве, а налог, которым облагались назначенные прелаты: каждый из них был обязан отчислять в церковную казну десятую часть своих доходов. А четыре месяца спустя Александр распространил действие указа и на остальных кардиналов, равно как и на всех чиновников святого престола, занимавших выгодные должности.

Эти меры вызвали дружный ропот. Противники папы обвиняли его в бесстыдной симонии, а подчиненные, не привыкшие делиться своими прибылями с кем бы то ни было, в столь же беззастенчивом грабеже. Между тем Александр заслуживал не большего осуждения, чем любой правитель, вводящий дополнительные налоги, когда его государство оказывается в чрезвычайных обстоятельствах. Будучи законным главой католической церкви, папа имел полное право распоряжаться доходами с бенефиций, используя их на общецерковные нужды, а восстановление власти святого отца над Романьей, конечно, могло считаться таковой. Другое дело, что эта практика не могла найти одобрения князей церкви, ибо ограничивала их возможности личного обогащения.

Еще до выступления из Рима Чезаре начал пожинать плоды своей славы — примеру Имолы и Форли, признавших верховенство герцога, решила последовать Чезена. Город стал ареной кровавых столкновений между старинными врагами — партиями гвельфов и гиббелинов⁵⁵, и его правитель, не будучи в состоянии остановить стычки своими силами, обратился за помощью к Эрколе Бентивольо, командовавшему гарнизоном Форли. Рейтары⁵⁶ Бентивольо двинулись на Чезену, и городской совет, напуганный перспективой разрастания войны, отправил посольство в Рим. От имени всех жителей депутация обратилась к его святейшеству с просьбой передать власть над городом герцогу Валентино — единственному человеку, обладающему достаточным авторитетом для бескровного умиротворения вражды. Александр пришел в восторг от столь мудрого решения, и уже в начале августа герцог стал законным повелителем Чезены. Это событие было отмечено общегородским праздником, в котором принял участие и сам Чезаре. Он снизил подати, отменил налог на муку и сумел в течение нескольких дней примирить вождей обеих партий. Водворив спокойствие и порядок в своем новом владении, Валентино возвратился в Рим, чтобы закончить последние приготовления к новому походу.

В начале октября святой отец благословил армию Чезаре, и передовые отряды кавалеристов прошли через городские ворота. Первую остановку сделали в Непи. Там, во дворце, оплакивала покойного мужа молодая вдова — Лукреция Борджа. С нею был и маленький Родриго — первенец, названный в честь деда.

Начались проливные дожди, и дорога стала тяжелой. Осадные орудия увязали в грязи, задерживая общее движение, настроение у солдат падало, появились случаи дезертирства. Герцог знал, что единственное средство уберечь армию от развала — провести ее через победоносное сражение, которое разом закалит и воодушевит людей. Скоро представился подходящий объект — замок Фоссате у подножия Апеннинских гор, гнездо рыцарей-разбойников, открыто промышлявших грабежом купцов и богатых пущников. Как стало известно герцогу, в подземельях замка томились в ожидании выкупа десятки людей, у которых не нашлось при себе достаточно золота, чтобы удовлетворить аппетиты грабителей.

Чезаре потребовал сдачи крепости, но получил высокомерный отказ — гарнизон надеялся на ее неприступность, а также на то, что войсcone станет задерживаться в суро-

вой и малонаселенной местности. В этом с разбойниками был согласен и сам герцог. Промедление под стенами Фоссате не сулило ему ничего хорошего, поэтому он приказал немедленно начинать штурм. Замок пал в тот же день, и Чезаре отдал его на разграбление своим солдатам. Все пленники получили свободу, а участь побежденных оказалась роковой — их ожидала петля. Этой казнью герцог Валентино недвусмысленно показал всей Италии, к каким печальным последствиям может привести вооруженное сопротивление армии Святого престола.

Но правитель Римини, Пандольфо Малатеста, и не помышлял о схватке с молодым тигром. Этот измельчавший потомок некогда могущественного и знаменитого рода, мечтавший только о наживе и не брезговавший никакими средствами для пополнения собственного кармана, снискал единодушное презрение подданных. О последнем обстоятельстве говорит и прозвище «Пандольфаччо», присвоенное ему людьми и быстро заменившее настоящее имя⁵⁷.

Получив достоверное известие о приближении врагов, он рассудил, что оборонять город не имеет смысла. Однако остался другой вариант — поторгиваться с герцогом, сказочно богатым и неизменно щедрым, поскольку деньги ему всегда доставались легко...

Придя к такому решению, Пандольфаччо отослал жену и детей в Болонью, а сам вместе с челядью и приближенными затворился в городской крепости, выстроенной его дедом, грозным Сидживмондо Малатестой.

Этот поступок озадачил горожан. Никто не ждал от Пандольфо особенного геройства, а между тем складывалось впечатление, что он всерьез собирается оказать сопротивление неукротимому Борджа. Встревоженный городской совет запросил тирана о его намерениях, но тот, не желая раскрывать свои планы раньше времени, уклонился от прямого ответа, велел передать отцам города, что сами они вольны поступать, как им заблагорассудится.

Повторять приглашение ему не пришлось — совет отправил сразу две депутации: к самому герцогу и в Чезену, к епископу Оливьери, представлявшему там интересы Борджа. Одни посланцы сообщили Чезаре о дерзком и смехотворном упорстве Пандольфаччо, другие же просили преосвященного Оливьери поскорее явиться в город, дабы урезонить расхрабравшегося так некстати правителя и начать переговоры.

Убедившись, что его предвидения оправдались, Малатеста послал к герцогу собственного гонца. Чезаре, без

особого удовольствия думавший о многодневной, под проливным дождем, осаде цитадели Римини, с радостью убедился, что слухи о воинственности Пандольфаччо, мягко говоря, сильно преувеличены. Предложение было деловым и конкретным: за соответствующую сумму герцог Валентино может стать полным хозяином родовых владений Малатесты. Как и положено при сделках с недвижимостью, отдельному обсуждению подлежали стоимость самого города, крепости, а также размещенной там артиллерии. Стороны быстро пришли к соглашению, и Чезаре заодно сторговал у сговорчивого противника еще пару небольших крепостей за дополнительную плату в пять с половиной тысяч дукатов.

Вечером Малатеста с горстью родственников и слуг покинул Римини, а уже на следующий день, десятого октября, в город прибыл епископ Оливьери. Вместе с городским советом ему предстояло выработать и подписать условия подчинения нового лена церкви, а затем привести горожан к присяге на верность. Жители отметили избавление от власти Пандольфо общегородским праздником и отправили в Рим письмо, в котором благодарили святого отца, положившего конец тирании и многолетнему произволу.

Взятие Пезаро также обошлось без кровопролития, хотя в данном случае не могло быть и речи о полюбовной сделке. Узнав, что армия папы выступила в новый поход, Джованни Сфорца провел два месяца в непрерывных метаниях, пытаясь найти союзников и не допустить очередного торжества Борджа. Он звал на помощь германского императора, но даже не получил от него ответа. Тогда Джованни обратился к Франческо Гонзаге, герцогу Мантуанскому, брату своей первой жены. Герцог оказался в довольно щекотливом положении — бросить родственника в беде означало навлечь позор на весь род, но и ссориться с Чезаре никак не входило в его планы. К тому же герцог приходился ему кумом, и в свое время Франческо был рад удостоиться такой чести. После долгих размышлений Гонзага избрал некий промежуточный вариант, послав на подмогу Джованни сотню пехотинцев. Это был чисто символический акт, никоим образом не менявший расстановку сил, но позволивший графу сохранить верность традициям, не навлекая на себя гнев Борджа.

Большинство истриков склонно изображать Джованни Сфорца несчастной жертвой Александра VI и его свирепого сына. По естественному побуждению — видеть в жертве лишь хорошие стороны — предполагается, что он был ра-

злым и милосердным правителем. Ириарте, к примеру, пишет о нем, как о государе, «сделавшем жизнь всех своих подданных поистине безмятежной». Из этих слов можно заключить, что Джованни снискал любовь населения Пезаро, однако то, что происходило в действительности, заставляет сделать противоположный вывод — или обвинить горожан в самой черной неблагодарности.

Когда монарх или князь пользуется единодушной поддержкой всего народа, это всегда говорит о его высоких личных качествах. Существование двух партий — правительственной и оппозиционной — свидетельствует о неоднозначности его характера и поступков. Но если государь в минуту опасности возлагает все надежды на иноземную помощь, даже не пытаясь воззвать к народу своей страны, то трудно поверить тем, кто говорит о благодетельности его правления.

А в Пезаро имел место именно последний вариант. Через день после сдачи Римини разнесся слух, будто кавалерия Эрколе Бентивольо уже приближается к городу, и в тот же час началось восстание. Джованни Сфорца с тремя сотнями солдат пробился к укрепленному замку, а горожане, захватив княжеский дворец, веселились и поздравляли друг друга с ожидаемым со дня на день прибытием герцога Валентино.

Сам Джованни, панически боявшийся Борджа с той памятной ночи, когда он, бросив жену, укачал из Рима, не собиравшись подвергать свою жизнь опасности, отражая штурм папских войск. Передав командование над замком и гарнизоном двоюродному брату, молодому Галеццо Сфорца из Котиньолы, он под покровом ночи отплыл в Равенну. Его дальнейший путь лежал в Болонью — оставалась слабая надежда, что герцог Болонский захочет вмешаться в события и остановить захватчиков. Однако герцог, Джованни Бентивольо, не решился выступить в защиту своего невезучего тезки. Он и сам чувствовал себя далеко не уверенно. Считалось, что Болонья, будучи союзником французского короля, не входит в сферу интересов Александра VI, но «карающий меч папы» — герцог Валентино — явно не испытывал трепета даже перед Людовиком XII. Поэтому ходатайство Сфорца к Бентивольо осталось безрезультатным, равно как и новая попытка получить военную помощь от герцога Мантуанского. Ни один из итальянских владетелей, сохранивших хотя бы формальный мир с папой, не желал рисковать своим тронном.

А бывший шурин Джованни Сфорца тем временем

праздновал очередной триумф. В конце октября Чезаре во главе двухтысячного отряда тяжелой пехоты въехал в Пезаро под развернутым знаменем Борджа. У ворот герцога ждали члены городского совета. Ему преподнесли ключи, и он проследовал во дворец Сфорца, приветствуемый толпами жителей — несмотря на осеннюю непогоду, люди вышли из домов навстречу молодому полководцу, в котором видели не врага, а освободителя. В тот же день под звуки фанфар он был провозглашен законным повелителем города.

Здесь, в Пезаро, Борджа дал аудиенцию послу герцога Феррарского, прибывшему поздравить его с победой. Посол Пандольфо Колленуччо был весьма незаурядной личностью. Знаменитый писатель, историк и драматург, он внес заметный вклад в формирование национальной литературы, ибо стал одним из первых авторов, создавших свои произведения на итальянском языке. Это считалось весьма смелым нововведением — ведь вплоть до XIV века единственным языком, достойным бумаги, во всей Европе считалось латынь. Она была универсальным средством общения образованных людей, и грамотность означала умение читать и писать на латыни (исключение составляла только Англия). Поэтому нельзя переоценить заслугу ученых, подобных Колленуччо, которые своими трудами способствовали превращению народного говора в литературный язык.

Местный уроженец, потомок уважаемого старинного рода, он когда-то оказал немалую помощь Джованни Сфорца, подтвердив и обосновав его наследственные права на власть над Пезаро и Котиньолой. Немного позднее Джованни выразил ему свою благодарность тем, что изгнал ученого из родного города. Больше десяти лет Колленуччо провел в скитаниях. Он был не только кабинетным мыслителем, но и человеком действия, и не раз исполнял должность подеста⁵⁸ в независимых городах Италии. До того как поступить на службу в Ферраре, он жил во Флоренции, где заслужил дружбу и уважение Лоренцо де Медичи.

Чезаре, не отличаясь миролюбивым великодушием Лоренцо, был, как и он, высокообразованным ценителем всяческих талантов. Узнав о приезде Колленуччо, он послал ему несколько корзин с подарками — дичью, тонкими винами, сладостями и свечами лучшего качества — и уже на следующий день принял посла. Прием герцога был исполнен подчеркнутого дружелюбия; вообще царственная любезность Чезаре, в сочетании с его красотой и славой

яростного и отважного воина, неизменно восхищали всех, кому доводилось с ним общаться. Он приказал возвратить Колленуччо родовые владения, конфискованные десять лет назад Джованни Сфорца. Но многоопытный Колленуччо, которого жизнь и занятия научили хорошо разбираться в людях, сумел разглядеть не только внешний блеск герцога Валентино. В донесении в Феррару посол отзывается о нем так: «Он смел, полон сил и знает цену честным и одаренным людям, каковых немало в его окружении. Многие говорили мне, что герцог настойчив и неумолим в своей мести. Безусловно, это человек высокого ума, один из тех, кто всегда стремится к могуществу и славе».

Несмотря на милость Борджа и на то, что Пезаро перешел под власть святого престола, Колленуччо не решился остаться в родном городе. Он не был уверен в долговечности нового правления — и оказался прав. Но прозорливость не спасла писателя, точнее, изменила ему в самый нужный момент. Впоследствии, вернувшись на трон, Джованни Сфорца клятвенно обещал изгнаннику свободу и безопасность, и Колленуччо возвратился на родину. Он был уже немолод, устал от вынужденных странствий и думал не о политике, а о том, чтобы в мире и покое провести остаток отпущенных дней на земле своих предков. Но по прибытии в Пезаро его немедленно бросили в тюрьму, где вскоре, не поднимая лишнего шума, удавили по приказу Сфорца. Кстати сказать, эта история служит немаловажным штрихом в портрете Джованни — человека, которого принято изображать «несчастной жертвой кровавых Борджа».

Валентино провел в городе только два дня, но даже этого небольшого срока оказалось достаточно, чтобы жители оценили дисциплину, царившую в войсках герцога. В самом Пезаро и в окрестных селениях разместилось несколько тысяч наемных солдат. Постой армии всегда был сущим бедствием для населения, но на этот раз крестьяне и ремесленники не имели поводов для жалоб. И буйные ландскнехты, и гасконские головорезы держались в терпимых границах, не чиня обид мирным жителям и не посягая на их добро. Причина такой удивительной скромности не являлась тайной — о беспощадности герцога к грабителям в рядах армии знали все. Солдата, уличенного в краже, не говоря уже о более тяжких проступках, ждала петля, и мысль об этом утихомиривала даже самых отчаянных мародеров.

Власть и авторитет Чезаре были непреережаемыми.

Джустоло, находившийся в его свите, описывает в этой связи следующий эпизод. Во время одного долгого перехода предстояла переправа через вздувшуюся от дождей реку. Мост снесло, и нужно было валить деревья и вязать плоты, поскольку на берегу нашелся только один челнок. За обладание им разгорелся ожесточенный спор, очень быстро перешедший в драку. Солдаты, осыпая друг друга тумаками и разноязычной бранью, рвались к лодке; никто не слушал командиров, и кое-где уже блеснули мечи. В этот момент к берегу подъехал Чезаре Борджа. Он не произнес ни слова, лишь пристально посмотрел на нарушителей дисциплины, но этого оказалось достаточно. Разом притмирив под холодным взглядом герцога, драчуны разошлись по местам и безропотно занялись необходимыми делами.

Разместив в Пезаро небольшой гарнизон, герцог отправился в Римини, чтобы привести в порядок тамошние административные дела. Там его встретили с распростертыми объятиями, и надо сказать, что Чезаре вполне оправдал надежды горожан. Он снизил налоги, разорвавшие торговлю, и назначил новых судей, сообразуясь при этом с мнением городского совета. Была объявлена амнистия всем покинувшим город из-за притеснения Пандольфаччо или изгнанных по его приказу; беглецам возвращалось конфискованное имущество. Упорядочив общественную жизнь Римини, герцог назначил наместника с четко очерченным кругом обязанностей и полномочий — им стал Рамиро де Лорка, — а сам вместе с армией тронулся по направлению к Фаэнце.

Организаторские способности Чезаре, его стремление покончить с неразберихой и злоупотреблениями чиновников и наладить правильный ход государственной машины проявлялись во всех городах покоренной Романьи. В архивах сохранились тексты его указов и распоряжений. Взвешенные и разумные, они свидетельствуют о желании Валентино обеспечить покой и процветание новых провинций папского государства. Более того, он нередко совершал акты прямой благотворительности, оказывая безвозмездную помощь жителям областей, сильно пострадавших от войны, пеурожая или эпидемией.

Конечно, все эти действия были обусловлены лишь заботой о сохранении власти. Ни один человек на свете не был в глазах Чезаре Борджа самоценной личностью. Герцог мог оберегать и щедро одаривать того, кто занимал важное место в его ближайших или стратегических пла-

нах — и хладнокровно жертвовать тем, в чьих услугах уже не предвиделось надобности. Но он был слишком умен, чтобы не учитывать старую истину: правителю разрешено пренебрегать интересами и даже жизнью отдельных граждан, но нельзя безнаказанно пренебрегать интересами всего народа. И хотя Цезаре оставался воином по ремеслу и по призванию, понимал он и то, что никакая власть не будет устойчивой, если она поддерживается только насилием и страхом. Через три столетия князь Талейран, один из хитрейших в истории политиков, повторил эту мысль в своем знаменитом афоризме ⁵⁹.

Глава 16

ОСАДА ФАЭНЦЫ

Второй поход Цезаре Борджа в Романью развивался успешно — города сдавались при одном лишь приближении его легионов. Говорили, что он, подобно Иисусу Навину ⁶⁰, рушит крепостные стены звуком боевых труб. Но вскоре и ему пришлось столкнуться с неожиданно упорным сопротивлением. Таким твердым орешком оказалась Фаэнца.

История любит парадоксы: мужчины трусливо бегут или стараются приобрести мир ценой уступок, а женщина — графиня Риарио-Сфорца — сражается до последней возможности, обороняя Форли. И вот, словно для того, чтобы подчеркнуть этот контраст, вторым достойным противником герцога Валентино стал ребенок — Асторре Манфреди, шестнадцатилетний государь Фаэнцы.

Когда армия герцога двигалась к Римини и Пезаро, Асторре, поднявшись на башню, уже видел на дальних холмах блеск оружия и знамена с изображением быка. Он знал, что следующей целью будет его родной город.

Поначалу Асторре хотел бежать — ведь пока что мальчику доводилось лишь слышать и читать о войне, и он не помошлял о схватке с самым опасным человеком в Италии. Но ему не пришлось разделить позор Джованни Сфорца и Пандольфо Малатесты. Род Манфреди удерживал верховную власть в Фаэнце уже десять лет, завоевав своей разумной и честной политикой признательность многих поколений. Сам Асторре был возведен на престол в трехлетнем возрасте, после смерти отца, герцога Галеот-

то Манфреди. Все управление городскими делами сосредоточилось в руках Совета, но лишь до тех пор, пока юный государь не наберется опыта. И теперь, узнав о приближении Борджа, граждане Фаэнцы объявили, что будут защищать своего законного господина и повелителя.

Но одной преданности недостаточно — нужна еще и сила, а маленькая Фаэнца не располагала необходимыми военными средствами. Тронутый любовью подданных, юноша страстно желал оправдать их доверие — и в то же время боялся навлечь гибель на себя и на тысячи ни в чем не повинных людей. Он еще колебался, когда подоспела неожиданная помощь. Добрые вести пришли с севера.

Дед Асторре, Джованни Бентивольо, властитель Болоньи, уже давно с беспокойством следил за перемещениями ватиканских войск в непосредственной близости от своих границ. Враждебность папы к Болонье не составляла секрета, равно как и то, что ключевые посты в армии Чезаре Борджа занимали смертельные враги Бентивольо — Орсини, Бальони и Мальвецци. Только милость французского короля позволяла городу до сих пор сохранять независимость, но эта гарантия была дорогостоящей и ненадежной. Первостепенное значение для Людовика XII имел союз с папой, а не с Болоньей. Понимая это, Джованни Бентивольо стремился сдержать экспансию до того, как король бросит его на произвол судьбы и ненасытных Борджа. Пограничные крепости представляли собой последний шанс, и в середине октября из Болоньи в Фаэнцу выехал граф Гуидо Торелла, имевший полномочия предложить Асторре деньги, оружие и солдат для обороны города.

Граф обсудил положение дел с городским советом. Он считал самым разумным отправить мальчика в Венецию, пока враги еще далеко, и после этого заняться военными приготовлениями. Но совет воспротивился, ссылаясь на то, что только присутствие юного государя воодушевляет горожан, а без него никто не захочет сражаться. Скрепя сердце, Торелла согласился с этим доводом.

Скоро слухи о переговорах достигли Рима, вызвав там немедленную реакцию. Папа направил в Болонью грозное послание, в котором запрещал Бентивольо под страхом отлучения от церкви вмешиваться в дела Фаэнцы. Но нужда учит обходить любые запреты — и вот полк, предназначенный в помощь Асторре, двинулся на усиление гарнизона крепости Кастель-Болоньезе. А секретный приказ, имевшийся у командира, предписывал ему после краткого отдыха в стенах крепости спешить все к той же Фаэнце.

Эта нехитрая уловка избавила Бентивольо от прямой конфронтации с Ватиканом, между тем как Асторре получил тысячу обученных солдат. Теперь обороной города могли заняться военные.

Седьмого ноября начались боевые действия: передовые кавалерийские части Вителлоццо Вителли вынудили к сдаче и заняли несколько небольших крепостей, прикрывавших подступы к владениям Манфреди. А через три дня у ворот Фазнцы уже трепетали на осеннем ветру знамена Борджа: под командованием самого герцога сюда подошли основные силы армии.

Ультиматум был отвергнут, и Чезаре начал готовиться к осаде. Его лагерь расположился к востоку от города, между реками Ламоне и Марцано. Уже на второй день солдаты принялись освобождать сектор обстрела для артиллерии, методично и безжалостно разрушая все постройки, вырубая сады и оливковые рощи и выгоняя тех немногих жителей, кто еще оставался в домах вне городских стен.

Зрелище этих приготовлений доставляло защитникам мало радости. Не все было ладно и в самом городе: обнаружилась измена. Кто-то заметил во рву арбалетную стрелу с привязанной к ней запиской, которая оказалась адресованной коменданту Кастаньини. На допросе комендант не сумел очиститься от подозрений в связях с врагом, и его бросили в тюрьму. Отныне всей обороной города распоряжался Джанэванджелиста Манфреди, двоюродный брат Асторре.

На третий день заговорили орудия герцога, сосредоточив огонь на одном из старых бастионов. После непрерывной недельной канонады ветхая кладка не выдержала, и башня с протяжным грохотом обрушилась в крепостной ров, засыпав его обломками. Это произошло утром двадцатого ноября. Обозленные осенней непогодой, холодом и дождями, солдаты кинулись на штурм, не дожидаясь приказа.

События того дня сам Чезаре изложил в письме к герцогу Урбинскому. Он сидел за завтраком, когда привычные удары пушек сменились грохотом, а затем, после минутного затишья — ликующими воплями, топотом и лязгом. Выскочив из палатки, Чезаре увидел беспорядочную толпу — здесь были и его солдаты в красно-желтых камзолах, и гасконские стрелки короля Людовика. Все они, не разбирая дороги, бежали к пролому — ведь, по старинному обычаю, первый, кто взберется на стену вражеского города, получает почетную награду. Имелась и еще одна причина для спешки. В случае добровольной сдачи осаждаемым гаран-

тировалась жизнь и неприкосновенность имущества, а город, взятый штурмом, отдавался на разграбление. Сейчас никто из алчных наемников не думал о смерти от вражеского клинка, боясь только одного — как бы гарнизон Фаэнцы не выкинул белый флаг и не лишил их законной добычи.

Герцог догнал своих солдат уже во рву. Он-то знал, что стихийный натиск не может увенчаться успехом. Оборону здесь держали не только горожане, неопытные в военном деле, но и многочисленное, хорошо обученное болонское войско Бентивольо. Со стен летели стрелы и камни, лились кипятки и горящая смола. Самовольная атака грозила обернуться нешуточными потерями. Побагровев от ярости, Чезаре метался в гуще толпы, выкрикивая команды вперемежку с отборной руганью, хватая за шиворот самых ретивых вояк и отшвыривая их назад. И столь велика была власть двадцатипятилетнего полководца, что ему удалось подчинить своей воле несколько сот обезумевших людей. Огромный камень, сброшенный со стен, врезался в землю у ног Чезаре, но герцог лишь нетерпеливо мотнул непокрытой головой, продолжая ругаться, убеждать и подгонять отстающих. Цель была достигнута — отрезвевшие и понурые солдаты поплелись обратно.

Видимо, сама природа решила прийти на помощь осажденной Фаэнце. Туманы, ветер и дождь сменились снегопадом, который начался двадцать второго ноября и вскоре превратился в настоящую пургу. Эта столь редкая для Италии снежная буря продолжалась сутки. Лагерь занесло сугробами, и солдаты коченели в тонких палатках. Ободренные этим обстоятельством, защитники города совершили внезапную вылазку. В рукопашной схватке обе стороны понесли тяжелые потери. А снег все шел.

Как ни досадно было Чезаре признать свою неудачу, выбора у него не оставалось. В конце концов он приказал свернуть лагерь и готовиться к переходу на зимние квартиры.

Осада превратилась в блокаду. Герцог разместил войска во всех окрестных деревнях, чтобы воспрепятствовать снабжению города или подходу подкреплений. Командиры частей должны были наблюдать за положением в Фаэнце и непрестанно тревожить гарнизон и жителей, изматывая их в мелких стычках.

Впрочем, боевой дух осажденных нисколько не пострадал. Парламентеры, посланные герцогом с повторным предложением сдаться, вернулись назад с ответом: «Весь совет и

все граждане Фаэнцы единодушно решили — не щадя жизни, по-прежнему оборонять права и владения Манфреды».

Удостоверившись, что его распоряжения выполнены и город блокирован, Чезаре с полуторастами кавалеристами и тремя тысячами пехотинцев возвратился в Форли. Здесь он снова продемонстрировал обычную для него, но совсем нечастую среди полководцев мудрую предусмотрительность в отношениях с покоренной областью. По указанию герцога хозяева каждого дома, где располагались на постой его солдаты, получали денежную компенсацию за понесенные расходы. Любые недоразумения подлежали разбору в городском совете, а в особо важных случаях — у самого командующего. В войсках было объявлено о смертной казни за мародерство и кражу, и это предостережение подкрепилось наглядным уроком: через неделю после прибытия Валентино в Форли зимний ветер уже раскачивал тела повешенных на оконной решетке герцогского дворца. На груди у каждого из казненных висела доска с надписью, сообщавшей его имя, должность и совершенное преступление.

В конце декабря 1500 года Чезаре Борджа с несколькими сотнями лучших солдат перебрался в столицу Романьи — Чезену. Наместником герцога в Форли стал епископ Трани, а военным комендантом — дон Мигель де Корелла (он же Микелетто, Микеле, как именуют его итальянские хроники). Фанатично преданный своему господину, капитан де Корелла держал солдат в не меньшей строгости, чем сам герцог, и беспокоиться за надежность тыла не приходилось.

Резиденцией Валентино в Чезене стал пустовавший до тех пор дворец Новелла-Малатеста, спешно отремонтированный и украшенный в соответствии с взыскательным вкусом нового жильца. Рождественский бал, устроенный там герцогом для всех дворян и почетных граждан города, вполне оправдывал утвердившуюся за Чезаре славу безрассудного расточителя. Роскошью и изобилием его пиры всегда являли собой резкий контраст со скромными трапезами старшего Борджа (как мы уже говорили, Александр VI смолodu отличался умеренностью в пище и предпочитал самые простые блюда). Приглашение на ужин к святейшему отцу считалось в Риме куда менее завидным, чем такое же приглашение к герцогу Валентино.

В течение зимы не произошло каких-либо заметных перемен в положении Фаэнцы. Правда, был случай, когда небольшой отряд сумел под покровом ночи спуститься в кре-

постной ров. Забросив на стену веревочные лестницы, солдаты полезли наверх, надеясь без шума перебить стражу и открыть ворота. Но их уже ждали. Внезапно в ров полетели горящие факелы и с ближних башен грянули смертоносные орудийные залпы.

Подхватив раненых, папские гвардейцы бросились прочь, а те, что успели пробраться в город, были схвачены и казнены.

Между тем праздники в Чезене следовали один за другим. Казалось, что герцог совсем забыл о войне, попусту растрачивая время и деньги в кутежах со своими соратниками. Эти молодые аристократы не пропускали ни одного карнавала в округе, о чем с явным неодобрением упоминает составитель «*Diario Cesenate*» *. Безымянный летописец находил особенно предосудительным участие его светлости в сельских празднествах, проходивших в окрестных деревнях с Рождества до Крещения. Более того, переодетый герцог не только ел и пил вместе с простолюдинами, но и не отказывался выступить в состязаниях силачей и борцов. Вероятно, это были великолепные зрелища, и легко представить досаду какого-нибудь деревенского геркулеса, повергнутого наземь холеным городским красавцем, белоручкой с золотисто-каштановыми кудрями. Но эти руки, не знавшие иных инструментов, кроме гусиного пера, меча и копья, без видимого напряжения разгибали железную подкову.

Тем временем папа прилагал все усилия, чтобы застраховать Чезаре от возможных неудач в летней кампании. Святой отец считал, что осада Фазнцы провалилась вовсе не из-за плохой погоды — он возлагал вину на дерзкого ослушника Джованни Бентивольо, чьи солдаты позволили малолетнему Манфреду сохранить власть и отстоять город. Свое мнение римский папа красноречиво и обстоятельно изложил в письме королю Людовику, покровительство которого до сих пор обеспечивало независимость Болоньи.

Конечно, Бентивольо скоро узнал об этих жалобах и понял, какие опасности ожидают его. Или папа отлучит его от церкви — тогда он, Джованни Бентивольо, может быть изгнан собственными подданными, или французский король откажется от союза с Болоньей — в этом случае последует вторжение войск Борджа. Страх перед потерей

* «Чезенская летопись» (лат.).

трона оказался сильнее родственных чувств, и Бентивольо отозвал войска из Фаэнцы.

Впрочем, это не принесло ему покоя. Хитрый Александр продолжал свои сетования, живописуя христианнейшему королю происки болонцев и весь вред, причиненный ими планам апостолического престола. В конце концов Людовик посоветовал несчастному Бентивольо не раздражать святого отца и смягчить его гнев какой-нибудь дополнительной уступкой. В действительности же Александр, развывая всю эту интригу, от души веселился.

Чезаре был прекрасно осведомлен о происходящем. В начале февраля, перенеся свою штаб-квартиру в Имолу, он отправил к Бентивольо посла с требованием сдать крепость Кастель-Болоньезе. Пойти на такое унижение болонский правитель не хотел и не мог. Кастель-Болоньезе, главный стратегический центр его владений, располагалась на пересечении важнейших дорог и прикрывала подступы к самой Болонье. Поэтому Бентивольо предложил компромисс, горячо надеясь, что Валентино не решится начать новую войну, оставив у себя в тылу непокоренную Фаэнцу. Никак не затрагивая вопрос о крепости и не отвечая ни да ни нет, он выразил готовность снабдить потрепанную боями и непогодой армию герцога всеми необходимыми припасами и снаряжением.

Это был верный ход. Чезаре удовлетворился предложенным выкупом, а папа сменил гнев на милость и даже поблагодарил Бентивольо за щедрую помощь своему возлюбленному сыну.

Когда герцог находился в Имоле, Италию облетел слух о некой мелодраматической истории, связанной с его именем. Речь шла о похищении одной знатной дамы, Доротей Караччоло. Она гостила у герцогини Урбинской, а затем поехала домой, в Венецию. Какие именно приключения пережила в пути прекрасная Доротея, доподлинно неизвестно, но в Венецию пришла тревожная весть — будто испанцы из армии Валентино остановили ее карету, перебили слуг и увезли красавицу в неизвестном направлении. Передавали, что это незаконное дело осуществилось по приказу герцога.

«Донесения» Капелло уже получили в Венеции достаточную известность, и никакое новое обвинение в адрес Чезаре не казалось после них невероятным. Муж Доротей, Джанбаттиста Караччо, кинулся в сенат Республики, требуя восстановить справедливость и покарать наглого похитителя. Вся история выглядела настолько дерзкой, что се-

нат направил в Имолу специального посла, мессера Маненти. К нему присоединились французский представитель де Тран (он решил завернуть в Имолу проездом из Венеции в Рим) и капитан Ив д'Аллегр.

Начало переговоров не предвещало ничего хорошего. Убежденный в виновности Чезаре, Маненти в самой резкой форме потребовал немедленного освобождения пленницы. Герцог же был не из тех, кто терпит угрозы. Однако, ко всеобщему удивлению, высокомерная речь посла не вызвала у него ни ярости, ни раздражения. Прежде всего Чезаре поклялся, что ни словом, ни делом не участвовал в похищении, хотя и слышал о нем. Он может лишь предположить имя виновника — Рамирес, в прошлом — командир одного из его отрядов, действительно находившийся в Урбино и пылко влюбившийся в даму, о которой говорил мессер Маненти. Рамирес оставил службу и скрылся, но будет найден и понесет примерное наказание. В заключение, сохраняя серьезный и благожелательный тон, герцог заверил присутствующих, что подозрения на его счет совершенно беспочвенны — женщины Рима и Романьи к нему весьма благосклонны, и он находит их общество достаточно приятным, чтобы не помышлять о похищении венецианок.

Приводя рассказ об этом своеобразном дипломатическом инциденте, Сануто прибавляет, что французский посол был очарован остроумием, манерами и внешностью герцога. Теперь уже де Тран стал заверять своего венецианского коллегу в явной нелепости их первоначального подозрения.

Но невиновность Чезаре Борджа, будь она подлинной или мнимой, не могла утешить оскорбленного мужа Доротеи. Джанбаттиста Караччоло по-прежнему осаждал сенат письменными и устными жалобами, и его усилия в конце концов увенчались определенным успехом: выяснилось, что пропавшая красавица находится в каком-то монастыре, но где именно — неизвестно. И тут дело приняло совершенно неожиданный оборот: Доротея прислала в Венецию жалобное письмо, в котором умоляла правительство Республики и самого дожа не об освобождении из рук похитителей, а о защите от собственного супруга. Только жестокость последнего вынудила ее искать спасения за стенами монастыря; она готова принять постриг и навсегда удалиться от мира, лишь бы не возвращаться к нелюбимому мужу.

Караччоло вызвали в сенат и познакомили с письмом. С негодованием отвегнув любые намеки на жестокое обращение с женой, он заявил, что нисколько не сомневается в ее добродетели и не понимает причин ее страха. После долгой переписки и препирательств Доротея все-таки вернулась в Венецию, но, по-видимому, так и не сумела обрести счастья в семейном кругу. В хронике Сануто есть упоминание о том, что много позднее, в июле 1504 года, она снова взывала к властям, прося разрешение покинуть Караччоло и возвратиться к своей матери.

Такова история похищения венецианской красавицы. Капитан Рамирес, предполагаемый виновник этого на шумевшего дела, вскоре отыскался и, не понеся никакого наказания, был вновь принят на службу герцога. Судя по всему, Чезаре не лгал, уверив послов в своей непричастности к похищению, но, конечно, знал о нем куда больше, чем говорил. Он никогда не унижался до того, чтобы прятаться за спинами подчиненных, но и не терпел с их стороны самоуправства, особенно если оно оборачивалось дипломатическими осложнениями. Поэтому безнаказанность Рамиреса свидетельствует о том, что он был прощен заранее — еще до того, как в Имолу прибыл разгневанный венецианский посол. А вспомнив жалобные письма Доротеи, нетрудно представить, как в действительности развивались события. Пылкий испанец влюбился в венецианку, уговорил ее бежать от опостылевшего супруга и имитировал похищение. Зная нрав герцога Валентино, влюбленная парочка могла не сомневаться, что найдет в нем если не защитника, то хотя бы покровителя. В делах войны и политики Чезаре всегда сохранял беспощадную трезвость суждений, но было бы поистине странно, если бы он, молодой человек XV века, рожденный и воспитанный в Риме, встал на сторону обманутого мужа.

Здесь следует сказать несколько слов о том, как вообще относился наш герой к прекрасному полу. Женщины играли в его жизни весьма незначительную роль, и ни одна красавица не могла бы похвастаться тем, что из любви к ней герцог пожертвовал хоть малейшей частицей своих планов. Холодный эгоист, Чезаре лишь милостиво позволял им любить себя, оберегая себя от всякой привязанности. Новая любовница значила для него ровно столько же, сколько и предыдущая, и он менял их с полным безразличием, сообразуясь только со своим настроением в данный момент и забывая через минуту после расставания.

А единственный след, оставленный в истории многочисленными пассиями герцога Валентино, мы находим среди записей доктора Гаспаре Тореллы. Хотя его пациент и отличался завидным здоровьем, силой и красотой, он нередко нуждался во врачебной помощи после очередных подвигов на ложе любви.

Глава 17

АСТОРРЕ МАНФРЕДИ

Двадцать девятого марта 1501 года войска Борджа вновь осадили Фаэнцу. Несмотря на уход солдат Бентивольо, жители города не помышляли о сдаче. За зиму они исправили повреждения стен и даже выстроили новый бастион рухнувшей башни. Двенадцатого апреля пушки герцога Валентино открыли огонь.

Мужество не изменило защитникам Фаэнцы, хотя их положение становилось с каждым днем все тяжелее. Кончались запасы муки и вина, но торговцы не поднимали цены и ссужали Асторре деньги, чтобы он мог выплатить жалование солдатам. Даже духовные лица согласились пренебречь долгом повиновения папе, во имя которого велась беспощадная война против их родного города. Священники жертвовали церковную утварь — золото и серебро пошло на чеканку монет, из бронзы отливали мортиры. Женщины Фаэнцы участвовали в обороне наравне с мужьями и братьями — они подносили камни и ядра, поддерживали огонь под котлами со смолой, стояли в караулах, чтобы дать несколько часов отдыха уставшим бойцам.

Восемнадцатого апреля в стене была пробита первая брешь. Борьба с обеих сторон велась с равным ожесточением. В проломе завязалась рукопашная схватка, картечь косила без разбора тех и других, солдаты герцога карабкались по камням под лившимися сверху потоками кипятка и горячей смолы. Четыре часа продолжалась отчаянная резня, пока с наступлением ночи трубы не протрубили отбой. Город снова встал.

Чезаре умел ценить мужество не только друзей, но и противников. Он не раз говорил, что завоевал бы всю Италию, будь у него армия, сравнимая храбростью с защитниками Фаэнцы. Теперь герцог изменил тактику, убедившись в бесполезности приступов и не собираясь впустую поте-

рять своих людей. Дело должны были завершить бомбардировка и голод.

Ядра сыпались на Фаэнцу безостановочно днем и ночью. Горожане, ослабевшие от недоедания и бессонницы, не успевали тушить пожары. Появились первые случаи дезертирства, постепенно их становилось все больше. В лагере Валентино истощенных беглецов кормили и отпускали на все четыре стороны.

Единственным исключением стал некий красильщик по имени Грамманте. Этот услужливый человек добился свидания с главнокомандующим и объявил, что может показать слабое место в городских укреплениях, удар по которому наверняка приведет к падению Фаэнцы.

Но сделка не состоялась. Чезаре не нуждался в советах и никогда не поощрял предателей. На следующее утро Грамманте получил свою награду, и вороны, каркая, закружились над виселецями.

К двадцать первому апреля 1501 года город лежал в развалинах, и оборона стала невозможной. Но радость Чезаре была омрачена гибелью одного из лучших офицеров — Акилле Тиберти, убитого при взрыве орудия. Герцог отправил тело покойного друга в Чезену и устроил ему великолепные похороны.

А в Фаэнце Асторре Манфредо созвал городской совет. Бессмысленность дальнейшего сопротивления была очевидна для всех, и после заседания в лагерь Борджа явились послы, чтобы обсудить условия сдачи крепости. Сдавать, собственно, было уже нечего — дымящиеся руины едва ли заслуживали названия города, однако Чезаре принял парламентаров с подобающими почестями и ни в чем не отступил от первоначальных условий, гарантировав всем гражданам Фаэнцы свободный выход и сохранение имущественных прав. Более того — герцог даже отказался от обычной контрибуции (по законам войны побежденный город возмещал все издержки, понесенные победителем за время осады). Он сказал послам, что было бы жестоко отбирать у горожан последние деньги в их нынешнем бедственном положении.

Разумеется, и в этом случае действия Чезаре объяснялись не состраданием, а трезвым расчетом. Мысль о том, что грабить новых подданных невыгодно и неразумно, кажется нам довольно естественной, но лишь немногие монархи средневековья поднимались до осознания этой простой истины. Мудрая умеренность в обращении с побежденными позволяла герцогу делать верными слугами

недавних врагов, и глубоко не правы авторы, утверждавшие, будто «походы Валентино сопровождалась грабежами и насилием над мирными жителями». Цезаре был слишком умен, чтобы повторять ошибки мелких тиранов Италии. Завоевывая города и области, он искал не добычи, а прочной власти.

Двадцать шестого апреля в госпитале делл'Оссерванца — чуть ли не единственном уцелевшем здании города — герцог принял присягу членов совета Фанцы. Вечером того же дня он встретился с Асторре Манфреди. Хрупкий светловолосый юноша, на которого уже обрушилось столько испытаний, пришел к нему, готовый к унижениям. Однако оказанный ему прием был ошеломляющим — Валентино устроил в честь гостя праздничный ужин, обращался с ним как с равным и всячески подчеркивал свое восхищение героизмом защитников Фанцы. Красота и ум герцога покорили Асторре куда быстрее, чем любые пушки, и в этом не было ничего удивительного. Когда Валентино упомянул, что будет рад оказать гостю любую помощь, ибо чувствует себя в ответе за его судьбу, бедный мальчик окончательно забыл об осторожности. Ему был предоставлен выбор — самому определить место своей будущей резиденции или войти в свиту герцога, и Асторре без колебаний избрал последнее.

Прежде чем перейти к описанию дальнейших событий, мы процитируем одну из рекомендаций Макиавелли. Она гласит: «Для того чтобы удержать власть над завоеванным княжеством, новый государь должен позаботиться о двух вещах: во-первых, ему не следует оставлять в живых ни одного из членов прежнего правящего рода, и, во-вторых, ему ни в коем случае нельзя изменять законы и повышать налоги». Второй пункт не вызывает никаких возражений. Первый так же разумен, но бесчеловечен, как и все, связанное с борьбой за власть.

Цезаре Борджа не совершал бесполезных жестокостей постольку, поскольку это зависело от него. Многие противники герцога оказывались в его власти и сохраняли жизнь — достаточно вспомнить Пандольфаччо Малатесту и Катерину Сфорца. Цезаре не ведал жалости, но не испытывал и радости при виде чьих-то страданий.

И все же Асторре Манфреди был обречен. Его смерть предопределялась вовсе не злобой или мстительностью Валентино, а любовью подданных. Цезаре оставлял в живых тех правителей, чьи прежние деяния лишали их всякой на-

дежды вернуться на трон. Но Асторре, юный герой, ничем не запятнанный и всеми любимый, являл собой пример совсем иного рода. Асторре был опасен, ибо он мог сделаться живым знаменем заговоров и восстаний.

В начале июня герцог возвращался в Рим; Асторре и Джанэванджелиста находились в его свите. Папа, обрадованный благополучным завершением похода, решил освободить графиню Риарио-Сфорца, о смягчении участи которой просил и французский король. Двадцать шестого июня Катерина оставила мрачные своды замка св. Ангела и, получив дозволение святого отца, выехала во Флоренцию. Но в тот же день кованые ворота замка затворились за братьями Манфреди. Об их дальнейшей судьбе достоверно известно только одно: ни тот, ни другой уже не вышел живым за пределы крепости.

Запись в дневнике Бурхарда, сделанная годом позже, извещает, что тело Асторре, с камнем на шее, вытащили из Тибра какие-то рыбаки. Вместе с ним было найдено еще несколько утопленников, в том числе двое молодых людей и одна женщина.

В сообщении венецианского дипломата Джустиниана (он сменил в Риме Паоло Капелло) говорится примерно то же самое: «Рассказывают, будто сегодня ночью обоих пленных властителей Фаэнцы и их сенешалья утопили в Тибре». Столь же скупо описывает события феррарский посол. А в хрониках Фаэнцы нет вообще никаких упоминаний о смерти братьев Манфреди.

Но и того, что мы знаем, вполне достаточно. Гибель Манфреди, какими бы государственными соображениями она ни оправдывалась, остается тяжким преступлением по любым человеческим меркам. Чезаре Борджа обещал юношам жизнь и свободу, они поверили ему — и были убиты. Поступок герцога отвратителен сам по себе, но любопытно, что один из позднейших авторов, а именно Гвиччардини, счел необходимым дополнить эту историю особо гнусной подробностью, написав, будто убийству предшествовало насилие: «*Saziata prima la libidine di qualcuno*» *. Подобной выдумке не поверил даже Вольтер, заядлый атеист и деятельный противник церкви. Здесь можно только согласиться с его словами о том, что Гвиччардини «был готов проникнуть в пекло, лишь бы добыть какое-нибудь новенькое злодеяние Борджа или хотя бы рассказ о таковом».

* «Сначала кое-кто удовлетворил свое сладострастие» (ит.).

КАСТЕЛЬ-БОЛОНЬЕЗЕ И ПЬОМБИНО

Но вернемся в Фаэнцу. После капитуляции города Чезаре провел там еще несколько дней, чтобы познакомиться с наиболее влиятельными горожанами, назначить новых должностных лиц и обеспечить восстановление нормальной жизни. Сделав все необходимое, герцог поднял армию и ускоренным маршем двинулся на северо-запад, к Болонье.

Теперь главное место в его тактических планах снова заняла крепость Кастель-Болоньезе. После взятия Фаэнцы она стала потенциальной угрозой новым владениям Святого престола; опираясь на ее укрепления, противник мог легко прервать сообщение между Чезеной, Имолой и Форли. Правда, пока такого противника не имелось, но кто знает, что готовит нам будущее? И герцог, продолжая движение к Болонье, отправил туда послов, вновь потребовав от Бентивольо сдачи крепости.

Нетрудно вообразить гнев и отчаяние старого повелителя Болоньи. Спасая себя, он пожертвовал внуком, но безжалостный Бык по-прежнему напирает. Пытаясь выиграть время, Бентивольо созвал городской совет, чтобы начать официальное — и по возможности неторопливое — рассмотрение вопроса. Одновременно он послал встречную делегацию к Чезаре.

Болонских дипломатов ждал неприятный сюрприз: герцог принял их не в Имоле, а в Кастель-Сан-Пьетро, уже занятой его войсками небольшой пограничной крепости. Пока переговоры шли своим чередом, Вителлоццо Вителли одним стремительным рейдом захватил несколько укрепленных городков — не только Кастель-Сан-Пьетро, но и Медечину, Кастель-Гвельфо и Касальфиуминенсе.

Узнав об этом, Бентивольо уступил — иного выхода у него уже не было. Крепость Кастель-Болоньезе отошла во владение герцога Валентино; кроме того, Болонья приняла на себя обязательство в течение года оказывать герцогу военную помощь в борьбе с любым государством, исключая Францию. В свою очередь, Чезаре обещал вернуть захваченные городки и выхлопотать у святого отца подтверждение прав и привилегий, дарованных роду Бентивольо прежними папами.

Упоминание о Франции было лишь вежливым дипло-

матическим жестом, поскольку Людовик XII оставался союзником как Болоньи, так и Ватикана. Реальным же противником, против которого могли начаться совместные действия, являлась Флоренция, и это обстоятельство не составляло секрета. После изгнания Медичи отношения между Болоньей и «Цветком Тосканы» приняли характер открытой конфронтации.

Антифлорентийская направленность нового договора была важна для Бентивольо еще и потому, что позволяла ему заполучить на свою сторону знаменитых командиров армии Борджа — Орсини и Вителли. Оба кондотьера страстно желали низвержения Республики и лишь ждали удобного момента для вторжения в Тоскану. Мотивы их ненависти были различными: Орсини хотел вернуть власть над городом своим друзьям Медичи, а Вителли мечтал отомстить за смерть брата Паоло, казненного по приговору флорентийской Синьории. В Медечине Вителлоццо уже отвел душу, повесив Пьетро да Марчано, брата одного из судей, но это только разожгло его аппетиты.

После подписания договора Чезаре распорядился срыть крепость до основания и отправил в Кастель-Болоньезе тысячу солдат. Приказ об уничтожении одного из прекраснейших в Романье архитектурных ансамблей казался неслыханным варварством, но в тот момент герцога занимала лишь военная сторона проблемы. Размещать в Кастель-Болоньезе постоянный гарнизон было бы слишком дорого, да и бесполезно — уж кто-кто, а Чезаре Борджа знал, насколько относительно представления о неприступности укреплений. Эта крепость могла сослужить пользу только будущим врагам, которые захотят утвердиться в Романье.

Жители Кастель-Болоньезе обратились с петицией к Рамиро де-Лорке, командовавшему отрядом разрушителей. Они умоляли повременить с началом работ, надеясь, что герцог передумает и отменит решение. Но Рамиро знал своего господина, знал он и то, насколько опасно пренебрегать приказами Борджа. В дело пошли тараны, и через несколько недель на месте высоких зубчатых стен и гордых башен остались только груды битого камня.

Такая же судьба постигла и крепость Сан-Арканджело. Но Салароло, еще один укрепленный городок, обреченный на разрушение, сохранился — жители обязались на собственные средства содержать там гарнизон папских войск, и герцог пощадил цитадель, которая, впрочем, уже утратила военное значение.

В разгар этих событий Чезаре получил письмо от отца. Его святейшество просил сына поскорее вернуться в Рим. Он советовал ему избегать конфликтов с Флоренцией и провести армию в достаточном удалении от тосканских границ, не давая Республике поводов для беспокойства. Зная неукротимый нрав Орсини и Вителли, Александр опасался неожиданностей. Кондотьеры могли напасть на Флоренцию по собственной воле, а это вызвало бы неудовольствие французского короля.

Чезаре готов был последовать отцовскому совету, но столкнулся с отчаянным сопротивлением. Вителли на коленях стал умолять герцога провести войско через Тоскану, уверяя, что желает лишь одного — вызволить из флорентийской тюрьмы своего друга Чербоне, арестованного по ложному обвинению. Он обещал оставить все помыслы о мести, а Орсини выразил готовность временно забыть о правах изгнанных Медичи. Чезаре уступил — ему не хотелось слишком накалять отношения с двумя лучшими командирами. В начале мая 1501 года он запросил у Синьории разрешение на переход границы, подчеркнув при этом свои дружеские чувства к Республике. Во Флоренции знали, что герцог отказался помогать братьям Медичи — Пьеро и Джулиано, — и теперь Чезаре рассчитывал на ответную услугу.

Но Синьория боялась герцога Валентино, несмотря на все его миролюбивые заверения. Флоренция, ослабленная многолетней войной с Пизой, представляла собой легкую и заманчивую добычу, и члены городского совета в тревоге гадали, каковы истинные намерения Борджа. В конце концов Синьория выдала ему официальное разрешение, снабдив его существенным дополнением: Орсини, Вителли «и другим заведомым врагам Республики» вход на тосканские земли был безоговорочно воспрещен. Неизвестно, какой смысл вкладывали в этот загадочный пункт городские сановники — возможно, они надеялись, что герцог разделит армию. Но им не пришлось долго томиться в неизвестности. Как и в случае с Болоньей, все войско Борджа уже перешло границу, когда прибыли послы.

Ознакомившись с ответом, Чезаре велел парламентарам ждать его в ближайшем городке Барберино. Там состоялась аудиенция. Герцог заметил, что уже не в первый раз сталкивается со скрытой враждебностью Синьории, хотя не находит ни причин, ни оправдания для подобного отношения. Он хочет мира с Флоренцией и надеется на уста-

новление доброго сотрудничества в будущем. Заключение союзного договора — в интересах обеих сторон, но оно возможно лишь в том случае, если Республика не станет препятствовать походу на Пьомбино, начатому им по велению святого отца. Герцог не стал поднимать вопроса о Медичи, но упомянул, что его капитаны, Орсини и Вителли, имеют к Республике кое-какие претензии, и весьма прозрачно намекнул, что считает их достаточно обоснованными.

Чезаре отлично знал, какую гамму чувств испытывают члены флорентийского совета. На следующий день, не желая давать им слишком много времени на размышления и споры, он передвинул армию к городку Форно-дей-Кампи, хорошо видимому со стен Флоренции.

Республику охватила тревога, близкая к панике. Богатый город, колыбель торговли и искусств, давно воевал только чужими руками. И уж совсем неприемлемой казалась флорентийцам мысль об осаде, штурме и последующем разграблении «Цветка Тосканы». Оставалось лишь надеяться на сделку с Борджа. Городской совет заседал без перерыва восемь часов, но единственным решением стал приказ снять со стен и башен всю артиллерию. Пушки затопили в реке Арно, предвидя, что в противном случае их реквизирует Валентино.

Одним из немногих граждан Флоренции, открыто порицавших действия властей, был не кто иной, как секретарь Синьории — мессер Никколо Макиавелли. Республика, говорил он, с самого начала избрала неверную линию, ибо попыталась выторговать у герцога уступку, не располагая силой для обеспечения своих требований. Флоренция имела возможность обрести в нем могущественного союзника, если бы сразу и без всяких условий пропустила его армию через Тоскану. Вместо этого она выказала лишь бессильную враждебность и будет вынуждена теперь поступиться большим, чем могла бы отдать добровольно.

Секретарь был уважаемым человеком, но в городских делах его голос значил не так уж много. Синьория жаждала только одного — поскорее избавиться от опасного соседства и спровадить подальше герцога, кондотьеров и все папское войско. Ради этого члены совета соглашались дать любые обещания, отнюдь не имея в виду выполнять их, когда минует непосредственная угроза.

Чезаре не доверял Синьории, но по совокупности причин также стремился побыстрее уйти из Тосканы.

Отец звал его в Рим, а ведь еще предстояло подчинить Пьомбино. Орсини и Вителли внушали ему все больше беспокойства, и герцог с немалым трудом удерживал их от немедленного нападения на Флоренцию. Впрочем, в этом была и положительная сторона: при мысли о свирепых кондотьерах Синьория делалась гораздо сговорчивей.

Все спорные проблемы удалось уладить к пятнадцатому мая. Флоренция обязалась не оказывать никакой поддержки пьомбинскому тирану Джакомо д'Аппиано и принимала на службу герцога Валентино с жалованьем в тридцать шесть тысяч дукатов в год. Согласно договору Чезаре должен был отныне защищать Республику от любых внешних врагов. Разумеется, таковых не имелось, и «жалованье» являлось не чем иным, как выкупом.

Предсказание Макиавелли сбылось... И все же Синьория обвела герцога вокруг пальца. Через два дня новый генерал обратился к совету с просьбой предоставить ему часть городской артиллерии и узнал, что это невозможно: пушки давным-давно переплавлены, ибо городу требовалась бронза для статуй. Чезаре было известно, какой богатый арсенал скрывается под волнами Арно, но подъем тяжелых орудий со дна реки занял бы слишком много времени. Столь же неутешительный ответ последовал на вопрос о деньгах. Синьория вежливо напомнила его светлости, что заключенный договор ни словом не упоминает об авансе.

Бесспорно, в те дни Флоренция подвергала себя немалому риску. Но Синьория уповала не только на покровительство короля Людовика, но и на лист пергамента, где уже красовалась подпись самого герцога. Напасть на город, едва заключив с ним союз,— такого не мог позволить себе даже Валентино.

Чезаре оставалось лишь сделать хорошую мину при плохой игре. Так он и поступил. Не выказав ни раздражения, ни досады, герцог отправил Вителлоццо в Пизу, которая по собственному почину изъявила готовность снабдить армию осадными орудиями, порохом и ядрами. Такая предупредительность объяснялась очень просто — Флоренция и Пиза враждовали уже не одну сотню лет, и пизанцы стремились заручиться расположением герцога и Вителли.

Сын Родриго де Борджа, в отличие от своего отца, никогда не забывал обид, но желание отомстить не лишало его ~~ж~~мудрости и не затуманивало ум. Республика по-

смеялась над ним — ну что ж, время покажет, кто будет смеяться последним. Чезаре умел ждать.

В те дни герцог получил письмо от Леонардо да Винчи — универсальный гений, уже прославившийся в Италии и во Франции, просил дозволения служить его светлости. Проведя несколько лет в Милане, Леонардо вернулся во Флоренцию, но, по-видимому, не нашел в родном городе ни достойного применения своим талантам, ни того почета, на который рассчитывал. Теперь он решил использовать проход герцогских войск и примкнуть к полководцу, чье дружелюбие и щедрость к людям искусства были общеизвестны. Чезаре принял его на службу в качестве инженера и архитектора, но вскоре отослал в Романью, чтобы не подвергать военным опасностям. По некоторым данным, Леонардо руководил перестройкой укреплений Форли, а также спроектировал и начал строить канал от Чезены до Порто-Чезенатико⁶¹. Он вновь увиделся с герцогом только в Риме, при дворе Александра VI.

В конце мая 1501 года армия Борджа раскинула лагерь в долине реки Чечины. Герцог надеялся дать здесь генеральное сражение, но Джакомо д'Аппиано маневрировал, уклонялся от встречи и в конце концов укрылся вместе с войском в родном Пьомбино. Начинать осаду не имело смысла: город находился на берегу моря, а в трех милях, за проливом, лежал большой остров Эльба. Там хозяйничали союзники Джакомо — генуэзцы, и снабжение Пьомбино всем необходимым могло осуществляться непрерывно и без помех.

В Рим поскакал гонец. Через несколько дней из гавани Чивитавеккья вышли шесть галер, два больших галиона и три бригантины. На мачтах кораблей развевались вымпелы со скрещенными ключами. Повинуясь приказу святого отца, адмирал Лодовико Моска вел папский флот на помощь герцогу Валентино.

Объединив силы с пизанской эскадрой, адмирал быстро захватил Эльбу. Теперь город был блокирован с моря и с суши. После двухмесячной осады, отбив несколько приступов, Пьомбино сдался, и владения церкви пополнились новой областью.

Чезаре покинул лагерь, не дождавшись капитуляции. Поручив завершение начатого дела своим капитанам, герцог выехал в Рим. Во исполнение союзнических обязательств перед королем Людовиком он должен был присоединиться к армии маркиза д'Обиньи, выступающей на Неаполь.

КОНЕЦ АРАГОНСКОГО ДОМА

Тринадцатого июня 1501 года Чезаре Борджа возвратился в Рим. Против обыкновения, приезд герцога не сопровождался ни пением труб, ни блеском знамен. Нигде не задерживаясь, окруженный лишь несколькими гвардейцами, он проследовал в Ватикан, а на следующий день под стенами города уже белели палатки — это подошла армия, заметно сократившаяся за счет романских гарнизонов и частей, оставленных для осады Пьомбино.

В течение нескольких недель Чезаре вел очень замкнутый образ жизни, никого не принимая и только изредка навещая отца. Римские вельможи и сановники, епископы и послы тщетно пытались добиться аудиенции — секретарь герцога лишь сочувственно улыбался и разводил руками. Не исключено, что трудность доступа к его светлости объяснялась еще и привычкой Чезаре превращать ночь в день — он предпочитал работать или развлекаться при свечах, посвящая утренние и дневные часы отдыху. Во всяком случае, именно эту причину упомянул папа, извиняясь перед делегатами Римини, которые две недели «стяжали души свои в терпении», ожидая герцога в дворцовых приемах.

Владения Чезаре Борджа уже включали Имолу, Форли, Фаэнцу, Пезаро, Римини и Пьомбино. И хотя формально эти земли принадлежали святому престолу, на деле вся власть сосредоточилась в руках Валентино. Теперь он мог с полным правом принять вторую герцогскую корону — титул герцога Романьи.

Вместе с ростом государства множились и заботы и трудности. Чезаре никогда не уклонялся от проблем завоеванных городов, решая их толково, беспристрастно и по возможности гуманно. В те дни его особенно тревожила судьба истерзанной Фаэнцы. Он не только отказался от контрибуции (что было крайне необычным шагом для эпохи Чинквеченто), но и выплатил две тысячи дукатов крестьянам, чьи дома, поля и сады пострадали во время осады. Позднее герцог поддержал направленную городскими властями папе петицию с просьбой выделить средства на постройку нового монастыря. В грамоте от двенадцатого июля 1501 года, объявлявшей о начале строительства, упоминалось, что святой отец

удовлетворил просьбу горожан по ходатайству герцога Валентино.

Чезаре внушал панический страх самодержавным тиранам Италии, но его популярность среди простонародья неизменно росла. Он уже мог продолжать экспансию мирным путем, ибо власть герцога приносила людям эффективное управление, общественный порядок и уверенность в завтрашнем дне. В новой булле его святейшества герцог был назначен пожизненным правителем городка Фано — и жители встретили эту новость праздничным фейерверком и многодневным весельем. Их привел к присяге Джованни Вера, бывший наставник Чезаре Борджа, а ныне архиепископ Салернский, кардинал Бальбины и папский легат.

Месяцем раньше испанский и французский послы известили святого отца о секретном трактате, заключенном и подписанном в Гранаде в ноябре 1500 года. «Католические величества» и «христианнейший король» сумели наконец договориться о разделе Неаполитанского королевства. Сам Неаполь и Абруцци отходили к Франции, а Калабрия и Апулия доставались Испании.

Александр VI был не из тех, кто уклоняется от участия в большой игре. Папа сделал именно тот ход, какого ожидали от него Фердинанд и Людовик, — объявил неаполитанского монарха Федерико низложенным, «ибо он, действуя во вред всему христианскому миру, призывал турецкого султана напасть на Италию». Больше всех удивился подобному обвинению сам несчастный Федерико — мысль о союзе с турками не пришла бы ему в голову даже в горячечном бреду. Но он знал и настоящую причину гнева папы — причину, которая перевешивала в глазах святого отца любые действительные или мнимые прегрешения короля Неаполя: неудачное сватовство Чезаре Борджа. В то утро, когда Карлотта Арагонская отвергла руку герцога Валентино, шансы ее отца на благополучное царствование уменьшились во много раз.

Войско маркиза д'Обиньи, пополненное тысячей папских гвардейцев и кавалерийским отрядом Морганте Бальони, выступило из Рима двадцать восьмого июня. Примерно в это же время в Калабрии высадилась испанская армия под командованием Гонсало де Кордобы. Захватчики шли с севера и с юга, и дни владычества Арагонской династии на юге Италии были сочтены.

Федерико решил драться. Сам король остался в Неаполе, объединив часть своих сил с дружиной Просперо Колонна. Основная армия, которую вели Фабрицио Колонна

и граф Ринуччо да Марчано (брат Пьетро да Марчано, казненного Вителли), отошла к Капуе и укрепилась там.

Спустя три недели после выхода из Рима французы уже переправились через реку Калоре и расположились вокруг капуанских стен. Их путь по владениям Федерико был отмечен пожарами, грабежами и полным разрушением всего, что только удавалось разрушить, — д'Обиньи не видел причин церемониться с мирным населением. Едва ли Чезаре одобрял подобную тактику, но командование принадлежало французскому генералу, а герцог был достаточно умен, чтобы вмешиваться.

Чезаре сражался. В своей «Хронике Людовика XII» Жан д'Отон уделил заметное место ловкости, отваге и воинским талантам, проявленным Валентино в этом походе. Особенно подробно описан эпизод, когда герцог лично возглавил атаку на большой отряд неаполитанской кавалерии, пытавшейся остановить французское наступление. Не выдержав стремительного удара, всадники Колонна обратились в бегство.

Первые ядра обрушились на стены Капуи в понедельник, семнадцатого июля 1501 года. После четырехдневной канонады французы захватили два бастиона; две сотни защитников были переколоты все до единого. Но город еще держался. Только двадцать пятого июля, пробив в стене широкую брешь — а по другим сведениям, воспользовавшись предательством одного из жителей, — солдатам д'Обиньи удалось ворваться в Капую.

Здесь они натолкнулись на самое отчаянное сопротивление. Неаполитанцы и горожане с беспримерным мужеством отстаивали каждый клочок земли, отступали, не сдаваясь, и умирали с оружием в руках. Каждый дом приходилось брать штурмом. Но силы были слишком неравными, и вскоре битва превратилась в бойню. По крутым булыжным улочкам Капуи бежали кровавые ручьи — захватчики, озверев от ярости, убивали всех, не различая ни возраста, ни пола. Больше четырех тысяч человек погибло в тот ужасный день, прежде чем командиры сумели остановить побоище. Весьма обстоятельное изложение событий двадцать пятого июля можно найти в «Хронике» д'Отонa. Запись в дневнике Бурхарда, сделанная на следующий день после падения города, по обыкновению бесстрастна и лаконична:

«Сегодня ночью, в четвертом часу, в Ватикан прискакал гонец от герцога Валентино. Он привез его святейшеству весть о взятии Капуи, которое осуществилось благодаря предательству некоего Фабрицио. Сей капуанец

тайно впустил осаждающих в город — и стал их первой жертвой. Та же участь постигла множество других людей — не только тех, кто сражался, но и безоружных жителей, мирян и духовных лиц, взрослых и детей. Женщины подвергались жесточайшему насилию. Всего было истреблено около четырех тысяч, из коих три тысячи составляли солдаты».

Д'Отон также упоминает о многих сотнях изнасилованных женщин, прибавляя, что «особенно отличились в этом гнусном деле солдаты герцога Валентино». Можно понять побуждения французского хрониста, стремившегося по возможности обелить своих соотечественников. Вместе с тем трудно поверить, будто в наемных войсках Людовика XII царили пуританская чистота и строгость нравов, выгодно отличавшие их от разнузданных итальянцев.

И Бурхард и д'Отон сообщают о «живой добыче», вывезенной победителями из Капуи в Рим. Этой добычей стали три десятка красивейших женщин города. Ни в «Дневнике», ни в «Хронике» нет упоминаний о дальнейшей судьбе несчастных пленниц, как и о том, кто именно их похитил. Но впоследствии у Гвиччардини не возникло и тени сомнения относительно личности виновного — это был, конечно же, Чезаре Борджа! А обсуждение других возможных кандидатур показалось ему совершенно излишним. Видимо, итальянский ученый исходил из предпосылки, что во всей армии один лишь Чезаре — в силу своей развращенности, а также избытка свободного времени — мог взяться за такое неслыханное дело, как похищение красавиц в побежденном и разграбленном городе.

Ириарте позаимствовал у Гвиччардини историю о «сорока капуанских девах» (как видим, число жертв герцогского сластолюбия увеличилось на треть). По его словам, «Валентино образовал из них гарем наподобие султанского».

Как легко заметить, действующая армия не самое подходящее место для гарема. И пусть Чезаре Борджа был жесток и аморален, но он никогда не забывал о необходимости сохранять уважение своих солдат. Полководец, в чьем обозе щебечут несколько десятков наложниц, стал бы посмешищем для всего войска, что никоим образом не входило в планы герцога.

Наконец, есть еще одна неувязка. По непонятным причинам повесть о похищении красавиц никак не отражена в капуанских летописях. Даже Пеллегрини, очевидец штурма, сам чудом оставшийся в живых во время резни и

подробно описавший события тех ужасных дней, почему-то обошел молчанием столь благодарную тему. Невольно закрадывается подозрение — может быть, на самом деле речь шла о «веселых девицах», вполне добровольно присоединившихся к армии в поисках поживы и приключений?

Впрочем, как бы ни оценивать вышеприведенную историю, несомненно одно — взятие Капуи сопровождалось небывалыми зверствами. Здесь достаточно вспомнить эпизод с графом Ринуччо да Марчано. Он был ранен в бою и взят в плен вместе с Фабрицио Колонна и другими командирами неаполитанской армии. В средние века рыцари и вельможи не особенно беспокоились, попадая в руки врагов, — им не грозило ни рабство, ни темница, и для обретения свободы необходим был только выкуп. Но в данном случае положение было иным. Вителлоццо Вителли хорошо помнил флорентийский трибунал, осудивший на смерть его младшего брата, помнил он и главного судью — Ринуччо да Марчано. Месть стала для Вителлоццо делом всей жизни, и никакой выкуп не заставил бы его упустить столь удобную возможность. Через день после штурма кто-то приложил яд к ранам графа Ринуччо.

За Капуей последовала Газта, а уже через неделю войска союзников стояли под стенами Неаполя. Столица королевства сдалась без боя, и третьего августа Чезаре Борджа въехал в город во главе победоносной армии. Кардинал Валенсийский, некогда возложивший корону на голову Федерико, вернулся в Неаполь под именем герцога Валентино, чтобы навсегда отнять у короля его престол и владения.

Ценой сдачи крепости Федерико получил право свободного выхода для себя, свиты и слуг — словом, для всех, кто захочет разделить судьбу изгнанного короля. Французы разрешили ему взять с собой любое движимое имущество, и король отплыл на Искью — небольшой цветущий остров в нескольких милях от неаполитанского берега. Отныне Искья становилась пожизненной резиденцией Федерико и последним клочком земли, над которым еще сохранилась его власть. Их католические величества Фердинанд и Изабелла все же проявили напоследок некоторую заботу о родственнике — на Искье он мог по-прежнему именоваться королем, вершить суд и содержать войско. Но обороняться было уже не от кого, и через полгода, оказавшись в стесненных обстоятельствах, Федерико решил продать вывезенную из Неаполя артиллерию. Все пушки, не торгуясь, купил Александр VI. Папа никогда не испытывал злобного торжества при виде поверженного врага и, по-ви-

димому, обрадовался возможности немного облегчить участь изгнанника.

Среди тех, кто последовал за королем в его почетную ссылку, был и наш знакомый — Саннадзаро. Он горел желанием отомстить за поруганное величие своего монарха и преуспел в этом куда больше, чем неаполитанские генералы. Отныне сатиры и эпиграммы Саннадзаро, не всегда правдивые, но неизменно хлесткие и остроумные, всецело сосредоточились на семействе Борджа. Они расходились по Италии во множестве рукописных копий и постепенно приобрели широкую известность, дав богатый материал всем недоброжелателям Александра VI и его сына.

Военачальники короля Федерико, Просперо и Фабрицио Колонна, заплатили выкуп и получили свободу. Братья перешли на службу к испанскому главнокомандующему, дону Гонсало де Кардобе. Они не сомневались, что в самом ближайшем будущем на итальянской земле вновь вспыхнет соперничество двух великих держав — Франции и Испании, и надеялись восстановить могущество рода Колонна, умело лавируя в споре чужих королей.

Так, на рубеже двух столетий прекратила существование неаполитанская ветвь Арагонской династии. Но на Пиренейском полуострове Арагонам предстояло править еще несколько десятков лет, до начала XVII века. Затем этот древний королевский дом исчез с политической сцены навсегда и стал достоянием истории.

Глава 20

ПИСЬМО ДЛЯ СИЛЬВИО САВЕЛЛИ

Чезаре возвратился в Рим пятнадцатого сентября 1501 года — увенчанный лаврами победителя, заслужив благодарность французского короля и став богаче, чем был, на сорок тысяч дукатов (в такую сумму оценил Людовик XII помощь герцога в неаполитанской кампании). За время его отсутствия в Вечном городе произошли два немаловажных события: помолвка Лукреции с Альфонсо д'Эсте, сыном и наследником герцога Эрколе Феррарского, и опубликование папской буллы, объявившей вне закона семьи Колонна, Савелли и Гаэтани. Как ни удивительно, но беда, постигшая трех вельмож, явилась прямым следствием предстоящей свадьбы дочери его святейшества.

Официальной причиной гнева святого отца была «непокорность и противодействие воле апостолического престола, в каковых прегрешениях все поименованные лица упорствуют уже много лет, со времени понтификата Сикста IV». По настоянию папы опальные семейства лишались даже обычного права на отсрочку — булла вступала в силу немедленно, а их земли, дворцы и прочие богатства подлежали конфискации. Ресурсы церковного государства пополнились солидным куском. Распределялось это имущество очень своеобразно: одна часть отходила к Родриго, сыну Лукреции, получавшему титул герцога Сермонетского, другая — столь же малолетнему Джованни Борджа, мальчику неизвестного происхождения, которого святой отец задумал облечь достоинством герцога Палестринского.

Как мы знаем, Александр относился к своему потомству с большой заботой, не жалея ничьих корон и владений ради благополучия собственных детей. Но в данном случае к родительским чувствам примешивались династические интересы, в том числе и семейства д'Эсте. Обеспечивая маленького Родриго, папа устранял препятствие к браку дочери — теперь можно было не опасаться грядущих затруднений в престолонаследии Феррары.

Что же касалось Джованни Борджа, то здесь Александр превзошел самого себя, издав в один и тот же день два документа, объявлявшие отцом этого ребенка разных людей. В булле, выпущенной консисторией первого сентября 1501 года, трехлетний Джованни назван законным (!) сыном Чезаре Борджа, герцога Раманьи и Валентино, и некой неизвестной «женщины благородного происхождения». А другая булла, датированная тем же числом, преподносит читателям еще более удивительный сюрприз — в отцовстве признается не кто иной, как сам римский папа! «В действительности, ⁶⁶— пишет Александр VI, обращаясь к своему отпрыску, — ты рожден не от вышепоименованного герцога, а от Нас; Мы же, по весьма основательным причинам, не желали сообщать об этом в Нашем предыдущем послании».

Гадать, какое из двух взаимоисключающих свидетельств содержит истину, в данном случае не приходится — правдивой может быть только вторая булла; кстати сказать, о ее существовании узнали лишь после смерти Александра. Папа на старости лет опять оказался виновен в том самом грехе, за который когда-то, еще в бытность кардиналом, получил нагоняй от мягкосердечного Пия II.

Кардинальские проказы давным-давно стали обычным явлением римской жизни, но рождение сына у первосвященника было все-таки слишком скандальным событием. Даже Александр, при всей присущей ему беззастенчивости, не мог пойти на открытое поправление церковного закона. Но судьба малыша так тревожила чадолубивое сердце старого Борджа, что он возвел напраслину на Чезаре — и одновременно сделал тайное признание, поскольку, видимо, не слишком рассчитывал на отзывчивость старшего сына. Герцог никогда не отличался сентиментальностью, и папа, прикладывая печать ко второй булле, надеялся огрadyть Джованни от будущих притязаний Валентино.

В тот же день, первого сентября, Александр специальным распоряжением закрепил права семейства д'Эсте, утвердив за ними — «на все времена» — владение Феррарой и другими землями в Романье. Ежегодная подать, наложенная на герцогов Феррарских Сикстом IV, уменьшилась на треть — с условием, что эти деньги станут личным доходом монны Лукреции и ее потомков в Ферраре.

Три дня спустя герцог Эрколе подписал брачный контракт. Папа приказал иллюминировать Ватикан, и пушечные залпы со стен замка св. Ангела известили Рим о радостном событии. Впрочем, насколько можно судить, третье замужество Лукреции Борджа не озаряли ни любовь, ни привязанность к жениху — это был с обеих сторон брак по расчету. Папа и Валентино нуждались в надежном союзнике на севере страны, а герцог Феррарский стремился обезопасить свои владения и пополнить казну — приданое Лукреции исчислялось сотней тысяч больших золотых дукатов. Немалую роль сыграли и уговоры французского короля — Людовика весьма устраивало установление родственных уз между Римом и Феррарой. Вся ситуация, как видим, не содержала и намек на какую-либо романтику, но зато обещала немалые выгоды во главе дома д'Эсте. Понимая это, Эрколе долго тянул время, изыскивая все новые предлоги для отсрочки окончательного решения, и так ожесточенно торговался при обсуждении размеров приданого, что даже святой отец не раз терял свое неизменно-благодарное настроение. В конце концов спорные пункты были улажены к полному удовлетворению герцога Феррарского — помимо прочего, он получал два города, Ченто и Пьеве, навсегда отходивших под суверенитет Феррары.

Теперь следовало заняться приготовлениями к свадьбе. Учитывая бурное прошлое невесты, обе семьи — и Борджа, и д'Эсте — опасались каких-нибудь неожиданностей,

способных прервать торжества внезапным скандалом. В письме от двадцать третьего сентября феррарский посол передает герцогу Эрколе следующую просьбу папы: «...Спешу также довести до сведения Вашей Светлости, что Его Святейшество всей душой стремится избежать любых инцидентов, которые могли бы задеть чувства Его Высочества дона Альфонсо или молодой герцогини. Святой отец советует и рекомендует Вашей Светлости принять все меры к тому, чтобы воспрепятствовать появлению на празднике восточного Джованни Сфорца, бывшего владельца Пезаро (сейчас он находится в Мантуе). Как известно, брак синьора Джованни с ее светлостью герцогиней был расторгнут по непрекращаемо веским причинам, в полном соответствии с законом Церкви и при обоюдном согласии бывших супругов. Однако, учитывая обстоятельства развода, нельзя поручиться за то, что синьор Джованни не затаил в сердце недоброжелательство к герцогине и не попытается омрачить ее радость хотя бы одним своим появлением. Зная мудрое благоразумие Вашей Светлости, я заверил Его Святейшество в отсутствии каких бы то ни было поводов для беспокойства...»

Забегая вперед, скажем, что Джованни Сфорца не стал искушать судьбу и даже не попытался проникнуть в Феррару.

Помолвка Лукреции явилась поводом для очередного многодневного праздника, в котором принял участие и Чезаре, к тому времени уже вернувшийся из разгромленного Неаполя. Все ватиканские увеселения неминуемо вызывали сплетни и пересуды — сперва в Риме, а затем и в других городах страны. Но на этот раз события в папском дворце вызвали целый вихрь злословия, долетевший до берегов Рейна.

Критическое отношение к папству, к власти и авторитету римских первосвященников существовало в Германии уже не одну сотню лет и особенно усилилось к началу XVI века. Неудивительно, что именно здесь было написано знаменитое анонимное письмо, адресованное Сильвио Савелли, отведавшему опалы Александра VI. Оно имело вид частного послания, но представляло собой политический памфлет, направленный против Борджа. Достаточно четко просматривалась и ближайшая цель автора — расстроить помолвку Лукреции с Альфонсо д'Эсте, помешать образованию союза между Валентино и герцогом Феррарским.

Читал ли сам Сильвио Савелли письмо, вошедшее в историю под его именем, — неизвестно. В Риме появлялись

только рукописные копии этого любопытного документа, сам же оригинал находился на юге, под Таранто, в лагере испанцев (там нашли приют и бежавшие из Романии члены семейства Савелли). Вскоре одна из копий оказалась в руках кардинала Моденского, который в великом смущении поспешил с ней к папе. Это произошло накануне нового, 1502 года.

Прежде чем обсуждать содержание «Письма к Сильвио Савелли», обратим внимание на две записи в дневнике Бурхарда, от двадцать седьмого октября и от одиннадцатого ноября. Здесь мы обнаруживаем упоминание о событиях столь вызывающе-непристойных, что возникают вполне оправданные сомнения в надежности сведений папского церемониймейстера. Бурхард располагал текстом «Письма» и счел необходимым полностью воспроизвести его в своем дневнике. Обилие дословных совпадений в описании отдельных эпизодов позволяет нам задать вопрос — насколько независимыми являются оба источника?

Итак, сентябрьское сообщение. Оно повествует о роскошном пире, данном герцогом Валентино для родни и узкого круга избранных друзей. Читаем Бурхарда: «После ужина, в коем принял участие и его святейшество, в зал впустили около пятидесяти молодых куртизанок, и начались танцы. Эти женщины танцевали со слугами и гостями, сперва одетые, а затем — раздевшись донага. Папа, герцог и мадонна Лукреция кидали в них жареные каштаны и весело смеялись, когда плясуньи вырывали их друг у друга и затевали свалку. Наконец, желая увенчать забаву, герцог придумал новую игру, а именно любовные поединки. Тот, кто оказывался сильнее, становился обладателем приглянувшейся ему женщины и получал еще какую-нибудь награду».

Грегоровий считал «Письмо к Сильвио Савелли» (в котором почти теми же словами излагается та же самая история) «точнейшим слепком, достоверно отразившим нравы Рима под властью Борджа». Однако в своей работе, посвященной дочери Александра VI, он занял более осторожную позицию, и его очерк «Лукреция Борджа» имеет явно апологетический характер. Немецкий историк пишет: «Чезаре, вне всякого сомнения, мог устраивать в своих ватиканских апартаментах оргии подобного рода, но кажется совершенно невероятным, чтобы в них принимала участие Лукреция. Возможно ли поверить, будто нареченная невеста герцога д'Эсте, уже собираясь ехать в Феррару, чуть ли не накануне свадьбы тешилась такими зрелищами?»

Этот вопрос более чем уместен. Но, допустив сомнение относительно Лукреции, позволительно сделать еще один шаг в том же направлении и спросить — почему мы обязаны верить утверждению о присутствии папы? Да и вообще, независимо от количества и состава зрителей, имела ли место «orgia подобного рода»? Рассказ о танцах с обнаженными куртизанками, о любовных состязаниях и т. д. передан Бурхардом с чужих слов, и сам он ни в коей мере не претендует на роль участника или хотя бы очевидца этой вакханалии.

Надо заметить, что гетеры и наемные танцовщицы считались обычным явлением на пирах у римских вельмож — эта традиция не прерывалась с античных времен. Цезаре делил кров с отцом, но дворец был достаточно просторен, чтобы герцог мог вести вполне обособленную жизнь, приглашать любых гостей и веселиться со своими друзьями, не беспокоя его святейшество. Мы уже говорили об эротике, составлявшей неотъемлемую принадлежность любых праздников, маскарадов и карнавалов эпохи Возрождения, даже приуроченных к таким высокаторжественным датам, как Рождество или Пасха. В общем, если Валентино и устраивал подобный бал, то это насколько не противоречило ни его возрасту и положению, ни обычаям общества.

Запись от одиннадцатого ноября касается уже не герцога, а только папы и Лукреции. Здесь рассказывается о некоем крестьянине, который оказался настолько неосторожен, что пересекал площадь св. Петра, ведя в поводу двух кобыл. Эта соблазнительная картина не укрылась от похотливого взора святого отца, тут же приказавшего выпустить дюжину жеребцов из ватиканских конюшен. Стоя у окна, отец и дочь любовались непристойным действием и «давали указания конюхам, под чьим присмотром жеребцы поочередно покрывали обеих кобыл, пока те, обессиленные, не повалились наземь».

Рядом с этой историей бледнеет даже банкет с полусотней голых куртизанок. Описанные события кажутся маловероятными хотя бы с биологической точки зрения. Настораживает и обилие приводимых подробностей — Бурхард упоминает даже название ворот, через которые вошел в город злополучный поселянин. Остается лишь гадать, каким образом такая деталь могла стать известной церемониймейстру. И вновь налицо текстуальное совпадение с «Письмом к Сильвио Савелли».

Письмо начинается с поздравлений по случаю избавления от разбойников. Насколько можно понять, адресат

(Сильвио) попал в руки какой-то шайки, был обобран до чиста, но сумел бежать и добраться до германского императорского двора, испытав по дороге немало злоключений. Затем автор выражает удивление по поводу наивности Сильвио, обратившегося к папе с просьбой о восстановлении в правах — ведь «всем известно, что этот предатель, забывший о простой человечности, вся жизнь коего — сплошной обман, никогда не совершал справедливого поступка, если не был принужден к тому силой или страхом». Автор письма заклинает Сильвио «поведать императору и князьям о постыдных делах этого чудовища, ни на единый миг не вспоминающего ни о Боге, ни о нуждах церкви». А затем, не полагаясь на память своего корреспондента, анонимный составитель письма начинает перечислять грехи всего семейства Борджа. Список получается очень внушительный.

Папа оказался обвинен в низостях и преступлениях самого разного сорта, включая «симонию, скотское любопытство и неприкрытый грабеж»; Лукреция — в кровосмешении, диких оргиях и «бесстыдном совращении всех мужчин, имевших несчастье ей понравиться, следствием чего становилась скорая гибель несчастных». Чезаре был назван безбожным человекоубийцей, Каином, руки которого обагрены кровью родного брата — Джованни Борджа, затем деверя — принца Бишелье и, наконец, постороннего, также не совершившего никакого преступления — Педро Кальдеса; «все эти сеньоры умерли потому, что стали на пути герцога, любившего свою сестру отнюдь не братской любовью». Кроме того, Валентино «разорил целую страну — Романью, изгнав оттуда законных государей, и сделался самовластным тираном, чья свирепость повергла людей в безмолвную дрожь».

По сути дела, «Письмо» было сборником всех имевшихся наветов и проклятий в адрес Борджа. Эта компиляция свела воедино слухи, рожденные в Риме и Венеции, Неаполе и Милане. На предыдущих страницах мы уже рассмотрели большинство обвинительных пунктов и сейчас отметим только явную несостоятельность последнего утверждения. Чезаре покорял романские государства, но не грабил и не разорял их население. Теперь, когда Романья перешла под власть герцога, жизнь там стала куда более обеспеченной и мирной, и это было отражено во многих летописях. Едва ли не впервые за сотню лет одинокий путник мог проехать по дорогам Центральной Италии, от Пьомбино до Пезаро, сохранив в целости свой кошелек.

Даже враги Валентино не отрицали благотворности его правления.

Еще раз обратившись к вопросу о совпадениях между «Дневником» Бурхарда и «Письмом к Сильвио Савелли», следует констатировать наличие плагиата. Выяснение первенства не составляет труда. Кем бы ни был автор «Письма», он не мог получить доступ к хранимому в глубокой тайне дневнику папского церемониймейстера. Видимо, Бурхард ознакомился с текстом письма раньше всех в Риме и, по каким-то своим соображениям, позаимствовал отсюда два самых выразительных отрывка.

Александр прочитал поданный ему пасквиль, посмеялся... и предал это дело презрительному забвению, не сделав ни малейшей попытки выявить и покарать неведомого врага. Такая невозмутимость свидетельствует об определенном великодушии — или о том, что не все, описанное в «Письме», происходило в действительности. Как известно, явная клевета задевает нас гораздо меньше, чем правдивое разоблачение. А человек, знающий за собой кое-какие грешки, обычно не склонен предоставлять слово своим недругам.

Чезаре не обладал благодушным терпением Борджа-старшего. Герцог заявил, что сыт по горло грязными подметными листками, и отдал соответствующие приказы шпионам и городской страже. В начале декабря в Риме был арестован некий Манчони, уроженец Неаполя, «говоривший крамольные и оскорбительные речи о герцоге и его святейшестве папе». Несчастный неаполитанец подвергся публичному наказанию — ему отрубили правую руку и вырезали язык, чтобы лишить возможности порочить высоких особ, будь то письменно или устно. Окровавленную руку с привязанным к мизинцу языком выставили в окне собора Санта-Кроче в назидание болтунам.

В январе 1502 года была найдена новая жертва — венецианец, переводивший с греческого на латынь памфлет против папы и Валентино. Вмешательство официального представителя Республики опоздало, и наградой ученому переводчику стала петля.

По воспоминаниям феррарского посла Костабили, «сам папа считал подобные меры излишними и скорее вредными, чем полезными. Его святейшество даже при мне не раз напоминал герцогу, что Рим — свободный город, «где каждый волен говорить и писать, что ему заблагорассудится». Но в данном случае родительские уговоры принесли мало прока. Как выразился огорченный Александр в одной

из бесед с послом, «герцог — добрый человек, но все еще не научился с покорностью переносить обиды». И это было весьма справедливое замечание, ибо никому и никогда не удавалось безнаказанно оскорбить Чезаре Борджа.

«Уж если римляне привыкли говорить и писать что им вздумается, то я, со своей стороны, обязан привить этому народу понятие о хороших манерах», — таким бывал ответ герцога на упреки отца.

Но, к большой удаче для римлян, Валентино не успел выполнить намеченную программу.

Глава 21

ТРЕТЬЯ СВАДЬБА ЛУКРЕЦИИ

Примерно в то время, когда Чезаре Борджа преподносил римлянам уроки вежливости и хорошего тона, феррарский посланник Джанлука Поцци писал будущему свекру Лукреции — герцогу Эрколе: «Нынешним вечером я вместе с мессером Герардо Сарачени посетил сиятельную монну Лукрецию, чтобы приветствовать ее от лица Вашей Светлости и Его Высочества дона Альфонсо. Она удостоила нас беседы, продолжавшейся довольно долго и содержавшей немало интересного и поучительного. Суждения герцогини о различных предметах свидетельствуют о ее живом уме, добросердечии и здравомыслии».

В конце декабря 1501 года в Рим выехали молодой кардинал Ипполито д'Эсте и два его брата — Фернандо и Сиджизмондо. Они возглавляли почетную свиту, которая должна была сопровождать невесту в Феррару.

У стен города братьев ожидал герцог Валентино, окруженный тысячным отрядом своей гвардии. По случаю встречи дорогих гостей Чезаре сменил черный бархат на белый атлас; его тяжелый меховой плащ ниспадал на усыпанное самоцветами седло. Холодный ветер с гор шевелил страусовые перья на шлемах офицеров и уносил прочь клубы пара от дыхания лошадей. Завидев вдали кавалькаду феррарцев, герцог тронул коня. Через минуту, сверкая белозубой улыбкой на смуглом лице, он уже заключил в объятия добродушного и веселого кардинала Ипполито.

Теперь Ватикан, а за ним и весь Рим, окунулся в безудержное веселье. Пиршества, маскарады, комедии и балы следовали друг за другом сплошной чередой, полно-

стью оправдывая суждение о том, что нет на свете таких наслаждений, которых нельзя было бы получить в Риме. Папа, не скупясь, оплачивал любые расходы, но ввиду преклонного возраста даже не пытался угнаться за молодежью. Первым во всех затеях и развлечениях, будь то турниры или ночные пиршества, неизменно оказывался Валентино.

Праздники продолжались неделю, а затем Лукрецию собрали в далекий путь. Как мы уже говорили, сестра Чезаре Борджа покидала Вечный город не с пустыми руками: общая стоимость ее приданого, включая драгоценности и произведения искусства, достигала трехсот тысяч дукатов. Второго января 1502 года, сопровождаемая огромной свитой римских и феррарских дворян, она навсегда покинула Рим.

Отныне Лукреция уходит и со страниц нашего повествования — мы встретим ее имя лишь несколько раз. В целом же роль этой женщины в столь богатой событиями истории семьи Борджа была очень невелика. Правда, впоследствии пылкое воображение романистов и поэтов создало вокруг нее ореол роковой красавицы, ненасытной любовницы и отравительницы, не устававшей вдохновлять свою преступную родню на новые злодеяния. Но в действительности, судя по отзывам современников, дочь Александра VI нисколько не отличалась от множества других знатных дам эпохи Возрождения. Веселая и остроумная, миловидная и чувственная, она была вполне безобидным существом, чья воля с детских лет полностью подчинялась хитрости отца и честолюбию брата. Выросшая в королевской роскоши, она оставалась лишь орудием двух умных, властных и совсем нещепетильных людей; она не знала отказа ни в чем, что можно купить за деньги, но не имела права голоса при решении собственной судьбы.

После венчания с Альфонсо жизнь Лукреции протекала достаточно спокойно и мирно, не давая больше пищи для сплетен. Домашний быт коронованных особ и их семейств проходил на виду у десятков глаз и неизбежно становился достоянием гласности. Будь Лукреция Борджа тем монстром, которого рисуют нам Гюго и Дюма, летописи Феррары обязательно отразили бы какие-нибудь новые похождения герцогини. Ей исполнилось двадцать два года — по тогдашним меркам, она была уже зрелой женщиной, но все же трудно допустить, что именно в этом возрасте характер и привычки Лукреции претерпели внезапную перемену. Гораздо правдоподобнее выглядит другое объяснение: рим-

ская молва вылепила тот образ дочери Александра VI, какой желала видеть. А вот феррарские хроники сообщают нам лишь о таких чертах герцогини, как богобоязненность и мягкий нрав.

После отъезда сестры Чезаре находился в Ватикане еще около месяца. Он хотел провести Пасху вместе с женой — Шарлотта д'Альбре собиралась приехать в Рим, и придворные, провожавшие Лукрецию в Феррару, должны были затем следовать в Ломбардию, чтобы встретить супругу герцога Валентино и примкнуть к ее свите. Путешествие в Вечный город предстояло и двухлетней Луизе Борджа, дочери Чезаре, увидеть которую ему так и не довелось. Однако поездку пришлось отменить — шурин герцога, кардинал Аманье д'Альбре, известил его о неожиданной болезни своей дорогой кузины. Шарлотта осталась во Франции.

Семнадцатого февраля папа и Чезаре выехали в Чивитавеккью, где их ожидала эскадра адмирала Лодовико Моска. Святой отец решил посетить Пьомбино, последнее из завоеваний герцога. Галеры подняли якоря и двинулись на северо-запад, разрезая острыми позолоченными носами синюю гладь Тирренского моря.

Пусть пьомбинцы и не имели оснований для особой любви к Александру VI, но все же визит самого папы — всегда чрезвычайное событие и огромная честь для любого города. Встреча в порту отличалась невероятной пышностью, и горожане не выказали никаких следов недоброжелательства. Для первосвященника подали открытые носилки с отделанным парчой троном, и процессия под звуки труб двинулась к древнему форуму, где еще во времена Цезарей оглашались законы и принимались важнейшие общегородские решения. Рядом с носилками шли шесть кардиналов и певцы из хора Сикстинской капеллы, а чуть поодаль — герцог, окруженный римскими дворянами и савонниками Ватикана.

Благословив народ, папа проследовал во дворец, чтобы отдохнуть с дороги. Высокие гости провели в Пьомбино еще четыре дня, а затем переправились на остров Эльбу, где было решено начать строительство двух крепостей. Разработку этого проекта герцог поручил Леонардо да Винчи, который по-прежнему находился у него на службе.

В первых числах марта Александр и его свита вернулись на корабли. Обратный путь не обошелся без приключений: эскадра попала в жестокую бурю. В тот день даже многоопытный адмирал Моска не был уверен в благопо-

лучном исходе плавания. Примитивная оснастка галер не позволяла использовать штормовые паруса, и лишь отчаянные усилия гребцов удерживали суда от столкновения с береговыми утесами. Преосвященные пассажиры, непривычные к морю и измученные качкой, возносили к потемневшим небесам жаркие мольбы, припоминали свои многочисленные грехи и спешно исповедовали друг друга, готовясь принять смерть в угрюмой пучине. И только папа, тучный семидесятилетний старик, вполне сохранил присутствие духа и веру в Божье милосердие. Он остался на палубе. С любопытством и восхищением поглядывая на кипящие валы, Александр успокаивал перепуганных прелатов. Сам он ничуть не изменился в лице и только иногда, досадливо морщась, вытирал с лысой головы холодные брызги. Пример святого отца оказался очень действенным: паника улеглась, а вскоре затих и шторм.

На время отсутствия герцога управление всеми гражданскими и военными делами в Романье перешло к ново-назначенному губернатору Рамиро де Лорке, пятидесятилетнему испанцу сурового и вспыльчивого нрава. Его преданность Валентино не имела границ, но методы управления являли собой резкий контраст с образом действий герцога. Там, где Чезаре Борджа проявил бы, скорее всего, великодушие, Рамиро обрушивал на виновных всю тяжесть карающего закона. Перед губернатором дрожали знать и простонародье, богатые и бедные, ибо его решения бывали столь же жестокими, сколь и беспристрастными.

Вот один из примеров судопроизводства Рамиро де Лорки (этот случай описан в хронике Бернарди). В конце января 1502 года в Фаэнце по приговору городского суда были повешены двое преступников. Веревка оборвалась, и один из казненных остался жив. Толпа отбила его у стражников и спрятала в доминиканской церкви — по старинному обычаю, кающийся грешник считался неприкосновенным, пока находился под защитой освященных стен. Наместник города потребовал выдачи осужденного для повторной казни, но приор-доминиканец, ссылаясь на право убежища, отказал ему и запер церковные двери перед судебными приставами.

Приор не знал, что канонический закон уже отошел в прошлое. Отныне по распоряжению папы беглые преступники попадали под юрисдикцию светских властей

«независимо от святости места, в коем они попытаются найти спасение». Более того — духовное лицо, дерзнувшее воспрепятствовать отправлению правосудия, могло быть наказано лишением сана и даже отлучено от церкви.

Рамиро де Лорка счел своим долгом лично прибыть в Фаэнцу для разбирательства. Ознакомившись с делом, он заставил приора выдать несчастного беглеца, и тот был повешен вторично, на этот раз — на оконной решетке городской магистратуры. Губернатор также приказал бросить в тюрьму зачинщиков беспорядков и объявил, что освободит их только после уплаты штрафа в десять тысяч дукатов. Депутация виднейших граждан тщетно пыталась добиться смягчения участи арестованных — Рамиро не принял ее и пригрозил городу новыми карами, если жители не прекратят потворствовать беззаконию и мятежам. К счастью, слух об этой истории вовремя дошел до Рима, и вмешательство святого отца предотвратило конфликт: рассудив, что граждане Фаэнцы достаточно пострадали, папа велел выпустить схваченных горожан без всякого выкупа.

Герцог никогда и ничего не делал без дальнего прицела, и, назначая Рамиро де Лорку на пост губернатора Романьи, он рассчитывал извлечь двоякую выгоду. Во-первых, Валентино хотел поскорее привить своим новым подданным должное почтение к закону и власти. За многие десятилетия раздоров, междуусобных войн и тирании из умов людей выветрилась сама мысль о правовых нормах, что очень затрудняло эффективное управление страной. А во-вторых, существование жестокого наместника позволяло герцогу наводить порядок, не возбуждая ненависти к себе. Рамиро карал, а Чезаре миловал, и его популярность росла с каждым днем.

Герцог заботился не только о соблюдении законов, но и о том, чтобы сделать их общеизвестными и понятными. Один из первых печатных станков в Италии, заработавший в 1501 году, был пущен в ход благодаря содействию и покровительству Валентино. Изготовлением инкунабул руководил маэстро Джироламо Санчино. Желая заручиться одобрением духовных и светских властей, он с особенным прилежанием оттиснул на титульном листе первой книги (увидевшей свет в январе 1502 г.) слова посвящения: «Ad perpetuam gloriam Domini nostri Ducis»^{*}.

^{*} «К вечной славе нашего государя герцога» (лат.).

УРБИНО И КАМЕРИНО

Чезаре Борджа принадлежал к людям, чье честолюбие никогда не останавливается на достигнутом — успех лишь разжигал в нем стремление в новым вершинам могущества и власти. Многие говорят за то, что в начале 1502 года в голове герцога окончательно сложился великий план — объединить всю Среднюю Италию в большое независимое королевство и сделаться основателем новой монархической династии. Этот замысел, подразумевавший среди прочего завоевание Тосканы, должен был встретить полную поддержку со стороны Вителлоццо Вителли, по-прежнему лелеявшего мысль о мести вероломной Флоренции. Личная ненависть Вителлоццо к правительству Респубблики являлась в глазах Чезаре весьма благоприятным обстоятельством, ибо гарантировала — хотя бы временно — верность знаменитого кондотьера.

Однако прежде всего требовалось завершить восстановление церковного государства. Урбино, Камерино и Сенигаллия еще не склонились под скипетр Борджа; ими-то в первую очередь и собирался заняться герцог Валентин.

Вернувшись в Рим в предпасхальные дни 1502 года, он сразу же взялся за подготовку предстоящей кампании. Но события опередили его — южный ветер донес грохот новой войны. Ареной боев опять стал несчастный Неаполь.

Как и следовало ожидать, вчерашние союзники затеяли схватку над уже поверженной жертвой. Дали знать себя и некоторые неточности в тексте Гранадского договора. Ни испанцы, ни французы не хотели уступать ни пяди из того, что считали своим законным владением, а поскольку отношения между христианнейшим королем и их католическими величествами давно уже оставляли желать лучшего, дипломатические споры длились недолго. Вице-король Неаполя, Луи д'Арманьяк, и генерал Гонсало де Кордоба привели войска в боевую готовность. Но тучи, сгустившиеся на юге, разразились грозой над флорентийскими землями — Вителли решил воспользоваться возникшей напряженностью и, не дожидаясь приказа Борджа, посчитаться наконец с Синьорией.

Момент был выбран очень удачный. До сих пор Флоренцию спасало покровительство Людовика XII, и только нежелание идти на конфликт с Францией удержало Вален-

тино от очередной аннексии — ведь армия герцога уже стояла в Тоскане. Но Вителлоццо Вителли не ждал милости от французского короля и вообще не слишком интересовался его мнением. Конечно, при желании Людовик мог бы стереть в порошок итальянского кондотьера, но королю хватало и других забот. Начинаясь война с Испанией вынуждала дорожить каждым солдатом. А что касается договора с Флоренцией, то короля волновала не столько безопасность Республики, сколько ее платежеспособность.

Вителли учитывал все эти обстоятельства. Кроме того, он заручился поддержкой старинных врагов Флоренции — Сиены и Пизы, а также принял под свои знамена Пьеро де Медичи, мечтавшего разогнать Синьорию и вернуть себе положение и права властелина Тосканы. Присутствие Медичи особенно встревожило флорентийский Совет, ибо показывало, что дело идет всерьез и может не ограничиться обычновенным грабительским набегом.

Чезаре на сей раз избрал для себя роль зрителя, полностью устранившись от участия в происходящем. Он не стал помогать Вителли, но не пошевелил и пальцем, чтобы унять рассвирепевшего кондотьера (формально тот все еще находился на службе у герцога и подчинялся его приказам). У Валентино, как мы помним, были свои счета с Флоренцией, и теперь он с удовольствием наблюдал, как паника охватывает правителей Республики.

Напряжение все нарастало, пока наконец не разразилось бунтом в Ареццо — небольшом городке в южной части Тосканы, подвластном Флоренции. С криками «Мардзокко! ⁶² Медичи!» возбужденная толпа кинулась громить присутственные места. Чиновники, назначенные Синьорией, были изгнаны, городской совет объявил о независимости Ареццо и тут же обратился за помощью к Вителлоццо Вителли. Это произошло четвертого июня, а уже тремя днями позже Вителли с отрядом пехотинцев вошел в Ареццо. За ним последовал его брат, епископ Читта ди Каstellо; преосвященный Джулио Вителли сменил пастырский посох на жезл военачальника, приняв командование над артиллерией. Вскоре к братьям присоединился и Джанпаоло Бальони со своей конницей.

Перепуганная Синьория направила посольство в Рим, а надежде найти управу на грозного Вителлоццо у самого папы, Александр принял флорентийцев, выразил им всяческое сочувствие и выпроводил восвояси, сославшись на одну из недавних булл, в которой он уже выразил осуждение междуусобиц в Тоскане.

Герцог по-прежнему сохранял строгий нейтралитет, невозмутимо наблюдал за развитием событий. В данный момент его устраивал любой исход. Флоренция получит хорошую острастку, но до окончательной гибели Республики дело, конечно, не дойдет — рано или поздно королю Людовику придется выполнить договор и прислать войска. Не исключено, что Вителлоццо запутается в собственных сетях и сложит голову на флорентийских землях — в таком случае герцог избавится от многих хлопот и затруднений.

Тревоги Флоренции усугубились новой бедой: десятого июня Пиза выразила готовность добровольно перейти под власть Валентино. Соблазн был велик. Владение этим старинным, богатым и стратегически важным городом означало бы контроль над всей Тосканой — ядром будущего королевства Борджа. И все же Чезаре не решился принять заманчивое предложение. Пиза, как и Флоренция, находилась под французским протекторатом; включение ее в состав церковного государства стало бы открытым вызовом Людовику XII, который и без того уже начинал проявлять недовольство постоянно растущими аппетитами своего вассала — герцога Валентино. Любые страсти Чезаре, будь то алчность, гнев или нетерпение, всегда оставались подчиненными рассудку, и отчаянная храбрость в бою не мешала ему быть расчетливо осторожным в долгой дипломатической игре. Время для разрыва отношений с Францией еще не пришло, и герцогу не имело смысла приобретать город, удержать который ему бы не удалось.

Чезаре выехал из Рима двенадцатого июня, а пизанских послов принял сам папа. Одоблив в принципе решение городского совета, он объяснил, что в данный момент ни святейший престол, ни его светлость не могут исполнить просьбу жителей.

В Сполето, куда направился герцог, стояла лагерем его армия — десять тысяч вымуштрованных и закаленных в боях солдат. Теперь Чезаре задумал поход на Камерино — небольшое княжество, входившее в сферу интересов Флорентийской республики. В другое время аннексия Камерино вызвала бы немедленный демарш, но сейчас, когда все силы флорентийцев сковывала борьба с Вителли, они уже не могли прийти на подмогу старому Варано — правителю Камерино.

Помимо войск в Сполето, герцог располагал еще несколькими крупными соединениями. Две тысячи человек оставались в городах Романьи, десять сотен ждали приказа, стоя между Сенигаллией и Урбино, и такое же количе-

ство новобранцев собралось в Верукио, где их обучал военному делу Диониджи ди Нальди. Задумав провести в недалеком будущем основательную реформу армии, Чезаре издал указ о всеобщей воинской повинности — каждая семья в его романских владениях обязывалась выставить на герцогскую службу по одному вооруженному солдату.

В это время в окружении герцога стали возникать упорные слухи о враждебных приготовлениях, осуществляемых Гуидобальдо да Монтефельтро, герцогом Урбинским. Говорили, будто он собирает отряды для отправки в Камерино; дело якобы зашло настолько далеко, что уже существовал план захвата артиллерии Борджа, которой предстояло продвижение вдоль границ Урбино. Обвинения в адрес Гуидобальдо передавались со слов неких таинственных перебежчиков, а также на основе перехваченных донесений.

Насколько правдивыми выглядели эти слухи в глазах Чезаре, мы не знаем, и ссылки на безымянных осведомителей не вызывают большого доверия. Особенно странным кажется написанное уже впоследствии письмо к папе, в котором герцог выражает свое изумление «предательским замыслом» Гуидобальдо. Это письмо изобиловало несвойственными Чезаре высокопарными оборотами и, похоже, с самого начала предназначалось скорее для общественного мнения, чем для Александра VI. Действуя — пока еще — относительно тайно, Чезаре готовил почву для следующей войны.

Но на официальном уровне речь шла только о Камерино. Это государство, расположенное на восточных отрогах Апеннинского хребта, между Сполето и Урбино, управлялось семидесятилетним Джулио Варано, много лет назад убившим родного брата, чтобы без помех захватить трон. Четверо сыновей старого Варано — Венанцио, Аннибале, Пьетро и Джанмария — помогали отцу нести бремя власти над горным княжеством.

В свое время Александр включил Камерино в список бывших церковных ленов, правители которых, являясь викариями (наместниками) святого престола, должны были выплачивать Ватикану ежегодную дань. Однако старый тиран, проявив явное легкомыслие, игнорировал неоднократные предостережения Рима, полагаясь на неприступность своих владений. Но Борджа всегда доводили начатое дело до конца, и теперь к границам Камерино двинулось войско под командованием двух капитанов герцога — Франческо Орсини и Оливеротто Эуфредуччи.

Последний из них, вошедший в историю под именем

Оливеротто да Фермо, приходился племянником Джованни Фольяно, тирану города Фермо. В раннем детстве он остался без отца и воспитывался у дяди, а затем провел несколько лет на чужбине, сражаясь в армиях знаменитых военачальников. На родину молодой Оливеротто вернулся уже командиром собственного отряда; Фольяно, искренне радовавшийся успехам и славе племянника, встретил его с любовью, поселил во дворце и окружил почетом. Через пару дней Оливеротто затеял грандиозный пир, пригласив на него дядю и всех знатнейших граждан города. За столом, обильным вином и яствами, Оливеротто сохранил трезвую голову. Вскоре он искусно перевел разговор на злоупотребления в римской курии. Подвыпившие гости с энтузиазмом подхватили эту благодатную тему, и скандальные истории о кардиналах, герцоге Валентино и о самом папе полились рекой. Тогда молодой кондотьер, извинившись, напомнил своим сотрапезникам о необходимости соблюдать осторожность в речах — ведь известно, что у слуг есть уши, и о некоторых предметах удобнее побеседовать во внутренних покоях дворца. Сказав это, он направился к выходу из пиршественной залы, а гости последовали за ним, предвкушая долгий крамольный разговор, столь любезный сердцу всякого итальянца. Но беседа не состоялась. Едва все собрались в одной из комнат, отведенных Оливеротто, как он подал условный знак. В ту же секунду в помещение ворвались солдаты с обнаженными мечами в руках. Пир завершился бойней.

Еще до того как последний гость испустил дух под ударами убийц, Оливеротто покинул дворец. Вскочив на коня, он помчался в лагерь, поднял остальных своих людей и отдал приказ — войти в город и истребить всех родственников и друзей Фольяно. Наемные головорезы, привыкшие повиноваться удалому командиру, старались не за страх, а за совесть. В ту ночь в числе прочих погиб родственник кардинала Джулиано — Рафаэле делла Ровере, а также двое его малолетних детей. Одного из них зарезали на коленях у матери.

Выразив таким образом благодарность родне и согражданам, Оливеротто объявил себя правителем Фермо. Он захватил все движимое и недвижимое имущество своих жертв, разогнал прежний городской совет и назначил другой, более сговорчивый. А для закрепления существующего положения вещей новый властелин использовал безошибочный способ: он известил святейшего отца, что добровольно признает за Фермо статус викариата церкви,

обязуясь — отныне и впредь — платить Ватикану ежегодную дань и ни в чем не противиться воле апостольского престола. После этого папа подтвердил его права, и Оливеротто Эуффредуччи превратился в Оливеротто да Фермо. Желая упрочить союз с Борджа, он вместе со своим отрядом встал под знамена Валентино.

Предоставив расправу над семейством Варано заботам капитанов Орсини и Оливеротто, герцог занялся сведением действительных — или мнимых — счетов с Урбино. При этом он пошел на военную хитрость, которая, будучи вполне в духе времени, все же никак не красит нашего героя. Позднее, оправдывая свое вероломство, Чезаре ссылаясь на враждебные замыслы Гуидобальдо да Монтефельтро, но, как мы уже говорили, многое свидетельствует, что на герцога Урбинского возвели напраслину.

Этот человек совмещал в себе таланты полководца и ученого, и во всей Италии не было государя, более любимого своими подданными. Покровитель наук и искусств, получивший прекрасное образование, он собрал редкостную библиотеку и уделял ей все время, свободное от государственных дел. К великому огорчению Гуидобальдо, у него не было наследника. Это порождало опасение, что после смерти герцога Урбино сделается добычей соседей. Чтобы избежать смуты, Гуидобальдо усыновил ребенка своей сестры, юного Франческо-Марию делла Ровере. Мальчик приходился племянником и ему, и влиятельному кардиналу Джулиано делла Ровере, чье высокое положение в Риме и во Франции делало выбор Гуидобальдо особенно удачным.

Но вернемся к событиям лета 1502 года. Выступив в поход, Чезаре отправил к урбинскому двору специальное посольство, которому поручалось рассеять возможные подозрения Гуидобальдо относительно намерений папских войск. Валентино заверил «своего друга и брата» в дружеских чувствах, сообщил о предпринятой им экспедиции против Варано и даже обратился с просьбой помочь армии фуражом и продовольствием. А для вящего правдоподобия он вновь поднял вопрос о посылке тысячи урбинских пехотинцев на усиление Вителлоццо Вителли (ранее кондотьер уже пытался заручиться военной поддержкой Гуидобальдо, но в ответ услышал, что урбинские войска могут быть выведены за пределы герцогства только по личному приказу его святейшества папы).

Содержание и ход переговоров полностью успокоили благородного владыку Урбино, и он не принял никаких мер

предосторожности. Цезаре великолепно использовал представившийся шанс — его последующие действия можно сравнить с молниеносным прыжком затаившегося тигра. Дойдя до Ночеры ⁶³, он приказал оставить там все обозы. Каждый солдат получил трехдневную порцию хлеба. Воду должны были дать родники на привалах, а мясо и вино — побежденные города. Стремительным маршем, покрыв за сутки более тридцати миль, Цезаре довел своих бойцов до пограничной крепости Кальи, прикрывавшей дорогу во внутренние районы герцогства. Захваченный врасплох гарнизон сдался, без всякого сопротивления. Разделив армию на три колонны и не снижая темпа, Валентино двинулся в глубь страны.

Гуидобальдо да Монтефельтро узнал о нападении врагов как раз в ту минуту, кога сидел за мирной трапезой в монастырском саду, на Цокколанти. Вслед за первым запыленным гонцом появились другие — одни и те же вести приходили с севера, востока и юга. Вторжение было столь быстрым и внезапным, что не стоило и думать об организации эффективного отпора наступавшим со всех сторон полчищам Борджа.

В ту же ночь герцог Урбинский покинул свою столицу, взяв с собой только приемного сына и несколько человек свиты. Он надеялся пробиться к укрепленному замку Сан-Лео. Но наутро, добравшись до крепости, они увидели у ее стен солдат в красно-желтых колетах и развевающиеся знамена с изображением Быка. Сан-Лео был в осаде.

Гуидобальдо да Мантефельтро повернул коня. Проскакав несколько миль, всадники остановились возле уединенной фермы. Хозяин, узнавший государя, поцеловал руку его светлости и вынес из дома кувшин вина.

Здесь они разделились. Желая во что бы то ни стало спасти наследника, герцог велел своим спутникам доставить Франческо-Марию в Баньо — городок, принадлежавший Флоренции ⁶⁴. А сам Гуидобальдо, пешком, в крестьянской одежде, пустился в долгий путь на север. Преодолевая усталость и подагрические боли в ногах, он шел день за днем, пока не достиг Равенны, ставшей уже обычным перевалочным пунктом для всех венценосных беглецов, сметаемых с тронов железной рукой Борджа.

Тем временем Цезаре уже обосновался в опустевшем дворце в Урбино. Огромная библиотека, а также богатейшее собрание картин, статуй, гобеленов и античных гемм произвели на него самое отрадное впечатление. Он не об-

ладал ученостью Гуидобальдо, но был столь же страстным поклонником прекрасного, а потому, успокоив свою совесть мыслью о естественном праве победителя, отправил в Чезену немало редких манускриптов и бесценных произведений искусства. Отсюда же герцог написал папе упомянутое выше письмо, в котором возлагал вину за конфликт на несчастного Гуидобальдо, «чье предательство настолько превосходило всякое вероятие, что я отказывался в него поверить, пока не получил неоспоримые доказательства».

Нет нужды вновь повторять, насколько неубедительно выглядит возмущение Чезаре. Единственным обстоятельством, которое могло бы быть поставлено ему в заслугу, явилась почти полная бескровность всей кампании. Внезапность этого вероломного нападения ошеломила урбинцев, и города, за исключением Сан-Лео, безропотно сдавались на милость герцога. Он же, как всегда, бдительно следил за поведением своих солдат, безжалостно карая любые случаи грабежа или насилия.

Захватив Урбино, герцог написал во Флоренцию, предложив Синьории прислать официального представителя для новых переговоров. Это вполне соответствовало желаниям Республики, опасавшейся оказаться под двойным ударом: Вителли, действуя с юга, отбирал у флорентийцев крепость за крепостью, а теперь еще и на восточных границах Тосканы встала лагерем почти вся армия Борджа. Двадцать пятого июня в Урбино прибыл полномочный посол — епископ Вольтеррский, брат главы Республики Пьеро Содерини. В свите его преосвященства находился худой, болезненного вида, узколицый человек, занимавший скромную должность секретаря посольства. Это был мессер Никколо Макиавелли, малоизвестный, но усердный и ловкий канцелярский служащий. Секретарь чрезвычайно интересовался личностью Валентино, не подозревая, что в скором времени им предстоит познакомиться поближе — оценив дипломатический талант мессера Никколо, Синьория пошлет его к герцогу, но уже в ранге посла.

Чезаре принял епископа с отменной вежливостью, но тон, взятый им с самого начала, был достаточно жестким. Герцог обвинил Республику в нарушении договора, заключенного в Форно-дель-Кампи, и заявил, что не может доверять нынешнему составу Синьории. Отвергнув подозрения в прямой причастности к действиям Вителли, Чезаре не считал нужным скрывать свою радость при виде затруднений, испытываемых Республикой; по словам герцога, беды Флоренции явились результатом ее собственного двуличия

и обмана. Герцог подчеркнул те выгоды, которые получили бы обе стороны при заключении нового союзного договора, но дал понять, что подпишет его лишь при наличии надежных гарантий. Он не желает быть игрушкой в руках Синьории, и если флорентийцы склонны пренебречь дружбой герцога Романьи и Валентино, то пусть приготовятся к неприятностям, которые сулит вражда с ним.

В донесении флорентийскому Совету, излагая события первого дня переговоров, епископ Вольтеррский отозвался о герцоге следующим образом: «...Это истинный властитель по духу, а его искусство и изощренность в военном деле достойны изучения. Нет такой мелочи, которую он не учел бы и не предусмотрел. Он жаждет все большего могущества и славы и в погоне за ними не ведает усталости и не страшится ничьих угроз. Подвижность герцога поразительна — нередко кажется, будто он способен находиться в нескольких местах одновременно... Он понимает, сколь важна для полководца преданность солдат, и добивается ее с несравненной ловкостью, так что сегодня ему служат самые умелые и храбрые люди Италии. В бою ему всегда сопутствует счастье. Герцог — страшный противник, и справиться с ним нелегко, ибо он наделен ясным разумом и находчивостью, не покидающими его даже в самые трудные минуты».

Этот панегирик написан человеком, отнюдь не расположенным к безудержному восхвалению герцога. По сути дела, и Синьория, и ее посол-епископ видели в Чезаре врага — и были не так уж далеки от истины. А показания очевидца, неглупого, наблюдательного и критически настроенного, имеют для историка куда большую ценность, чем объемистые трактаты людей, отделенных от Чезаре Борджа многими десятилетиями, а то и веками.

В конце письма епископ привел слова герцога о том, что война с Флоренцией не входит в его намерения: «Целью похода является не распространение тирании, а изгнание тиранов».

В ожидании, пока Синьория обдумает свой ответ, Чезаре покинул урбинский дворец Монтефельтро и присоединился к войскам, стоявшим лагерем близ Ферминьяно. Здесь шестого июля с ним встретился герольд французского короля. Он привез письмо, в котором Людовик XII настоятельно рекомендовал герцогу Валентино воздержаться от любых враждебных действий в отношении Флоренции. В тот же день Синьория получила послание от королевского министра, кардинала д'Амбуаза, советовавшего Респуб-

лике поскорее установить доброе согласие с герцогом, ибо ничто так не огорчает христианнейшего короля, как раздоры меж его друзьями и союзниками.

После этого епископ сообщил Чезаре, что правительство Флоренции готово приступить к выработке нового договора, но ставит одно предварительное условие: отвод войск Вителли из тосканских пределов и возвращение всех захваченных крепостей. Законность такого требования была очевидна, но герцог не торопился выпускать из рук свой главный козырь. Вителли по-прежнему удерживал власть над Ареццо, громил флорентийские гарнизоны и в любой момент мог двинуться на Флоренцию. Только страх заставлял членов Синьории искать союза с Борджа, и никто не понимал этого ясней, чем сам Валентино. Предложенный им вариант предусматривал перемирие в Тоскане на все время переговоров и уход Вителлоццо после их успешного завершения.

Но Республику спасла очередная вспышка вражды между двумя королями. Во Флоренции стало известно, что Людовик во главе двадцатитысячной армии вновь выступил к итальянским границам, собираясь дойти до Неаполя и вытеснить испанцев с Апеннинского полуострова. Синьория разом потеряла всякий интерес к переговорам с герцогом, ибо французы должны были изгнать Вителлоццо одним своим приближением. В соответствии с изменившейся обстановкой епископ Содерини получил новые инструкции — ему предписывалось, начав формальное обсуждение требований Валентино, тянуть время и отделяваться неопределенными обещаниями.

У герцога имелись свои осведомители во Флоренции, и он несколько не удивился, когда Синьория приняла решение отозвать посла. Девятнадцатого июля 1502 года епископ Вольтеррский нанес ему прощальный визит и отбыл во Флоренцию. Приближение французов ожидалось со дня на день.

Как ни обидно было Чезаре перенести такой щелчок по самолюбию, приходилось смириться с неизбежностью и признать, что Синьория опять выскользнула из сетей Борджа, сохранив в неприкосновенности свою святая святых — государственную казну. Впрочем, уже на следующее утро после отъезда епископа герцога утешила радостная весть о взятии Камерино.

Задолго до открытия военных действий Джулио Варано отправил в Венецию двух своих сыновей, Пьетро и Джанмарию, поручив им договориться с дожем и набрать допол-

нительное войско. Он не терял надежды отразить нападение и даже атаковал захватчиков, причем поначалу небезуспешно: камеринская кавалерия, которой командовал Венанцио Варано, разбила и обратила в бегство рейтар капитана Орсини. Но вступление в бой отрядов Оливеротто да Фермо склонило чашу весов на другую сторону. Камеринцы были вынуждены отступить под защиту городских стен, и осада оказалась недолгой.

Многолетнее тираническое правление семейства Варано принесло естественные плоды — подданные желали успеха врагам, а не собственному государю. В Камерино быстро сложилась влиятельная группировка, объединившая молодых людей из патрицианских родов. Они открыто потребовали у старого правителя сдачи города, а когда Джулио прогнал их представителей, пригрозив изменникам казнь, перешли от слов к делу. Вспыхнул бунт, восставшие открыли ворота и впустили в Камерино отряды герцогских войск.

Правитель и его сыновья были арестованы. Старого Варано бросили в тюрьму в Перголе, где он вскоре и умер (по утверждению Гвиччардини, насильственной смертью). Венанцио и Аннибале ждало заточение в замке Каттолика на берегу Адриатического моря.

О победе над Камерино Цезаре Борджа сообщил в Феррару своей любимой сестре, тяжело болевшей после неудачных родов. Это письмо сохранилось, и мы приводим его полностью.

«Сиятельная госпожа и возлюбленная сестра, мы пишем Вам в твердой уверенности, что для Вашего нынешнего недуга нет лекарства более действенного, чем счастливая весть. Поэтому извещаем Вашу Светлость о взятии города Камерино, над коим в настоящий момент уже развевается наше знамя. Мы просим Вас ценить означенную новость лишь постольку, поскольку она улучшит Ваше здоровье, и известить нас об этом, ибо мысль о Вашем недопомогании безмерно огорчает нас, не позволяя радоваться никаким победам, сколь бы славными они ни были. Мы просим Вас также поведать о положении наших дел Его Светлости, высокочтимому дону Альфонсо, Вашему супругу и нашему дорогому брату, и передать, что только крайний недостаток времени помешал нам в этот раз написать ему лично.

Урбино, год от Р. Х. 1502, 20 июля.

Брат Вашей Светлости, любящий Вас, как самого себя — Цезаре».

МЯТЕЖ КОНДОТЬЕРОВ

Завхват Урбино и Камерино, бои в Тоскане, возвращение французской армии — все это вызвало новую волну слухов о Борджа. Страна замерла в ожидании, гадая, что собираются предпринять папа и Валентино.

Те, кто надеялся на низвержение герцога, связывали с приходом французов определенные надежды. Поговаривали, будто Людовик намерен основательно подрезать крылья Чезаре Борджа, чьи постоянно растущие владения уже создали прямую угрозу интересам Франции. Ободренные этим слухом, противники Борджа устремились в Милан, поближе к ставке христианнейшего короля, чтобы находиться в курсе событий и, по возможности, направлять их в выгодное для себя русло.

Герцог по-прежнему оставался в Урбино, будучи тем не менее полностью в курсе происходящего при французском дворе. В королевской свите состоял Франческо Троке — камерарий⁶⁵ папы и преданный слуга сына его святейшества. Сообщения мессера Франческо (с которым мы еще встретимся в следующих главах) приходили нечасто, но зато были вполне достоверными.

Троке посоветовал своему патрону не испытывать терпение короля в вопросе с Флоренцией. Время пассивного наблюдения короля прошло. Чезаре прочитал донесение, и в ту же ночь гонец, шпоря коня, поскакал из Урбино на запад. Он вез письмо к Вителлоццо Вителли — это был приказ герцога немедленно очистить Ареццо и вывести войска из Тосканы. Зная, что у его кондотьера могут быть совсем иные планы, герцог сопроводил приказ недвусмысленной угрозой, пообещав, в случае неповиновения, нанести удар по Читта-ди-Кастелло.

Чезаре Борджа не бросал слов на ветер, и кондотьер подчинился — благополучие собственного города было для него важнее, чем борьба с Флоренцией. Но настроение его отнюдь не улучшилось, и весь заряд ярости, накопленный в душе Вителли, обратился против герцога. Фактически требование Валентино только избавляло Вителлоццо от неизбежной стычки с французами, не сулившей кондотьеру ничего, кроме неминуемого разгрома. Но, с другой стороны, тон и содержание письма выглядели достаточно вызывающими, тем более что прежде герцог если и не поощ-

рля захвата Ареццо, то и не возражал против него. Поэтому теперь, оставляя Тоскану, Вителлоццо Вителли почел себя оскорбленным и решил мстить. А человеком он был далеко не кротким.

Сняв флорентийскую проблему с повестки дня, Чезаре, переодетый рыцарем-иоаннитом, в сопровождении всего лишь четырех слуг выехал на север, в Милан. Проскакав всю ночь, они сделали короткую остановку в Форли, сменили лошадей и тронулись дальше. Двадцать восьмого июля герцог и его спутники достигли Феррары.

Здесь, несмотря на спешку, он провел несколько часов у постели больной сестры. Состояние Лукреции уже не внушало опасений, но она была все еще очень слаба. Затем Чезаре обсудил ближайшие дела с герцогом Феррарским и возобновил путешествие, отправив вперед курьера, чтобы предупредить короля о своем прибытии. Дон Альфонс с небольшой свитой проводил шурина до границы герцогства.

Милан бурлил. Чуть ли не каждый королевский выход превращался в импровизированное судилище над Борджа — итальянские изгнанники осаждали Людовика доносами, просьбами и жалобами, умоляя восстановить справедливость и вернуть им утраченные владения. Тут собрались все жертвы Валентино, начиная с Гуидобальдо да Монтефельтро и кончая Джованни Сфорца. К этому возмущенному хору присоединил свой голос и Франческо Гонзага из Мантуи. Строго говоря, у графа пока не было личных причин негодовать на Чезаре, но Гонзага всегда следовал мудрому правилу — примыкать к сильнейшим. Теперь, уповая на поддержку Франции, он принял самое деятельное участие в сколачивании лиги против Борджа.

Король выслушивал страстные речи низложенных князей с непроницаемым выражением лица, которое сохранилось и после приезда феррарского курьера. Скрытный и расчетливый, Людовик иногда выказывал склонность к мрачному юмору, а потому не отказал себе в удовольствии известить всех о скором визите герцога лишь за два часа до его появления в Милане. Эту новость он сообщил на ухо маршалу Тривульцио — сообщил шепотом, но достаточно громко, чтобы быть уверенным в произведенном на окружающих эффекте.

Итальянские вельможи приуныли, ибо чернить Валентино за глаза казалось им делом куда более выгодным и безопасным, чем состязаться с ним же лицом к лицу, хотя бы словесно. А когда они увидели прием, оказываемый Людовиком их заклятому врагу, уныние сменилось отчая-

нием. Король выехал навстречу своему гостю, сам пригласил его во дворец и в разговоре именовал не иначе, как «дорогой родственник» или «кузен».

Теперь незадачливым просителям оставалось лишь удалиться, что они и сделали один за другим. Людовик удержал только герцога Мантуанского, желая дать ему возможность восстановить добрые отношения с Валентино. Мантуя считалась союзницей французской короны, а его христианнейшее величество старался поддерживать единство в собственном лагере. Примирение состоялось и впоследствии было скреплено обручением детей — маленького Франческо Гонзаги и двухлетней Луизы Валентино.

В те дни на руку Чезаре действовали два фактора: близкая война с Испанией, делавшая для Людовика крайне важным благоволение Ватикана, и честолюбие кардинала д'Амбуаза. Не довольствуясь положением первого министра, он лелеял мечту о тройной тиаре первосвященника. Но лишь содействие герцога Валентино могло дать кардиналу д'Амбуазу — или любому другому кандидату — реальные шансы занять престол св. Петра, когда он станет вакантным.

Так обстояли дела в Милане. Согласие между герцогом и королем было очевидным для всех, но, кажется, никто не испытывал по этому поводу большей ярости, чем Вителлоццо Вителли. Кондотьер пребывал в твердой уверенности, что герцог попросту пожертвовал им ради сиюминутных тактических выгод. Он утверждал, что будто Чезаре опорочил и оклеветал его при французском дворе, а сам вышел сухим из воды, отведя монарший гнев на честного солдата. Такова, язвительно говорил Вителли, благодарность герцога тем, кто с опасностью для жизни добывал ему тосканскую корону.

Действительно ли Чезаре старался восстановить короля против Вителлоццо, мы не знаем; сам Вителли довольствовался слухами и даже не пытался добиться встречи с Людовиком. Затворившись в Читта-ди-Кастелло, он слал проклятия на голову своего коварного патрона, вновь и вновь заверяя всех приближенных и друзей, что еще найдет случай посчитаться с герцогом Валентино.

Роль Чезаре в этой истории явно не заслуживает сколько-нибудь лестных оценок, но было бы совершенно несправедливым называть действия герцога предательством. Он не приписывал Вителли поступков, которые тот не совершал, но и не старался выгородить его перед королем — иначе говоря, соблюдал ту же политику враждебного

нейтралитета, которую вел в отношении Флоренции. Но вспомним, что заветной целью флорентийской дипломатии всегда оставался не союз с Чезаре Борджа, а его ослабление или разгром — и он знал об этом; вспомним, что и Вителли в тот период вел себя уже не как подчиненный герцога, а как самостоятельный и не слишком сговорчивый партнер, преследующий собственные цели. Каждый из участников игры действовал, сообразуясь лишь с возможностями и выгодой, но отнюдь не с нормами морали. Истинный сын Чинквеченто, политик по призванию и холодный эгоист по натуре, Чезаре с удовольствием наблюдал за борьбой своих соперников. Он собирался разделить добычу с победителем, а не трудности с побежденным. Такой подход не слишком романтичен, но это еще не предательство.

Людовик покинул Милан и выехал в Геную. Чезаре сопровождал короля и оставался в его свите до второго сентября, а затем выразил желание вернуться в Рим. Весть об отъезде Валентино огорчила врагов Борджа еще сильнее, чем месяцем раньше неожиданный приезд герцога в Милан. Объяснялось это слухами о намерении короля удерживать Валентино при себе и увезти во Францию, чтобы избавить Италию от неугомонного нарушителя мира и спокойствия.

Однако его христианнейшее величество думал не о мире, а о власти и завоеваниях. Вскоре стало известно про новый договор, заключенный между герцогом и королем при активной поддержке папы. Теперь Людовик направлял в распоряжение герцога три сотни копейщиков — «pour l'aider a conquerir Bologne au nom de l'Eglise et opprimer les Ursins, Baillons et Vitellozze» *. С чисто военной точки зрения это был всего лишь символический жест — триста солдат не могли существенно изменить расстановку сил. Гораздо более угрожающим выглядел сам факт пересмотра договора с Болоньей — в ущерб последней и в пользу Борджа. Дело в том, что формально Людовик XII не лишал город и правящий род Бентивольо своего королевского благоволения — он только потребовал включить в прежний текст статью, с принятием которой договор превращался в фикцию и стоил не больше листа бумаги. А именно, король обязывался защищать Болонью и выступать на ее

* «Для помощи в завоевании Болоньи именем церкви, а также для борьбы с Орсини, Бальони и Вителлоццо» (фр.).

стороне во всех конфликтах, за исключением споров между городом и святым престолом.

Королевский посол, сьер Клод де Сейсэль, известил Джованни Бентивольо о решении своего государя, а уже на следующий день курьер привез в Болонью письмо от его святейшества. Правителю и двум его сыновьям предлагалось явиться в Рим, чтобы выслушать указания святого отца по части дальнейшего ведения всех государственных дел. Это приглашение, составленное в тоне неприкрытой угрозы, напоминало ультиматум, ибо в нем устанавливался двухнедельный срок, по истечении которого Бентивольо мог ждать любых последствий папского гнева.

Прочитав письмо, Джованни не удивился и не испугался. Он давно предвидел такой ход событий и успел принять необходимые меры. Стены Болоньи были отремонтированы, войска — пополнены и хорошо вооружены. Бентивольо всегда покровительствовали торговле, а потому могли рассчитывать на поддержку городских цехов и гильдий, располагавших огромными богатствами и немалым количеством горожан-ополченцев. Но самым важным обстоятельством являлась дружная ненависть болонцев к высшему римскому духовенству, к папам, издавна стремившимся прибрать к рукам цветущий свободолюбивый город. Эта ненависть сделала временными друзьями Бентивольо даже заядлых смутьянов вроде Филено делла Туате, неизменного участника, а то и зачинщика всех болонских бунтов в предыдущие десять лет. Никто не считал Джованни идеальным правителем, но теперь, оказавшись перед необходимостью выбирать наименьшее из двух возможных зол, болонцы не колебались.

Двухнедельный срок, указанный в послании Александра, истекал семнадцатого сентября. В этот день папский легат вновь огласил волю его святейшества перед городским советом, но встретил еще более единодушный отпор, чем прежде. Весть о зловещем требовании Борджа взволновала весь город, и скоро возле ратуши собралась толпа. Болонцы заявили легату, что не отпустят в Рим ни Бентивольо, ни его сыновей, ибо никогда нельзя знать, вернется ли домой тот, кто удостоился высокой чести быть допущенным ко двору его святейшества.

Военный союз между Валентино и королем, отказ Бентивольо подчиниться папскому приказу — все свидетельствовало о близости новой войны. Нападение войск герцога на Болонью казалось уже вполне решенным делом, и многие предрекали такую же участь Перудже и Читта-

ди-Кастелло. Между тем возмущенные и встревоженные кондотьеры, друзья Вителли, все еще не выработали общей стратегии, хотя и были едины в стремлении остановить натиск Борджа. Первый же случай, требовавший совместных действий, — конфликт между папой и Болоньей — выглядел поистине непростой задачей. Под союзным договором, заключенным после сдачи крепости Кастель-Болоньезе, стояли подписи капитанов Орсини и Вителли — полтора года назад, выступая в качестве полномочных представителей герцога, они обязались с оружием в руках защищать Болонью. Теперь же, судя по всему, герцог собирался идти войной на бывшего союзника, да и сам договор был многократно нарушен обеими сторонами. Наконец, проведя в спорах целую ночь, капитаны объявили о намерении поддержать Бентивольо. Именно такая возможность предусматривалась в договоре между Валентино и королем.

Многие из Орсини еще оставались на герцогской службе, но через несколько дней сочли за благо присоединиться к мятежникам. Распространился слух, будто Людовик XII, беседуя в Милане с кардиналом Орсини, дал знать его преосвященству о задуманном папой плане уничтожения всего их рода. Возбужденный этим неутешительным известием, Орсини устремился в лагерь противников Борджа, надеясь соединенными усилиями дать отпор ужасному Быку.

Остается только гадать, как возник этот слух, сохранивший, впрочем, немалую долю правды. Трудно допустить, что Александр, решив избавиться от кого-нибудь из римских баронов, ощутил бы потребность поделиться своими замыслами с французским королем. Еще труднее понять мотивы, по которым Людовик, действуя во вред собственному союзнику, предупредил о нависшей угрозе кардинала Орсини. Король не отличался ни мягкосердечием, ни болтливостью, и его откровенность выглядит особенно странной, если учесть договор с Чезаре Борджа, в котором «борьба с Орсини» занимала одно из ключевых мест.

Папа воспринял всю эту шумиху довольно болезненно. Он во всеуслышание возмущался возведенным на него гнусным поклепом и поначалу даже хотел потребовать объяснений от христианнейшего короля. А в доверительной беседе с венецианским послом, продолжая горячо жаловаться на несправедливую обиду, Александр заметил, что любые подозрения во вражде к Орсини — крайняя нелепость, поскольку именно с ним связаны все надежды его

любимого сына. По словам папы, ему и самому не всегда удавалось понять, мыслит ли герцог «орсиниански» или «борджански».

Скандал в Риме очень обрадовал мятежных капитанов. Встретившись в городе Тоди, Вителли и Бальони решили сделать все возможное, чтобы окончательно перетянуть на свою сторону могущественный римский клан. Но им не пришлось прилагать для этого особых усилий. Предложения, сделанные через третьих лиц, были приняты с неподдельным энтузиазмом, и новое совещание проходило уже в имении кардинала Орсини — местечке Ла-Маджоне близ Перуджи.

Целью встречи являлось создание официального союза против герцога Валентино. Под кровом загородного дворца собрались Вителлоццо Вителли, Джентиле и Джанпаоло Бальони, кардинал Джанбаттиста Орсини, Паоло Орсини — сын архиепископа Трани, капитан Франческо Орсини — герцог Гравинский, сиенский тиран Пандольфо Петруччи и Эрмес Бентивольо. Все они были людьми, привыкшими повелевать, независимыми князьями, обладавшими абсолютной властью в своих родовых владениях, и отнюдь не желали в один прекрасный день увидеть себя вассалами Борджа.

Самую радикальную позицию занимал Эрмес Бентивольо — он предложил начать дело с тайного убийства Валентино. Но остальные заговорщики отвергли этот вариант, сочтя его слишком опасным и трудновыполнимым. Общим советом решено было начать открытую войну, и Вителли поклялся, что не пройдет и года, как герцог будет вытеснен из Италии или захвачен в плен — если только избежит смерти в бою.

Расстановка сил благоприятствовала восставшим. В непосредственном распоряжении Цезаре находились две с половиной тысячи пехотинцев, триста всадников и сто человек личной охраны, в то время как кондотьеры располагали девятью тысячами пехоты и тысячей кавалеристов. Согласно разработанному плану удар наносился по трем направлениям: Бентивольо должен был выступить к Имоле, чтобы блокировать ставку герцога, а Орсини и Бальони — атаковать гарнизоны, оставленные в Урбино и Пезаро. Но солидные шансы на успех, имевшиеся у союзников к моменту совещания в Ла-Маджоне, уменьшались с каждым днем, поскольку герцог мог получить подкрепления от французского короля. А капитаны медлили. Даже теперь, когда быстро решала исход всего предпри-

ятия, они не сумели избавиться от колебаний и страхов. Вместо того, чтобы наступать, кондотьеры отправили гонцов в Венецию и Флоренцию, надеясь сколотить второй фронт против Чезаре Борджа.

Разумеется, флорентийская Синьория пришла в ярость от одной только мысли о союзе с Вителлоццо Вителли. Помимо ненависти к заклятому врагу, здесь действовало и другое соображение. Флоренция боялась герцога, но не могла поддерживать его нынешних противников, не рискуя навлечь на себя гнев короля Людовика. В итоге Синьория не только отказала представителям Лиги, но и немедленно уведомила обо всем происходящем герцога, усиленно подчеркивая в письме свою лояльность к его светлости.

Что до Венеции, то она располагала внушительной армией и к тому же страстно желала устранить Валентино, отобравшего у Республики часть ее романских владений. Но открытая война казалась слишком рискованным шагом, тем более что и Венецию связывал союзный договор с Францией — главной покровительницей Чезаре. Поэтому венецианцы решили сохранить видимость нейтралитета и посмотреть, как сложатся дела в ближайшем будущем, стараясь влиять на ход событий лишь дипломатическим путем. В длинном послании Людовику XII сенат Республики подробно перечислил все беды, доставленные Романье ненасытной алчностью Борджа; сенат изумлялся, что христианнейший король находит возможным поддерживать и поощрять подобного человека, роняя тем самым достоинство французской короны. Как мы еще увидим, венецианцы не ограничатся письменным выражением своих чувств и со временем перейдут к более надежным мерам воздействия. Кондотьер Республики Бартоломео д'Альвиано поможет герцогу Гуидобальдо вернуться на урбинский трон.

Но силы матазеников были достаточны велики, чтобы справиться с Чезаре и без посторонней помощи. Боеспособность союзников подрывалась не нехваткой солдат, а избытком командиров, каждый из которых думал только о собственной выгоде и подозревал в том же всех остальных. Взаимное недоверие всегда парализует любой заговор, и «бунт капитанов» не был исключением. Первыми заколебались Орсини, что сразу же стало причиной острого беспокойства Бентивольо. Вспомнив свою излишнюю горячность на совещании в Ла-Маджоне, он решил не ждать, пока соратники догадаются сделать из него козла отпущен-

ния. Достойный сын болонского правителя, Эрмес Бентивольо тайком отправил одного из слуг в Феррару, ко двору Эрколе д'Эсте. Он просил о посредничестве в переговорах с герцогом Валентино.

Глава 24

МИССИЯ МАКИАВЕЛЛИ

Второго октября 1502 года в Ватикан пришло известие о мятеже кондотьеров и о соглашении, заключенном в Ла-Маджоне. Папа забеспокоился. А Чезаре узнал эту новость в Имоле, где он ожидал подхода французских копейщиков.

Положение становилось угрожающим — против герцога взбунтовались офицеры, командовавшие тремя четвертями его армии. Будь на месте Чезаре другой полководец, он скорее всего попытался бы начать переговоры с недовольными капитанами и как-то умиротворить их. Но Валентино действовал иначе, лишний раз доказав стране, что для него нет ничего невозможного. Герцог стал формировать новую армию. Его посланцы разъехались по всем городам, и им не пришлось жаловаться на недостаток добровольцев. Люди, умевшие держать в руках меч и копье, стекались целыми толпами, привлеченные возможностью встать под знамена непобедимого Борджа. Среди них попадались и бродяги, и искатели приключений, но большинство составляли профессиональные военные. К Чезаре спешили командиры вольных дружин — Сансеверино по кличке Фракасса (Буян), Лодовико Пико делла Мирандола с сотней рейтар, Раньери делла Сасетта во главе нескольких десятков конных лучников и Франческо де Луна с отрядом аркебузир^{*}ов.

Герцог отправил в Ломбардию Раффаэле дей Пацци, приказав ему набрать в северных городах тысячу гасконцев; Балеотто Паллавичини занялся вербовкой швейцарских наемников. Но все это были лишь вспомогательные соединения — ядро новой армии образовали не чужестранцы, а «романьоли», жители Романьи. Они поступали в рас-

* Аркебуза — длинноствольное фитильное ружье. Такие ружья были известны в Италии уже почти сто лет, но широкое распространение получили лишь в описываемое время, к концу XV — началу XVI века. — *Прим. Р. Сабатини.*

поражение Диониджи ди Нальди и Маркантонио да Фано, также уроженцев здешних краев. В этом вновь сказалась предусмотрительность Чезаре, назначавшего командиров, пользовавшихся доверием солдат уже в силу своего происхождения.

Магическая власть имени Валентино оказалось столь велика, что уже через две недели вокруг Имолы вырос военный лагерь. Шесть тысяч человек, обученных и прекрасно вооруженных, ждали приказа, готовые двинуться в бой по первому слову герцога. Со дня на день к ним должны были присоединиться французы и швейцарцы.

Такой ход событий поверг мятежников в тяжкие раздумья. Войско Борджа возрождалось, как Феникс из пепла, и продолжало расти. А из восставших капитанов ни один не надеялся на верность остальных, и каждый, оставаясь наедине с собой, горько раскаивался в необдуманной поспешности. Они выбрали для заговора неудачный момент, и это обстоятельство теперь проявилось с удручающей ясностью. Но на самом деле их главная ошибка заключалась в неудачном выборе противника.

Первым, кто пришел к такому выводу, стал Пандольфо Петруччи. Забыв поставить в известность своих друзей, он отправил в Имолу надежного человека, которому было поручено встретиться и переговорить с секретарем Чезаре Борджа. Сиенский тиран свидетельствовал глубочайшее почтение герцогу Романьи и Валентино, заверяя его светлость, что никогда не питал по отношению к нему каких-либо враждебных намерений.

Это запоздалое извинение доставило его светлости немало веселых минут. Вслед за ним из Рима пришла весть о примирении между папой и кардиналом Орсини. Заговор трещал по швам, распадаясь на глазах, и сам Паоло Орсини поспешил в Имолу, чтобы начать переговоры с герцогом. Но тут произошли события, одинаково неожиданные и для кондотьеров, и для Чезаре — события, снова склонившие чашу весов на другую сторону.

Захватив урбинскую крепость Сан-Лео, Чезаре приказал начать там строительные работы — укрепления не ремонтировались уже много лет и давно обветшали. Строительство велось под надзором прежнего управляющего герцога Гуидобальдо. Повинуясь его указаниям, крестьяне день за днем доставляли бревна из окрестных лесов и складывали их возле стен, а всеми внутренними работами предстояло заняться размещенному в Сан-Лео гарнизону папских войск.

Мы уже говорили о любви подданных к справедливому и мудрому Гуидобальдо да Монтефельтро. Ее лучшим доказательством явилось стихийное восстание, задуманное и осуществленное простыми крестьянами, желавшими вернуть на трон своего государя. Однажды, разгружая бревна и балки, горцы скрытно заклинили подъемный мост. В тот же миг Бридзιο, управляющий, подал сигнал, и толпа лесорубов хлынула в крепость. Перебив ошеломленных внезапным натиском солдат Борджа, они заперли ворота и подняли на башне родовое знамя Монтефельтро.

Взятие Сан-Лео стало факелом, брошенным в пороховой погреб. Уже через несколько дней Урбино охватило пламя народного восстания. Храбрые и неутомимые горцы отвоевывали крепость за крепостью и город за городом, пока не вошли в столицу. Цитадель сдалась после короткого штурма; герцогского наместника заковали в цепи и бросили в тюрьму. Урбино вырвалось из железных объятий Борджа.

Эти новости приободрили кондотьеров, решивших, что принести повинную никогда не поздно. Однако, прежде чем открывать военные действия, им хотелось выяснить шансы на помощь со стороны Венеции — этот город хотя и считался союзником французского короля, сохранял оппозицию и к святому престолу, и к герцогу Валентино. В отличие от Гуидобальдо да Монтефельтро никто из участников «заговора капитанов» не мог рассчитывать на безоговорочную поддержку своего народа. Зная это и вдобавок не слишком доверяя друг другу, мятежники все время испытывали крайнюю нужду в решительном и сильном вожде.

Получив известие о восстании⁴ в Урбино, герцог, как всегда, стал действовать без промедления. Он также учитывал возможность венецианского десанта, а потому приказал Бартоломео да Капраника (тот командовал частями, вырвавшимися из урбинского окружения) со всей поспешностью возвращаться в Римини. Мигель да Корелла и Рамиро де Лорка выступили к Пезаро. Теперь, заняв своими войсками прибрежные города, Чезаре мог взяться за наведение порядка в глубине страны.

В Имоле кипела лихорадочная деятельность, но среди всех военных забот герцог не забывал и о дипломатии. В частности, он написал ответ на очередное послание Синьории, вновь торжественно заверявшей его светлость в своих дружеских чувствах. Поблагодарив досточтимый совет, герцог выразил надежду на приезд постоянного представителя Республики для обстоятельного обсуждения

всех нерешенных вопросов и согласования политики обоих государств в будущем. Эта просьба как нельзя более соответствовала желаниям Синьории, и в Имолу выехал новый посол — тот самый Никколо Макиавелли, который некогда исполнял должность письмоводителя при епископе Вольтеррском. По возвращении во Флоренцию епископ дал своему подчиненному заслуженно высокую оценку, и тот получил видную государственную должность, став секретарем второй канцелярии при Совете.

Находясь в Имоле, Макиавелли часто виделся с герцогом и подолгу беседовал с ним. А посольские донесения мессера Никколо — бесценный материал для каждого историка, желающего разобраться в жизни и личности Чезаре Борджа. Горячий патриот, преданный слуга Республики, Макиавелли рьяно отстаивал интересы родного города, и собственные впечатления посла отнюдь не смягчали его позицию в дипломатических схватках с герцогом. Но верность долгу не делала Макиавелли пристрастным, и он не скрывал, что считает Валентино самым выдающимся политиком своего времени.

Оценивая деятельность герцога в покоренных областях, секретарь оказался в более выгодном положении, чем большинство других авторов, писавших о том же предмете. Ему не пришлось лавировать, отделяться общими фразами и замалчивать факты, поскольку он не задавался целью доказать тиранические замашки Чезаре Борджа, а всего лишь излагал действительное положение дел. Тенденциозность всегда приводит к противоречиям, и от них не свободна даже знаменитая монография Грегоровия. Сравним, к примеру, два небольших отрывка из седьмого тома «Истории средневекового Рима»: «Тринадцатого июня 1502 года Чезаре покинул Рим, чтобы возобновить свои кровавые труды в Романье. Ужасная драма, которой предстояло растянуться еще на год, разыгрывалась теперь по обе стороны Апеннинских гор. Чезаре, подобно ангелу смерти, появлялся то здесь, то там; его безжалостное коварство превосходило человеческое разумение и внушало людям почти суеверный страх».

Это на странице 468. А дальше, на странице 470, читаем следующее: «Города дрожали, сановники и должностные лица унижались и раболепствовали перед герцогом, а придворные льстецы превозносили его до небес, сравнивая с Юлием Цезарем... Однако правление Чезаре Борджа было энергичным и гуманным. Впервые за долгий срок Романья наслаждалась миром и свободой, избавленная от ве-

кового зла — кровожадных тиранов, изнурявших страну непрерывными войнами и поборами. Чезаре поручил правосудие заботам человека, пользовавшегося всеобщим уважением и любовью. Это был Антонио ди Монте-Сансовино, президент чезенской руоты»⁶⁶.

Трудно усмотреть логическую связь между приведенными оценками исторической роли герцога. Складывается впечатление, что правдивые строки выходят на свет как бы сами собой, помимо авторской воли. «Безжалостное коварство» Чезаре Борджа оказывается предпосылкой энергичного и гуманного правления, и уже совсем непонятно, почему романские города дрожали перед человеком, который нес им свободу и мир? Почему многие из них явно стремились сделаться участниками «ужасной драмы» и добровольно переходили под власть кровавого Борджа? Можно допустить, что они шли на это, «дрожа от суеверного страха», но в таком случае — почему ни в одном из городских архивов тех времен мы не находим упоминаний о подобной дрожи? И в чем заключалась придворная лесть, коль скоро герцог действительно «избавил Романью от векового зла», как это признает и сам Грегоровий?

Непоследовательность суждений немецкого историка бросается в глаза, и вряд ли есть необходимость приводить другие, столь же яркие примеры противоречий. Как вполне справедливо отметил Эспинуа, Грегоровий «упорно отказывается видеть в Чезаре Борджа некоего мессию объединенной Италии, считая его не более чем честолюбивым авантюристом». Но погрешности, которыми страдает изложение Грегоровия, выглядят чрезвычайно незначительными по сравнению с выводами Виллари. Читая книгу «Жизнь и эпоха Макиавелли», мы обнаруживаем в ней поразительное открытие — оказывается, Чезаре Борджа не был ни военным, ни политическим деятелем, а оставался — с начала и до конца — всего лишь главарем разбойничьей шайки!

Итак, авантюрист или главарь разбойников, в зависимости от вкусов и предпочтений кабинетных историков. Но как обстоит дело с другими искателями приключений — с дровосеком Муцио Атендоло, основателем герцогского дома Сфорца, с графом Генрихом Бургундским, родоначальником королевской династии Бранганса, много веков правившей Португалией, с норманнским бастардом по имени Вильгельм, завоевавшим Англию? Кем, как не честолюбивым авантюристом, был Наполеон Бонапарт до тех пор, пока не стал императором Франции? Не будет преуве-

личением сказать, что именно честолюбивый авантюрист — или, если угодно разбойничий атаман — стоит у истоков любого княжеского или королевского рода.

Грегоровий был совершенно прав, отказываясь видеть какие-либо мессианские черты в облике Чезаре Борджа. Не спасти Италию, а властвовать над ней — вот в чем состояла цель Валентино. Воля итальянского народа интересовала герцога не больше, чем его лошади, и если он заботился о нуждах своих подданных, то руководила им отнюдь не любовь. Но можно ли упрекать Чезаре Борджа в эгоизме, не доказав предварительно самоотверженную человечность всех иных владык, которые удостоиваются лестных отзывов на страницах учебников и монографий? Были ли эти люди альтруистами чистой воды?

Однако вернемся к достопамятной работе Виллари. В главе, посвященной Чезаре Борджа, он отказывает ему в любых организаторских или военных способностях — и это само по себе является чудовищным искажением фактов. Но удивительнее всего, что автор приходит к подобным выводам на основании писем Макиавелли, тех самых писем, в которых флорентийский секретарь восхищается герцогом как полководцем и государственным деятелем. Опытный дипломат и психолог, совсем не склонный к слепой восторженности, Макиавелли считал герцога Валентино воплощением идеального правителя.

Нет, возражает нам Виллари, посол Синьории глубоко заблуждался. И пусть он встречался с герцогом в самые критические моменты его жизни, пусть видел его чуть ли не ежедневно на протяжении двух месяцев, пусть по долгу службы специально анализировал его характер — все это не имеет значения. Флорентийцу не удалось разглядеть истинное лицо Борджа, и образ, возникший под талантливым пером мессера Никколо, целиком и полностью фантастичен. Но, может быть, Виллари прав, а Макиавелли действительно ошибался? В поисках ответа попробуем заново разобраться в событиях, волновавших Италию осенью 1502 года.

Прежде всего учтем, что Макиавелли не был независимым наблюдателем — он явился в качестве представителя заведомо враждебного государства. Синьория не питала к герцогу никаких чувств, кроме ненависти и страха, а всякий чиновник, желающий сделать карьеру, знает, как важно вовремя подтвердить мнение своего начальства. Другие послы охотно следовали этим путем, ограничиваясь в донесениях пересказом обильных слухов о коварном чудо-

вище по имени Валентино, но не отказывались от щедрых денежных подарков герцога. И только Макиавелли, прожженный скептик, никогда не стремившийся к роли пророка и считавший честность скорее предрассудком, чем добродетелью, — только он нашел в себе силы остаться неподкупным и высказать правду.

Флорентиец прибыл в Имолу вечером седьмого октября и без промедления, не переменяв дорожное платье, отправился во дворец. Это выглядело так, будто его визит не терпит даже минутного отлагательства, на самом же деле в бумагах посла не содержалось ничего, кроме расплывчатых заверений в дружбе. Герцог принял Макиавелли весьма любезно, в свою очередь выразив желание сохранить и упрочить добрые отношения с Флоренцией. Впрочем, Чезаре тут же заявил, что Синьория находится перед ним в неоплатном долгу — заставив кондотьеров вывести войска из Тосканы, он спас Флоренцию, но превратил своих лучших слуг во врагов. Внешне все было именно так, как говорил Валентино, и Макиавелли не стал напоминать о захвате Ареццо, осуществленном с молчаливого согласия его светлости. Пикировка с герцогом не входила в задачу посла.

К удивлению Макиавелли, герцог, казалось, не испытывал особой тревоги из-за мятежников и говорил о них с подчеркнутым пренебрежением. «Я сумею поджечь землю под ногами этих глупцов, и они не отыщут той воды, которая потушит пожар» — так ответил Чезаре, когда Макиавелли осторожно усомнился в прочности его положения. Столь же мало заботило герцога и восстание в Сан-Лео — он лишь заметил, что не забыл тот путь, которым пришел в Урбино, и без труда пройдет по нему вновь.

Но при всей великолепной самоуверенности Чезаре Борджа дела его складывались отнюдь не блестяще. Пример Сан-Лео вдохновил и другие урбинские города; против власти Борджа восстали Пергола и Фоссомброне. Их жители быстро управились с небольшими гарнизонами войск, но в результате лишь призвали на свои головы злую беду. Именно через эти города пролегал маршрут Мигеля да Кореллы, и испанский капитан, не тратя времени на переговоры, приказал начать штурм. Утопив измену в ее собственной крови, дон Мигель возобновил движение на Пезаро. «Похоже, что в нынешнем году созвездия складываются очень неудачно для мятежников» — так прокомментировал известие о подавленном бунте герцог, который в тот момент как раз беседовал с флорентийским послом.

Дипломатические баталии между Чезаре Борджа и Макиавелли шли день за днем, напоминая позиционную войну. Верный инструкциям своего правительства, секретарь стремился избежать заключения какого-либо официального союза. Причина была проста: Синьория не хотела предоставлять Валентино военную или денежную помощь, поскольку считала его самым страшным из возможных противников Флоренции. Герцог знал об этом, но надеялся доказать, что нейтралитет не принесет Республике никаких преимуществ.

Сомнения, продолжавшие одолевать мятежных капитанов, дали переговорам новый импульс. Во время одной из встреч герцог сообщил секретарю о предложении Паоло Орсини. Кондотьеры соглашались забыть о прежних распрях и вернуться на службу, но при условии, что его светлость даст надежные гарантии безопасности их городов, откажется от планов завоевания Болоньи и — вместо того — двинет всю армию на Флоренцию. Такое решение устраивало даже Вителлоццо Вителли.

«Установить со мной прочный мир — в интересах Синьории, и будет хорошо, если она поймет это прежде, чем я подпишу договор с Орсини», — заключил герцог. Теперь Флоренции предстояло сделать выбор между союзом и войной.

Макиавелли был крайне встревожен возможностью соглашения между Чезаре Борджа и капитанами, но вмешаться в события он, при всем желании, никак не мог. Впрочем, его немного успокаивала мысль о покровительстве французского короля. Не будь этого препятствия, герцог наверняка захватил бы Флоренцию еще полтора года назад, когда вел армию через Тоскану. Приближение войск Людовика XII уже спасло флорентийцев от Вителлоццо Вителли, и оставалось надеяться, что Валентино также не решится перейти в открытое наступление.

Так рассуждал Макиавелли — и был совершенно прав. Сам герцог прекрасно понимал невыполнимость своей угрозы. В его ответе мятежникам не упоминались ни Флоренция, ни Болонья — Чезаре Борджа предлагал капитанам, если они действительно хотят доказать искренность своих намерений, помочь ему в отвоевании Урбино.

Поначалу казалось, что этот вариант встретил положительный отклик. Одиннадцатого октября Вителли занял крепость Кастель-Дуранте, а на следующий день пехотинцы Бальони взяли штурмом Кальи. Такое усердие выглядело достаточно убедительным, и Чезаре направил в Урби-

но небольшой отряд собственных войск, поручив командование Мигелю да Корелле и Уго де Монкаде. Но раньше, чем испанцы добрались до горного княжества, туда прискакал гонец от герцога Гуидобальдо да Монтефельтро. Он сообщил урбинцам о приближении их законного государя — тронутый непоколебимой верностью подданных, Гуидобальдо решил возвратиться к своему народу.

Эта новость окончательно запутала мятежников. Как и прежде, все они были готовы в любой момент блокироваться с кем угодно, скрепляя очередной союз чьей угодно кровью. Проблема заключалась в том, чтобы определить не только сегодняшнего, но и завтрашнего победителя.

Высокие мотивы, которыми руководствовался Гуидобальдо да Монтефельтро, капитаны попросту не принимали всерьез. Они судили по себе, а потому лихорадочно прикидывали, какой высокий покровитель стоит за спиной изгнанного герцога Урбинского.

Этим покровителем могла быть только Венеция — ни одно другое итальянское государство не посмело бы бросить вызов Чезаре Борджа. Придя к такому выводу, кондотьеры заторопились. Теперь речь шла уже не о переговорах с Валентино — следовало, наоборот, доказать непримиримую вражду к Борджа.

Первый шаг сделали Орсини. Неподалеку от Фоссомброне их кавалерия неожиданно атаковала отряд, посланный герцогом, разбила его и обратила в бегство, захватив при этом одного из командиров — капитана де Монкаду. Дон Мигель с несколькими рейтарами вырвался из окружения и ускакал, сумев избежать плена. Вслед за тем Франческо Орсини вытеснил из города Урбино остатки герцогских войск и направил письмо в венецианский Сенат, сообщая об одержанной победе. А тремя днями позже, восемнадцатого октября, Гуидобальдо да Монтефельтро, встреченный всенародным ликованием, въехал в свою столицу. Вместе с герцогом прибыли его племянник Оттавиано Фрегосо и молодой Джанмария Варано.

Напряжение нарастало. Вителли поспешил предоставить в распоряжение герцога Урбинского всю имевшуюся у него артиллерию; Варано и Оливеротто да Фермо собирались развернуть наступление на Камерино. Джанпаоло Бальони завладел прибрежной крепостью Фано. Для этого ему пришлось пойти на хитрость, поскольку и гарнизон, и все горожане Фано считали Чезаре Борджа своим единственным законным повелителем. Бальони поклялся, что

по-прежнему состоит на службе у герцога — и перед ним открыли ворота.

Пример Орсини подействовал и на Джованни Бентивольо, заставив его перейти к действиям — правда, весьма осторожным и отнюдь не военного характера. По распоряжению правителя самые знаменитые доктора богословия из Болонского университета выступили с проповедями в городских церквах, убеждая верующих в незаконности и недействительности интердикта ⁶⁷, наложенного на Болонью Александром VI.

А в письме французскому королю Джованни постарался обосновать свое враждебное отношение к Валентино, ссылаясь на многократные нарушения союзнических обязательств — разумеется, со стороны герцога. О собственных заслугах того же рода Бентивольо предпочел не упоминать.

Но чем шире разворачивались боевые действия, тем чаще взоры капитанов обращались к Венеции — сперва с надеждой, а затем с растущей тревогой. Венеция хранила загадочное молчание и, казалось, совсем не спешила на помощь кондотьерам. Не было ни золота, ни солдат, ни даже сколько-нибудь явной дипломатической поддержки. Мятежники терялись в догадках, не подозревая, что Сенат уже получил ответ на то самое послание, в котором упрекал Людовика за «позорящий честь французский короны» союз с Борджа. Король никак не отреагировал на обвинения в адрес Валентино; вместо того он заявил, что «Франция будет считать врагом каждого, кто посмеет противодействовать воле католической церкви и Святого престола». А копия королевского письма была незамедлительно доставлена в Имолу, герцогу Валентино — верному другу его христианнейшего величества.

Шли дни, и тревога кондотьеров постепенно сменялась страхом. Как и следовало ожидать, первым не выдержал Пандольфо Петруччи. Отбросив ложный стыд, он послал в Имолу своего тайного секретаря, Антонио ди Венафро — передать герцогу, что путь для переговоров остается открытым; капитаны готовы вернуть все захваченные города, если получают гарантии личной безопасности и неприкосновенности собственных родовых владений.

Вслед за Антонио ди Венафро в имольский дворец прибыл сам Паоло Орсини — переодетый курьером, но в сопровождении многочисленной охраны, приличествующей знатному синьору. После короткой беседы с Валентино он уехал, а двадцать девятого октября появился вновь, теперь

уже с готовым проектом договора. Суть этого документа, одобренного всеми заговорщиками, сводилась к прежним пунктам, сформулированным стараниями Петруччи. Проект предусматривал возвращение кондотьеров на службу к герцогу и его святейшеству папе. Неясной оставалась только судьба Болоньи, посольку союзники не хотели терять драгоценное время на выяснение позиции Бентивольо. В конце концов этот вопрос решено было сделать предметом отдельного соглашения между герцогом, кардиналом Орсини и Пандольфо Петруччи.

Казалось, уже ничто не могло помешать намеченному примирению, и Макиавелли тревожился все сильнее. Но Чезаре постарался развеять беспокойство флорентийского посла, выразив свое истинное отношение к «этому сборищу банкротов» (так он именовал лигу мятежных капитанов). «Сегодня, — весело заметил герцог, — у меня побывал мессер Паоло, а завтра приезжает кардинал. Они уверены, что сумеют провести меня, а я поддерживаю в них это убеждение. Пусть говорят — я буду слушать и подожду, пока не настанет мое время».

Разумеется, Макиавелли и сам ни на минуту не допускал мысли, что герцог, забыв все обиды, искренне протягивает изменникам руку дружбы. Но что именно задумал Валентино — это не мог понять даже многоопытный флорентинец, пока не обратился за разъяснением к своему коллеге, Агапито Герарди.

Герарди, личный секретарь герцога, принимал непосредственное участие в переговорах с Орсини. Когда Паоло Орсини уезжал из Имолы, увозя с собой соглашение, которое предстояло подписать капитанам, мессер Агапито догнал его и сказал, что герцог хотел бы дополнить текст договора еще одной статьей, учитывающей интересы французского короля. Орсини принял эту новость без особого восторга, но не нашел достаточно веских возражений, и Агапито тут же внес в документ недостающую статью.

Выслушав флорентийского посла, секретарь Чезаре Борджа рассмеялся. По его словам, поправка герцога превращала весь договор в бесполезный — для мятежников — клочок бумаги, и только ребенок или глупец мог бы считать его чем-то серьезным. «Приняв статью, они откроют окно, через которое герцог в любой момент выскользнет за рамки договора; отвергнув — оставляют ему открытую дверь для выхода» — так закончил свою речь мессер Агапито.

РАМИРО ДЕ ЛОРКА

Поведение мятежников выглядело так, как будто они из всех сил стараются увеличить список своих провинностей перед герцогом. Объяснялось это, конечно, не каким-либо определенным планом, а неспособностью кондотьеров договориться между собой. В то самое время, когда Паоло Орсини обсуждал с Чезаре условия перемирия, Вителли, действуя по собственной инициативе, продолжал войну на границах Урбино; в одном из этих сражений погиб Бартоломео да Капраника, отважный и опытный командир, высоко ценимый герцогом. Братья Бальони пытались выбить из Пезаро дона Мигеля, а Оливеротто да Фермо захватил Камерино, провозгласив правителем города молодого Джанмарию Варано. В ознаменование славной победы Оливеротто велел казнить всех пленных испанцев, находившихся на службе Борджа.

Оставаться в долгу было не в обычае Мигеля да Кореллы, и он неукоснительно отправлял на виселицу тех немногих врагов, которые имели несчастье попасть к нему в руки. Среди жертв оказался и младший из братьев Варано, шестнадцатилетний Пьетро — он пытался пробраться в Камерино, но был схвачен в Пезаро и удушен посреди рыночной площади. Рассказывали, что после казни юноша еще подавал признаки жизни, и сердобольные горожане спрятали его в ближайшей церкви. Но некий монах считал своим долгом вмешаться в события, вызвал солдат и потребовал прикончить Пьетро Варано. Впоследствии усердие святого отца получило достойную награду — он бежал в Кальи, но не сумел спастись. Кто-то узнал предателя, и разъяренная толпа разорвала его в клочья.

Такова была обстановка, когда Паоло Орсини, исполненный радужных надежд, возвратился с договором, чтобы собрать подписи всех участников. Это оказалось не так-то легко, поскольку успехи последних дней сделали капитанов гораздо менее покладистыми. Особенное раздражение вызвал у них пункт о сдаче Урбино. Вителли призывал своих друзей вспомнить о чести и не допускать вторичного низвержения Гуидобальдо да Монтефельтро, которому они сами помогли вернуться на трон. Кроме того, новый договор не содержал угроз Флоренции и уже поэтому лишился всякой привлекательности в глазах Вителлоццо.

Но Пандольфо Петруччи и все Орсини твердо стояли за соглашение с герцогом, так что любые возражения Вителлоццо были гласом вопиющего в пустыне. А второго ноября в Имоле появился старший сын болонского правителя, Антонио Галеаццо Бентивольо. Посреднические хлопоты герцога Эрколе д'Эсте увенчались полным успехом — Антонио прибыл как полномочный посол своего отца с предложением уладить споры между Болоньей и святым престолом. На другой день знаменосец церкви — Чезаре Борджа — скрепил подписью соответствующий документ, которым предусматривалось двухгодичное перемирие. Высокие договаривающиеся стороны знали друг друга достаточно хорошо, чтобы не брать на себя слишком обременительных обязательств.

Известие о сепаратном мире с Бентивольо действовало на мятежников отрезвляющим образом, поскольку Болонья считалась самым могущественным, хотя и самым осторожным, противником Борджа. По истечении трех недель Паоло Орсини вручил герцогу подписанный договор. Он очень гордился своей ловкостью — удалось сломить даже сопротивление Вителлоццо Вителли. Кондотьер смирил гордыню и предоставил Гуидобальдо да Монтефельтро его собственной судьбе.

Двадцать девятого ноября войска Паоло двинулись на Урбино, получив приказ оккупировать княжество от имени герцога Романьи и Валентино. Инструкции, имевшиеся у командиров частей, предписывали им применять силу только в случае крайней необходимости.

Урбинцы вновь доказали верность герцогу да Монтефельтро, явив редчайший для средневековой Италии пример бескорыстия и сплоченности. Они рвались в бой, а женщины с радостью жертвовали свои драгоценности, чтобы дать старому государю средства для оплаты пушек и наемных солдат. Но благородный Гуидобальдо не считал возможным подвергать страну ужасам войны только ради сохранения личной власти. Он решил снова удалиться в изгнание, заявив, что покрыл бы себя вечным позором, добровольно сделавшись причиной кровопролития.

В начале декабря армия Орсини остановилась в нескольких милях от урбинских стен, и Паоло отправил его светлости почтительное приглашение прибыть в лагерь для обсуждения условий капитуляции. Герцог прислал свои извинения и вежливый отказ, объясняя, что не может покинуть дворец из-за приступа подагры. В результате Паоло так и не удалось разыграть роль великодушного по-

бедителя. Ему пришлось ехать в Урбино, и слово «предатель» было самым мягким из тех эпитетов, которыми встречали его толпившиеся на улицах горожане. Даже многочисленная, вооруженная до зубов охрана не спасала в тот день главу рода Орсини от чувства гнетущей неуверенности.

Но Гуидобальдо не замышлял никаких козней. Он подписал отречение и выполнил все формальности, положенные при сдаче города. Затем, обратившись к друзьям и приближенным, он призвал их сохранять веру в Божье милосердие, оберегать народ и слушаться Валентино. Закончив свою короткую речь, Гуидобальдо занял место в крытых носилках, и слуги понесли его к побережью. Теперь бразды правления перешли к Паоло, сделавшемуся отныне наместником Борджа.

Восстановление власти Чезаре над Урбино, его союз с Орсини и перемирие с Бентивольо — все это заставило призадуматься даже флорентийскую Синьорию. Сказалось и давление короля Людовика, который настойчиво подталкивал Флоренцию к активному сотрудничеству с папой и герцогом Валентино. И хотя крах Борджа по-прежнему оставался заветной мечтой флорентийцев, Республике хотелось избежать упреков в двуличии и злом упрямстве. Поэтому Синьория сообщила герцогу о своей готовности заключить договор, но лишь в том случае, если его светлость согласится выдать для суда бешеного Вителлоццо Вителли, а также передаст Пизу под власть Флоренции. Невыполнимость этих условий бросалась в глаза — Вителли все еще вел открытую войну против герцога, и вопрос о его выдаче был, мягко говоря, преждевременным. Что же касалось Пизы, то у Валентино не имелось ни малейшего желания начинать поход против дружественного города.

Герцог не стал отвергать требования, выдвинутые Флоренцией, но предложил Синьории восстановить его в звании командующего вооруженными силами Республики. В ответ на это Макиавелли заявил: «Ваша светлость — не наемный кондотьер, а один из самых могущественных государей Италии, и только в таком качестве рассматривает Вас мое правительство и весь христианский мир. Мы надеемся заключить с Вами союз, но никогда не позволили бы себе оскорбить Вашу светлость приглашением поступить к нам на службу, понимая, сколь несовместимо подобное предложение с достоинством Вашего сана. Мы не пытаемся сделать предметом купли или продажи добрые отношения

с Вашей светлостью, а думаем о равноправном договоре двух государств. Но, как известно, любой договор действителен и выполняется лишь постольку, поскольку обеспечен военной силой каждой из высоких сторон. Именно поэтому Синьория никак не может поручить командование большей частью своих войск ни герцогу Романьи и Валентино, ни другому суверенному властителю. Такой поступок означал бы прямую угрозу для безопасности Республики в будущем».

Блестящая казуистика секретаря делала честь его уму, но не могла скрыть очевидного нежелания Синьории предпринимать какие-либо реальные шаги навстречу предложениям Валентино. Герцог не удивился. Он знал истинную цену доброжелательности Синьории и коротко ответил послу, что не желает более слышать заверений в дружбе, не подкрепленных делом.

Десятого декабря Чезаре поднял армию и двинулся на завоевание Сенигаллии. Этот город находился под покровительством кардинала Джулиано делла Ровере, который не жалел усилий, чтобы защитить наследственные права своего племянника, префекта Сенигаллии. Но и папа, и король остались глухи к страстным речам кардинала. Городом, от имени малолетнего сына, управляла его овдовевшая мать Джованна, урожденная да Монтефельтро. Она приходилась родной сестрой изгнанному герцогу Урбинскому и должна была разделить его судьбу.

Как и в прошлом году, Чезаре решил встретить Рождество в Чезене. Но здесь армию ждал неприятный сюрприз — окрестное население было на грани голода, война и неурожай опустошили закрома. К тому же таинственно исчезли тридцать тысяч мешков зерна, закупленного герцогом у венецианских купцов как раз на случай нехватки продовольствия. Теперь приближенные советовали ему реквизировать часть урбинских запасов, но он отверг такой вариант и приказал скупить оставшиеся в окрестных деревнях бобы и чечевицу. Эта мера позволила хоть как-то прокормить солдат до подхода новых обозов с хлебом, маслом и вином. Одновременно с хозяйственными хлопотами герцог вызвал в Чезену губернатора Романьи, уже знакомого нам дона Рамиро де Лорку. Жалобы на грубость и неутолимую жестокость Рамиро множились, как снежный ком, а теперь к ним добавилась пропажа столь необходимого в данный момент зерна. Имелись и другие соображения, по которым герцог хотел задать кое-какие вопросы своему верному губернатору.

Вскоре произошло событие, удивившее даже Макиавелли (он, как и остальные послы, перебрался в Чезену вслед за герцогом). Три больших отряда французских копейщиков неожиданно покинули армию Валентино и ушли в Ломбардию. Поговаривали, будто их отозвал королевский комендант Милана. Такое объяснение не удовлетворило проницательного флорентийца, и он попытался дознаться правды у знакомого ему французского капитана. Но полученный ответ звучал еще менее убедительно — по словам капитана, герцог сам отказался от их услуг, ибо договор с кондотьерами избавляет его от нужды платить высокое жалованье чужестранцам. А между тем Валентино не мог не знать, что его кондотьеры — публика весьма ненадежная. «Возможно ли поверить, — размышлял секретарь, — будто герцог забыл об осторожности и готов положить на верность людей, трижды поднимавших против него оружие?» Наконец Макиавелли пришел к выводу, что уход французов — всего лишь тактическая уловка. Чезаре Борджа ослаблял собственную армию не из-за доверия к Орсини и Вителлоццо, а для того, чтобы успокоить подозрительность капитанов и без помех заманить их в приготовленный капкан. Каким будет этот капкан, секретарь не знал, но общий ход мыслей герцога он угадал совершенно правильно.

Спровадив раздраженных и недоумевающих гасконцев, Чезаре продолжил подготовку к наступлению. Его артиллерия уже двинулась к Сенигаллии. Герцог не испытывал недостатка в людях — к нему в лагерь постоянно прибывали новые части. После подхода тысячи швейцарских наемников и шести сотен романцев из долины Ламоне он уже вполне мог начинать штурм собственными силами, даже без помощи кондотьеров. К тому же кардинал делла Ровере призвал горожан не противиться неизбежному и не вступать в борьбу против войск его святейшества папы, что позволяло надеяться на легкую, а возможно, и бескровную победу.

Но прежде чем покинуть Чезену, герцог вновь удивил своих подданных, явив им на этот раз пример быстрой и безжалостной расправы. В город приехал верный слуга его светлости губернатор дон Рамиро де Лорка — приехал и был арестован, как только слез с коня перед входом во дворец. Губернатора бросили в тюрьму, и герцог распорядился начать следствие. На следующий день глашатаи объявили о случившемся по всем городам Романьи. Каждому, кто считал себя несправедливо обиженным, предлага-

лось немедленно подать жалобу на имя герцога. Магистратуры спешно пересматривали дела людей, присужденных к штрафам или тюремному заключению по указам низложенного губернатора.

Макиавелли полагал, что Валентино решил пожертвовать своим помощником, поскольку тот возбудил к себе всеобщую ненависть, и его дальнейшее пребывание на высоком посту грозило подорвать популярность самого герцога. Но это была лишь часть правды, и список обвинений против дона Рамиро оказался куда длиннее, чем думал секретарь. Удалось напасть на след исчезнувшего зерна — губернатор тайком перепродал его тем же венецианцам, надеясь восполнить недостачу за счет реквизиций у крестьян. Его планы расстроил неурожай — отбирать стало нечего, и торговая операция дона Рамиро обрекла на голод страну и армию.

Кроме этого, всплыли некоторые подробности, касавшиеся излишней дипломатической активности губернатора. Кто-то из болонских осведомителей Чезаре сообщил ему о секретных переговорах, проведенных Рамиро де Лоркой с Бентивольо, Орсини и Вителлоццо. Герцог не одобрял подобной самостоятельности в выборе друзей. Все говорило о том, что подчиненный начал забываться и позволяет себе действия, несовместимые с его служебным положением.

Морозным утром двадцать пятого декабря взорам чезенцев открылось жуткое зрелище: посреди рыночной площади высилось копье с насаженной на него головой Рамиро де Лорки. Глаза казненного были закрыты, густую черную бороду уже припорошил легкий снежок. Здесь же, рядом, лежало его тело — в полном облачении генерал-губернатора, в багряном плаще, перчатках и сапогах со шпорами. Это кровавое свидетельство неумолимого правосудия герцога Валентино оставалось для всеобщего обозрения до конца дня.

«Причины казни в точности неизвестны, — писал Макиавелли, составляя отчет Синьории, — но многие говорят, что дело объясняется желанием герцога показать, как он карает людей, вознесенных на вершину власти и не оправдавших доверия».

Смерть дона Рамиро не вызвала у населения Романьи ничего, кроме радости. Это единогласно подтверждают летописи четырех городов — Имолы, Фаэнцы, Форли и самой Чезены.

«ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ОБМАН»

Утром двадцать шестого декабря Чезаре Борджа покинул Чезену. В Фано герцога ожидала делегация большого портового города Анконы, жители которого выразили желание перейти под власть его светлости, и вестовой офицер от Вителлоццо Вителли, сообщивший о капитуляции Сенигаллии. Кондотьеры заняли город, но внутренняя крепость еще держалась — оборонявший ее генуэзский капитан Андреа Дориа объявил, что согласен сдать цитадель только герцогу Валентино. В это время Джованна да Монтефельтро и ее одиннадцатилетний сын уже взошли на корабль и отплыли в Венецию.

Чезаре решил выступить к Сенигаллии на следующий день. В ответном письме он предложил кондотьерам дожидаться его прибытия, ибо теперь, после заключения договора, им следует выработать план совместных действий. Кроме того, герцог упоминал, что его солдаты устали и нуждаются в отдыхе, а потому просил обеспечить им удобный постой. Трудностей здесь не предвиделось, поскольку основные силы кондотьеров были расположены в небольших крепостях, отстоявших на пять-шесть миль от города. В самой Сенигаллии находился только отряд Оливеротто да Фермо.

Встреча герцога с мятежниками произошла в последний день 1502 года. Можно лишь удивляться легковерию капитанов. Неужели они думали, что Борджа успел позабыть их многократное предательство? Надеялись на численный перевес своих армий? Подобно всем властолюбцам, они сильно переоценили собственную значимость — и при этом совсем упустили из виду характер человека, с которым им предстояло разыграть трогательную сцену примирения.

Чезаре Борджа никогда не прощал обид, а в данном случае его природная мстительность подкреплялась трезвым расчетом. Капитаны уже доказали герцогу, что могут представлять серьезную угрозу; в то же время длинная вереница измен обесценивала их как союзников. Они могли помешать, но не могли быть полезными, и это решило их судьбу.

Дальнейшие действия герцога Макиавелли определил

как «изумительную стратегию» *, а Паоло Джовио — как «замечательный обман». На взгляд современного человека все, что задумал и осуществил Чезаре в деле с капитанами, является верхом коварства. Но для историков эпохи Чинквеченто на первом плане стояла не мораль, а ловкость и самообладание, позволившие герцогу одержать победу над врагами.

Ранним утром тридцать первого декабря армия Борджа переправилась через реку и остановилась в шести-семи милях от Сенигаллии. Было темно и холодно. Солдаты разводили костры и грелись у огня, ожидая прибытия главнокомандующего. Здесь, на берегу Метауро, собралось десять тысяч пехотинцев и три тысячи всадников.

Когда окончательно рассвело, герцог присоединился к войскам. Он отправил вперед кавалерийский авангард Мигеля да Кореллы, а вслед за ним двинул тяжелую пехоту. Колонну замыкали отряды конницы, во главе которых, в полном вооружении, ехал сам Валентино. Он редко надевал латы, но в этот день солнечные блики играли на его полированном панцире.

У моста, перекинутого через речушку Мизу, напротив главных городских ворот, дон Мигель остановил своих всадников и выстроил их в две шеренги. Посередине образовался широкий проход, по которому проехал Чезаре, сопровождаемый несколькими десятками человек личной охраны. Как только герцог миновал мост, Корелла отдал короткий приказ. Кавалеристы вновь сомкнули ряды и тронулись за его светлостью. Вся армия расположилась перед стенами Сенигаллии.

На городской площади, окруженный своими людьми, герцога ждал Оливеротто да Фермо. Рядом с ним сутулился в седле угрюмый и подавленный Вителлоццо Вителли — его терзали тяжелые предчувствия. Он не хотел встречи с Борджа, но считал себя не вправе покинуть друзей. Были здесь и оба Орсини — Паоло и Франческо, герцог Гравинский. Пандольфо Петруччи решил уклониться от братания с герцогом и остался в Сиене; не приехал и Джанпаоло Бальони, сославшись на внезапную болезнь.

Чезаре приветствовал капитанов столь весело и дружелюбно, что усомниться в искренности его чувств мог бы лишь самый заядлый скептик. Магическое обаяние герцога Валентино еще раз сослужило ему добрую службу. Лед

* Военную хитрость (*греч.*).

был сломан, и настороженность кондотьеров уступила место радостной легкости. Заразительный смех Чезаре, его открытый взгляд, речь, исполненная теплоты и уважения,— все свидетельствовало о том, что прошлое похоронено и забыто. Через несколько минут, оживленно беседуя, недавние противники направились во дворец.

Но прежде, чем военачальники покинули площадь, произошел незначительный эпизод, имевший важные последствия для всех присутствующих. Разговаривая с кем-то из Орсини, герцог на мгновение задержал взгляд на стоявшем поодаль Мигеле да Корелле. Тронув коня, испанец подъехал к Оливеротто да Ферма и поделился с ним некоторыми опасениями по части расквартирования войск. Солдаты герцога, объяснил дон Мигель, провели на морозе несколько часов и хотели бы поскорее очутиться под кровом. Сейчас, в спешке, они могут случайно занять жилье, уже отведенное людям мессера Оливеротто, а это неминуемо вызовет ссоры и беспорядки. Стоит ли подвергать такому испытанию только что заключенный союз?

Доводы испанского капитана звучали вполне убедительно. Оливеротто приказал командирам своих частей развести всех солдат по квартирам, а сам продолжил прерванную беседу с герцогом. Тот был любезен как никогда, сыпал шутками и остротами — в общем, всячески развлекал собеседников, причем делал это столь искренне, что они даже не обратили внимания на группу его телохранителей, неотступно следовавшую в нескольких шагах позади.

У входа во дворец все спешили. Здесь кондотьеры собирались проститься с герцогом, но он попросил их повременить с отъездом. Если договор не пустая формальность, то надо немедленно обсудить дальнейшие действия, решить, куда будет направлен удар соединенных армий. Так говорил Валентино. Покоренные этими доводами, его спутники отбросили последние подозрения. Они вошли внутрь — навстречу своей судьбе.

Едва закрылись широкие резные двери, как облик герцога мгновенно переменился — словно невидимая рука разом стерла с его лица искрометное веселье. Быстро шагнув вперед, он кивнул головой. В ту же секунду гордые кондотьеры были схвачены и обезоружены людьми Чезаре. Эту операцию гвардейцы репетировали уже давно, и она удалась им без малейшей заминки. Убедившись, что приказ выполнен и все в порядке, герцог покинул дворец, не удостоив арестованных капитанов ни словом, ни взглядом.

Для описания последующих событий мы воспользуемся дневником Буонаккорси. Он подробно излагает содержание писем Макиавелли к Совету десяти, а также сообщения других источников. Часть посольской корреспонденции секретаря затерялась и не дошла до наших дней, но записи Буонаккорси позволяют восстановить недостающие фрагменты всей картины.

Макиавелли находился в свите Валентино и сопровождал его до самого дворца, где — уже без зрителей — разыгрался заключительный акт драмы. Затем секретарь отправился в город, чтобы приискать себе место в какой-нибудь гостинице. От этого мирного занятия его вскоре отвлекли крики и лязг оружия. На улицах появились солдаты герцога — они врывались в дома и вели себя так, словно Сенигаллия была только что взята приступом.

Не понимая, в чем дело, встревоженный секретарь решил вернуться во дворец. На полдороге он увидел Чезаре Борджа — тот мчался в окружении своих телохранителей, но, заметив флорентийца, придержал коня.

«То, что произошло сегодня, задумано давно, — произнес герцог, отвечая на безмолвный вопрос посла. — Я мог бы предупредить о таком исходе еще вашего предшественника, монсиньора Вольтеррского, но не хотел без нужды доверять ему столь важную тайну. А теперь мое время пришло, и я не упустил ни минуты. Думаю, вы согласитесь, что я оказал немалую услугу вашей Синьории».

С этими словами герцог оставил Макиавелли и поскакал в ту сторону, откуда доносился шум.

После ареста кондотьеров Чезаре велел тотчас же разоружить и рассеять их отряды, еще находившиеся в городе, — как уже говорилось, в основном это были люди Оливеротто. Без труда разогнав ошеломленных противников, швейцарские ландскнехты вошли во вкус и принялись грабить население Сенигаллии. Особенно богатую добычу доставил им набег на венецианский квартал. Перепуганные купцы, желая спастись от окончательного разорения и гибели, беспрекословно выплатили грабителям огромный выкуп в двадцать тысяч дукатов. Это распалило аппетиты менее удачливых мародеров, и участь города могла оказаться весьма плачевной, если бы не вмешательство герцога. Его приказ был, как всегда, краток и ясен: воров — на виселицу. Несколько наглядных уроков показали солдатам серьезность намерений командующего, и еще до наступления темноты на улицах Сенигаллии воцарились покой и

порядок. А герцог возвратился во дворец, чтобы начать допрос арестованных капитанов.

Пленники уже не питали иллюзий относительно своего будущего. Достоянее других держался Вителлоццо Вителли, заявивший о единственном желании — примириться с папой и получить от святого отца отпущение грехов. Говорили, что Оливеротто да Фермо пытался заколоться и даже выхватил кинжал у одного из стражей, но в последний миг мужество изменило ему. Пав духом, молодой кондотьер на коленях умолял герцога о пощаде, клялся в верности и сваливал всю вину на Вителли.

Оба капитана, связанные по рукам и ногам, приняли смерть на рассвете. Они были задушены, и ходил слух, будто в роли палача выступил не кто иной, как Мигель да Корелла. Тела казненных похоронили за госпиталем делла Мизерикордия.

Франческо и Паоло Орсини пережили эту ночь, но не вышли на свободу. Чезаре решил отложить их казнь до получения весточки от отца. В Риме еще оставались Джулио Орсини и его дядя кардинал. Узнав о гибели родственников, они могли улизнуть и собрать войска, что никак не входило в планы Борджа. Теперь его святейшеству предстояло выполнить свою часть работы.

На следующий день, первого января 1503 года, герцог направил официальные послания дружественным городам и государям Италии, сообщая о конце мятежа и заслуженной каре, понесенной изменниками. В этой ноте мы встречаем несколько неожиданное объяснение причин, непосредственно побудивших Валентино к столь жестокой расправе с капитанами. Там утверждается, будто «они, под предлогом помощи в завоевании Сенигаллии, стянули к городу все свои войска и укрыли их в ближних крепостях, намереваясь нанести внезапный удар по армии герцога Романьи и Валентино. В сговоре участвовал и комендант Сенигаллии^{*}. Общее нападение должно было произойти в ночь после прибытия его светлости, ибо размеры города не позволяли герцогу ввести туда значительное число солдат».

Такую версию предлагает нам сам Чезаре Борджа — и следует признать, что ей не противоречит ни один из известных фактов. Правда, здесь мы видим явное расхождение

^{*} Андреа Дориа, заявивший, что не сдаст цитадель никому, кроме герцога Валентино. — *Прим. Р. Сабатини.*

с выводами Макиавелли, но секретарь вполне мог и не знать о последнем замысле капитанов. С точки зрения историка, Чезаре не может претендовать на роль беспристрастного свидетеля, однако это еще не дает нам права игнорировать его доводы. На первый взгляд герцог попросту стремился «сохранить лицо» и оправдать собственное коварство, обвинив кондотьеров в несуществующих преступлениях. Но в таком дополнительном поклепе не было никакой необходимости — ведь Чезаре захватил и казнил людей, которые вели с ним войну и не единожды открыто угрожали ему смертью.

А теперь еще раз обратимся к истории Рамиро де Лорки. Как мы помним, проницательный Макиавелли так и не пришел к определенному заключению о причинах казни губернатора Романьи. Секретарь полагал, что ни жестокость Рамиро, ни его махинации с зерном не заставили бы герцога обезглавить своего слугу. Даже официальный манифест, опубликованный в романских городах после казни губернатора, не рассеял сомнений флорентийца.

Какие признания успел сделать дон Рамиро, уже находясь в тюрьме? Была ли связь между его смертью и началом в то же утро наступления на Сенигаллию? Эти вопросы вполне законны, и мы попытаемся ответить на них.

Перед нами письмо Джустиниана, датированное четвертым января 1503 года. Венецианский посол излагал своему правительству содержание очередной беседы с папой. Говоря об аресте капитанов, его святейшество поведал послу о сговоре между Орсини и доном Рамиро. План предусматривал сдачу Чезены и убийство герцога — некий лучник должен был пронзить его стрелой на пути в Сенигаллию. За час до казни, терзаемый угрызениями совести, Рамиро де Лорка рассказал обо всем герцогу, и тот поспешил нанести упреждающий удар по врагам. А вчера, продолжал папа, гонец привез в Ватикан предсмертную исповедь Вителлоццо Вителли, содержащую, среди прочего, и все подробности последнего заговора кондотьеров.

Можно допустить, что откровенность арестованного губернатора была вызвана не раскаянием, а желанием спасти свою жизнь или хотя бы избежать пыток. Можно думать, что герцог намеревался покончить с кондотьерами независимо от их нового замысла. Но в любом случае версия Джустиниана — или, если угодно, версия Борджа — позволяет нам уложить в единую мозаику все документальные факты, касающиеся последнего этапа борьбы между герцогом и капитанами. Приобретает значение даже

такая деталь, как латы, надетые им перед вступлением в Сенигаллию. Чезаре победил благодаря хитрости, отваге и точному расчету, и это был действительно «замечательный обман».

Папа приказал арестовать старого кардинала Орсини и двух епископов, его ближайших друзей,— Джакомо ди Санта-Кроче и Джанбаттиста да Вирджинио. Всех их, без объяснения причин, заточили в один из казематов замка св. Ангела.

Род Орсини пользовался большим уважением в Риме уже много веков, и шестого января священная коллегия обратилась к папе с ходатайством о помиловании опальных прелатов. В ответ Александр рассказал кардиналам все то, что уже было известно Джустиниану.

К началу 1503 года Бык растоптал своих врагов.

Глава 27

НА ВЕРШИНЕ

Андреа Дориа, объявивший, что сдаст Сенигаллию только герцогу Валентино, предпочел не дожидаться прибытия Чезаре. Он исчез в ту же ночь, когда Вителли и Оливеротто простились с жизнью в безжалостных руках палача. Бегство генуэзского капитана могло объясняться различными соображениями, но в любом случае это был весьма предусмотрительный шаг. Судя по всему, у Дориа имелись реальные основания побаиваться личного свидания с герцогом, прекрасно осведомленным о всех планах и переговорах мятежников, в том числе и о тех, которые велись в Сенигаллии.

Утвердившись на берегах Адриатики, Чезаре повернул армию на Читта-ди-Кастелло. Там уже знали о казни Вителлоццо, и дрожащий город покорно открыл ворота перед отрядами облаченных в красно-желтые мундиры солдат. Герцог объявил о присоединении Читта-ди-Кастелло к владениям церкви, привел к присяге городской совет и, не задерживаясь, двинулся на Перуджу, ставшую главным оплотом его противников.

Нынешний предводитель антиборджанской коалиции Джанпаоло Бальони располагал довольно значительными военными силами. К нему присоединились Гуидобальдо да Монтефельтро, Фабио Орсини, сын Паоло, братья Вара-

но и племянник казненного Вителлоццо. Все они командовали собственными отрядами и теперь, собравшись вместе, повели жаркий спор, пытаясь выработать общую стратегию борьбы против ненавистного Валентино.

Джанпаоло произносил громовые речи, чтобы воодушевить соратников, а заодно закрепить свое лидерство. Но в разгар совещаний лазутчики принесли ему пугающую весть — армия герцога приближается, она уже миновала Гуальдо, и через двое-трое суток вражеская кавалерия будет под стенами Перуджи. Видимо, эта новость заставила Бальони взглянуть на ситуацию другими глазами. Он предоставил своим гостям возможность самим улаживать счета с Валентино, поднял войска и со всей возможной скоростью отбыл в Сиену, под защиту Пандольфо Петруччи.

Граждане Перуджи выслали посольство навстречу герцогу и поспешили выразить ему глубокую признательность за избавление от ужасной тирании. Их слова были не только лестью, ибо род Бальони славился жестокостью по всей Италии. Эта фамильная черта проявлялась не только в борьбе со старинными соперниками — кланом Одди, но и в смертельных распрях внутри собственного семейства. История дома Бальони, которую мы находим в «Перуджанской хронике» Матараццо, выглядит сплошной чередой убийств. Резня в годы их правления была самым обычным делом, и «перуджанские улицы уподоблялись жилам — столь естественно и непрерывно струилась по ним человеческая кровь» (Матараццо).

Присоединив Перуджу к церковным владениям, Чезаре назначил городским наместником своего секретаря Агапито Герарди. Другой его подчиненный, Винченцо Кальмета, выехал на восток, чтобы от имени герцога принять бразды правления над Фермо.

Вскоре после занятия Перуджи произошел дипломатический скандал, удивительно напоминающий историю с Доротеей Караччоло. Речь снова шла о похищении знатной венецианки, но на этот раз жертвой оказалась жена знаменитого кондотьера Бартоломео д'Альвиано — прекрасная Пантазилия. Кто-то из офицеров герцога остановил ее кортеж, направлявшийся к Адриатическому побережью. Узнав имя синьоры, офицер объявил Пантазилию пленницей его светлости и препроводил ее вместе с детьми, слугами и служанками в замок Тоди. Бравый вояка усердствовал не по разуму, рассчитывая заслужить похвалу своего господина, — ведь поскольку Венеция враждовала с Чезаре Борджа, знатная госпожа могла явиться цен-

ной заложницей. Каким образом бедная Пантазилия коротала в Тоди свой вынужденный досуг, неизвестно, но по стране мгновенно разнесся слух, будто похищение было организовано по приказу Валентино, пожелавшего добиться любви добродетельной венецианской красавицы. Обсудив положение, Совет десяти направил официальную ноту в Рим, в канцелярию его святейшества.

Папа заявил гонцам, что полностью разделяет негодование Совета и приложит все усилия для немедленного и безоговорочного освобождения пленницы. Он написал сыну, а двадцать девятого января курьер доставил ответ Чезаре Борджа. По словам герцога, он не подозревал о несчастном происшествии с венецианкой и узнал о своем преступлении только из послания святого отца. Он уже принес извинения донне Пантазилии и распорядился предоставить ей свободу; что же касается подозрений в его адрес, то опровергать подобную клевету — ниже достоинства герцога Романьи и Валентино.

В Ассизи герцог принял верительные грамоты у Джакомо Сальвиати, нового флорентийского посла, сменившего Макиавелли, Сальвиати передал его светлости поздравления Синьории по случаю блестящей победы, одержанной в Сенигаллии. Вообще, надо сказать, что «замечательный обман» вызвал целый поток восторженно-льстивых писем — и друзья, и недруги наперебой выражали Чезаре свое восхищение. Давняя приятельница герцога, высокообразованная графиня Изабелла д'Эсте, не ограничилась поздравлениями и прислала ему в подарок сотню карнавальных масок удивительно тонкой работы. Письмо Изабеллы, как всегда, было исполнено юмора и дружелюбия; она надеялась, что «теперь, после стольких опасностей и забот, увенчавших Вашу Светлость новой славой, Вы позволите себе уделить хоть немного времени отдыху и развлечениям». К сожалению, нам уже никогда не узнать, намекала ли графиня на искусное лицедейство Чезаре в борьбе с кондотьерами, преподнося ему именно маски...

Здесь же, на родине самого милосердного из христианских святых*, закончился жизненный путь обоих Орсини. Получив известие об арестах в Риме, герцог со спокойной душой распорядился казнить Франческо и Паоло. Так месяц спустя была завершена кровавая работа, начатая им в Сенигаллии.

* Св. Франциск Ассизский. — Прим. Р. Сабатини.

Вскоре аудиенции у его светлости попросили представители Сиены. В беседе с ними он потребовал низложения и изгнания Пандольфо Петруччи, добавив, что этого желает и король Франции. Петруччи считался «мозгом» заговора кондотьеров — и доказал это, отказавшись приехать на встречу с Чезаре Борджа. Но теперь герцог уже не скрывал, что принял весьма определенное решение относительно тирана Сиены. «Отрубив руки заговора, я хочу наконец добраться и до головы» — так прозвучало напутствие, с которым Чезаре отпустил послов.

На следующий день армия выступила из Ассизи. Герцог не торопился, предпочитая добиться свержения Петруччи силами его же подданных. Но те медлили, и Валентино сообщил горожанам, что будет считать каждого из них своим личным врагом, если Пандольфо Петруччи не покинет Сиену в течение двадцати четырех часов. Эта угроза подействовала. Пандольфо отправился в изгнание, мудро решив не вынуждать соотечественников на крайние меры.

Теперь герцог мог возвращаться в Рим, куда его все более настойчиво звал отец. Нетерпение Александра объяснялось не столько родительскими чувствами, сколько беспокойной политической обстановкой вокруг Вечного города. Расправа над Орсини возмутила многих аристократов, и они поспешно стягивали войска в свои родовые поместья на обоих берегах Тибра. Мятеж мог вспыхнуть с часу на час, а в распоряжении папы не было, кроме ватиканской стражи, ни офицеров, ни солдат. Жофре Борджа, младший брат Чезаре, проводил время в развлечениях и не обладал властью и авторитетом, нужными для наведения порядка в городе.

Поручив командирам вести армию следом за ним, герцог взял с собой небольшую свиту и выехал в Рим. Одно его появление сразу же усмирило недовольных баронов. Но папа не успокоился. По мнению Александра, наступил самый благоприятный момент для окончательного разгрома всех уцелевших до сих пор противников Борджа. Исходя из этой мысли, его святейшество собирался немедленно благословить сына на очередной карательный поход, однако встретил неожиданное сопротивление. Немало знатных семейств Рима пользовались влиянием при французском дворе, а герцог не хотел вновь накалять отношения с королем Людовиком. Кроме того, папе шел уже восьмой десяток, и следовало подумать о недалеком будущем, когда престол св. Петра займет кто-то другой. Новый первосвя-

щенник вполне мог оказаться другом или родственником нынешних врагов Александра VI.

Разумеется, последний довод, при всей его важности, не предназначался для слуха святого отца. Чезаре выдвинул иную, также достаточно вескую, причину в обоснование своего нежелания идти войной на римских баронов. Их предводители — Джан Джордано и уже известный нам граф Сильвио Савелли — принадлежали, как и герцог, к рыцарскому ордену св. Михаила. По законам ордена, ни один из его членов не имел права обнажать меч против кого-либо из собратьев. Впрочем, Чезаре согласился нанести удар по городку Чери, где укрылись Джулио и Джованни Орсини. Это была минимальная жертва, позволявшая избежать нешуточной ссоры с папой.

Двадцать второго февраля в замке св. Ангела умер старый кардинал Джанбаттиста Орсини. За несколько дней до его кончины флорентийский посол Содерини отправил домой очередное донесение, в котором, в частности, говорилось: «...Арестованный кардинал начал высказывать признаки умопомешательства. О причинах его недуга представляю судить достопочтенной Синьории».

Вердикт общественного мнения был однозначен: кардинал пал жертвой «порошка Борджа». Слух об отравлении приобрел такие масштабы, что папа приказал отпевать покойного с открытым лицом, дабы римляне могли убедиться, что черты его не искажены, а на коже нет пятен. Эти приметы считались обязательными признаками смерти от яда. В соответствии с волей его святейшества панихида совершилась при огромном стечении народа, но зловещий слух не прекратился. Достигнутый эффект оказался противоположен желаемому — никто не усомнился в отравлении, но зато все увидели, что «яд Борджа» не оставляет следов.

Через шесть недель, в начале апреля, скончался еще один кардинал — Микель ди Сант-Анджело. Согласно Джустиниану, он болел всего лишь два дня, причем мучился сильной рвотой. Этот намек венецианского посла достаточно прозрачен. А тотчас же после смерти Микеля, продолжает Джустиниан, папа направил в кардинальский дворец служителей и солдат, велел реквизировать в свою пользу все деньги и ценности покойного. «Наследство» составило сто пятьдесят тысяч дукатов, не считая серебряной утвари, драгоценных безделушек и украшений.

Судя по этому письму, посол был уверен как в самом

факте преступления, так и в его корыстных мотивах. Но прежде, чем переходить к разбору обвинений в убийстве, следует коснуться другой стороны дела: насколько противоправными являлись действия Александра, присвоившего себе богатства покойного?

Как и все остальные кардиналы, Микьель не мог иметь законных наследников, вследствие данного им в молодости обета безбрачия. Имущество его было не родовым, а «благоприобретенным» — или, попросту говоря, нажитым за время пребывания в высшей церковной иерархии. Даже допустив полную безгрешность кардинальских доходов, надо признать, что деньги кардинала принадлежали церкви, и действия Александра VI несколько не противоречили каноническому праву.

Через год после описываемых событий, когда папский трон занял Джулиано делла Ровере (Юлий II), в ватиканскую канцелярию поступил анонимный донос. В нем, как гласит запись в дневнике Бурхарда, убийцей Микьеля был назван младший диакон Асквино де Коллоредо, секретарь покойного кардинала (*interfector bone memorie Cardinalis S. Angeli*) *. Подозреваемого взяли под стражу. Его допрос сопровождался пытками, и Асквино сознался, что отравил своего господина по тайному приказу папы Александра и герцога Валентино, причем действовал против собственной воли и не получил никакого вознаграждения. Эти показания уже нельзя отнести к области слухов, но здесь уместно поставить вопрос — заслуживают ли доверия историков слова, вырванные с помощью «спиц» и дыбы? Юлий II не скрывал своей ненависти к Борджа, и Асквино де Коллоредо отлично знал, каких признаний добиваются от него следователи в черных сутанах. Неизвестно, имелись ли какие-нибудь улики против самого Коллоредо, и сегодня, пытаясь оценить достоверность его свидетельства, мы оказываемся в тупике. Там, где в дело вмешивается палач, нелегко отличить правду от вымысла.

По выражению Джустиниана, Александр VI использовал своих кардиналов наподобие губок: сперва давал им разбухнуть, а затем выжимал. Этот образ привился, и позднейшие авторы взяли его на вооружение ⁶⁸. Он всплывает всякий раз, когда речь заходит о разбогатевших прелатах, загубленных двумя отравителями — отцом и сыном Борджа. В целом все выглядит так, как будто против кардина-

* Убийца блаженной памяти кардинала Сант-Анджело (*лат.*).

лов велась настоящая химическая война, и кажется очень странным, что их преосвященства отваживались встречаться с папой и вообще не бежали из Рима, где каждого из них, рано или поздно, постигала участь крысы в подполе. Но никто из историков не удосужился провести количественный анализ столь ужасного мора, обрушившегося на священную коллегию в последнее десятилетие XV века. Между тем несложный арифметический подсчет показывает, что за годы понтификата Александра VI скончался двадцать один кардинал — и это число меньше, чем соответствующий показатель смертности при любом другом папе за такой же промежуток времени.

Вот их имена:

Ардичино делла Порта, умер в 1493 году в Риме;
Джованни де Конти, умер в 1493 году в Риме;
Доменико делла Ровере, умер в 1494 году в Риме;
Гонсалес де Мендоса, умер в 1494 году в Испании;
Луи-Андре д'Эпине, умер в 1495 году во Франции;
Джан Джакомо Склафенати, умер в 1496 году в Риме;
Бернандино ди Лунати, умер в 1497 году в Риме;
Паоло Фрегозо, умер в 1498 году в Риме;
Джанбаттиста Савелли, умер в 1498 году в Риме;
Джованни делла Гроле, умер в 1499 году в Риме;
Джованни Борджа (младший), умер в 1500 году в Фоссомброне;
Бартоломео Мартини, умер в 1500 году в Риме;
Джон Мортон, умер в 1500 году в Англии;
Баттиста Дзено, умер в 1501 году в Риме;
Хуан Лопес, умер в 1501 году в Риме;
Джанбаттиста Феррари, умер в 1502 году в Риме;
Хуртадо де Мендоса, умер в 1502 году в Испании;
Джанбаттиста Орсини, умер 1503 году в Риме;
Джованни Микьель, умер в 1503 году в Риме;
Джованни Борджа (старший), умер в 1503 году в Риме;
Фредерик Казимир, умер в 1503 году в Польше.

По крайней мере в семнадцати случаях смерть вышеуказанных святых мужей не сопровождалась никакими эксцессами и не привлекла ничьего внимания, как свидетельствуют письма, хроники и посольские отчеты. Остаются четверо: Джованни Борджа-младший (кузен Чезаре),

Джанбаттиста Феррари, кардинал Моденский, Джанбаттиста Орсини и Джованни Микьель. Все бесчисленные рассказы об отравителях — Борджа выросли из слухов, сопровождавших гибель этих четырех человек.

Мы уже говорили о явной бессмысленности обвинений, выдвигаемых против Чезаре в связи с кончиной Джованни Борджа, умершего от лихорадки в Фоссомброне. Картина смерти кардинала Микьеля выглядит достаточно спорной. Здесь последнее слово остается за читателем, и каждый может принять ту гипотезу, которая ему больше по вкусу ⁶⁹.

В том, что касается Джанбаттисты Орсини, прямые улики против Александра сводятся к нескольким строчкам враждебных Ватикану послов. Но даже если согласиться с традиционной версией об отравлении, то оно представляло собой вариант казни политического противника.

А как обстоит дело с Джанбаттистой Феррари, кардиналом Модены? О нем известно сравнительно немного. Кардинал сумел накопить огромное богатство... и снискал всеобщее к себе отвращение как на родине, так и в Риме. Приходится предположить, что его преосвященство был не слишком разборчив в средствах. После смерти Феррари Рим наводнили язвительные эпиграммы, ставшие, по выражению Бурхарда, «достойным венцом его бесславной жизни». Некоторые из этих стихов мы находим в дневнике ватиканского церемониймейстера; один из них гласит:

*Hac Janus Baptista jacet Ferrarius urna,
Terra habuit corpus, Bos bona, Styx animam **

Как видно из эпиграммы, папа (Бык) поспешил наложить руку на богатства покойного, и тут можно лишь повторить сказанное по поводу наследства кардинала Микьеля. Но отчего же умер кардинал Феррари? Оказывается, единственное документальное упоминание о яде вновь исходит от венецианского посла. Двадцатого июля 1502 года, сообщая в Сенат о смерти кардинала Модены, он отмечает удивительную, граничащую с неприличием торопливость, с которой папа распределил все должности и бенефиции Феррари. Немалую долю последних получил кардинальский секретарь Себастьяно Пинцоне, что, по мнению Джу-

* В урне этой покоится Джанбаттиста Феррари.

Тело его досталось земле, добро — Быку, а душа — Стиксу (лат.).

Стикс — в греческой и латинской мифологии подземная река в царстве мертвых.

стиниана, являлось «ценою крови» — платой за убийство хозяина. А в предыдущем письме, от одиннадцатого июля; посол обронил многозначительные слова: «Кардинал Модены тяжело болен, и надежды на его выздоровление невелики. Подозревают яд».

Но недуг Джанбаттисты Феррари нашел отражение и в дневнике Бурхарда. Согласно записям церемониймейстера, первые признаки заболевания появились третьего июля. Сам кардинал считал, что у него лихорадка, но упорно отказывался как от кровопускания, так и от любой другой врачебной помощи. Уповал ли он всецело на Божье милосердие или просто не доверял медикам — неизвестно; как бы то ни было, упрямство стоило ему жизни. Феррари скончался двадцатого июля, на семнадцатый день болезни.

Итак, никакого намека на отравление. Однако через два с половиной года, уже при Юлии II, церемониймейстер напишет в дневнике следующее: «На заседании руоты вынесен смертный приговор *in contumaciam* * писцу канцелярии его святейшества Себастьяно Пинцоне. Он лишен всех должностей и объявлен вне закона, как виновный в смерти своего благодетеля и господина, кардинала Моденского».

Таким образом, вина исчезнувшего Пинцоне как будто получила официальное подтверждение. Значит, Джустиниан прав? Это не исключено, хотя в данном случае вердикт руоты едва ли может считаться окончательным доказательством. Он произнесен больше чем через два года, в отсутствие обвиняемого, и мы не знаем, какие улики были представлены высокому трибуналу. Бурхард не комментирует утверждение о том, что «смерть кардинала Моденского лежит на совести Себастьяно Пинцоне», и, судя по всему, не изменил своего первоначального мнения о лихорадке, прервавшей жизнь его преосвященства. Но даже допустив справедливость приговора руоты, следует отметить, что в нем не содержится каких-либо упоминаний о Борджа.

Сходство между судебными процессами Пинцоне и Коллоредо бросается в глаза, и это неудивительно — оба они были начаты по воле одного и того же человека, папы Юлия II, и закончились в соответствии с его желаниями.

Трактовка событий, угодная новому первосвященнику, пережила папу на три с половиной столетия. Так, в работе Якоба Бурхарда «Культура итальянского Возрождения» среди множества выпадов против Чезаре Борджа говорит-

* Заочно (лат.).

ся, что «Микеле де Корелла исполнял при нем обязанности палача, а Себастьяно Пинцоне — тайного отравителя». Едва ли имеет смысл отстаивать память дона Мигеля — за ним действительно водилось немало грехов, и он убивал людей не только в бою. Но вот роль, отведенная Пинцоне, выглядит довольно странной, если учесть, что он никогда не состоял на службе у герцога, а среди записей современников нет вообще никаких упоминаний об их знакомстве. Вымышленная связь между герцогом и кардинальским секретарем оправдывается очевидной целью — взвалить на первого долю ответственности за недоказанное преступление второго.

Даже такой прилежный исследователь, как Грегоровий, не придал значения истории болезни кардинала Модены, изложенной в дневнике церемониймейстера. Он со всей определенностью утверждает, будто кардинал Феррари стал еще одной жертвой Борджа, точнее, их «неотразимого белого порошка».

Более того, оказывается раскрытым даже состав этого легендарного смертоносного препарата. Джовио называет его «кантарелла»; таким образом, мы имеем дело с кантаридином — веществом, хорошо изученным современной медицинской наукой. Но почему именно «кантарелла», а не какой-нибудь другой яд? Возможно, сыграло свою роль красивое и отчасти зловещее звучание самого слова, а также известное афродизическое действие ⁷⁰, производимое малыми дозами кантаридина. Последнее обстоятельство, по мысли Джовио, должно было привлечь к этому яду самое пристальное внимание похотливых Борджа, и особенно Александра VI (Чезаре, в силу своего возраста, едва ли испытывал нужду в искусственных возбуждающих средствах).

Джовио оставил нам описание пресловутой «кантареллы» — и сделал это совершенно напрасно, разом уличив себя во лжи. «Кантарелла, — пишет он, — представляет собою белый порошок, лишенный запаха и имеющий очень слабый и не противный вкус». Между тем кантаридин — масса темно-зеленого цвета, с едким запахом и жгучим вкусом. Сходства, как видим, никакого, но кто будет обращать внимание на подобные мелочи, когда историк преподносит публике столь сенсационную новость — разгадку векового секрета Борджа! ⁷¹

Но вернемся к изложению реальных событий. Выполняя приказ его святейшества, войска герцога двинулись на Чери — последний оплот семейства Орсини. Город сдался

после четырехнедельной осады, с правом свободного выхода для всех защитников. Как рассказывали очевидцы, падение Чери во многом было предопределено использованием хитроумных боевых машин, которые сконструировал Леонардо да Винчи.

В Риме также происходили сражения, но на дипломатическом фронте. Здесь противоборствовали папа и венецианцы. Грабеж в Сенигаллии окончательно разъярил могущественную Республику, и Сенат от имени пострадавших купцов потребовал у святого отца возмещения убытков и гарантий на будущее. Венеция готова была прекратить нейтралитет и начала постепенно перемещать войска к северным границам Романьи. Дож и Сенат давно старались найти повод, который был бы достаточно веским даже в глазах Людовика XII и мог бы оправдать открытие военных действий против Валентино.

Венеция являлась очень серьезным противником, и герцог понимал, что в случае конфликта ему придется рассчитывать на собственные силы, а не на помощь Франции. Он спешно усилил романские гарнизоны и назначил новых наместников, отвечавших за безопасность и оборону всех городов в его владениях. Кристофоро делла Торре принял командование над Имолой, Фаэнцей и Форли; Иеронимо Бонади стал сенешалем Чезены, Римини и Пезаро.

Фано, Сенигаллия, Фоссомброне и Пергола поручались заботам Андреа Косса, а в Урбино выехал дон Педро Рамирес. Ему досталась самая трудная часть работы, поскольку горное княжество было захвачено, но не покорено. Крепости Майоло и Сан-Лео оставались в руках сторонников Гуидобальдо да Монтефельтро.

Рамирес действовал с методичной непреклонностью. Он взял штурмом Майоло, а затем подавил все мелкие очаги сопротивления. Только после этого его отряды обложили Сан-Лео. Осада продолжалась почти полгода, защитники отбили все приступы и выказали чудеса храбрости, но в конце концов оказались на грани голодной смерти. Двадцать восьмого июня 1503 года комендант Латтанцио приказал поднять белый флаг.

Немалое беспокойство доставляла герцогу и возросшая дипломатическая, а отчасти и военная активность Флоренции. Посол Синьории, Франческо де Нарни, уже посетил Болонью, Сиену и Лукку, предлагая от имени своего правительства заключить четырехсторонний оборонительный пакт против Борджа. Эти города находились под покровительством французского короля и если и не были вполне

уверены в собственной безопасности, то по крайней мере могли надеяться, что мысль о Людовике не позволит герцогу обойтись с ними слишком сурово. Впрочем, переговоры вскоре прервались, и до официального союза дело так и не дошло. Все же Флоренция рискнула выделить несколько эскадронов кавалерии на подмогу Пандольфо Петруччи, ибо видеть Сиену под властью сторонника Медичи казалось для Синьории куда меньшим злом, чем соседство со страшным герцогом Романьи. В начале марта 1503 года Пандольфо возвратился в родной город, сопровождаемый флорентийскими наемниками. Подданные не слишком обрадовались его прибытию, но покорились и не протестовали. Возможно, они просто решили дожидаться того дня, когда приближение Валентино опять вынудит Петруччи искать спасения в бегстве.

Летом 1503 года на землях церковного государства воцарился долгожданный мир. Поспевая всюду, герцог старательно налаживал хозяйственную и административную жизнь страны. Он снял угрозу голода, закупив на Сицилии большие партии отборной пшеницы. Корабли с зерном уже разгружались в романских портах. С казнью Рамиро де Лорки жалобы и нарекания на судопроизводство герцога прекратились. Чезаре не посягал на традиционные права и привилегии городов; муниципальные должности по-прежнему оставались выборными. Кроме верховного правителя — сенешаля, — назначался только председатель гражданского трибунала. Согласно обычаю этот пост всегда занимал представитель другого города, не связанный с местными жителями ни родством, ни свойством. Герцог привлекал к себе на службу лучших правоведов Романьи, «мужей, прославленных ученостью, справедливых и одаренных ясным разумом», и щедро оплачивал их труды.

Чезаре вернулся в Рим, но не для того, чтобы почитать на лаврах. Теперь его мысли занимала реорганизация армии, ее перевод на территориальную основу. Он думал о королевской короне — значит, предстояли новые походы, новые сражения, для которых ему потребуются тысячи надежных солдат, более верных и храбрых, чем чужеземные наемники.

Народ Романьи уже успел оценить преимущества управления Чезаре Борджа, и приказ, обязывающий каждую семью в его владениях выставить по одному человеку для герцогской армии, выполнялся быстро и беспрекословно. Это не означало постоянной воинской службы — люди по-прежнему жили под своим кровом, но по первому сигналу

тревоги должны были явиться под знамена Борджа. Таким образом, в течение двух-трех дней герцог мог мобилизовать до семи тысяч солдат.

Мы уже говорили, что при всех многочисленных талантах Чезаре Борджа его истинным призванием оставалась война. Он был прирожденным полководцем. Солдаты чувствовали это и гордились своим непобедимым командиром, гордились его умом, отвагой и властью. Герцог платил хорошее жалованье, но преданность не купить за деньги. Люди шли за ним в огонь и воду, ибо почитали за честь носить свои стальные кирасы и красно-желтые камзолы с вышитой золотом буквой С. *

В то лето, не умолкая, стучали молотки во всех оружейных мастерских Брешии. Ломбардским кузнецам и оружейникам не приходилось жаловаться на нехватку заказов — герцогу требовались сотни мечей и шлемов, копий и панцирей. Сверкающими струями текла в формы расплавленная бронза — литейщики готовили пушки для грядущих штурмов.

Полный новых великих замыслов, Чезаре не подозревал, что он уже достиг вершины своего могущества. Катастрофа, которой предстояло низвергнуть герцога Романьи и Валентино, невидимой тенью нависла над его головой.

* Первая буква имени Cesare (Чезаре).

Книга четвертая

ПАДЕНИЕ БЫКА

Multos timere debet, quem multi timent *

Глава 28

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА VI

Истерзанный Неаполь вновь сделался полем битвы. Маленькое средиземноморское королевство оставалось яблоком раздора двух великих военных держав — Франции и Испании, а итальянские государи, обуреваемые завистью и мелочным честолюбием, думали лишь о том, как бы погреть руки на новой войне, поживившись за счет соседей. Пройдет еще три с половиной столетия, прежде чем итальянцы осознают себя единой страной, и два десятка поколений успеют смениться на земле Апеннинского полуострова.

Дела у французов складывались не блестяще, и обеспокоенный Людовик потребовал, чтобы герцог Валентино, выполняя свои союзнические обязательства, оказал ему военную помощь. Королевское письмо в Ватикан было написано в весьма настойчивом тоне, ибо до Лувра уже донесли слухи о темной истории, связанной с именем некоего Франческо Троке.

Троке, камерарий папы, считался одним из довереннейших слуг семьи Борджа; Виллари аттестовал его как «одного из самых надежных и преданных убийц, когда-либо служивших этой ужасной банде». Никто и никогда не упоминал о конкретных убийствах, в которых был бы замешан Франческо, но сам факт его участия в делах и замыслах Александра VI не вызывает сомнения, да и Чезаре не раз использовал осведомленность и дипломатические таланты тайного секретаря папы. Тем удивительнее для всех стало внезапное бегство Троке и последовавший за ним приказ

* Многих должен бояться тот, кого боятся многие (лат.).

герцога Валентино: всем подданным святого престола вменялось в обязанность задержать беглеца, ибо он совершил тяжкое преступление, «задевающее честь и достоинство французского короля».

Представить, каким образом безродный и безвестный Троке мог оскорбить Людовика XII, было трудновато, и вскоре в Риме начали поговаривать, что исчезновение камерария объясняется совсем иными причинами. Передавали, будто герцог, задумав изменить французам, вступил в тайные переговоры с испанским военачальником. Папскому секретарю отводилась роль посредника и связного, которую он добросовестно исполнял, надеясь в будущем получить за труды кардинальскую шапку. Убедившись, что его имя не входит в список новых кардиналов, Троке воспринял это как тяжкую обиду и бежал, рассчитывая предать своего патрона и удовлетворить если не честолюбие, то хотя бы желание отомстить.

Его дальнейшая судьба в точности неизвестна, но скорее всего бывшему камерарию не удалось окончить дни в покое и довольстве. Кто-то рассказывал, будто Франческо Троке был схвачен на корабле, идущем к Корсике, бросился в море и утонул, пытаясь вплавь добраться до берега; другие уточняли, что этот корабль, снаряженный по приказу и на деньги герцога, вышел в море специально ради означенного прыжка за борт, проделать который Троке помогли слуги Валентино, связавшие пловцу руки и ноги; наконец, третьи утверждали со всей определенностью: не было ни моря, ни корабля, ни утопленника, а был лишь таинственный пленник, привезенный в Рим с капюшоном на голове и в ту же ночь задушенный в замке св. Ангела.

Теперь нам уже едва ли удастся отделить вымысел от правды во всей этой истории. Ни обстоятельства бегства и гибели Троке, ни намерение герцога изменить Людовику XII не получили в дальнейшем никаких доказательств и остались слухами — хотя следует признать, что на этот раз в них не содержалось ничего невероятного. Чезаре Борджа никогда не придавал большого значения клятвам и договорам, соблюдая их лишь в рамках собственной пользы; и нетрудно допустить, что он — наполовину испанец — не стремился обратить оружие против земляков своего отца.

Оба Борджа, старый и молодой, слишком презирали толпу, чтобы как-то подстраиваться к общественному мнению. Видимо, этим объясняется странная и неопределенная

формулировка вины исчезнувшего мессера Франческо. В аристократическом высокомерии герцог не считал нужным позаботиться о создании более выгодной для себя версии событий, и его оплошностью немедленно воспользовались враги — флорентийцы и венецианцы. Обе республики, уже не первый год опасавшиеся удара Быка, не упускали ни одной возможности ослабить союз между Борджа и французами.

Так они поступили и на этот раз, причем не без успеха: отношения между Лувром и Ватиканом как будто дали заметную трещину. Но папа поспешил рассеять подозрения короля. Двадцать восьмого июля он принял французского посла и объявил, что в течение ближайшей недели герцог Валентино выступит к Неаполю во главе пятисот всадников и двух тысяч пехотинцев.

Все приготовления к походу были завершены с обычной быстротой. Последний вечер перед выступлением из Рима Чезаре решил провести вместе с отцом — кардинал Адриано да Корнето просил его святейшество и герцога почтить своим присутствием праздничную трапезу в винограднике, на загородной вилле.

Есть семьи, в чьей истории особенно заметна таинственная и неумолимая воля рока, и к их числу, вне всякого сомнения, принадлежала семья наших героев. Четыре года назад, в такую же теплую ночь, братья Борджа пили вино и мирно беседовали в материнском имении в Субурре. Шелестел ветерок, сквозь ажурный свод виноградных лоз мерцали приветливые, яркие звезды — но еще до рассвета одному из сидевших за столом предстояло испустить дух под кинжалами неведомых убийц. И вот опять Борджа, отец и сын, ужинают под открытым небом, в кругу друзей и приближенных, и опять за столом сидит незримая, незваная гостья — смерть.

Наслаждаясь вечерней прохладой после душного дня, все допоздна засиделись в саду, забыв о тысячелетнем биче Рима — малярийных испарениях окрестных низин. А ведь болезнь уносила сотни людей каждое лето, и около года тому назад ее жертвой стал младший брат Чезаре — кардинал Джованни Борджа...

Через несколько дней, субботним утром двенадцатого августа, папа почувствовал себя нездоровым и даже не смог отслужить мессу. Вечером началась лихорадка. Жар усиливался, и временами Александр впадал в забытие и бредил. После кровопускания, сделанного пятнадцатого числа, состояние больного улучшилось. Несколько карди-

налов, допущенных к папе, старались развлечь его разговорами и даже затеяли игру в карты у самого ложа святого отца. Казалось, недуг уже готов отступить перед прославленным «бычьим здоровьем» Борджа.

Но спустя сутки наступило резкое ухудшение, и врач заявил, что надежды на выздоровление его святейшества больше нет. Епископ Ульмский, неся святыне дары, вошел в опочивальню Александра и затворил дверь. Ему предстояло выслушать исповедь и дать больному последнее помазание. Вечером восемнадцатого августа папа скончался.

Так умер Родриго де Борджа — римский папа Александр VI. История его болезни и смерти, изложенная выше, составлена по записям лечащего врача, материалам из дневника Бурхарда и донесениям послов Венеции и Феррары. Эта картина сильно отличается от общеизвестной легендарной версии, но она достоверна, ибо подтверждена показаниями нескольких независимых свидетелей.

Как упоминает феррарский посол в письме к герцогу Эрколе, датированном четырнадцатым августа, в то лето лихорадка выкосила чуть ли не половину Рима. Не избежали заразы и многие кардиналы, в том числе и Адриано да Корнето. Он заболел почти одновременно со своими гостями, но вскоре поправился.

В дни, когда умирал его отец, Чезаре также оказался прикованным к постели. Болезнь доставляла ему тяжкие муки. Пытаясь унять нестерпимый жар, герцог вскакивал и окунался в ванну с ледяной водой. Подобная терапия, несомненно, убила бы более слабый организм, но Чезаре остался жив, хотя впоследствии у него начала шелушиться и отслаиваться кожа по всему телу.

В дневнике Бурхарда отмечено одно обстоятельство, показавшееся церемониймейстеру очень странным: папа, уже находясь на смертном одре, ни разу не упомянул о своих детях и не выразил желания увидеться с ними. Позднейшие писатели считали такую сдержанность лучшим доказательством дьявольских деяний герцога и его сестры Лукреции; подразумевалось, что даже преступный отец на закате дней «молчаливо отрекся» от запятнанного кровью потомства.

Это мнение трудно признать справедливым. Легче предположить другое — старый человек, готовясь предстать перед лицом Вечного Судии, не мог не думать о своей бурной и несправедливой жизни, о высоком звании, которым он так долго и своевольно пользовался для личных нужд, о долге, которым так часто пренебрегал. Он не

был пастырем верующих, а прошел путь князя и монарха; он многих обидел, и ему было в чем каяться. И очень может быть, что теперь, лежа на смертном одре, он желал отринуть все мирские помыслы и хотя бы в последние часы сосредоточить свой беспокойный ум на Боге, о котором слишком часто забывал при жизни.

Герцог Валентино не уронил ни одной слезы, узнав о смерти отца. Чувствительность вообще была совершенно чужда его натуре, и, насколько известно, он не испытывал сколько-нибудь пылкой привязанности ни к одному человеку на свете. Кроме того, обстановка требовала от Цезаре немедленных действий. Кляня болезнь, отнявшую у него силы в самый ответственный миг, он вызвал верного Микелетто и отдал необходимые приказы. Через полчаса армия поднялась по тревоге.

Солдаты герцога оцепили Ватикан, у всех ворот была расставлена усиленная стража. Отряды наемников входили в Рим, и город затих, придавленный железным кулаком испанского капитана. Весть о кончине папы наполнила сердца горожан тревогой и страхом — затаившись в домах, люди гадали, что предпримет временный владыка Рима.

Явившись к хранителю папской казны, кардиналу Казанове, дон Мигель потребовал у него ключи от сокровищницы. Кардинал заартачился, наивно пытаясь убедить угрюмого головореза в противоправности любых посягательств на церковные деньги, даже со стороны герцога Романы и Валентино. Выслушав кардинальскую отповедь, испанец приставил обнаженный кинжал к горлу его преосвященства и вторично изложил цель своего визита. Осознав бесполезность дальнейшей дискуссии, Казанова сдался, и через несколько минут солдаты поволокли из сокровищницы драгоценную утварь — золотые чаши для причастия, паникадила и дарохранительницы, усыпанные изумрудами и рубинами, ризы и облачения, расшитые жемчугом и бирюзой, серебряные блюда, подсвечники и кропильницы. Стоимость добычи превышала двести тысяч дукатов, не считая ста тысяч в звонкой монете — кожаные мешки с папским золотом, под бдительным надзором Мигеля да Кореллы, вместе с остальным добром отправились во дворец Монте-Джордано.

После сокровищницы наступил черед жилых покоев, откуда вынесли все, представлявшее хоть какую-нибудь ценность, вплоть до постельного белья. Со смертью кардинала Джованни Борджа рухнули надежды передать престол св. Петра по наследству, подобно трону любого свет-

ского государя, и Валентино не собирался делиться семейным достоянием с будущим папой.

Теперь можно было подумать об отдавании последнего долга усопшему. Рассказы об обстоятельствах кончины Александра VI, один другого страшнее и неправдоподобнее, уже ходили по Риму, обрастая новыми деталями и подробностями. В предсмертном бреду папа произнес слова, нередко срывающиеся с губ умирающих: «...Я иду, иду... Подожди... Погоди хоть немного...» — и вот уже благочестивые кумушки, побелев от ужаса, шептали соседкам, что в последние минуты жизни святой отец обращался к дьяволу. Сатана, купивший душу кардинала Родриго де Борджа ценной одиннадцатилетнего понтификата, явился за своей собственностью, и папа тщетно старался вымолить отсрочку у князя тьмы. Другие добавляли, что дьявол возник в спальне Борджа в образе отвратительной обезьяны. Говорили, будто один из кардиналов сумел изловить богопротивную тварь, не подозревая о ее сверхъестественной природе, но папа, увидев непрошеного гостя схваченным, прохрипел: «Отпусти, отпусти его! Ты что, не видишь — это же Он!» Надо заметить, что и многие образованные люди относились к такой жуткой сказке со всей серьезностью: мы находим ее в хронике Сануто и в письме герцога Мантуанского.

Похороны Александра VI стали, с начала и до конца, апофеозом позора и вместе с тем — обвинительным актом той легкомысленной и жестокой эпохе, когда презрение к человеческой жизни шло рука об руку с неуважением к праху и памяти умерших.

Отпевание должно было происходить в соборе св. Петра. Тело папы, в полном архиерейском облачении, покоилось на открытом катафалке перед дверями храма, чтобы римляне могли проститься с первосвященником, который — худо или хорошо — в течение долгих лет держал бразды правления Вечным городом и мировой церковью. Слившись воедино, хор и орган вознесли к древним каменным сводам скорбные звуки «*Libera me, Domine*»^{*}. Но траурную церемонию внезапно прервали злобные выкрики, ругань и лязг оружия — на площади вспыхнула ссора между солдатами герцога, находившимися здесь для охраны порядка. Возникнув по неизвестной причине, она быстро превратилась в настоящее сражение, в которое втягивались все новые участники.

* «Спаси меня, Господи» (лат.) — заупокойная католическая молитва.

Перепуганные клирики и певчие кинулись врассыпную, и собор опустел. Брошенное в суматохе тело папы еще сутки оставалось на прежнем месте, и никто не отваживался даже приблизиться к катафалку.

Лишь на следующий день бранные останки Александра VI были перенесены в часовню Девы Марии — Целищенницы лихорадки. Полнокровие и тучность покойного вкупе с римской жарой уже сделали свое дело, и началось разложение. Носильщики изошрялись в остроумии, потешаясь над обезображенным трупом человека, поцеловать туфлю которого они сочли бы за великую честь всего три дня назад.

Когда стемнело, плотники привезли в часовню гроб. Здесь разыгрался последний акт трагического фарса — оказалось, что распухшее тело не влезает в свой последний тесный приют. Гроб был не только узок, но и короток; чтобы поместить в нем покойного, пришлось снять с его головы митру первосвященника, заменив ее куском старого ковра. Паника, царившая в городе, заставила людей утратить последние остатки человечности и стыда. Ни кардиналы, ни епископы, никто из духовных лиц не пришел прочитать молитву и проводить в последний путь Родриго де Борджа. В темноте, не зажигая свечей, рабочие встиснули тело папы в гроб и, заколов крышку, поспешно предали его земле.

Тревожная ночь опустилась на Рим. Двери домов и дворцов были крепко заперты, и тишину нарушали лишь мерные тяжелые шаги солдат — ландскнехты герцога патрулировали город.

Новый страшный слух, подобно степному пожару, уже успел бежать римлян. Передавали, будто смерть папы не была естественной — Александр VI умер от яда; этимто и объясняется быстрое разложение и обезображенность трупа. Но все же мысль о Борджа в роли жертвы преступления казалась слишком парадоксальной, чтобы в неизменном виде укорениться в народной молве. Возникали предположения, строились догадки; вспомнился среди прочего и ужин у Андриано да Корнето (кардинал все еще не оправился от болезни). Так постепенно сложился сюжет умопомрачительной драмы, вполне удовлетворявшей вкусам общества. Предполагалась следующая цепь событий.

Действие первое. Желая завладеть богатствами кардинала да Корнето, папа решает спровадить его преосвященство на тот свет, применив свое излюбленное средство —

знаменитый белый порошок, яд Борджа. По поручению отца герцог Валентино подкупает одного из слуг на вилле Корнето — тот должен всыпать отраву в кувшин с вином и своевременно наполнить им кубок кардинала.

Действие второе. Слуга, приготовивший смертоносное питье, отнеся к порученному делу с чисто итальянской беспечностью — он ставит кувшин на стол и куда-то уходит, нимало не интересуясь дальнейшим. Тем временем начинают съезжаться гости.

Действие третье. Папа тучен, после знойного дня его мучает жажда. Он просит вина, и ничего не подозревающий кравчий наливает ему из кувшина с ядом. В этот момент входит герцог. Не зная, какое вино отравлено, он, конечно, предпочитает пить то же, что и отец; как ни странно, роковой кувшин не имеет примет, известных самим злодеям. Таким образом, судьба сталкивает обоих Борджа в яму, вырытую ими для кардинала Корнето.

Эту занимательную историю предлагают читателям Гвиччардини, Джовио и целый ряд других летописцев. Следует заметить, что и здесь наибольшую осведомленность о тайных кознях Борджа проявляют, как всегда, именно те авторы, которые не были — и не могли быть — знакомы ни с одним непосредственным участником событий. Мы снова видим в этом ряду венецианца Паоло Капелло, одарившего мир столь красочным и подробным описанием обстоятельств смерти герцога Гандийского и Альфонсо Арагонского. Не остался в стороне и Пьетро Мартире д'Ангьера. Он по-прежнему не покидал Испании, но «не имел и тени сомнения» в истинных причинах всех римских коллизий, связанных с кончиной Александра VI. В письме д'Ангьеры, датированном десятым ноября 1503 года, содержится первое законченное изложение версии самоотравления.

Д'Ангьера не обошел вниманием и болезнь Цезаре. Приходится допустить, что он, сидя в Бургосе, с поразительной отчетливостью видел все происходящее в герцогских покоях в Риме. Ведро с ледяной водой, облегчавшее лихорадочный жар больного, претерпело под бойким пером истинно волшебную метаморфозу — оно превратилось в мула со вспоротым брюхом. По словам донна Пьетро, герцог, в соответствии со своими зверскими наклонностями, искал исцеления в кровавой ванне — утробе свежеебитого животного.

Однако такое скучное, бесполое существо, как мул,

плохо сочеталось с образом свирепого воителя, и народная фантазия быстро переделала смирную подседельную скотину в молодого быка. Этот вариант выглядел тем естественнее, что приводил на ум сразу две яркие параллели: родовой герб Борджа и подвиги Цезаре на цирковой арене. А венцом исторической клеветы стало творение некоего французского писателя. Широкими, сочными мазками, с чисто галльским воодушевлением он набрасывает картину, по сравнению с которой кажутся детской забавой даже черные мессы аббата Гибура: Цезаре Борджа набирается сил, погрузившись по шею в дымящееся бычье чрево. Предоставим же слово этому плодовитому автору:

«Cet homme de meurtres et d'inceste, incarné dans l'animal des hécatombes et des bestialités antiques en évoque les monstrueuses images. Je crois entendre le taureau de Phalaris et le taureau de Pasiphæ répondre de loin par d'effrayants mugissements, aux cris humains de ce bucentaure» *

Так — уже посмертно — писалась история болезни герцога Валентино. Семенам лжи, посеянным врагами еще при жизни Борджа, предстояло плодоносить не одну сотню лет.

Глава 29

ПИЙ III

Будучи прикованным к постели, Цезаре Борджа страдал не только от лихорадки. Мысль о собственном бессилии жгла и иссушала его не меньше, чем бурлившая в крови болезнь. Наверное, в те дни он впервые почувствовал, что ни богатство и хитрость, ни ум и отвага не помогут тому, от кого отвернулась судьба. Впоследствии, беседуя с Макиавелли, герцог признался, что давно уже разработал план действий на случай смерти отца — план, в котором учел и предусмотрел всех и все, кроме одного обстоятельства: собственной болезни. Почва ушла у него из-под ног в тот самый момент, когда требовалось

* «Этот убийца и кровосмеситель, воплощенный в животном, предназначенном для боен, воскрешает в памяти чудовищные образы древних античных зверств. Мне слышится, как бык Фалариса и бык Пасифаи ужасным ревом вторят из глубины веков голосу этого человекозверя...» (фр.) ⁷².

максимальное напряжение и душевных, и физических сил, чтобы в изменившейся обстановке сохранить свое прежнее положение.

Изменилось и отношение союзников. Венеция и Флоренция вполне отдавали себе отчет в том, что поддержка Франции в действительности касается лишь церковного государства и его главы, но не герцога Валентино. Обе республики предоставили деньги и солдат Гуидобальдо да Монтефельтро, и уже двадцать четвертого августа он водрузил свое знамя в Сан-Лео. Рамирес, оборонявший город, отступил к Чезене, а не успевшие скрыться сторонники Борджа в Урбино один за другим шли на виселицы и на плахи. Опираясь на отряды флорентийских наемников, Якопо д'Аппиано отвоевал Пьомбино, в то время как Джанпаоло Бальони, без боя вытеснив войска герцога из Маджоне, уже двигался к Камерино. Вителли возвратились в свое родовое гнездо — Читта-ди-Кастелло. Заняв город, они протащили по улицам позолоченного бычка — это символизировало изгнание Борджа. К концу августа окончание владычества герцога над Романьей стало очевидным. А Рим бурлил, и в любой день мог начаться стихийный штурм ватиканских стен.

Но тяжело больной, преданный союзниками, всеми ненавидимый герцог не собирался сдаваться. Воин до мозга костей, Чезаре мечтал не о покое, а о продолжении борьбы.

В эти дни по совету своего друга и секретаря Агапито Герарди он нашел новый стратегический ход: союз с могущественным семейством Колонна, давнишним соперником Орсини, оспаривавших его права на верховную роль в делах Вечного города. Агапито, в жилах которого текла кровь Колонна, ручался за успех. В глубокой тайне он начал переговоры.

Вековая вражда с Орсини пересилила ненависть к Борджа. Несмотря на отпадение Романьи, Просперо Колонна решил сделать ставку на герцога Валентино и прибыл в Рим, чтобы скрепить договор традиционным способом — помолвкой маленького Родриго, сына Лукреции, с одной из своих племянниц. По счастливому совпадению в тот же день коллегия кардиналов постановила сохранить за Чезаре Борджа звание главнокомандующего войсками Святого престола.

Теперь забеспокоилась Франция. Отряды Колонна сражались под знаменами капитана Гонсало, и французский посол запросил герцога о его дальнейших намерениях. Это было именно то, чего добивался Чезаре — одним ходом он

снял угрозу нападения Орсини и вновь заставил считаться с собой христианнейшего короля. Заверив посла в том, что союз с Колонна не означает объединения папских войск с испанской армией, герцог выразил готовность по-прежнему выступать на стороне Людовика XII, но, конечно, на условиях взаимной поддержки.

Вскоре благодаря деятельному посредничеству кардинала Сан-Северино был подписан новый договор, согласно которому Франция подтвердила все права герцога Валентино и гарантировала защиту его владений. Первого сентября из Рима выехали три гонца с копиями этого документа, предназначенными для Флоренции, Венеции и Болоньи. Подпись короля обезопасила Чезаре от козней северных врагов и развязала ему руки для борьбы в центральной части страны.

Но, увы, эти руки, еще недавно способные сломать подкову и одним ударом отрубить голову быку, теперь с трудом доносили до пересохших губ бокал холодной воды. Конклав кардиналов, собравшийся для выборов нового папы, потребовал, чтобы все вооруженные формирования покинули Рим. Герцог подчинился воле священной коллегии, но не решился остаться в городе без охраны и выехал за своими войсками. Французский посол и кардинал Сан-Северино сопровождали его до городских ворот. Обоих поразили перемены, произошедшие с Чезаре, — они казались еще заметнее при ярком солнечном свете. В носилках, медленно удалявшихся на плечах солдат по пыльной дороге, полулежал худой, угрюмый, измученный человек. Болезнь оставила ему одну только жизнь, отняв молодость, красоту и его прославленную силу.

Первую остановку сделали в Непи, где герцог встретился со своим бесталанным младшим братом Жофре. Супруга Жофре, прекрасная монна Санча, уже отправилась в Неаполь под защитой Просперо Колонны. Она пустилась в это путешествие с несказанной радостью, ибо всего лишь тремя днями раньше изнывала, мучимая страхом и тоской, за стенами замка св. Ангела, — Александр, выведенный из терпения любовными похождениями невестки, приказал заточить ее туда незадолго до своей смерти.

Неизбежность новой войны была очевидна. Известие о том, что папский престол свободен, разом прибодрило всех противников герцога. И хотя обновленный договор между Чезаре и Людовиком XII оказывал некоторое сдерживающее действие на самых опасных врагов — богатые

республики Венецию и Флоренцию, — сам по себе он не мог обеспечить сохранение status quo*.

Бартоломео д'Альвиано не стал дожидаться официального приказа своего правительства и по собственному почину двинул войска в Романью. В Равенне его с нетерпением дожидался Пандольфаччо Малатеста — он хотел вернуться на отцовский престол, но понимал, что это вряд ли удастся без посторонней помощи. Первая попытка оказалась безрезультатной: жители Римини слишком хорошо помнили своего бывшего владельца. Они заперли городские ворота и поднялись на стены, полные решимости не допустить восстановления тирании. Бартоломео, располагавший в то время лишь легкой кавалерией, был вынужден отступить — осада города была ему не по силам.

Узнав об этой неудаче, Венеция выслала подкрепления и одновременно отреклась от своего кондотьера, объявив, что он действует самовольно, на собственный страх и риск. Это был дипломатический жест в сторону Франции, никого не обманувший и в практической политике ничего не изменивший. Малатеста торжествовал: при виде армии с осадными орудиями его город сдался без боя.

Теперь судьба наконец улыбнулась и Джованни Сфорца. Меч венецианского кондотьера проложил ему путь на родину, и третьего сентября Джованни снова обрел власть над Пезаро.

Отсюда Бартоломео повернул на Чезену. Но Романья все еще хранила верность герцогу Валентино — в сражении десятого сентября венецианцы были опрокинуты и обращены в бегство.

Шестнадцатого сентября правители Римини, Пезаро, Кастелло, Камерино, Урбино и Сенигаллии собрались в Перудже и заключили военный союз, передав верховное командование двум кондотьерам — Бартоломео д'Альвиано и Джанпаоло Бальони. Они надеялись склонить к участию в лиге и Флоренцию, но та отказалась, опасаясь французского короля. И в этот же день в Риме затворились двери Сикстинской капеллы — священная коллегия приступила к избранию нового папы. Положение в стране налагало на кардиналов особую ответственность, и весь конклав усердно молил Господа вразумить их и ниспослать мудрость для правильного решения. Божественное вдохновение казалось тем более необходимым, что борьбу за апо-

* Существующее положение (лат.).

стольский престол готовились вести три группировки — венецианская, французская и испанская. Первая из них поддерживала Джулиано делла Ровере; ставленником Франции был кардинал д'Амбуаз (король даже направил конклаву собственноручное послание, настойчиво прося оказать предпочтение его другу); испанцы же агитировали в пользу преосвященного Карвахала. Кроме того, солидные шансы на избрание имелись у богатого и влиятельного Асканио Сфорца, который вернулся в Рим после четырехлетнего изгнания. Бывший вице-канцлер сохранил в священной коллегии много друзей, считавших — возможно, справедливо, — что он нисколько не хуже любого другого кандидата.

Как и следовало ожидать, такое количество кандидатов завело конклав в тупик: ни одна партия не смогла набрать требуемого большинства голосов. Проведя три дня в ожесточенных и бесплодных спорах, святые отцы приняли компромиссное решение, избрав самого дряхлого из всех присутствующих — сиенского кардинала Франческо Пикколомини.

Новому папе, принявшему имя Пия III, исполнилось семьдесят лет. Преклонный возраст и неизлечимая болезнь — рак — не оставляли сомнения в том, что его понтификат будет непродолжительным. Никто не возлагал на него никаких надежд, и его пребывание на троне св. Петра рассматривалось всеми лишь как продление закулисной борьбы партий.

Но старческая немощь не лишила Пия III способности к самостоятельным суждениям и поступкам. В частности, он, ко всеобщему изумлению, высказал явную привязанность к Чезаре Борджа. Утвердив герцога во всех назначениях, сделанных при Александре VI, он вызвал венецианского посла и выразил ему резкое неудовольствие по поводу событий в Романье. Затем последовала специальная нота к участникам перуджанской лиги: под страхом своей немилости папа потребовал, чтобы они прекратили военные действия и впредь были покорны Святейшему престолу. Дипломатические усилия Пия III поддержал и Людовик XII — король отказал венецианцам в какой-либо помощи французских войск, расквартированных в Италии. Впрочем, ни папский гнев, ни позиция Франции не произвели на союзников особо сильного впечатления. Они уже располагали немалыми силами и твердо решили сражаться до полной и окончательной победы.

Их главный враг, знаменосец церкви герцог Валентино,

возвратился в Рим в начале октября. Малярия по-прежнему не отпускала Цезаре, и он не мог, как бы того ни желал, кинуться в бой, тем более лично руководить войсками. Между тем его положение, несмотря на благосклонность папы и формальную поддержку Франции, оставалось критическим: армия таяла, как снег на солнце.

Лучшую, наиболее боеспособную часть своих солдат Цезаре вынужден был отправить на подмогу французам — им грозило окружение под Гарильяно. Еще раньше ушли испанцы — Гонсало де Кордоба объявил, что будет считать изменником всякого подданного испанской короны, который сражается под чужими знаменами. Гарнизон, оставленный в Орвието, держался из последних сил, испытывая двойной натиск — отрядов Орсини с одной стороны и Бальони — с другой. Невзирая на разрозненность и нехватку сил, офицеры герцога не теряли мужества, радуя своего большого вождя известиями о новых победах. Диониджи ди Нальди с шестью сотнями пехотинцев и двумястами всадниками, совершив стремительный марш на Римини, взял город меньше чем через сутки. На этот раз Пандольфо Малатеста не пытался продать свой трон. Проявив завидное проворство, он избежал плена и сумел в последний момент ускакать в Пезаро к Джованни Сфорца.

Героем другой славной битвы стал Рамирес, оборонявший Чезену. Союзники осадили столицу герцога Валентино и захватили городские предместья, где разрушили до основания все постройки и водопровод в надежде, что жажда быстро вынудит защитников к сдаче. Результат действительно не заставил себя долго ждать: Рамирес сделал внезапную вылазку, опрокинул врагов и гнал их до самой крепости Монтебелло. Ворвавшись в крепость на плечах отступающего неприятеля, он наголову разбил венецианцев — они потеряли в бою до трехсот человек убитыми. При всей своей незначительности это сражение явило собой очень редкий в истории войн пример, когда осажденные и осаждающие в течение двадцати четырех часов поменялись ролями.

Военные успехи сподвижников герцога не поколебали решимости венецианского правительства. Десятого октября кавалерия д'Альвиано вошла в Рим. На совещании у посла республики кондотьер заявил, что пресечет зло в самом его источнике и покончит с Борджа, чего бы это ни стоило. К нему присоединились Орсини — их неорганизованные, но многочисленные отряды, разбросанные по всему городу, ждали лишь сигнала, чтобы двинуться на Ватикан.

Шпионы вовремя сообщили Чезаре о нависшей над ним угрозе. Опасность была столь велика, что выбирать не приходилось. Тайно, по подземному ходу, герцог и его приближенные перешли в занятый верным гарнизоном замок св. Ангела. Переведя крепость на осадное положение, Чезаре разослал гонцов к своим капитанам, приказав поднимать войска и спешить к Риму. Он надеялся стянуть в единственный кулак все наличные силы, запретить врагов в Вечном городе и разгромить их.

Но на этот раз Риму не пришлось стать ареной сражений: назревавшую грозу предотвратила смерть папы. Престарелый Пий III скорпостижно скончался, пробыв на апостолическом престоле всего двадцать шесть дней. Снова наступило тревожное затишье — противники выжидали, чтобы согласовать свои действия с политикой нового папы. Ходили слухи, будто герцог, измотанный болезнью и бесконечной войной, собирается покинуть Италию и навсегда перебраться в Валанс, свое заальпийское владение, пожалованное королем Людовиком. Впрочем, более вероятно, что те, кто передавал этот слух, принимали желаемое за действительное. Воспитание, вкусы, честолюбивые надежды — все это, не говоря уже о землях и дворцах, привязывало Чезаре к Италии. Он не считал игру проигранной и не желал добровольно становиться изгнанником, пусть даже в герцогской короне. Макиавелли, информированный лучше других, сделал в те дни следующую запись: «Герцог по-прежнему пребывает в замке св. Ангела и, видимо, совершит в будущем еще не одно великое дело, ибо обладает возможностью добиться избрания папы, отвечающего его планам и устремлениям». И флорентийский секретарь имел основания для такого вывода — золото Борджа вполне могло стать путеводной звездой для большинства кардиналов.

Глава 30

ЮЛИЙ II

Прогноз многоопытного флорентийца не оправдался: священная коллегия остановила выбор на человеке, от которого можно было ожидать чего угодно, кроме дружеских чувств к герцогу. Новым наместником Христа стал

кардинал ди Сан-Пьетро ин-Винколи, наш старый знакомый Джулиано делла Ровере. Он взошел на Святейший престол первого ноября 1503 года, приняв имя Юлия II.

Племянник Сикста IV, схожий многими чертами характера со своим неистовым родичем, Юлий принял понтификат, горя желанием очистить церковь от властвовавшей над ней одиннадцать долгих лет скверны. Впоследствии он запретил симонию и без колебаний отрешал от должности тех епископов, чье корыстолюбие выходило за рамки приличия и слишком уж бросалось в глаза. Твердый и крутой нрав этого папы казался многим — и тогда, и веками позже — свидетельством высоких личных принципов, вдохновлявших деятельность святого отца. Но Юлий II вовсе не был светочем добродетели; им руководило не апостольское рвение, а обычное, вполне земное властолюбие гордого, упрямого и решительного человека. Что же касается принципов... Нам известно только одно неизменное убеждение Юлия II — это стойкая ненависть ко всему, связанному с именем Борджа.

Почему же Чезаре, еще обладавший в момент смерти Пия III огромными богатствами, влиянием и связями в священной коллегии и, наконец, военной силой, все-таки допустил делла Ровере к ватиканскому трону? Здесь опять нам на помощь приходит Бурхард. Накануне конклава, двадцать девятого октября, церемониймейстер внес в свой дневник очередную запись, которая гласит: «Сегодня в Латеранском дворце состоялась тайная встреча кардинала ди Сан-Пьетро с герцогом Валентино и испанскими кардиналами. По заключенному между ними соглашению герцог обеспечит кардиналу ди Сан-Пьетро победу на предстоящих выборах папы. В благодарность за это кардинал дал обещание, заняв Святой престол, утвердить власть герцога над Романьей и сохранить за ним звание и пост главнокомандующего войсками церкви».

Итак, ларчик открывается просто. История подшутила над кардиналом делла Ровере, сохранив документ, уличающий его в симонии — том самом грехе, в котором он когда-то столь долго и яростно обвинял Александра. Голоса испанских кардиналов — ставленников и вассалов Борджа — сами по себе не могли возвести Джулиано на папский трон, но без них ему не удалось бы заручиться поддержкой абсолютного большинства священной коллегии.

Не столь уж неожиданным поступком со стороны кардинала была и сделка с герцогом Валентино. Вспомним, что последние три года делла Ровере старательно и не без

успеха исполнял роль верного слуги и помощника Борджа. Много воды утекло с тех пор, как кардинал требовал смещения «ложного папы» и призывал к походу против узурпатора Святого престола чуть ли не всех государей Южной Европы. Старый испанский Бык оказался сильнее и хитрее, чем гордый римский патриций. Но, как и положено быку, победитель не жаждал крови побежденного. Папа охотно простил кардиналу бывшие прегрешения, и делла Ровере возвратился в Рим, где уже не пытался интриговать против святого отца, поняв, что союз сулит ему куда больше выгод, чем оппозиция. Однако в отличие от Родриго де Борджа он не мог позволить себе роскошь забыть прежнюю вражду.

Конечно, Юлий II обладал и определенными человеческими достоинствами — в частности, он был менее корыстолюбив, чем его предшественник. И хотя церковь при нем стала воинствующей в прямом смысле слова, этот папа не заслужил упрека в кровожадности. Но доминирующей чертой его характера была суровая власть генерала, который ведет свою армию в бой и не терпит никаких пререканий.

В тот день, когда герцог заключил достопамятный договор в Латеранском дворце, он обрек себя на неминуемое поражение. На что надеялся Чезаре Борджа? Трудно допустить, что он наивно верил в искреннее дружелюбие нового папы — несмотря на молодость, герцог хорошо знал людей. Возможно, он просто переоценил собственную значимость в глазах Юлия II. Ни военные, ни организаторские способности Чезаре не интересовали папу — он ждал верховной власти двенадцать лет и теперь намеревался сам заниматься всеми делами церковного государства. Постоянная покорность воле святого отца — вот качество, которое в первую очередь требовалось от приближенных. А герцог Валентино, разумеется, никак не мог похвалиться такой добродетелью, и все это прекрасно знали.

Другим немаловажным обстоятельством, дававшим Чезаре надежду сохранить пост главнокомандующего, было отсутствие у папы взрослых наследников по мужской линии. Рафаэле делла Ровере, последний из сыновей кардинала Джулиано, скончался за год до отцовской интронизации, а дочь («племянница») Фелиция не могла претендовать ни на должности, ни на титулы.

В первые недели нового понтификата согласие между папой и знаменосцем церкви, казалось, не омрачалось ничем. Юлий даже направил несколько посланий городам

Романьи, призывая их хранить верность законному господину — герцогу Валентино. Но на политической арене уже произошли существенные изменения — Венеция, отбросив маску формального нейтралитета, захватила Римини. Малатеста снова получил власть над городом, но уже в качестве наместника, а не государя; впрочем, это не мешало ему с прежней изобретательностью выжимать деньги из своих подданных.

Флоренция, сильно встревоженная ростом венецианского могущества в непосредственной близости от тосканских границ, обратилась с жалобой к его святейшеству. В Рим прибыл Макиавелли — ему поручалось убедить папу и герцога в необходимости обуздать аппетиты купеческой республики, будь то военным или дипломатическим путем.

Беседа между флорентийским секретарем и Чезаре Борджа протекала в дружественной тональности — оба они были чересчур умны, чтобы лишиться удовольствия от тонкой политической игры, где каждый старался перехитрить другого. Герцог заверил Макиавелли, что ему хватило бы и сотни солдат для освобождения Романьи, но вместе с тем выразил резкое недовольство позицией Синьории, чья практическая помощь пока ограничивалась лишь обещаниями и заявлениями — правда, весьма обильными и красноречивыми.

После переговоров с Макиавелли Чезаре пригласил к себе венецианского посла, но получил вежливый отказ — Джустиниан, ссылаясь на нездоровье, просил передать герцогу его извинения. Только самонадеянность помешала Чезаре задуматься над поведением венецианца, который, конечно, не стал бы уклоняться от встречи, если бы не сомневался в прочности положения папского главнокомандующего. В письме своему правительству Джустиниан указал, что его визит к Валентино мог бы произвести в Риме впечатление, благоприятное для герцога, но не для Республики.

В это время пришло известие о провале предпринятого венецианцами штурма Имолы — гарнизон и жители отразили нападение. Теперь Чезаре влекло в бой не только уязвленное самолюбие, но и более благородное чувство — долг государя, который не имеет права покидать в беде свой народ.

Папа и кардинал д'Амбуаз снабдили его письмами к флорентийскому Совету восьми — армии предстояло пройти через земли Тосканы, на что требовалось официальное разрешение Синьории. Юлий II, не ограничившись

рамками дипломатического этикета, упоминал при этом о «личной, особо ценимой услуге, каковой Мы будем почитать содействие, оказанное герцогу Романьи, снискавшему Нашу отеческую любовь как своими достоинствами, так и ведомыми всем многочисленными и славными подвигами».

Юлий II вошел в историю папства как образец честности и прямодушия. В этой связи интересно отметить, что в тот самый день, когда он столь красочно выражал свою апостолическую благосклонность к герцогу Романьи, состоялась доверительная беседа святого отца с венецианским послом. Папа изъясил полное понимание действий Венеции, вставшей с оружием в руках на пути алчного хищника Борджа; вырвать добычу из его когтей — воистину богоугодное, правое дело. Впрочем, немного позже, оправдывая свою репутацию поборника искренности и прямоты, папа заметил, что взглянет на дело совсем иначе, если Венеция вступит в спор за те же территории уже со Святым престолом. Как видим, у Юлия имелись свои, вполне определенные взгляды на будущее Романьи. Подробное изложение этого разговора мы находим в очередном посольском донесении Джустиниана.

К середине ноября Чезаре завершил комплектование армии. Единственным препятствием к немедленному выступлению оказалась двусмысленная позиция Флоренции. Синьория продолжала тянуть время, надеясь добиться изгнания венецианцев, но избежать прохода солдат Валентино через Тоскану. Сгорая от нетерпения, герцог решил изменить маршрут и обратился к святому отцу с просьбой предоставить ему пять больших галеонов для перевозки войск, чтобы, добравшись до Генуи, вторгнуться в Романью с северо-запада, миновав Феррару.

Макиавелли бомбардировал письмами флорентийский Совет, убеждая как можно скорее выслать в Рим требуемое разрешение. Он уверял, что в противном случае герцог все равно появится на тосканской земле, но уже в качестве врага, а не союзника, пусть даже и не слишком надежного. Однако все усилия секретаря оставались тщетными — Флоренция хранила молчание. Возможно, Синьория вела двойную игру с собственным послом, не сомневаясь в скором падении Валентино и желая на самом деле только одного: отсрочить день выступления, чтобы гнев папы обрушился на голову герцога прежде, чем его отряды пересекут границы республики.

Девятнадцатого ноября Чезаре выехал в Остию, где началась погрузка на корабли. В тот же день, не жалея лоша-

дей, гонцы повезли на север новые послания папы. Их смысл и тональность разительно отличались от прежнего и не оставляли сомнений в истинных намерениях святого отца. Объявив Чезаре Борджа узурпатором, незаконно получившим верховную власть от своего преступного отца, Юлий II освобождал города Романьи от присяги, данной ими герцогу. Отныне все они переходили под протекторат церкви.

Галеоны еще стояли в гавани, когда в Рим долетела весть об успешном штурме Фаэнцы. Это была немаловажная победа венецианцев, а папа считал возможным прекратить двойную игру. Двадцать второго ноября курьер доставил в Остию приказ герцогу Валентино: святой отец повелевал ему возратить Форли и прочие романские области законному сюзерену — престолу св. Петра. Папским наместником в Романье назначался Джованни Сакки, епископ Рагузский.

Чезаре отказался подписать отречение, и адмирал эскадры объявил его пленником. Под усиленной охраной, в условиях строгой тайны, герцога перевезли на берег и отправили в Рим.

Папа, видимо, еще не принял определенного решения о судьбе сына и наследника своего врага. Герцог по-прежнему жил во дворце, а не в каземате замка св. Ангела, мог общаться с друзьями и приближенными. Формально он все еще носил звание знаменосца церкви, но его свобода замыкалась кольцом ватиканских стен. Юлий знал, что города Романьи предпочитают герцога Валентино любому другому правителю, возведенному на трон волей первосвященника или венецианским оружием, и принял все меры для надежной изоляции пленника.

В первые дни Чезаре продолжал верить в свою счастливую звезду и упорно отвергал предложения о капитуляции — папа, не желая омрачать войной начало нового понтификата, хотел добиться добровольной сдачи крепостей, сохранивших верность Борджа. А Чезаре не терял надежды на храбрость своих командиров — не терял до тех пор, пока не получил известие об окончательном поражении: Мигель да Корелла и делла Вольпе, спешившие в Романью с кавалерийскими отрядами, попали в окружение и сдались Джанпаоло Бальони.

Этот удар сломил дух герцога. Он впал в такое отчаяние, что даже сам папа Юлий считал нужным выразить ему сочувствие. Впрочем, едва ли узнику было особенно приятно выслушивать слова утешения своего главного тюрем-

щика. А папа, ободряя Валентино, не забыл направить во Флоренцию требование о выдаче Мигеля да Кореллы, рассчитывая добиться от него важных показаний для суда над герцогом.

Потеряв всякий интерес к собственной участи, Чезаре подписал отречение и приказы о сдаче гранизонам Форли и Чезены. Но это не принесло мира — командиры, помнившие своего великолепного вождя, не желали сдаваться. Дон Педро Рамирес, комендант Чезены, в ярости изорвал приказ, отказавшись поверить, что его повелитель способен пойти на капитуляцию. Мало того, он велел повесить несчастного ватиканского чиновника, доставившего ему эту бумагу.

Гнев папы, узнавшего о казни посла, был ужасен. Родичи и приверженцы Борджа спешно покидали Рим, опасаясь за свою жизнь. Они бежали на юг, в испанский лагерь под Неаполем, и умоляли Гонсало пустить в ход все доступные средства ради освобождения герцога. А Юлий, лишившись возможности покарать хотя бы клеветников врага, отвел душу, приказав конфисковать имущество своего пленника и удовлетворить денежные претензии тех, кто потерпел ущерб от военных прогулок Валентино. Семейство Риарио — родственники дела Ровере — оценили свои убытки в пятьдесят тысяч дукатов; по двадцати тысяч получили Флоренция и Гуидобальдо да Монтефельтро, герцог Урбинский. Остальные средства отходили церковной казне. Этим наносился завершающий удар по престижу и могуществу рода Борджа на итальянской земле.

Но судьба предоставила Чезаре еще один шанс: в Риме стало известно о блестящей победе, одержанной Гонсало над французами в битве при Гарильяно. Успех испанского капитана означал рост влияния его соотечественников в священной коллегии и при папском дворе — а почти все испанские кардиналы получили сан и место в конклаве от старого Родриго де Борджа.

События развивались быстро. Герцогу в сопровождении преосвященного Карвахала, кардинала Санта-Кроче, было дозволено переехать в Остию. Папа склонялся к мысли переправить пленника во Францию, но еще не принял окончательного решения. Однако кардинал, желая спасти Чезаре, не стал дожидаться дальнейших инструкций святого отца. Как раз в это время крепости Романьи объявили о готовности капитулировать, если герцогу Валентино будет предоставлена свобода. Воспользовавшись столь благоприятным предлогом, Карвахал, действуя на свой страх и

риск, предложил Чезаре компромисс: он дает письменное обещание никогда не поднимать оружия против Юлия II, а после этого волен отправляться куда пожелает. Предложение кардинала было принято.

Теперь перед герцогом открывались два пути — на север, во Францию, и на юг, к Неаполю, в ставку Гонсало. Хитрая предусмотрительность и власть отца в свое время сделали Чезаре «князем трех государств», и даже потеря итальянских владений не вычеркивала его из числа крупнейших вельмож Южной Европы. Далеко за Альпами лежало герцогство, пожалованное ему королем; там, во Франции, осталась его юная жена и росла его дочь, которую он никогда не видел. Но Чезаре не мог покинуть Италию побежденным и не хотел вверять свою судьбу Людовику XII. Здесь, на Апеннингах, еще оставались друзья и союзники, оставались его солдаты и командиры — разгромленные, но не покоренные, они помнят черного всадника на вороном коне с золотыми подковами, столько раз приводившего их к победам. Он вернется к ним, и придет не один и не с пустыми руками.

Верный Ремолоно доставил ему охранное письмо, подписанное «великим капитаном». От имени их католических величеств генерал Гонсало клятвенно обещал герцогу Валентино свободу и безопасность. Тем самым раздумьям и колебаниям Чезаре был положен конец. Сопровождаемый двумя слугами, он выехал на юг.

В испанском лагере его ждал почетный прием со стороны Гонсало и... целая толпа римских беглецов, включая Жофре и кардинала Лодовико Борджа. Все они бурно приветствовали Чезаре как признанного главу и вождя испано-итальянской партии.

Захватив стратегическую инициативу под Гарильяно, испанский военачальник собирался развить успех, двигаясь на север, к Болонье и Милану, чтобы окончательно вытеснить французов с Апеннинского полуострова. Но этот план мог быть осуществлен лишь при поддержке независимых городов центральной Италии. Пока что испанский флот обеспечивал армию всем необходимым, но ее удаление от побережья в глубь страны исключало снабжение с моря. Таким образом, судьба кампании определялась в конечном счете позицией нейтральных государств, их желанием — или нежеланием прокормить испанцев на долгом пути от Неаполя до Милана.

В свое время Гонсало сделал ставку на молодого герцога Пьеро де Медичи. Пьеро, старший сын Лоренцо Велико-

лепного, не унаследовал талантов отца, чье слово было законом во Флоренции и во всей Тоскане, хотя подкреплялось не силой оружия, а только личным авторитетом правителя. Недалекий и деспотичный, Пьеро ухитрился рассориться со своими подданными уже через год после отцовской смерти. Флорентийцы восстали, и братья Медичи были изгнаны из города, который считали своим родовым владением.

Пьеро горел желанием вернуть утраченную власть и наказать неблагодарную Флоренцию. Перейдя к испанцам, он обещал «великому капитану» груды золота и все припасы тосканской земли, если тот окажет ему военную помощь.

Но в битве при Гарильяно злосчастный Пьеро погиб, так и не увидев покоренной Флоренции. Теперь огорченный Гонсало подумывал о том, чтобы взять в союзники Бартоломео д'Альвиано — и в это время к нему прибыл Чезаре Борджа. Неудивительно, что уже через несколько дней дон Гонсало сам предложил герцогу возглавить экспедиционный корпус для похода на Милан. Ум и храбрость, военный опыт, популярность и громкая слава — все делало его самой подходящей кандидатурой на эту должность.

Но если испанский главнокомандующий был доволен, то как описать ликование Валентино! Неделью назад узник, преданный и низвергнутый, потерявший богатство и власть, ныне он снова встал во главе армии. Помимо испанской пехоты, ему предстояло повести в бой итальянцев, поскольку Гонсало уполномочил его набрать собственные отряды. Герцог спешно отправил в Рим Бальдассаре да Шипионе с поручением закупить как можно больше оружия и при возможности начать вербовку солдат.

Папа неистовствовал. Он метал громы и молнии по адресу кардинала Карвахала, и только успехи испанской армии спасли его преосвященство от немедленного заточения в крепость. Комиссия, созданная святым отцом для расследования преступлений Борджа, день и ночь вела допросы тех приближенных Александра VI и герцога Валентино, которые не успели покинуть Рим. Но улов следователей был невелик — Мигель да Корелла, от которого ждали самых сокрушительных разоблачений, отказался давать показания против своего господина, и никакими угрозами от него не удалось добиться ни слова. Более сговорчивым оказался некий Асквино де Коллоредо, заявивший, будто он, действуя по прямому приказанию обоих Борджа, отпра-

вил кардинала Микьяеля. Папа велел обнародовать это признание, но, поведая Коллоредо даже о целой дюжине отравлений, это не удовлетворило бы святейшего отца. Мысль о том, что враг на свободе, нашел могучих покровителей и уже собирает войска, не переставала терзать душу первосвященника. Сам Юлий, не колеблясь, преступил клятву, данную им герцогу, и потому не сомневался, что Чезаре нарушит свое обещание не воевать против папы.

Начались холодные дожди, и армии обоих интервентов — французов и испанцев — встали на зимние квартиры, чтобы возобновить дележ Италии с приходом весны. Чезаре оставался в Неаполе. Он готовил и вооружал отряды новобранцев, назначал командиров, знакомился с испанскими капитанами, с которыми ему предстояло выступить на Тоскану. Генерал де Кордоба по-прежнему оказывал герцогу все знаки уважения и внимания, и между двумя полководцами, видевшимися в эти месяцы почти ежедневно, ни разу не возникали какие-либо трения. Но над головой Чезаре уже собиралась невиданная гроза.

Гром грянул двадцать шестого мая — в тот вечер Чезаре ужинал у дона Гонсало. Герцог был весел и оживлен, но хозяин выглядел удрученным и задумчивым. Он не смеялся, как обычно, шуткам гостя и даже не пытался поддерживать разговор. Впрочем, если Чезаре и заметил подавленное настроение испанца, он не пожелал доискиваться причин — собственные мысли и планы всегда занимали его больше, чем чужие горести.

Мог ли он знать, что Гонсало де Кордобу заботила именно участь герцога Валентино! После ужина, простившись, Чезаре покинул покои главнокомандующего, но не успел вдеть ногу в стремя. Рослый испанский офицер преградил путь герцогу и именем короля потребовал его шпагу. Он был объявлен пленником их католических величеств — Фердинанда и Изабеллы.

Юлий II перехитрил Валентино. В Мадрид долетело письмо, в котором папа гневно укорял Испанию за поддержку, оказываемую мятежному Борджа, и выражал надежду, что король и королева не захотят лишиться благоволения святого отца. В том же письме содержались и прозрачные намеки на измену Гонсало де Кордобы. По уверениям папы, «великий капитан» вел в Италии двойную игру, небескорыстно пренебрегая интересами испанской короны. И возможно ли лучшее тому доказательство, чем его союз с давним ставленником Франции — неистовым герцогом Валентино? Это был блестящий ход, и расчет папы полно-

стью оправдался. Дон Гонсало получил тайный приказ — арестовать герцога и под надежной охраной отправить в Испанию. Нарушив собственное публично данное и скрепленное подписью слово, генерал выполнил приказ короля. Он не посмел ослушаться, хотя знал, что навсегда покрывает свое имя позором.

Упреки, которыми осыпал испанского военачальника пленный Чезаре, были столь же горькими, сколь и бесполезными. Двадцатого августа 1504 года, окруженный многочисленной стражей, герцог Валентино поднялся на борт корабля.

Ему исполнялось двадцать девять лет — по сегодняшним меркам в этом возрасте люди лишь начинают обретать самостоятельность. Но за плечами Чезаре уже было столько свершений, что их хватило бы не на одну славную жизнь. И вот теперь, стиснув зубы, он стоял на высокой корме галеона, в последний раз глядя на тающий вдали гористый берег Италии. В двух шагах, храня молчание, ждали испанские офицеры...

Приближенные Чезаре, его соратники, оставшиеся в Риме, Неаполе или Романье, уже не могли помочь своему вождю. Впоследствии наибольшую известность из них приобрел Бальдассаре да Шипионе, совершивший беспрецедентный в мировой истории шаг: он вызвал на поединок целую страну. Вzbешенный вероломным предательством, стоившим его господину свободы, Бальдассаре объявил, что вызывает на поединок любого испанца, который «посмеет утверждать, будто Фердинанд и Изабелла не обесчестили свои короны, захватив герцога Валентино вопреки охранному письму». Конечно, такой поступок может быть назван ребячеством, но все же интересно отметить, что никто — ни в Испании, ни в Италии — не захотел принять вызов итальянского рыцаря.

Старый Диониджи ди Нальди перешел на службу к венецианцам. Как мы помним, Республика была одним из главных противников Валентино. Однако, сменив хозяев, ди Нальди по-прежнему сражался под девизами Борджа и носил цвета его гвардейцев; того же он требовал и от всех своих подчиненных.

Дон Мигель да Корелла получил свободу — папа велел отпустить его, так и не добившись никаких показаний против Чезаре или Александра VI. Впоследствии он и Таддео делла Вольпе приняли предложение флорентийской Синьории, возглавив отряды наемников.

Тщетно старались добиться освобождения Чезаре Борджа его верные друзья — испанские кардиналы. Столь же безуспешными оказались и усилия Лукреции, которая слала письмо за письмом новому главнокомандующему войсками церкви — герцогу Мантуанскому, — умоляя повлиять на святого отца и смягчить участь пленного брата. Юлий II был непреклонен. В Италии уже не осталось места для герцога Валентино.

Первые месяцы заточения он провел в крепости Чинчиля. Затем узника перевезли в замок Медина-дель-Кампо, неподалеку от Вальядолида. Поговаривали, будто венценосный пленник не ладил с комендантом Чинчили и, разъяренный какой-то вольностью, допущенной испанцем, чуть не сбросил его с крепостной стены.

Наступил 1505 год, и по Испании пролетела весть: умерла королева Изабелла. Страна заволновалась. При дворе произошли значительные перемены. Вскрылись, в частности, некоторые подробности, касающиеся дона Гонсало де Кордобы, и подозрения короля перешли в уверенность. А вскоре друзья известили герцога Валентино, что Фердинанд готов предоставить ему свободу и даже поставить во главе нового экспедиционного корпуса, отправляющегося в Италию. На какое-то время надежды Чезаре взлетели до небес — но лишь затем, чтобы вновь рухнуть и разбиться вдребезги. Король, хотя и считал его лучшей кандидатурой для мести предателю-генералу, все же не решился освободить Чезаре Борджа. Такой шаг вызвал бы негодование папы, а гнев святого отца был более весомым аргументом, чем любые военные или дипломатические победы. Да и сам герцог казался слишком талантливым, чтобы превратиться в покорное орудие его католического величества. Эту версию приводит арагонский хронист Сурита.

Жизнь в Медине-дель-Кампо не отличалась чрезмерной суровостью, хотя, конечно, была невыносимо скучной для столь деятельного и свободолюбивого человека, как Чезаре. У него осталось двое личных слуг и духовник; он мог вести переписку и даже принимать гостей. А получить аудиенцию у пленного герцога, чье имя недавно от Сицилии до Альп вызывало трепет восхищения или страха, счи-

талось завидной честью, которой удостаивались лишь немногие.

Наиболее рьяным почитателем Валентино стал молодой граф Бенавенте — его родовые земли начинались в двух милях от крепости. Он часто навещал знаменитого узника, иногда разделял с ним скромную трапезу. Очарованный умом и обращением Чезаре, граф не переставал советовать на судьбу, папу и короля, предательски заточивших в темницу «самого доблестного рыцаря со времен Сида»⁷⁴. Герцогу случалось перехитрить в дипломатической игре людей и поумнее, чем пылкий испанец, а потому неудивительно, что в скором времени граф предложил своему блестящему другу именно то, чего тот сам давно и страстно желал, — побег. Как утверждает Сурита, Бенавенте ради освобождения Чезаре Борджа готов был рискнуть собственной головой и организовать штурм Медины, если все остальные пути спасения окажутся отрезанными.

Друзья разработали план, посвятив в него духовника Валентино и одного из комендантских слуг, по имени Гарсия. Помощь последнего была необходима, поскольку он мог, не вызывая подозрения, перемещаться по всей территории крепости и подниматься на стены.

Темной сентябрьской ночью 1506 года к одному из башенных зубцов привязали канат. Снаружи, по ту сторону рва, в оливковой роще ждали люди Бенавенте, держа в поводу оседланных лошадей. Первым начал опасный спуск Гарсия; очутившись на земле, он должен был трижды дернуть веревку, давая знать, что все в порядке и вокруг тихо.

Но дело сгубила непредвиденная оплошность. Добравшись до конца, Гарсия повис в пустоте — канат оказался чуть короче, чем требовалось. В двадцати футах под ним смутно белели камни на дне рва. Думать о возвращении не приходилось, к тому же подрагивание каната уже сообщило ему, что нетерпеливый герцог начал спускаться, не дожидаясь условленного сигнала. Прочитав короткую молитву, Гарсия разжал руки. Мигом позже, сдерживая стоны, он лежал на земле — обе ноги его были сломаны.

Герцог, видимо, не услышал ни глухого удара, ни стонов несчастного, и через несколько минут очутился перед тем же выбором. Но долго размышлять ему не пришлось — в крепости поднялась тревога. Послышались окрики часовых, на стенах замечались огни факелов, и вот уже чей-то меч перерезал веревку. Чезаре рухнул в двух шагах от потерявшего сознание Гарсии.

Слуги Бенавенте прыгнули в ров и вынесли тяжелораненого герцога, без колебаний бросив Гарсию на верную смерть. Они посадили Чезаре в седло и, поддерживая его с двух сторон, пришпорили коней.

Их путь лежал в Вильялон — небольшой, но хорошо укрепленный замок, принадлежавший графу. Тайными тропами, обманув погоню, они еще до рассвета привезли беглеца под надежный кров Бенавенте.

Шесть недель Чезаре провел в постели, залечивая переломы и раны. Силы возвращались медленно, но наконец он почувствовал, что снова может держаться в седле. В тот же день герцог сообщил хозяину замка о желании покинуть Вильялон и двинуться к Пиренеям.

Графу не хотелось отпускать гостя в опасный и долгий путь, но он не считал себя вправе удерживать или отговаривать Валентино. Обнявшись на прощание, оба рыцаря поклялись никогда не забывать друг друга. Распахнулись ворота, и по подъемному мосту прогремели двенадцать копыт — герцог в сопровождении двух телохранителей поскакал на восток. Начинался последний акт драмы Борджа.

Он спешил к границам Наварры. Молодой король Жан ⁷⁵, два года назад взошедший на трон этого маленького горного королевства, приходился двоюродным братом Шарлотте д'Альбре, жене нашего героя. Там он будет в безопасности — Жан, если и не особенно обрадуется появлению знаменитого родственника, все же не выдаст его ни папе, ни Фердинанду Испанскому. Не замеченный врагами, он счастливо завершил четырехсотмильное путешествие, и третьего декабря 1506 года вместе со своими спутниками достиг наваррской столицы Памплоны. Вечером о приезде герцога доложили королю, и, по словам летописца, «сам дьявол, явись он во дворец, не внушил бы всем придворным такого страха, как Валентино».

А в Риме известие о бегстве Чезаре Борджа вызвало настоящую панику. Папа неистовствовал, кляня всех испанцев — как друзей, так и врагов Борджа: первых — за то, что помогли ему бежать, а вторых — за нерадивость в охране пленника. Заволновалась Романья. Города уже успели почувствовать тяжесть руки святого отца — Юлий II не простил им привязанности к герцогу Валентино, отняв многие старинные привилегии и обложив поборами. Теперь, надеясь на скорое прибытие непобедимого вождя, люди начали оказывать неповиновение чиновникам Ватикана.

Сурита описывает обстановку тех дней следующими словами: «Освобождение Чезаре обрушилось на папу, как гром с ясного неба. Герцог был единственным человеком, способным, даже в одиночку, взбудоражить и поднять всю Италию. Само упоминание его имени разом нарушило спокойствие в церковном государстве и сопредельных странах, ибо он пользовался горячей любовью множества людей — не только воинов, но и простонародья. Еще ни один тиран, кроме Юлия Цезаря, не имел подобной популярности, и папа решил употребить все меры, дабы не допустить возвращения герцога на итальянскую землю».

Однако сам Чезаре оценивал свои шансы более трезво. Он понимал, что гнев Юлия II настигнет его в любой точке Апеннинского полуострова, и не стремился сменить Медину-дель-Кампо на куда менее комфортабельный каземат замка св. Ангела. Пока разумнее всего было не покидать Наварры и восстановить связи с друзьями и союзниками, а также выяснить позицию французского короля.

Шарлотта д'Альбре, не видевшая мужа с сентября 1499 года, находилась в Бурже, при дворе набожной подруги, кроткой королевы Жанны. Она, конечно, узнала об освобождении Чезаре, но путь до Памплоны далек, и супруги не встретились.

Впрочем, маловероятно, чтобы герцог в то время уделял много внимания мыслям о семье. Его ум был занят другим. На четвертый день после прибытия в Наварру он уже отправил в Италию гонца — своего доверенного слугу Федериги, поручив ему передать моне Лукреции весточку о брате. Кроме того, гонец вез письмо в Мантую, с приказом вручить его куму Чезаре, герцогу Франческо Гонзаге.

Федериги не повезло — прибыв в Болонью, он был схвачен агентами Юлия II. Содержание письма не представляло большого интереса — Чезаре всего лишь просил герцога Гонзагу о личной встрече. Но сама мысль о возможности переговоров между знаменосцем церкви и ненавистным изгоем — Борджа — повергла святого отца в неопишемую ярость. Он даже собирался отрешить герцога Гонзагу от занимаемой должности, но затем, поостыв, ограничился приказом усилить повсюду бдительность и арестовать Валентино, едва лишь он окажется в пределах папской юрисдикции.

Стало ясно, что о возвращении в Италию нечего и думать, по крайней мере до тех пор, пока на святом престоле не появится новый владыка. Теперь все надежды Чезаре сосредоточились на Франции, и он написал Людовику XII,

спрашивая, согласен ли христианнейший король вновь принять его на службу и утвердить во владении землями и титулами, пожалованными семь лет назад.

Вскоре пришел ответ — официальный документ из королевской канцелярии. Король Франции, говорилось в нем, не нуждается в услугах «высокородного Борджа». Герцогство Валентинуа, равно как и графство Дуа, возвращены французской короне, «ибо их бывший сюзерен, находясь в Италии, вступил в союз с испанцами, изменив тем самым своему государю и нанеся ущерб интересам его христианнейшего величества».

Это был конец. У Чезаре не осталось ни титулов, ни земель, ни союзников — ничего своего, лишь верный меч, бесстрашное сердце да громкая слава. Наступил новый, 1507 год.

Король Жан сочувствовал изгнаннику, но, конечно, и не помышлял о том, чтобы вступить за права родственника. Положение Наварры было и без того достаточно сложным — маленькое пиренейское королевство, зажатое между Францией и Испанией, с трудом сохраняло независимость. Кроме того, страну изнуряла кровавая междоусобица — уже не первый год шла борьба между родами Бомонт и Аграмонт, не менее знатными и не менее древними, чем правящая династия; оба рода не признавали над собой ничьей власти, и лишь взаимные свары мешали им обратить оружие против короля. В свою очередь, он не располагал силами, достаточными для обуздания непокорных вассалов, и «властвовал, разделяя», в постоянной тревоге за будущее страны.

Но судьба неожиданно улыбнулась Жану — ему предложила военную поддержку Священная Римская империя германской нации. Император Максимилиан понимал, что потеря Наваррой независимости будет означать усиление одного из его врагов — Людовика XII или Фердинанда Испанского. Поэтому оказанная им помощь была по тем временам очень внушительной — десятитысячное регулярное войско, снабженное артиллерией. Теперь Жан мог твердой рукой навести порядок в собственном доме.

Сражение ведут солдаты, но для победы в бою нужен еще и опытный полководец. И наваррский король, не колеблясь, сделал выбор: во главе армии встанет герцог Валентино.

Впервые за много месяцев улыбка озарила смуглое лицо Чезаре. Решение короля давало ему шанс вновь показать свои способности и отвагу. А путь от полководца до

владельческого князя не так уж далек, и как знать — быть может, он еще сумеет вернуться в ряды вершителей судеб Европы.

Войско выступило из Памплоны в феврале, чтобы начать поход с усмирения Луи де Бомонта, главы одного из враждовавших кланов. Мятежный граф укрылся в своем родовом гнезде — горном замке Виана.

Естественные укрепления — отвесные скалы, окружавшие крепость, — превращали всякую попытку штурма в бесполезную потерю людей. Но Чезаре не беспокоился — он знал, что запасы продовольствия в крепости невелики, и рассчитывал, что голод быстро вынудит защитников к сдаче.

Но граф Бомонт не собирался капитулировать перед бродягой итальянцем. Он принял смелое решение — тайно вывести из замка небольшой отряд, добраться до городка Мендавия и, закупив там все необходимое, под покровом ночи вернуться в Виану.

План удался только наполовину. Овернув тряпками копыта лошадей, отряд бесшумно покинул замок. Выносливые и ловкие, знавшие каждую тропку и каждый камень на милю вокруг, люди графа проскользнули мимо врагов и вышли незамеченными на дорогу. Доскакав до города и нагружившись продовольствием, горцы без промедления тронулись в обратный путь. Но им не повезло — перед рассветом сгустился туман, и уже на подходе к замку они натолкнулись на один из патрулей королевского войска.

Еще не умолкли тревожные звуки горнов, как Чезаре был на ногах. Опясаться мечом, откинуть полог шатра и вскочить в седло — все это заняло у него не больше нескольких секунд. Не отдав никаких распоряжений, герцог прищипорил коня и помчался в ту сторону, откуда доносился шум.

Население и гарнизон Вианы уже собрались на стенах, с волнением наблюдая за развернувшейся внизу схваткой. Люди графа, быстро управившись с полусонными ландскнехтами сторожевого отряда, нахлестывали тяжело навьюченных лошадей, стремясь достигнуть ворот, прежде чем основные силы врагов настигнут и перебьют их, отрезав от крепости. Но вдруг из десятков глоток вырвался дружный возглас изумления: размахивая руками, зрители старались привлечь внимание своего господина к тому, что происходило у него за спиной. Дон Луи де Бомонт оглянулся и натянул поводья. Остановились и спутники графа, пораженные невероятной картиной, открывшейся их глазам.

За ними гнался одинокий всадник! Туман еще стлался над росистой травой, и казалось, будто вороной конь летит, не касаясь земли. Восходящее солнце, сверкая и дробясь на золоченых доспехах рыцаря, делало его похожим скорее на сказочного героя, сотворенного фантазией менестрелей, чем на человека из плоти и крови. Словно пылающий метеор, Чезаре Борджа мчался в последний бой.

Почему он так поступил? Трудно допустить, что герцог Валентино, так страстно любивший жизнь, намеренно пошел навстречу гибели. Может быть, его понес закусивший удила конь? Но герцог был великолепным наездником, он провел в седле многие годы и не раз укрощал необъезженных жеребцов. Скорее всего дело объяснялось внезапностью пробуждения: Чезаре просто забыл, что командует чужой армией, а не своими красно-желтыми гвардейцами. Ни Мигель де Корелла, ни Педро Рамирес, ни другие его старые сподвижники не бросили бы герцога в минуту опасности, дожидаясь специального приказа.

Замешательство противника было недолгим. Повинуясь жесту Бомонта, полдюжины кавалеристов отделились от отряда и поскакали навстречу преследователю, а граф с остальными людьми продолжил движение к крепости. Сзади раздались хриплые крики и лязг стальных клинков.

Немногие могли бы поспорить с Чезаре в умении владеть оружием, но сейчас численный перевес врагов был слишком велик. Вскоре им удалось оттеснить его к краю дороги, на крутой каменистый склон, не дававший возможности сражаться верхом.

Чезаре соскочил с коня. Он уже знал — пришла смерть. Тяжелая толедская шпага в его руке плясала, словно живая, успевая наносить и отражать десятки ударов со всех сторон. Но вот он сделал шаг назад, оступился — и в тот же миг острие вражеского клинка отыскало щель между нагрудными пластинами панциря. Захлебываясь кровью, герцог упал. А вдали уже нарастал грохот копыт — армия спешила на выручку своему предводителю.

В мгновение ока обобрав умирающего, убийцы прыгнули в седла и бросились догонять графа. Отрезанный от замка отряд Бомонта торопливо уходил в горы. Гарнизон, оставшись без командира и продовольствия, выбросил белый флаг.

Солнце еще не поднялось в зенит, когда свита обнаружила тело Чезаре. Осадив коней, офицеры спешили. Полунические слуги Бомонта сняли с герцога не только его драгоценное вооружение, но и одежду. Он лежал обнаженный,

с уже запекшейся раной на широкой груди; гневные невидящие глаза смотрели в голубое небо. Отважный и яростный воин, недавний повелитель многих земель, человек, чье слово было законом в половине городов Италии,— успокоился навсегда.

Соорудив из копий и плащей носилки, офицеры перевезли его в Виану. К вечеру в замок прибыл король. Горе в душе Жана боролось с подспудным чувством облегчения: подобно многим, он боялся Чезаре Борджа, хотя любил и уважал его. На следующий день состоялись великолепные похороны, и тело герцога Валентино обрело вечный приют перед алтарем церкви Санта-Мария-де-Виана. На мраморной плите надгробия были высечены строки безыскусного стихотворения, сочиненного местным поэтом:

*Aqui Yace En Poca Tierra
Al Que Todo Le Temia
El Que La Paz Y La Guerra
En La Sua Mano Tenia.
Oh Tu Que Vas A Buscar
Cosas Dignas De Loar
Si Tu Loas Lo Mas Digno
Aqui Pare Tu Camino
No Cures De Mas Andar *.*

Почти двести лет никто не вспоминал об этой могиле в далекой пиренейской крепости. Но в конце XVII столетия прах покойного потревожил человек, от которого, казалось, можно было бы ожидать большего уважения к памяти Борджа,— епископ Калаорры. Путешествуя по своей епархии, он посетил Виану. Узнав, кто похоронен в замковой церкви и ознакомившись с надписью, его преосвященство вознегодовал — он считал обоих Борджа исчадиями ада, ибо судил о них по только что появившейся книге Грегорио Лети (Томмазо Томмази). По неведомым причинам епископ относился с полным доверием ко всем утверждениям ренегата, а потому приказал снять надгробие и удалить из храма нечестивые останки. Так достойный наследник евангельского фарисея⁷⁶ стер с лица земли последнее достоверное свидетельство о Чезаре.

* Здесь, под горстью земли, лежит тот, кто внушал страх всем людям; тот, в чьих руках были мир и война. О путник, если ты ищешь, кому воздать заслуженную хвалу,— преклони колени здесь, ибо тебе не найти достойнейшего (исп.).

В год гибели мужа Шарлотта д'Альбре лишилась и своей единственной подруги: умерла королева Жанна. Молодая вдова вернулась к отцу. Она горько оплакивала Чезаре и все оставшиеся годы соблюдала глубокий траур. Через семь лет смерть унесла и эту бедную женщину, видевшую в жизни так мало счастья.

Луизе Валентинуа, дочери Чезаре и Шарлотты, в то время шел шестнадцатый год. Мать поручила ее заботам герцогини Ангулемской, при дворе которой Луиза провела около трех лет. Затем эту прелестную, но всегда задумчивую девушку выдали за Луи де ла Тремуа, виконта Туарского. Брак был недолгим — виконт погиб при осаде Павии, и вторым мужем Луизы стал Филипп де Бурбон-Бюссе.

REQUIESCANT! *

* Да покоится в мире! (лат.).

СУД ГЕРЦОГА

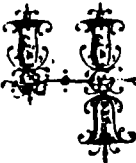

Глава 1

ЧЕСТЬ ВАРАНО

езаре Борджа, герцог Валентино и Романьи, неторопливо поднялся из кресла и подошел к окну просторного зала в замке правителя Имолы. Остановился, глядя на залитый осенним послеполуденным солнцем уставленный палатками луг, на реку за ним, на длинную ленту дороги: древняя Виа Эмилия уходила за теряющийся в мареве горизонт.

Дорога эта, которой, должно быть, гордился Марк Эмилий Лепид¹, построивший ее полторы тысячи лет назад, пересекала Северную Италию по диагонали — прямая стрела длиной в сотню миль, от древнего Рубикона² до Пьяченцы. Чезаре эта дорога раздражала. По ней с севера и юга могли подойти верные войска, которые он все не решился призвать.

С дороги взгляд его вернулся к палаточному лагерю. Люди и лошади находились в непрерывном движении, словно трудолюбивые муравьи. Чуть дальше солдаты под руководством инженеров строили артиллерийскую позицию. Тут же, в большом зеленом шатре, расположился решительный Венанцио Варано. Толпа полуголых крестьян

лопатами и кирками вела от реки глубокую траншею. Заполненная водой, она должна была воспрепятствовать внезапному нападению.

Вся эта суэта вызывала у герцога презрение и злость. Презрение, ибо одно движение его мизинца могло разметать этих наглецов, вернее, они разлетелись бы сами, словно стайка воробьев при появлении в небе ястреба. Но и злость, оттого что нельзя было шевельнуть и мизинцем, чтобы не нарушить далеко идущих планов. Презрение к этому идиоту Варано, воображившему, что Цезаре Борджа вконец обессилел и может стать легкой добычей горстки наемников, собранных Варано под свои знамена. Обстоятельства вынуждали герцога позволить Варано хоть на день, на час вообразить себя победителем. С какой наглостью этот кретин из Камерино ведет осаду цитадели Имолы. Остается довольствоваться невозмутимостью ее каменных стен, дремлющих на осеннем солнце, словно тщетные потуги собравшихся у их подножия не имеют к ним никакого отношения, а над башней Маскьо не развеивается знамя с гербом Борджа.

Крадущиеся шаги за спиной не были услышаны герцогом — настолько глубоко погрузился он в размышления, хотя не было на земле человека с более острым слухом или зрением. Незаурядный ум сочетался в нем с обостренностью чувств, сделавшей бы честь любому представителю животного мира. Одного взгляда хватало, чтобы понять, что это человек незаурядный. Двадцати семи лет от роду, в расцвете сил, высокий, стройный и гибкий, как лоза. Его отец, папа Александр VI, в молодости слыл очень красивым мужчиной. Неотразимая внешность будущего папы оказывала на женщин то же действие, что магнит на железо, и в немалой степени способствовала его продвижению к Святому престолу. Но, помимо красоты отца, Цезаре унаследовал утонченность и благородство своей матери, монны Ваноццы де Катанеи, знатной римлянки. И чувственность алых губ, чуть скрытых шелковистой рыжеватой бородой, дополнялась высоким лбом, орлиным носом и глазами, которые излучали волю, интеллект и мудрость.

В тот день герцог с ног до головы оделся в черное, но сквозь разрезы бархатного камзола проглядывала ярко-желтая рубашка. Талию перетягивал пояс с рубиновой пряжкой, на котором в золоченых ножнах висел тяжелый кинжал с золотой рукоятью. Шапочки на рыжеватых волосах не было.

Вновь за спиной послышались крадущиеся шаги, но и

на этот раз остались незамеченными. Не реагировал Чезаре и когда заскрипели ступени лестницы, ведущей в зал. Он не отрывал взгляда от лагеря Варано.

Дверь открылась и закрылась. Кто-то вошел и направился к нему. Герцог не обернулся, но заговорил, обратившись к пришедшему по имени.

— Так что, Агапито, ты послал мой вызов Варано?

Человеку, менее привычному к манерам герцога, чем его секретарь Агапито Герарди, такая догадливость могла бы показаться сверхъестественной. Но Агапито знал, что слух у герцога не хуже, чем у слепого, и он по походке мог узнать человека, не оборачиваясь. Секретарь был человеком среднего роста, с небольшим брюшком, с всегда готовыми разойтись в улыбке губами, а его темные глаза, казалось, замечали все. Когда герцог все-таки обернулся к нему, он поклонился. Лет ему было под сорок, и в соответствии с занимаемой должностью он носил черный сюртук чуть ли не до колен.

— Отправил, ваша светлость. Но я сомневаюсь, что этот господин из Камерино примет ваше приглашение.

Агапито отметил, что взгляд герцога устремлен куда-то за его спину. Глаза Борджа были словно занавешены туманной пеленой. Секретарь давно уже смирился с ее непроницаемостью, хотя и полагал себя знатоком характера своего господина. Ибо разум, скрытый этой пеленой, следовал только ему ведомыми путями. Гобелены позади большого письменного стола слегка шевелились. Потому-то и задумался Чезаре: никакого сквозняка в комнате не ощущалось. Однако, заговорив, он никоим образом не дал знать о своих наблюдениях.

— Ты, как обычно, настроен пессимистически, Агапито.

— Мне скорее свойственно здравомыслие, мой господин.

Чезаре Борджа иногда позволял своим ближайшим помощникам некоторую фамильярность.

— Да так ли уж важно, придет он или нет? — секретарь улыбнулся, и кожа вокруг его глаз собралась множеством морщинок. — Всегда же есть потайная дверь.

— Ну разве ты не пессимист, уверяя меня, что по-другому и быть не может?

Агапито развел руками, всем своим видом показывая, что у него и в мыслях такого не было.

— Кому охота открывать потайную дверь? — продолжил герцог. — Допустим, я дам знать моим союзникам о ее существовании. Но они разбегутся в испуге, едва слы-

шав скрежет отодвигаемого засова. А ты говоришь: потайная дверь! Стареешь ты, Агапито. Лучше предложи мне способ отделаться от этого жалкого кретина с помощью тех средств, которыми мы располагаем.

— Увы! — обреченно вздохнул секретарь.

— Вот именно — увь! — сердито бросил герцог и стал ходить взад и вперед по залу.

Действительно, Варано едва ли мог выбрать более неудобный для Борджа момент. Заклятый враг герцога Орсини объединился с его мятежными капитанами Вителли и Бальони. Под началом союзников находилось десять тысяч войска, и они поклялись уничтожить Борджа. Они уже расставили сеть, в твердой уверенности, что герцог угодит в нее, когда силы его будут на исходе. А он заманивал их в яму, которую они сами же и вырыли, полагая что он беспомощен и не готов к сопротивлению. Ради исполнения своего замысла он распустил три отряда французских кавалеристов, ударную силу своей армии, представив дело так, будто французы сами покинули его. На первый взгляд положение герцога действительно казалось аховым: мятежники находились в полной уверенности, что без французской кавалерии его армия побежит при первом же натиске. Они же не знали, что ди Нальди собирает для него пехоту в Романье, а в Ломбардии ждут только сигнала отряды швейцарских и гасконских наемников. Да и не полагалось им этого знать, еще не пришло время. Пусть тешат себя иллюзией собственной безопасности, полагая, что он прямоком идет в расставленную сеть. Но у Чезаре Борджа не было ни малейшего сомнения в том, что запутаются в ней те, кто ее расставлял.

Так тщательно он все продумал, учел вроде бы каждую мелочь, осталось только на объявленный «шах» сказать: «Мат!» — но этот торопыга из Камерино, столь нагло объявившийся в Имоле, смешал все фигуры.

Венанцио Варано, один из лишенных трона тиранов Камерино, убедившись в невозможности подвигнуть союзников к активным действиям, пошел в атаку один. Собрал около тысячи случайных наемников, изгнанных из других отрядов за трусость или за бесчестные поступки, и осадил цитадель Имолы, вызвав на свою голову проклятья как Чезаре Борджа, так и союзников.

— Возможно, союзники присоединятся к Варано, — предположил Агапито, — если почувствуют, что успех на его стороне. Тогда и появится шанс.

Но Чезаре нетерпеливо махнул рукой.

— Их армия застрянет здесь надолго, но какой в этом смысл? Мне нужно раздавить зачинщиков заговора и сделать это одним ударом. Нет, нет,— он покачал головой.— Лучше не будем гадать, а подождем ответа Варано и посмотрим, что из этого выйдет.

— А если ничего не выйдет, вы нанесете ответный удар? — воодушевился Агапито.

Лицо Чезаре потемнело.

— Еще нет. Я буду ждать и надеяться на случай. А вернее — на удачу. Не забывай, что до сих пор удача сопутствовала мне.— Он повернулся к массивному письменному столу и взял лежавший там пакет.— Это письмо для Совета Флоренции. Я подписал его. Проследи, чтобы оно попало по назначению.

Агапито взял пакет.

— Придется поломать над этим голову.

— Так не теряй времени,— махнул рукой Борджа, отпуская секретаря.

Когда закрылась дверь и стихли шаги, Чезаре, стоявший посредине зала, посмотрел на гобелены, которые шевелились при появлении Агапито.

— Можете выходить, господин шпион,— сказал он.

Он полагал, что человек спокойно выйдет из-за гобелена, тем более, что догадывался, кого увидит, но произошло неожиданное: гобелен отлетел в сторону, а тот, кто прятался за ним, словно выпущенный из пращи камень, метнулся к нему с занесенной для удара рукой. Кинжал ударил Чезаре в грудь и сломался пополам. Но не успело отломившееся лезвие упасть на пол, как пальцы герцога сжались на запястьях нападавшего.

Бедолага не знал, что Чезаре Борджа без видимых усилий гнет подковы. Ему не доводилось видеть и то, как герцог убивает одним ударом быка. Для таких подвигов требовалась немалая сила, в чем тут же и убедился убийца, крепкий мужчина высокого роста, с широкими плечами и мощными мышцами. От хватки герцога его сила растаяла, как кусок льда на жарком солнце. Железные пальцы Чезаре заломили ему руки назад. Закричав от боли, он рухнул на колени, а второй крик подавил, лишь впившись зубами в нижнюю губу. Правая рука раскрылась, и рукоять кинжала покатилась по полу. Побледнев от страха и боли, убийца встретился взглядом с герцогом, но не прочел в его глазах ни раздражения, ни злобы.

— Мессер Малипьеро, напрасно вы решили ударить в грудь, закрытую кольчугой, в то время как шею защища-

ла только кожа.— И герцог насмешливо улыбнулся и отпустил руки убийцы.— Поднимайся. Нам нужно поговорить.

— Мой господин! Мой господин! — заверещал Малипьеро, простирая к нему руки.— Простите! Простите!

— Простить? — Чезаре, отойдя от него на два шага, остановился.— Простить за что?

— За мою по... За то, что я только что сделал.

— О, за это! Да по сравнению со всем остальным это сущий пустяк. Считай, что я о нем забыл. Но вот насчет остального, Малипьеро... Насчет обещания служить мне верой и правдой, лжи, которую я постоянно слышал от тебя, попыток завоевать мое доверие, когда на самом деле ты еще и соглядатай Варано... Все это я тоже должен простить?

— Мой господин! — попытался вставить Малипьеро.

— И даже если я тебя прошу, простишь ли ты себя, ты — патриций ³, превратившийся в шпиона и убийцу?

— Нет, мой господин, не в убийцу. Я ничего против вас не замышлял. Я потерял голову, когда вы дали понять, что знаете о моем присутствии. О, я сошел с ума! Обезумел!

— Ладно, ладно, с этим покончено.

Герцог взял со стола серебряный свисток, поднес ко рту, резко свистнул. Малипьеро побледнел, как полотно, предчувствуя все, что за этим последует, но герцог поспешил успокоить его:

— Я не в обиде за то, что ты пытался сейчас сделать. И прощаю тебя.

— Вы меня прощаете? — Малипьеро не мог поверить собственным ушам.

— Почему бы и нет? Я добропорядочный христианин, а Иисус Христос учил нас прощать ближнего. Впрочем, последнее ни в коей мере не спасает тебя от виселицы.

Малипьеро воздел руки, лицо его перекосилось от ужаса.

— А разве у меня есть выбор? — продолжал герцог.— Ты слишком много слышал. В этом тебе не повезло.

— Клянусь Богом! — Малипьеро шагнул к Чезаре.— Я никому не скажу ни слова.

— Разумеется, не скажешь.

На лестнице послышались тяжелые шаги, открылась дверь, на пороге возник офицер охраны. По знаку Борджа он подошел к Малипьеро.

— Посадить в одиночную камеру, — распорядился герцог.— А потом мы решим, что с ним делать.

Малипьеро с надеждой взглянул на герцога.

— Когда... Когда вы примете решение? — прохрипел он.

— Завтра на заре. И упокой, Господи, твою душу!

Труба пропела у стен Имолы, и звук ее достиг ушей Борджа, когда он находился в башне Маскьо. Он отложил перо, откинулся на спинку стула и улыбнулся, разглядывая синий потолок, разрисованный золотыми звездами.

Наконец появился мессер Герарди с известием, что из лагеря Варано прибыл посол, и улыбка померкла на лице герцога.

— Посол? — Брови Чезаре сошлись к переносице. — С каких это пор по приглашению, посланному господину, приходит слуга?

Агапито широко улыбнулся в ответ.

— А стоит ли удивляться? Эти Варано — сплошь предатели и лжецы. Венанцио боится, что вы обойдетесь с ним точно так же, как поступил бы он, окажись на вашем месте. Он знает, что его наемники не станут мстить за него, а тут же разбегутся. Вы примете посла, мой господин? Могу заверить, что выбор Варано покажется вам небезынтересным.

— В каком смысле? — осведомился Борджа.

Секретарь ушел от прямого ответа.

— Насколько я понял, после моего ухода здесь кого-то арестовали. Я никогда не доверял Густаво Малипьеро. Как он сюда попал, ваша светлость?

— Это неважно. Куда важнее, зачем он пришел. Он хотел меня убить. — И Чезаре указал на обломки кинжала, все еще валявшиеся на полу. — Забери их, Агапито.

Секретарь нагнулся было, но тут же выпрямился. Губы его изогнулись в улыбке.

— Возможно, скоро вы пожалеете о том, что я унес их с собой. Пусть полежат еще несколько минут, мой господин.

Чезаре вопросительно взглянул на секретаря.

— Могу я представить вам посла Варано? — невозмутимо осведомился тот.

— Но... Какое отношение имеет он к кинжалу Малипьеро?

В том, что какая-то связь существует, герцог уже не сомневался.

— Может быть, никакого, а может — и очень существующее. Судить вашей светлости.

Чезаре махнул рукой, давая согласие на прием посла. Агапито вернулся к двери, открыл ее и что-то крикнул. На лестнице раздались шаги. Два воина в латах и морионах⁴ встали у порога, между ними, клацая шпорами и гремя мечом, прошел в комнату пожилой мужчина среднего роста, в великолепном лиловом камзоле. С присущей военным резкостью остановился посередине, поклонился герцогу и, выпрямившись, встретился с ним взглядом.

Чезаре выдержал долгую паузу. Спешить ему было некуда, особенно теперь, когда он понял, почему Герарди просил не убирать обломки кинжала.

Тишину нарушало лишь жужжание мухи, залетевшей в окно. Наконец герцог обратился к послу Варано — им был отец Густаво Малипьеро, только что покушавшегося на его жизнь.

— Так это вы, Малипьеро? — лицо герцога оставалось бесстрастным, хотя мозг лихорадочно просчитывал возможные варианты поведения, благо теперь их хватало.

Мужчина вновь поклонился.

— Ваш покорный слуга, ваша светлость.

— Вернее, слуга тирана Камерино, — поправил его герцог. — Слуга лисицы, решившей поохотиться на волка. Я просил вашего хозяина прийти ко мне, чтобы мы смогли оговорить условия, на которых он согласился бы снять осаду. Вместо себя он послал вас. Я считаю это оскорблением, так и передайте ему. Пусть он сегодня глумится надо мной, раз уж ему подвернулся подходящий момент. Но пусть и не жалуется, когда мы поменяемся ролями.

— Мой господин испугался, ваша светлость.

Чезаре хохотнул.

— Я в этом не сомневался. Но вы, вы, Малипьеро? — герцог наклонился вперед, интонации его голоса стали угрожающими. — Вы не побоялись прийти вместо него?

Малипьеро сжался, уголки его рта задрожали, лицо еще более побледнело. Но, прежде чем он успел ответить, Чезаре откинулся на спинку стула и спокойно спросил:

— Так зачем же вы пришли?

— Чтобы вести переговоры от имени моего господина.

Герцог помолчал, словно обдумывая ответ.

— Только за этим?

— А разве могла быть другая причина, ваша светлость?

— Об этом я вас и спрашиваю.

— Мой господин, — негодуя вскинулся Малипьеро, — я пришел как посол.

— Да, конечно. Как я мог забыть? Так перейдем к делу.

Назовите цену, которую просит этот торговец из Камерино.

Старший Малипьеро выпрямился, и взгляд его упал на обломки кинжала. Но, похоже, он не понял, кому принадлежало оружие, ибо голос его не дрогнул.

— Мой господин Варано согласен снять осаду в обмен на ваше письменное обещание вывести войска из Камерино, восстановить его на троне и в дальнейшем не вмешиваться в городские дела.

Чезаре в изумлении воззрился на посла.

— Он был пьян, этот камеринский грабитель, когда направлял вас ко мне с таким посланием.

Малипьеро задрожал под суровым взглядом герцога.

— Ваша светлость, возможно, поведение моего господина кажется вам дерзким. Но вскорости вы узнаете, что он готов идти до конца. По его глубокому убеждению, он держит вас за горло.

— По его глубокому убеждению! Святый Боже! Тогда он скоро узнает, что я сделан из пороха, и, если взорвусь, его тоже разнесет на куски. Иди и передай ему эти слова.

— Так вы не принимаете его условий?

— Скорее я буду сидеть в Имоле до второго пришествия.

Малипьеро замаялся. Он перевел взгляд на чисто выбритую добродушную физиономию Агапито Герарди. Однако выражение лица секретаря ни о чем ему не сказало. Все же, как и подобает настоящему послу, он досказал все, что ему поручали передать.

— Вителлоццо, Орсини и Бальони объединились.

— Да разве это новость? И какой прок от этого Варано? Жители Камерино ненавидят его, и, избавившись от кровавого тирана, они никогда не допустят, чтобы он вновь вошел на трон.

— Я не уверен...— начал Малипьеро.

— Разумеется,— кинул Борджа.— Но уж поверьте мне на слово.

Он встал.

— Агапито, проследи, чтобы посла Варано проводили с соответствующими почестями.

И, словно поставив на этом точку, герцог прошествовал к окну, по пути достав из кармана золотую, расписанную эмалью коробочку для засахаренных фруктов.

Лицо Агапито разочарованно вытянулось. Не таким представлял он себе завершение переговоров. Но, возможно, подумал он, хитрый Чезаре все рассчитал. Оторвав-

шись от своих мыслей. Агапито заметил, что Малипьеро и не думает уходить. Стоит, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая то на секретаря, то на герцога.

— Ваша светлость,— прервал он наконец затянувшееся молчание.— Могу я поговорить с вами наедине?

— Мы и так одни,— бросил Борджа через плечо.— Что еще вы можете добавить?

— То, что я намерен сказать, послужит вашим интересам.

Чезаре развернулся спиной к окну, глаза его сощурились в щелочки. На губах заиграла легкая улыбка. Он дал знак охранникам. Те отсалютовали и скрылись за дверью.

— Агапито останется. У меня нет тайн от моего секретаря. Говори.

— Ваша светлость...— посол запнулся, затем продолжил под нетерпеливым взглядом Борджа.— Мой господин Варано настроен решительно.

Чезаре пожал плечами, снял крышку с коробочки.

— Это я уже понял. Больше вам нечего сказать?

— В самом начале нашего разговора вы не сочли нужным поправить меня, ваша светлость, когда я назвал себя вашим покорным слугой.

— Сколь кружным путем идете вы к поставленной цели. Ну да ладно. Когда-то вы служили у меня. Теперь служите ему. Хотите снова перейти ко мне? Речь пойдет об этом?

Малипьеро глубоко поклонился.

Герцог бросил короткий взгляд на Агапито. Потом достал из коробочки кусочек засахаренного абрикоса.

— Значит, положение бывшего тирана Камерино не так уж блестяще? — Вопрос этот по интонации больше походил на утверждение, отчего Малипьеро сник еще больше.

Он-то ожидал, что Чезаре ухватился за его предложение. От ненапускного равнодушия герцога его бросило в дрожь. Но Малипьеро сумел взять себя в руки.

— Ведь это я запугал Варано до такой степени, что он не решился прийти к вам сам, а направил меня.

Крышка вернулась на эмалевую коробочку. Герцог, похоже, заинтересовался. И окрыленный своим успехом, Малипьеро продолжил:

— Я сделал это лишь для того, чтобы предложить мои услуги вашей светлости. Ибо в сердце моем нет другого господина, кроме вас. И мой единственный сын служит вам.

— Ты лжешь, паршивый предатель! Лжешь! — Чезаре двинулся на него, словно решил стереть в порошок. Исчезли бесстрастное выражение лица, невозмутимость взгляда. Глаза герцога излучали адский огонь.

— Мой господин! Мой господин! — запричитал Малипьеро.

Чезаре остановил натиск. Лицо его вновь разительно переменялось. Вспышка ярости погасла так же внезапно, как и началась.

— Взгляни на кинжал у твоих ног. Час назад он сломался, ударившись о мою грудь. Ты догадался, чья рука направляла его? Рука твоего сына, твоего единственного сына, который, по твоим словам, служит мне.

Малипьеро отпрянул, рука его невольно поднялась к горлу.

— Ты пришел сюда за теми скудными сведениями, которые мог раздобыть этот шпион. И мое приглашение Варано пришлось очень кстати. Но твой сын уже ничего тебе не скажет. Завтра утром его повесят, и тело будет болтаться перед этим вот окном, чтобы его видели и Варано, которому он служил, и ты, для которого нет господина лучше меня.

Малипьеро рухнул на колени, простер к герцогу руки.

— Мой господин, клянусь вам, никакого заговора против вас не было. Никто не помышлял причинять вам вред.

— Что ж, на этот раз я тебе поверю. Возможно, заговора и не было. Но я поймал твоего сына с поличным, так что его все равно повесят на рассвете.

Малипьеро, по-прежнему стоя на коленях, обратил к герцогу покрывшееся потом лицо.

— Ваша светлость, в моих силах искупить вину сына, я помогу вам избавиться от этого неудачника из Камерино. Итак, мой сын в обмен на снятие осады?

Чезаре улыбнулся.

— Наверное, именно это предложение ты и хотел обсудить со мной без свидетелей. Теперь ничего не изменилось, кроме цены, но ты, несомненно, намерен извлечь из своего предательства и какую-то иную выгоду.

Малипьеро понял, что притворством делу не поможешь: герцог видел таких, как он, насквозь. Он предавал всех, кому служил, только ради золота, тягу к которому не в силах был перебороть. Но теперь ему не нужно ничего, кроме жизни сына. Все это он выложил Чезаре.

— Мы не договоримся, — пренебрежительно бросил в ответ герцог.

Слезы навернулись на глаза несчастного и потекли по щекам. С еще большим жаром он стал молить о милосердии, особо напирал на возможность быстрого снятия осады.

— Во всей Италии нет большего негодяя, чем ты, Малипьеро,— отвечал герцог.— От тебя воняет предательством. Мне даже смотреть на тебя противно, не то что иметь с тобой какие-то дела.

— Мой господин,— заломил руки Малипьеро.— Кроме меня, никто не сможет снять осаду. Подарите мне жизнь Густаво, и завтра же у стен Имолы не останется ни одного солдата. Варано я отправлю в Камерино. А что представляют собой его люди, вы знаете не хуже моего. Без его похуканий они разбегутся в мгновение ока.

Чезаре смерил Малипьеро суровым взглядом.

— И как же ты этого добьешься?

Этот вопрос поднял Малипьеро с колен, он шагнул к герцогу, облизнул губы.

— Варано дорог его трон в Камерино. Но еще дороже ему честь. И стоит шепнуть ему, что его жена...— он похотливо улыбнулся.— Вы понимаете, ваша светлость? Он пулей вылетит из лагеря и помчится в Камерино, где она сейчас пребывает.

От этой грязи к горлу Чезаре подкатила тошнота. Но внешне он ничем не выдал своих чувств. И в его глазах Малипьеро не смог прочесть того отвращения, что испытывал герцог. Наконец на лице Борджа появилась улыбка, о значении которой Малипьеро мог лишь догадываться, пока его светлость не заговорил.

— До чего же ты мерзок, Малипьеро. Однако мое дело — использовать тебя в своих целях, а не перевоспитывать. Вот и снимай осаду Имолы, раз ты говоришь, что такое возможно.

Малипьеро облегченно вздохнул. К оскорблениям он был безразличен.

— Обещайте мне жизнь сына, и я даю вам слово, что сегодня вечером Варано будет в седле.

— Ни на какие сделки с тобой я не пойду,— ответил Чезаре.

— Но если я сделаю то, о чем вы просите, могу я рассчитывать на ваше милосердие?

— Жди. Я поступлю по справедливости.

— Я буду ждать, надеясь на лучшее. И все же... все же... Успокойте меня, ваша светлость. Я — отец. Пообещайте мне, что Густаво не будет повешен, если я сослужу вам эту службу.

В глазах Чезаре мелькнуло презрение, он пожал плечами.

— Его не повесят. Я же сказал, что буду беспристрастен. А теперь к делу! — Чезаре прошел к письменному столу. — Ты имеешь право подписать пропуск от имени Варано?

— Да, ваша светлость.

— Тут есть все, что для этого нужно. Пиши. На двадцать человек, выезжающих из Измолы.

Малипьеро схватил перо и дрожащей рукой выписал пропуск, расписавшись внизу. Герцог взял бумагу, сел за стол.

— Как я узнаю, что Варано уехал?

Малипьеро на мгновение задумался.

— После его отъезда я сразу же потушу факел, что горит у его шатра. Его видно отсюда.

Чезаре медленно кивнул, поднес к губам серебряный свисток. Появившимся стражникам он приказал проводить посла до ворот.

Когда за ними закрылась дверь, герцог повернулся к Агапито с пренебрежительной улыбкой на устах.

— Я сослужил бы хорошую службу человечеству, если бы плюнул на неприкосновенность посла и поутру вздернул отца вместе с сыном. Ну и семейка! Жабы! Вонючие жабы. Ну ладно, хватит о них. Вызови Кореллу и проследи, чтобы младший Малипьеро был под рукой.

Когда один из капитанов Борджа, венецианец Корелла, которого многие принимали за испанца, высокий здоровяк в стали и коже, вошел в комнату, герцог протянул ему подписанный Малипьеро пропуск и стал отдавать распоряжения:

— Сегодня вечером следи за факелом, что будет гореть у шатра Варано. Через десять минут после того, как он погаснет, выедешь в Камерино с отрядом в двадцать человек, которых отберешь сам. — Чезаре развернул на столе карту и знаком подозвал Кореллу. — Но не по этой дороге, Микеле, не через Фаэнцу и Форли. Ты поедешь через холмы и обгонишь другой отряд, который пойдет по главной дороге. Ты должен быть в Камерино на шесть часов раньше их. Но учти, что и они будут скакать во весь опор. Более подробные инструкции получишь у Агапито. Как тебе их выполнить, решишь на месте.

Микеле де Корелла насупился.

— Они отправятся в путь раньше меня. Поедут короткой дорогой да еще будут скакать во весь опор. А мне ве-

лено прибыть в Камерино на шесть часов раньше. Короче, я должен сотворить чудо, но ведь я всего лишь Микеле де Корелла, капитан кавалеристов.

Чезаре задумчиво смотрел на него.

— Мне ли тебя учить? Отбери двух лучших всадников и направь их по короткой дороге. Пусть они обгонят отряд, а потом позаботятся, чтобы его задержали непредвиденные преграды, что и позволит тебе выполнить мой приказ.

Корелла даже покраснел. Столь простое решение он мог бы найти и сам.

— А теперь иди, Микеле, и готовься к отъезду.

Но голос Чезаре еще раз остановил Кореллу у самой двери.

— Я говорил о двадцати всадниках, но следовало бы сказать — девятнадцать, считая тебя. Двадцатым будет мессер Густаво Малипьеро. А сейчас распорядись, чтобы его привели сюда.

Корелла отдал честь и вышел из комнаты. Чезаре сел, повернулся к Агапито.

— Что скажешь? Понял ли ты мой замысел?

— Еще нет, мой господин.

— Нет? Иной раз мне кажется, что ты такой же тугодум, как Микеле,

Агапито пришло в голову, что хитростью и коварством герцог мог бы потягаться с самим Сатаной.

Малипьеро выполнил свое обещание, хотя и едва не лишился жизни в могучих руках Венанцио Варано.

После захода солнца он вошел в шатер Варано, и первые же его слова привели того в бешеную ярость. Он схватил Малипьеро за горло, сбил с ног и поволок в темный угол шатра, где придавил коленом к земле так, что у предателя затрещали кости.

— Собака! — прохрипел Варано над корчившимся от боли Малипьеро. — Ты заявляешь, что моя жена — шлюха? Скажи, что ты солгал, а не то я сверну тебе шею.

Но Малипьеро, трус по натуре, на этот раз преисполнился отчаянной отваги.

— Идиот! — прохрипел он. — Идиот, я сказал это из любви к тебе и могу доказать свои слова.

— Доказать? — проревел Варано. — Разве можно доказать ложь?

— Нет, — просипел Малипьеро. — Но правду — можно.

Едва ли Малипьеро мог найти более убедительный ответ. Во всяком случае, Варано отпустил Малипьеро, поднялся и потребовал принести фонарь. Малипьеро сел, ощупал себя, чтобы убедиться, целы ли кости, и мысленно взмолился Святой Деве Лоретской⁵, которую считал своей покровительницей. Просил он ее об одном: чтобы его насквозь лживые доказательства, уличающие жену Варано в супружеской неверности, показались достаточно убедительными. Себя же, вернее свою совесть, он успокаивал тем, что за столь жестокое обращение с ним Варано обязан понести наказание. И раз ему достались синяки, они с Варано будут квиты, если тому достанутся душевные муки.

Фонарь осветил сидящего на полу мужчину в разорванной одежде, с бледным лицом и спутанными волосами. В его бегающих глазах блестели злобные искорки. Варано угрожающе навис над ним.

— Ну, собака, где твои доказательства?

Вот когда пришел в час отмщения! Малипьеро не торопясь одернул камзол, сунул руку за пазуху, достал свиток, перевязанный розовой лентой, и начал медленно его развязывать. Варано, естественно, не выдержал, вырвал свиток, рванул ленту. Отошел к столу, разгладил письмо широченной ладонью.

Малипьеро, пожирая его взглядом, заметил, как поникла голова Варано. Но он быстро отправился. Жене своей он верил, и сбить его с наскоку было нельзя. Он сел в кресло и повернулся к уже поднявшемуся Малипьеро.

— А теперь скажи мне, каким образом попали к тебе эти письма?

— Фабио, слуга госпожи, привез их час назад, в ваше отсутствие. Он не решился предстать пред ваши очи. Любовь к вам заставила его предать свою госпожу. Но он побоялся отдать письма вам лично и оставил их мне, после чего умчался назад.

— А если... Если они фальшивые? — Малипьеро сразу же понял, что ему удалось разжечь в душе Варано костер ревности, на которую он и делал ставку. Оставалось лишь подбрасывать дровишек.

— Мой господин, — вздохнул он печально, — вы не доверяете тем, кто любит вас. Если не любовь, то какой был резон Фабио приезжать сюда? Он же выкрал письма из шкатулки, где госпожа хранит свои драгоценности. То есть, он и раньше знал о существовании писем, иначе не стал бы их там искать.

— Достаточно! — голос Варано переполняла душевная

боль. Выругавшись, он взялся за второе письмо.— О, какая грязь! — простонал он.— А дальше все гаже и гаже.— Тут он прочитал подпись: «Галеотто», и брови его вопросительно изогнулись.— Но кто этот Галеотто?

На хитром лице сатира, стоявшего рядом, промелькнула улыбка. Он не страдал отсутствием чувства юмора, этот Малипьеро. И ответом его стала пародия строчки Данте:

«Galeotto fu il nome, e chi lo scrisse!» *

В горле Варано что-то булькнуло, и тиран Камерино взялся за третье письмо. Пальцы его правой руки сжимались и разжимались. Потом он встал и изо всей силы хватил кулаком по столу.

— О, бесстыдница! — проревел он.— Прелюбодейка! Шлюха! И все же, вдруг это ложь? Господи, помоги мне! Если так...

Он не договорил. Взгляд его налитых кровью глаз упал на Малипьеро, и тот в испуге попятился. А Варано большими шагами пересек шатер, откинул полог.

— Немедленно оседлать трех лошадей,— приказал он.— Со мной поедет Джанпаоло. Третья лошадь для тебя, Малипьеро.

— Для меня? — в ужасе просипел предатель. Такого поворота событий он никак не ожидал.

— Для тебя,— подтвердил Варано.— Тебе приходилось видеть палача за работой? Ты знаешь, как на дыбе выворачиваются кости, рвутся сухожилия, а тот, кого пытаются, начинает молить о скорой смерти? Если окажется, что ты солгал, а я молю Господа Бога, чтобы так оно и было, ты испытаешь все это на себе. И пожалеешь о содеянном.— Чезаре Борджа не зря называл Варано кровавым тираном.— А теперь иди, готовься к поездке,— продолжил он, и Малипьеро выскользнул из шатра.

Такого поворота событий хитрый, поднаторевший в интригах венецианец — а Малипьеро был родом из Венеции — не предусмотрел. Выходило, что Варано, несмотря на обуявшую его ревность, оставлял за собой возможность незамедлительно наказать предателя, если жена докажет свою невиновность.

«Что же делать?» — мучительно размышлял Малипье-

* «Галеотто — его имя, и он это написал!» (ит.). — парафраз двустишия из «Божественной комедии»:

*Но более, чем имя Галеотто,
Нам нужен человек, что прячется за ним.*

ро, стоя посреди своей палатки.— Матерь Божья, что же теперь делать?»

Но удовлетворительного ответа не находилось. В какой-то момент ему удалось освободиться от липкой пелены страха, и он вытащил из ножен меч. Коснулся большим пальцем острия, чтобы убедиться, не затупилось ли оно. Упер рукоять в землю и замер. Оставалось лишь одно: наклониться, прижаться к острию грудью в том месте, где билось сердце, и опуститься на меч. Римская смерть, быстрая и безболезненная. Разумеется, он достиг конца своего жизненного пути. Лучше умереть здесь, чем на дыбе в руках палача, как пообещал ему Варано.

Но тут он вспомнил о сыне. Его повесят, если Варано не уедет этим вечером. Когда Малипьеро покончит с собой. Варано догадается, что все это значит, и останется в лагере. Только это соображение да мысль о том, что на пути между Имолой и Камерино все может случиться, остановили Малипьеро. Он поднял меч и засунул его в ножны.

У палатки слышались шаги. На пороге появился солдат. Варано звал Малипьеро к себе. Предатель собрался с силами и шагнул в темноту.

У шатра Варано он вспомнил еще об одном неотложном деле.

— Загаси факел,— скомандовал он сопровождавшему его наемнику.

Тот подхватил ведро воды, стоявшее неподалеку, и факел, зашипев, погас.

— Это еще зачем? — спросил вышедший из шатра Варано.

— Тут слишком светло,— с готовностью объяснил Малипьеро.— Нас могут увидеть из замка.

— И что тогда?

— Незачем Чезаре Борджа знать, что вы покинули лагерь.

— Да, конечно,— согласился Варано.— Это ты хорошо придумал. А теперь по коням!

Они уже сидели в седлах, когда к шатру подошел Шварц, капитан наемников. Весть об отъезде Варано, обежав лагерь, достигла ушей швейцарца, и он, все еще не веря услышанному, бросился к командиру за указаниями.

— Отстань от меня,— отмахнулся от него Варано.

— Но, ваше высочество, долго ли вы будете отсутствовать? — не унимался Шварц.

— Сколько потребуется.

— Так чьи же приказы должен я выполнять в это время? — воскликнул рассердившийся наемник.

— Дьявола, — проревел Варано и вонзил шпоры в бока жеребца.

Мчались они всю ночь и на рассвете добрались до Сан-Арканджело. Когда копыта их коней уже гремели по мосту, Малипьеро с болью в сердце подумал, что внизу течет Рубикон, который он пересекает как реально, так и фигурально.

Варано, с лицом, напоминающим гипсовую маску, и устремленным вперед взглядом, все погонял и погонял лошадь, опережая своих спутников на полкорпуса. За Арканджело их обогнали два всадника, унесшихся к Римини в облаке пыли. То были люди, посланные Кореллой по приказу герцога, получившие недавно свежих лошадей. Потому-то они так легко обошли крошечный отряд Варано.

Последний с завистью глянул им вслед и громко выругался, кляня усталость своего жеребца. Трое продолжили путь к Римини, однако скорость их убывала с каждым часом. Наконец они прибыли в городок, и в харчевне «Три короля» Варано потребовал свежих лошадей, даже не упомянув о завтраке. Но лошадей не нашлось.

— Быть может, в Каттолике... — предположил хозяин харчевни.

Варано не стал спорить. Выпил кружку вина, съел краюху хлеба, вскочил в седло и знаком предложил Малипьеро и Джанпаоло следовать за ним. За торопливость ему и пришлось расплачиваться: не зря же говорят, тише едешь — дальше будешь. До Каттолики они добирались три часа — уставшие люди на конец измученных лошадей. Но и там они не нашли замены. Правда, им пообещали, что к вечеру лошади будут.

— К вечеру? — взревел Варано. — Но еще не наступил и полдень!

Малипьеро, совершенно разбитый, рухнул на каменную скамью во дворике харчевни.

— Будут лошади или нет, — просипел он, — я никуда не поеду.

Лицо его посерело, под глазами повисли черные мешки.

Варано ничего этого не замечал. Он уже открыл было рот, чтобы как следует выбрать малодушного, но тут на помощь Малипьеро неожиданно пришел Джанпаоло.

— Я тоже, клянусь Богом. Прежде чем снова сесть в седло, я должен поесть и поспать. Зачем мчаться сломя

голову, мой господин? — попытался он урезонить хмуращегося Варано. — Мы будем спать днем, а скакать ночью.

— Спать? — прогремел Варано. — Я собирался уснуть только в Камерино, не раньше. Но, раз я еду с бабами...

Оскорбления не помогли, и только в сумерках они тронулись дальше. Лошадей им дали отдохнувших, но не таких резвых, как хотелось бы Варано. Скакали они всю ночь, держа курс на запад, мимо Урбино, занятого мятежными капитанами герцога, затем повернули на юг, к Перголе, в которую и въехали на заре.

До Камерино оставалось всего тридцать миль. Варано не стал бы задерживаться в Перголе ни на минуту, однако и здесь не оказалось лошадей. Не помогли ни щедрые посулы, ни угрозы. Ему резонно отвечали, что здешние места наводнены военными отрядами, так что все лошади давно разобраны. И Варано пришлось ждать, пока отдохнут те, на которых они прискакали из Каттолики.

Они пробыли в Перголе до полудня. Удрать Малипьеро не удалось, поэтому он решил сказатьсь больным.

— У меня кружится голова, — застонал он. — Внутри все горит. Я уже старик, мой господин, и не гожусь для таких скачек.

Варано грозно глянул на него налитыми кровью глазами.

— В Камерино мы найдем тебе врача.

— Боюсь, мой господин, что не доеду туда.

— Забудь о своих болях, — мрачно усмехнулся Варано. — К вечеру ты будешь там, живым или мертвым.

И ушел, оставив Малипьеро в холодном поту.

Когда пришла пора садиться на лошадей, Малипьеро снова стал жаловаться на нездоровье.

— В седло! — рыкнул Варано, и Малипьеро, смирившись с перспективой ужасной смерти, уготованной ему судьбой, послушно выполнил приказ.

Так он и прибыл в Камерино — между Варано и Джанпаоло.

В городке стоял небольшой гарнизон Чезаре Борджа. Значительных сил для защиты городка не требовалось, ибо, попытайся клан Варано снова захватить власть, против них поднялось бы все население.

Под покровом сумерек Варано и его спутники добрались до постоянного двора в предместье городка. Там бывший тиран Камерино оставил Малипьеро пленником, а Джанпаоло — охранником. Сам же отправился разузнать, правдиво ли донесение об измене жены.

Малипьеро, завернувшись в плащ, вытянулся на лавке,

дрожа, как осиновый лист, в ожидании палача и дыбы. Скоро, скоро Варано узнает, что его жена чиста пред ним, и тогда... С'губ несчастного сорвался жалобный стон, привлечший внимание Джанпаоло, ужинавшего за столом.

— Вам плохо, мессер? — осведомился он. Малипьеро он любил не больше Варано, но долг христианина требовал заботиться о своем ближнем.

Малипьеро ответил новым стоном, и Джанпаоло, движимый жалостью, принес бедняге кружку вина.

Тот осушил ее залпом. Вино согрело его, и он попросил вторую. Выпил и ее, а потом и третью. Вино придало ему храбрости, и Малипьеро пришел к выводу, что страхи его сильно преувеличены. Он должен предпринять попытку спастись раньше, чем за него примется палач. Даже сейчас еще не все потеряно. В городе войска Борджа. Он сможет найти защиту. Для этого достаточно уведомить командира отряда или губернатора о возвращении Варано в Камерино, и в знак благодарности они укроют его у себя.

Окрыленный такими мыслями, Малипьеро откинул плащ и вскочил.

— Нечем дышать, мне нужен свежий воздух! — воскликнул он.

Поднялся и Джанпаоло.

— Я открою окно.

— Окно? — пренебрежительно фыркнул Малипьеро. — В этом вонючем доме окно не поможет. Я пойду прогуляться.

Джанпаоло сразу заподозрил неладное: слишком уж разительные перемены произошли с человеком, который только-только клялся, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой, и загородил собой дверь.

— Лучше подождите возвращения моего господина.

— Я выйду всего на несколько минут.

Но Джанпаоло помнил полученный приказ: ни на минуту не оставлять Малипьеро одного. Его насторожила неожиданная прыткость пленника. Едва ли вино могло добавить столько сил человеку, замертво валявшемуся на лавке.

— Что ж, можете прогуляться, — согласился Джанпаоло. — Только я пойду с вами.

Лицо Малипьеро вытянулось, но он быстро взял себя в руки. Пусть этот болван пойдет с ним. И сам угодит в ловушку. Но не успел он сделать и шага, как ступени заскрипели под тяжелыми шагами, распахнулась дверь и в комнату влетел разъяренный Венанцио Варано.

Малипьеро попытился в ужасе, кляня себя за то, что так долго не мог найти столь очевидного пути к спасению. Теперь шанс был упущен. Варано узнал правду, а лжеца ждет дыба. Малипьеро уже воображал, как грубые орудия палача выламывают его суставы, рвут сухожилия.

И вдруг произошло чудо: Варано рухнул на стул, обхватив голову руками, и застыл под недоуменными взглядами Джанпаоло и Малипьеро. Малипьеро никак не мог взять в толк, что все это значит.

Наконец Варано поднял голову и взглянул на Малипьеро.

— Малипьеро, с момента отъезда из Имолы я молил Бога, чтобы оказались причины, заставившие тебя лгать мне, и ты назвал их на дыбе, но... — голос его сорвался. — О, на небесах не больше жалости, чем на земле. Ты сказал правду, отвратительную, низкую правду!

Правду! Столь неожиданны были слова Варано, что Малипьеро чуть не запрыгал от радости и тут же поклялся пожертвовать крупную сумму своему небесному покровителю, спасшему его от ужасных мучений. Однако ему удалось скрыть внутреннее ликование. На лице его отразилась печаль. Он облизал пересохшие губы, покачал головой, как бы говоря, что от женщин другого и не дождешься. Ему хотелось задать Варано множество вопросов, узнать, какие подробности ему известны, но он не решился открыть рот. Впрочем, вопросов и не требовалось: Варано обо всем рассказал сам.

— Меня узнали на улице у таверны. Какой-то человек последовал за мной, догнал, окликнул. Сказал, что когда-то служил у меня, всегда питал ко мне самые теплые чувства и в эту самую ночь намеревался отправиться в Имолу, чтобы поведать, что здесь творится в мое отсутствие. Услышав его рассказ, я направился было к этому проклятому дворцу, где милостью Борджа поселилась эта изменница. Но он подал мне дельный совет — подождать до полуночи, чтобы застать прелюбодейку на месте преступления. Он сам — есть же на свете добрые души! — обещал последить за дворцом и оказать мне любую помощь, какая в его силах.

Варано поднялся. Горечь и стыд сменились неистовым гневом. Его внимание привлекло висевшее на стене зеркало. Он подошел к нему, потер рукой лоб.

— Ты лжешь, — проревел он и злобно рассмеялся. — Лоб гладкий, без рогов! Без рогов! У меня же рога, как у матерого оленя!

В полночь Венанцио Варано поднялся со стула, на котором неподвижно просидел больше часа. Лицо его осунулось, глаза запали.

— Пошли,— приказал он.— Уже пора.

Джанпаоло, в глубокой печали, и Малипьеро, с трудом скрывающий свою радость, последовали за ним по узкой лестнице и вышли наружу, попав в объятия теплой, полной осенних ароматов ночи. По крутой улочке поднялись ко дворцу на вершине холма. Миновав парадные ворота, свернули в узкий переулок, подошли к калитке в высокой стене. Перед ними возник мужчина, словно материализовавшись из тьмы.

— Он там,— прошептал незнакомец.— Прошел обычным путем. Калитку оставил незапертой.

— Как благородно с его стороны,— пробурчал Варано, сунув кошелек в руку шпиона. Распахнул калитку и первым ступил в сад, заросший густыми кустами. Пройдя по темной аллее, они оказались на небольшой площадке с клумбой, освещенной звездами. Варано остановился, сжал руку Малипьеро.

— Смотри, вот ее спальня.

Во всем дворце светилось лишь одно окно.

— Видишь, как оно манит. Весталка разожгла огонь.

Они приблизились ко дворцу, с балкона свисала шелковая лестница.

— Какая предусмотрительность,— прорычал Варано.

Теперь исчезла последняя надежда на невинность жены, которая теплилась в нем, несмотря на письма и рассказы.

С проворством обезьяны Варано вскарабкался по лестнице. Перекинул через каменный парапет одну ногу, вторую, плечом выломал дверь в спальню.

Посреди комнаты стоял высокий, светловолосый мужчина в белом с золотом одеянии, словно новобрачный. Он уже снял камзол и держал его в руке. На лице его отражалось безмерное изумление.

Варано молча бросился на него, развернул спиной к себе и, одной рукой обхватив за шею, завалил назад. Уже полузадушенный, бедняга увидел над собой занесенный кинжал и услышал громовой голос: «Мерзкий пес, я — Венанцио Варано. Взгляни на меня и умри!»

Кинжал вошел в грудь по самую рукоять. Варано вырвал его и тут же нанес второй удар в сердце обесчестившего его человека. Затем за руку поволок к кровати тело, оставлявшее за собой на мозаичном полу алую полосу.

— Сейчас понежишься в постельке, — бормотал он. — Понежишься. А эта шлюха...

Он выпустил руку убитого и, крепко сжав кинжал, второй рукой отдернул тяжелый полог.

— Ну... — он осекся, увидев застеленную кровать.

И тут у него за спиной распахнулась дверь. Он обернулся — страшный, забрызганный кровью.

На пороге стоял темноволосый мужчина с военной выправкой, известный каждому солдату в Италии точно так же, как и его господин.

— Микеле да Корелла! — воскликнул Варано, словно пораженный громом. — Ты же был в Имоле! Что привело тебя сюда? — И не дожидаясь ответа, задал другой, более важный для себя вопрос: — Моя жена? Где монна Эулалия?

Корелла вошел в спальню. За его спиной теснились солдаты в красно-желтой форме армии Чезаре Борджа.

— Ваша жена, мой господин, в Болонье, в полной безопасности.

Варано воззрился на капитана.

— Почему... Почему... в ее спальне мужчина?

— Это один мерзкий тип, мой господин... Но он причинил вам куда меньше вреда, чем другой человек. Всему виной этот негодяй Малипьеро, замысливший запятнать честное имя вашей жены, монны Эулалии.

— Запятнать? — эхом отозвался Варано. — Честное имя? — Тут до него дошел смысл слов Кореллы. — Так все это ложь?

— Клянусь небом, — подтвердил Корелла. — Жители Камерино обратили испытываемую к вам ненависть на монну Эулалию, мой господин. И неделю назад она нашла убежище у своего отца в Болонье. А ее курьер прибыл в Имолу буквально через час после вашего отъезда.

Из могучей груди Варано вырвалось рыдание. По обветренным щекам потекли слезы. Пусть его предали. Пусть шанс посчитаться с Борджа безвозвратно утерян. Главное в другом — честь его спасена, жена не изменила ему.

А Корелла тем временем излагал подробности преступной интриги, позволившей Малипьеро выманить Варано из Имолы, чтобы в его отсутствие Чезаре Борджа мог без труда разметать осаждавших замок наемников. Таким образом старший Малипьеро хотел спасти жизнь сына, которого герцог намеревался повесить за шпионство и покушение на его жизнь. Сама идея Чезаре понравилась, но он прези-

рал предателя и не согласился на условия последнего, лишь пообещав, что рассудит по справедливости.

— В полном соответствии с желанием моего господина,— продолжал Корелла,— я привез в Камерино и поселил в этих покоях человека, вверенного мне его светлостью. Я предполагал, что он попытается бежать, воспользовавшись лестницей, свисающей с балкона, а вы встретите его внизу. Но ваше нетерпение...

— Клянусь Богом! — взревел Варано.— Чезаре Борджа ответит за то, что мне пришлось убить невинного человека.

Корелла покачал головой.

— Да вы, я вижу, ничего не поняли,— он указал на труп.— Это же Густаво Малипьеро.

Варано отпрянул.

— Густаво Малипьеро? Его сын? — и он мотнул головой в сторону балконной двери.

— Его сын,— кивнул Корелла.

— Святой Боже,— прохрипел Варано.— Такова, значит, справедливость твоего герцога?

— Да, господин мой, она в том, чтобы воздать должное убийце, что лежит перед вами, и предателю, что ждет снаружи. Поразить обоих одним ударом, рукой того, кого предал Малипьеро. Именно так понимает справедливость мой герцог.

Варано посмотрел на Кореллу.

— Особенно если это помогает осуществить его замыслы.

Корелла пожал плечами. Но Варано уже отвернулся от него. Он поднял тело убитого, вышел с ним на балкон, и перекинул через решетку.

— Вот, Малипьеро, награда за твою службу. Бери ее и сгинь.

Глава 2

ИСПЫТАНИЕ

Вармии Чезаре Борджа служил молодой офицер-сицилиец, Ферранте да Изола. Благодаря мужеству, проявленному на поле боя, и мудрости во время военных советов он быстро выдвинулся на первые роли и стал одним из самых доверенных капитанов герцога.

Этот Ферранте был внебрачным сыном тирана Изола, но, учитывая многочисленность законного потомства последнего, справедливо рассудили, что осуществить свои честолюбивые замыслы на родной Сицилии ⁶ ему вряд ли удастся, ибо он мог похвастаться лишь юностью и отвагой, сильным телом и привлекательным лицом, острым умом и отзывчивым сердцем. Вот и покинул он дом отца в поисках того рынка, где есть спрос на предлагаемый им товар. Ферранте прибыл в Рим осенью 1500 года, когда папе исполнилось семьдесят лет, подгадав как раз ко второй военной кампании Чезаре Борджа в Романье. Тут его услуги приняли с благодарностью. Храбрость и находчивость Ферранте не остались незамеченными. Он быстро продвигался по службе, а когда Тиберти убило разорвавшимся ядром у стен Фазнцы, занял его место. Так за шесть месяцев он прошел путь от новобранца до командира кавалерийского отряда, участника военных советов, пользующегося полным доверием герцога.

Столь значительные достижения за ничтожно малый промежуток времени указывали на то, что перед Ферранте открываются блестящие перспективы. Он чувствовал, что его ждут великие дела, и, уверенный в своем будущем, позволил себе влюбиться.

Случилось это на следующее лето, когда армия возвращалась домой, значительно поредев после похода на Болонью: часть войск осталась в покоренных городах, немалые силы герцог послал к Пьомбино. Сам Чезаре Борджа обосновался в милом городке Лояно, ожидая ответа Синьории Флоренции на свою просьбу пропустить войска через Тоскану и размышляя, как с наименьшими потерями разделаться с городом Сан-Часкано ⁷, защитники которого не желали сдаваться, несмотря на падение Фазнцы.

Этот Сан-Часкано занозой сидел в теле новых владений герцога. Раздавить городок не составляло труда, двинув сюда всю армию и продержав его две-три недели под непрерывным огнем бомбард. Но у герцога не было этих недель. Папа требовал его возвращения в Рим, а король Франции ожидал его поддержки в войне с Неаполем, так что он не мог обрушиться всей мощью на непокорных жителей крошечного городка. Не мог бросить на его осаду даже одного сильного отряда, так как войска требовались под Пьомбино.

Таким образом для штурма Сан-Часкано оставались только отряды, расквартированные в Романье, которые были довольно малочисленны. Взять город Борджа мог

лишь хитростью, потому-то так тщательно он обдумывал свой следующий шаг. Недостатком хитрости герцог не страдал и ожидал лишь подходящего случая, который и не замедлил представиться, когда юный Ферранте воспылал любовью к Кассандре, единственной дочери главы семейства Дженелески.

Впервые капитан увидел ее в церкви Благовещения, куда заглянул, чтобы полюбоваться знаменитой фреской мессера Мазаччо ⁸, ибо считал себя поклонником изящных искусств. Однако мы не знаем, понравилась она ему или нет, ибо очень скоро образ Кассандры из дома Дженелески полностью затмил Мадонну кисти мессера Мазаччо.

Он вышел из церкви на закате дня. Спрашивать его, какого цвета было покрывало Мадонны на картине, которую он лицезрел несколькими часами раньше, не имело смысла. Зато с мельчайшими подробностями, разве что не стихами, Ферранте мог бы описать особенности наряда живой мадонны ⁹, которую буквально пожирал взглядом. Впрочем, любовь с первого взгляда и самого сурового мужа обращает в поэта.

К сожалению, он не смог поделиться с дамой обуревавшими его чувствами, ибо ее сопровождала пожилая женщина, которая не допустила бы, чтобы кто-либо, а тем более незнакомец, начал признаваться в любви той, кого она опекала.

Прежде всего внимание капитана привлекла походка Кассандры. А уж потом, потрясенный красотой девушки, он и думать забыл о творении Мазаччо: искусство потерпело поражение в соперничестве с явившимся взору Ферранте творением природы.

Ферранте достало ума первым поспеть к чаше со святой водой, окунуть в нее руку и галантно предложить даме прикоснуться к блестящим на пальцах каплям. Кассандра не отказала кавалеру в любезности, скромно потупив очи, но перед тем одарив его взглядом, который едва не ослепил Ферранте. Он даже попятился и не заметил, что заслонил собой стоявшую на порфириковом пьедестале чашу, к которой направилась дуэнья. И та злобно взглянула на молодого красивого капитана, помешавшего ей достойно исполнить святой долг.

В сгущавшихся сумерках женщины пересекли маленькую площадь перед церковью, а Ферранте так и застыл у дверей, глядя им вслед. Но перед собой он видел не их спины, а овальное личико цвета старой слоновой кости, обрамленное блестящими черными волосами в золотой се-

точке, губы, алые, как лепестки цветков граната, синие, как Адриатика, глаза, единственный взгляд которых пронзил его насквозь.

Наконец он очнулся и двинулся вслед за женщинами, уже свернувшими в одну из узеньких улиц. В такое время, решил он, негоже молоденькой девушке находиться под охраной одной дуэньи. В городе полно солдат: задиристых швейцарцев, горячих гасконцев, страстных испанцев, развеселых итальянцев. И даже насаждавшаяся железная дисциплина не могла уберечь девушку от посягательств этой братии, в особенности ночью. Ферранте похолодел от одной мысли об оскорблениях, которым может подвергнуться невинное создание, и ускорил шаг. В конце концов он догнал женщин, и, как оказалось, в самый нужный момент.

Четверо мужчин, в которых он узнал кавалеристов своего отряда, шли навстречу женщинам цепью, взявшись за руки, во всю ширину мостовой. Девушка, испугавшись, уцепилась за руку своей старшей спутницы. Солдаты уже сыпали солеными шуточками, готовясь взять женщин в кольцо, как вдруг послышались быстрые шаги, звяканье шпор и суровый голос, которому они подчинились незамедлительно, освободив дорогу.

Дуэнья подняла голову и увидела высокого капитана, подавшего в церкви святую воду ее госпоже. На лице ее отразилось чувство благодарности, ибо на нее произвело впечатление столь резкое изменение в поведении солдат, но тут же она усомнилась в искренности намерений незнакомца.

А Ферранте, сняв шляпу, уже галантно кланялся юной Кассандре.

— Мадонна, вы можете продолжить свой путь, но для вашей безопасности я предпочел бы сопроводить вас. В Лояно слишком много солдат, а мое присутствие избавит вас от неприятных встреч.

Но прежде чем девушка успела открыть рот, ответила дуэнья, и Ферранте, мечтавший услышать ангельский голосок девушки, рассердился.

— Мы уже почти пришли, мессер. Братья мадонны, несомненно, отблагодарят вашу светлость.

— Я не ищу благодарности,— отмахнулся Ферранте и уже мягче добавил: — И сочту за честь, если мадонна позволит мне сопровождать ее.

И вновь дуэнья опередила девушку с ответом: видимо, навязчивость капитана казалась ей все более подозрительной. Свое раздражение Ферранте выплеснул на четверых

солдат, стоявших рядом и перемигивавшихся между собой — у них не было сомнения в том, какую цель преследует их командир.

— Если у вас нет желания попасть в руки начальника военной полиции, вам следует помнить приказы герцога и уважать всех жителей города и их собственность.

Солдаты молча выслушали его, но, когда они отошли на дюжину шагов, до Ферранте донесся приглушенный смех. Один из солдат, копируя его интонации, произнес:

— Вы должны уважать всех жителей города и их собственность, помните об этом. А когда жительница города — собственность капитана или, во всяком случае, он на нее положил глаз, вы должны поискать добычу в другом месте, как меньшие братья святого Франциска!

Ферранте вспыхнул и едва удержался от того, чтобы воздать по заслугам шутнику, но перехватил недружелюбный взгляд дуэньи и разозлился еще больше.

— До чего же грязные у солдат мысли, — прокомментировал Ферранте, наклонившись к ней. — Тут они могут потягаться с дуэньями.

Женщина залилась краской, но ответила сдержанно, не давая воли чувствам.

— Думаю, мессер, мы более не нуждаемся в ваших услугах. Мы будем в полной безопасности.

— Вы хотели сказать, в большей безопасности, чем со мной? — бросил Ферранте и повернулся к девушке. — Я надеюсь, мадонна, вы не разделяете беспочвенных страхов вашей служанки?

И опять он не услышал ее голоса, ибо заговорила дуэнья:

— Я же вам сказала, мессер, что мы будем в полной безопасности. Если вы вкладываете в мои слова тайный смысл, пусть это останется на вашей совести.

Не успела она закончить фразу, как из-за угла появились два коренастых, крепко подвыпивших швейцарца. Ферранте взглянул на них, потом на дуэнью, с удовлетворением отметив, как исказилось от страха ее широкое лицо. Наверное, она уже сожалела о том, что предложила капитану откланяться.

— Женщина, — изрек он, — словно утлый челн между Сциллой и Харибдой¹⁰. Поверьте мне, учтивость в подобных ситуациях — лучший лодчман.

И молча повел женщин мимо горланивших песню швейцарцев.

Так, не проронив ни единого слова, они дошли до величественного дворца на главной улице города. Над парадной дверью стоящие на задних лапах львы поддерживали монументальный каменный герб, но в ступившихся сумерках Ферранте не мог разглядеть, что на нем было изображено.

Женщины остановились, и он, решив, что теперь-то услышит голос девушки, стал вглядываться в бледный овал лица. Где-то далеко пел мальчик, вдоль улицы шли два солдата, громко переговариваясь между собой, и Ферранте мысленно выругал их всех, поскольку посторонние шумы могли помешать ему насладиться музыкой девичьего голоса. Но вновь его ждало жестокое разочарование. Рот раскрыла дуэнья, и в тот момент он буквально возненавидел ее голос.

Она же коротко поблагодарила капитана и отпустила его. Отпустила, словно слугу, на пороге дома, хотя и обещала, что братья мадонны отблагодарят его. Правда, он сам отказался от благодарностей, так что винить было некого, но элементарная вежливость требовала хотя бы пригласить его в дом. Уж эта дуэнья знала, как насолить ему! Правда, девушка улыбнулась на прощание и даже сделала реверанс, но что значат улыбка и реверанс для того, кто жаждет услышать хотя бы несколько слов?

Ферранте ответил глубоким поклоном и отвернулся, рассерженный и обиженный, а женщины вошли во дворец. В то же мгновение капитан схватил за плечо проходившего мимо горожанина. Тот весь сжался.

— Чей это герб? — спросил Ферранте.

— Что? Герб? — У горожанина отлегло от сердца, едва до него дошла суть вопроса. — А, вот вы о чем... Это герб Дженелески, ваше высочество.

Ферранте поблагодарил его и зашагал в казарму.

С тех пор Ферранте внезапно стал едва ли не самым набожным человеком в армии Чезаре Борджа. Ежедневно он приходил в церковь Благовещения к ранней утренней мессе, хотя влекла его туда вовсе не забота о спасении души. Он появлялся там лишь для того, чтобы полюбоваться Кассандрой де Дженелески — к тому времени он уже выяснил, как ее зовут.

Всего за неделю капитан разительно переменился. Прежде он был солдатом до мозга костей и, как подобает командиру отряда, держал своих подчиненных в крепкой узде. Теперь же он превратился в размягченного мечтателя, чуть ли не начисто забросив свои прямые дела. Хватка

его ослабла, и кавалеристы, подметив перемену в Ферранте, мгновенно забыли о дисциплине и начали нарушать указы Борджа. Посыпались многочисленные жалобы местного населения. Дело дошло до того, что герцог вызвал Ферранте к себе и сурово отчитал.

Ферранте вяло оправдывался, ссылаясь на то, что ничего не знал. Герцога подобное объяснение не устроило, и он предупредил капитана, что отстранит его от должности, если нарушения будут повторяться. Ферранте вышел из дворца, кипя от гнева, готовый тут же излить его на подчиненных, о которых он забыл, переполненный мыслями о прекрасной Кассандре.

В его жизни наступил перелом. Больше так продолжаться не могло. Каждодневное любование красавицей не насыщало душу, а, наоборот, только усиливало раздражение. Попытки завязать разговор с красавицей в корне пресекались суровой дуэней. Тогда Ферранте, движимый отчаянием, решил, что настала пора вводить в бой тяжелую артиллерию, избрав в качестве первого ядра письмо с красочным описанием всего, что происходит у него в душе.

«*Soavissima Cassandra, Madonna diletissima*», — написал он оцинченным пером орла, приносящим счастье в любовных делах. — Вам, конечно, доводилось слышать о Прометее. Вам известно о страданиях, которые испытывал он, терзаемый птицей Юпитера, которая прилетала каждый день и рвала его печень. Эта грустная история не могла не тронуть вашего нежного сердца. И вам понятно, сколь бесконечна моя душевная боль, как изо дня в день рвется мое сердце, ибо я вижу вас только издалека, прикованный к черной скале отчаяния. Сжальтесь надо мной, *Madonna mia...**»

Если бы не сжигавший его любовный жар, он бы сам посмеялся над гиперболами, выходящими из-под его пера.

Это безумное письмо Ферранте отдал своему оруженосцу, наказав передать его только в руки Кассандры. Что оруженосец и сделал, вручив ей послание у парадной двери дворца. Однако письмо непрочитанным перекочевало к Леокадии, бдительной дуэнье. Она бы с удовольствием прочитала письмо, но грамоте ее не выучили, так что пришлось отнести письмо братьям Кассандры, коим она и со-

* Нежнейшая Кассандра, дражайшая мадонна (ит.).

** Госпожа моя (ит.).

общила, что автор скорее всего — капитан армии Борджа, в последнюю неделю преследующий их как тень.

Тито, старший из братьев, нахмурившись, выслушал дуэнью, а затем прочел письмо, рассмеялся и передал его Джироламо. Последний, ознакомившись с содержанием письма, выругался и велел Леокадии привести сестру.

— Кто этот Ферранте? — осведомился он, когда дуэнья скрылась за дверью.

Тито, меривший шагами комнату, резко остановился и пренебрежительно хмыкнул.

— Внебрачный сын правителя Изолы, что на Сицилии, авантюрист без гроша в кармане, жаждущий породниться с нами и использовать наше высокое происхождение в своих целях.

— Цель-то у него одна, — Джироламо уселся поудобнее. — А ты, я вижу, хорошо осведомлен.

— В этом нет ничего удивительного. В армии Борджа он не последний человек, командует кавалерийским отрядом. И собой мужчина видный. А Кассандра, будучи женщиной и душой... — и он развел руками.

Джироламо насутился.

Оба брата, смуглокожие, с крючковатыми носами, возрастом были значительно старше сестры и питали к ней почти родительские чувства.

Тут вошла и она в сопровождении Леокадии.

Джироламо поднялся, предложив сестре стул. Та улыбнулась в ответ и села, сцепив руки на подоле синего платья.

Первым заговорил Тито.

— Итак, Кассандра, у тебя, похоже, появился кавалер.

— Ка... кавалер? — переспросила она. — Его выбрал ты, Тито? — Голосок у нее был не слишком приятным, скорее пронзительным, лишенным каких бы то ни было эмоций.

— Я, детка? — Тито расхохотался. — Отнюдь! И не строй из себя святую невинность. — Прочитай это письмо. Оно адресовано тебе.

Кассандра взяла из рук Тито лист бумаги, брови ее сошлись у переносицы. Медленно, с большим трудом, начала разбирать она почерк своего кавалера-солдата. Наконец сдалась, повернулась к Джироламо.

— Пожалуйста, прочти мне письмо. Я не сильна в грамоте, да и почерк...

— Дай-ка его мне! — Тито вырвал письмо у сестры, прочитал вслух и вопросительно посмотрел на нее. Кассандра ответила ему ничего не выражающим взглядом.

— А кто этот мессер Прометей? — осведомилась она.

Тито сверкнул глазами, раздраженный столь глупым вопросом.

— Зарвавшийся наглец, такой же, как и автор письма, — рывкнул он, потрясая письмом. — Но сейчас речь не о Прометее, а об этом Ферранте. Кто он тебе?

— Мне? Да я его знать не знаю.

— Ты видела его не единожды. Говорила с ним?

— Нет, мой господин, — вмешалась Леокадия. — Я за этим слежу.

— Ясно! — кинул Тито. — Но он обращался к тебе?

— Каждый день он стремится заговорить с ней. Когда мы выходим из церкви.

Тито бросил на дуэнью сердитый взгляд и снова повернулся к сестре.

— Этот человек пытается ухаживать за тобой, Кассандра.

Девушка хихикнула. В основании ее веера из белых страусовых перьев блеснуло маленькое зеркало. Она разглядывала собственное отражение.

— Ты этому очень рада? — подал голос Джироламо. В вопросе слышался сарказм, но говорил он мягче, чем брат.

Кассандра опять хихикнула и оторвалась от зеркала.

— Я ведь очень мила. А этот господин — не слепец.

Тито невесело рассмеялся, предвидя опасность. Такие тщеславные дуры, как их сестра, — а в отношении нее он не питал никаких иллюзий — падки на мужское внимание и в своей глупости могут зайти как угодно далеко. Поэтому требовалось срочно поставить ей мозги на место.

— Дура, неужели ты полагаешь, что этого проходимца привлекла твоя кожа и детские невинные глазки?

— А что же еще? — брови Кассандры удивленно взлетели.

— Имя Дженелески и твое приданое. И ничего более.

Миловидное, глупенькое личико вспыхнуло.

— Правда? — она повернулась к Джироламо. — Так ли это? — голосок ее обиженно задрожал.

Джироламо печально вздохнул.

— Вне всякого сомнения. Мы знаем это наверняка.

Глазки Кассандры заблестели слезами.

— Благодарю вас за своевременное предупреждение.

Тут они поняли, сколь взбешена она. Еще бы, уязвленное тщеславие. Кассандра встала.

— Теперь я знаю, что сказать, если этот человек снова обратится ко мне.— И, помолчав, добавила: — Должна ли я написать ответ?

— Пожалуй, нет,— покачал головой Тито.— Молчание — лучший способ показать свое презрение. Кроме того,— он хохотнул,— твой почерк разобрать еще сложнее, чем его, и, возможно, он неправильно истолкует твои намерения.

Кассандра стукнула каблучком, развернулась и удалилась вместе с Леокадией.

Тито вопросительно посмотрел на Джироламо.

— Ты был на высоте,— улыбнулся тот.— И совершенно убедил ее в своей правоте.

— Пустяки,— пожал плечами Тито.— Женское тщеславие — инструмент, на котором может сыграть любой дурак. Между нашей сестрой и этим Ферранте надо воздвигнуть неприступную стену, а что может быть лучше надгробного камня? И я позабочусь об этом. Мы должны наказать сицилийского выскочку. Как он только посмел, как он посмел!

Джироламо скептически улыбнулся.

— А по-моему, хватит и того, что мы сделали. Уймись. Ни к чему навлекать на себя опасность. Этот выродок пользуется доверием Чезаре Борджа. Если ему причинят вред, герцог заставит нас дорого за это заплатить.

— Возможно,— задумчиво промолвил Тито.

В тот вечер тема мщения больше не затрагивалась. Но на завтра, когда Тито находился в приемной герцога, чтобы засвидетельствовать Чезаре свое почтение, хотя и не питал к нему добрых чувств, он услышал обрывки разговора, вернувшего его мысли к вечернему спору с братом. Говорили о Ферранте. Собеседники судачили о падении дисциплины в его отряде, ранее считавшемся образцовым, о недовольстве герцога происходившими с капитаном переменами. Вот тут-то мессера Тито и осенило. Не теряя ни минуты, он отправился на поиски одного из пажей, чтобы попросить личной аудиенции у герцога.

Чезаре работал в залитом солнцем просторном кабинете с балконом, выходящим в цветущий сад. Под диктовку герцога секретарь Герарди писал письмо мессеру Рамиро де Лорке, назначенному Борджа губернатором Форли. В письме излагались возможные варианты взятия Сан-Часкано, и молодой герцог диктовал, с улыбкой прохажива-

ясь по кабинету, ибо наконец-то он нашел способ разде-
латься с непокорными.

Герарди поставил точку, встал и понес письмо герцогу на подпись, но в этот момент появившийся на пороге паж объявил, что мессер Дженелески просит его светлость об аудиенции.

Чезаре застыл с пером в руке, глаза его сузились.

— Дженелески, значит? — голос звучал сурово. — Пригласи его.

И посмотрел на секретаря.

— Зачем он явился, Агапито? Всем известна его дружба с Болоньей, и тем не менее он постоянно отирается при моем дворе, а теперь вот пожелал встретиться со мной наедине. Я не удивлюсь, если он окажется шпионом Бентивольо¹¹ и пособником Сан-Часкано.

Герарди пожевал нижнюю губу, покачал головой.

— Мы внимательно следили за ним, мой господин. Но не заметили ничего подозрительного.

— Ну-ну, — чувствовалось, что сомнения герцога не развеялись.

Тут открылась дверь, и паж ввел в кабинет мессера Тито де Дженелески. Герцог вновь склонился над письмом, вывел «Чезаре» и протянул Герарди, чтобы секретарь скрепил его подпись печатью. Затем медленно повернулся к Тито, стоящему посреди комнаты, словно лакей в ожидании хозяйского распоряжения.

Взгляд прекрасных глаз герцога пробежал по коренастой фигуре. Мелодичным голосом он предложил посетителю изложить свое дело.

— Ваша светлость, я к вам с жалобой.

— На моих людей? — Тон герцога указывал на то, что он готов во всем разобраться по справедливости.

— На некоторых солдат вашей армии.

— Ага! — герцог явно оживился. — Прошу вас, продолжайте, мессер. Расскажите, в чем они провинились?

И Тито изложил выдуманную историю, согласно которой его сестре и ее служанке пришлось трижды выслушивать непристойные предложения от неких солдат, в результате чего женщины боятся выходить из дому, если их не сопровождают вооруженные слуги.

Глаза Чезаре полыхнули огнем.

— Эти безобразия надо пресекать. Можете вы помочь мне найти этих охальников?

— С удовольствием. Они из отряда мессера Ферранте да Изола.

Теперь уже в голосе герцога звучало негодование.

— Опять Ферранте! Это переходит все границы.— И тут же неожиданно спросил: — А как вы узнали, что они из отряда Ферранте?

Вопрос застал Тито врасплох. Он и представить себе не мог, что Чезаре Борджа поинтересуется подобными мелочами. Обычно правители не опускались до таких деталей. Готового ответа у Тито не нашлось, и ему не осталось ничего другого, как глупо улыбнуться. А взгляд герцога сразу стал жестким и подозрительным.

Молчание затягивалось. Тито рассмеялся, чтобы скрыть свое смятение, и заговорил:

— Ну... Во-первых, они были конные, а во-вторых, я понял это по некоторым фразам.

— Ага! — воскликнул герцог. — Каким именно?

— Видите ли, ваша светлость.— Тито уже преодолел замешательство.— Я передаю вам лишь то, что услышал от моей сестры и ее служанки. К сожалению, мне не пришлось в голову выяснить у них все подробности.

Чезаре понимающе кивнул.

— Вам известно, как раньше вершился суд в Италии. И вас, похоже, это вполне устраивало. Меня — нет. Ваше упущение нетрудно исправить. Я предпочитаю знать все детали, чтобы потом никто не мог укорить меня в предвзятости. Агапито, пошлите курьера за сестрой мессера Тито и ее служанкой.

Но не успел Агапито дойти до двери, как герцог остановил его. Выражение лица Тито, превратившегося в каменную статую, сказало ему все, что он хотел знать.

— Подожди,— Чезаре откинулся на спинку стула, положил руки на стол, улыбнулся.— В конце концов, есть ли в этом необходимость? Нет, нет, Агапито, мы можем поверить мессеру Тито на слово. Несомненно, женщины узнали солдат Ферранте по нарукавным нашивкам.

— Да, да,— с жаром подхватил Тито.— Точно так, ваша светлость. Совершенно вылетело из головы.

— В этом нет ничего удивительного. Такая мелочь. Но теперь, раз вы вспомнили о нашивках, не трудно ли вам будет сказать, какого они цвета?

Брови Тито сошлись у переносицы, он обхватил пальцами правой руки чисто выбритый подбородок, всем своим видом показывая, что роется в глубинах памяти.

— Дайте подумать. Ну, конечно, вспоминаю, вспоминаю. Они...

— Белые с синим, не так ли? — подсказал герцог.

Тито ударил кулаком в раскрытую ладонь.

— Ну, конечно, белые с синим. Белые с синим! Разумеется, белые с синим. Как мог я забыть?

Агапито низко склонился над лежащими на столе бумагами, чтобы спрятать улыбку, которую не смог сдержат: никаких нарукавных нашивок у кавалеристов Ферранте не было.

— Я с этим обязательно разберусь,— пообещал Цезаре Борджа.— Вызову Ферранте и допрошу его. Агапито, распорядись.

Тито, разумеется, лгал, но теперь герцогу хотелось знать, против кого направлена его интрига. Одному ли Ферранте хотел навредить жалобщик? И Цезаре решил выяснить ответ.

— Я искренне огорчен случившимся, мессер Тито,— продолжил он.— Обычно мои солдаты не дают повода для жалоб. Они хорошо вымуштрованы. Но этот Ферранте! Ума не приложу, что его гложет?

— Не говорится ли влияние его теперешних друзей? — предположил Тито, переходя к следующему этапу намеченного плана.

— О? А с кем же он нынче водит дружбу?

Тут Тито вроде бы дал задний ход.

— О, нет, я допустил бестактность, сказав больше, чем следовало. Прошу извинить меня, ваша светлость.

— Мессер Тито,— голос герцога посуровел,— я не люблю, когда со мной говорят загадками. Кто как не я имеет право знать обо всем, что творится в моих владениях?

— Но, мой господин, умоляю вас! Никаких загадок. Просто я хотел сказать... Я подумал... может... может... — и он беспомощно развел руками.

— Может быть, что? — переспросил Борджа.— Прошу вас, полно ходить вокруг да около. В приемной ждут другие посетители. Говорите, мессер Тито. С кем, вы утверждаете, встречается Ферранте да Изола?

— Утверждаю? О, ваша светлость!

— Ну, заявляете, тут нет разницы. Так я вас слушаю. С кем, вы слышали, он гуляет?

— Слышал? Неужели я могу обвинить человека, опираясь на слухи? О, нет. Я говорю лишь о том, что видел сам. И не один раз. Ваш капитан сидел за одним столом в таверне постоянного двора с господами из Болоньи, которых я знаю. Возможно, они лишь пили вино. Возможно.

Глаза Борджа превратились в льдинки.

— Означают ли ваши слова, что Ферранте да Изола вступил в сговор с моими врагами?

— О, господин мой, умоляю вас, не делайте поспешных выводов. Я поделился с вами лишь тем, что видел. Об остальном вы можете догадаться сами.

— Если возникнет такая необходимость, вы сможете повторить все это под клятвой?

— Готов хоть сейчас, если вы сомневаетесь в моей честности,— с достоинством ответил Тито.

— И наказание за лжесвидетельство вас не смущает?

— Я говорю правду,— возразил Тито.

Чезаре помолчал. Пальцы его перебирали русую бородку, на губах играла легкая улыбка. Затем пожал плечами и посмотрел собеседнику прямо в глаза.

— Мессер Тито, я вам не верю.

Злобная гримаса исказила лицо Дженелески, смуглые щеки побагровели. Лгать-то он лгал, но никак не ожидал, что ему скажут об этом столь прямо и откровенно, да еще при свидетеле. В Италии хватало мужчин, которые при подобном оскорблении бросились бы на герцога с мечом или кинжалом. Но Дженелески не входил в их число.

— Ваша светлость,— протест и возмущение он смог выразить лишь голосом,— вы забываете, что я — Дженелески.

Герцог широко улыбнулся, продемонстрировав белоснежные зубы. Встал. Подошел к окну.

— Но и вы забываете, что я — Чезаре Борджа,— и встретился с Тито взглядом.— Сколь велико мое отвращение к лжецу, столь же сильно люблю я честную, преданную мне душу. Именно такова душа Ферранте да Изола.

— Доводите до конца вашу мысль, ваша светлость,— гневно воскликнул Тито.

— А есть ли в этом необходимость? — усмехнулся Чезаре.

Дженелески едва не задохнулся от негодования. Но сумел сдержать охватившую его ярость, напомнив себе, с кем имеет дело. И лишь низко поклонился — ниже, чем требовал этикет.

— Позвольте мне откланяться, ваша светлость.

— Это самое большее, что я могу для вас сделать,— и Борджа отпустил его взмахом руки.

Но у самой двери голос герцога вновь остановил его.

— Подождите, мессер Тито. Вам могло показаться, что я обошелся с вами грубо.— Глаза его внезапно сузились,

но Тито этого не заметил. — Вы можете доказать мне, что я ошибся, не приняв всерьез ваше предупреждение о предательстве этого человека. Справедливости ради мне следует сначала убедиться, что Ферранте передо мной чист, а уж потом обвинять вас во лжи.

— Признаюсь, ваше высочество, что такая же мысль посетила и меня, — с легкой усмешкой, не ускользнувшей от герцога, ответил Тито.

— Однако, напомню вам, — добавил герцог, — что любовь Ферранте к вашей сестре не составляет для меня тайны, как и то, что вы и ваш брат считаете его выскочкой низкого происхождения. Его ухаживания за монной Кассандрой вы воспринимаете как оскорбление и с радостью перерезали бы ему горло, если бы не страх перед суровым наказанием, которое ждет тех, кто поднимет руку на моего офицера. Учítывая, что мне все это известно, спросите себя, как я могу поверить вашим обвинениям, не подкрепленным никакими доказательствами? Тем более, что человек, против которого они выдвинуты, много раз доказал свою верность и преданность мне.

Мессер Тито, конечно, не ожидал, что герцог так много знает, но замешательство его было недолгим. Он понял, что нет нужды отрицать свою предвзятость по отношению к Ферранте. И в то же время следует подчеркнуть другое: приход его обусловлен стремлением уберечь герцога от предательства. Он, мол, пришел бы, окажись предателем даже родной брат.

Услышав последнюю фразу, Цезаре улыбнулся, и улыбка эта вновь разъярила Тито.

— Вы сказали, что мои обвинения ничем не подкреплены, ваша светлость. В Лояно слово Дженелески не требует дополнительных доказательств.

— Я этого не отрицаю. Но почему лишь на основании слов я должен отказать в доверии Ферранте, который не давал повода усомниться в его преданности мне?

— Я вас предупредил, ваша светлость, — упорствовал Тито. — Больше мне нечего добавить.

Герцог повернулся к окну, окинул взглядом красные крыльи Лояно. Вновь посмотрел на мессера Тито.

— Измену Ферранте необходимо доказать. Я испытаю его. Если он подведет меня, я извинюсь перед вами за недоверие. Но кара постигнет вас, если он выдержит испытание. Принимаете вы такие условия?

Дженелески знал о беспредельной верности Ферранте герцогу, но уже не мог отступить.

— Принимаю,— твердо заявил он, решив бороться до конца.

Борджа задумчиво оглядел его, вернулся к столу, взял только что запечатанный пакет — письмо к Рамиро де Лорке.

— В Имоле Рамиро де Лорка с двумя тысячами солдат ждет моего приказа начать штурм Сан-Часкано. Вот этот приказ. Ферранте знает, что Касерта и защитники Сан-Часкано дорого заплатили бы, чтобы заполучить пакет в свои руки. Сегодня вечером Ферранте повезет это письмо в Имолу. Это и станет для него испытанием.

— Но, ваша светлость,— в притворном испуге воскликнул Тито,— он же может предать вас. Вы представляете себе, каковы могут быть последствия?

— Представляю, мессер Тито,— с непроницаемым выражением лица ответил герцог.— Только этим я могу оправдаться перед собой за то, что подвергаю Ферранте такому испытанию.

Тито Дженелески вернулся домой расстроенный. Все вышло совсем не так, как он предполагал, добиваясь аудиенции у герцога. У него создалось впечатление, что его подхватил водоворот и понес куда-то помимо его воли. Он и подумать не мог о подобном исходе. Мучили его и дурные предчувствия: как обойдется с ним Борджа, когда Ферранте с триумфом выдержит испытание? А в том, что он выдержит, сомнений не было, ибо едва ли кто мог сравниться с Ферранте в преданности герцогу. Тито знал, что угрозы Борджа — не пустые слова. К тому же теперь от него требовались конкретные действия. Он должен был устроить так, чтобы Ферранте не доставил письмо по назначению. Оставалось найти средства, ведущие к этой цели, выработать план.

Тито решил посоветоваться с братом. Тот слушал его, все более хмуясь, а потом отругал последними словами. Тито, разумеется, рассердился.

— Сделанного не вернешь,— прервал он Джироламо.— Давай лучше обсудим, что нам предпринять.

— Ну-ну,— хмыкнул младший брат.— Так ты полагаешь, мы еще что-то можем?

Тито ответил незамедлительно, поскольку решение уже созрело в его голове.

— Мы должны ознакомить с содержимым пакета защитников Сан-Часкано. Когда обнаружится, что

планы Чезаре рухнули, он поверит, что Ферранте — предатель.

В глазах Джироламо отразился испуг.

— Вот чего ты захотел! Но это рискованный шаг. Да, пожалуй, и невозможный.

— Ты полагаешь? Ха! — раздражение переполняло Тито. — Говоришь, невозможный?

Казалось, он сейчас обрушит на брата град проклятий, но в этот самый момент глаза его вспыхнули победным огнем, и поднявшаяся было волна ярости мгновенно схлынула. На тонких губах заиграла торжествующая улыбка.

— Невозможно, значит? — повторил он таким тоном, что Джироламо сразу понял: решение найдено. Но Тито сначала оставил брата в неведении и послал за Кассандрой.

— Зачем тебе Кассандра? — удивился Джироламо.

— Это наш главный козырь, — уверенно ответил Тито.

Когда девушка вошла, он пододвинул стул к столу, предложил ей сесть, поставил перед ней чернильницу, перья и положил чистый лист бумаги.

— Сейчас ты напишешь письмо, Кассандра, своему разлюбезному кавалеру, этому Ферранте да Изола.

В глазах ее отразилось изумление, но глупенькое, хоть и очаровательное личико осталось бесстрастным.

— Ты признаешься, что тронута его письмом до глубины души. У тебя есть душа, не так ли, Кассандра? — он пренебрежительно хохотнул, ибо недалекость сестры, особенно подчеркиваемая красотой, раздражала его.

— Фра Джорджо говорил мне, что да, — тонкая ирония осталась для нее недоступной.

— Фра Джорджо — дурак, — отрезал Тито.

— Нельзя так говорить, Тито, — укорила его сестра. — Фра Джорджо учит меня, что насмешничать над монахами — грех.

— Похоже, он знает, насколько смешон, поэтому и вдалбливает всем и вся, что смеяться над ним нельзя. Но нас больше интересует не он, а мессер Ферранте.

— Да, Тито, — потупила взор Кассандра.

— Ты напишешь, что глаза у тебя наполнились слезами, когда ты подумала о его сердце, разрывающемся на части, словно печень Прометея, и тебе захотелось познакомиться с ним поближе.

— Ничего мне не захотелось. Он чересчур высокий, тощий, уродливый. И безбородый. Мне нравятся мужчины с бородой.

— Молчи! — рявкнул Тито. — И слушай меня. Пиши, как я тебе говорю. Твои мысли не имеют к этому письму никакого отношения. Далее добавь, что мы, Джироламо и я, в отъезде, и ты просишь его прийти к тебе на закате. Через садовую калитку. Такая таинственность, несомненно, понравится этой сицилийской собаке, не так ли, Джироламо?

Джироламо пожал плечами.

— Не забывай, брат, что пока ты не посвятил меня в свои планы.

— Ты мог бы догадаться и сам. Он обязательно придет, Кассандра задержит его на час, прикидываясь, что действительно равнодушна к нему. Он в это поверит, это уж точно. А потом... Но об этом мы еще успеем поговорить. Сначала письмо. Давай, детка, тут есть все, что тебе нужно.

Она взяла перо, обмакнула в чернильницу, и рука ее застыла над чистым листом бумаги. Лобик собрался в морщинки: она не знала, с чего начать. Наконец спросила Джироламо. Все вопросы она предпочитала адресовать ему, ибо он разговаривал с ней гораздо мягче, чем Тито.

— Почему я должна писать это письмо?

— Это затея Тито, — ответил Джироламо. — Но мы должны помочь ему, ибо он хочет наказать безродного выскочку, оскорбившего нас тем, что посмел поднять на тебя глаза.

— И как же вы хотите его наказать? — сразу оживилась Кассандра.

— В свое время ты все узнаешь, — вмешался Тито. — Сейчас главное — письмо. Приступай.

— С чего мне начать?

Тито со вздохом опустился на другой стул и продиктовал письмо. Она же, высунув от напряжения язычок, наносила на бумагу слово за словом. Витиеватый стиль плюс неудобоваримый почерк создали документ, который мессеру Ферранте предстояло расшифровывать. И по мнению Тито, взглянувшему на каракули сестры, Ферранте предстоял нелегкий труд. Он запечатал письмо и отправил с молоденькой служанкой в казарму капитана, а затем посвятил Джироламо в подробности своего плана и растолковал Кассандре, что и как она должна делать.

Джироламо признал, что идея сама по себе неплоха, но выразил опасение, что Ферранте, получив приказ герцога, может и не прийти, несмотря на свои чувства к Кассандре. Тито махнул рукой:

— О, он придет, придет, можешь не сомневаться. А кроме того, никогда в этом не признается — ведь он нарушил бы свой долг. Так что нам с тобой ничто не грозит.

Надежды Тито полностью оправдались. И едва над кафедральным собором поплыл колокольный звон к вечерней мессе, у дворца Дженелески раздался топот копыт, который стих у калитки в высокой стене, окружавшей сад.

Братья сидели с Кассандрой у фонтана на берегу маленького прудика, в котором Джироламо разводил лягушек и угрей.

Услышав конский топот, Тито насторожился. Когда же всадник остановился у их калитки, схватил брата за руку и увлек его в дом.

Кассандра осталась одна на каменной скамье у фонтана, с трудом подавляя желание рассмеяться. Ожидание длилось недолго. Скоро она увидела высокую фигуру ее кавалера. Его загорелое лицо побледнело от волнения, а глаза, когда он упал перед ней на одно колено, переполняли обожание.

— Мадонна, — пробормотал он, — в конце концов вы смилостивились надо мной. Подарили мне счастливый миг, о котором я не решался и мечтать. Я едва ли надеялся получить ответ на свое жалкое послание. Но вы дали мне возможность припасть к вашим ногам и выразить словами те чувства, что разрывают мое исстрадавшееся сердце.

Она олицетворяла саму скромность, сидя со сложенными руками и опущенными глазами, и слушала это безумное бормотание. Когда же он замолчал, ничего не ответила по весьма простой причине: она не знала, что сказать.

— Прошу простить меня, что явился к вам в ратных доспехах. Не в таком наряде хотел я предстать перед вами. Но сегодня я уезжаю с поручением герцога. И если бы не страстное желание еще раз увидеть вашу несравненную красоту, услышать ваш мелодичный голосок, меня давно не было бы в Лояно, как требовал того мой господин, герцог. Мадонна, надеюсь вы отпустите мне грех неповиновения приказу?

Стоя на одном колене, он выглядел таким покорным. Он, опаленный пламенем стольких сражений, готов был повиноваться движению мизинца этого белокурого создания, олицетворявшего для него всю земную красоту.

Кассандра глядела на него с безразличием, хотя перед ней находился молодой, сильный мужчина с волевым лицом, горящими черными глазами. Однако она слишком хорошо усвоила уроки Тито, чтобы внезапно переменить

свое отношение к кавалеру. Кроме того, происхождения он был низкого, так что его комплименты должно было воспринимать как оскорбления. Братья уверили ее в этом, а наша красивая дурочка не имела своего мнения, во всем полагаясь на Тито и Джироламо.

— Вы мне нравитесь и таким,— ответила она, и Ферранте покраснел от удовольствия.— Что же касается вашего задания... Ну, если вы задержитесь на час?

Его лицо затуманилось. Она не понимала, сколь важен каждый час в порученном ему деле.

— Задержусь на час...— эхом отозвался он, но тут же страсть возобладала над долгом воина.— Что есть час? Как могу я его лишиться? Да в него можно вместить все радости Эдема¹² и муки ада. Неужели я смогу провести с вами целый час? Главный мой час, ибо вся моя остальная жизнь — пролог и эпилог к этим блаженным мгновениям.

— О, мессер,— тень от ее длинных ресниц легла на белоснежные щечки, и она повторила: — О, мессер!

Даже круглый дурак, слушая ее, понял бы, что у нее не все в порядке с головой, но капитан, ослепленный любовью, впал в экстаз.

— Меня зовут Ферранте,— промямлил он.— Не затруднит ли вас... Сможете ли вы назвать меня по имени, Кассандра?

Она одарила его взглядом и вновь опустила глаза:

— Ферранте!

Тут его опалило огнем, ибо он никак не ожидал, что имя его может звучать столь мелодично.

— Дайте мне вашу руку, нежный ангел,— взмолился он.

— Но... зачем? Разве вам мало двух ваших сильных рук?

— Ну что вы все смеетесь надо мной! — вскричал Ферранте.— Будьте же милосердны!

Она засмеялась глупым, дребезжащим смехом, но в ушах влюбленного он отозвался перезвоном серебряных колокольцев. А глаза его впитывали несравненную красоту лица Кассандры. Дыхание Ферранте участилось, истома разлилась по венам. А потом Кассандра предложила ему сесть рядом, и он незамедлительно повиновался.

В тот теплый, насыщенный ароматами сада вечер душа Ферранте обрела покой. Он примирился со всеми людьми, возлюбил ближнего своего. И он сказал ей об этом, о любви к ней, изменившей всю его жизнь, отвратившей от грубости и жестокости, с которыми он свыкся, пробудившей в нем нежность и смирение. И, как свойственно влюбленным, он пересыпал свой монолог цветистыми оборотами и

сравнениями, которые Кассандра нашла скучными и даже глупыми.

Но мысли эти она оставила при себе и лишь покорно слушала, изредка отвечая на вопросы так, как ее научили, изображая, что захвачена его страстью.

Так прошел час, вобравший, как Ферранте сказал ранее, всю его жизнь. Для него — в любовном пылу, мгновенно, для нее — невыносимо медленно. Тени сгустились, померк багрянец заката, деревья и кусты превратились в черные, четко обрисованные фигуры. Во дворце зажглись окна, а на другом берегу пруда заквакали лягушки.

Ферранте поднялся, пытаясь стряхнуть чары Кассандры.

— Вы покидаете меня? — томно спросила она.

— К сожалению, мадонна, я должен уехать, из-за чего безмерно страдаю.

— Но вы ведь только что пришли, — запротестовала она, и его вновь обдала волна жара.

Он взял ее за руку и остался, чтобы еще раз сказать о своей любви. Потом, однако, попросил разрешения откланяться. Но ее маленькие пальчики сжали его ладонь. В сумраке надвигающейся ночи он видел бледный овал обращенного к нему лица, а ее голосок долетал до его ушей. И, отвечая на просьбу задержаться еще, Ферранте прошептал:

— Любимая моя. Сегодня я должен сказать в Имолу по государственному делу. Но, возвратившись, я пойду к вашим братьям, чтобы умолить их отдать мне хранимое ими сокровище.

Кассандра вздохнула.

— И когда вы вернетесь?

— Через три дня, если ничего не случится. Для меня эта целая вечность. Но, надеюсь, терпение мое будет вознаграждено!

— Я не отпущу вас без прощального кубка. Пусть он будет залогом того, что вы вернетесь ко мне. Пойдемте! — и она увлекла Ферранте к дому.

Через стеклянные двери, открывающиеся на террасу, Кассандра ввела его в просторный зал, и в свете золотого канделябра его глаза вновь стали впитывать ее красоту.

Кассандра хлопнула в ладоши, появился паж, и она приказала принести вина.

Ожидая вино, они стояли друг против друга, и на девушку внезапно нахлынула печаль. Пылкость Ферранте не могла не пробудить в ней ответного чувства. И, возможно, дай он Кассандре время подумать, она бы не решилась со-

вершить то, что от нее требовал Тито. Но страсть, которую так долго сдерживал Ферранте, прорвалась наружу, обрекая его на гибель.

Он заключил Кассандру в объятия, с силой прижал к себе, ища губами ее губы. Она попыталась отпрянуть и на мгновение потеряла контроль над собой. Взгляд Ферранте поймал выражение ее бледного личика, и увиденное остановило его. Ибо на лице Кассандры он прочитал страх и отвращение. Пристыженный, он отпустил ее, отпрянув назад. Ферранте не страдал отсутствием проницательности, и в душу его впервые закралось сомнение: с чего это невинная девушка так странно отнеслась к его ласкам, тем более что чуть раньше она же позволяла ему немалые вольности.

Но тут вошел паж с серебряным подносом, на котором стоял золотой кувшин и две опалесцирующие, на тонких ножках, чаши венецианского стекла. Кассандра шагнула к пажу. Разлила вино.

Наблюдая за ней печальным взором, Ферранте отметил смертную бледность ее лица, дрожь рук. «Неужели все это — результат объятий?» — подумал он.

Вернулась она к нему уже улыбаясь, с чашей в каждой руке. Он с поклоном взял предложенную ему чашу. Лицо ее оставалось таким же бледным.

— Пусть Бог охраняет вас в вашей поездке, — и она подняла чашу.

— Пусть Бог поможет мне поскорее вернуться, — ответил он и залпом осушил половину чаши.

Крепкое вино обожгло горло, разгорячило кровь и подействовало тотчас. После первого же глотка ему подумалось, что не стоит так уж спешить с отъездом. Лошадь надежно привязана у ворот, несколько минут в обществе Кассандры ему не повредят. А в Имолу он еще успеет. Безмятежность окутала его, словно плащом. Расслабленно опустился он в кресло. Его охватила истома — день выдался жаркий.

— Вам нехорошо? — озабоченно воскликнула Кассандра, и искренность ее интонации сказала ему, что грубость прощена и забыта.

Ферранте усмехнулся:

— Да... Наверно...

— Выпейте вина. Оно освежит вас.

Он бездумно повиновался и допил то, что оставалось в чаше. Вино вновь обожгло горло и воспламенило кровь. Внезапно Ферранте ощутил тревогу и попытался поднять-

ся. Но колени подогнулись, и он рухнул обратно в кресло. Комната поплыла перед глазами, красный туман заполнил ее, и из него выплыло лицо Кассандры де Дженелески — не невинно-детское, очаровательное личико, в которое он влюбился, а глуповатое и злобное, вызывающее омерзение. Ибо в момент помутнения сознания открылись глаза его души. Уже не на шутку встревоженный, он собрался было с силами, чтобы преодолеть охватившую его слабость. На мгновение ему это удалось, и тут истина открылась ему. Он тяжело поднялся, глаза его сверкнули, лицо исказилось гневом.

— Предательница! — вскричал он и, если б хватило сил, задушил бы ее голыми руками, столь велика была его ненависть.

Но прежде чем он успел сделать шаг, ноги вновь подвели его, и он упал в кресло, с которого только что встал. Бесценная венецианская чаша выскользнула из пальцев и разлетелась вдребезги, ударившись о мраморный мозаичный пол.

Кассандра стояла, глядя на него в ужасе. Она решила, что Ферранте умер. Потом повернулась к двери, и тут же в зал вошли ее братья. Будучи любопытной, как ребенок, Кассандра хотела было остаться, чтобы посмотреть, что будет дальше. Но свою задачу она уже выполнила, поэтому братья первым делом отправили ее спать. Потом Тито задернул тяжелые гардины, а Джироламо обыскал спящего и вытащил из нагрудного кармана пакет с печатью Борджа. То самое письмо, которое утром Тито видел в кабинете герцога. Кинжалом, нагретым над жаровней, Джироламо снял печать, не повредив ее, и подошел к канделябру. Вместе с Тито, выглядывающим из-за плеча, прочитал письмо. И, сев за стол (почерк у него был получше), переписал письмо слово в слово.

В письме содержался приказ Рамиро де Лорке завтра же вести свои две тысячи человек на Тильяно, захватить этот городок, а затем идти на Сан-Часкано. Штурма, однако, не предпринимать до особого указания, ограничившись лишь блокадой.

— Это письмо попадет в руки защитников Сан-Часкано быстрее, чем мессер Ферранте доставит его в Имолу. Эти сведения порадуют Касерту. Ты должен отвезти письмо сам, Джироламо.

Последний тем временем запечатывал пакет.

— Касерта неплохо нам заплатит.

И оба радостно рассмеялись.

— Неплохая работа,— сказал, потирая руки, Тито.— Наказали этого выскочку и щелкнули герцога по носу.

Джироламо засунул пакет обратно в карман куртки Ферранте.

— А что делать с ним?

— Оставь это мне. Я доставлю его в винный погребок на постоялом дворе. Когда он проспится, пребывание во дворце Дженелески представится ему не более, чем сном. А кроме того, потеряв столько времени, он умчится в Имолу, едва придя в себя. Я думаю, часа в три ночи он уже будет на ногах.

— Ну что ж, этого времени мне хватит за глаза.— Джироламо сунул копию приказа за пазуху.— Думаю, мессера Рамиро де Лорку будет ждать неприятный сюрприз, когда он приведет свой отряд в Тильяно. Если Касерта что-то смыслит в военном деле, он разделается с этим капитаном.

На том они и расстались, Джироламо поскакал в Сан-Часкано, а Тито взвалил Ферранте на лошадь и отвел ее к постоялому двору.

Следующим вечером Джироламо вернулся в Лояно, покрытый дорожной пылью, полуживой от усталости, но в превосходном настроении. Дело выгорело. Касерта щедро вознаградил его и начал готовить войска к бою. А по пути назад, у моста через реку По, мимо него промчался Ферранте, нахлестывавший коня так, словно за ним гнались дьяволы.

Теперь братьям Дженелески оставалось лишь ждать известия о разгроме отряда Рамиро де Лорки, известия, подтверждающего, что Ферранте да Изола предал своего господина, а Тито Дженелески говорил на аудиенции чистую правду. А Чезаре Борджа после этого не оставалось бы ничего другого, кроме как извиниться за то, что он посчитал этого достойного дворянина лжецом.

И наутро в Лояно действительно стало известно о кровавой битве в окрестностях Сан-Часкано. Тито де Дженелески сразу же отправился во дворец герцога. Шел он с легким сердцем, уверенный в себе.

— Вы слышали новости? — спросил первым делом герцог вошедшего в кабинет Тито. Сам он что-то писал за столом.

— Ходят слухи о жестоком бое, ваша светлость.

Тито поневоле восхитился герцогом, чего ранее с ним не случалось. Его хладнокровие невольно вызывало уважение. Часть армии разбита, доверенный капитан оказался

предателем, а герцог был само спокойствие, словно ничего особенного и не произошло.

— В письме, которое Ферранте повез в Имолу, — продолжил герцог, — я приказывал де Лорке напасть на Тильяно и захватить его. Но, похоже, защитники Сан-Часкано прознали о содержании моего приказа, и Касерта устроил у Тильяно засаду.

Сердце Тито гулко забилося. Ему с трудом удалось ничем не выказать переполнявшую его радость.

— Вы не вняли доброму совету, ваша светлость. И поверили этому прощелыге Ферранте, несмотря на мои предупреждения.

Чезаре добродушно улыбнулся.

— Не внял, значит, доброму совету?

— Ну, разумеется. Если бы...

— Если бы все вышло наоборот, вот тогда бы Ферранте оказался предателем.

— Наоборот? — проямлил мессер Тито. Реплика герцога сбила его с толку.

— Похоже, вы еще не слышали, чем закончилась эта история. Пока Касерта и его войска сидели в засаде у Тильяно, де Лорка со своим отрядом перешел реку в нескольких милях к западу и без единого выстрела вошел в беззащитный Сан-Часкано. Касерта, узнав, что в тылу враг, а город захвачен, обратился в бегство.

В глазах герцога, вглядывавшегося в побледневшее лицо Тито, играли веселые искорки.

— Видите ли, мессер, — соблаговолил он объяснить, — Ферранте вез два приказа. Один должен был попасть в руки Касерты, дабы выманить его из-за крепостных стен, второй же — Ферранте спрятал его в сапог, куда вы не догадались заглянуть, — предназначался только Рамиро де Лорке. И Ферранте сделал все, что от него требовалось, доказав свою преданность. Как я вижу, вы не знали всех условий испытания, которое он успешно выдержал не без вашей помощи. Ибо, когда Ферранте, следуя моим указаниям, появился у стен Сан-Часкано с предложением продать ложный приказ, его прогнали прочь, поскольку Касерта уже купил копию приказа у вашего брата, — Чезаре рассмеялся. — А теперь, когда Касерта бежал, полагаю, мне следует послать вас к нему, чтобы вы получили все, что вам причитается за сведения, которые вы доставили ему.

Ужас охватил Дженелески, ужас, смешанный с бессильной яростью. Он и его брат оказались пешками в партии,

разыгранной Чезаре Борджа. И он упал на колени перед герцогом, не знающим жалости, привыкшим вершить скорый суд и никогда не милующим виноватого.

— Пощадите! — взмолился он, упав на колени.

Но Чезаре вновь рассмеялся и пренебрежительно махнул рукой.

— Я и так всем доволен. Теперь, благодаря тому, что вы помогли мне разгрызть этот орешек, я могу снять лагерь и продолжить поход. В вашу пользу говорит и то, что вы сослужили добрую службу моему другу Ферранте да Изола, излечив его от любви. Влюбленный солдат — плохой солдат. Такие мне не нужны.

Насмешливые интонации, улыбающиеся глаза герцога еще более напугали Тито. Не вставая с колен, он простер руки к герцогу, моля о пощаде. Но вид несчастного уже наскучил Борджа. Он резко поднялся.

— Прочь с моих глаз, жаба, — приказал он гордому дворянину из Лояно. — Убирайся! Чтоб я никогда больше не видел ни тебя, ни твоего брата, ни твоей сестры. Вон!

И Дженелески выскочил из кабинета, без ума от счастья.

Глава 3

ШУТКА ФЕРРАНТЕ

Карьера Ферранте да Изола, вернее, ее неожиданный финал, занимает многих любителей военной истории. Как метеор, врывается он на ее страницы, оставляет яркий свет громких побед и внезапно исчезает в небытии.

О последних днях его жизни, вернее, о той шутке Ферранте, что привела его к гибели, и пойдет речь в этой главе. Люди не раз говорили Ферранте, что подобного рода розыгрыши, на которые он был большой мастер, не доведут его до добра. Он же, обожая веселые истории мессера Джованни Боккаччо¹³, не воспринимал предостережения всерьез. Но так уж получалось, что его шутки зачастую оборачивались горем и страданиями для других.

Знакомые Ферранте с давних пор подмечали в нем склонность к мрачному юмору, но эта особенность его натуры вошла в привычку после той душевной травмы, которую нанес ему роман с Кассандрой де Дженелески.

Кавалеристы Ферранте входили в состав крупного от-

ряда, который Борджа вел на помощь своим войскам, осаждавшим Пьомбино. Но Ферранте не пришлось принять участия в осаде, ибо герцог дал ему другое поручение.

В Кастельнуово, где армия остановилась на ночь, Ферранте вызвали в шатер Борджа. Герцог сидел на походной кровати в халате, отороченном мехом, изучая карту. Он перешел к делу незамедлительно, не дожидаясь приветственного поклона Ферранте:

— Вам знакомы здешние места?

Кое-что Ферранте, конечно, было известно, но сицилиец не привык признаваться в собственном невежестве. Поэтому капитан ответил без малейшего промедления:

— Как свои пять пальцев, ваша светлость.

Бровь герцога изумленно изогнулась, он чуть улыбнулся.

— Тем не менее эта карта вам не повредит, — он протянул Ферранте карту и тут же задал следующий вопрос: — Какими силами можно взять Реджо-ди-Монте? ¹⁴

Разумеется, Ферранте пользовался доверием герцога и принимал участие в военных советах. Но никогда ранее он не удостоивался такой чести, как ныне: Борджа интересовало его личное мнение. Ферранте преисполнился гордости. В собственных глазах он вырос на добрый фут. Он ответил не сразу, а после долгой паузы, сдвинув брови к переносице и потеряв гладко выбритый подбородок:

— Все зависит от того, сколько времени будет в распоряжении осаждающих.

Чезаре нетерпеливо махнул рукой.

— Это я знаю и сам. Давайте условимся о следующем: городок надо взять быстро, армия не может позволить себе длительную осаду. Сколько для этого потребуется солдат?

Герцог задал сложную задачу, и Ферранте хорошо понимал, что ему нельзя ошибаться, ибо второго такого случая больше могло не представиться.

— Захватить Реджо-ди-Монте будет нелегко.

Расположен он на вершине горы, словно орлиное гнездо. Жители бахвалятся, что взять город приступом невозможно. Действительно, лобовым ударом тут ничего не достигнешь, нужно переиграть их стратегически.

Чезаре Борджа кивнул:

— Именно поэтому я и вызвал вас.

Ферранте покраснел от удовольствия. Впрочем, он и впрямь заслуживал этих слов, поскольку считался одним из лучших стратегов в армии герцога, и мало кто мог сравниться с ним в умении подготовить и провести хитроумную операцию. Это достоинство признавалось за ним всеми

офицерами, его часто хвалили, так что мнение окружающих совпадало с его собственной оценкой своих способностей.

— Я намерен поручить вам руководство операцией после того, как узнаю, какое войско вы запросите.

Сердце Ферранте учащенно забилося, Герцог собирается назначить его командующим. Поставить под его начало не отряд, но армию — еще один, гигантский шаг в карьере. В мечтах он уже видел себя губернатором Реджо. Ферранте не стал благодарить герцога или отнекиваться. Называть себя недостойным такой чести, как поступили бы многие. Он лишь поклонился, принимая предложение Борджа как должное.

— Мне потребуются...— несколько секунд ушло на раздумье, — две тысячи человек.

— Вы получите тысячу, — возразил герцог. — Это все, что я могу вам дать. Возьметесь ли вы за это дело на таких условиях?

— Раз больше солдат нет, хватит и этих, — уверенно заявил Ферранте, всем своим видом показывая, что ничего невозможного для него нет.

— Очень хорошо, — кивнул герцог. — Я даю вам ваших кавалеристов. Поведет их Рамирес. Пехотинцами будет командовать Вольпе. Фабио Орсини я назначу вашим помощником. Вас устроят эти офицеры?

Устроят ли?! Двое, Диего Рамирес и Таддео делла Вольпе, составляли цвет армии. И теперь они будут подчиняться ему! Удача преподносила ему все новые дары. А он-то воображал себя губернатором какого-то городка! С чего такая скромность? Тут уж у него не осталось сомнений, что ему уготовано кресло губернатора всей Романьи. Однако он сдержал свой восторг, вновь ограничившись только поклоном.

— Мне понадобится артиллерия.

— Артиллерии дать не могу, — последовал ответ. — Она нужна мне под Пьомбино.

Лицо Ферранте вытянулось от разочарования. Что за армия без артиллерии! И он не замедлил сказать об этом герцогу, настаивая:

— Я бы хотел, чтобы вы выделили мне хотя бы четыре орудия.

— Четыре орудия? — переспросил Борджа. — На что они вам? Отдав их, я ослаблю собственную армию, не укрепив вашу.

— Хотя бы для того, чтобы показать защитникам Ре-

джо, что у меня есть артиллерия, — нашелся Ферранте. В тот момент он еще не знал, сколь плодотворной окажется осенившая его мысль, а просто выпалил первое, что пришло в голову.

Герцог, однако, сразу ухватился за эту мысль, и кивнул в знак согласия, ибо в голове его возник план, позволявший взять неприступный Реджо столь ничтожными силами. Однако делиться им с Ферранте Борджа не стал.

— Будь по-вашему, — заявил он. — Орудия вы получите. Выступить должны на рассвете. Так что не теряйте времени.

Ферранте откланялся и вышел из шатра, довольный собой. Но под яркими звездами летней ночи переполнявший его восторг быстро сменился озабоченностью. Как же выполнить поставленную задачу? Легко говорить о том, что взять Реджо-ди-Монте, имея в своем распоряжении тысячу человек, — сущий пустяк. С тем же успехом герцог мог дать ему и сто солдат, мрачно усмехнулся Ферранте. Да, ему представилась возможность отличиться, но велика была и вероятность поражения. Ферранте и своему злейшему врагу не пожелал бы пойти на штурм города с тысячью солдат. Так он и отправился спать, следуя поговорке, что утро вечера мудренее.

Проснулся он в дурном расположении духа, но настроение его повысилось, когда, выйдя из палатки, он увидел готовую к походу армию. И не было зрелища милее взгляду Ферранте, чем стройные ряды солдат, готовых броситься в бой по одному его слову. Справа стояла закованная в сталь фаланга¹⁵ его кавалеристов, лес из четырех сотен устремленных в небо пик. Рядом с ними — пехотинцы делла Вольпе. Левее — повозки обоза и артиллерийские орудия с бычьими упряжками. В лучах утреннего солнца сверкали начищенные морионы, панцири, острия копий.

Подожли офицеры, чтобы приветствовать своего командира. Первым был испанец Рамирес, высокий и симпатичный, с уздечкой в руке. За ним — коренастый Таддео делла Вольпе, воинственный одноглазый ветеран, потерявший второй глаз при осаде Форли и утверждавший впоследствии, что ему очень повезло, ибо он видит лишь половину опасностей. Последним — Фабио Орсини, юный красавец, в обтягивающих бедра рейтузах, виднеющихся из-под плаща. Если они и завидовали возвышению Ферранте, то ничем не выдали себя, пока стояли рядом, ожидая приказа.

Последовали короткие распоряжения, и Рамирес с ка-

валеристами первым двинулся в путь. За ним последовала пехота во главе с делла Вольпе, артиллерия и обоз. Ферранте и Фабио Орсини с двумя оруженосцами замыкали колонну.

В таком порядке вышли они на дорогу, по которой днем раньше прибыли в Кастельнуово, и начали подниматься на холм, каких немало было в этой местности. С его вершины Ферранте оглядел свое маленькое войско, шедшее на запад.

Он отпустил поводья коня, вытащил карту, полученную вечером от Борджа, и вгляделся в нее, надеясь найти в извилистых линиях и черточках ответ на мучивший его вопрос. В одном отношении карта действительно ему помогла: он знал теперь, как подойти к Реджо-ди-Монте. Не по большой дороге, тянувшейся по долине вдоль реки, где они были бы у всех на виду — нет, приближаться к Реджо следовало под прикрытием леса. Поэтому после полуденного отдыха Ферранте приказал войскам свернуть на юг, в горы. На ночлег они остановились на склоне Монте-Куарто, высокого, поросшего лесом холма, заслонявшего их от бдительных взглядов защитников городка.

Для офицеров поставили палатки, солдаты коротали ночь под открытым небом. В темноте Ферранте поднялся на вершину и оттуда долго смотрел на огни Реджо, расположенного на вершине другого холма на расстоянии полета стрелы. То было его первое знакомство с городом. Пришел и увидел. Но еще не знал, как победить. Да и возможно ли такое? Он сел, глубоко задумавшись, а совсем близко сияли огни Реджо, и не хватало только мостика, переброшенного через узкую долину, по которому с триумфом могла бы пройти его победоносная армия.

Принадлежавший церкви Реджо-ди-Монте был незаконно продан почившим папой Иннокентием VIII графу Просперо Гуанче, а после смерти последнего по наследству перешел к его брату Джироламо, который открыто выступил против Святого престола. Этот кардинал, будучи священнослужителем, разумеется, признал верховенство папы Александра VI, но, как правитель Реджо-ди-Монте, отказался считать последнего своим властелином. Вне всякого сомнения, он отдавал себе отчет в том, чем грозит подобное непослушание, но не без оснований считал себя хитрым и дальновидным политиком, тем более, что хорошо оплачиваемые шпионы держали его в курсе римских дел.

Тем временем Чезаре Борджа вел борьбу за Романью и не имел возможности всерьез заняться такой безделицей, как Реджо-ди-Монте. Джироламо Гуанча понимал, что

в конце концов дойдет очередь и до него и ему придется сдать город. Но предпочитал не торопить события, а выжидать, пока враг появится в этом забытом Богом уголке Тосканы. Конечно, у него защемило сердце, когда ему доложили, что сын папы уже в Тоскане и ведет армию на Пьомбино, и он подумал, не захочет ли Борджа попутно выкурить его из Реджо. Но решил, что непосредственной опасности пока нет: Чезаре торопится, его ждут в Риме, он должен помочь французам в борьбе с Неаполем. Кардинал больше всего рассчитывал на неаполитанскую кампанию. Поражение французов означало бы и ослабление папского могущества, в результате чего Борджа перестал бы докучать Реджо-ди-Монте и другим городам-государствам Северной Италии. Одним словом, Джироламо уверовал в то, что герцог увязнет если не у Пьомбино, то в Неаполе, и решил защищаться — разумеется, если не вся армия Борджа двинется на него. Упал он не столько на силу гарнизона, сколько на выгодное расположение городка, крепость его стен и неприступность отвесных скал, на которых и стоял Реджо.

Расчет кардинала был столь прост и очевиден, что о нем нетрудно было догадаться мессеру Ферранте, сидевшему на вершине соседнего холма и пожиравшему взглядом пока недоступную добычу. Правитель Реджо не собирался сдаваться маленькому отряду, который привел Ферранте, хотя наверняка затрясся бы от страха, появившись у его стен вся армия Борджа. Отсюда следовал вывод: создать впечатление, будто на Реджо брошены куда более крупные силы, чем на самом деле. Тогда-то и будет достигнут желанный результат: немедленная капитуляция.

Замысел оказался безупречным. Заминка была лишь в одном: как осуществить его на практике? Час проходил за часом, а Ферранте все прикидывал, отменяя один за другим смелые варианты.

— Если бы у моих людей выросли крылья, а лошади стали Пегасами, — произнес он вслух и осекся, убоявшись подобных фантазий. Однако и другие соображения были ненамного практичнее.

Наконец он рассердился. Герцог, конечно, оказал ему высокое доверие, поставив во главе армии, но слишком уж мало сил под его началом. Теперь-то он понимал, что в разговоре с Борджа следовало не хорохориться, а просить больше солдат.

Так и сидел Ферранте, дожидаясь зари, чтобы при свете дня осмотреть подходы к городку, а уж потом отправляться

на покой. И вот над молчаливой землей забрезжил рассвет, поначалу бледный и бесцветный, словно вставало не солнце, а луна, затем розоватый, и наконец вспыхнувший золотом встающего из-за гор светила.

Ферранте оглядел лежавшую внизу долину. Изумрудные поля, виноградники, оливковые рощицы, сбегające к реке. Над водой поднимались клубы тумана. За рекой тянулась широкая полоса леса, а дальше вздымалась коричнево-красная громада Реджо-ди-Монте, с квадратной башней замка, возвышающейся над черепичными крышами. Опытным взглядом солдата он оценил толщину стен, мощь укреплений, отвесность скал, отметил, как все круче вздыбливается земля по мере удаления от реки. А серая лента дороги, змеей вползавшая в ворота, просматривалась из крепости целиком, не оставляя ни малейшей надежды на внезапность нападения.

По всему выходило, что герцог поручил ему невыполнимую задачу. Прислонившись спиной к громадному валу, Ферранте глубоко задумался, потирая рукой подбородок. А жаркое солнце тем временем плыло над Апеннинами, изгоняя из долины последние остатки предрассветных сумерек. Кисея тумана быстро поднималась вверх, река засеребрилась в солнечных лучах. И тут Ферранте осенило. Туман подсказал ему, как захватить городок. Ход операции, все ее стадии возникли и выстроились в четкой последовательности перед его мысленным взором. Но одно условие, условие критическое, без выполнения которого все шло прахом, от него не зависело. И Ферранте выругался, вернувшись из мира грез к реалиям жизни. Туман не появлялся по желанию или воле человека, следовательно, не имело смысла тратить время и нервы на рассуждения о том, что было бы, если бы он появился.

Он спустился в лагерь в дурном настроении, кляня себя за то, что взвалил на себя столь непосильную ношу. Такое, пожалуй, случилось с Ферранте впервые за все двадцать пять лет его жизни, ибо раньше уверенность никогда не покидала его.

Подойдя к своей палатке, он отдал часовому приказ:

— На той стороне холма есть поместье. Тотчас же направить туда шесть человек. Пусть арестуют всех, кого найдут в доме, и приведут сюда.

Эту меру предосторожности Ферранте счел необходимой, так как не хотел, чтобы в Реджо заранее узнали об их присутствии. После этого он вошел в палатку, скинул промокший от утренней росы плащ, снял сапоги и вытянулся

на походной кровати. Однако ему недолго удалось отдыхать после ночных бдений — скоро чья-то рука подняла полог палатки, и к кровати подошел Фабио Орсини.

— С возвращением,— приветствовал он своего командира.— Где вы провели ночь?

— Любовался землей обетованной,— сонно ответил Ферранте.

— И когда мы выступаем?

— Вот и я хотел бы это знать. Поищу ответа во сне.

— Какие будут приказания?

Ответ, вернее, вопрос Ферранте, несказанно удивил Орсини.

— Вы умеете нагонять туман?

— Туман?

— Да, туман, белый, густой туман.

— К сожалению, нет,— рассмеялся Орсини.

— Тогда никаких приказаний не будет,— и Ферранте повернулся на другой бок.

Проснулся он в полдень. Все офицеры сидели у него в палатке.

— Уже полдень, мой капитан,— подал голос Рамирес.

— Неужели я так долго спал? — Ферранте потянулся.— Зачем вы здесь собрались?

— Ждем ваших приказаний,— ответил Рамирес.

— Что ж, тогда я приказываю подать завтрак,— Ферранте протер глаза.

— Мы имеем в виду приказ к выступлению,— пояснил делла Вольпе, сердито сверкнув единственным глазом.

Ферранте пробежался пальцами по взлохмаченным волосам и зевнул так, что едва не вывихнул челюсть.

— И куда вы намерены вести войска?

— Куда? — одновременно воскликнули офицеры, недоуменно переглянувшись.

Ферранте уже начало забавлять их поведение. Да и мнение об их профессиональных достоинствах существенно изменилось, причем не в лучшую сторону.

— Давайте проведем военный совет.

Он вышел из палатки, кликнул одного из оруженосцев и распорядился принести мяса и вина.

— Я провел ночь на холме, укрывающем нас от Реджо, обдумывая план нашего нападения на город и знакомясь с местностью. И пришел к одному важному выводу, господа.

— Какому же? — одновременно спросили офицеры.

— Мы взяли за нелегкое дело.

— Это мы и сами знаем,— проревел делла Вольпе.

— Знаете? Хорошо. Значит, ума у меня поменьше вашего.

Одноглазый ветеран молча сверлил Ферранте взглядом. Заговорил же Рамирес.

— Вопрос в том, когда мы пойдем в атаку?

— Извините, но такого вопроса просто не существует. Вопрос в другом: как мы собираемся атаковать?

Вошли оруженосцы, принесли мясо, хлеб, яйца, вино. Ферранте разложил все на кровати и принялся за еду.

— Что вы посоветуете? — произнес он с набитым ртом.

Вопрос, похоже, смутил офицеров: они не ожидали такого поворота.

— Сколько суеты из-за того, чтобы захватить это воровское гнездо, — проворчал Рамирес.

— К сожалению, этот город нам не преподнесут на блюдечке, — Ферранте покончил с яйцом, запил его глотком вина. Его раздражала глупость офицеров, похоже, не понимающих, с какими трудностями им пришлось столкнуться.

— Я предлагаю лобовую атаку, — делла Вольпе привык действовать, а не думать.

— Она может дорого вам обойтись. Однажды вы уже остались без глаза, — резонно заметил Ферранте.

Командир пехотинцев побагровел.

— Это мой глаз, и я вправе распоряжаться им по своему усмотрению.

— И все-таки я советую вам умерить свой пыл, мессер Таддео.

— И слава Богу, что у меня только один глаз, — не унимался тот. — Иначе мне везде чудилась бы опасность, как вам.

— Кажется, вы уже радовали нас подобной остротой.

— Господа, господа, — вмешался Рамирес. — Мы же обсуждаем штурм Реджо-ди-Монте.

— Откровенно говоря, меня больше заботит мой завтрак, но будь по-вашему, — Ферранте пожал плечами. — Я могу есть и слушать. Изложите мне ваши планы. — И впился зубами в сочный персик.

Роль первого оратора взял на себя Рамирес, а делла Вольпе изредка поправлял его. Предложенная им операция применялась при осаде Вавилона. Тогда, возможно, она и принесла бы успех, но сейчас ни на йоту не приблизила бы падение Реджо. Орсини стоял молча, не высказывая никаких предложений. Ферранте ел, пил, внимательно слушал.

— Вы убедили меня в одном, — подвел он итог, когда Рамирес умолк. — Никто из вас в глаза не видел Реджо-ди-Монте. Так пойдемте же и посмотрим.

— Чем одна крепость может отличаться от другой? — проворчал делла Вольпе.

— Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что это другая крепость — не Реджо, — объяснил Ферранте. — Пошли, вы все увидите сами. И снимите доспехи, чтобы не блестели на солнце. А уж потом у вас, возможно, появятся дельные мысли, которые я с удовольствием выслушаю.

Когда донельзя рассерженные офицеры выходили из палатки, Ферранте задержал их на несколько мгновений.

— Мессер Таддео, вы умеете нагонять туман?

— Туман? — делла Вольпе не понимал, чего от него добиваются.

— Ясно, что не умеете. А вы, Рамирес?

— Это что, шутка? — гордо выпрямился испанец.

— И с вами все ясно. Я знаю, как поставить мессера Гуанчу на колени. Но для этого мне необходим туман. Так как ни один из вас не может мне помочь, остается только молиться, чтобы за нас потрудились мать-природа. Пока вы будете любоваться городком, я постараюсь придумать что-нибудь еще.

Они ушли, полагая, что Ферранте спятил и герцогу ни в коем разе не следовало назначать его главнокомандующим. И успокаивали себя, поругивая Ферранте всю дорогу к вершине, пока их глазам не открылся Реджо-ди-Монте.

После захода солнца палатку Ферранте вновь заполнили офицеры. Таддео придумал план, по их мнению, весьма оригинальный. Ферранте с надеждой глянул на одноглазого капитана пехоты.

— Ночная атака! — гордо возвестил тот.

Ферранте встретил это заявление улыбкой:

— Великолепный план, мессер Таддео, но вы упустили одну мелочь, этакий пустячок.

— И что же это за мелочь? — поинтересовался делла Вольпе.

— В Реджо-ди-Монте далеко не все глухие. И топот тысячи человек, поднимающихся по горной дороге, услышат издали. Так что, несмотря на темноту, нас встретят градом камней и ушатами кипятка.

Таддео сердился, ощущая поддержку Рамиреса. Фабио Орсини по молодости лет помалкивал. Двух же капитанов постарше насмешки Ферранте не устраивали. Они пожелали знать, что может предложить он сам.

— Пока ничего,— признался Ферранте.— Если бы только долину окутал туман...— мечтательно произнес он, но, услышав это слово, офицеры выскочили из палатки.

За внешним спокойствием Ферранте скрывал бурю в своей душе. Приказ Борджа действовал по-прежнему, а он так и не знал, как подступиться к его выполнению. Ночью он спал плохо. Перед рассветом встал, оделся, вышел из палатки. И решил подняться на холм, лелея слабую надежду, что сможет придумать подходящий план, еще раз взглянув на Реджо.

По мере его приближения к вершине, ночь уходила все быстрее, и громаду Реджо он увидел уже при свете утра. Но не город, темнеющий на фоне южного неба, привлек его внимание, а узкая долина у его ног. Он смотрел и смотрел, не доверяя своим чувствам, опасаясь, что туман — плод его фантазии, а сам он лежит в палатке и спит. Ибо густые клубы тумана скрыли половину долины и поднимались все выше, захватывая новые и новые пространства. Река совсем пропала из виду. О таком тумане он и мечтал.

На вершине Ферранте задержался недолго. Времени на раздумья не оставалось. На счету была каждая минута.

Он повернулся и птицей слетел к подножию холма, в лагерь своей маленькой армии. Кинулся к трубачам, приказав им играть подъем, и заметался среди спящих солдат.

— По коням! По коням! — вопил он, и скоро к нему присоединилось полдюжины горнов.

А к Ферранте уже спешили полуодетые, непричесанные офицеры. Точные, короткие приказания, и они разбежались к своим подчиненным. Скоро проснувшийся лагерь напоминал растревоженный муравейник. Но офицеры быстро упорядочили суматошные перемещения людей и лошадей. Пехотинцы построились первыми, и Ферранте не стал ждать ни секунды. Вскочил на подведенного к нему оруженосцем жеребца, поднял красно-золотой штандарт с изображением бычьей головы¹⁶. Его сопровождали два трубача.

— Рамирес, подготовьтесь к выступлению, но не трогайтесь с места, пока горны не позовут вас. Фабио, оставайтесь при орудиях. Таддео, за мной. Скорей! Скорей!

Чуть ли не бегом заставил он их подняться на вершину Монте-Куарто. Там его конные трубачи поднесли горны к губам, переполошив всю округу. Жители Реджо высыпали на стены, и под их взглядами первые ряды для

колонны перевалили через вершину, ярко освещенную лучами утреннего солнца, и скрылись в тумане. Ферранте на лошади указывал путь пехоте.

— А теперь бегом,— прокричал он и повел их не вниз, но направо, вокруг холма, пока первый ряд колонны не пристроился в затылок последнему чуть ли не у самой вершины Монте-Куарто.

Там Ферранте и остался, а колонна, превратившаяся в кольцо, снова и снова переваливала через вершину. Пять раз повторили они этот маневр, прежде чем Ферранте приказал Таддео скрыться с пехотой в тумане. Потом пришел черед Орсини с орудиями и обозными повозками — пустыми, ибо свернуть лагерь они не успели. За повозками вновь последовала пехота, на этот раз в компании с кавалерией Рамиреса.

Всадников сменили повозки и артиллерия, пехотное кольцо, за ним через вершину вновь прогарцевали кавалеристы. Более часа продолжался этот маскарад, которым Ферранте намеревался напугать защитников Реджо. Более часа они со страхом наблюдали, как могучая армия переваливает через вершину Монте-Куарто и спускается в долину, под стены их города. Пехота, кавалерия, закованные в сталь, ярко сверкавшую на солнце, солдаты, великолепные лошади, мощные орудия, бесконечный поток, исчезающий в тумане. Чтобы пересечь реку, как думал кардинал, а на самом деле, чтобы обогнуть холм и пристроиться в хвост тем, кто в этот момент выходил на вершину.

К тому времени, как туман начал редеть и Ферранте понял, что спектакль пора заканчивать, кардинал подсчитал, что через гору перевалило не менее десяти тысяч человек. Отсюда следовал однозначный вывод: случилось неожиданное — Чезаре Борджа не пошел на Пьомбино, но привел всю армию под стены Реджо, чтобы взять город штурмом или вынудить его защитников к сдаче.

Кардинал помрачнел. Напади на него тысяча человек, даже две, пусть и пять, он бы не побоялся осады, справедливо пслагая, что надолго она не затянется: войска понадобятся Чезаре для других, более важных дел. Но появление такой армии в корне меняло дело. Ни о каком сопротивлении, похоже, не могло идти речи. Чтобы хоть как-то подсластить пилюлю и не принимать решения самому, Джироламо Гуанча распорядился собрать городской совет.

Советников от страха была дрожь. В один голос просили они кардинала открыть ворота, чтобы спасти город от огня и меча. Борджа, утверждали они, не пощадит ни

старых, ни малых, если они попытаются защищаться. Да и какой смысл оказывать сопротивление при таком превосходстве сил атакующих.

Когда туман рассеялся, жители Реджо обнаружили под стенами города лишь тысячу человек. Но люди находились в постоянном движении. Кто уходил в лес, кто появлялся на опушке. Так что не вызывало сомнений, что бесчисленные легионы герцога сосредоточились под сенью деревьев, а виден лишь авангард. Такой вывод подтверждался еще одним обстоятельством: кавалерии на опушке не было.

Высокий, стройный, с величественной осанкой, привыкший повелевать, а не подчиняться, кардинал выслушивал советников. Высказались еще не все, когда паж объявил о прибытии герольда от Чезаре Борджа, герцога Валентино и Романьи.

Герольда впустили в зал заседаний совета. Это был юноша в красно-золотом камзоле с вышитым на груди гербом папы и разноцветных чулках — красном и желтом.

Он низко поклонился собравшимся, без всякой на то нужды сообщил о своем задании и перечислил, хотя от него этого и не требовали, все многочисленные титулы герцога Валентино, от лица которого говорил. Затем изложил то, ради чего пришел. Просил он немного, во всяком случае, меньше, чем предполагал кардинал. Всего лишь сдачи города. Ничего более. Просьба эта не сопровождалась какими-либо угрозами на тот случай, если она не будет выполнена. Чезаре Борджа не сомневался, что такова участь Реджо. А попусту сотрясать воздух он не любил.

И действительно, сдаться — таков был единственный выход для города. Герцог, впрочем, не торопил и разрешил подумать над его просьбой до заката. Кардинал склонил голову.

— На каких условиях предлагает мне сдаться его светлость?

— Он гарантирует безопасность вам и всему гарнизону.

Горькая улыбка скривила губы мятежного прелата.

— Я благодарю герцога за такое великодушие. Я должен посоветоваться, прежде чем приму решение. Мои послы известят о нем его светлость.

Герольд откланялся и вышел за дверь.

Никто не решился нарушить наступившую тишину: кардинал думал. Гордость его получила жестокий удар, и ему требовалось время, чтобы прийти в себя. Но внезапно советники Джироламо Гуанчи увидели, как злобно блеснули его глаза.

— Пусть будет как вы того желаете. Сегодня же мы откроем ворота. Вы можете идти, господа,— и отпустил их взмахом руки.

А оставшись один, еще долго сидел, мрачно улыбаясь самому себе. Реджо сложит оружие. Но Чезаре Борджа и его капитаны ненадолго переживут свою победу, уж он об этом позаботится.

Кардинал поднялся, ударил в гонг. И приказал мгновенно появившемуся пажу позвать к нему секретаря, сенешала ¹⁷ и командира гарнизона.

На опушке леса тем временем поставили несколько палаток, в том числе и палатку Ферранте, в которой он и его офицеры ожидали послов кардинала. Благодаря утренним маневрам престиж Ферранте вырос в глазах и Орсини, и делла Вольпе, и Рамиреса. Правда, последний, расточая похвалы своему главнокомандующему, не постеснялся спросить, что бы тот предпринял, не будь тумана, а делла Вольпе, признавая оригинальность замысла, продолжал сомневаться в полном успехе, полагая, что мессер Гуанча может и упереться.

Все эти придирки, однако, ни в коей мере не испортили превосходного настроения Ферранте. Сама природа чудесным образом пришла ему на помощь, так что он полностью уверовал в благорасположение госпожи удачи. И прибытие послов кардинала подтвердило его правоту.

Они приехали втроем: мессер Аннибал Гуанча, племянник кардинала, как он был представлен, хотя злые языки указывали на более близкое родство, командир гарнизона и председатель совета.

Их тут же окружили солдаты, да так плотно, что они испугались за свою жизнь и не смогли как следует оглядеться, дабы понять, какими силами располагает Чезаре Борджа. А затем уважаемых послов быстренько препроводили в палатку Ферранте.

Мессер Аннибал, возглавлявший посольство, оглядел присутствующих. Ферранте сидел на стуле. Рамирес стоял по одну его руку, делла Вольпе по другую. Оба в полном вооружении. За маленьким столиком слева сидел Фабио Орсини, с гусиным пером в руке. Перед ним лежал чистый лист пергамента.

— Я прибыл с поручением к герцогу Валентино,— возвестил Аннибал.

— Я — капитан его светлости, посланный им принять

вас, — важно ответил Ферранте. — Его светлость ожидал, что придет сам кардинал. Его он принял бы лично. Но с подчиненным должен говорить подчиненный. Так что я готов вас выслушать, мессер.

Аннибал на мгновение замялся, но не мог не признать справедливости слов Ферранте. Произвело на него впечатление и то достоинство, с которым держались офицеры, так что, не тратя даром времени, он сообщил о согласии кардинала сдать город в обмен на безопасность, гарантируемую со стороны Борджа как ему самому, так и остальным защитникам Реджо.

— То есть вы принимаете предложение, сделанное вам его светостью. Это хорошо, — Ферранте повернулся к Орсини. — Запишите, — и вновь посмотрел на послов. — Желаете сказать что-то еще?

— Позвольте обратиться с одной просьбой.

— Говорите.

— Мой господин умоляет его светлость не вводить в город такую огромную армию, а ограничиться лишь гарнизоном, необходимым для поддержания порядка. Мой господин радеет о благополучии Реджо и опасается, что у жителей возникнут немалые трудности из-за большого скопления солдат...

— Достаточно, — прервал его Ферранте. — Я вправе удовлетворить вашу просьбу. Запишите, Фабио: в город войдут лишь двести пехотинцев делла Вольпе, которые и составят гарнизон Реджо. Прочие войска останутся за пределами городских стен.

После этого он обратился к послу:

— Вот, пожалуй, и все. Теперь нам остается лишь подписать условия капитуляции, а городской совет должен дать клятву верности его светлости.

— И то, и другое можно сделать сегодня вечером в Реджо. Мой господин надеется, что после этого его светлость герцог Валентино и офицеры его свиты отужинают с ним во дворце.

При последних словах брови Ферранте изумленно взметнулись вверх, так что Аннибал поспешил объясниться.

— Сокровенное желание моего господина — помириться со святым отцом и герцогом. Он надеется, что они примут во внимание его нынешнее смирение, и в знак прощения прошлых обид сегодня вечером его светлость соблаговолит сесть за один стол с моим господином.

Ферранте на мгновение задумался.

— Его светлости не свойственно проявлять суровость,

когда в этом нет необходимости. Если к вечеру цитадель будет в наших руках, я от имени герцога принимаю предложение кардинала.

Посол поклонился.

— Ваши люди могут занять цитадель незамедлительно. Командир гарнизона находится здесь, чтобы сказать вам об этом.

На этом официальная церемония закончилась. Выслушав похвалу победоносной армии герцога, послов выпроводили из лагеря. Час спустя двести пехотинцев под предводительством Таддео делла Вольпе вошли в Реджо-ди-Монте и заняли цитадель. Вскоре Ферранте получил от них известие, что никаких инцидентов не произошло и гарнизон кардинала, кстати, достаточно многочисленный, разоружен.

На исходе дня Ферранте в сопровождении Рамиреса и Орсини, а также почетного эскорта в сотню кавалеристов, въехал в город, чтобы подписать акт капитуляции, принять клятву верности городского совета и отужинать с кардиналом.

Под аркой ворот его встретил Таддео. Покрытое шрамами лицо ветерана сияло. Он полагал, что в одержанной ими победе над превосходящими силами врага есть и его лепта, так что в донесении, посланном герцогу, будет упомянуто и славное имя делла Вольпе. Вместе со своей охраной из двадцати пехотинцев он присоединился к кавалькаде, и они проследовали к дворцу по темным, пустынным улочкам Реджо. Горожане, по вполне понятным причинам, в этот вечер предпочли не высовывать носа из своих домов.

На ступенях укрытой аркадой лестницы, ведущей с просторной площади во дворец, высилась величественная фигура кардинала в алой сутане. Яростный блеск его глаз разом угас, когда его взгляд не нашел Чезаре Борджа среди подъехавших ко дворцу всадников.

Вот когда Ферранте смог в полной мере проявить свою любовь к шуткам... Особенно забавным находил он то, что можно раскрыть суть розыгрыша его жертве. Эпилóg получался не менее смешным, чем сама шутка. А что до жестокости, с которой она была разыграна, так ведь и Гуанча относился к разряду таких же шутников, поэтому Ферранте не видел большого греха в своем поступке.

Стоя у подножия лестницы, с приятной улыбкой на устах, Ферранте сообщил кардиналу, что Борджа не прибыл в Реджо-ди-Монте по той простой причине, что находится

под Пьомбино. А неприступный город сдан отряду численностью в тысячу человек, которому с помощью густого тумана удалось выдать себя за десятитысячную армию.

Изложил Ферранте все это с теми интонациями, к которым прибегает умелый рассказчик, рассчитывая вызвать смех слушателей.

Но кардинал не рассмеялся в ответ. Наоборот, лицо его все более бледнело по мере того, как он осознал, на какой мякине его провели, заставив добровольно открыть ворота. И взгляд, которым он буквально сверлил господина, раздетого в серый шелк, в серой же шляпе с плюмажем, становился все суровее. А когда Ферранте закончил, кардинал дрожащим от ярости голосом пожелал узнать, кого же он пригласил к своему столу.

— Я — Ферранте да Изола, — гордо ответил капитан, а затем представил трех своих офицеров.

Мессер Гуанча уже улыбался, но едва ли эта улыбка выражала радость.

— Мне не остается ничего иного, как радушно принять вас в моем доме.

— И правильно, — кивнул Ферранте. — Именно так и должно воспринимать удачные шутки.

Но у его офицеров по спине побежал холодок от взгляда бывшего правителя Реджо, которым он одарил их, приглашая в дом.

Так велика была ярость прелата и так велико желание отомстить людям, выставившим его круглым дураком, а особенно этому юному нахалу, смеявшемуся ему в лицо, что отсутствие герцога уже не огорчало его. Дождавшись, пока Ферранте поднимется по лестнице, он повел его во дворец. Он сказал, что ему не остается ничего иного, как радушно принять гостей, на что Ферранте ответил, что именно так и следует воспринимать шутки. Ну-ну! Наверное, он заговорил бы по-другому, зная, что ему уготовано. Такие мысли проносились в голове прелата. Они помогали успокоить нервы, скрашивали унижительность его положения.

Ферранте и его офицеров подвели к столу, демонстрируя к ним глубокое почтение, но рассадили так, что каждый оказался в окружении придворных кардинала. Ферранте оглядел стол и улыбнулся. Он знал, что бояться ему нечего. Парадный наряд скрывал железную кольчугу, точно такую же, как и у его друзей, а во дворе находились сто его кавалеристов и двадцать пехотинцев Таддео, готовых в любую минуту прийти на выручку.

Кардинал восседал во главе стола в золоченом кресле, стоявшем на небольшом возвышении. Остальные же расселись как попало, без учета чинов и званий. Последнее обстоятельство удивило Ферранте. Его самого посадили ближе к середине стола, а не по правую руку Гуанчи — как почетного гостя и представителя герцога. Отметим Ферранте и то, что вокруг кардинала сидели только его люди, а от ближайшего из офицеров Борджа его отделяло шесть человек. Слева от Ферранте расположился мессер Аннибал, племянник кардинала, ранее приезжавший на переговоры, справа — незнакомый ему дворянин.

Ферранте заподозрил неладное. Неужели он попал в западню? Не задумал ли прелат перебить их, а затем собрать все наличные силы и напасть на обезглавленный отряд? Хотя побежденные пришли на ужин без оружия, но спрятать в парадном наряде кинжал — пара пустяков. Их было двадцать человек против четверых офицеров герцога. Один из принципов, которым неукоснительно следовал Ферранте, гласил: «Презирующий врага усиливает его». Мучимый дурными предчувствиями, он уже спрашивал себя, не допустил ли он роковой ошибки? Но растерянность длилась недолго, ибо решение родилось тотчас же: под любым предлогом привести в зал солдат. А вскоре нашелся и предлог — впрочем, и об этом Ферранте позаботился сам, не зря же его считали блестящим стратегом.

Он о чем-то оживленно беседовал со своим соседом слева, мессером Аннибалом, когда лакей наклонился, чтобы обслужить его, держа большое серебряное блюдо с рыбой под соусом. Повернувшись, словно случайно, Ферранте толкнул лакея локтем в бок. Блюдо, естественно, перевернулось. Половина содержимого вывалилась на серый шелк наряда капитана, другая — на стол. В притворном гневе Ферранте вскочил, и через секунду от его молодецкого удара лакей отлетел к дальней стене.

— Клянусь всеми святыми! — проревел он. — Неужели в Реджо не умеют прислуживать за столом?

Кардинал, мессер Аннибал и даже Таддео, Рамирес. Орсии — все пытались успокоить Ферранте, но тот продолжал рвать и метать. Он с грохотом отодвинул стул и зашагал к двери, роняя по пути куски рыбы и капли соуса, перекочевывавшие с серебряного блюда на его грудь, живот и ноги. Серdito отбросил портьеру и громовым голосом призвал наверх пехотинцев Таддео.

Тут уж поднялись все гости, в том числе и кардинал.

На его бледном лице появилась гримаса раздражения.

— Каковы ваши намерения, мой господин? — воскликнул он. — Этот человек виновен лишь в том...

— Плевать я на него хотел, — грубо прервал кардинала Ферранте. — Но если уж я должен ужинать с вашим высочеством, я не потерплю, чтобы мне прислуживали свинопасы и купали в соусе. Я позову своих солдат, чтобы они поучили ваших лакеев.

На щеках кардинала вспыхнули пятна румянца.

— Как будет вам угодно, мой господин.

А Ферранте уже повернулся к десятку солдат, столпившихся у порога.

— Пики поставьте к стене, — скомандовал он. — Будете прислуживать нам за столом. Сейчас, мессер Гуанча, вы увидите, как это делается.

Офицеры Ферранте уже смекнули, что к чему, как, впрочем, и кардинал, разгадавший нехитрый маневр сицилийца. И пренебрежительно усмехнулся.

— Вы, господа из Рима, можете научить нас многому, — ответил он, как бы подводя итог неприятной сцене.

Ферранте с готовностью рассмеялся, спеша рассеять напряжение, им же вызванное. И во многом ему это удалось благодаря тому, что подали вино. Из рук сенешаля один из солдат получил большой кувшин чеканного золота, на стенках которого художник изобразил историю Бахуса и нимф из Нисы¹⁸.

Солдат прямоком направился к кардиналу, но тот прикрыл свою чашу рукой.

— Сначала гостям.

После чего с улыбкой добродушно указал Ферранте, что и его люди недостаточно вышколены. Его слова не встретили особых возражений. Ферранте добился поставленной цели, а посему не считал нужным накалять атмосферу.

Как только солдат наполнил чаши Ферранте и его трех офицеров, сенешаль выхватил у него кувшин, чтобы вновь наполнить. Но не отдал кувшин солдату, потому что другой, держа в руках точно такой же кувшин, уже наливал вино дворянам из Реджо. Едва ли кто-нибудь это заметил, если бы вино разливали лакеи кардинала. Однако у солдат все вышло не так ловко, и Ферранте подсознательно отметил про себя эту странность, но не придал ей особого значения.

Он протянул руку к чаше, поднял ее и уже подносил ко рту, когда перехватил взгляд хозяина дома, вроде бы слу-

чайно брошенный на него. Но что-то в этом взгляде заставило Ферранте насторожиться. Во всяком случае, рука его замерла, не донеся чашу до рта. Врожденное чувство опасности его не подвело: ему и его офицерам наливали вино из одного кувшина, а кардиналу и дворянам Реджо — из другого. И этот пустяк, на который ранее он почти не обратил внимания, разом выступил на первый план, затмив собой все остальное. Вино в его чаше и чашах офицеров отравлено! Вывод опирался не только на интуицию, но и на улики — пусть косвенные.

Мгновения понадобились ему для того, чтобы оценить ситуацию, а секунду спустя уже решил, как действовать дальше.

Другой на его месте устроил бы шум, позвав на помощь солдат. Но не Ферранте. Он не желал быть поднятым на смех, окажись его обвинение ложным. А кроме того, открывалась возможность сыграть с мессером Гуанча в его же игру, но по своим правилам. Отказаться от подобной забавы Ферранте не мог.

Поэтому — напомним читателю, что прошла лишь секунда, как чаша с вином замерла в воздухе, — он повернулся к Орсини, сидевшему на другой стороне стола чуть наискосок, и окликнул его:

— Передайте мне вожденные дощечки. Я вспомнил, что должен кое-что записать.

Ферранте поставил чашу на стол и наклонился вперед. Пока Орсини доставал дощечки для письма, он сумел шепнуть два слова Рамиресу, сидевшему напротив него: «No bibas»^{*} — справедливо полагая, что за шумом разговора едва ли кто-нибудь разберет, о чем речь.

Брови испанца поднялись и тут же вернулись на прежнее место, показывая Ферранте, что он все понял.

А чтобы наблюдавший за ним из-под полуопущенных век кардинал не догадался, что его хитрость разгадана, Ферранте откинулся на спинку стула, лениво поднял чашу и вроде бы отпил из нее. На самом же деле он лишь на мгновение задержал чашу у плотно сомкнутых губ, которые тщательно вытер, поставив ее на стол.

Глаза кардинала радостно сверкнули. Но Ферранте этого не видел. Сосед передал ему таблички Орсини. Раскрыв их, Ферранте написал: «Вино не пить! Предупредите Тадео» — захлопнул их и вернул хозяину.

^{*} Не пей (исп.).

— Прочитайте, что я написал, Фабио. Прошу вас и вести себя соответственно.

Орсини повиновался, и Ферранте восхитила та естественность, с которой юноша сыграл отведенную ему роль. Прочитав послание, он поднял голову, улыбнулся, на мгновение замер с раскрытыми табличками, словно не зная, что делать дальше, а затем повернулся к делла Вольпе.

— Я думаю, это относится не только ко мне, но и к вам, Таддео,— и протянул таблички ветерану.— Надеюсь, я не ошибся?

Как раз в этот момент делла Вольпе подносил ко рту полную чашу. Но поставил ее на стол, чтобы взять таблички. Прочитал, в раздумье сморщив лоб, наконец все понял и кивнул Ферранте.

— Посмотрю, что можно сделать,— и убрал таблички в карман.

Ферранте облегченно вздохнул, готовясь перейти ко второму этапу начавшейся игры. А кардинал в ту же секунду встал, поднял чашу и предложил выпить за здоровье высокочтимых гостей.

Заскрипели стулья, в соответствии с этикетом после такого тоста пили стоя, но Ферранте опередил всех и вскочил первым, с чашей в руке.

— Позвольте мне сказать несколько слов перед тем, как мы осушим наши чаши.— И простер левую руку, призывая остальных остаться на своих местах.— Ваше высочество, я умоляю вас сесть и выслушать мою маленькую речь, которую я намерен произнести от лица моего господина. Надеюсь, что, выслушав меня, вы выпьете за наше здоровье с открытым сердцем и чистой душой, ибо мы не держим на вас зла.

Глаза его ярко блестели, на щеках горел юношеский румянец. Присутствующим могло показаться, что эти внешние признаки обусловлены вниманием, оказанным Ферранте сидящими за столом. На самом же деле его возбуждал азарт игрока, решившего обратить неуклюжий план кардинала против него же самого. Ничто так не возбуждало Ферранте, как битва умов. И сейчас он буквально трепетал в предвкушении успеха приготовленной им шутки.

— Хочу подчеркнуть, что мы пришли к вам с миром,— как бы ненароком он перехватил полную чашу левой рукой.— Да и какой толк в кровавой резне после того, как Реджо-ди-Монте добровольно раскрыл ворота...

Тут он запнулся и уставился на кардинала.

— Ваше высочество, у вас что-то болит? — голос его переполняла искренняя тревога.

Взгляды мгновенно скрестились на бывшем правителе Реджо. Сидевшие за столом вытянули шеи, чтобы посмотреть на прелата, который лишь молча мигал, сбитый с толку восклицанием Ферранте. И в этот самый миг левая рука сицилийца поставила чашу рядом с чашей мессера Аннибала. Глаза же его не отрывались от лица кардинала.

— Ничего у меня не болит, — отчеканил прелат. — Я в полном порядке.

А пальцы Ферранте уже сжали чашу Аннибала. При чем он заранее повернулся так, чтобы скрыть от сидевших справа движение руки. Аннибал, наклонившись над столом, не давал кардиналу возможности увидеть, что происходит за спиной его племянника. Те же, кто расположились напротив, все еще смотрели на кардинала. Так что и для них манипуляции Ферранте прошли незамеченными. Когда же взгляды присутствующих возвратились к сицилийцу, он держал чашу на уровне груди, точно так же, как в тот момент, когда всеобщее внимание переключилось на Гуанчу.

— Наверное, меня подвело зрение, — рассмеялся Ферранте. — Мне показалось, что вы, ваше высочество, внезапно побледнели и лишились чувств.

— Нет, нет, — улыбнулся в ответ прелат. — Я лишь уселся поудобнее, готовясь выслушать вашу речь.

И Ферранте разразился потоком громких, но пустых слов, обещая, что теперь жителям Реджо беспокоиться не о чем, поскольку герцог найдет им правителя, который будет заботиться о них, как о собственных детях. Обещание это вызвало саркастическую улыбку на губах многих друзей кардинала Гуанчи. Ферранте еще выше поднял чашу.

— Я пью за мир и процветание Реджо-ди-Монте, за успехи и победы армии нашего славного герцога.

И медленно, закинув голову, осушил чашу до дна.

Будут ли дворяне Реджо пить во славу Чезаре Борджа, Ферранте не знал, но не сомневался, что кардинал делать этого не станет. И действительно, тот лишь поднес чашу ко рту, не спуская с сицилийца полных злобы глаз. С тревогой наблюдали за ним и его офицеры, которые, следуя полученному приказу, даже не прикоснулись к своим чашам.

Но несколько человек выпили, в том числе и мессер Аннибал, племянник Гуанчи. Обильное угощение вызвало

жажду. А затем, когда под взглядом кардинала Ферранте опустился на стул, мессер Аннибал издал жуткий вопль, схватился за живот, будто пытаясь расстегнуть пояс. Он откинулся назад, перевернул стул, покатился по полу, поджал ноги к груди, елозя сведенными судорогой руками по мозаичному полу. Из груди его раз за разом исторгались крики боли.

Оставшиеся за столом похолодели от ужаса. Лишь вопли Аннибала, становившиеся все слабее, нарушали мертвую тишину. И дворяне Реджо, и офицеры Ферранте сидели потрясенные, с побледневшими лицами и широко раскрытыми глазами. Солдаты и слуги в страхе пятились от корчившегося на полу Аннибала, а более всех перепугался сенешаль, подавший солдату кувшин с отравленным вином. Сомнения раздирали его душу: а не перепутал ли он кувшины?

Но более бледного лица, чем у бывшего правителя города, не было. Искоса наблюдая за мессером Гуанчей, Ферранте ждал, когда закончится долгая агония его племянника. Когда же тело мессера Аннибала замерло, а душа отошла в мир иной, он встал — единственный, кто сохранил самообладание. Насмешливые искорки сверкали в его глазах, губы кривила улыбка.

— Похоже, мессер Гуанча, произошла ошибка. Ваш сенешаль очень уж безответственно отнесся к столь серьезному поручению и подал кувшин с отравленным вином не тем гостям. А вы тем самым угодили в яму, которую рыли другим.

Юноша, сидевший справа от Ферранте и тоже выпивший вино, издал жуткий крик и лишился чувств. Улыбка Ферранте стала шире: дурачок грохнулся в обморок от страха, тем самым усилив эффект его слов.

— Рамирес, — продолжил Ферранте, — пошли сюда своих людей. Затем закрой ворота, и чтобы никто во дворце пальцем не пошевелил без твоей команды.

Рамирес вышел. Пехотинцы, прислуживавшие за столом, схватили пики и повернулись к Ферранте в ожидании приказа.

— Господа, — обратился сицилиец ко всей компании, — Я прошу всех отойти к дальней стене, всех, кроме господина кардинала. — И добавил, заметив, что кое-кто сунул было руку за пазуху: — Того, кто обнажит оружие, незамедлительно удавят внизу, во дворе. Считайте, что я предупредил вас, господа! С непокорными разговор у меня будет коротким.

Все потянулись к дальней стене, словно стадо овец — все, за исключением троих: кардинала, юноши, потерявшего сознание, и покойника. Пехотинцы Таддео, усиленные подмогой, присланной Рамиресом, встали между ними и Ферранте, и никто из дворян Реджо не попытался прорвать эту ошметинившуюся сталью стену.

Ферранте вновь повернулся к кардиналу. Мессер Гуанча сидел, вцепившись в подлокотники кресла так, что костяшки его пальцев побелели. Он напоминал скорее изваяние, а не живого человека. Сицилиец произнес лишь одно слово, указывая на полную чашу, стоявшую перед прелатом.

— Выпейте!

Кардинал соображал туго. В голове у него помутилось. Но резкая команда вернула его к действительности. Он шевельнулся, вжался в спинку кресла, отвел взгляд от чаши с отравленным, как он теперь свято верил, вином. Один ее вид наполнял его ужасом, хотя на самом деле в вине, налитом кардиналу, яда не было.

— Я не буду пить, — просипел Гуанча.

Ферранте пожал плечами и подозвал солдата.

— Я назначаю тебя тюремщиком мессера Гуанчи. Он останется в этом зале. Рядом с ним должен постоянно стоять часовой. Не давать ему ни еды, ни питья, пока он не осушит эту чашу с вином, — и повернулся к своим офицерам. — Пойдемте, господа. Делать нам тут больше нечего.

Солдаты вывели дворян Реджо из обеденного зала и из дворца, полновластным хозяином которого стал Ферранте. Перед отходом ко сну он рассказал своим вконец запутавшимся подчиненным, как второй раз за день перехитрил кардинала.

— Вот он сидит, — закончил Ферранте с улыбкой, — перед чашей вина, и яда в нем не больше, чем в молоке матери, которое он сосал в детстве. Но он-то уверен, что вино отравлено, и не решается пригубить его. Однако скоро его начнут мучить жажда и голод. Возможно, он предпочтет умереть, но не пить вино. Забавно, не правда ли?

— Это ужасно. — Орсини даже передернуло.

— Но справедливо, — возразил Таддео.

И Рамирес полностью с ним согласился.

— Еще и милосердно, — добавил Ферранте. — Другой бы тут же отдал его палачу. Я же не намерен более карать его при условии, что он выпьет вино.

Наутро они заглянули к кардиналу. Тот по-прежнему сидел в золоченом кресле. Полная чаша стояла нетрону-

той. Когда они вошли, он поднял на них дикие, налитые кровью глаза. Лицо его за ночь стало пепельно-серым.

Затянувшееся молчание нарушил Ферранте.

— Вы излишне упрямы, господин мой. Выпейте вино, и вы обретете свободу.

Нарочитая двусмысленность последней фразы не осталась незамеченной: по телу мессера Гуанчи пробежала дрожь. Ферранте сменил часового и удалился вместе с офицерами.

Вечером они застали ту же картину: старик, сжавшийся в кресле, и полная чаша вина перед ним. Но ранним утром следующего дня Ферранте сообщили, что ночью кардинал умер. Сицилиец позвал офицеров и вместе с ними поспешил в обеденный зал.

Тело уже похолодело.

— Что произошло? — спросил Ферранте часового.

— В полночь он выпил немного вина, — ответил солдат, — и сразу же умер.

Брови Ферранте взметнулись вверх. Удивились и офицеры. Сицилиец подошел к столу и заглянул в чашу. Та была наполовину пуста. Ферранте улыбнулся. Разумеется, он не ожидал такого конца, но получилось довольно забавно: Гуанча умер от страха. Причиной его смерти стало разгравшееся воображение.

Ферранте постоял, разглядывая мертвого прелата, затем облек свои мысли в слова:

— Просто удивительно, до чего может довести человека страх. Берегитесь страха, друзья мои, это наш главный враг. Перед вами его очередная жертва. Он думал, что пьет яд, и вот он лежит, отравленный. Отравленный лишь собственным воображением, поскольку выпил обычное вино.

— Невероятно! — воскликнул Таддео.

— Что-то здесь не так, — добавил Рамирес.

Ферранте посмотрел на них и хмыкнул.

— Это урок вам. Вы видите не более того, что вам показывают, а нужно смотреть глубже. Это вино, — он поднял чашу, — не содержит ни грамма яда. И я вам это докажу.

Ферранте поднес чашу к губам и осушил ее до дна. А в следующее мгновение с силой отбросил ее от себя, закрыл лицо руками, постоял, покачиваясь, и бездыханным рухнул на мозаичный пол рядом с креслом кардинала.

Объяснение случившемуся находилось в правой руке мессера Гуанчи. Она сжимала флакон, от которого шел резкий запах дикого миндаля. Теперь все встало на свои места. Бывший правитель Реджо убедился, что его смерть

неминуема — то ли от отравленного вина, которое он должен выпить, то ли от голода и жажды. И он решил избрать первый путь. Но, будучи свидетелем долгой агонии племянника, уготовил себе более легкую смерть, добавив в вино яда из флакона, который оставался при нем.

Так мессера Ферранте да Изола убила его собственная шутка.

Глава 4

НАГРАДА ДЛЯ ДЖИЗМОНДИ

Бенвенуто Джизмонди, вор и убийца, на украденной лошади медленно ехал на север по древней Виа Эмилия. Укутавший землю снег блестел под яркими лучами солнца. Дорога, уже потерявшая девственную белизну, стрелой уходила вдаль. В четырех милях впереди, в легкой дымке, виднелись остроконечные крыши Форли-мпополи.

Туда и держал путь Джизмонди, кляня холод и голодное урчание желудка, по очереди поднося руки ко рту, чтобы хоть немного отогреть заledenевшие пальцы. Одежда его, когда-то сшитая из добротной ткани, изрядно обносилась, тут и там виднелись следы штопки. Сапоги просили каши, а сквозь истершиеся ножны проглядывала сталь меча. Голову прикрывал старый морион, помятый и местами покрытый ржавчиной, Джизмонди хотелось, чтобы незнакомцы принимали его за солдата. Из-под мориона торчали длинные космы нечесаных черных волос. Половину изрытого оспой лица скрывала черная же борода. Короче говоря, видом своим Джизмонди напоминал не солдата, а скорее бандита, какими пугают малых детей.

На душе у него было паршиво. С приходом к власти в Романье Чезаре Борджа покушение на чужую собственность стало расцениваться как серьезное правонарушение, и таким людям, как Бенвенуто Джизмонди, стало куда труднее зарабатывать на жизнь. Ибо в преступлениях Джизмонди не было ничего героического. Он не принадлежал к тем отважным грабителям, что с мечом в руке останавливают путешественника вдали от населенных мест и предлагают выбор между кошельком и жизнью. Ему не хотелось подвергать себя опасностям, сопутствующим дорожным разбойникам. Нет, он грабил и воровал только в городской черте. Притаившись в темной нише, он терпе-

ливо поджидал одинокого прохожего, чтобы вонзить ему в спину нож, а уж потом поживиться содержимым его карманов. Но Чезаре Борджа положил конец ночному разбою в городах, находящихся под его властью.

Потому-то и пришлось мессеру Бенвенуто отправиться в дальнее путешествие. Обосноваться он хотел в Болонье, а может быть, еще дальше, в Милане, во всяком случае, там, где вор может спокойно заниматься своим делом, не ощущая слишком уж назойливого внимания к себе со стороны стражей порядка. Из Романьи он уезжал с неохотой. Во-первых, здесь он родился, а жителей остальной Италии считал варварами. Во-вторых, в Чезене осталась Джанноцца, царица таверны «Полумесец», с озорными глазками, большой грудью и пышными бедрами. От одной мысли о ней и ее теплой постели у Бенвенуто заняло сердце. И не оставалось ему ничего другого, как осыпать всеми известными ему ругательствами незаконнорожденного сына папы, из-за которого и свалились на него все эти несчастья.

Вдалеке, на белоснежной равнине, появилась черная точка, постепенно увеличивающаяся в размерах: кто-то скакал навстречу. Но Бенвенуто не замечал его, занятый своими грустными мыслями. Особенно волновало его урчание в животе. Дальше Форлиμποполи ехать на голодный желудок он не мог. Всему есть предел. Однако как раздобыть еду? Он мог продать лошадь. Но без лошади ни до Болоньи, ни до еще более далекого Милана не добраться. Да и сможет ли он продать эту клячу? Начнутся вопросы, в этом сомнений нет — ведь в этой стране обожают задавать вопросы, — а если ответы не удовлетворят любопытствующих, то его могут повесить. Чего-чего, а виселиц в округе хватает с лихвой.

Так он и ехал мрачнее тучи, а расстояние между ним и другим всадником все сокращалось и сокращалось. Наконец Бенвенуто все-таки обратил на него внимание и подумал, не выхватить ли ему меч и не потребовать ли громовым голосом кошелек. Он дрожал от холода, его желтые зубы выбивали дробь. Так и не придя к какому-либо окончательному решению, он тем не менее вытащил меч из ножен и прикрыл полый плаща.

По мере того, как всадник приближался, Бенвенуто отметил сперва стать его коня, а потом и выглядывающую из-под бархатного, отороченного мехом плаща кольчугу, надежно предохраняющую от кинжала, но не от меча. При более детальном рассмотрении оказалось, что это юноша благородного вида, с золотой цепью на груди и черным

плюмажем, прикрепленным драгоценной пряжкой к шапочке. И Бенвенуто пришел к выводу, что ограбить такого имеет смысл.

Он решился пристально наблюдать за незнакомцем и выехал уже на середину дороги, чтобы при встрече их разделяло кратчайшее расстояние. Молодой человек лишь мельком глянул на Бенвенуто, пребывая в глубокой задумчивости. Грабитель же задрожал еще сильнее, мужество совсем было оставило его, однако в последний момент, когда всадники уже разминулись, он привстал на стременах, взмахнул мечом и изо всех сил ударил не ожидавшего нападения юношу по голове.

Если юноша и успел заметить движение меча, то уклониться от удара ему не удалось. Он покачнулся и упал лицом вниз. Напугавшаяся лошадь рванула в галоп и еще с дюжину метров волокла всадника, прежде чем его ноги выскользнули из стремян. Он остался лежать на снегу, а лошадь унеслась прочь.

Бенвенуто подъехал к упавшему. Несколько минут смотрел на него, ухмыляясь, пока не убедился, что тот не дышит. Шапочка свалилась с головы юноши, светлые волосы покраснели от крови. Кровавый след тянулся и по дороге, там, где тело убитого бороздило снег.

Бенвенуто глянул в одну сторону, в другую — кругом ни души. Удовлетворенный осмотром, он слез с лошади, чтобы собрать урожай после кровавой жатвы. Но, как скоро выяснилось, богатый наряд юноши обманул его. Поиски добычи не принесли результата, если не считать золотой цепи да шелкового кошелька с тремя золотыми дукатами. «Мне досталось не золото, а позолота», — мрачно подумал Бенвенуто.

Его злило, что риск, на который он пошел, не оправдался. Какой смысл убивать человека ради трех золотых монет да паршивой цепи? Судьба-злодейка никак не хотела даровать ему свою милость. Убийство представлялось ему делом серьезным. Оно могло поставить под угрозу спасение его бессмертной души, а мессер Бенвенуто считал себя набожным христианином, верным сыном святой церкви. Особое почтение испытывал он к Мадонне Лоретской и был членом братства святой Анны, чей образок носил на грязной груди.

Не то чтобы ему впервые довелось убить человека, но никогда ранее такой смертный грех не вознаграждался столь жалкой суммой, не говоря уж о ненужном риске, которого он всегда старался избегать.

Бенвенуто посмотрел на посиневшее лицо своей жертвы, и ему показалось, что глаза мертвеца насмешливо щурятся. Ужас охватил его. Он вскочил в седло и пришпорил лошадь. Однако метров через двадцать натянул поводья. Нельзя же так нервничать. Плащ, отороченный рысьим мехом, стоил никак не меньше пяти дукатов, да и на шапочке осталась драгоценная пряжка.

Он вернулся назад, и новая мысль мелькнула у него в голове. Что он будет делать с таким дорогим плащом? Продать его не легче, чем лошадь. И тут Бенвенуто осенило: зачем продавать, когда можно надеть самому. И не только плащ. Ведь мертвецу одежда ни к чему, а его собственная насквозь продувается ветром.

Бенвенуто снова спешился и привязал лошадь к дереву. Прежде всего он закрыл насмешливые глаза покойника, потом, опустившись на колени, прочитал короткую молитву, прося свою небесную заступницу замолвить за него словечко. И только помолившись, приступил к делу. Ухватил тело под мышки и уволок с дороги, торопливо стащил кольчугу, сапоги из серой кожи, панталоны. Тут же скинул с себя лохмотья и под ярким январским солнцем, дрожа от холода, надел одежду убитого. Теперь, решил он, можно ехать и в Милан. В таком наряде его везде будут принимать с должным уважением.

Мертвец был такого же телосложения, что и Бенвенуто, даже сапоги пришлись впору. Но, надевая второй сапог, он наткнулся ногой на что-то твердое. Это оказался пакет со сломанной печатью. Внутри лежали три листа бумаги. Бенвенуто расправил их ребром ладони. То было письмо, написанное на латыни и адресованное некоему Креспи из Фаэнцы — так Бенвенуто узнал, кого он убил. Мать Бенвенуто хотела, чтобы сын стал монахом, и в детстве ему пришлось столько корпеть над латынью, что он не забыл ее и годы спустя. Его глаза блестели все ярче по мере того, как пробегали строчку за строчкой. Такое письмо могло принести ему не одну сотню дукатов. Но сейчас не время предаваться размышлениям. Кто-то мог появиться на дороге и увидеть его рядом с покойником. Бенвенуто поднял голову.

И действительно, у самого Форлиμποполи, на белом снегу показались черные точки: приближалась целая кавалькада. Бенвенуто торопливо засунул бумаги за пазуху и натянул второй сапог, не обращая внимания на промокающий от снега чулок. Перепоясался мечом убитого им Креспи, стряхнул снег с его плаща, накинул себе на плечи.

Свою одежду свернул в узел, с которым вернулся на дорогу. Оставалась еще шапочка мессера Креспи, упавшая с его головы после смертельного удара. Бенвенуто подобрал и ее. Она была разрублена мечом, но снаружи крови не было, лишь несколько капель попало на подкладку. В шапочке он нашел и черную маску, которой дворяне иногда закрывали лицо, если не хотели быть узнаваемыми.

Бенвенуто засунул маску обратно и водрузил шапочку на копну черных, нечесаных волос.

Оглянувшись через плечо. Кавалькада приблизилась, но ненамного. Тогда он влез в седло, но направил лошадь не на север, а назад, к Чезене. Именно там, где Чезаре Борджа разместил армию на зимних квартирах, найденные в сапоге убитого бумаги могли принести Бенвенуто кругленькую сумму. Все знали о щедрости герцога к своим сторонникам. Вот и Бенвенуто рассчитывал, что без труда обратит письмо в звонкие монеты.

Проскакав с милую, он бросил свои лохмотья в придорожную канаву. Узел проломил тоненькую корочку льда, быстро напился водой и ушел на дно. А Бенвенуто двинулся дальше, к стенам Чезены.

Он на ходу вытащил из-за пазухи письмо и еще раз перечитал его, на сей раз более внимательно. Да, он поступил как истинный патриот, избавив мир от этого мессера Креспи. Теперь-то он уверился, что нет за ним никакого греха. Убить убийцу — кто же за это осудит? А письмо ясно указывало, что мессер Креспи — убийца, хуже того — заговорщик, вступивший в ряды тех, кто задумал покушаться не на рядового гражданина, каких в Италии десятки и сотни тысяч, а на его светлость Чезаре Борджа, герцога Велентино и Романьи. Точное число заговорщиков в письме не указывалось, но преступная сеть опутывала всю Романью. Действовали они в строжайшей тайне и в большинстве своем даже не знали друг друга, чтобы свести к минимуму урон, который мог бы нанести проникший в их ряды предатель. Мессеру Креспи предлагалось прибыть на тайное совещание, назначенное на этот самый вечер во дворце Мальи в Чезене, в маске. Но того, кто возглавил заговор, был его мозгом и душой, вдохновляя всех остальных, знали все ступившие на опасную тропу. Его подпись стояла в конце письма — то был Эрмес Бентивольо, сын Джованни Бентивольо, тирана Болоньи, убийца Марескотти ¹⁹, известный во всей Италии жестокостью и кровожадностью.

Сам Бенвенуто, как вы уже догадались, не относил себя

к сторонникам Чезаре Борджа, не стал бы осуждать его убийцу и восславил бы его как героя из героев. Однако он не питал ни малейшего интереса к политике, посему и ухватился за возможность оказать Борджа услугу, за которую тот не мог не отблагодарить его золотыми дукатами.

Дукаты уже сияли перед мысленным взором Бенвенуто. Он уже видел их горку на грязном столе в таверне «Полумесяц». Наслаждался их желтым, завораживающим блеском и слышал, как они позвякивают, если перемешать их рукой. А как широко раскроются черные глаза его несравненной Джанноццы, никогда в жизни не видевшей столько золота! И он уже ощущал ее теплое, мягкое тело, уступающее всем его желаниям.

О, как же ярко засветилась звезда мессера Бенвенуто Джизмонди, вора и убийцы! Наконец-то фортуна обратила к нему свое лицо. С этими мыслями он проскакал по мосту через Савио и сквозь ворота в мощных стенах въехал в славный город Чезену.

Первым делом он направился в «Полумесяц», чтобы оставить лошадь на попечение тщедушного, косоглазого хозяина таверны, затем — к цирюльнику, привести в порядок волосы и бороду, после чего вновь вернулся в «Полумесяц», отобедать в отдельном кабинете, где прислуживала только Джанноцца.

В общем зале мужчины провожали его удивленными взглядами, не ускользнувшими от него, поэтому, зайдя в кабинет, он воскликнул, обращаясь к Джанноцце:

— Полюбуйся мною — бриллиант в золотой оправе!

Джанноцца, уперев руки в пышные бедра, смерила его взглядом. В черных глазах отразилось удивление, смешанное с недоверием. Женщина она была видная, прекрасно знала, какое впечатление производит на мужчин, и не давала им спуска.

— Что-то ты быстро вернулся. Какое злодейство совершил на этот раз?

— Злодейство? — ухмыльнулся Джизмонди. — Так уж сразу и злодейство?

— А как еще ты мог добыть такие славные перышки? Какого ты ощипал петушка?

Бенвенуто обнял ее, привлек к себе, похотливо улыбаясь. Джанноцца приняла это с полным безразличием, нимало не сопротивляясь.

— Я поступил на службу, милая, — возвестил он.

— На службу? Наверное, к Сатане?

— Отнюдь нет. К Чезаре Борджа,— приврать он любил, причем делал это с легкостью необычайной и весьма убедительно.

— Он нанял тебя на должность палача? — холодно осведомилась Джанноцца.

— Я его спаситель,— доверительно сообщил ей Бенвенуто и пустился в долгие рассуждения о том, какие ждут его поручения и сколь высоко будет причитающееся ему вознаграждение.

На пухлых губах Джанноццы играла недоверчивая улыбка. В конце концов улыбка эта так рассердила Бенвенуто, что он грубо оттолкнул девушку и уселся за стол.

— Сегодня у меня встреча с его светлостью. Он ждет меня во дворце. И ты поверишь мне, когда я высыплю перед тобой на этот самый стол его дукаты. Вот так-то! И мессер Бенвенуто станет тогда в полном смысле слова *ben venuto**.

Джанноцца пренебрежительно усмехнулась.

— Смеешься? — рассвирепел Джизмонди.— Пошевеливайся! Принеси мяса и вина. Герцог Валентино ждет меня. Пошевеливайся, говорю я тебе!

Глаза ее сузились.

— Слушай ты, кривоногий, рябой заморыш! С чего это ты так заважничал?

Бенвенуто чуть не задохнулся от ярости. Насчет оспин — чего уж спорить, но он гордился прямизной ног, одним из немногих своих физических достоинств. И попытался доказать, что она не права. Но Джанноцца тут же оборвала его:

— Так вести себя может только тот, кто при деньгах.— Где твой кошелек?

Джизмонди вытащил дукат и небрежно бросил на стол. Джанноцца не ожидала увидеть золото, и глаза ее широко раскрылись от удивления и жадности, а отношение к Джизмонди мгновенно изменилось. Она захлопотала, готовя ему тарелку, принесла из подвала бутылку вина, с кухни — дымящийся кусок мяса, щедро сдобренный горчицей. Положила перед ним белый хлеб, какой в таверне случался нечасто, бросила в камин несколько поленьев.

А Бенвенуто с жадностью набросился на еду и вино, позабыв обо всем. И лишь насытившись, вспомнил о девушке

* Удачно пришедший (*итал.*).

ке, которая ступала по кабинету с кошачьей грацией. От обильной еды, вина и жара камина Бенвенуто подобрел, пришел в благодушное настроение.

— Присядь ко мне, Джанноцца,— потянул он девушку за пухлую руку.

— А как же его светлость, герцог Валентино? Разве он больше не ждет тебя? — лениво усмехнулась Джанноцца.

Джизмонди нахмурился.

— Черт бы побрал этого герцога,— пробурчал он.

Тут тепло, уютно, а там, за стенами таверны, холод, ветер, снег. И в то же время... Пожалуй, стоит прогуляться до замка, чтобы набить карманы дукатами.

Джизмонди поднялся, подошел к окну. Глянул на грязный двор, полоску бирюзового неба. До вечера оставалось не так уж много времени, а к герцогу надо попасть сегодня или никогда.

— Да, я должен идти, дорогая. Но не задержусь ни на одну лишнюю минуту.

Он надел плащ, запахнул его, водрузил на голову шапочку с плюмажем, громко чмокнул Джанноццу — она приняла поцелуй с полным равнодушием — и покинул таверну.

По главной улице Бенвенуто поднялся на холм, где высился громадный замок, построенный знаменитым Сиджизмондо Малатестой ²⁰. С каждым шагом его все сильнее бил нервная дрожь. Воображение рисовало ему величественную и грозную фигуру герцога. Он никогда не видел его, но имя Чезаре Борджа гремело по всей Италии, и многие боялись его больше, чем кого бы то ни было. В преддверии встречи, как ему уже казалось, со сверхчеловеком, его охватил благоговейный ужас, словно в детстве перед посещением церкви.

Он пересек мост над засыпанным снегом рвом и шагнул под гигантскую темную аркаду. Ему показалось странным, что никто не остановил его и не спросил, а что, собственно, ему тут надобно. Он и понятия не имел, что сможет так легко проникнуть в обитель богоподобного существа.

Но внезапно что-то лязгнуло, сверкнуло, и алебарда замерла на уровне груди Джизмонди. Он попятился. Часовой в морионе и латах выступил из-за контрфорса ²¹, за которым прятался от ветра, и загородил проход

— Стой! Куда идешь?

Бенвенуто на мгновение лишился дара речи, столь не-

ожиданно встретившись с непримиримым врагом — стражем закона, но быстро пришел в себя.

— Я иду к герцогу, — объявил он.

Алебарда поднялась, освобождая дорогу.

— Проходи, — и часовой вновь укрылся за контрфорсом.

Бенвенуто двинулся дальше, тревога его росла. Слишком уж просто все получалось. Не к добру все это, подумал он. Войти-то легко, а вот как удастся выйти? Эх, лучше бы ему остаться в «Полумесяце» с несравненной Джанноццей и не совать нос в святилище этого жуткого божества. И, выйдя на просторный двор замка, Джизмонди остановился. Даже возможность заработать много золота уже не казалась ему столь заманчивой. Пусть его получает дьявол! Но ему удалось совладать с нервами и даже посмеяться над собственными страхами, убедив себя в том, что ему не грозит ничего худого.

Он осмотрелся. Вокруг никого, если не считать двух часовых. Один охранял каменную лестницу на галерею, другой стоял под аркой, ведущей во внутренний дворик. Оттуда доносился гул голосов.

Часовые не обращали на Джизмонди ни малейшего внимания, он же пристально оглядел их. У лестницы — мужчина коренастый, смуглокожий, злой на вид. У арки, наоборот, высокий, светловолосый, вроде бы настроенный дружелюбно. Так что свой выбор Бенвенуто сделал быстро. И решительно направился к арке.

— Я ищу герцога Валентино, — ему с трудом удалось подавить дрожь в голосе. — Где мне его найти?

Часовой смерил его взглядом. Лицо бандита, но одет пристойно. Придворный признал бы Бенвенуто лакеем, но в глазах лакея тот вполне сошел за придворного. Поэтому часовой без малейшего колебания отступил в сторону и указал пикой по направлению к внутреннему дворику.

— Его светлость там.

Бенвенуто нырнул в арку и тут же, словно по мановению волшебной палочки, шум во внутреннем дворике стих. Собравшиеся там люди, похоже, затаили дыхание. Джизмонди оставалось только гадать, что же происходит во дворике. Выход из арки загоразживал кавалерист, во все глаза разглядывавший что-то поверх голов, а толпа собралась человек в сто, главным образом солдаты и придворные, хотя были и горожане. Кавалерист бросил на Бенвенуто сердитый взгляд (оторвал, мерзавец, от дела), когда тот сообщил, что ищет герцога Валентино.

— Он там, — кавалерист указал в самый центр толпы.

Джизмонди никак не мог взять в толк, что же такое там происходит? Приподнялся на цыпочки, но ничего не выгадал, поскольку роста был небольшого. Внезапно толпа разразилась приветственными криками. И Бенвенуто снова дернул за рукав часового.

— У меня очень важное дело. Я должен увидеть его сейчас же.

Всадник внимательно оглядел его.

— Боюсь, что вам придется подождать,— и указал на пажу, одетого в красно-желтые цвета, сидящего верхом на орудии у стены и хлопающего в ладоши.— Лучше поговорите с ним. Он передаст вашу просьбу его светлости, как только тот освободится.

Бенвенуто поблагодарил часового и, бесцеремонно расталкивая тех, кто попадался на пути, протиснулся к пажу. Сперва он заговорил с ним вежливо, потом перешел на крик и, наконец, дернул пажу за ногу, чем только и привлек к себе внимание.

— Я ищущу герцога Валентино,— в какой раз повторил Джизмонди.— У меня очень важное дело. Вопрос жизни и смерти.

Паж вскользя глянул на него и усмехнулся.

— Вам придется подождать. Его светлость занят.

— Чем же? — спросил Бенвенуто, но паж отвернулся уже от него.

Ответ, похоже, следовало искать в гуще толпы, поэтому Бенвенуто без лишних слов влез на орудие и встал за спиной пажу. Увиденное несказанно удивило его.

Зрители окружили площадку, очищенную от снега. Посреди ее двое мужчин топтались друг против друга, чуть вытянув вперед руки. Оба были голыми по пояс, но на этом их сходство кончалось. Один был высокий, с могучим торсом, здоровенными ручищами, настоящий смуглокожий гигант с черной бородой и поросшим жесткими волосами телом. У второго, ростом ненамного уступавшего первому, стройного и гибкого, как лоза, с рыжеватыми длинными волосами и бородой, тело белизной напоминало алебастр. Борцы — сообразил Бенвенуто и пожалел светлокожего мужчину, не имеющего, по его убеждению, никакой надежды на победу. На что он мог рассчитывать в медвежьих объятиях гиганта?

Потом Бенвенуто оглядел зрителей, пытаясь определить, кто же из них герцог. Взгляд его выхватил из толпы нескольких надменного вида дворян, но был ли среди них Чезаре Борджа, он не мог сказать наверняка. А борцы тем

временем сошлись в схватке, качаясь то в одну сторону, то в другую. И тишину во внутреннем двореке нарушало лишь их свистящее дыхание, шарканье ног по каменным плитам да шлепки рук, пытавшихся ухватить поудобнее соперника.

Бенвенуто смотрел во все глаза, изумляясь столь длительному сопротивлению белокожего. Вот его руки вцепились в шею гиганта, и теперь он прилагал все силы, чтобы наклонить соперника вперед, а потом сбить с ног. Бенвенуто видел, как под светлой кожей на плечах и на спине взбугрились могучие мышцы. Да, парень этот не так слаб, как могло показаться с первого взгляда, отметил про себя Бенвенуто.

Но все усилия белокожего не давали никакого результата. С тем же успехом он мог пытаться сдвинуть с места быка. Гигант стоял, широко расставив ноги, словно врос в землю. А потом вдруг с быстротой молнии освободил шею, ухватил светлокожего за пояс и оторвал от каменных плит. Однако прежде чем гигант сумел воспользоваться добытым преимуществом, руки светлокожего поймали его подбородок и заломили голову назад с такой силой, что хватка гиганта разом ослабла. И мгновение спустя они снова стояли в центре круга, тяжело дыша, и, переминаясь с ноги на ногу, предельно внимательно следили друг за другом.

Паж повернулся к Бенвенуто.

— Мадонна! — возбужденно воскликнул он. — Он же едва не победил.

— Кто он? — спросил Бенвенуто.

— Кузнец из Каттолики, — ответил юноша. — Говорят, что сильнее его в Романье нет.

— А кто второй, светлокожий петушок?

Паж в недоумении вытаращил на него глаза.

— Да откуда вы явились, мессер? Уж не из новых ли земель, открытых мессером Коломбо ²²? Это же его светлость, герцог Валентино.

Бенвенуто ответил суровым взглядом, нахмурился.

— Послушай, парень, уж не хочешь ли ты выставить меня дураком?

— Дьявол! — воскликнул паж. — Да кто я такой, чтобы совершенствовать творенье Божье?

Но тут крики толпы заставили их сосредоточить внимание на борющихся.

Светлокожий борец, нырком уйдя от гигантских рук соперника, тут же схватил его за ноги и оторвал от земли.

Но руки гиганта сомкнулись на шее светлогожего, тем самым предупреждая бросок, ибо по правилам он не засчитывался, если оба соперника падали.

Бенвенуто убедился, что паж не обманул его: зрителям казалось, что кузнецу деваться некуда, в толпе завопили: «Герцог! Герцог!» Однако изумление так и не покинуло его. Неужели это действительно герцог? Тот самый Чезаре Борджа? Полубог, при одном упоминании имени которого он испытывал благоговейный трепет? Да что в нем божественного? Герцог, который борется с кузнецом во дворе собственного замка! Фу! Стоит ли бояться такого герцога?

Бенвенуто почувствовал себя на равных с незаконно рожденным сыном папы. И как он мог только вообразить, что герцог чем-то отличается от остальных людей? Чезаре Борджа — обычный смертный, да еще любитель помериться силой с простым кузнецом. И должен сполна заплатить за принесенную важную новость. Уж теперь-то Бенвенуто не побоится попросить достойное вознаграждение.

Борьба, однако, всерьез заинтересовала его, хотя он и не мог надивиться глупости герцога. Опускаться до такого! Ведь в пылу схватки ему могут переломать кости! Не так понимал Бенвенуто честь и достоинство герцогов. Не такими представлял их себе. Выдержанные вина, хорошо сервированный стол, мягкий диван, менестрели с их ласкающей слух музыкой, яркость женских глаз и податливость тел, готовых ублажить по мановению руки. Вот что означало быть герцогом. Но мериться силами с кузнецом в окружении разношерстной толпы... Такое не укладывалось в сознании Джизмонди.

Тут паж повернулся к нему.

— Герцог обещал пятьдесят дукатов тому, кто сможет бросить его на землю.

Святой Боже! Пятьдесят дукатов за такой пустяк! Да, герцог, конечно, не в своем уме, но щедр по-королевски, люди верно говорят. И Бенвенуто улыбнулся, предвкушая звон золотых монет, которые посыплются в его карман.

А борцы вновь сошлись, и Бенвенуто не мог не поразиться недюжинной силе герцога. Тело его казалось скрученным из стальных пружин, и Бенвенуто уже не мог с прежней уверенностью поручиться за исход схватки. Грубая мощь кузнеца таяла под напором молодого герцога.

Развязка наступила внезапно. Прежде чем зрители поняли, что произошло, поединок закончился. Кузнец неожиданно кинулся на герцога, надеясь захватить его врасплох, но Чезаре ловко увернулся. И когда гигант, ловя пустоту,

наклонился вперед и потерял равновесие, руки герцога, словно железные клещи, обхватили его сзади, да так крепко, что кузнец уже не мог повернуться к нему лицом.

Бенвенуто снова увидел, как взбугрились мышцы на плечах и спине Борджа. Зрители затаили дыхание. Сможет ли герцог удерживать гиганта в своих объятиях?

Да, удержал. Чуть присел, оперся на правую ногу и выставил вперед левое бедро. Кузнец перелетел через него, словно стрела, выпущенная из арбалета, рухнул на каменные плиты и лежал так, постанывая. Но стоны его потонули в восторженных криках зрителей, наблюдавших за схваткой.

— Герцог! Герцог! — кричали они.

Вверх взлетали шапочки, люди хлопали в ладоши, смеялись, восхищались великолепным броском.

А герцог опустился на колени над кузнецом, поднял руку, призывая к тишине. Тому досталось крепко. При падении он вывихнул плечо и сломал ключицу.

Подшли солдаты и подняли его, еще не пришедшего в себя, на ноги.

— Пусть Торелла осмотрит его, — распорядился герцог и обратился уже к кузнецу: — С таким силачом, как ты, мне бороться еще не доводилось. Я уже начал опасаться за свою репутацию.

Он говорил дружелюбно, положив руку на здоровое плечо недавнего соперника.

От услышанного и увиденного презрение Бенвенуто к герцогу возросло еще больше. А тут он еще заметил, с какой собачьей преданностью смотрит на Чезаре кузнец. И на губах вора и убийцы заиграла пренебрежительная усмешка.

— Ты получишь двадцать дукатов, — на том разговор с кузнецом и закончился.

По крайней мере, герцог не дрожит над каждым дукатом, отметил Джизмонди. А это на сегодня главное.

Слуга принес герцогу шелковую рубашку и подбитый мехом камзол. Тот быстро оделся.

Бенвенуто тут же попросил пажу представить его герцогу, настаивая на важности и срочности своего дела к его светлости. Паж спорить не стал, нырнул в толпу. Вскоре Бенвенуто увидел его рядом с герцогом.

Чезаре Борджа, уже полностью одетый, внимательно выслушал пажу, поднял голову и посмотрел на Бенвенуто, по-прежнему стоявшего на орудии в полной уверенности, что встреча с Борджа не принесет ему ничего, кроме удачи.

Однако под взглядом герцога уверенность эта исчезла, как гаснет огонек свечи, задутый сильным порывом ветра.

Бенвенуто не смог бы объяснить, чем необычным поразила его этот взгляд. Словно что-то впилося в мозг, так что Джизмонди на мгновение потерял способность соображать. Глаза герцога, казалось, заглянули на самое дно его души и увидели всю накопившуюся там грязь.

Затем герцог подозвал его кивком головы. Бенвенуто прыгнул на каменные плиты, двинулся к нему, похолодев от страха. Солдаты, придворные, горожане раздалились в стороны, освобождая ему проход, пока он не оказался перед молодым человеком с рыжеватой бородой.

— Вы хотели мне что-то сказать, — говорил герцог мягко, но столь холодно, что по коже Бенвенуто побежали мурашки. Он не решался поднять глаза, боясь встретиться со взглядом Борджа.

— Дело очень важное и спешное, ваша светлость, — промямлил вор.

Чезаре помолчал, разглядывая стоявшего перед ним. И в это мгновение Бенвенуто понял, что нет у него секретов от герцога, и все, о чем он хочет сказать, давно известно этому человеку, которого он совсем недавно посчитал равным себе.

— Тогда пойдемте со мной.

Вслед за пажом Чезаре Борджа пересек внутренний двор, поднялся по шести каменным ступеням к дубовой двери, которую открыли перед ним часовые. Бенвенуто плелся позади, чувствуя себя не в своей тарелке под многочисленными взглядами еще не разошедшихся зрителей, не без основания полагая, что многие из них без труда распознали его истинную суть.

После внутреннего дворика, освещенного клонившимся к горизонту солнцем, длинный зал, в который они вошли, показался Джизмонди совсем мрачным. Возможно, такое впечатление создавали рубиновые блики, отбрасываемые огнем, разоженным в огромном камине. На полу лежали новые ковры, две стены украшали гобелены, лестница справа вела на галерею. У камина стояло большое кресло, сбоку — массивный резной письменный стол и буфет с чашами и золотым кувшином. Из кувшина поднимался пар, и нос Джизмонди уловил запах горячего вина, щедро сдобренного пряностями.

Чезаре уселся в кресло у камина. Паж принес кувшин и чашу — одну чашу, не преминул заметить Бенвенуто, — налил вина своему господину и поставил кувшин на стол.

Взмахом руки Чезаре Борджа отпустил юношу и повернулся к Джизмонди, который переминался с ноги на ногу посреди зала, не зная куда присесть, как повести себя.

— Ну, мессер, так какое же у вас ко мне дело?

По правде говоря, Бенвенуто не ожидал, что герцог начнет со столь прямого вопроса, но ему не оставалось ничего другого, как отвечать.

— Мой господин, в моем распоряжении имеются доказательства подготовки заговора, цель которого — ваше убийство.

Он-то ожидал, что слова его произведут должное впечатление на герцога, но, похоже, в этот день, столь богатый неожиданностями, ему предстояло узнать еще немало нового о привычках герцогов. Ни единый мускул не дрогнул на лице Чезаре. Его немигающие глаза по-прежнему сверлили Джизмонди. Пауза затягивалась. Первым заговорил герцог.

— Понятно, мессер. Что еще?

— Еще? — эхом отозвался Джизмонди. — Но... это все.

— Все? — нахмурился герцог. — Так где эти доказательства?

— Я... Они у меня с собой. В письме, которое сегодня попало в мои руки. И... И я скачал во весь опор, чтобы поскорее привезти их вам.

Тут Джизмонди полез за пазуху.

— Скакали, значит? Откуда?

— Э... Из Форли.

Он достал письмо. Поначалу, как помнит читатель, Бенвенуто тешил себя надеждой, что выторгует хорошую цену, прежде чем отдать письмо. Но надежда эта испарилась вместе с его мужеством. Да и теперь, став свидетелем щедрости герцога по отношению к кузнецу, он полагал, что Борджа и его отблагодарит по-королевски. На том строился расчет Джизмонди. Он подошел к столу и положил письмо перед герцогом.

Чезаре углубился в чтение. Брови его сошлись в переносице, и он повернулся к пажу.

— Беппо, пригласи сюда мессера Герарди.

Паж поднялся по лестнице на галерею и вышел через дверь в ее дальнем конце. Герцог же вновь склонился над письмом. Бенвенуто ждал.

Наконец Борджа положил листки на стол. Джизмонди ожидал услышать громкие проклятья в адрес заговорщиков, похвалы в свой адрес и, как следствие, вознагражде-

ние за труды. Но все обернулось иначе. Герцог ничем не выразил своих чувств. Лицо его осталось спокойным, как будто такие письма приносили ему по сотне на дню. А вопросы, которые он начал задавать, не имели ни малейшего отношения к заговорщикам.

— Как вас зовут, мессер?

И Бенвенуто не решился соврать. Ужасные, заораживающие глаза герцога гипнотизировали его.

— Я — Бенвенуто Джизмонди, слуга вашей светлости.

— Из Форли?

— Из Форли, ваше высочество.

— И чем вы занимаетесь?

Тут уж Бенвенуто стало совсем не по себе.

— Я... Я бедный человек, ваше высочество. И живу, как могу.

Бенвенуто почувствовал, как взгляд Борджа оценивающе прошелся по его одежде, дорогому плащу, золотой цепи на груди, драгоценной пряжке на шапочке. На губах герцога появилась зловещая улыбка, и Бенвенуто понял — но слишком поздно, — что попался на лжи. И мысленно выругал себя за то, что явился во дворец, не сочинив подходящей истории. Но кто мог ожидать подобных вопросов? И как можно отложить в сторону столь важное дело, с которым пришел Бенвенуто ради каких-то пустяковых распросов.

— Понятно, — протянул герцог, и от того, как было произнесено это слово, у мерзавца подкосились колени, а по спине пробежал холодок. — Понятно. А этот мессер Креспи из Фаэнцы, кому адресованы письма... Он мертв? — последняя фраза прозвучала скорее как утверждение, а не как вопрос.

— Мертв, ваша светлость, — ответил Бенвенуто, дрожа, как осиновый лист.

— Ага! Тут вы поступили по справедливости, — одобрил герцог и улыбнулся. Более зловещей улыбки Бенвенуто не доводилось видеть. — Как я полагаю, он был с вами одного роста и телосложения?

— Совершенно верно, ваша светлость.

— Значит, и в этом вам сопутствовала удача, тем более что вас посетила счастливая мысль воспользоваться его одеждой. Ваша, если не ошибаюсь, не шла с ней ни в какое сравнение.

— Мой господин, мой господин! — Джизмонди упал на колени, чтобы взмолиться о пощаде, но следующая фраза герцога остановила его.

— Да что с вами? Я действительно имел в виду, что вам повезло. Ничего более.

Бенвенуто взгляделся в улыбающееся лицо, ни на йоту не веря герцогу. Он уже понял, что добром дело не кончится.

На галерее послышались шаги. Вниз спустился паж, следом за ним — полноватый господин в черном, с круглым, как луна, лицом, острым носом и цепким взглядом, которым он походя окинул мессера Джизмонди.

— А, Агапито! — приветствовал его герцог, протягивая письмо. — Вроде бы писал Эрмес Бентивольо. Ты узнаешь почерк?

Секретарь взял письмо, отошел к окну, чтобы ознакомиться с ним при свете. Но, не прочтя и нескольких строк, посмотрел на Борджа.

— Что это, мой господин?

— Разве я просил тебя читать, Агапито? — в голосе герцога послышались нетерпеливые нотки. — Это рука Эрмеса Бентивольо?

— Да, — не колеблясь, ответил Герарди. Ему доводилось видеть письма этого бунтаря из Болоньи.

Герцог поднялся, вздохнул.

— Значит, письмо подлинное и он действительно в Чезене. Он не раз клялся убить меня. И, похоже, решился наконец перейти от слов к делу.

— Его надо схватить, мой господин.

Чезаре стоял со склоненной головой, глубоко задумавшись. Бенвенуто, о котором совсем забыли, ждал решения своей участи.

— В заговоре, должно быть, замешано много людей, — нарушил тишину герцог.

— Но он — мозг, мозг! — Агапито возбужденно всплеснул руками.

— Господи, помоги телу, которым управляет такой мозг, — пренебрежительно бросил Борджа. — Да, его следовало бы раздавить. Дать ему почувствовать, что суд мой скор, суров, но справедлив.

Хотя слова эти относились к Эрмесу Бентивольо, у Бенвенуто душа ушла в пятки.

— Но... — Борджа бессильно пожал плечами, отвернувшись к огню. — Он из Болоньи, а за Болоньей стоит Франция. Если я перережу горло этому негодяю, один Бог знает, какие могут возникнуть осложнения.

— Но, располагая такими доказательствами... — начал Агапито.

— Дело не в том, кто прав, а кто виноват,— оборвал его Чезаре.— И прежде, чем принимать какие-то меры...— он осекся на полуслове. Суровый взгляд его остановился на Бенвенуто.

Затем Борджа протянул руку, и секретарь вложил в нее письмо.

— Возьми это письмо,— теперь рука с тремя листками протянулась к Джизмонди.— Выучи наизусть его содержание. А в полночь, как указано в письме, пойдешь во дворец Мальи. Задание тебе — сыграть роль мессера Креспи, а утром вернуться сюда и рассказать о планах заговорщиков и об их сообщниках в других местах.

Джизмонди отступил на шаг, глаза его едва не вылезли из орбит.

— Мой господин! Мой господин! — вскричал он.— Я не сумею.

— Как тебе будет угодно,— медовым голосом согласился Борджа.— Но в Италии слишком много таких головорезов, как ты, страна просто кишит ими, так что едва ли кто заметит, что одним станет меньше. Беппо, кликни стражу.

— Мой господин! — запричитал объятый ужасом Джизмонди. Голос его разом сел.— Подождите, ваша светлость. Подождите. Если я сделаю то, о чем...— тут у него окончательно перехватило дыхание.

— Если ты исполнишь мое поручение,— ответил Чезаре на незаданный вопрос Бенвенуто,— мы не будем выяснять подробности смерти мессера Креспи. И наша забывчивость станет твоим вознаграждением. Признаюсь,— голос ласковый, тон — дружелюбный,— что иду я на это с большой неохотой, ибо я дал слово моим подданным искоренять вашу братию. Тем не менее, учитывая весомость услуги, которую ты можешь мне оказать, на этот раз я удержу карающий меч на весу. Если ты подведешь меня или откажешься — тебя ждет сначала дыба, чтобы вырвать у тебя признание в совершенных преступлениях, потом — виселица. А выбирать тебе самому.

Джизмонди смотрел и смотрел в это прекрасное лицо, столь насмешливо бесстрастное, и его ужас сменился звериной яростью. Так что, если бы не поединок, который ему удалось наблюдать, он, скорее всего, попытался бы превратить в реальность заветную мечту друзей мессера Креспи. Он уже проклинал свою веру в благодарность принцев. Да как он только мог подумать, что его труды будут вознаграждены золотом!

Едва волоча ноги, он вышел из зала, потом из замка, согласившись явиться в полночь во дворец Мальи, рискнуть своей драгоценной жизнью. Правда, Борджа пообещал, что его шпионы будут держать Бенвенуто под постоянным наблюдением. То есть, если он не выполнит задание, его вызволят живым из лап заговорщиков.

Вернувшись в таверну «Полумесяц», Джизмонди заперся в отдельном кабинете. Приказал принести свечи, ибо уже сгустились сумерки, и начал заучивать содержание письма, которое не озолотило его, а привело на край бездонной пропасти. Прелести Джанноццы уже не волновали его, не обращал он внимания и на ворчание косоглазого хозяина таверны.

Джанноцца, разумеется, почувствовала перемену в настроении Бенвенуто, но не могла найти тому объяснения. Как она ни пыталась ободрить его, чтобы разузнать, что же произошло, Бенвенуто отмалчивался, лишь изредка бросая в ответ короткие фразы. Наконец девушка принесла большую кружку вина с пряностями, надеясь, что теперь-то уж Бенвенуто не устоит, выпьет и разговорится. Но его глаза так и остались потухшими. Он безучастно взял кружку, поболтал ею и поставил обратно.

— Человек, что жидкость в сосуде обстоятельств,— философски изрек он.— Обстоятельства формируют его по своей воле, точно так же, как вино полностью занимает объем кружки. И конец у человека точно такой же,— и в глубокой печали он осушил кружку.

— Ты что-то говорил о службе герцогу...— начала было Джанноцца.

Но Бенвенуто отмахнулся.

— Уйди. Оставь меня. Мне нужно побыть одному.

И остался сидеть, глядя на потухающий камин. Мысли о бегстве возвратились к нему, но он отмел их прочь. Не стоит даже и пытаться. В общем зале сидят два незнакомца, пьют, едят, болтают с хозяином таверны. Это наверняка соглядатаи Борджа, присланные следить за ним. Они тут же схватят его, попытайся он покинуть город, в этом Бенвенуто не сомневался. Так что у него оставался один, пусть и ненадежный, путь к спасению: вызнать планы заговорщиков и доложить о них герцогу. И он уткнулся в письмо, твердо решив выучить его наизусть, как и требовал герцог, чтобы этой ночью сыграть отведенную ему роль.

В полночь он подошел к двери в громадных воротах дворца Мальи, закутанный в плащ Креспи, и в его же черной маске на лице, как и указывалось в письме. Он рассчитывал, что и остальные заговорщики придут в масках, и, таким образом, он останется неузнанным.

В то время во дворце Мальи, да будет известно читателю, никто не жил, поэтому его и выбрали для тайного собрания.

Дверь легко подалась под нажимом руки. Джизмонди распахнул ее, переступил порог и оказался в чернильном мраке. Калитка тут же закрылась. Темнота была такой густой, что, казалось, он мог пощупать ее. Причем стояла мертвая тишина:

— Холодная ночь, — громко произнес Джизмонди пароль.

Чьи-то пальцы крепко сжали его плечо. Джизмонди, еле ворочая языком от страха, выговорил вторую часть пароля:

— А будет еще холоднее.

— Холоднее для кого? — спросил незнакомый голос.

— Для того, кому этой ночью тепло.

Плечо его сразу освободилось, а темнота разредилась: кто-то снял черное покрывало со стоявшего на полу фонаря. Света, правда, хватало лишь на освещение мраморной мозаики.

Мужчина в черном плаще, с лицом, закрытым маской, дал знак Джизмонди следовать за ним, поднял фонарь и пересек зал. Шаги его гулко отдавались в огромном пустом помещении. Второй мужчина, как заметил Джизмонди, в таком же наряде, остался у калитки, чтобы впустить очередного гостя.

Провожатый открыл дверь в другой стене и вывел Джизмонди в просторный внутренний двор, покрытый толстым слоем снега. Фонарь окрашивал снег в желтый цвет, и в его слабом свете Джизмонди увидел цепочки следов, уходящие в темноту. По протоптанной тропинке они подошли ко второй двери, через нее попали в другой зал, холодный и мрачный, как склеп, и, наконец, третья дверь привела их в сад.

Тут провожатый остановился.

— По этим следам дойдете до стены. Там найдете лестницу. Перелезьте по ней через стену и опять идите по следам. Они приведут вас к двери, которая откроется по вашему стуку.

Он резко повернулся и пошел обратно, оставив трясущегося от страха Джизмонди одного.

На мгновение он заколебался, подумав, не обратиться ли ему восвояси, но отогнал эту мысль. Он зашел слишком далеко, чтобы спастись бегством. Хотя бы дело происходило днем, а не ночью!

Джизмонди шел, пока не уперся в стену. Нашлась и лестница. А следы на другой стороне привели его к какому-то дому.

Теперь-то он понял, что означает сие путешествие. Заговорщики собирались отнюдь не во дворце Мальи. Место это называлось для отвода глаз. Если бы шпионы Борджа прознали о тайном сборище и напали на дворец Мальи, труды их пропали бы даром, ибо они не обнаружили бы там никого. Часовые, дежурившие во дворце, нашли бы возможность дать сигнал тревоги, и большинство заговорщиков, собравшихся в другом доме, отделенном от дворца Мальи стеной и двумя садами, растворились бы в ночи, не попав в лапы врага.

Бенвенуто поднялся по нескольким ступеням к крепкой двери, постучал. Она мгновенно открылась и так же быстро захлопнулась за его спиной. Вновь он оказался в крошечной тьме. Сердце гулко билось. Из темноты раздался неожиданный вопрос, о котором не упоминалось в письме:

— Откуда вы?

Мгновение понадобилось Джизмонди, чтобы подавить охвативший его ужас. Он ответил, как подобало Креспи: «Из Фаэнцы».

— Проходите.

Открылась еще одна дверь, и поток света чуть не ослепил Джизмонди, глаза которого уже свыклись с темнотой.

Мигая и щурясь, он шагнул вперед, моля святую Анну и Мадонну Лоретскую, чтобы маска скрыла страх, искаивший его лицо.

Двенадцать свисающих с потолка люстр, уставленных свечами, освещали просторную комнату. В центре ее за длинным столом сидели семеро заговорщиков — все, как и он, в масках и плащах.

Дверь за Джизмонди мягко закрылась, вызвав в его воспаленном мозгу неприятное представление о захлопнувшейся ловушке. Поддерживала его лишь уверенность в том, что он хорошо выучил урок. Убеждая себя, что бояться нечего, Бенвенуто двинулся к столу и сел на свободный стул, радуясь, что секретность встречи не допускала праздных бесед. После него приходили и другие, также в полной тишине, и занимали места за столом.

Но вот в открывшуюся в очередной раз дверь вошел

мужчина лет тридцати-тридцати пяти, с ног до головы одетый в черное, но без маски. Вошедший был высокого роста, чисто выбритый, со смелым и решительным взглядом. Длинный меч бил его по ногам, а на правом бедре покоился тяжелый кинжал. «Бентивольо», — догадался Бенвенуто.

Его сопровождали двое в масках. При их появлении сидящие за столом, числом около дюжины, встали.

Джизмонди знал уже достаточно много о заговоре, в водоворот которого его затянуло, чтобы понять, почему Эрмесу Бентивольо не нужна маска: если заговорщики понятия не имели, кто сидит рядом, то имя предводителя указывалось в письмах, приведших их на эту тайную вечерю.

Бентивольо подошел к столу. Один из его спутников принес стул. Но Бентивольо словно и не заметил его, хмурым оглядывая собравшихся. Наконец он заговорил.

— Друзья мои, здесь собрались все, кто получил мои письма, хотя для меня это более чем странно, — Джизмонди похолодел, предчувствуя, что может за этим последовать, но не подал вида, недвижимо стоя среди других.

— Пожалуйста, садитесь.

Все уселись, но сам Бентивольо остался на ногах.

— У меня есть веские основания утверждать, что среди нас предатель.

Словно ветер прошелестел над столом. Мужчины поворачивались друг к другу, сверля сидящих рядом испепеляющими взглядами, словно рассчитывая прожечь маску соседа и увидеть прячущееся под ней лицо. На мгновение Джизмонди почудилось, что все смотрят на него, но он сообразил, что это разыгралось воображение. Поэтому он искусно подыгрывал остальным, переводя взгляд с одного заговорщика на другого. Трое или четверо сидящих вскочили.

— Его имя! — вскричали они. — Его имя, ваше высокочество!

Но Бентивольо покачал головой и знаком предложил им сесть.

— Мне оно неизвестно. Я не знаю также, вместо кого он пришел. — Тут у Джизмонди отлегло от сердца. — Вам я могу сказать лишь следующее. Сегодня утром в двух милях от Чезены мы наткнулись на тело мужчины, убитого, ограбленного, раздетого чуть ли не донага. Тело еще не успело закоченеть, когда мы обнаружили его, а впереди, по направлению к Чезене, скакал, по всей вероятности, убийца. Рядом мы нашли лист бумаги, который я принес сюда. На нем, как видите, половина зеленой печати с гер-

бом, который, возможно, неизвестен всем дворянам Италии, но хорошо знаком всем вам, получившим от меня письма и откликнувшимся на них приездом сюда.

Перед тем, как продолжить, Бентивольо выдержал короткую паузу.

— Несомненно, бумага эта — обертка, в которой лежало само письмо, касающееся нашего сегодняшнего собрания. Я не знаю, было ли письмо это адресовано убитому, не знаю, кто он и откуда ехал. Но один из присутствующих может просветить всех нас, ибо, если убитый — наш товарищ, то вместо него сейчас сидит убийца. Не хочет ли кто-нибудь из вас объяснить, что произошло на дороге в Чезену?

Он сел, переводя взгляд с одной маски на другую. Но никто ему не ответил.

А у Джизмонди перехватило дыхание. Даже если бы он и хотел заговорить, с его губ не сорвалось бы ни звука.

Молчание затягивалось, и злобная улыбка перекосила лицо Бентивольо.

— Что ж, так я и думал. — Тон его изменился, стал резким, отрывистым. — Если бы я знал, где вы остановились, то предупредил бы заранее о переносе нашей встречи. Этого мне сделать не удалось, так что остается лишь надеяться, что нас не предали. Но одно я знаю наверняка: человек, которому известны теперь наши намерения, находится сейчас среди нас, чтобы вызнать как можно больше, прежде чем пойти к тому, кто даст за его сведения хорошую цену. Вы понимаете, о ком я говорю.

Вновь поднялся шум. Горячие голоса выкрикивали угрозы предателю. Джизмонди молча кусал губы, гадая, чем все это кончится.

— Двенадцать друзей ждал я в этот час, — воскликнул Бентивольо. — Одного убили, но за столом сидят двенадцать человек. На одного больше, чем следовало бы. Этого одного мы и должны отыскать среди нас.

Он поднялся — высокая, величественная фигура.

— Я попрошу каждого из вас поговорить со мной наедине. Вызывать же я вас буду не по имени, а по названию города, откуда вы приехали.

И с этими словами он зашагал в дальний конец комнаты, под галерею. За ним последовали и те двое, что сопровождали его.

Джизмонди с ужасом смотрел им в спины. Эти двое должны схватить предателя, предположил он, иначе что им делать под галереями? Его прошиб холодный пот.

— Анкона! — громко выкрикнул Бентивольо.

Один из сидящих за столом вскочил, отбросил стул и решительно направился к галерее.

Джизмонди понял, что жить ему осталось считанные минуты. Перед его глазами все поплыло. Сердце забилося так сильно, что едва не выскакивало из груди.

— Ареццо!

Второй мужчина встал и повторил путь первого, уже возвращающегося к столу.

За Ареццо последовал Баньолю: Бентивольо называл города в алфавитном порядке. И Джизмонди оставалось лишь гадать, когда придет очередь Фаэнцы, откуда ехал несчастный Креспи. Какие ему зададут вопросы? Впрочем, некоторые он мог предугадать и даже дать на них вразумительные ответы. Настроение его чуть поднялось, но страх по-прежнему не отпускал: а вдруг вопросы окажутся другими, и письмо ничем ему не поможет? Могло произойти и такое.

— Каттолика! — вызвал Бентивольо четвертого из заговорщиков.

И тут же, словно по команде, все вскочили, в том числе и Джизмонди, повинувшись стадному чувству. За дверью слышались голоса, тяжелые шаги, бряцание оружия.

— Нас предали! — прокричал кто-то, и тишина, мертвая тишина повисла над столом.

Могучий удар обрушился на дверь. Она распахнулась. В комнату вошел закованный в латы офицер, за ним — трое пехотинцев с пиками наперевес и мечами на поясе.

На полпути к столу офицер остановился, оглядел всю компанию. Улыбнулся в густую бороду.

— Господа, сопротивление бесполезно. Со мной пятьдесят человек.

Бентивольо выступил вперед.

— По какому праву вы навязываете нам вашу волю?

— По приказу его светлости, герцога Валентино, — ответил офицер, — которому известны все подробности вашего заговора.

— И вы пришли, чтобы арестовать нас?

— Всех до единого. Мои люди ждут вас во дворе.

И тут Джизмонди, как, впрочем, и все остальные, понял, что во дворе их ждут не просто солдаты, но виселица, на которую всех незамедлительно вздернут за измену.

— Какая подлость! — воскликнул стоявший рядом с Джизмонди. — Неужели нас не будут судить?

— Во двор, — повторил офицер.

— Только не я! — слышался другой голос, совсем юношеский. — Я — патриций, и меня нельзя повесить, как какого-то пастуха. Если я должен умереть, то под топором палача. Это мое право.

— Неужели? — усмехнулся офицер. — Во дворе мы со всем и разберемся. Не задерживайте меня, господа...

Но заговорщики продолжали бушевать, а один призвал обнажить кинжалы и умереть в бою, как должно мужчинам.

Лишь Джизмонди спокойно стоял, сложив руки на груди, улыбаясь под маской. Пришел час его триумфа, час расплаты за недавние страхи. В то же время он опасался, что заговорщики решатся на вооруженное сопротивление, а в завязавшейся схватке могло достаться и ему. Но тут Бентивольо в очередной раз удивил его.

— Господа! — громовой его голос перекрыл шум. — Мы проиграли эту партию. Так давайте признаем наше поражение и смиримся с той участью, что ждет нас.

Да и был ли у них выбор? Как они могли противостоять, обладая лишь кинжалами, пятидесяти вооруженным до зубов солдатам?

И в наступившей тишине один из заговорщиков выступил вперед.

— Я иду первым, братья мои, — и он поклонился офицеру. — Я в вашем распоряжении, мессер.

Офицер махнул своим солдатам. Двое отложили пики, подошли к добровольцу, схватили его и вывели за дверь.

Джизмонди улыбался в предвкушении занимательного зрелища, ожидавшего его во дворе.

Вновь и вновь возвращались двое солдат. И с каждым их уходом число заговорщиков сокращалось на одного человека. Один тщетно пытался сопротивляться, другой закричал от страха, когда ему выкрутили руки, но в большинстве своем все держались достойно, готовые встретить смерть с высоко поднятой головой. Солдаты знали свое дело, и через десять минут в комнате осталось лишь четверо. Бентивольо, возглавляющий заговор, имел право выйти во двор последним; двое мужчин, не сядивших за стол, но постоянно сопровождающих Бентивольо, и мессер Бенвенуто, ожидающий своей очереди и посмеивающийся про себя.

Солдаты вошли в комнату и остановились, выбирая следующую жертву. Офицер указал на Бенвенуто. Тот сам шагнул к солдатам, но, когда те схватили его, вырвался и повернулся к офицеру.

— Мессер, мне нужно вам кое-что сказать.

Офицер так и впился взглядом в маску.

— Ага! Вы тот, кого мне велено найти. Назовите мне ваше имя.

— Я — Бенвенуто Джизмонди.

Офицер кивнул.

— У меня нет права на ошибку. Вы — Бенвенуто Джизмонди и... — он замолчал, вопросительно глядя на стоящего перед ним.

— И я здесь по указанию герцога Чезаре Борджа.

Офицер удовлетворенно рассмеялся. Одна его рука легла на плечо Джизмонди, второй он сорвал маску. Тот, не понимая, что происходит, повернулся к Бентивольо.

— Ваше высочество знает этого негодяя? — прогремел над ухом голос офицера.

— Нет, — ответил Бентивольо и добавил: — Слава тебе, Господи.

Бентивольо хлопнул в ладоши, а Бенвенуто слишком поздно осознал, что угодил в хитро расставленные сети. Ибо офицер и вооруженные до зубов солдаты появились не для того, чтобы арестовать и казнить заговорщиков, но для выявления предателя, того, кто занял место убитого на Виа Эмилия. По хлопку Бентивольо в комнату вернулись все одиннадцать мужчин в масках. Собственно, уводили их не во двор, а оставляли в двух десятках шагов от двери. Там первый из выведенных солдатами, вызвавшийся добровольцем, объяснял остальным, что таким способом Бентивольо пытается выявить предателя.

На следующее утро Рамиро де Лорка, назначенный Борджа губернатором Чезены, пришел к своему господину с кинжалом и замаранным кровью листком бумаги.

Он доложил, что рано утром у стены замка обнаружено тело мужчины, убитого ударом кинжала. Там же нашли и записку, которую Рамиро принес герцогу. Состояла она из трех слов: «Собственность Чезаре Борджа».

В сопровождении губернатора Борджа спустился во двор, чтобы осмотреть тело. Оно лежало там, где его и нашли, укрытое плащом, который днем раньше носил Бенвенуто Джизмонди. Рамиро поднял плащ. Герцог глянул на уже посиневшее лицо и кивнул.

— Так я и думал. Вот и прекрасно.

— Ваша светлость знает его?

— Жалкий бродяга, нанятый мною. Да, видно, поручение оказалось ему не по зубам.

Рамиро, черноволосый темпераментный толстяк, громко выругался и заверил герцога, что обязательно найдет и накажет убийц. Но Чезаре покачал головой и улыбнулся.

— Не теряй попусту времени, Рамиро. Я могу назвать тебе главаря банды, что совершила это убийство. Если хочешь, даже скажу, по какой дороге на рассвете уехал он из Чезены. Но какой в этом толк? Он — болван, свершивший за меня суд, даже не подозревая об этом. И боюсь я его не больше, чем этого бедолагу, — и он посмотрел на тело Джизмонди.

— Мой господин, я ничего не понимаю! — воскликнул Рамиро.

— А зачем это тебе? — улыбнулся герцог. — Моя воля исполнена. Это достаточный повод для того, чтобы похоронить покойника, а вместе с ним и всю эту историю.

Герцог повернулся к спешащему к нему Герарди.

— А, я вижу, новости дошли и до тебя, — приветствовал его герцог. — Узнаешь, кто это?

Герарди посмотрел на убитого, пожал плечами.

— Но вы могли захватить их всех.

— И в итоге прослыл бы кровавым мясником. Завистливая Венеция, Милан, обожающая позлословить Флоренция — все они стали бы честить меня. Нет, пользы от этого было бы мало. — Он взял секретаря под руку и увлек за собой. — Зато я как следует напугал их прошлой ночью. — Герцог мечтательно улыбнулся. — Им же и в голову не придет, что все произошло случайно, что этот Бенвенуто Джизмонди — обыкновенный разбойник, убивший мессера Креспи, чтобы поживиться дукатами из его кошелька. Нет, они убеждены, что именно я распорядился убить мессера Креспи и вместо него послать на их тайное сборище своего человека. Теперь они знают наверняка, что глаз у меня, как у Аргуса ²³, а посему и думать забудут о заговорах. Я поселил в их души страх перед всесилием моих шпионов. После этой ночи ни один заговорщик не сможет чувствовать себя в полной безопасности. Они забьются в свои норы, забыв обо всем, и будут дрожать за свою жизнь. Могли я достичь лучшего результата, повесив их всех? Думаю, что нет, Агапито. Бенвенуто Джизмонди помог мне полностью осуществить задуманное, а заодно и сам получил по заслугам.

ЗАПАДНЯ

Мессер Бальдассаре Шипионе вышел в переулок и затворил за собой зеленую калитку, ведущую в сад.

Постоял в сгущающихся сумерках, улыбаясь про себя, потом поплотнее закутался в алый плащ и зашагал, звеня шпорами. По выправке в нем с первого взгляда узнавался военный. Мессер Бальдассаре и в самом деле был капитаном войск герцога, расквартированных в Урбино.

В том месте, где переулок вывел его на Виа дель Кане, капитан столкнулся с великолепно одетым господином, глаза которого при виде улыбки, все еще блуждавшей по лицу мессера Шипионе, превратились в щелочки. Звали этого господина Франческо дельи Омодеи, и он приходился кузеном даме мессира Бальдассаре.

Капитан сдержал шаг и галантно поклонился мессеру Франческо в ответ на поклон последнего. С этим он и прошел бы мимо, но мессер Франческо загородил ему дорогу.

— Решили подышать свежим воздухом, господин капитан? — поинтересовался он с легкой усмешкой.

— Да, знаете ли, — и Бальдассаре широко улыбнулся, глядя молодому человеку прямо в лицо — классически красивое, если бы не мрачные глаза и жесткий рот. — Но вы, кажется, намерены задержать меня?

— С вашего разрешения, я пойду с вами, — и Франческо пристроился рядом.

— Я, конечно, польщен такой честью, но хотел бы пойти один, — возразил Бальдассаре.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Это я уже понял. Только мне не хочется вас слушать. Не повлияет ли это на ваше намерение?

— Ни в коей мере! — нагло рассмеялся Франческо.

Бальдассаре пожал плечами и двинулся дальше. Левая рука его опустилась на рукоять меча, так что ножны приподняли сзади алый плащ.

— Мессер Бальдассаре, вы слишком часто появляетесь на этой улице, — продолжал Франческо.

— Слишком часто для кого? — ровным голосом поинтересовался капитан.

— Меня, во всяком случае, это не устраивает.

— Возможно. А я вот считаю, что бываю здесь черес-

чур редко, но, откровенно говоря, полагаю, что, кроме меня, никому до этого не должно быть никакого дела.

— Мне это не нравится, — упорствовал Франческо.

Бальдассаре улыбнулся.

— Разве кто-нибудь может похвалиться, что все ему в жизни по нраву? Вот я, мессер Франческо, питаю к вам глубокую неприязнь. Однако вынужден терпеливо сносить, что вы идете рядом.

— Вам совсем не обязательно испытывать страдания.

— Они кончились бы разом, если бы вам достало благородства понять, что ваша компания меня не радует.

— Не так уж сложно все поправить, — и Франческо немного вытащил меч из ножен.

— Для вас, — вздохнул Бальдассаре, — но, увы, не для меня. Я — армейский командир. И не пристало мне ввязываться в личные ссоры. Его светлость герцог Валентино терпеть не может нарушения изданных им законов. А мессер Рамирес, назначенный губернатором Урбино, ревностно следит, чтобы они выполнялись. Так что я не хочу ставить себя под удар ради того, чтобы наказать вас. А вы, мессер Франческо, похоже, не только трус, но и ловкач, раз позволяете себе оскорблять меня, зная, что на ваши слова я при нынешнем положении дел не могу ответить действием.

За внешним спокойствием скрывался бушующий в душе офицера ураган, и ему стоило немалых усилий сдерживать его. Прежде чем поступить на службу к герцогу, Бальдассаре Шипионе не один год храбро сражался в испанской армии, и собратьям по оружию были хорошо известны его мужество и отвага. Так что можно представить себе, какой ценой давалась ему выдержка в разговоре с этим урбинским хлыщом.

Франческо резко остановился, лицо его вспыхнуло.

— Вы меня оскорбляете!

— Надеюсь, что да, — бесстрастно подтвердил Бальдассаре.

— Я не потерплю такой наглости!

— Отрадно видеть, что вы решили не давать мне спуску, — улыбнулся капитан.

На лице Франческо отразилось недоумение. Он не понял, что означает последняя фраза, и Бальдассаре не замедлил разъяснить ему, что к чему.

— Если вы нападете на меня прямо на улице, мне не останется ничего иного, как защищаться. И никто не обвинит меня, чем бы ни закончилась наша схватка. Ибо най-

дется немало свидетелей, которые покажут, что первым выхватили меч вы. Так что, умоляю вас, не теряйте времени и спешите наказать мою наглость.

Кровь отлила от лица Франческо. Дыхание его участилось. Губы скривились в улыбке.

— Понятно, мне все понятно. Если я убью вас, мне придется держать ответ перед губернатором.

— Пусть вас не заботит моя смерть, — Бальдассаре по-прежнему улыбался, — ибо я постараюсь, чтобы до этого дело не дошло.

Франческо одарил капитана злобным взглядом, пожал плечами, выругался и, повернувшись, пошел прочь, сопровождаемый презрительным смехом Бальдассаре.

Несмотря на сгустившиеся сумерки, многие прохожие узнавали его и здоровались — в Урбино мессер Франческо дельи Омодеи был личностью известной. А направлялся он к дому своего друга Америго Вителли.

Америго как раз ужинал, но Франческо отклонил приглашение присоединиться к обильной трапезе.

— Не могу есть, — прорычал он. — Я сыт по горло наглостью этого Шипионе.

И плюхнулся на стул напротив хозяина дома.

Маленькие светлые глазки Америго озабоченно изучали Франческо. Америго приходился племянником Вителлоццо Вителли, тирану Каstellо²⁴, служившему у Чезаре Борджа. Ровесник Франческо, он ничем не походил на своего приятеля: был среднего, даже чуть ниже среднего, роста, полный, с одутловатым лицом, указывающим на склонность к излишествам. Он сидел за столом разодетый в синий бархат, надушенный, блистающий драгоценностями, и ему прислуживали двое красивых юношей, одетые в синее с золотом — родовые цвета Вителли.

Комната, в которой ужинал Америго, богатством убранства могла потягаться с любым дворцовым залом. С потолка, на котором художник изобразил не слишком пристойные забавы Бахуса и Ариадны²⁵, свисала посеребренная люстра с двенадцатью свечами из пропитанного благовониями воска, которые заливали комнату ровным золотистым светом. Стены украшали фламандские гобелены с картинами эротических превращений Юпитера: то в лебедя, чтобы соблазнить Леду, то в быка, чтобы умыкнуть Европу, то в золотой дождь, дабы проникнуть к Данае. Стол покрывала белоснежная скатерть, а стоявшие на ней вазы для фруктов, блюда, кувшины или чаши вполне можно было назвать произведениями искусства.

Сквозь раскрытые окна за спиной Вителли струился аромат цветущего сада. На фоне лилового неба темнела громада замка.

Разряженный паж поспешил к Франческо с хрустальной чашей. Из стеклянного кувшина с ручками из слоновой кости налил старого фалернского вина. Франческо одним глотком осушил полчаши, и Америго недовольно нахмурился: такое вино нужно смаковать, пить маленькими глоточками, наслаждаясь каждой каплей, а не хлебать, словно какое-то пойло в таверне.

Но Франческо даже не заметил, что оскорбил тонкий вкус хозяина дома. Он поставил чашу на стол и откинулся на спинку стула. Лицо его все еще пламенело от злости.

— Что с тобой случилось? — поинтересовался Америго.

Франческо коротко рассказал о стычке с Бальдассаре. Внимательно слушая его, Америго разрезал персик на ломтики и бросал их в свою чашу.

— Топорная работа, — изрек он, когда Франческо замолчал. Он явно мстил гостю за его столь пренебрежительное отношение к фалернскому.

— Топорная! — взревел Франческо, наклоняясь вперед. Чаша его терпения переполнилась.

Вителли улыбнулся и дал знак пажам оставить их одних.

— Послушай, Франческо, — размеренно заговорил он, растягивая слова. — Этот Шипионе нам мешает. Твой бес толковый дядюшка явно не от мира сего. Он дал дочери слишком много свободы, которой она беззастенчиво пользуется, встречаясь с этим выскочкой. — Америго помолчал, провел пухлой, украшенной перстнями рукой по красиво уложенным волосам. — И, насколько я понимаю, выход у тебя один. Ты должен... убрать его.

— Я должен! — фыркнул Франческо. — Ну ты хорош, клянусь Богом! Я должен убрать соперника, который преграждает тебе путь к сердцу моей кузины!

Америго добродушно улыбнулся.

— Я думал, это вопрос решенный. Цену мы оговорили — половина ее приданого станет твоей. Быть может, я тебя неправильно понял?

Не поднимая головы, он помешивал вино серебряной ложечкой. Вытащил дольку персика, положил в рот.

Франческо мрачнее тучи молча сверлил взглядом своего приятеля. Наконец разомкнул губы.

— Будь я кавалером, я предпочел бы дуэль.

Америго пожал плечами.

— Дуэль! О, я, как и любой другой мужчина, не остав-

лю безнаказанным нанесенное мне оскорбление. Но дуэлы! Упаси нас, Господи. Дурацкая затея! Ну, посуди сам, если человек мне неприятен, зачем давать ему возможность убить меня? Какой мне прок от моей же смерти?

— Тем не менее, — упорствовал Франческо, — если бы этот выскочка стоял между мной и моей возлюбленной, да еще она отдавала бы ему предпочтение, меня не отпугнуло бы его умение владеть мечом.

— Тогда в чем же дело? — усмехнулся Америкго. — Раз ты такой ловкий, найди этого прохвоста, брось перчатку в его самодовольную физиономию, и он получит отличную возможность проделать дырку в твоём животе. Друг мой, я очень ценю твои шутки.

— Это не шутка, — холодно возразил Франческо. — Да и кавалер не я.

— Вот тут позволь с тобой не согласиться. Ты тоже любишь, только не женщину, а золото. И если мужчина, сидящий без гроша в кармане, не решается пальцем пошевелить ради желтых дукатов, он ничего не сделает ради женщины. Чувствуется, что в тебе говорит злость. Этому господину удалось все-таки тебя распалить.

— Так что же мне делать? — сердито спросил Франческо.

— То, что ты мне советовал, — Америкго отправил в рот последнюю дольку персика, запил ее вином.

Франческо пристально посмотрел на него.

— Ты любишь Беатриче?

— Как персики в вине. Нет, даже больше. Конечно, люблю, но не настолько, чтобы ради победы пожертвовать жизнью, которую я всецело хочу посвятить служению ей.

Франческо встал.

— Какая для тебя будет выгода, если я паду от руки этого негодяя?

— Это для тебя выгода несомненная — кредиторы разом отстанут. А для меня — никакой, разве что губернатор прикажет повесить Шипионе. Но в этом я сильно сомневаюсь.

— Так ты теперь понимаешь, что дуэль — не более, чем глупость?

— Мне иногда кажется, что у тебя с головой не все в порядке, Франческо. Не я ли только что втолковывал тебе эту мысль?

— Значит, мы должны отыскать другой путь.

— Точнее, искать придется тебе. Мы заключили сделку, причем на твоих же условиях.

Франческо ударил кулаком в раскрытую ладонь.

— Но что, что мне предпринять?

— Я полностью полагаюсь на богатство твоего воображения, Кекко.

— О, ты все смеешься. Лучше бы сам пошевелил мозгами.

— Зачем напрягаться, если в выигрыше от этого окажешься только ты? Святая Дева! — в голосе Америго слышались нотки нетерпения. — Я плачу тебе не для того, чтобы все делать самому.

Франческо навис над столом, и теперь их лица разделяло не больше фута.

— А если я потерплю неудачу, Америго? Что тогда?

— Я подумаю над этим, если ты распишешься в собственном бессилии.

Переполюнявившая Франческо ярость едва не перехлестнула через край. Он открыл было уже рот, чтобы отказаться от участия в этой затее, но вовремя вспомнил о кредиторах-евреях и почел за лучшее сменить тему:

— Ты поручил мне очень сложное дело.

— За что и предлагаю солидное вознаграждение, — возразил Америго.

— Мы не договаривались об убийстве Шипионе.

— Суть нашей сделки в другом: ты устраиваешь мою свадьбу с твоей кузиной. Если для этого требуется убить Шипионе, что ж, это твои заботы.

— Ты же знаешь, как сложно в наше время найти в Урбино наемных убийц. Губернатор, назначенный герцогом, поменял здешние порядки точно так же, как сам Цезаре Борджа, сквозь землю бы ему провалиться, меняет облик всей Италии. Клянусь Богом! Герцог Валентино обещал нам свободу. А что мы получили? Рабство, какого еще не знал мир. — Франческо отодвинул стул, поднялся и закружил по комнате. — Он превратил всех нас в неразумных детей. Мы уже не вправе распоряжаться собой и делать то, что нам хочется. Мы должны ходить по струночке, а губернатор собирается, словно заботливая няня, следить, чтобы мы не поломали игрушки. И тем не менее Италия все это терпит!

Франческо вскинул руки к потолку, словно призывая в свидетели своей правоты небожителей.

— Этот Шипионе, мозгляк и ничтожество, отравляет нам жизнь. Но я не могу нанять бандита, чтобы перерезать ему горло, потому что губернатор и закон стоят на страже, а наказание грозит не только наемному убийце. — Вновь

его кулак ударил в открытую ладонь, как бы подчеркивая его возмущение. — Не только бандиту, но и тому, кто его нанял, сколь бы высокое положение ни занимал он в обществе. И это... это свобода! Правовое государство!

Он выругался, пожал плечами и вновь уселся за стол, обессиленный взрывом чувств.

Америго лишь улыбнулся.

— Все это мне известно. Но я никак не возьму в толк, чем поможет тебе поднятая тобой буря в стакане воды? Закон есть закон, к нему нужно приспособливаться. Я рассчитываю на твою помощь, Франческо.

— Но я не знаю, как тебе помочь.

— Ты что-нибудь придумаешь, Кекко. Обязательно придумаешь. Ты умен и расчетлив. Я в тебя верю. И помни, как только я женюсь на Беатриче, ты получишь обещанное вознаграждение.

Франческо наконец-то понял, что от Америго ждать ему нечего. Или у того полностью отсутствовало воображение, или, что представлялось более вероятным, сам он старался не прилагать никаких усилий для достижения поставленной цели, чтобы, в случае неудачи, его не могли выставить соучастником преступления. Он хотел лишь одного — чтобы Франческо обеспечил ему свадьбу с Беатриче дельи Омодеи, а как это сделать — его не касалось. Америго рассудил, что, расплачиваясь с приятелем половиной приданого будущей жены, он не должен рисковать еще и головой.

И Франческо не оставалось ничего другого, как утешиться довольно-таки банальным выводом: никто ему не поможет, кроме его самого.

Хотелось бы, конечно, воспользоваться услугами наемного убийцы, но таковых оставалось во владениях Борджа все меньше и меньше. При этом едва ли кто-то из них под пыткой не выдаст имя работодателя. Всего две недели назад близкий друг Франческо нанял такого головореза, чтобы свести счеты со своим врагом. Убийцу выследили, схватили и вырвали у него имя нанимателя. Кончилось тем, что приятеля Франческо, несмотря на знатность рода, повесили рядом с бандитом. Нет, Франческо никак не устраивала подобная участь, пусть лучше кредиторы потерпят.

Но тут в голову ему пришла светлая мысль: избавиться от Шипионе, во всяком случае, развести его и Беатриче, без кровопролития. А для этого следует пробудить в дяде, старом графе дельи Омодеи, чувство отцовской ответственности за дочь.

На следующий день Франческо отправился к графу и нашел его в библиотеке, среди сокровищ разума, которые значили для него больше чести дочери, семьи и всего остального. Седовласый граф встретил Франческо холодно: он читал «De Regum Natura» Лукреция²⁶, книгу, только что выпущенную печатней, построенной в Фано под патронажем Чезаре Борджа. Понятно, что появление племянника его не обрадовало. Он вообще не любил этого щеголя и мота, а когда Франческо начал учить старого графа, как присматривать за дочерью, тот просто рассвирепел.

— Я пришел поговорить с вами о Биче,— напористо начал Франческо.

Граф сдвинул роговые очки на лоб, заложил пальцем страницу, на которой остановился, и посмотрел на племянника.

— О Биче? А какое тебе до нее дело?

— Во-первых, я ваш племянник, во-вторых — Омодеи, так что мне безразлична семейная честь.

Брови графа сошлись у переносицы.

— И кто же назначил тебя хранителем семейной чести? — не без ехидства поинтересовался он.

— Мать-природа, мой господин,— последовал решительный ответ,— как-никак я принадлежу к роду Омодеи.

— Ах, природа,— усмехнулся граф.— А я-то подумал, что твои кредиторы.

Франческо даже покраснел. Он не ожидал от графа, столь увлеченного книгами, такой осведомленности.

— Так что ты хотел мне сказать? — продолжил старик.

— Биче слишком вольно трактует свободу, которую вы даровали ей. Ей недостает скромности, которую мы ценим в наших девушках. Ее имя... ее честное имя в опасности. Один из солдат Чезаре Борджа...

— Ты имеешь в виду Бальдассаре Шипионе, не так ли? — прервал его граф.

От изумления у Франческо отвисла челюсть.

— Вы... вы знаете?

— Еще бы. Ты опоздал на час.

— На час? Куда? — Франческо отказывался что-либо понимать.

— Со своими предупреждениями о Биче и капитане. Они обручены.

— Обручены?

— Вот именно,— граф явно наслаждался недоумением племянника, к которому, как уже было замечено, не питал добрых чувств.— Час назад капитан приходил ко мне по

этому самому делу. Отличный парень, Кекко, да еще и образованный. Он и принес мне эту книгу Лукреция. Удивительное произведение. Как убедительно доказывает Лукреций, что в природе все взаимосвязано! Надо бы и тебе почитать эту книгу, раз ты относишься к природе с таким пиететом.

Франческо охватила ярость.

— И вы продали дочь за эту паршивую книжонку? — воскликнул он,

— Дурак ты, Франческо, — вздохнул граф. — Шипионе женится на Биче. А мне больше нечего тебе сказать.

— Но у меня есть!

— Так пойди куда-нибудь еще, там и выговорись, черт бы тебя побрал. Ты прервал меня на самом интересном месте. Пойди к своим кредиторам. Они с удовольствием выслушают тебя.

Но Франческо не двинулся с места,

— Да что вы знаете об этом Шипионе?

Старший Омодеи обреченно вздохнул, чувствуя, что отделиться от племянника ему не удастся.

— А что я знаю о любом другом человеке? Он не только отличный солдат, но и обладает глубокими научными познаниями, а такое сочетание в наши дни весьма редко и характеризует его с самой лучшей стороны. Кроме того, он любит Биче, а Биче любит его. Так дай им Бог счастья.

— Ха! Но кто он? Откуда? Из какой семьи?

Последний вопрос сорвался с губ Франческо разве что от отчаяния. Еще не договорив, он понял, что проиграл. Упоминание о семье редко задевало какие-то струны в душе человека Чинквеченто. Семья — игрушка, еще привлекавшая своей новизной остальную Европу, — в шестнадцатом веке перестала что-то значить для просвещенного итальянца, который предпочитал оценивать людей по их личным достоинствам, а не по происхождению.

Поскольку Франческо оторвал графа от Лукреция, не удивительно, что последний лишь пренебрежительно фыркнул.

— Если бы ты читал Лукреция, Франческо, то куда меньше думал бы о семье.

— Я не читал Лукреция, как, впрочем, и весь мир не открывал его книг, но...

— Если бы ты читал Лукреция, то меньше бы думал и обо всем мире.

— Но я его не читал! — взорвался Франческо.

— А если бы прочел, то понял, что с ним мне общаться

куда интереснее, чем с тобой. Так что иди с Богом, Франческо, и не мешай мне наслаждаться мудростью древних.

И Франческо, глубоко раздосадованный, ушел. Его переполняли отчаяние и ярость. «Не повидаться ли снова с Америго?» — подумал было он, но тут же отбросил эту мысль. Толку не будет. Поиски мирного пути привели его в тупик. Избавиться от этого авантюриста, открыв путь для Америго, естественно, не без выгоды для себя, он мог, лишь прибегнув к испытанному средству: мечу или кинжалу. Франческо побледнел. Решиться на убийство он не мог. У него было живое воображение, и он буквально ощутил, как стягивает его шею грубая петля.

Значит, оставалась дуэль. Он подстерожет капитана и заставит его первым обнажить меч. Тогда никто не посмеет обвинить его в убийстве, поскольку зачинщиком был не он. А если капитан убьет его? Нельзя исключать и такую возможность. Тогда кредиторы останутся в выигрыше, с горечью подумал Франческо, ибо после его смерти им достанется и дом, и все пока принадлежащие земли.

Уже спустилась ночь, а он по-прежнему бился над неразрешимой задачей. И тут вдруг вспомнил, что нечто похожее описано в книге Лоренцо Валлы. Читать Франческо не любил, но этот писатель ему нравился, и иногда на ночь он листал его сочинение.

Франческо достал книгу из сундука и нашел нужную страницу. Речь там шла об убийстве и мотивах, его оправдывающих.

Валла писал:

«Возьмем, к примеру, мессера Ринальдо ди Пальмеро, дворянина из Тосканы, который поздней ночью услышал голоса в спальне своей сестры, зашел туда и увидел ее в объятиях кавалера, некоего мессера Лицио д'Асти. Мессер Ринальдо, ослепленный праведным гневом, выхватил кинжал и заколол их обоих, дабы кровью смыть позор с их дома. И суд оправдал мессера Ринальдо, посчитав, что его деяние совершенно правомерно.

Такое убийство с самых древних времен не подлежит наказанию. Неотъемлемое право каждого мужчины — убить того, кто без всякого уважения относится к чести его ближайших родственников, при условии, что он застал обидчика на месте преступления».

Франческо отложил книгу и надолго задумался. «На месте преступления», подчеркивал Валла. В том-то вся сложность. Только при выполнении этого условия убийца

мог избежать виселицы, ибо мог неопровержимо доказать вину убитого.

Не оставалось ничего иного, как глубокой ночью заманить Шипионе в дом Беатриче, застать их там врасплох и поразить ударом кинжала в сердце. Тогда никто не посмеет обвинить его в преднамеренном убийстве. Пусть Беатриче ему и не родная сестра, но родство достаточно близкое для того, чтобы отстаивать для себя право защищать честь Омодеи.

Но как... как заманить Шипионе в западню?

И тут его осенило. План был поистине чудовищным, но Франческо не собирался отступать от него, поскольку так и только так мог достигнуть желанной цели.

Он встал, потянулся, как после тяжелой работы, и удовлетворенно улыбнулся.

Поутру Франческо вернулся к своим вчерашним мыслям. Как известно, утро вечера мудренее, но и проснувшись, он не нашел изъянов в своем плане. Наоборот, он находил в нем все новые достоинства, которых раньше просто не замечал.

Ничего лучшего ему все равно не изобрести. И суд Борджа — а это был суд в полном смысле слова — не будет иметь оснований для признания его виновным. И никто не поставит под сомнение его правоту, несмотря на то, что он выказывал к Шипионе личную неприязнь. Присутствие Шипионе в спальне монны Беатриче глубокой ночью — вот самый неотразимый аргумент в пользу правомерности его поступка.

Довольный собой (еще бы, так ловко выбраться из, казалось бы, безвыходного тупика), Франческо собрался было к Америго, чтобы поделиться с ним блестящей идеей, но его остановила тщеславная мысль. Лучше подождать и прийти к Америго, когда дело будет уже сделано. Как изумится Америго! Как будет восхищен изобретательностью друга!

Весь день он провел дома, обдумывая мельчайшие детали, а в десять вечера, завернувшись в плащ, с мечом и кинжалом вышел на улицу в сопровождении слуги, который нес факел, освещающий путь своему господину.

Быстрым шагом они добрались до садовой калитки, из которой днем раньше вышел Шипионе. Но она оказалась на запоре. Каменная ограда же возвышалась на десять футов. Франческо приказал слуге потушить факел, взобрался ему на плечи и ухватился за кромку стены. Сил у него хватало, он подтянулся на руках и мгновение спустя уже перелез через стену и спрыгнул на мягкую траву.

Отодвинув засов, он впустил слугу, после чего они двинулись по благоухающему ночными ароматами саду. Маяком им служил свет в одном из окон мезонина. Франческо знал, что комнатка эта примыкает к спальне Беатриче. Дверь из нее выводила на широкий гранитный балкон, с которого, укрытые плющом, в сад спускались ступени.

У подножия лестницы Франческо остановился, оглядел дом. Кромешная тьма, если не считать окна Беатриче. Все уже улеглись спать. Правда, он не мог видеть окон библиотеки, выходящих на улицу. Скорее всего дядюшка погружен в свои занятия. Оторвать его от них не так-то легко, да и не собирался Франческо беспокоить почтенного старца, не довершив задуманного.

Приказав слуге дожидаться его внизу, Франческо взбежал на балкон. Теперь он уже не таился. Громко топал, нарочно колотил ногами о гранитные ступени. Не прошел и половины лестницы, как увидел, что портьеры раздвинулись, открылась стеклянная дверь, и послышался голос кузины: «Кто здесь?»

— Это я, Биче,— ответил он дрожащим словно от волнения голосом.— Я... Франческо.— Он добрался до балкона и остановился перед ней.— Твой отец дома? У меня важные новости.

Миловидная девушка с черными волосами и белоснежной кожей, характерной для всех представительниц рода Омодеи, постороилась, давая ему войти, и удивленно оглядела позднего визитера.

— Странное ты выбрал время. Отец в библиотеке. Сейчас позову его.

— Разве я не сказал, что у меня важные новости, Биче? — Дрожь в голосе стала еще заметнее.— Оставь отца в покое. Новости эти касаются только тебя.

— Меня?

В ее глазах мелькнуло недоверие. Она знала, что ее кузен не прочь солгать или обмануть. Отец не раз предупреждал ее об этом.

— Да, тебя,— Франческо рухнул на ближайший стул, шумно выдохнул воздух, начал обмахиваться бархатной шляпой.— Я... я пробежал чуть ли не милю, чтобы успеть вовремя.

Франческо удалось войти в роль. Он был взволнован, утомлен, и Беатриче приняла его слова за чистую монету. В ее сердце шевельнулась тревога,

Все идет как по писаному, отметил про себя Франческо. И, главное, удачно выбран час!

Она смотрела на него, широко раскрыв глаза, затаив дыхание, ожидая объяснений.

Франческо же не спешил, нагнетая тревогу.

— Чашу вина! — взмолился он. — Глоток воды! Пить! О Господи, дай мне попить!

Крик его сорвал Беатриче с места. Она метнулась к комоду и налила из кувшина с тонким горлом чашу вина.

— Как ты попал сюда? — спросила нетерпеливо.

— Какая разница, — отмахнулся Франческо. — Главное — с чем я пришел.

И он залпом осушил чашу.

Она же смотрела на него, не решаясь спросить, в чем же, собственно, дело,

— Речь пойдет о мессере Бальдассаре Шипионе.

Беатриче вздрогнула.

— Что... что с ним?

Глаза его сощурились.

— Я знаю, что вы собираетесь пожениться. Твой отец сказал мне вчера об этом. Отсюда и моя спешка, желание побыстрее сообщить тебе о том, что может случиться. — Тут Франческо нанес решающий удар: — Этой ночью капитана Шипионе хотят убить!

— Святая Мария! — ахнула Беатриче, прижав руки к груди. И последние остатки недоверия к кузену растворились в страхе за своего возлюбленного. Лицо ее побледнело, дыхание участилось, казалось, она вот-вот лишится чувств.

— Крепись, Биче! Крепись! — поспешно воскликнул Франческо, ибо обморок Беатриче не входил в его планы. — Еще есть время спасти его, иначе меня не было бы здесь!

Неимоверным усилием воли Беатриче подавила страх, и тут же здравый смысл подсказал ей вопрос:

— Но почему, почему ты терял время, разыскивая меня? Тебе следовало со всех ног бежать к губернатору.

— К Рамиресу? — Франческо пренебрежительно рассмеялся. — Он и так погряз в этом деле по уши.

— Рамирес? — воскликнула Беатриче. — Но это невозможно!

— Вот тут ты не права. — Франческо покачал головой. — Те, кто пользуются расположением герцога, не могут рассчитывать на любовь товарищей по службе. Рамирес опасается, что Шипионе назначат на его место. Зависть и ревность движут такими, как Рамирес. Он пальцем о палец не ударит, чтобы остановить врагов Шипионе, и сегодня с ним могут расправиться.

Ей не хотелось верить услышанному, тем более что отец рассказал ей о визите Франческо. Но она боялась, что ошибка может стоить жизни Бальдассаре, поэтому гнала сомнения прочь. И все же чувство подсказывало ей: «Здесь что-то не так».

— А с чего вдруг тебя обуяла такая забота о человеке, которого ты раньше терпеть не мог, Франческо? По-моему, тебе пристало быть в числе его убийц, а не спасителей.

Он ответил сердитым взглядом:

— Господи, дай мне терпения! Ох уж эта женская логика! Самое время обсуждать мотивы моего поведения, когда твоему возлюбленному с минуты на минуту могут перерезать горло. Клянусь Богом, Биче, я могу не любить мужчину, на котором ты остановила свой выбор. Но разве должен я по этой причине желать ему смерти?

— И все же, столько хлопот ради...

— Слышишь ли ты ее, Пресвятая Дева! Ты думаешь, я забочусь о нем? Да мне наплевать, что бы они с ним не сделали. Я тревожусь из-за тебя. Не хочу, чтобы ты овдовела, не выйдя замуж. Разве я не имею на это права, Биче? Но нет, я вижу, ты мне не веришь. А коли так, мне, похоже, остается откланяться.

Изобразив на лице горечь и обиду, Франческо запахнул плащ и направился к балконной двери. Вот тут Беатриче обуял ужас, она метнулась следом, схватила его за руку:

— Нет, Франческо, подожди! Я ошиблась... ошиблась в тебе!

Он с неохотой остановился, на лице его все еще лежала печать незаслуженной обиды.

— Сможешь ли ты оказать мне услугу? Поможешь ли спасти его?

— А зачем, спрашивается, я пришел сюда? — с достоинством ответил Франческо. — Они не нападут на него до полуночи.

— До полуночи! — ахнула Беатриче. — Остается лишь час.

— Времени вполне достаточно для того, что тебе следует сделать.

— Мне? Да что я могу? Как я защищу его? — она с надеждой смотрела на Франческо,

— Ты должна укрыть его от врагов до того, как они проникнут в дом, где он сейчас живет, на Цокколанти. Вызови его сюда и спрячь до утра, пока не минует опасность. Тогда он сам позаботится о собственной безопасности.

Беатриче отпрянула.

— Спрятать его здесь? Здесь?! Франческо, ты сошел с ума?

Он мрачно посмотрел на кузину. Сколько же презрения увидела она в его взгляде!

— Значит, так ты его любишь? На каждом шагу грозишь все новые препятствия. А почему не здесь? Ты скоро станешь его женой.

Щеки Беатриче окрасились румянцем.

— Франческо, — голос ее окреп, — если ты хочешь услужить мне и спасти жизнь Бальдассаре, ты можешь это сделать, не ставя под угрозу мою честь. Иди к нему, предупреди об опасности, приведи к себе домой, где он и переждет до утра. Иди... и извести меня, что вы укрылись от врагов. Я не лягу спать, пока не получу от тебя весточки.

Франческо не тронулся с места. Во взгляде его появилась жалость, а на губах заиграла легкая улыбка.

— Жестокому испытанию подвергаешь ты мое терпение. Клянусь Богом, не могу понять, как этот капитан мог влюбиться в такую дуру! Ты вот говоришь, что любишь его, и в то же время предполагаешь, что он, узнав об опасности, как последний трусишка, бросится прятаться в мой дом. Таким ты представляешь себе Бальдассаре Шипионе? Неужели ты можешь любить мужчину с душой котенка? Нет, Биче, скорее всего он мне не поверит. А если и поверит, то с презрением отвергнет мое предложение и останется дома, чтобы, как подобает воину, встретить врага лицом к лицу. Я вижу Бальдассаре Шипионе именно таким, хотя и не люблю его.

Хитрость удалась. Действительно, разве Бальдассаре в глазах Беатриче не был окружен романтическим ореолом? Какая женщина устоит перед похвалами, рассыпаемыми ее возлюбленному? Она признала правоту Франческо, хотя и не все понимала.

— Но... если это так... как удастся мне укрыть его от рук убийц?

Франческо насмешливо улыбнулся, всем своим видом показывая, сколь беспомощна она без его советов.

— Я подумал об этом. Ты представишь все так, словно опасность грозит тебе, а не ему. Напишешь ему об этом три строчки и попросишь незамедлительно прибыть к тебе. Такой просьбе он не откажет. Он явится — Марс, летящий на крыльях Эроса ²⁷.

— Значит, я должна ему солгать?

— О Господи! — Франческо возвел очи горе. — Это не

ложь. Ты действительно в опасности. Ты можешь сойти с ума, умереть от горя, когда к тебе придут, чтобы рассказать, какая ужасная смерть выпала на долю твоего жениха. Так что умоли его прийти сюда, причем через сад и по этой лестнице,— он кивнул в сторону стеклянной двери,— чтобы, не дай Бог, убийцы не заметили его.

— Я не могу, не могу! — Беатриче заломила руки. — Как допустить такое? Спрятать его здесь, здесь! — И закрыла ладонями пунцовое лицо.

Франческо хмыкнул.

— Так ты предпочтешь, чтобы его недруги взяли верх? Или холодный труп нравится тебе больше живого человека? Перестань! Сейчас не время жеманиться. Дорога каждая минута. Что же касается твоего честного имени... страхи твои напрасны. Я останусь с тобой. А если и этого недостаточно, чтобы успокоить твою совесть, позовем старого графа, чтобы он присоединился к нам в ночном бдении.

Лицо Беатриче прояснилось.

— Тогда я согласна. Но как мы удержим его, если он увидит, что мне ничего не грозит?

— Пиши! — рявкнул Франческо. — Я обо всем подумал. Приступай к делу, а не то его зарежут, как свинью, пока ты будешь задавать свои бесконечные вопросы.

«МОЙ БАЛЬДАССАРЕ!

Я в опасности, ты мне очень нужен. Немедленно приходи ко мне. Калитка в саду не заперта. Поднимайся по лестнице в мою спальню.

БЕАТРИЧЕ».

Она свернула записку, перевязала шелковой ниткой и отдала Франческо. Сердце ее буквально выскакивало из груди.

— Ты уверен, что мы не опоздали?

— Все будет в порядке,— успокоил он Беатриче,— хотя мы и потеряли много времени.

Франческо вышел на балкон и тихонько свистнул. Беатриче же направилась к двери.

— Куда ты? — резко спросил Франческо.

— Позвать отца,— она взялась за задвижку.

— Подожди! — таким властным был его окрик, что Беатриче повиновалась и вернулась к столу.

На гранитной лестнице послышались шаги. Слуга поднялся на балкон. Франческо отдал ему письмо.

— Отнеси капитану Шипионе, да поторопись! — приказал он.

Слуга кубарем скатился с лестницы и побежал к калитке. Франческо вернулся в комнату. Его лицо побледнело больше обычного, мрачным огнем зажглись глаза.

— Твои слуги уже спят? — как бы между прочим спросил он.

— Да, конечно, — ответила Беатриче. — Но я разбужу их после того, как позову отца.

— Значит, мне повезло, а еще больше твоему прекрасному капитану, потому что я успел к тебе раньше, чем ты легла. Почему бы тебе не присесть? — он указал на стул. — Я хочу поговорить с тобой, пока ты не подняла на ноги весь дом.

Беатриче села, он же шагнул ей за спину, достал из-под плаща заранее приготовленную веревку с петлей и молниеносно накинул на шею Беатриче и спинку стула. Одновременно зажал ладонью рот, а в следующее мгновение заткнул его кляпом.

Покончив с этим, той же веревкой привязал к стулу ее руки, а второй — ноги. Затем, улыбаясь, отступил на шаг, любуясь плодами своих трудов. Беатриче смотрела на него полными ужаса глазами. Франческо прошел к двери, ведущей в дом, запер ее, затянул на окнах тяжелые шторы и лишь после этого сел, положив ногу на ногу.

— Я очень сожалею, что вынужден подвергнуть тебя столь грубому обращению и некоторым неудобствам. Причина тому — необходимость. Пока я не хочу беспокоить твоего отца и слуг. В свое время я сам позову их. А пока, дорогая Беатриче, забудь о своих страхах. Клянусь, лично тебе больше ничего не грозит. Но придется потерпеть.

Тут он пустился в объяснения:

— Ты понимаешь, дорогая кузина, говоря о готовящемся покушении на жизнь твоего чудесного капитана, я и не думал лгать. Слишком часто он оскорблял меня, трусливо прячась за законы Борджа, согласно которым меня бы повесили, даже если бы я честно убил его на дуэли. Но напрасно издевался он надо мной, ибо Франческо дельи Омодеи не прощает выскочке-капитану. Сегодня он сполна заплатит по счету.

Из осторожности Франческо не упомянул имени своего приятеля Вителли, который, как известно, оплачивал грязное дело. Если бы Беатриче прослышала о том, что Вителли причастен к убийству Шипионе, она никогда бы не вышла за него замуж, лишив тем самым Франческо заслуженной награды.

— Тебя, наверное, интересует, почему я выбрал такой

план. Видишь ли, дорогая кузина, мне пришлось подумать и о собственной безопасности.

Когда этот болван Шипионе, влекомый любовью, переступит порог этой комнаты, он умрет. Здесь, в твоих покоях, оборвется его дыхание. Разве может рассчитывать он на лучший подарок судьбы? Такое счастье даруется не каждому влюбленному, хотя многие мечтают умереть в спальне любимой.

И не надейся, что, убив его, мне придется спастись от слуг закона. Восстановив справедливость, я освобожу тебя, позову отца, кликну слуг, подниму на ноги весь Урбино, сам приведу губернатора, чтобы рассказать, что глубокой ночью застал тебя в объятиях этого Шипионе и заколол его, спасая честь рода Омодеи.

Возможно, ты попытаешься опровергнуть мою историю? Попробуй, если хочешь, но кто тебе поверит? Или ты считаешь, что мой слуга расскажет о записке, которую отнес капитану по моему требованию? Напрасно. Будь уверена, он будет нем, как рыба.

Глаза Беатриче полыхнули ненавистью, но Франческо по-прежнему добродушно улыбался. Ее бессильная ярость лишь разжигала его красноречие.

— Урбино возблагодарит меня за мои труды. Возможно, рассказ об этом сохранится в веках и мой поступок будут ставить в пример, когда речь пойдет о защите чести.

Тишина воцарилась в комнате. Франческо выговорился, так что оставалось лишь ждать прихода влюбленного капитана. Беатриче же терзалась муками совести: ну, почему, почему не прислушалась она к предупреждениям отца, уж он-то знал, с кем имеет дело.

С течением времени забеспокоился и Франческо. Приближалась полночь, старый граф мог оторваться от занятий и отправиться спать, а по пути заглянуть к Беатриче, чтобы пожелать ей спокойной ночи. Сердце Франческо учащенно забилося, и он стал прислушиваться к каждому звуку, нарушавшему ночной покой.

Но страхи его оказались беспочвенными. Старый граф крепко спал в библиотеке над четвертой книгой «De Rebus Nature».

А тем временем Гаспаро, слуга Франческо, — его имя нам еще понадобится, — спешил к дому Шипионе с запиской, предназначенной заманить жертву в расставленные силки.

Знай обо всем мессер Америго, все прошло бы как по писаному — разумеется, с точки зрения коварного Франческо. Но мессер Америго пребывал в неведении — ведь из тщеславия Франческо не посвятил его в свои планы.

А затем произошло одно из тех роковых совпадений, которые подстерегают нас на каждом шагу, словно специально для того, чтобы скрасить монотонность жизни.

В тот вечер мессер Америго ужинал в доме некоего Номалье, чьи банкеты могли дать сто очков вперед пирам Лукулла²⁸. Домой он возвращался, разгоряченный вином с виноградников Везувия. Выпил он его сверх меры, и содержавшаяся в вине сера²⁹, похоже, толкала его на дьявольские проделки. Сопровождало его с полдюжины дворян Урбино, таких же гуляк, как и Америго, отдавших должное вину Номалье. Путь весельчакам освещали факелами четверо слуг, а впереди шел перебиравший струны лютни мальчик в золоченой маске тельека — геральдического символа рода Вителли.

На них-то и наткнулся Гаспаро. Проскочить мимо ему не удалось, ибо Америго с друзьями и слугами перегородили узкую улицу от стены до стены.

Слуга нырнул в дверную нишу, чтобы переждать гуляк, но они не собирались отпустить с миром его или кого-либо другого, встреченного в столь поздний час.

— Интересно, кто бы это мог быть? — язык Америго чуть заплетался. — Чего он притаился там, словно шпион?

Хмельной предводитель пьяной гвардии остановился посреди улицы напротив дверной ниши и приказал:

— Вытащите его оттуда.

Гаспаро тут же подхватили под руки и поставили, смертельно испуганного, перед Америго. Тот подбоченился, словно судья, но принятую им величественную позу несколько портила розовая шапочка, нависающая над его левым глазом. Не говоря уже о розовом камзоле с бриллиантовыми пуговицами, обтягивающем его толстый живот. В общем, вид у него был пресмешной.

— Ну, бандюга, — прогремел Америго, — говори, чего шляешься по ночам?

— Я... я Гаспаро, ваше высочество, — пролепетал слуга, не упомянув, что он — слуга Франческо дельи Омодей, ибо полагал, что Америго, десятки раз видевший его, знает, кто он такой.

— Ого-го-го! — прогремел Америго. — Значит, ты — Гаспаро? — Он повернулся к приятелям. — Он — Гаспаро. Прошу вас, запомните, господа. Он — Гаспаро.

В ответ приятели, взявшись за руки, образовали кольцо вокруг Гаспаро и Америкго и повели хоровод, припевая:

Он — Гаспаро, паро, паро,

Он — Гаспаро, паро, па.

Эта круговерть еще больше напугала слугу. Он представил себе чудовищный конец, который мог ожидать его от рук пьяных злодеев, и взмолился:

— Ваше высочество, я очень спешу.

Америкго схватил его за руку и притянул к себе.

— А мы, значит, тебя задерживаем? Разумеется, задерживаем. Но тебе надобно поостеречься подобных умозаклучений. Мы не можем позволить такого. У нас и без тебя хватает мыслителей.

И тут же по его знаку мальчик вновь заиграл на лютне, а весельчаки запели:

О, Гаспаро, паро, паро,

Очень мудрый дурачок,

О, Гаспаро, паро, паро,

Спой нам песню, мудрачок.

Пьяные вопли, мелькание лиц, ног, рук в свете факелов буквально сводили Гаспаро с ума. Америкго же продолжил допрос:

— Говоришь, тебя ждут, Гаспаро?

— Ждут, ваше высочество. Позвольте мне пройти. Умоляю, пропустите меня.

— Его ждут, — сообщил Америкго остановившимся танцорам. — Эту пташку ждут в теплой постельке, а он тратит время в кругу праздных пьянчуг. Как же тебе не стыдно, Гаспаро? — И добавил громким шепотом, словно только для Гаспаро, но так, чтобы слышали все: — Где она живет и как ее зовут? Высокая она или низенькая, толстая или тощая, черноволосая или блондинка? Признавайся, парень. Поведай нам, каковы достоинства ее плоти и души, а мы решим, стоит ли тебе спешить на свидание. Я — Америкго Вителли, лучший в Италии ценитель женщин. Возможно, ты слышал обо мне. Так что выкладывай, ничего не скрывая, как на исповеди.

И тут Гаспаро решил, что знает, как выпутаться из этой передраги: достаточно упомянуть имя человека, к которому он послан, и от него тут же отстанут.

— Вы ошибаетесь, мессер Америкго. Ошибаетесь. Я спешу не к женщине, а в дом капитана Бальдассаре Шипионе. Прошу вас, позвольте мне пройти.

Похотливая улыбка медленно сползла с покрасневшего лица Америкго. Настроение его изменилось, и компа-

ния, мгновенно это почувствовав, притихла. А Гаспаро даже попятился. По его спине пробежал холодок.

— И что понадобилось тебе в доме Шипионе? — хрипло спросил Америкго. Его пьяное добродушие при упоминании имени соперника сменилось пьяной же злобой. Он готов был рвать и метать.

— Я... я... у меня письмо для капитана, ваше высочество.

Скажи он, кто его послал, все бы обошлось. Но Гаспаро пребывал в полной уверенности, что Америкго его узнал.

Упоминание о письме пробудило в Америкго ревность. Тут же потребовал он отдать ему письмо. Слуга залепетал, что письмо велено отдать лишь в руки адресата. И опять начал умолять более не задерживать его. Но Америкго было уже не до церемоний.

— Письмо! — рявкнул он.

Гаспаро продолжал упрямыться, и Вителли махнул своим приятелям пухлой ручкой.

Они бросились на слугу, как спущенные с поводков гончие на зайца. В мгновение ока с Гаспаро сдернули камзол, разорвали на части, за ним последовала рубашка, кинжал резанул пояс, панталоны упали на землю.

Несколько секунд спустя Гаспаро стоял в чем мать родила, четверо держали его, а двое копались в одежде. Письмо выудили из камзола и торжественно вручили Америкго.

Тот, не заботясь о последствиях, порвал нитку и потребовал света. Подошел слуга с факелом. Вителли прочитал письмо, и лицо его сначала потемнело от ярости. Но тут же его осенило: если Беатриче угрожает опасность, а в письме говорилось именно об этом, кто, как не он, должен поспешить на помощь. Если же этим письмом она... Америкго нахмурился. Болван-слуга говорил, что капитан ждет его. Значит, ничего Беатриче не грозит. Просто она хочет... И губы Америкго скривились в улыбке.

А тем временем застоявшиеся приятели Америкго вновь закружили хоровод под звуки лютни. Песню, правда, они пели уже другую:

*Розовый наш, дорогой,
О, Гаспаро, паро, паро,
Ноженьки твои дугой,
О, Гаспаро, паро, па!*

Америкго вырвался из круга.

— Ты пойдешь со мной! — приказал он одному из слуг с факелом. — А вам, друзья, веселой ночи! У меня важное дело. Счастливо оставаться.

И зашагал вдоль улицы в сопровождении слуги.

Прятели недоуменно смотрели ему вслед.

— Это может плохо кончиться,— изрек кто-то.— Он слишком пьян, нельзя отпускать его одного.

— Так за ним! — сразу же воскликнули другие.

И вся компания во главе с мальчиком, продолжавшим тренькать на лютне, двинулась следом за Америкго.

Гаспаро же, дрожащий от холода и страха, остался один посреди улицы. Подобрал с земли остатки одежды, чтобы хоть как-то прикрыть наготу. А потом, снедаемый жаждой мести, поспешил к Бальдассаре Шипионе, чтобы рассказать, как у него отняли письмо, посланное славному капитану монной Беатриче дельи Омодеи.

Шипионе терпеливо выслушал бессвязную речь Гаспаро, отправил его к губернатору, а сам приказал принести меч и кинжал и побежал к дому старого графа.

В комнатке, примыкающей к спальне монны Беатриче, царило напряженное ожидание. Франческо ерзал на стуле от нетерпения и страха, что кто-то из домочадцев может помешать исполнению его черных замыслов. Беатриче лишь невероятным усилием воли не теряла сознание. Она надеялась, что ее свидетельские показания не позволят Франческо выйти сухим из воды, если ему все-таки удастся убить ее жениха.

Внезапно Франческо поднялся и наклонил голову, прислушиваясь.

— Идет твой возлюбленный, Беатриче,— возвестил он, предвкушая свой скорый триумф.

Тут и до ее ушей донесся скрип петель садовой калитки. Сердце ее гулко забилося, по телу разлилась слабость, но она продолжала бороться со спасительным забытием.

Франческо вынул у нее изо рта кляп:

— Можешь кричать, если тебе этого хочется.

Но Беатриче плотно сжала губы, понимая, что ее крики лишь заставят Бальдассаре ускорить шаг.

Франческо же вернулся к балконной двери, притаился среди тяжелых портьер. Он чуть присел, готовясь к решающему удару, в его руке тускло блеснула сталь кинжала.

Шаги приближались. Вот они загремели, именно загремели, по ступеням лестницы.

Если бы в это мгновение Франческо хоть мельком взглянул на Беатриче, выражение ее лица наверняка остановило бы его: в нем читались изумление и даже облегче-

ние. Ибо Беатриче знала, что мужчина, поднимающийся по лестнице, — не ее возлюбленный. Уж она-то, вся обратившаяся в слух, не могла ошибиться.

Даже Франческо должен был догадаться, что по лестнице поднимается не Шипионе, а кто-то другой. Капитан шагал **бы** куда тверже, да еще клацал бы шпорами и гремел мечом. Но мысли его были поглощены другим.

Беатриче могла бы закричать. Остановить руку Франческо. Спасти человека, в чью грудь несколько мгновений спустя вонзится его кинжал. Но думала она лишь об одном: ее Бальдассаре ничего не грозит.

У входа в комнату человек остановился, рука откинула портьеру. В это мгновение Франческо ударил. Раз, другой, третий пронзал кинжал бархат портьеры, поражая стоявшего за ней.

Слабый вскрик сменился стоном, мужчина схватился за портьеру и повалился, карниз сломался, и портьера накрыла убитого, оставив снаружи лишь ноги. Ноги несколько раз дернулись и застыли.

Франческо, тяжело дыша, переступил через тело, чтобы перерезать веревки, связывающие Беатриче. И едва засунул их за комод, как задержалась рука двери, раздался нетерпеливый стук, и старый граф позвал дочь.

Франческо смахнул пот со лба и отодвинул задвижку. В одной руке старик держал зажженную свечу, в другой — книгу.

— Франческо? — воскликнул он. — Что ты тут делаешь в столь поздний час? Что случилось? Кто запер дверь?

Франческо, уже полностью овладевший собой, изобразил на лице печаль и сожаление. За руку ввел графа в комнату, затворил дверь.

Старик сразу заметил выглядывавшие из-под портьеры ноги в розовом и белом чулках. Глянул на дочь, застывшую в полуобмороке. Повернулся к племяннику.

— Что все это значит? — У графа перехватило голос от предчувствия большого несчастья.

Франческо бросил взгляд на Беатриче.

— О Боже! Как мне сказать вам? — вскричал он и закрыл лицо руками, сдерживая рыдания.

— Франческо! — графа перепугала столь неожиданная перемена в племяннике. — Что это? Кто он? — и старик указал на лежащее на полу тело.

Франческо сделал вид, что пытается взять себя в руки, а когда ему это удалось, изложил графу замысловатую историю, приведшую его в спальню кухни. Рассказ его не-

однократно прерывался то тяжелыми вздохами, то подавляемыми рыданиями. Возвращаясь домой из гостей, он увидел отворенную калитку в сад и решил выяснить, что бы это значило. Свет горел лишь в комнате, примыкающей к спальне Беатриче. Он двинулся дальше, охваченный дурным предчувствием. Через окно увидел их, Бальдассаре Шипионе и Беатриче — они держали друг друга в объятиях. Лишь по странной случайности они не задернули портьеры, вероятно, лишь потому, что Бальдассаре только что пришел. Такого оскорбления рода Франческо стерпеть не мог. Взлетел по лестнице, застав их врасплох, бросился на Шипионе и убил его.

Голова старого Омоден склонялась все ниже. Когда Франческо закончил, с губ его сорвался стон, по щекам сбежали две слезы. Впрочем, Франческо не питал к нему жалости.

Наконец граф встал со стула и вперил взгляд в Беатриче. Она слышала все небылицы Франческо. Понимала, что должна опровергнуть их, знала, что держит Франческо за горло, и все равно зачарованно молчала, словно зрительница, ожидающая развязки пьесы.

Граф с посеревшим лицом повернулся к Франческо.

— Дай мне твой кинжал, — он протянул руку.

— Что вы собираетесь сделать? — враз заволновался Франческо.

— Довершить то, что ты сделал наполовину. Стереть остатки пятна на чести нашего дома. Дай мне кинжал.

Франческо в ужасе отпрянул.

— Нет, нет! Не надо этого! Не надо!

— Болван! — рявкнул старый граф. — Разве я могу позволить, чтобы на мою дочь показывали пальцем? Чтобы на всех углах ее называли шлюхой? Давай кинжал, а не то...

Фразу он не договорил. Так и остался с открытым ртом. Беатриче обрела голос. И рассмеялась.

Граф повернулся к ней, ярость вновь захлестнула его.

— Ты смеешься! — глаза его полыхали огнем. — Да кто дал тебе право смеяться?

Беатриче встала. Теперь она уже полностью овладела собой. Охвативший ее ужас исчез бесследно.

— Я смеюсь, отец мой, над несчастным дураком и лжецом, который вырыл себе яму, глубокую, как могила. Я готова посмеяться и над тобой за твою готовность поверить ему. Думаю, отец, ты слишком много жил среди книг и уделял дочери очень мало внимания, если хоть на одно

мгновение смог поверить, что она способна впустить в свою опочивальню мужчину.

И под гордым взглядом ее невинных глаз старый граф склонил голову, раскаиваясь в беспочвенных подозрениях. Но тут вмешался Франческо.

— Хватит, Беатриче. Вместо того, чтобы упрекать отца, тебе следует пасть на колени и молить его о прощении... О, дядя, дядя, — обратился он к старику. — У меня просто нет слов. Как смеет она отрицать свою вину, когда тело ее возлюбленного лежит перед нами — наглядное свидетельство ее бесстыдства.

— Да! — граф Омоден вскинул голову. — Можешь ли ты это объяснить?

— Могу, — без колебаний ответила та. — Но история будет длинной.

— Еще бы, — пробурчал граф.

— В свое время я расскажу тебе все. А пока позволь ограничиться кратким выводом. Тело, о котором говорит Франческо, свидетельствует не о моем бесстыдстве, но о его злодействе.

Она подошла к убитому, смерила Франческо презрительным взглядом.

— Так кто, по-твоему, лежит перед нами?

Взгляд и тон Беатриче не могли не насторожить Франческо. Подавляя внезапно охватившую его дрожь, он разглядывал высовывающиеся из-под портьеры ноги.

Затянувшееся молчание нарушил граф.

— Зачем задавать такой вопрос? Ты же слышала, он сказал: «Твой возлюбленный». То есть Бальдассаре Шипионе.

Беатриче переводила взгляд с одного мужчины на другого, потом, преодолевая отвращение, наклонилась и трясущейся рукой сдернула портьеру с головы убитого.

— Посмотрите сами! — позвала она мужчин, выпрямившись.

Они повиновались. Франческо невольно вскрикнул, но мгновенно взял себя в руки, лихорадочно отыскивая путь к спасению. У него не было времени рассуждать, как такое могло произойти, мысли вертелись вокруг одного: как избежать петли палача.

Граф был не в силах что-либо понять. Повернулся к Франческо:

— Так что ты на это скажешь?

Франческо усилием воли заставил себя взглянуть на графа, потом перевел взгляд на Беатриче. И лишь после

этого заговорил. Голос его дрожал, лицо перекосила злобная гримаса. Но он нашелся с ответом:

— Судя по всему, я жестоко ошибся. Зная об отношениях моей кузины с капитаном Шипионе, я и представить себе не мог, что в полночь она могла открыть дверь другому мужчине.

Ответ был удачным. Графу, во всяком случае, он показался убедительным. Да и Беатриче на мгновение почувствовала, как почва уходит из-под ног. Но тут же с балкона послышался еще один голос.

— Люди, которые находятся сейчас в вашем саду, могут многое прояснить.

Они вздрогнули от неожиданности, повернулись на этот спокойный голос. На балконе, на фоне черного неба, в льющемся из комнаты свете стоял капитан Шипионе в алом плаще. Увлеченные разговором, они не услышали, как он поднялся по лестнице.

Шипионе глянул вниз и махнул рукой. Из сада донеслось бряцание оружия, тяжелая поступь поднимающихся по лестнице солдат.

Шипионе шагнул в комнату. Беатриче метнулась к нему. Он обнял девушку, через голову посмотрел на старого, совершенно сбитого с толку графа и Франческо. Последний в ужасе пятился, пока не уперся спиной в стену.

— Несколько пьяниц шли следом за их приятелем, Вителли, и видели, как он поднялся по этой лестнице и вошел в комнату, чтобы попасть в уготованную мне западню. Подробности вы узнаете позднее, мессер Омодеи. А пока стража арестует убийцу.

Шестеро солдат вошли в балконную дверь. За ними последовали друзья Вителли. Мальчик с лютней протиснулся вперед и сбросил с лица нелепую маску. А затем, повернувшись к Шипионе, рассказал обо всем, чему был свидетелем. Его показаний с лихвой хватило для того, чтобы представший перед судом герцога Франческо дельи Омодеи окончил свои дни на виселице.

Глава 6

ЖАЖДА ВЛАСТИ

Звезда власти и славы Чезаре Борджа поднялась как никогда высоко. Он расправился с предателями-капитанами, которые не только восстали против него, но и

какое-то время держали его за горло, угрожая остановить его победное шествие по Италии и лишить всего завоеванного. В Сенигаллии он соорудил для них клетку и заманил туда, по выражению секретаря флорентийской Синьории Макиавелли, ласковым свистом. Мятежные капитаны с готовностью устремились навстречу своей гибели, ошибочно полагая, что это они — загонщики, а герцог — дичь. Но он быстро показал, кто есть кто, и свернул им шеи, словно жирным каплунам. Их войска частью были уничтожены или рассеяны, частью влились в его и без того могучую армию. Эту армию герцог и повел на юг, к Риму, через Умбрию.

Тиран Перуджи Джанпаоло Бальони³⁰, не так давно служивший под началом Борджа и один из немногих главнейших мятежников, избежавших смерти, готовился к отпору и бахвалился, что уж на его городе герцог обломает зубы. Но едва авангард армии Борджа приблизился к стенам древней этрусской цитадели, Джанпаоло собрал свое добро и без лишнего шума сбежал, рассчитывая достичь Сиены и укрыться у Петруччи.

Как только Бальони выехал за крепостные ворота, Перуджа, уставшая от кровавого правления многих поколений этого семейства, направила послов к герцогу с просьбой взять город под свою защиту.

Джанпаоло узнал об этом в Ассизи³¹, и едва не обезумел от ярости. Прекрасный полководец, он славился не только отвагой, но и красноречием, умея увлечь за собой сотни людей. Покидая Перуджу, он, наверное, прислушался к голосу рассудка, надеясь в союзе с Петруччи поднять на борьбу Тоскану³² и встать во главе сильной армии.

Но теперь, узнав, сколь трусливо — другого слова Бальони подобрать не мог — склонилась перед победителем его родная Перуджа, широко раскрывшая навстречу герцогу свои объятия, он горько сожалел о своем скоропалительном отъезде. Он даже попытался склонить Ассизи к сопротивлению. Но отцы города святого Франциска предложили воинственному Бальони удалиться с миром до появления герцога, поскольку тот уже подходил к Ассизи. В противном случае его постигнет участь других мятежников.

И Бальони не осталось ничего другого, как продолжить путь в Сиену. Но в трех милях к югу от Ассизи он натянул поводья лошади и оглядел мощные стены Солиньолы, высившиеся на серых холмах. Там затаился старый волк, граф Гвидо дельи Сперанцони, гордостью сравнимый разве

что с Люцифером ³³ и всей душой ненавидящий папу римского. По материнской линии Бальони приходился родственником старому графу.

Под моросящим дождем Джанпаоло долго оставался в неподвижности, раздумывая, что ему предпринять. Сегодня, предположил он, Чезаре остановился в Ассизи, ибо городские ворота распахнутся настежь при его приближении. Завтра представители герцога заявятся к правителю Солиньолы. Хорошо зная старого графа, Бальони не сомневался, каков будет ответ: Борджа в Солиньоле не ждали.

Бальони принял решение ехать к Сперанцони. Если граф готов к борьбе, он, Бальони, должен поддержать его. Раз у него не дрожат поджилки при известии о приближении герцога, как у большинства правителей больших и малых городов, возможно, в Солиньоле им удастся то, что не удалось в Сенигаллии. Он отомстит за гибель друзей и избавит Италию от этого негодяя. О том, что совсем недавно сам был пособником этого самого негодяя, то есть герцога Чезаре Борджа, мессер Джанпаоло предпочитал не вспоминать.

Он повернулся к сопровождавшим его ста или около того верным кавалеристам и сообщил им о своем намерении повернуть в Солиньолу. И первым поскакал по извилистой горной тропе.

Они покинули равнину Умбрии, серую, без единого зеленого побега, тоскливо раскинувшуюся под свинцовым зимним небом, и двинулись мимо маленьких деревень и ферм, разбросанных по тянущейся на восток долине. Земли эти принадлежали Солиньоле, но Бальони понимал, что беззащитные деревеньки в ближайшие часы станут легкой добычей Борджа. Разумеется, знал об этом и старый граф, но бывший правитель Перуджи полагал, что подобные пустяки никоим образом не повлияют на его решимость оказать герцогу яростное сопротивление. Джанпаоло намеревался всячески в этом содействовать Гвидо дельи Сперанцони.

Уже смеркалось, когда маленькая колонна беглецов из Перуджи достигла северных ворот Солиньолы. Колокольный звон собора сзывал верующих на вечернюю молитву. Молились в Солиньоле пресвятой Деве Марии, обращаясь к ней со смиренной просьбой — освободить Италию от нечестивого Борджа, занявшего папский престол. Всадники проскакали по мосту, переброшенному через горную расщелину, на дне которой ревел бурный поток: после недавних дождей воды заметно прибавилось.

Стража беспрепятственно пропустила их. По крутой узкой улице они поднялись к замку, грозно возвышавшемуся на вершине холма, и, миновав еще один мост, попали в просторный внутренний двор, где их окружило множество вооруженных людей. Не потому, что старого графа встревожило прибытие незнакомцев — просто им не терпелось узнать последние новости о продвижении армии Чезаре Борджа. Джанпаоло наскоро удовлетворил их любопытство и попросил отвести его к Гвидо дельи Сперанцони.

Правитель Солиньолы держал совет в Зале ангелов, известном своими фресками. Луини изобразил на потолке разверзшиеся небеса и ангелов, выглядывающих из-за облаков. Вместе с графом находились мессер дель Кампо, председатель совета старейшин, мессер Пино Павьяно, возглавлявший гильдию ремесленников, два дворянина из долины — тираны Альди и Барберо, деревень, которые с большой натяжкой можно было назвать городками; и один дворянин из Ассизи — мессер Джанлука делла Пьеве, наконец, были там два старших офицера графа — сенешаль Солиньолы и командир гарнизона.

Сидели они по обе стороны длинного стола, в полумраке, освещенные только пламенем горящих в камине поленьев. Место напротив графа, у дальнего торца, занимала женщина (событие для тех времен почти невероятное) монна Пантазилия дельи Сперанцони, годами еще молоденькая девушка, телом и лицом — цветущая женщина, с мужским умом и характером. Более всего подходило ей определение «*virago*», введенное в обиход небезызвестным Цеброне чуть более года назад. Так он называл женщин с душой и разумом мужчин.

Пантазилия, единственная наследница графа, присутствовала на совете не только в силу своих несомненных достоинств, но и по статусу. И теперь внимательно слушала все, что говорилось о вторжении армии Борджа. Высокого роста, с величественной осанкой, классической красоты лицом в обрамлении роскошных рыжеватых волос, белоснежной кожей, которой славилась женщины севера Италии, Пантазилия могла претендовать на звание первой красавицы страны. Цвет чувственных губ указывал на то, что в жилах ее течет горячая кровь, а их изгиб и форма подтверждали решительность и силу воли.

При появлении Джанпаоло Бальони все встали. Граф Гвидо вышел из-за стола, чтобы обнять его, и обратился к нему с теплыми словами приветствия. Затем граф пред-

ставил его присутствующим и предложил занять место за столом и принять участие в обсуждении непростого положения, в котором оказалась Солиньола. Появившись весьма своевременно, он мог посоветовать им, как поступить.

Бальони поблагодарил за оказанную честь и, класая шпорами, опустился на предложенный стул. Граф Гвидо приказал принести свечи, и тут все увидели, как осунулся Джанпаоло Бальони. Взгляд его прошелся по сидящим за столом и остановился на Джанлуке делла Пьеве, дворянине из Ассизи. Бальони улыбнулся.

— Я очень спешил, но, похоже, меня опередили, и вы знаете, что произошло в Ассизи.

— Я прибыл три часа назад, — сообщил Джанлука делла Пьеве, — и поставил всех в известность, что Ассизи распахнул ворота навстречу завоевателю. К его прибытию готовят лучший дворец города, где он и остановился, готовясь к штурму тех окрестных крепостей, которые решатся оказать сопротивление.

— Надеюсь, среди них будет и Солиньола, — Бальони перевел взгляд на графа Гвидо.

Правитель Солиньолы встретил его взгляд спокойно, волевым лицом его, когда-то красивое, осталось бесстрастным.

— Мы собрались именно по этому поводу. Можете ли вы добавить что-либо к тому, что сообщил нам делла Пьеве?

— Нет. Он рассказал вам все.

— Тем не менее я рад вашему приезду. Мы никак не можем прийти к общему решению. Возможно, вы укажете нам путь истинный.

— Видите ли, мессер Бальони, — вставил тиран Барберо, краснолицый мужчина средних лет, — интересы наши различны, а каждый действует именно исходя из своих интересов.

— Да, разумеется, — в голосе Бальони слышались иронические нотки.

— Мы живем в долине, я и мой друг Франческо д'Альди. Нет нужды отрицать, что долина открыта для прямой атаки, а мы беззащитны. Если вокруг наших поселений и есть стены, то артиллерия герцога разнесет их в считанные минуты. Графу Гвидо и жителям Солиньолы легко говорить о сопротивлении. Город практически неприступен. В нем сильный гарнизон, запасов еды и питья хватит на много месяцев. Граф может обороняться долго и заключить перемирие с герцогом на выгодных условиях. Но что будет с жителями долины? За упорство Солиньолы Чезаре Борджа накажет нас. Поэтому мы уговариваем его светлость, и

нас поддерживает глава гильдии ремесленников, последовать примеру Ассизи и вашей родной Перуджи (Джанпаоло всего перекосило) и направить послов к герцогу.

Джанпаоло покачал головой.

— Герцог не будет мстить окружающим поселениям за сопротивление крепости. Это не в его правилах. Он милует тех, кто сам сдается ему. Так что не станет он жечь ваши деревни. И гнев его обрушится только на Солиньолу, если, разумеется, она станет у него на пути. Я знаю, о чем говорю, ибо служил у Борджа. Позвольте привести вам в пример Фаэнцу. Разве причинили войска герцога какой-либо урон селениям в долине Ламоне? Отнюдь. Те, кто сдался, не подверглись насилию, хотя Фаэнца сопротивлялась до последнего.

— Но Борджа одержал верх,— сухо напомнил Павьяно, глава гильдии ремесленников.

— Не о том речь,— вмешался граф Гвидо.— И расположение Солиньолы выгодно отличается от Фаэнцы.

— Тем не менее вы должны сдаться,— воскликнул Барbero.— Вы же не сможете долго противостоять десяти-тысячной армии.

— А они не смогут долго осаждать нас,— прорычал Сантафора, командир гарнизона.

Бальони, откинувшись на спинку стула, вслушивался в разгоревшийся спор. Точно так же вел себя и старый граф. Взгляд его переходил с одного оратора на другого, лицо напоминало маску. Дочь его смотрела только на отца, наклонившись вперед, уперев локти в стол, охватив ладонями подбородок. Но она ловила каждое слово, глаза ее то вспыхивали огнем, то наполнялись презрением, в зависимости от намерения говорившего защищать или сдавать город. Так прошло еще полчаса, но совет ни на йоту не приблизился к окончательному решению.

Вот тогда-то граф Гвидо, воспользовавшись секундной паузой, последовавшей за страстным призывом Сантафоры к защите города, повернулся к перуджийцу и предложил высказаться.

— Возможно, мои слова покажутся вам небезынтересными,— медленно начал Бальони,— ибо мое предложение отличается от двух рассматриваемых вами вариантов. Я хочу представить на ваш суд нечто среднее, а потому надеюсь примирить всех. Прошу меня выслушать.

Над столом повисла тишина. Все взгляды, в том числе и взгляд Пантазилии, ранее не сводившей глаз с отца, скрестились на бородатом лице Бальони.

— Господа, здесь говорили о сдаче и обороне. Но почему-то никто из вас не упомянул об атаке.

— Атаке? — Сантафора нахмурился. — У нас лишь пятьсот человек.

Но Бальони нетерпеливо махнул рукой, предлагая командиру гарнизона помолчать.

— Выслушайте до конца, прежде чем обсуждать мое предложение, и не опережайте меня с выводами. Вам, наверное, известно (но возможно, и нет, поскольку Италия наводнена лживыми слухами), что привело моих отважных друзей в Сенигаллию. Они нашли там смерть, от которой мне удалось спастись лишь беспредельной милостью Божьей, — и Бальони истово перекрестился. — Мы намеревались покончить с герцогом. Арбалетчик сидел в засаде, чтобы застрелить Борджа при въезде в город. Но герцог — это не человек, а дьявол. Он прознал о наших замыслах. *Præmonitus at præmonitus*. Предупрежден — вооружен. Западня захлопнулась за теми, кто готовил ее. Остальное вы знаете. — Он наклонился вперед, налитые кровью глаза обвели сидящих за столом. — Но, господа, потерпев неудачу в Сенигаллии, мы можем добиться успеха в Ассизи.

Тишину нарушил скрип стульев, вздохи.

— Нужно ли что-то добавить в сказанному? — с вызовом спросил Бальони.

— Да, — кивнул мессер Павьяно. — Как это сделать, когда и каким образом?

— В этом вы, несомненно, правы. Поначалу... — и Бальони повернулся к графу Гвидо. — Согласны ли вы ступить на этот путь? Одним ударом избавить Италию от власти мерзавца. Спасти ваши владения от разграбления? Раздавите Чезаре Борджа — и вы лишите мозга и сердца армию папы. Будет положен конец покорению Романьи, за которой неизбежно придет черед всей Средней Италии. Пока жив, он не успокоится, не подмяв под себя Тоскану. Добраться до него непросто, после Сенигаллии он стал очень осторожен. Однако в Ассизи, где он остановился на отдых, нам представится возможность, если вы попытаетесь ее использовать.

Граф Гвидо задумчиво хмурился, но несколько лиц осветились решимостью. Были и сомневающиеся, но против выступил лишь старик дель Кампо.

— Вы предлагаете нам убийство, — ледяным тоном упрекнул он Бальони.

— С каких пор это простое слово стало непреодоли-

мым барьером для взрослых мужчин? — возразил ему Бальони.

— Одну известную мне женщину оно не остановит, — раздался звонкий голосок монны Пантазилии. Она впервые заговорила, приковав к себе все взгляды. Общее внимание не смутило девушку. Она продолжала: — Пока Чезаре Борджа жив, не будет мира в Италии. Спасти Солиньолу может лишь одно — смерть Чезаре Борджа.

Одобрительный гул пронесся над столом. Если не слова Бальони, то красота и женственность Пантазилии убедили всех, ибо только женщина может заставить мужчин забыть о логике, чести и даже здравом смысле.

Лишь старика дель Кампо не тронуло обаяние дочери графа. Он встал, едва стих шум за столом. Повернулся к Гвидо дельи Сперанцони.

— Мой господин, — спросил он холодно, — согласны ли вы с тем, что было сейчас произнесено за этим столом?

Волевое лицо графа ясно показывало, что решение им принято.

— В нынешних обстоятельствах, мессер дель Кампо, выбора у нас просто нет. Или вы думаете иначе?

Председатель совета старейшин выдержал взгляд графа, потом поклонился.

— Ваш ответ мне ясен. — Он отодвинул стул. — Позвольте мне, мой господин, удалиться до того, как вы продолжите обсуждение, участвовать в коем я не считаю для себя возможным.

Дель Кампо поклонился всем присутствующим, запахнул подбитый мехом плащ и в гордом одиночестве проследовал к двери.

Едва она закрылась за ним, побледневший от волнения Джанпаоло вскочил на ноги.

— Господин граф, этот человек не должен выйти из замка. От этого, возможно, будут зависеть наши жизни. Самая малость нужна, чтобы поставить крест на нашем замысле. У Чезаре Борджа шпионы повсюду. Найдутся они и в Солиньоле. Если дель Кампо скажет хоть слово о том, что здесь готовится, герцог уже завтра будет знать обо всем.

В наступившей тишине граф Гвидо встретился взглядом с Бальони.

— В нашем замке нет достаточно надежной темницы, где мессер дель Кампо мог бы пребыть до осуществления наших замыслов. Да и сомневаюсь, что такая темница найдется где-то еще. — Он повернулся к Сантафоре: — Разберись с этим.

Командир гарнизона встал и вышел вслед за дель Кампо. Монна Пантазилия побледнела как полотно. Она поняла, какая участь ожидает старого дель Кампо, давнишнего друга отца, к которому она всегда обращалась за советом. Но не могла оспорить необходимости принимаемых мер и потому не подала голос в его защиту.

А граф тем временем торжественно обратился к совету:

— Господа, оставшись за этим столом, вы подтвердили свое согласие с предложением мессера Джанпаоло.

— Вот такая мысль пришла мне в голову, — подал голос Франческо д'Альди и мгновенно завладел вниманием присутствующих. Он был ученым, покровительствовал искусствам, обладал немалыми знаниями и богатым жизненным опытом, побывал при многих королевских дворах, а один год представлял Солиньолу в Ватикане. — Меня гложет сомнение, так ли разумно предложение мессера Бальони.

В награду он получил сердитые взгляды, возгласы недовольства и пренебрежительный смешок, сорвавшийся с губ Джанпаоло. Все это, однако, не смутило Франческо д'Альди. Но не успел он снова заговорить, как в зал вернулся Сантафора.

— Терпение, господа, — Франческо улыбнулся. — У меня нет желания составить компанию дель Кампо.

Сантафора сел, мрачно усмехаясь. Вопросов ему не задали, все стало понятно без слов.

— Говори, — обратился к д'Альди граф. — Мы всегда готовы выслушать тебя, Франческо.

Мессер д'Альди поклонился и продолжал:

— Мессер Джанпаоло объяснил нам, к каким последствиям приведет смерть Чезаре Борджа. Тут спорить незачем: цель оправдывает средства. Но мы должны подумать и о другом: а как его смерть отразится на нас?

— Жертвовать собой для блага государства — святая обязанность каждого гражданина, — просипел Джанпаоло.

— Так как мессер Джанпаоло намеревается укрыться в Сиене, ему легко говорить об этом, — поддел его Франческо.

Кто-то рассмеялся. Бальони сердито выругался, и графу Гвидо пришлось успокаивать его.

— Все же я полагаю, что нет нужды идти на жертвы, если, как в данном конкретном случае, можно обойтись без них. Мы должны учитывать, что под началом Чезаре Борджа служат преданные ему капитаны — Корелла, Шипионе, делла Вольпе, можно назвать и других. Такие люди не ос-

твоят безнаказанной смерть герцога. А какой будет их месть, сейчас не скажет никто. Вполне возможно, что Солиньола перестанет существовать. Не только город, но и все его жители. Не будет пощады ни женщинам, ни детям, о мужчинах я и не говорю. Нельзя исключить такой исход, не правда ли, господа? — Мрачные взгляды сказали ему, что подобные мысли ранее не посещали присутствующих. — Вот почему я хочу внести иное предложение, которое, собственно, направлено на достижение той же цели, но не вызовет таких страшных последствий для Солиньо-лы, а заодно и для Ассизи. Ибо, если герцога убьют, тамошним жителям тоже достанется от его капитанов. Я предлагаю взять герцога Валентино живым и держать его в заложниках, угрожая повесить, если армия осадит Солиньолу. Тем самым капитаны не будут досаждают нам, а мы отправим послов к папе. Предложим его святейше-ву жизнь и свободу его сына в обмен на наши жизни и на-шу свободу. И пусть издает буллу, гарантирующую нам неприсоединение к землям церкви. А чтобы его святейше-ство не слишком долго раздумывал, назначим крайний срок и пообещаем повесить господина нашего Чезаре Бор-джа, если не получим вовремя искомую буллу.

— Блестящая мысль! — воскликнул Бальони.

Остальные захлопали в ладоши.

— Дело за немногим, — добавил Франческо д'Альди. — Надо взять герцога в плен.

— Эт точно, — тяжело вздохнул мессер Павьяно.

— Я полагаю, хитростью нам удастся заманить его в ловушку.

— Для этого нам надо сравняться хитростью с Борд-жа, — пробурчал Сантафора.

Посыпались различные предложения, столь наивные, что даже обсуждать их не имело смысла. В бесплодной дис-куссии прошло еще полчаса, но заговорщики так и не при-близилась к желанному результату. В зале уже повеяло отчаянием, когда слово взяла монна Пантазилия.

Она медленно встала, высокая, стройная, в желтовато-коричневом, обтягивающем стан платье. Грудь ее подни-малась и опускалась, щеки покраснелись, в глазах по-явился охотничий блеск.

— Настал час, когда будущая правительница Солиньо-лы должна спасти город. Тем самым я докажу мое право властвовать здесь, хотя и молю Бога, чтобы время это на-ступило не скоро.

Тишину крайнего изумления, воцарившуюся в зале по-

сле столь впечатляющего заявления Пантазилии, нарушил ее отец.

— Ты, Пантазилия? Что ты можешь?

— То, на что не способен ни один мужчина. Ибо следует пустить в ход не оружие, но женские чары.

Поднялся шум, все запротестовали, за исключением Бальони, которого заботило лишь одно: устранение герцога. Как это будет сделано, ему было все равно.

Пантазилия подняла руку, прося позволения продолжить.

— Сейчас мы говорим о спасении Солиньолы. И этого вполне достаточно, чтобы я выступила против герцога. Но за ним есть еще один долг.— Она смертельно побледнела, покачнулась, на мгновение закрыла глаза. Затем, взяв себя в руки, заговорила вновь: — Этой весной я должна была стать женой Пьетро Варано. Но три месяца назад Пьетро Варано по приговору герцога задушили на рыночной площади в Пезаро. Я должна рассчитаться с герцогом Валентино, и жажда мести укрепит меня в осуществлении того, что под силу лишь женщине.

— Но это же опасно! — вскричал старый граф.

— Не думаю. Да и какая может грозить мне опасность? В Ассизи меня не знают, последний раз я была там совсем маленькой девочкой. Вряд ли узнают меня и в Солиньоле: после возвращения из Мантуи я редко показывалась на улицах. Я буду осторожна. Господа, не нужно меня отговаривать. Я решила взять на себя тяжкую ношу спасения нашей Солиньолы, тысяч ее граждан. Как правильно указал мессер Джанпаоло, святая обязанность каждого — жертвовать собой ради государства. Не каждый день от нас это требуется, но сегодня такова насущная необходимость.

Мужчины заворчали, но вслух возражать не стали, а повернулись к отцу Пантазилии. Решение мог принять только он. Граф глубоко задумался, обхватив голову руками.

— Но... что вы задумали? — спросил Джанлука делла Пьеве.

Незамедлительный ответ Пантазилии показал всем, что ее план опирается на прочный фундамент.

— Я поеду в Ассизи в сопровождении дюжины солдат Сантафоры, переодетых крестьянами и слугами. И пока Солиньола будет противостоять Борджа, из-за чего ему придется задержаться в Ассизи, я найду способ заманить герцога в западню, свяжу по рукам и ногам и переправлю в Сиену, где будет ждать мессер Джанпаоло. Мессер делла

Пьеве, мне потребуется ваш дом в Ассизи. Надеюсь, вы предоставите его в мое полное распоряжение?

— Предоставить вам мой дом? Предоставить его вам, нашей несравненной красавице, чтобы он стал мышеловкой, а вы — кусочком сыра, приманкой? — ужаснулся делла Пьеве. — Об этом вы меня просите?

Пантазилия потупила взор. Покраснела еще сильнее.

— Солиньола в опасности. Тысячи женщин и детей могут лишиться не только крова, но и жизни. И может ли одна женщина испытывать сомнения, — она подняла голову и яростным взглядом окинула сидящих за столом, — если принесенная ею маленькая жертва может осчастливить целую страну?

— Она права. Это ее долг перед людьми, которыми она должна по праву рождения править. Никто из нас не может предложить лучшего. Поэтому вы, делла Пьеве, отдадите Пантазилии свой дом, а ты, Сантафора, выделишь дюжину солдат.

Ассизи, сдавшийся без сопротивления, вернулся к обычной жизни, которую, впрочем, не так уж и нарушил приход Чезаре Борджа.

Падали троны, гибли правители, сменялись династии, а горожане по-прежнему ели, пили, спали, воспитывали детей и занимались повседневными делами. Противники Чезаре, разумеется, покинули Ассизи, но большая часть населения обнажила головы и поклонами приветствовала того, кто взял на себя труд объединить Романью в могущественное государство, истребив многочисленных мелких тиранов.

Половина армии Борджа осталась у стен Ассизи, вторая, под командованием Микеле де Кореллы, выдвинулась вперед, под стены Солиньола, поскольку на предложение сдаться граф Гвидо дельи Сперанцони ответил отказом.

Опытный полководец, Чезаре Борджа понимал, что взять Солиньола с наскока не удастся, и предпочел не спешить, дабы избежать ненужных потерь. Кроме того, пребывая в Ассизи, он мог вести переговоры с Сиеной и Флоренцией, благо оба этих города-государства находились неподалеку. Поэтому герцог терпеливо ожидал, чего добьется Корелла, исполняя данные ему приказы.

Герцог хотел подорвать стену в южной части города, на самом склоне холма. Добраться до указанного места было нелегко, мешали частые и решительные нападения защит-

ников, и неделю спустя стало ясно, что меньше чем за месяц брешь в стене пробить невозможно. Чезаре начал подумывать насчет бомбардировки Солиньола, но гористый рельеф мешал прицельной стрельбе, а тратить попусту ядра и порох не имело смысла.

Столь упорное, хотя и заранее обреченное на неудачу сопротивление Солиньола удивляло Чезаре Борджа, и он пришел к выводу, что на то есть веская, хотя и пока непонятная ему, причина. Над разрешением этой загадки он думал постоянно, ибо Сенигаллия заставила его удвоить бдительность.

Ясным февральским утром, когда уже жаркие золотые лучи солнца извещали о приближении весны, Чезаре ехал по крутой улочке от рыночной площади в окружении блестящей свиты: офицеры в доспехах, разодетые придворные, а рядом с Борджа, на белоснежном муле — папский легат, кардинал Ремолино.

С шутками, смехом — ведь большинство в кавалькаде составляли молодые люди, одного возраста с герцогом — направлялись они в лагерь де Кореллы под Солиньолой.

На площади у монастыря святой Клары им пришлось остановиться, чтобы пропустить паланкин. Несли его два мула, сопровождали два лакея и элегантный мужчина на крепком жеребце. Путь они держали в сторону Сан-Руфино.

Кардинал что-то говорил Чезаре Борджа, а тот рассеянно оглядывался и слушал не слишком внимательно. Случайно взгляд его остановился на паланкине, а уж потом он не смог отвести от него глаз. Дело в том, что в тот самый момент полог отдернулся, а всадник наклонился, чтобы указать на него (так показалось герцогу) женщине, сидевшей в паланкине. Ее красота приковала к себе взгляд герцога. Она тоже подняла на него глаза — серьезные и широко раскрытые, как у ребенка.

Когда же их взгляды встретились, Чезаре заметил, как румянец сошел с ее щек, побледневших, как мел. И, отдавая должное не женщине, но ее несравненной красоте, которая в Италии ценилась едва ли не превыше всего, герцог сдернул с головы шляпу и склонился в поклоне к холке лошади.

Кардинал оборвал монолог на полуслове, сердито нахмурился, недовольный, что его не слушают, а Борджа лишь добавил масла в огонь, спросив: «Не знаете ли вы, кто эта дама?»

Прелат ³⁴, известный ценитель женщин, проследил за

взглядом герцога. Но полог уже опустился, лишив его удовольствия лицезреть прекрасную незнакомку.

Чезаре, продолжая улыбаться, тем не менее глубоко задумался. Встреча эта показалась ему далеко не случайной. Во-первых, сопровождавший паланкин всадник указал женщине на него, во-вторых, она необъяснимо побледнела. С чего бы это? Герцог не мог припомнить, что видел ее прежде, а такие лица не забываются. Почему же один лишь его облик так подействовал на нее? Многие мужчины бледнели, представ перед ним, женщины — тоже. Но тому всегда находилась причина. В чем состояла она в данном случае?

Паланкин и его сопровождающие уже исчезли в одной из боковых улиц, но воспоминание о сидевшей в нем даме никак не покидало Чезаре. Он повернулся к дворянину из Ассизи, находившемуся среди придворных.

— Не могли бы вы сказать, что за всадник сопровождал паланкин? Он из Ассизи?

— Да, ваша светлость, — последовал ответ. — Это мессер Джанлука делла Пьеве.

— Делла Пьеве, — кивнул герцог. — Тот самый член городского совета, что пребывал неизвестно где, когда приносилась клятва верности. Надо бы узнать побольше об этом господине и причинах его отсутствия. — Чезаре поднялся на стременах и через головы всадников позвал: — Шипионе!

Закованный в сталь офицер мгновенно оказался рядом с ним.

— Вы видели паланкин и всадника рядом с ним? Это мессер Джанлука делла Пьеве. Следуйте за ними, а потом сообщите, где живет эта женщина. С собой захватите мессера делла Пьеве. Пусть он ждет меня во дворце. Если понадобится, возьмите его под стражу. Удачи вам. Вперед, господа!

Бальдассаре Шипионе отделился от кавалькады и, выполняя полученный приказ, последовал за паланкином. Чезаре же продолжил путь к Солиньоле, вновь и вновь задавая себе один и тот же вопрос: «Почему она побледнела?»

Ответ, зная его герцог, несомненно, польстил бы ему. Мадонна Пантазилия, прибывшая в Ассизи, чтобы хитростью уничтожить человека, которого при ней называли не иначе, как чудовищем, губителем Италии, приготовилась увидеть жуткого уroda, преждевременно состарившегося, хилого и больного. Вместо этого перед ней предстал молодой, превосходно одетый, пышущий здоровьем мужчина,

красивее которого ей не доводилось встречать. И взгляд его, казалось, проник в самую глубину ее души, отчего у нее закружилась голова и гулко забилося сердце. Лишь опустив полог, она вспомнила, что он, несмотря на все свои достоинства,— лютый враг ее родного города, и расправиться с ним — ее первейший долг.

Откинувшись на спинку сиденья, полузакрыв глаза, Пантазилия с улыбкой вспомнила, как зажглись глаза герцога, когда она встретила с ним взглядом. Хороший признак, подумалось ей. Полог паланкина чуть приподнялся.

— Мадонна, за нами следят,— прошептал Джанлука.

Улыбка Пантазилии стала шире. Все происходит, как было намечено. Об этом она сказала делла Пьеве.

Ее улыбка и слова вызвали у него взрыв негодования, ибо Джанлука весь кипел яростью еще с той ночи, когда Пантазилия решила взять на себя столь тяжкую обязанность.

— Мадонна,— прохрипел он,— вы взяли за роль Далилы³⁵.

Пантазилия глянула на него с изумлением, ибо впервые ей в глаза сказали правду, но решила разом поставить делла Пьеве на место.

— Вы слишком бесцеремонны, мессер,— отрезала она.

Делла Пьеве, однако, не успокоился.

— Достаточно бесцеремонен, чтобы любить вас, мадонна,— прошептал он, чтобы не слышали слуги.— Я в ужасе от того, что вы взяли за неподобающее вам дело. Использовать свою красоту как приманку...

— Молчать! — приказала Пантазилия, столь твердо, что делла Пьеве безропотно повиновался. А она, после короткой паузы, продолжила, тщательно подбирая слова: — Вы чересчур смелы. Мы забудем сказанное вами, мессер Джанлука, забудем все. В Ассизи я вынуждена находиться под вашей крышей, как того требует порученное мне дело. Но я надеюсь, мессер, что вы не будете докучать мне. Тогда я не буду вспоминать о нанесенном мне оскорблении, а вам не придется общаться с женщиной, которую вы оскорбили.

— Мадонна, простите меня! — воскликнул делла Пьеве.— Я имел в виду совсем другое.

— Мессер Джанлука,— не без улыбки ответила Пантазилия,— совершенно говоря, мне безразлично, что вы имели в виду. Но я настоятельно прошу уважать мои желания.

— Я повинуюсь, мадонна,— и Джанлука опустил полог.

Минуту спустя паланкин остановился перед его дворцом, что находился неподалеку от кафедрального собора Сан-Руфино, одного из красивейших в Ассизи.

Надувшись, наблюдал он, как Пантазилия сошла с паланкина, опершись на плечо слуги, который поспешил заменить обычно выполняющего эту приятную обязанность делла Пьеве. Последний поклонился, повернул лошадь и медленно поехал прочь, уязвленный в самое сердце, страдая от неразделенной любви. Хотя не любовь, а скорее честолюбие, побудило его поднять глаза на высокогородную графиню Солиньольскую.

Горькие думы делла Пьеве были прерваны окликом офицера, подъехавшего на статном жеребце.

Мессер Джанлука сердито глянул на него.

— Не имею чести знать вас, мессер.

— Так давайте исправим это недоразумение, — добродушно ответил Шипионе.

— Но я не желаю знакомиться с вами, — начал грубить Джанлука.

— Однако придется. Я получил приказ применить силу в случае вашего неповиновения.

Тут зашевелилась нечистая совесть делла Пьеве. Все-таки он участвовал в заговоре. Его охватил страх.

— Это арест?

Шипионе рассмеялся.

— Отнюдь. Меня послали сопровождать вас, и ничего более.

— Куда?

— Во дворец, где расположился его светлость герцог Валентино. Он желает, чтобы вы объяснили ваше отсутствие в городском совете, когда его члены присягали ему на верность.

Джанлука взглянул на обветренное лицо офицера, но не прочитал на нем ничего, кроме дружелюбия, собрал волю в кулак и отбросил все сомнения. По пути он попытался разговорить капитана, чтобы выудить из него какие-нибудь важные сведения, но Шипионе отвечал односложно, отчего в душе делла Пьеве вновь пробудился страх.

Не лучше обстояло дело и во дворце. Более двух часов пришлось ему провести в приемной, ожидая возвращения герцога. Напрасно умолял он отпустить его, клянясь всеми святыми, что обязательно вернется. Ему лишь предлагали набраться терпения, и делла Пьеве уже посчитал себя узником. Бальони, вспомнил он, говорил, что у Борджа шпионы повсюду, так что оставалось готовиться к самому

худшему. Эти раздумья полностью вытеснили мысли о Пантазилии: до честолюбия ли, когда речь заходит о жизни и смерти?

Когда же пытка неопределенностью стала невыносимой и делла Пьеве начала бить мелкая дрожь то ли от страха, то ли от холода, появившийся паж возвестил, что герцог его ждет. Трудно сказать, сознательно ли Борджа так долго держал делла Пьеве в подвешенном состоянии, чтобы страх размягчил его душу, как жар горна размягчает железо. Если так, то хитроумный герцог нашел действенный способ сломить волю влиятельного в Ассизи дворянина, отказывавшегося в отличие от остальных членов городского совета принести ему клятву верности. Во всяком случае, делла Пьеве предстал перед Борджа морально и физически сломленным.

Его ввели в мрачный зал, стены которого были расписаны множеством стоящих на задних лапах львов, красных на желтом фоне, как в гербе Ассизи. И тут царил жуткий холод, несмотря на горящий камин. У камина группой стояли офицеры и придворные, беседовали, смеялись. Но с появлением Джанлуки все разговоры стихли, смех прекратился. Тишина, сопровождаемая пренебрежительными улыбками да пожатием плеч, отнюдь не приободрила делла Пьеве.

Он дошел до середины зала и остановился в нерешительности. Тогда от группы у камина отделилась высокая фигура герцога. Одет он был в черное, лишь камзол блистал золотыми узорами, вышитыми столь искусно, что на расстоянии Джанлуке показалось, будто на Борджа — панцырь.

Чезаре приблизился.

— Неделю я терпеливо ждал вашего появления, мессер делла Пьеве, — холодно начал он. — Потом почувствовал, что могу лишиться удовольствия лицеизреть вас, и послал за вами.

Герцог замолчал, ожидая объяснений, не делла Пьеве молчал, онемев от пристальных взглядов Борджа и сгрудившихся у камина придворных и офицеров.

Чезаре и раньше хотел уяснить себе, чем вызван отказ делла Пьеве дать клятву верности. Ступил ли он на тропу войны или просто отказывается иметь с ним какие-либо дела? А потому он заранее попросил предоставить ему соответствующие сведения.

Так что к моменту встречи герцог уже знал, что Джанлука делла Пьева покинул Ассизи накануне его вступления

в город, а вернулся днем позже в сопровождении красавицы, вроде бы родственницы. Женщина эта поселилась в его дворце, относились к ней с исключительным почтением.

Более ничего выяснить не удалось. И едва ли у герцога зародились бы какие-то подозрения, если бы делла Пьеве присоединился к остальным членам городского совета. Связав неподчинение дворянина из Ассизи с внезапной бледностью дамы в паланкине, Борджа прямо на площади у монастыря святой Клары решил, что следует заняться делла Пьеве. И теперь тот стоял с видом побитой собаки, словно подтверждая, что герцог не ошибся в своих предположениях относительно его вины.

Поскольку делла Пьеве продолжал молчать, вновь заговорил Борджа.

— Вы — член совета Ассизи, однако я не видел вас среди тех, кто приносил мне клятву верности в прошедшее воскресенье. Я хотел бы знать причину вашего отсутствия.

— Я... В это время меня не было в Ассизи, ваша светлость, — к делла Пьеве наконец вернулся дар речи.

— Ага! Ну так извольте сообщить нам, где же вы были? — Тон герцога ясно указывал, что местонахождение делла Пьеве в тот злосчастный день не составляет для него секрета. Еще более убедила в этом Джанлуку следующая фраза Борджа: — Меня не удивляет, что вы медлите с ответом.

— Мой господин, — промямлил делла Пьеве, — граф Гвидо — лучший друг отца. Мы ему многим обязаны.

Получив такие важные сведения, Чезаре тут же развил свой успех.

— У меня не вызывает возражений ваша поездка в Солиньолу, — Джанлука не мог поверить, что сам, мгновением раньше, сообщил Борджа об этой поездке. — И ваши отношения с графом Гвидо меня не касаются. Недоволен я лишь мотивами, заставившими вас искать встречи с ним.

Чезаре выстрелил наугад, но попал, что называется, в самое яблочко. Джанлука обмер. Герцог прознал обо всем!

— Мой господин, клянусь небом, по своей воле я не стал бы участвовать в том, что затеяла Солиньола.

Стало быть, в Солиньоле что-то замыслили и теперь перешли к практическому осуществлению плана! Делла Пьеве уехал из Ассизи один, а вернулся с женщиной, той самой женщиной в паланкине, которая при виде его побледнела, как мел. Несомненно, она из Солиньолы. Оставалось лишь установить, кто же она такая.

— Но могу ли я вам поверить? — вкрадчиво спросил Борджа.

Делла Пьеве сжал руки в кулаки.

— Разумеется, мне нечем доказать свою правоту, — печально признался он.

— Есть чем, мессер, — строго осадил его Борджа. — У вас есть такая возможность... Ваша откровенность убедит меня в вашей честности. Однако вы всеми силами стараетесь ничего мне не говорить. — Глаза его сощурились. — Даже о женщине, которую привезли из Солиньола.

Ассизец отпрянул, словно от удара. Ему и в голову не пришло, что выводы свои герцог строит не на фактическом материале, а на умозаключениях, основанных на его же словах. Этот человек, тысячеглазый, словно Аргус, конечно же, знает, кого именно привез он из Солиньола!

Но делла Пьеве предпринял еще одну попытку уйти от прямого ответа.

— Ваша светлость, вам и так все известно. Стоит ли спрашивать меня?

— Моя цель — испытать вашу честность, — последовал ответ.

Что ж, Джанлуке пришлось говорить правду, пусть и не всю, ибо выдать заговорщиков у него не поворачивается язык. Так что оставалось лишь молить Бога, чтобы шпионы Чезаре не прознали о том, что говорилось на совете у графа Гвидо.

— Ваша светлость, граф Гвидо, решив защищать Солиньолу, не мог не принять мер по обеспечению безопасности собственной дочери. И решил увезти ее из осажденного города. Я предоставил свой дом в ее распоряжение. Сами видите, я с вами абсолютно честен. Как я уже говорил, наша семья многим обязана старому графу. Мог ли я отказать ему в просьбе приютить дочь?

Лицо Чезаре Борджа оставалось непроницаемым.

Вот оно что! Эта женщина — дочь графа Гвидо. Да, весьма ценные данные. Но зачем дочери графа искать убежища в Ассизи, в лагере врага? Это, конечно, грубая ложь. Значит, причина ее приезда другая. Какова она, Джанлуке говорить ой как не хочется.

Логика вышеуказанных рассуждений не вызывала сомнений у герцога, потому он пожал плечами и пренебрежительно рассмеялся.

— Такова, значит, ваша честность? И вы утверждаете, что вы мне не враг?

— Это правда, мой господин.

— А я говорю: ложь,— впервые Борджа повысил голос.— Я слишком хорошо вас знаю, мессер, меня не проведешь. Вы испытываете мое терпение, мессер делла Пьеве. Позвольте вам напомнить, если вы забыли, что отсюда мы можем пройти к дыбе и палачу. Уж там-то от вас добьются правды.

Угроза герцога ужаснула Джанлуку. Но, собрав волю в кулак, он смело глянул в глаза Борджа, поддерживаемый храбростью отчаяния.

— Ни палач, ни дыба более не выжмут из меня ни единого слова. Потому что мне нечего добавить.

Чезаре молча сверлил его взглядом. Он не был сторонником пыток, прибегая к ним лишь по необходимости. Выяснил он уже многое, остальное не составляло труда вызнать и без дыбы. Он медленно кивнул.

— Значит, вам больше нечего мне сказать? Двусмысленная фраза, мессер. Но, думаю, я понял, что вы имели в виду.

Герцог повернулся к стоящим у камина, среди них был и Шипионе, и позвал капитана.

— Бальдассаре, мессера делла Пьеве посадить под арест. Охранять его поручите людям, которым доверяете. Ему запрещено общаться с кем бы то ни было.

Чезаре не мог допустить, чтобы Пантазилия узнала о его разговоре с делла Пьеве. В этом случае все по крупницам добытые сведения становились абсолютно бесполезными. И он так бы и не выяснил истинную цель приезда в Ассизи дочери графа Гвидо.

Новая загадка в немалой степени занимала Борджа. В тот же вечер он вызвал к себе Агапито Герарди, своего умницу-секретаря. И Агапито, по натуре добрый и незлобивый, без колебания предложил пытку как единственное средство узнать то, что еще скрывал делла Пьеве.

— Прибегнуть к пытке мы всегда успеем,— покачал головой Борджа,— пока с этим можно подождать. На лице этого парня я прочитал готовность принять мученическую смерть, но промолчать. Полагаю, он любит дочь графа Гвидо, отсюда и его упорство. Но я никак не возьму в толк, что привело ее сюда. Клянусь Богом, даже хитроумный флорентийский секретарь Макиавелли едва ли раскусил бы этот орешек.

В тот же самый час монна Пантазилия дельи Сперанцони давала наказ одному из своих верных слуг, юноше по

имени Джованни. До сегодняшнего утра она не могла найти реального способа воплощения в жизнь своего замысла, ибо делла Пьеве крепко подвел ее. Поначалу они хотели, чтобы тот втерся в доверие к герцогу и представил ее как свою родственницу, Эуфемию Брасси из Сполето. Но делла Пьеве наотрез отказался.

И вот теперь, когда она увидела Борджа и почувствовала, сколь сильное произвела на него впечатление, ей стало ясно, что делать дальше. Не откладывая, она развернула деятельную подготовку к завтрашнему дню, для чего ей и понадобился Джованни.

Наутро потеплело, в синем небе сияло солнце, словно февраль уступил место апрелю. С юга дул легкий ветерок, под яркими лучами блестели бурные воды Тешо.

Именно там, у брода, под самыми стенами Ассизи и увидел Пантазилию Чезаре Борджа, возвращавшийся с полудюжиной дворян из ранней поездки в лагерь у Солиньоля.

Пантазилия сидела, одинокая и покинутая, привалившись спиной к большому серому валуну, наполовину скрывавшему ее, так что Чезаре заметил девушку, лишь поравнявшись с ней. В то утро она надела желтовато-коричневое платье, в котором была на совете у графа Гвидо. Низкий вырез подчеркивал совершенство ее шеи. Ветер играл распущенными волосами.

На лугу, чуть в стороне, пасся оседланный мул.

При виде Пантазилии Борджа мгновенно спрыгнул на землю, и, пока шагал к ней, держа в руке шапочку, с блестящими на солнце длинными каштановыми волосами, она могла насладиться легкостью его походки и красотой фигуры.

Чезаре узнал ее с первого взгляда, и одного этого взгляда было достаточно, чтобы понять, что тут произошло — случайно или умышленно. В любом случае его порадовала возможность повидать Пантазилию лицом к лицу.

Чезаре глубоко поклонился. На нее смотрели глаза, прекраснее которых ей еще не доводилось видеть. Сердце ее не могло устоять перед таким красавцем, и Пантазилия почувствовала раскаяние. Но это длилось лишь мгновение. Холодный рассудок вновь одержал вверх, не давая воли чувствам.

— Вы ушиблись, мадонна, — мелодичный голос Борджа обволакивал. — Негодный мул сбросил вас на землю. Позвольте мне помочь вам.

Пантазилия улыбнулась в ответ, но даже в улыбке рот ее перекосялся от боли.

— Лодыжка,— и она положила руку на ушибленное место.

— Ее надо завязать,— Борджа начал развязывать шарф.

— Нет, нет! — с откровенным испугом вскрикнула Пантазилия, и чуткий слух герцога это уловил.— Этим займются мои женщины дома. Я живу рядом.

— Поверьте мне,— настаивал герцог,— ногу надо стянуть немедленно.

Под его взглядом Пантазилия покраснела, быть может, по девичьей скромности.

— Умоляю вас, не причиняйте мне боль своей настойчивостью.

И Борджа, согласившись играть роль в написанной ею пьесе, смиренно опустил глаза и печально пожал плечами, сожалея о необъяснимом упрямстве девушки.

— Мой мул переходил реку,— продолжила Пантазилия,— и поскользнулся на этих камнях, выходя из воды, и я упала на землю.

Чезаре изобразил на лице сочувствие.

— Неблагодарное животное. Сбросить такую очаровательную ношу! Вам не следовало ехать одной, мадонна.

— Обычно меня кто-то сопровождает. Но сегодня такое утро — в душе моей запела весна, и я возжаждала свободы.

— Опасная жажда,— заметил герцог.— Многих она отправила в мир иной. Как же вы не подумали о солдате армии Борджа, наводнившей окрестности?

— А почему я должна их бояться? — глаза Пантазилии широко раскрылись, выражая крайнее изумление.— Вы, к примеру, тоже служите в этой армии, не так ли? Что же, мне бояться и вас?

— О, мадонна, теперь вы наполнили мою душу страхом.

— Я? — губы ее чуть разошлись в улыбке.

— Страхом за свободу, которую вы так высоко цените, как, впрочем, и я. А может ли мужчина считать себя свободным, встретившись с вашим взглядом? С того самого мгновения он становится вашим бессловесным рабом.

Пантазилия рассмеялась.

— О, да вы, я вижу, придворный. А я приняла вас за солдата.

— Здесь я придворный, мадонна,— Борджа вновь поклонился.— А в любом другом месте — герцог.

Он наблюдал, как она изображает изумление, сменившееся столь же поддельным смущением.

— Герцог... Вы?

— Ваш раб, мадонна.

— Мой господин, я вела себя так, словно у меня нет глаз. Господь в это утро лишил меня разума. Могу представить себе, что вы обо мне подумали.

Чезаре посмотрел на нее и вздохнул.

— Мадонна, жизнь слишком коротка. Ее не хватит, чтобы рассказать вам об этом.

Пантазилия снова покраснела под его пламенным взглядом. Пусть Борджа и подозревал ее, но находил, как и большинство мужчин, неотразимой. И его восхищение читалось во взгляде, как в открытой книге.

— Мы забыли про мою бедную ногу, ваша светлость, — напомнила Пантазилия. — И я задерживаю вас. Не мог бы один из ваших дворян помочь мне?

— Нет, этого права я не уступлю никому. Но попрошу их привести вашего мула. — Герцог повернулся, и короткий приказ послал дворян к мирно пасущемуся мулу. — Вы сможете встать с моей помощью?

— Думаю, да.

Герцог наклонился и согнул руку. Но Пантазилия вжалась спиной в валун.

— Ваша светлость, — смущенно пробормотала она. — Слишком большая честь. Прошу вас, позовите кого-нибудь из вашей свиты.

— Никто не получит моего разрешения помочь вам, — со смехом ответил герцог и вновь настойчиво предложил ей руку.

— Вы такой властный... Как я могу не подчиниться? — Пантазилия оперлась на руку Борджа, встала на здоровую ногу, но вдруг потеряла равновесие и, вскрикнув, навалилась на герцога.

Он мгновенно ухватил девушку за талию, волосы ее коснулись его щеки, он ощутил тонкий аромат ее духов. Пантазилия начала извиняться, но герцог, улыбаясь, молчал, пока не подвели мула. Так же молча он поднял ее на руки, словно ребенка, и усадил в седло. Сила его удивила Пантазилию, как удивляла многих других.

Усаживая Пантазилию, герцог успел искоса глянуть на передние ноги мула. Как он и ожидал, ни грязи, ни царапин на них не оказалось. Выходит, что и лодыжка девушки не нуждалась в лечении. С легкой улыбкой герцог повернулся и вскочил на своего жеребца. Затем, подъехав вплотную к мулу, правой рукой взялся за его узду. Один дворянин по приказу герцога пристроился с другой стороны.

— Теперь, мадонна, вы в полной безопасности, — заверил он Пантазилию. — Вперед!

Они спустились к реке, вброд переправились на противоположный берег и поскакали в Ассизи. В завязавшейся легкой беседе Пантазилия не раз одаривала герцога взглядами, свидетельствующими о том, что она благосклонно принимает его ухаживания и рада такой компании. Минував ворота, Борджа спросил, куда они должны ее проводить.

— К дому моего родственника, мессера Джанлуки делла Пьеве, рядом с Сан-Руфино.

Ее родственника! Опять ложь, отметил Борджа. Так как же она назовет себя, подумал он, и, не откладывая, прямо спросил об этом.

Пантазилия не замедлила с ответом.

— Я — Эуфемия Брасси из Сполето, верная подданная вашей светлости.

Герцог ничем не выразил отношения к ее словам, но широко улыбнулся, словно убеждая ее, что Джанпаоло Бальони переоценил его прозорливость.

Они расстались у дверей дворца делла Пьеве. Напоследок герцог пообещал, что пришлет своего врача Тореллу, чтобы тот посмотрел ее ногу. И в душе посмеялся, увидев мелькнувший в ее глазах страх. Но Пантазилия умолила его не беспокоить доктора, ибо не сомневалась, что все пройдет и так, если этот день она проведет в постели. И очень обрадовалась, когда герцог согласился.

Вернувшись к себе, Борджа сразу же послал за Агапито Герарди и рассказал ему об утреннем приключении.

— Итак, Агапито, — подытожил он, — дочь Гвидо дельи Сперанцони, Пантазилия, пребывает в Ассизи под именем Эуфемии Брасси из Сполето, родственницы делла Пьеве. Она попыталась привлечь мое внимание и возбудить интерес к себе. Ты можешь решить эту задачку?

Круглое лицо Агапито осталось невозмутимым.

— Все очень просто. Она — приманка в той западне, что расставили для вас.

— Об этом, Агапито, я тебе сказал бы и сам. Но я хочу знать, что это за западня? Нет ли у тебя каких-нибудь предположений?

— Дело слишком серьезное, чтобы полагаться на догадки, — ответил секретарь. — Но я смею посоветовать вам, ваша светлость, отныне выезжать из дворца вооруженным и не появляться вблизи дома, где она поселилась, если при вас нет надежной охраны.

Чезаре распахнул камзол, чтобы Агапито увидел тусклый блеск стальной кольчуги.

— Я вооружен. Что же касается второй части твоего совета...— Он пожал плечами.— Можно устроить все так, что в западню попадут те, кто ее расставляет. Не мне напоминать тебе, что произошло в Сенигаллии.

— В тот раз, ваша светлость, вы точно знали, что вас ждет.

Жесткая улыбка скривила губы Чезаре Борджа.

— А рассказал об этом под пыткой мессер Рамиро де Лорка. Распорядись приготовить внизу дыбу, и пусть палач с помощниками ожидает моих указаний.

Агапито удалился, а герцог занялся текущими делами. В тот вечер он отужинал поздно, а потом, отпустив придворных, заперся с Агапито и подготовил письма в Рим и Флоренцию, которые тут же увезли курьеры.

Ближе к полуночи герцог осведомился у Агапито, все ли готово к допросу делла Пьеве. Но не успел секретарь ответить, как открылась дверь и к ним поспешил паж.

— Что такое? — нахмурился Борджа.

— Солдаты из лагеря под Солиньолой, ваша светлость. С пленным.

Брови герцога удивленно поднялись.

— Впустите их.

Два солдата ввели молодого парня в крестьянской одежде со связанными за спиной руками. С ними вошел молоденький офицер, к которому и обратился Борджа.

— В чем дело?

Офицер отдал честь.

— Ваша светлость, час назад мы схватили этого человека под стенами Солиньолы. Ему удалось обмануть бдительность наших часовых, и он уже миновал посты, но у него из-под ноги покотился камень. При нем зашифрованное письмо. Дон Микеле не смог выяснить, что это за письмо и кому оно адресовано.

И протянул Борджа маленький бумажный квадратик с уже сломанной печатью. Герцог взял письмо, посмотрел на непонятные значки, печать, наконец, поднес бумагу к носу и понюхал. Такой же запах он вдыхал этим утром в те короткие мгновения, когда Пантазилия прижималась к его груди.

Герцог шагнул к пленнику, всмотрелся в его бесстрастное лицо.

— В котором часу мадонна Пантазилия делла Сперанцони отправила тебя с этим посланием?

Лицо крестьянина перекосила гримаса страха. Он отпрянул от герцога.

— Выходит, люди говорят о вас правду! — возбужденно воскликнул он.

— Редко, мой друг, поверь мне, очень редко. — Герцог улыбнулся. — А что ты слышал?

— Что вы продали душу дьяволу.

Герцог усмехнулся.

— Пожалуй, правды в этом не больше, чем во всем остальном, что говорится обо мне. — Он повернулся к офицеру. — Посадить его под строгий арест. — И добавил, обращаясь к юноше: — Бояться тебе нечего. Никто не причинит тебе вреда, а под замком ты пробудешь не больше недели.

Юношу в слезах увели. Он до смерти перепугался за свою госпожу, убедившись на собственном опыте, что от ужасного герцога ничего не скроешь.

Чезаре передал тайное послание Агапито.

— Расшифруй мне его.

— Но я же не знаю шифра! — воскликнул секретарь.

— А что тут знать? Ключ перед тобой. Последнее слово состоит из десяти значков, второй и пятый и, соответственно, седьмой и девятый одинаковые. Допустим, слово это — Пантазилия. Надеюсь, это упростит твой труд.

Агапито молча поклонился, сел за стол, придвинул к себе перо, чернила, чистый лист бумаги. Чезаре же зашагал взад-вперед по залу.

Через несколько минут секретарь поднялся и протянул герцогу расшифрованное письмо:

«Сегодня утром мне удалось привлечь его внимание, и я очень довольна тем, как складываются наши отношения. Надеюсь, что возможность исполнить наш замысел откроется через несколько дней. Я готова. Но торопиться не стану, чтобы не спугнуть его. ПАНТАЗИЛИЯ».

Прочитав текст, Чезаре поднес листок к пламени свечи, превратив в горстку пепла.

— Оно не сообщает нам ничего нового. Но подтверждает уже известное. Агапито, поправь печать и найди способ доставить письмо графу Гвидо. Пошли кого-либо из моих людей. Пусть он скажет, что настоящий посыльный ранен, а он согласился доставить письмо в надежде на вознаграждение. И позаботься, чтобы Корелла больше не перехватывал посыльных. Тем более что в этом случае

у него будет меньше хлопот с земляными работами. У защитников Солиньолы сложится впечатление, что направленный против меня заговор развивается успешно, а посему они не будут проявлять особого рвения. А теперь займемся делла Пьеве. Пошли за ним.

Джанлука делла Пьеве находился не в подземелье, а в одной из спален дворца. Почивал на мягкой кровати, вкусно ел, охрана относилась к нему с должным уважением. Так что нет нужды удивляться, что в ночь допроса он сладко спал.

Его грубо потрясли за плечо. Открыв глаза, Джанлука увидел четырех вооруженных солдат, мрачных и суровых.

— Вы пойдете с нами, — объяснил их появление мужчина, чья тяжелая рука вырвала делла Пьеве из объятий Морфея ³⁶.

Делла Пьеве сел. Сердце его стучало, как барабан.

— Что такое? Куда я должен идти?

— С нами, мессер, — последовал короткий ответ.

Бедолага переводил взгляд с одного бородатого лица на другое, затем, отбросив одеяло, вылез из постели.

Солдат набросил ему на плечи плащ.

— Пошли.

— Но моя одежда? Как я могу пойти раздетым?

— Она вам не понадобится, мессер. Пошли.

Оцепенев от страха, в полной уверенности, что пришел его последний час, Джанлука, окруженный солдатами, босиком проследовал по длинным ледяным коридорам, темной лестнице и оказался в зале, где накануне говорил с герцогом.

Герцог хорошо подготовился к новой встрече, ибо рассчитывал нагнать страх на делла Пьеве, дабы получить необходимые ему сведения, не прибегая к пытке.

Затянутый в черное, у стены стоял стол. За ним — мужчина, также весь в черном, по виду монах. Справа и слева от него писари с перьями, чернилами и бумагой. Лишь два канделябра, с шестью свечами каждый, на столе. Так что большая часть зала тонула в глубоком мраке.

В дальнем конце на трехногой металлической подставке стояла жаровня, полная раскаленных докрасна углей. Тут Джанлука содрогнулся: он увидел деревянные ручки каких-то инструментов, воткнутых в угли.

Напротив черного стола с блоков, едва видимых в темноте, свисали толстые веревки. Дыба, понял Джанлука. Под веревками переминались с ноги на ногу двое мускулистых мужчин в кожаных безрукавках, надетых на голое тело.

Между столом и дыбой, в наиболее освещенном месте, стоял Чезаре Борджа в красном халате, засунув большие пальцы рук за шелковый пояс, в красной же шапочке на голове. Глаза его с грустью смотрели на делла Пьеве.

Молодой человек обмер. Теперь-то он понял, с какой целью выволокли его из кровати. Глубоко вздохнул, чтобы хоть как-то умерить биение сердца, рвущегося из груди, и попятился, но затянутая в кожу рука солдата остановила его.

Полная тишина, холод, мрак, выставленные напоказ орудия пыток. Что ж, герцогу удалось добиться желаемого — душа делла Пьеве ушла в пятки. По знаку Борджа помощники палача сменили солдат, которые отдали честь, повернулись и покинули зал.

Джанлуку подвели к столу и поставили перед мужичиной в черном.

— Мессер Джанлука делла Пьеве, — ледяной голос нарушил тишину, — вы обвиняетесь в участии в заговоре графа Гвидо дельи Сперанцони, правителя Солиньолы, направленном против его светлости Чезаре Борджа, герцога Валентино и Романьи. Здесь, в Ассизи, вы готовили покушение на жизнь его светлости и посему заслуживаете смерти. Но вы заслуживаете и большего наказания, ибо его светлость — главнокомандующий армии святой церкви и воюет он во славу Святого престола. То есть выступили вы не только против его светлости, но и против Бога и его посланника на земле, папы римского. И все же его светлость во имя Господа нашего готов вас простить при условии вашего чистосердечного признания.

Голос смолк, но эхо долго отдавалось под сводчатым потолком. Голова Джанлуки упала на грудь.

— Оглянись, — вновь загремел голос, — и ты увидишь, что у нас есть средства развязать тебе язык, если ты заупрямишься.

Джанлука не оглянулся. Он и так знал, что находится у него за спиной. По телу его пробежала дрожь. Но он продолжал молчать.

По знаку ведущего допрос с плеч Джанлуки сорвали плащ, оставив его в одной ночной рубашке. Сильные руки схватили его, развернули и потащили к дыбе. Делла Пьеве попытался вырваться.

— Нет, нет! — взмолился он.

Внезапно Борджа подал голос:

— Подождите!

Помощники палача тут же отпустили Джанлуку и отступили, оставив его лицом к лицу с герцогом.

— Мессер делла Пьеве, — Борджа положил руку на его плечо, — подумайте, на что вы идете, что вас ждет. Наверное, видели, как она выламывает руки из плеч.

И его пальцы стиснули плечо Джанлуки, да так, что пленник вскрикнул от боли. А герцог ослабил хватку и улыбнулся.

— Вы же не из тех, кто может выдержать пытку. Говорю вам заранее, в конце концов вы признаетесь. Но что, по-вашему, за этим последует? Ваше освобождение? Отнюдь. Едва веревки дыбы стянут ваши запястья, участь вашу будет определять закон. А закон, заставив вас говорить на дыбе, затем обречет на вечное молчание. Подумайте об этом. С дыбы вам останется лишь один путь — на виселицу. Вы молоды, жизнь может многое вам предложить, а молчание не принесет вам пользы, как и ваши слова не предадут никого из тех, кто еще не предан. Так что принесенная вами жертва будет напрасной.

Лицо Джанлуки посерело, глаза затравленно оглядывали Борджа.

— Если бы... Если бы я мог в это поверить! — пробормотал он.

— Убедить вас не составит для меня никакого труда. Тем самым я покажу, что ничуть не заинтересован в вашей смерти. Наоборот, пытаюсь вас спасти. Монна Пантазилия дельи Сперанциони уже раскинула сеть, в которой мне суждено запутаться. Утром она привлекла к себе мое внимание. Вечером отправила письмо отцу, в котором сообщила об удачном начале. Она полагает, что не пройдет и недели, как я окажусь у нее в руках. Зная все это, я едва ли попаду в расставленную ловушку. Что же такого существенного к уже известному нам можете вы добавить, раз предпочитаете молчать даже под угрозой пытки?

Джанлуку передернуло.

— Что я могу добавить? Вы и так знаете больше меня. А может быть, вы хотите использовать мои показания против монны Пантазилии? — неожиданно осенило делла Пьеве.

— Доказательств ее вины у меня хватает и без этого. Хотя бы письмо, посланное ею отцу. Уже одно оно обрекает ее на казнь. Нет, нет. От вас мне нужно другое. Меня интересует суть их замысла. Какую ловушку приготовили они мне? Вы, я думаю, понимаете, что в сложившемся по-

ложении ваши слова уже не принесут вреда ни графу Гвидо, ни его дочери.

— Но... если это все...

— Истинно так, — кивнул Чезаре. — Суший пустяк. Выбор ваш. Можете предпочесть дыбу. Возможно ли с моей стороны большее великодушие? Скажете, о чем я прошу, и вас отведут в вашу комнату. Это лишь мера предосторожности. Там вы пробудете до взятия Солиньола, а затем обретете свободу. Будете молчать... — герцог пожал плечами и указал на серые веревки.

На том все и кончилось. Делла Пьеве уразумел, что упорствовать нет никакого толку. Жертвуя собой, он ничего не добьется. Да и стоит ли отдавать жизнь ради женщины, которая посмеялась над его любовью и помыкала им, как жалким простолюдином? И он выложил герцогу ту малость, которую желал знать его светлость: мадонна Пантазилия прибыла в Ассизи, чтобы завлечь Чезаре Борджа в свои объятия, а затем похитить и вывезти в Сиену.

На следующий день, в одиннадцать утра, во дворец делла Пьеве явился паж герцога. Он принес письмо, написанное лично Борджа, в котором тот смиренно просил разрешения навестить монну Эуфемию Брасси и справиться о ее здоровье.

Когда Пантазилия читала письмо, глаза ее радостно сверкали. Все складывалось как нельзя лучше. Удача наконец-то отвернулась от Борджа, оставив его один на один с врагами.

Разрешение посетить ее герцог получил без промедления и несколько часов спустя, оставив свиту на площади перед дворцом, вошел к ней. Он был в великолепном наряде, как и должно кавалеру, ухаживающему за благородной дамой: расшитый золотом камзол, один чулок белоснежный, второй — небесно-голубой, пояс и ножны сверкают драгоценными камнями.

Пантазилия приняла его в зале, окна которого выходили на террасы сада. Мозаичный пол устилали восточные ковры. Стены украшали дорогие гобелены. На столике черного дерева лежали книги, соседствуя с лютней и статуэтками из слоновой кости. Две женщины у камина вышивали напрестольную пелену, а сама мадонна возлежала на низкой кушетке: вся в белом, с волосами, убранными в золотую сеточку, на которой был прикреплен большой, величинной с фасолину, сапфир.

При его появлении она попыталась подняться, но герцог опередил ее. Быстро пересек зал, умоляя не вставать с кушетки, дабы поберечь ушибленную ногу. Пантазилия и не пыталась возражать, с улыбкой приняв прежнюю позу.

Одна из женщин поспешила принести низенькую скамеечку из чистого серебра на ножках в виде львиных лап. Герцог сел, справился о лодыжке и получил успокаивающий ответ: на следующий день, полагала мадонна, больная нога уже сможет выдержать тяжесть ее тела.

Разговор, пересыпанный намеками герцога на глубокие чувства, что разбудила в нем мадонна Эуфемия Брасси, продолжался недолго. Обычная светская беседа, обмен тонкими уколами, в котором она показала себя далеко не новичком.

Отдавая себе отчет в том, что встреча эта — не более, чем ступень в осуществлении намеченного плана, Пантазилия, однако, не могла остаться равнодушной к красоте и обаянию Борджа. Его жаркие взгляды и мелодичный голос нашли отзвук в ее душе. Когда Борджа отклонялся, девушка погрузилась в глубокую задумчивость.

Наутро герцог вновь приехал к мадонне Эуфемии, то же повторилось днем позже, и каждый раз свита ожидала его перед дворцом. Начатая герцогом игра все больше затягивала его. Он смаковал новые ощущения, ставшие доступными ему лишь теперь, когда он по своей воле сунул голову в пасть льва. Охотиться за охотниками, обманывать обманщиков — это не было для него вновь, но участие в игре женщины придавало всему происходящему особую остроту.

Явившись во дворец делла Пьеве в третий раз, герцог застал Пантазилию одну: женщин она отослала накануне его прихода. Гадая, что принесет ему новый поворот в игре, герцог упал на колени и, поднеся надушенную руку к губам, поблагодарил ее за этот знак благосклонности. Но лицо девушки посуровело. Впервые она удивила Борджа.

— Господин мой, вы не так меня поняли. Я отпустила женщин, полагая, что вы предпочтете услышать сказанное мною без свидетелей. Господин мой, я прошу вас больше не приходить ко мне.

Слова Пантазилии поразили герцога до такой степени, что он позволил чувству прорваться наружу. Но Пантазилия объяснила внезапно происшедшую в нем перемену тем, что герцог раздосадован ее ответом.

— Больше не приходите к вам! — вскричал герцог, еще более убеждая Пантазилию в ее правоте. — За что же такая немилость? На коленях прошу, у ваших ног, скажите, чем я могу загладить свою вину.

Она покачала головой и ответила с грустью в голосе:

— Вины вашей тут нет, господин мой. Поднимитесь, умоляю вас.

— Не поднимусь, пока не узнаю, в чем провинился, — герцог смотрел на Пантазилию, как смотрит на божество смиреннейший из верующих.

— За вами нет греха, господин мой. Дело в том... — она смолкла, на щеках затеплился румянец. — Я... я должна заботиться о своем честном имени. Пожалейте меня, ваша светлость. Теперь, когда ваша свита каждый день ожидает вас на площади перед моим домом, обо мне стали судачить на всех углах. Вы, должно быть, знаете, как падок на сплетни народ Ассизи.

Тут-то герцог понял, сколь дьявольски тонко плела свою сеть эта очаровательная девушка.

— И это все? — он изобразил на лице изумление. — Другой причины нет?

— А разве может быть другая причина? — Пантазилия отвела взгляд.

— Значит, все легко поправить. Теперь я буду приезжать один.

Она на секунду задумалась, затем снова покачала головой.

— Не надо, господин мой. Этим беде не помочь. Люди увидят вас входящим в дом. Можно представить себе, что они насочиняют.

Герцог вскочил, положил руку ей на плечо. Почувствовал, как она задрожала от этого прикосновения.

— Так ли это важно, что они говорят?

— Для вас — нет, господин мой. Но подумайте обо мне. Если на девичье имя ляжет тень позора... — Она не договорила.

— Но есть другой путь — через сад. Там никто меня не увидит. Дайте мне ключ от калитки, Эуфемия.

Борджа пристально наблюдал за лицом девушки. Наконец он прочел на нем то, что ожидал, отпустил ее плечо и улыбнулся про себя. Отважный воин, удачливый полководец, он же влюбленный болван, устремившийся в расставленную для него западню. Вот о чем, несомненно, торжествующе думала она, заранее уверенная в успехе своей стратегии.

— Мой господин,— голос Эуфемии дрожал.— Я... я не решаюсь.

Словесная перепалка наскучила Борджа. И мгновенно он изменил тон:

— Пусть будет так. Больше я не приду к вам.

В черных глазах девушки мелькнул страх. Но ему осталось лишь восхититься быстротой, с которой Пантазилия взяла себя в руки и овладела ситуацией.

— Мой господин, вы сердитесь на меня.— Она опустила голову и едва слышно добавила: — Я дам вам ключ.

С тем герцог и ушел, убежденный в том, что мать-земля еще не рождала столь хладнокровной и безжалостной интриганки. Возможно, он переменялся бы во мнении, если бы узнал, что после его ухода Пантазилия горько плакала, осуждая себя за жестокость, хотя вечером и написала отцу, что дела у нее идут неплохо и скоро она нанесет завершающий удар.

Солиньола, убаюканная посланиями Пантазилии и вялой осадой, спокойно выжидала. Защитникам было известно, что солдаты Кореллы возьмется под южной стеной, роя подкоп для закладки взрывчатки, но не противодействовали им, полагаясь на иной, более надежный способ победы над грозным противником.

Во второй половине следующего дня Чезаре Борджа постучался в стеклянные двери зала, где обычно принимала его Пантазилия. Она была одна и выглядела крайне смущенной оттого, что впервые принимала воздыхателя тайно. Но Борджа, чтобы усыпить ее бдительность, поначалу вел себя очень скромно.

В тот день они говорили о многом. От поэзии Аквилано перешли к творчеству Сперуло³⁷, присоединившегося к армии герцога, затем Борджа предался размышлениям вслух. Речь пошла о нем самом, о высоких целях, которые он ставил перед собой, о его роли в жизни Италии. Слушая Борджа, Пантазилия никак не могла преодолеть в себе двойственное чувство. Ее убеждали, что герцог коварен и непомерно честолюбив, что он жесток, начисто лишен совести, безжалостен как с врагами, так и с друзьями. Она же видела перед собой нежного, галантного, остроумного кавалера, который за словом в карман не лезет. И ей невольно пришло в голову, что, возможно, просто людская зависть к великим свершениям и могуществу Борджа стала причиной той ненависти, которую питали к нему его недруги.

Высокий кувшин венецианского стекла, доверху нали-

тый сладким красным вином, стоял в тот день на столе. И когда с наступлением сумерек герцог поднялся, чтобы откланяться, Пантазилия, повинуясь внезапному порыву, налила герцогу полную чашу. Чезаре подошел к столу в тот момент, когда она наполняла вторую чашу для себя и прикрыла ее рукой.

Герцог посмотрел на Пантазилию завораживающим взглядом и произнес голосом, переполненным страстью:

— Нет, нет. Одна чаша на двоих, умоляю вас, мадонна, хоть я и недостоин такого счастья. Выпейте за мое здоровье и оставьте в вине аромат ваших губ. А я выпью за ваше. И, клянусь Богом, один глоток вина из этой чаши опьянит меня настолько, что свалит с ног.

Пантазилия поупрямилась было, но воля герцога оказалась сильнее. Настаивал же он лишь потому, что хотел избежать ненужного риска в затейной им игре: мало ли что могли подмешать, если не в вино, то в чашу.

Его подозрения оказались беспочвенными. Пантазилия отпила вина и протянула ему чашу. Борджа преклонил колено, прежде чем взять ее. Затем выпил до дна, не отрывая взгляда от лица девушки.

На том они и расстались. Пантазилия долго смотрела ему вслед сквозь стеклянную дверь, пока фигура герцога не растаяла в сгущающемся сумраке. По телу Пантазилии пробежала дрожь. Она упала в кресло и снова, как днем раньше, расплакалась без видимой причины.

Немного успокоившись, Пантазилия написала письмо отцу, в котором сообщила, что развязка близка и ей хватит трех дней, чтобы спасти Солиньолу от голодной смерти в тисках осады.

Герцог пришел и на завтра, и через день. Жизнь Пантазилии вступила в полосу мучений. В отсутствие Чезаре она до мельчайших подробностей прорабатывала планы его пленения, а при нем, едва не лишаясь рассудка, презирала себя за чудовищный замысел, родившийся в ее голове.

Наконец наступил вечер Иудина деяния. Борджа появился на закате дня, как она и просила его: дополнительная предосторожность, дабы не допустить сплетен. Приняла она Чезаре в полутьме: комната освещалась лишь красноватым отсветом горящих в очаге поленьев. Он поднес ее руки к губам — холодные, как лед, и дрожащие. Впрочем, все тело Пантазилии трепетало, как лист на осеннем ветру. Борджа всмотрелся в лицо девушки, заметил, что оно осунулось, с побледневших щек начисто исчез румянец. Она избегала его взгляда, из чего можно

было заключить, что западня должна захлопнуться именно сегодня. Последнее, впрочем, не было для него неожиданностью.

— Эуфемия! — воскликнул Борджа. — Моя Эуфемия, как же вы замерзли!

От мягкого, ласкового голоса, нежного, обожающего взгляда Пантазилия задрожала еще сильнее.

— Мне... мне так холодно, — пролепетала она. — Ветер с севера.

Чезаре подошел к окнам, сопровождаемый взглядом девушки, и задернул тяжелые портьеры, отсекая остатки дневного света, проникающего в зал.

— Так будет теплее.

В тот день Борджа оделся, отдав предпочтение цветам осени — коричневому и красному. И когда он застыл на фоне темных портьер, в свете горящих поленьев, играющем на бархате его камзола и шелке чулок, Пантазилии показалось, что весь он объят огнем. Высокий, с величественной осанкой, гибкий, грациозный, воплощенная мужская привлекательность.

Борджа возвратился к девушке, увлек к кушетке и усадил рядом с собой. Свет падал теперь лишь на ее лицо.

Пантазилия подчинилась, хотя все ее существо протестовало против такого соседства в столь опасном полумраке.

— Я... я прикажу принести свечи, — прошептала она, но даже не попыталась подняться или высвободить руку, которую сжимал Чезаре.

— Не надо, — возразил герцог. — Света достаточно, и я долго не задержусь.

— Почему? — выдохнула Пантазилия, и сердце ее учащенно забилося.

— Я заглянул к вам лишь на минуту, и так грущу оттого, что сегодняшней вечер с вами — последний для меня.

Борджа заметил промелькнувшее в ее глазах беспокойство.

— Но почему?

— Я — раб суровой необходимости. Меня ждет важное дело: завтра на рассвете мы начнем решающий штурм и возьмем Солиньолю.

Это было новостью для Пантазилии. Выходило, что она едва не опоздала к осуществлению своего плана.

— Вы... полагаете, что возьмете город? — теперь ей хотелось узнать как можно больше.

Герцог ответил ей улыбкой уверенного в себе человека:

— Судите сами. Корелла обнаружил слабое место — на холме, у южной стены. Все это время мы вели подкоп, чтобы заложить мощную мину. Поначалу нам активно мешали, но в последние дни лишь вели за нами наблюдение. Как будто защитников Солиньолы убавюкала надежда на чудесное избавление. Это нам только на руку. Приготовления закончены, и на рассвете мы подорвем стену и ворвемся в город.

— Значит, я вас больше не увижу... А в наших будущих походах вспомните ли вы бедную Эуфемию Брасси, в одиночестве коротающую дни в Сполето?

Герцог наклонился вперед и заглянул в ее глаза так глубоко, что Пантазилия испугалась, не откроется ли ему истина. Потом он поднялся, отступил на несколько шагов и замер в красных отблесках пылающих поленьев. За окнами скрипнул камешек. Кто-то ходил по саду — несомненно, люди Пантазилии.

Герцог постоял, словно предаваясь размышлениям, она наблюдала за ним, и он читал в ее лице нечто такое, чему не находил объяснения. Правая рука ее то поднималась к шее, то опускалась на колени, выдавая душевное беспокойство.

Герцог вновь приблизился к девушке.

— Хотите, чтобы я вернулся к вам, моя Эуфемия? — голос его был полон страсти. — Так придите ко мне.

И он протянул ей навстречу руки.

Пантазилия подняла глаза, и его взгляд опалил ее огнем. По щекам покатились слезы.

— Мой господин, мой господин! — всхлипывала она.

Медленно встала, покачнулась, охваченная неодолимым желанием успокоиться в объятиях Чезаре и одновременно презрением к себе за творимое предательство. Когда-то ей казалось, что она поступает благородно, служит правому делу. Теперь же, когда настал решающий миг, ей открылась вся низость ее замысла.

— Эуфемия, приди ко мне! — звал ее герцог.

— О, нет, нет! — и она закрыла руками пылающее лицо.

Пальцы Борджа коснулись ее плеч.

— Эуфемия! — никто не смог бы устоять перед этим голосом.

— Скажите... скажите, что любите меня, — взмолилась несчастная, цепляясь за последнюю соломинку самоуважения, ибо при всех их встречах, безмерно восторгаясь ее достоинствами, герцог ни единым словом не намекал о любви.

Он тихо рассмеялся.

— С такой тяжелой артиллерией любой возьмет самую неприступную крепость. Я же прошу о добровольной капитуляции.

Руки его сомкнулись за спиной Пантазилии. Она с рыданием упала ему на грудь, желая и не желая того, раздираемая счастьем и ужасом. Губы их встретились. Рыдания стихли. Объятыя герцога воспаляли Пантазилию. Так и стояли они, тесно прижавшись друг к другу, отбрасывая гигантскую тень на стену и потолок.

Наконец он расцепил руки и мягко оторвал ее от себя.

— А теперь прощайте. Я оставляю здесь свою душу. А тело мое должно быть в другом месте.

И тут она вспомнила о солдатах, поджидавших герцога в саду. Переполнявший ее ужас прорвался наружу, словно бурный поток, хлынувший через запруды.

— Нет, нет! — повторяла она осипшим голосом, припав к его груди.

— Но почему? — улыбаясь, спросил герцог.

Этот вопрос привел Пантазилию в чувство.

— Мой господин, еще не время.

Она отдавала себе отчет в том, что означает эта фраза. Но шла на все, лишь бы удержать его в этой комнате, не пустить в сад, где затаились ее люди. Их надо отослать. Она должна признаться во всем. Предупредить, чтобы он сумел спастись. Сбивчивые мысли проносились в ее голове, сменяя друг друга.

— Я не знаю, когда снова увижу вас. Вы уедете на заре, Цезаре, подарите мне час, всего один час.

Пантазилия опустила на кушетку.

— Присядьте со мной. Я... я должна кое-что сказать вам, прежде чем вы уедете.

Повинуясь, он сел рядом. Левая рука легла на плечи Пантазилии.

— Говорите, милая моя, или молчите, если вам хочется. Мне достаточно того, что вы попросили меня остаться. Я останусь, пусть даже завтра над Солиньолой не взвывает мой флаг.

В объятьях герцога храбрость снова покинула Пантазилию, и те слова, которые хотела произнести, улетучились. Сладкая истома разлилась по ее телу.

Текли минуты. Поленья обратились в угли, подернулись пеплом. Комната погружалась во мрак, окутывавший кушетку, на которой сидели Цезаре и Пантазилия...

Герцог со вздохом поднялся, подошел к камину.

— Час прошел, даже больше.

Из темноты, с кушетки ему ответил другой вздох.

— Не покидай меня. Дай мне еще минуту.

Герцог наклонился к камину, разворошил кочергой уголья, сдвинул на них недогоревшие поленья. Взвились язычки пламени. Огонь осветил Пантазилию, сидевшую на кушетке, положив подбородок на ладони. Лицо ее белело в окружающей тьме.

— Ты меня любишь? — воскликнула она. — Скажи, что любишь меня, Чезаре. Ты еще не говорил мне этого.

— Нужны ли слова?

В беззаботности его голоса она услышала ответ и, закрыв лицо руками, зарыдала.

— О, какая же я подлая! Подлая!

— Что ты такое говоришь, радость моя?

— Тебе пора узнать все, — Пантазилия совладала с нервами. — Совсем недавно ты слышал в саду шаги. То были нанятые мной убийцы, ожидающие тебя.

Борджа не пошевелился, продолжая смотреть на нее сверху вниз, и в свете пламени Пантазилия увидела, что он улыбается. Она истолковала улыбку по-своему: он доверяет ей, как самому себе, не верит ни единому ее слову, полагая, что это шутка.

— Это правда, — воскликнула Пантазилия, заламывая руки. — Я приехала сюда, чтобы заманить тебя в ловушку, похитить и держать заложником, пока не будет гарантирована безопасность Солиньо.

Чезаре покачал головой, продолжая улыбаться.

— Тогда зачем ты говоришь мне об этом?

— Зачем? Зачем? — глаза ее широко раскрылись. — Разве ты не понимаешь? Потому что я полюбила тебя, Чезаре, и не могу сделать то, ради чего приехала.

В нем по-прежнему ничего не изменилось, разве что улыбка стала добрее. Она ждала вспышки ярости, презрения, не удивилась бы, выхвати он кинжал, чтобы наказать ее за гнусную интригу. Но герцог лишь улыбался.

Потом взял с каминной доски вощенный фитиль, поднес его кончик к пламени.

— Не надо света, — воскликнула Пантазилия и, видя, что он не подчиняется, опять закрыла ладонями пунцовое лицо.

Герцог же зажег все свечи в двух канделябрах, стоявших на столе. Молча, все с той же улыбкой, посмотрел на

Пантазилию и, набросив на себя плащ, шагнул к ведущей в сад двери.

Он уходит, со всей отчетливостью стало ясно Пантазилии, уходит без слова упрека, выражая своим молчанием полное презрение к ней.

— Тебе нечего сказать? — вскричала она.

— Нечего, — герцог взялся одной рукой за портьеру.

Тяжесть его презрения была невыносима.

— Мои люди еще в саду, — с угрозой напомнила она ему.

Ответ Чезаре поразил ее, как удар молнии:

— Мои тоже, Пантазилия дельи Сперанцони.

Смертельная бледность разлилась по ее лицу, только что залитому краской сначала стыда, потом — гнева.

— Ты знал? — выдохнула она.

— С того мгновения, как встретил тебя, — ответил Борджа.

— Тогда... тогда... почему?

У нее перехватило дыхание, но герцог и так понял ее вопрос.

— Жажда власти. Я подумал, удастся ли мне, покорившему дюжину государств, подчинить себе дочь графа Гвидо? Я решил выиграть поединок с тобой и твоими женскими чарами. Твое признание — свидетельство того, что я завоевал твои сердце и душу, точно так же, как завоевывал земли и города.

Тон его изменился, стал ровным, бесстрастным.

— В Солиньоле настолько уверовали в твой успех, что прекратили всякое сопротивление и дали нам возможность без помех заложить мину. Так что ты помогла мне.

Герцог раздвинул портьеры и открыл стеклянные двери.

Пантазилия с трудом поднялась, прижимая руки к груди.

— А я, мой господин, какую участь уготовили вы мне?

Борджа оглядел ее, залитую золотистым светом свечей.

— Мадонна, вам я оставляю воспоминания об этом часе.

Герцог распахнул двери, поднес к губам серебряный свисток и пронзительно свистнул.

Мгновенно сад ожил. Притаившиеся там люди стали собираться у террасы. Один из них подошел к Борджа.

— Амедео, — распорядился он, — арестуй всех, кого найдешь под кустами.

Герцог еще раз глянул на Пантазилию, сжавшуюся на кушетке, и шагнул в темноту ночи.

На заре мина, заложенная под стеной Солиньолы, взорвалась, и в город ворвались солдаты. В замке Сперанцони воцарился новый хозяин — герцог Чезаре Борджа.

ПАСКВИЛЬ

Струны лютни вибрировали под пальцами светловолосого юноши в зелено-золотом одеянии. Его звонкий голос выводил сонеты мессера Франческо Петрарки³⁸. И, вдохновленный словами поэта, кардинал Фарнезе³⁹, обаятельный сластолюбец, склонившись к принцессе Скуиллачи, страстно вздыхал и шептал признания, предназначенные лишь для ее ушей.

Происходило все это в просторной приемной Ватикана, Папской зале, нависающей полукругом колоннады над прекрасными садами Бельведера. Потолок залы был расписан изумительной красоты фресками, изображающими заодно с деяниями пап фигуры языческих богов. Там были Юпитер, мечущий молнии, Феб на солнечной колеснице, Венера с голубями, Диана, окруженная нимфами, Церера среди колосьев пшеницы, Меркурий в шапочке с крыльями, Марс на поле битвы. Между ними красовались знаки зодиака и символы времен года.

Уже наступила осень, и прохладные ветры начали разгонять дурные слухи, окутавшие римскую равнину в период нахождения Солнца под знаком Льва.

Придворные, мужчины и женщины, радовали глаз многоцветьем нарядов, среди них мелькали прелаты в лиловых сутанах, военные в серых панцирях, чиновники и послы в черных одеяниях.

В дальнем конце приемного покоя, на невысоком подиуме восседал импозантный Родриго Борджа, правитель мира, более известный под именем папы Александра VI, в белоснежной сутане и белой же тиаре на горделиво поднятой голове. Хотя ему шел семьдесят второй год, Родриго не жаловался на здоровье, и мог дать фору намного более молодым мужчинам. Черные испанские глаза по-прежнему горели огнем, взгляд излучал энергию, голос звенел, как в юности.

Рядом с ним, на стульях, куда церемониймейстер собственноручно положил расшитые золотом подушки, сидели прелестная златокудрая Лукреция Борджа и не уступающая ей ни очарованием, ни цветом волос Джулия Фарнезе, прозванная современниками «Красотка Джулия».

Лукреция, в корсаже, украшенном множеством драгоценных камней, наблюдала за толпящимися внизу людьми

и слушала юношу, лениво обмахиваясь веером из страусовых перьев. Пальцы ее искрились бриллиантами. Разведшаяся с одним мужем и похоронившая другого, она в двадцать один год сохраняла девическое обаяние.

В углу залы, у правого края подиума, ее брат Жофре, принц Скуиллаче, стройный бледнолицый молодой человек с насупленными бровями, кусая губы, наблюдал, как его жена, уроженка Арагона, бесстыдно кокетничает с кардиналом Фарнезе.

Донья Санча привлекала мужчин, несмотря на свою желтовато-бледную кожу, цвет которой еще более подчеркивали рыжие, крашенные хной волосы. Пышнотелая, с полными алыми губами, большими карими, всегда чуть прикрытыми веками глазами, она словно излучала порок, вызывая у мужа жгучую ревность.

Но нам до этого дела мало. Рассказанное выше всего лишь фон для другой трагикомедии ревности, разыгравшейся в тот день в Папской зале.

Прислонившись к одной из колонн, Бельтраме Северино, дворянин из Неаполя, делал вид, что с интересом разглядывает собравшееся в приемной светское общество, на самом же деле вслушивался в беседу парочки, уединившейся на нависшем над садами балконе.

Мужчина, светловолосый Анджело д'Асти, родом из Ломбардии, приехал в Рим в поисках денег и славы и получил место секретаря у кардинала Риарио Сфорца. Он отличался живым умом, интересовался науками, писал стихи, и кардинал, жаждавший прослыть меценатом, души в нем не чаял.

Разумеется, не любовь кардинала к стихам Анджело занимала сейчас мысли неаполитанского дворянина. Страстному неаполитанцу, сопернику более удачливого д'Асти, не давал покоя интерес, который проявляла к тем же стихам, да и к их автору, Лавиния Фрегози. Ибо Анджело столь стремительно прокладывал путь к сердцу Лавинии, что Бельтраме мог бы избавить себя от многих неприятных ощущений, раз и навсегда признав свое поражение.

Вот и теперь, подстрекаемый ревностью, прижавшись к колонне и напрягая слух, он сумел уловить следующее: «...Завтра в моем саду... днем... за час до молитвы посвятой Богородице...»

Остальное Северино не расслышал, но и этих слов хватило ему, чтобы заключить, что Лавиния назначает свидание этому ломбардскому рифмоплету.

Глаза Бельтраме сощурились. Если мессер Анджело полагает, что на следующий день, за час до молитвы пресвятой Богородице, ему предстоит наслаждаться обществом несравненной Лавинии, то его ждет жестокое разочарование. Он позаботится об этом. Бельтраме относился к разряду кавалеров, не позволяющих соперникам вкушать то, что недоступно им самим. Определение «собака на сене» как нельзя лучше характеризовало мессера Северино.

Песня подошла к концу. Юношу наградили аплодисментами. Парочка покинула балкон и направилась к колоннаде, мимо неаполитанца. Последний попытался приветствовать Лавинию улыбкой, одновременно бросив суровый взгляд на Анджело, но потерпел неудачу и от этого еще больше разозлился. Однако злость его не успела прорваться наружу, ибо чинное спокойствие приемной нарушило кланье шпор по мраморному полу. Люди расступились в стороны, давая пришедшему дорогу к подиуму. Установилась настороженная тишина.

Бельтраме повернулся, вытянул шею. По залу, не глядя по сторонам и не обращая внимания на многочисленные поклоны, шел герцог Валентино. Одетый в черное, в сапогах, при оружии, он вышагивал по приемному покою, как по площади. Лицо его было бледным, в глазах светилась ярость, брови нахмурены. В правой руке герцог держал лист бумаги.

Приблизившись к подиуму, Чезаре Борджа преклонил колено перед папой, который с явным удивлением наблюдал за столь бурным проявлением чувств своего сына.

— Мы тебя ждали,— первым заговорил Родриго Борджа.— Но не таким.

— Мне пришлось задержаться, ваше святейшество,— Чезаре поднялся.— Памфлетисты опять принялись за старое. Я-то полагал, что лишил последнего из этих паскудников языка и правой руки, чтобы он уже не смог ни произнести, ни написать всей этой грязи. Но у него нашелся последователь. На этот раз поэт,— он пренебрежительно фыркнул.— А за ним появятся новые, в этом можно не сомневаться, если мы не накажем его, как должно.

Он протянул папе лист.

— Вот этот листок прилепили к статуе Паскуино⁴⁰. Пол-Рима увидело его и вдоволь насмеялось, прежде чем

мне положили о нем, и я послал Кореллу сорвать этот мерзкий пасквиль. Прочтите, ваше святейшество.

Александр взял бумагу. В отличие от сына никаких чувств не отразилось на его холеной физиономии. Несколько секунд она оставалась бесстрастной, а потом губы папы разошлись в улыбке.

— Чему вы улыбаетесь, ваше святейшество? — сердитым тоном, каковой в отношении отца позволял себе только он, полюбобитствовал Чезаре.

Тут Александр громко рассмеялся.

— А чего ты так рассердился? — он протянул лист Лукреции.

Но не успели ее пальчики коснуться бумаги, как Чезаре выхватил лист, вызвав ее недоуменный взгляд.

— Клянусь Богом, нет. И так уже посмеялись, — и он сурово глянул на отца.

Чезаре надеялся на сочувствие, но старшего Борджа пасквиль, похоже, лишь позабавил.

— Да перестань ты сердиться, — попытался успокоить сына Родриго. — Стишки остроумные, без привычной похабщины, да и не так уж оскорбительны.

— Мне понятно ваше безразличие. Речь-то идет не о вас, ваше святейшество.

— Фи! — папа развел руками. — А если бы и обо мне? Стал бы я обращать внимания на жалкие писульки. Сын мой, у великих всегда полно завистников. Такова цена высокого положения в этом мире. Возблагодари Бога, что его заботами ты у нас далеко не последний человек. Иначе о тебе не писалось бы ни слова. Что же касается тех червей, что марают бумагу... Если их памфлеты остроумны, прости их, если глупы — не замечай.

— Если вам того хочется, терпите эту дрянь, ваше святейшество. У вас воистину ангельское терпение. Что же касается меня, то я пресеку эту страсть к памфлетам. Я добьюсь того, что эти мерзкие писаки подавятся грязью, которую льют на меня. Если я найду того, кто написал эти строки, клянусь Богом, — Чезаре возвысил голос, — я повешу его, будь он хоть принцем.

Папа покачал головой. Добродушно улыбнулся.

— Будем надеяться, что тебе это не удастся. Этот поэт полагает большие надежды.

— Подавал, ваше святейшество. Но теперь ему остается надеяться лишь на быструю смерть на виселице.

Улыбка папы стала шире.

— Чезаре, в отношении этих писак тебе следует брать пример с меня.

— Так я и сделаю. Я отдал приказ начать розыски этого рифмоплета. Когда его приведут ко мне, я найду способ выразить свое презрение к его творчеству. С этим безобразием пора покончить.

Чезаре снова преклонил колено, поцеловал перстень на протянутой руке папы и удалился, белый от злости.

— Похоже, тебе немного не по себе, Анджело,— прошептал Бельтраме на ухо сопернику.

Анджело повернулся к нему. Он действительно слегка побледнел, слушая гневные тирады Чезаре, чем укрепил Бельтраме в мысли, что именно д'Асти является автором сатирических строк, разъяривших младшего Борджа — все знали об отношении поэта к семейству Александра VI. Подозрение это, порожденное желанием любым путем разделаться с тем, кто преградил ему путь к сердцу Лавинии, основывалось и на известной склонности Анджело к сатире.

Впрочем, миланец и не мог иначе относиться как ко всем Борджа в целом, так и к Чезаре в частности, тем более что кардинал Сфорца-Риарио, у которого он служил и чей род в немалой степени претерпел от Борджа, едва ли питал почтение к герцогу. И действительно, плодовитый Анджело среди тысяч строчек, восхвалявших Лавинию, успел черкнуть те несколько, которые высмеяли, и довольно-таки удачно, затушеванного в сталь и кожу покорителя Италии.

Последняя фраза Бельтраме встревожила Анджело. Он подумал было, что подозрения неаполитанца строятся не на логических выводах, а на какой-то улике, попавшей в руки его соперника. Однако тут же отогнал эту пугающую мысль и попытался объяснить свою внезапную бледность.

— Да, ты прав,— признал он.— В присутствии герцога Валентино я всегда чувствую себя не в своей тарелке. Так он на меня действует. Наверное, врожденная антипатия. Ты никогда не испытывал ничего подобного, Бельтраме?

Тот недоверчиво хмыкнул.

— Нет. Наверное, потому, что у меня чистая совесть.

— О, совесть святого, я в этом уверен, Бельтраме,— согласился Анджело и, заметив, что Лавиния за это время

успела отойти к своему брату, повернулся, чтобы последовать за ней.

Марко Фрегози был его другом — таким же, как до недавней поры и Бельтраме. До того, как оба они стали искать благосклонности Лавинии, Анджело и Бельтраме всюду появлялись вместе, неразлучные, словно Орест и Пилад⁴¹. Теперь же огонь их дружбы обратился в пепел, о чем Анджело искренне сожалел. Он пытался возродить былое, но Бельтраме с каждым днем выказывал к нему все большую враждебность, и теперь Анджело оставалось только остерегаться человека, которого совсем недавно он любил всем сердцем. А Бельтраме и не пытался скрывать свою ненависть к более удачливому Анджело.

На следующий день к вечеру Лавиния и два ее кавалера стояли на изумрудной лужайке в саду над древним Тибром.

Неожиданное появление Бельтраме не на шутку рассердило Анджело. Он знал, что те же чувства испытывает и Лавиния — ведь они оба жаждали встречи наедине. Ему, однако, не оставалось ничего иного, как спрятать свое раздражение за улыбкой.

Юная Лавиния облокотилась белоснежной ручкой на громадный замшелый валун и чуть улыбалась, зажав в острых зубках стебелек кроваво-красной розы, одной из немногих, что распустились в это время года. Полуопущенные веки с длинными ресницами прикрывали большие черные глаза, иногда одаривавшие взглядом неаполитанца или ломбардца.

Кавалеры же, негодуя один на другого, состязались в лстивых похвалах девушке, не подозревая, какой бедой грозит им эта алая роза, не догадываясь, что одному из них придется заплатить жизнью за обладание ею.

Бельтраме не забыл о вчерашних подозрениях. Рассчитывая сбить спесь с Анджело, который своими шутками раз за разом вызывал смех Лавинии — а в этом Бельтраме тягаться с ним не мог, — он вновь упомянул о пасквиле, столь разъярившем Цезаре Борджа.

Но Анджело добродушно рассмеялся.

— Всегда он такой, — обратился миланец к Лавинии, словно извиняясь за Бельтраме. — Череп в пещере отшельника. Напоминание о том, что надобно поскорее забыть.

— Я понимаю, почему тебе этого хочется,— мрачно отвечивал Бельтраме.

— Если тебе ведомы мои желания, ты мог бы и уважить их.

И тут Лавиния, чтобы переменить тему разговора, подплеку которого не понимала, хотя и чувствовала в словах Бельтраме скрытую угрозу, игриво погладила Анджело розой по щеке и сказала, что должна наказать его за неносную дерзость.

— Наказание это скорее смахивает на поощрение.

Руки его сжали бутон, а глаза улыбались возлюбленной. Вел он себя так, словно соперник не стоял в двух шагах.

Бельтраме густо покраснел и насупился.

— Вы сломаете цветок! — воскликнула Лавиния. В ее тоне и взгляде было столько беспокойства, словно речь шла не о розе, а о сердце Анджело.

— В вас столько жалости к цветку, мадонна, ко мне же — ни капли.

— Тогда, из жалости, я отдаю его вам,— и она отпустила стебелек, оставив розу в руках Анджело.

— Из жалости ко мне или к розе? — страстно спросил тот.

— К вам обоим,— рассмеялась девушка и скромно потупила взор.

— Ах, мадонна,— вмешался Бельтраме,— не отказывайте ему в жалости. Я не возражаю. Скоро нам всем придется пожалеть его.

Лавиния с тревогой глянула в суровое лицо неаполитанца и снова рассмеялась.

— О, мессер Бельтраме, да вы, я вижу, сердитесь. Из-за розы? Их еще много в этом саду.

— Да, в саду их много. Но среди них нет той, которая мне понравилась и которую я только что молил вас подарить мне. Она безвозвратно погибла.

— Зачем винить меня за неуклюжесть мессера Анджело? — Лавиния старалась обратить все в шутку.— Вы свидетель, я не давала ему цветок. Он схватил его без моего дозволения, да еще и столь грубо стиснул.

Бельтраме улыбнулся, как улыбается проигравший. Душа его кипела от гнева, но он счел необходимым скрыть свои истинные чувства, решив, что час его торжества еще придет.

Удобный момент наступил час спустя, когда оба они, покинув сад Лавинии, в сгущающихся сумерках бок о бок шагали по кварталу, примыкавшему к мосту. Глаза Анджело сияли, он сочинял новые стихи, которые намеревался рано утром отправить Лавинии.

Молчание нарушил хриплый голос Бельтраме:

— Наслаждаешься розой, Анджело?

— Должно быть, так пахнет в раю, — Анджело поднес розу к носу, глубоко втянул воздух.

— Мне она нравится.

— Кому — нет? — улыбнулся Анджело. И процитировал строки Франческо Петрарки, переложив их на свой лад. О руке Купидона, раскрывшей грудь и посадившей в сердце алую розу.

— У поэта сказано «зеленый лавр», — поправил его Бельтраме.

— У Петрарки, да. Но я...

Рука неаполитанца тяжело опустилась на плечо Анджело.

— С твоего позволения, Анджело, мы будем придерживаться слов поэта, — и он рассмеялся неприятным, злым смехом. Улыбка растаяла на лице Анджело. — Я стану Купидоном, — продолжил Бельтраме, — а вот и мой лавр, — он похлопал по рукояти меча. — Алую розу мы тебе устроим, будь уверен.

Ужас обуял Анджело.

— Бельтраме, я же любил тебя!

— За дворцом Браски зеленая лужайка. Такая же ровная, как в саду монны Лавинии. Лучшего места для смертельного поединка не найти. Ты не возражаешь?

Волна ярости поднялась в Анджело. Человек, которого он считал другом, теперь желал его смерти из-за одной лишь ревности, причем смерть эта никоим образом не помогла бы ему.

— Раз ты настаиваешь, не буду спорить. Но, Бельтраме...

— Пошли, — прервал его неаполитанец, предполагая, что и так знает все остальное. Потом вновь рассмеялся: Тебя называли Анджело*. И монна Лавиния видит в тебе ангела. Так что пора тебе отправляться в рай.

* Анджело — ангел (итал.).

— Если я — ангел, то ты, несомненно, дьявол, и, будь уверен, ужинать сегодня тебе придется в аду,— осадил его Андже́ло.

Однако вскоре настроение поэта переменялось. Ярость утасла, он содрогался от одной мысли о предстоящем и предпринял попытку изменить ход событий.

— Бельтраме, чем вызвана столь внезапная ссора?

— Монна Лавиния любит тебя. Об этом мне сказали сегодня ее глаза. Я люблю Лавинию. Нужны ли дальнейшие пояснения?

— Нет, разумеется,— глаза поэта мечтательно затуманились, на губах появилась загадочная улыбка.— Если тебе все ясно, то и мне, пожалуй, тоже. Благодарю тебя, Бельтраме.

— За что? — подозрительно спросил тот.

— За то, что увидел, о чем сказал мне. Мне не доставало уверенности. Теперь я умру с улыбкой, если того пожелает господь Бог. А ты не ведаешь страха, Бельтраме?

— Страх? — фыркнул смуглолицый неаполитанец.

— Утверждают, что боги благоволят к тому, кто любим женщиной.

— Что ж, они с радостью примут тебя в свои объятия.

Они пересекли улицу, обогнули дворец Браски, пошли по аллее, где сумерки уже обратились в темноту. А в поэтической душе Андже́ло тем временем уже зародилась первая строчка сонета об умирающем возлюбленном. Он произнес ее вслух, чтобы оценить ритм и вдохновиться на продолжение.

— Что ты сказал? — обернулся Бельтраме, опережавший его на пару шагов.

— Я сочиняю стихи,— пробормотал в ответ Андже́ло.— О смерти. Не подскажешь ли рифму к слову «смерть»?

— Потерпи немного, я познакомлю тебя с ней самой,— пробурчал Бельтраме.— Мы уже пришли.

И действительно, за цепочкой акаций простиралась светлая поляна. Покой и тишина царили на ней. Деревья стояли плотной стеной, заслоняя от взоров посторонних то, что для них не предназначалось.

Неожиданно в потемневшем небе загремели колокола, призывавшие к вечерней молитве пресвятой Богородице. Оба молодых человека замерли на месте, обнажили голо-

вы, и даже тот, кто думал лишь об убийстве, трижды помолился Деве Марии. Колокольный звон стих.

— Пора.

Бельтраме бросил шляпу на траву, за ней последовал камзол.

Анджело вздрогнул, возвратившись из мира грез к действительности. Поначалу он замешкался, не зная, что делать с розой: расставаться с ней не хотелось, но ему требовались обе руки, одна — для меча, другая — для кинжала. И тут он нашел красивое решение, зажав стебелек в зубах. Если ему суждено умереть в этот час, он до последнего дыхания не расстанется со своей возлюбленной.

Скинув шляпу и камзол, Анджело вынул меч и кинжал. Бельтраме уже ожидал его. Не обладая поэтическим воображением, он расценил зажатую в зубах розу как насмешку и почернел от ярости. Бросив короткий взгляд по сторонам и убедившись, что вокруг никого нет, Бельтраме ощерился и ринулся на Анджело.

Бельтраме знал толк в обращении с мечом и кинжалом и полагал, что без труда справится с поэтом, более привыкшим держать в руке гусиное перо. Впрочем, его уверенность в победе основывалась еще на предпринятой им мере предосторожности, о чем читатель узнает ниже.

Меч и кинжал встретились с мечом и кинжалом. Разошлись, встретились вновь, высекли искры из стали, застыли, опять разошлись. Пять минут сражались соперники. Пот выступил на лбу Бельтраме, и дважды он возблагодарил небеса, не покинувшие его в тяжелую минуту. Ибо оставалось надеяться лишь на них да на секретное оружие, потому что обычным этот писака владел на удивление ловко.

На мгновение они отпрянули друг от друга, радуясь короткой передышке, чтобы восстановить дыхание. Когда сошлись вновь, Анджело окончательно убедился, что превосходит соперника в боевом искусстве. Чуть ли не дюжину раз он уже мог покончить с Бельтраме, но ему не хотелось убивать того, кто недавно был его другом. Стремился Анджело к иному — поразить неаполитанца в правую руку и тем самым прервать поединок. А пока Бельтраме будет выздоравливать, он найдет способ излечить его от ревности.

Внезапно острие меча Бельтраме устремилось к шее Анджело. С неимоверным трудом тому удалось отвести угрозу. В нем вновь пробудилась ярость, замешанная на инс-

тинкте самосохранения. Если он вскорости не покончит с Бельтраме, за великодушие ему придется расплатиться жизнью. Физически Бельтраме был покрепче и в отличие от Анджело не выказывал признаков усталости. Раз добраться до правой руки возможности нет, придется бить в грудь, решил Анджело, справа, повыше легкого, чтобы причинить наименьший вред.

Он парировал резкий выпад и тут же нанес удар, который показал ему знаменитый Костанцо из Милана, учивший его владеть холодным оружием.

Отразить удар Бельтраме, естественно, не удалось, но меч, вместо того, чтобы пронзить мягкую плоть, ударился во что-то твердое. У Анджело онемела рука, а лезвие сломалось чуть ли не у основания.

Бельтраме рассмеялся, и тут Анджело все понял. Неаполитанец был в кольчуге — тогда они вошли в моду — очень тонкой и исключительно прочной, способной выдерживать любой удар меча или кинжала.

Поэт передвинул розу в уголок рта, чтобы иметь возможность говорить. В его положении оставалось только защищаться кинжалом и обломком меча, ибо Бельтраме обрушился на него, как вихрь.

— Трус! — прокричал Анджело. — Жалкий трус! Убийца! О... Боже!

Меч Бельтраме достиг цели. Секунду Анджело постоял, широко раскрыв глаза, словно не веря случившемуся, а затем рухнул лицом вниз на зеленую траву, все еще сжимая в зубах стебелек алой розы. Бельтраме застыл над ним с жестокой улыбкой на губах.

Затем убийца присел на корточки и взял Анджело за плечо, чтобы перевернуть его. Он убил поэта из-за розы. И теперь имел полное право взять ее. Но тут до его ушей донесли из-за деревьев, от дворца Браски, какие-то звуки.

— Туда, туда! — крикнул кто-то, и по камням загремели тяжелые шаги.

Бельтраме разом смекнул, что произошло. Случайно прохожий услышал звон мечей и кликнул стражу.

Он метнулся к лежащей на траве одежде, схватил камзол, пояс с ножами. Одеваться времени не было, поэтому он сунул их под мышку, нахлобучил на голову шляпу и бросился в темноту, надеясь, что она укроет его от преследователей.

Выбежав на темную аллею, Бельтраме вытер меч, су-

нул его в ножны, надел камзол, перетянулся поясом, поправил шляпу и, не торопясь, словно на прогулке, двинулся ко дворцу Браски.

У выхода из аллеи он натолкнулся на трех стражников. Поднятый фонарь осветил его аристократический наряд. Офицер выступил вперед.

— Откуда вы идете, мессер? — поинтересовался он.

— От площади Навона, — без малейшего колебания ответил Бельтраме.

— И добрались сюда по этой аллее? — офицер указал в темноту.

— Да. Именно по ней.

Один из стражников рассмеялся. Офицер подошел поближе, осветил лицо Бельтраме.

— Эта аллея, мессер, кончается тупиком. Еще раз спрашиваю, откуда вы идете?

После секундного замешательства Бельтраме сам перешел в наступление. С какой стати его допрашивают? Разве дворянин не имеет права гулять там, где пожелает? Да известно ли им, с кем они имеют дело? Он — мессер Бельтраме Северино.

В тоне офицера прибавилось вежливости, но твердости не стало меньше.

— Неподалеку убили человека. Я советую вам отвечать на мои вопросы, если только вы не хотите, чтобы их задали вам в другом месте.

Бельтраме предложил офицеру катиться ко всем чертям. Но по приказу последнего стражники схватили неаполитанца за руки, а офицер вытащил меч и кинжал и внимательно осмотрел их. Бельтраме не на шутку перепугался, ибо вытирал их в темноте.

И действительно, офицер нашел на мече подозрительное пятнышко, коснулся его пальцем, поднес руку к фонарю.

— Свежая кровь, — и добавил, обращаясь к стражникам: — Уведите его.

И Бельтраме увели, чтобы он мог объяснить суду, каким ветром занесло его в темную аллею у дворца Браски.

Так уж вышло, что отверстие, проделанное мечом Бельтраме в теле Анджело д'Асти, оказалось недостаточно широким, чтобы через него отлетела такая большая душа.

Да еще, к его счастью, стражники, несущие Андже́ло с поля боя, столкнулись с Марко Фрегози, братом мадонны Лавинии и близким другом раненого.

Коротко расспросив стражников и убедившись, что Андже́ло еще дышит, Марко распорядился отнести его в свою виллу на Банки-Векки, откуда час с небольшим тому назад он ушел вместе с Бельтраме.

Они выхаживали Андже́ло с нежностью и любовью. Особенно Лавиния. Да и могла ли она вести себя иначе? Ведь поэта принесли с красной розой, зажатой в зубах, и она узнала дар своей любви. Роза эта смела последние преграды на пути поэта к сердцу Лавинии, если таковые еще оставались к тому времени.

На девятый день Андже́ло открыл глаза. Опасность миновала, его ждали жизнь и счастье. Когда сказали, что он находится на вилле Фрегози, известие это подействовало на него не менее благотворно, чем старания ухаживавших за ним друзей.

Днем позже Андже́ло увидел Лавинию. Ее привел Марко. Обнаружив, что Андже́ло в сознании, она залила слезами радости его подушку, подобно тому, как все прошедшие ночи заливала свою слезами скорби в тревоги за судьбу возлюбленного.

При ней Марко расспросил Андже́ло в подробностях о случившемся и высказал подозрение, что виновник всему — Бельтраме.

— Да, — выдохнул Андже́ло. — Меня ранил Бельтраме... Трус! Он надел стальную кольчугу, и поединок, к которому он принудил меня, мог закончиться лишь моей смертью.

— Но что послужило причиной ссоры? — не унимался Марко.

— Мы дрались из-за розы. Вот этой, — Андже́ло поднял было руку ко рту, но вспомнил, что зубы его давно уже не сжимают стебелек, улыбнулся и бессильно уронил руку на покрывало.

— Я сохранила ее для вас, — сквозь слезы прошептала Лавиния.

В ответ глаза поэта радостно блеснули, на щеках затеплился румянец.

— Вы дрались из-за розы? — Марко не верил своим ушам. — Ничего не понимаю.

— И не поймешь, — улыбнулся Андже́ло. — То была райская роза.

Лицо Марко оставалось серьезным.

— Лавиния, — он поднялся, — думаю, нам пора дать ему отдохнуть. Он снова заговаривается.

— Нет, нет, — рассмеялся Анджело, всем своим видом показывая, что он в здравом уме. — Лучше скажи мне, что с Бельтраме?

— Он мертв.

— Мертв? — Несмотря на перенесенные по вине покойного страдания, в голосе Анджело послышалась печаль. — Как это случилось?

— Во исполнение воли Чезаре Борджа Бельтраме повесили.

— И я полагаю, он этого заслуживал, Анджело, — вмешалась Лавиния. — Хотя бы за то, что он пытался убить тебя, не говоря о прочих его преступлениях.

— А что он еще натворил?

— Вы помните, что произошло в тот день в Ватикане?

— Да, — кивнул заинтригованный Анджело.

— Помните, как в приемную влетел рассерженный герцог Валентино и, рассказав о стишках, что прилепили к статуе Паскуино, добавил, что стража ищет уже их автора.

— Да, да. Но при чем тут Бельтраме?

— Стихи написал он, — ответил Марко.

— Бельтраме?

— Это доказано. А выяснилось все следующим образом. Стража схватила Бельтраме неподалеку от дворца Браски после того, как они нашли тебя. На его мече обнаружили свежую кровь, поэтому ему пришлось предстать перед трибуналом. Как того требует заведенный порядок, Бельтраме первым делом обыскали. И в кармане камзола нашли оригинал тех самых стихов, что разъярили герцога, с авторскими пометками и исправлениями. Бельтраме, конечно, все отрицал, утверждая, что видит этот листок впервые в жизни. Трибунал назначил пытку. Бельтраме трижды вздернули на дыбе, прежде чем он сознался.

— Сознался? — у Анджело округлились глаза.

— Да, пытка заставила его сказать правду. Наверное, он решил, что его все равно повесят за убийство — ведь он полагал, что ты мертв. А мучиться понапрасну не хотелось. Все эти пасквили изрядно надоели Чезаре Борджа, и он хотел положить им конец. И в назидание другим писателям приказал повесить Бельтраме рядом со статуей Паскуино. Что и было сделано на следующий день.

Анджело запрокинул голову и долго смотрел в потолок.

— Бельтраме, несомненно, трус, и умер жалкой смертью... Но стихи написал не он.

— Не он? — удивился Марко.— Откуда тебе это известно?

— Дело в том... Мы тут одни? Дело в том, что их автор — я.

— Ты, Анджело? — в один голос воскликнули брат и сестра.

Анджело оглядел комнату. Взгляд его остановился на висевшем на стуле камзоле.

— Что это? — спросил он.

— Твой камзол,— ответил Марко.— Его принесли вместе с тобой от дворца Браши.

Анджело широко улыбнулся.

— Теперь все ясно. В темноте Бельтраме схватил мой камзол. В кармане лежал черновик.

Пальцы Лавинии нежно гладили руку Анджело, лежащую на покрывале. Их взгляды встретились.

— Мы в долгу перед Бельтраме. Я бы не знал покоя, пока ищейки Борджа разыскивали автора стихов. Теперь опасность миновала. Но мой долг перед Бельтраме этим не исчерпывается. Не так ли, Лавиния?

— Что же еще ты ему должен? — спросил Марко.

Анджело блаженно улыбнулся.

— Твой брат, Лавиния, похоже, не слишком догадлив.

ЖИЗНЬ ЧЕЗАРЕ БОРДЖА (THE LIFE OF BORGIA)

Это произведение впервые опубликовано в 1912 году. С тех пор неоднократно переиздавалось на разных языках. Перевод на русский язык осуществлен впервые.

«Жизнь Чезаре Борджа» — нечто среднее между романом, хроникой и историческим исследованием. Пожалуй, правильнее всего назвать его апологией — по крайней мере такое определение вполне соответствует изначальному замыслу автора. Хотя Сабатини и старается сохранить объективность при изложении и анализе событий, это ему удастся далеко не всегда. В тех случаях, когда он выступает в роли арбитра, сравнивая данные хроник, дневников и частных писем, относящихся к одному и тому же эпизоду, нетрудно заметить его пристрастность в отборе «наиболее достоверных» свидетельств. Сабатини явно сочувствует своим героям, стремится объяснить их поступки.

В небольшой степени автор жизнеописания Чезаре Борджа прав, призывая к пересмотру устоявшихся представлений и оценок. Ведь легенда о семействе Борджа сложилась практически одновременно с началом Реформации, когда в государствах Западной и Центральной Европы разгоралась открытая борьба между католиками и протестантами. В таких условиях любая новая книга о порочности римской курии встречала заведомо восторженный прием у тысяч грамотных людей по обе стороны Альп. Развращенность и продажность высшего духовенства — епископов, кардиналов и пап — к тому времени уже стала притчей во языцех, и понтификат Александра VI служил в этом отношении типичным примером, очень удобным для применения во всякой полемике. Так сформировалась определенная литературно-историческая традиция, и лишь через четыре столетия, когда отголоски литературных распрей ушли в прошлое, читающая публика почувствовала вкус к защите памяти Борджа.

Рафаэль Сабатини проделал титаническую работу, осуществил поиск, анализ и сопоставление множества старинных текстов, хранящихся в крупнейших западноевропейских архивах. Библиография к «Жизни Чезаре Борджа» (ее мы в настоящем издании опускаем) включает около полусотни названий, и это

только основные источники. Познавательная и художественная ценность книги не подлежит сомнению. Перед нами разворачивается широкое и красочное полотно, превосходно отражающее жизнь Италии на рубеже XV—XVI веков. А это дает возможность читателю ощутить ту великолепную эпоху, когда формировалась система ценностей, во многом определяющая современную европейскую цивилизацию.

1 (с. 6) — Итальянскую фамилию Borgia ранее передавали по-русски как «Борджиа», что не вполне соответствует подлинному ее звучанию. Итальянское произношение этой фамилии, в свою очередь, восходит к испанскому Borja (Борха)

2 (с. 7) — Чинквеченто (*ит.* cinquecento — пятьсот) — распространенное в литературе название XVI века, на который приходится расцвет итальянского Возрождения.

3 (с. 8) — Гелиогабал — правильно Элагабал (218—222), римский император из династии Северов. Прозвище получил по имени бога Солнца, почитавшегося в его родном городе — сирийской Эмессе; наследственным жрецом этого бога был будущий император. Правил под именем Марка Аврелия Антонина.

4 (с. 10) — Медичи — известный итальянский род, представители которого правили Флоренцией в конце XV — начале XVI века; основали крупнейшую торгово-банковскую компанию, покровительствовали искусствам.

5 (с. 13) — Имеется в виду Франсиско Борха, правнук Александра VI, родившийся в 1510 году в Гандии (Испания) и канонизированный после смерти католической церковью.

6 (с. 13) — Королевство Неаполитанское и обеих Сицилий — Сицилийское королевство было создано норманнами в начале XII века; оно объединило норманнские завоевания на Сицилии и в Южной Италии, почему и стало официально называться Королевством обеих Сицилий. Позднее оно перешло в руки немецкой династии Гогенштауфенов. В середине XIII века его завоевал Карл Анжуйский, но скоро в результате народного восстания Сицилия стала независимой. Под властью Анжуйской династии осталось только Неаполитанское королевство в Южной Италии, однако в начале XIV века оно перешло в руки арагонского короля Педро. А в 1422 году Сицилия и Неаполь были объединены под властью арагонских королей.

7 (с. 15) — Конклав — собрание кардиналов католической церкви для избрания папы римского.

8 (с. 19) — Клир — корпус служителей христианской церкви (католической или православной).

9 (с. 19) — Целибат — буквально «состояние безбрачия». Термин употребляется для определения обязательного безбрачия католического духовенства. Постановление о celibate было принято в 1059 году на Латеранском соборе.

10 (с. 19) — Орден — здесь имеется в виду нищенствующий монашеский орден св. Франциска, основанный в конце XII века.

11 (с. 19) — Альбано — озеро и городок к юго-востоку от Рима; в настоящее время здесь расположена летняя резиденция папы.

12 (с. 21) — Симония — торговля церковными реликвиями, практиковавшаяся католической церковью в средние века. Явление получило название по имени иудейского волхва Симона, который пытался выкупить

у св. Петра дар творить чудеса (см. Деяния св. Апостолов, гл. 8, ст. 18—20).

13 (с. 22) — **Минориты** — буквально «младшие братья» — члены монашеского ордена францисканцев.

14 (с. 27) — **Синекура** — хорошо оплачиваемая должность, не требующая приложения большого труда.

15 (с. 27) — **Пробст** — помощник епископа в католической церкви.

16 (с. 32) — **Дукат** — золотая монета, которую с 1284 года стали чеканить в Венеции. Очень скоро вес этой монеты был приравнен к весу флорина, аналогичной монеты, чеканившейся с 1252 года во Флоренции (3,53 г). Обе монеты были в течение нескольких веков взаимозаменяемы.

17 (с. 38) — Об этом говорится в Евангелии от Матфея: «И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (гл. 16, ст. 19).

18 (с. 40) — Эту кличку обычно возводят к итальянскому слову того — мавр; араб; черный. На этом основании некоторые писатели и историки называли герцога Черным Лодовико, имея в виду его дела. Но слово того означает также «тутовое дерево», отличающееся тем, что оно уже в конце зимы выпускает почки и зацветает намного раньше других деревьев. Именно так объяснял сам Лодовико свое родовое прозвище: ранний расцвет тутовника символизирует предусмотрительность и готовность использовать все возможности.

19 (с. 43) — **Тиран** — так назывался в XII — середине XVI века единоличный правитель итальянского города-государства, добившийся этого поста путем насильственного захвата власти.

20 (с. 45) — **Сабатини** неточен: Лукреция Борджа умерла в 1519 году в возрасте 39 лет от аборта.

21 (с. 45) — Еще одна неточность. Современные итальянские справочные издания указывают датой рождения Лукреции 18 апреля 1480 года. Следовательно, к моменту брака с Джованни Сфорца (а свадьба, согласно тем же источникам, состоялась в 1492 году) Лукреции было всего двенадцать лет. Столь ранние браки были в то время обычны в Италии. Вспомним шекспировскую Джульетту. Мать говорит ей: «В Вероне многие из знатных дам тебя моложе, а детей имеют». Джульетте не было тогда и четырнадцати лет.

22 (с. 47) — **Трастевере** (буквально «Затибье») — район Рима на правом берегу реки Тибр, у подножия холма Джаниколо. В данном случае имеется в виду улица, идущая параллельно реке, — Виале-Трастевере.

23 (с. 47) — **Герцог Гандийский** — Джованни Борджа, брат Чезаре.

24 (с. 48) — **Бастард** — незаконнорожденный; потомок родителей, не состоящих в браке.

25 (с. 53) — **Тонзура** — выстриженное или выбритое место на макушке у католических духовных лиц, знак их отречения от мирских интересов.

26 (с. 55) — **Христианнейший** — официальное звание, присоединенное римской церковью к титулу французских королей.

27 (с. 55) — **Ливр** — денежная единица Франции, существовавшая с IX века до 1795 года. Сначала ливр равнялся по стоимости весовому фунту серебра, откуда и название (*фр. livre* — фунт). Эталоном в средневековой Франции считался «фунт Карла Великого», равный 408 граммам. Позднее стоимость его уменьшилась в связи с порчей монет. Курс ливра менялся в зависимости от пробы металла и мог сильно колебаться даже при правлении одного короля. В среднем золотой эквивалент ливра составлял

около 3,8 грамма, то есть ливры были дороже флоринов или дукатов в 1,1 раза.

28 (с. 56) — При вступлении армии в город мелом отмечались двери домов, предназначенных для постоя.

29 (с. 57) — Ко л е т — короткая суконная куртка, облегающая тело; была форменной одеждой в некоторых армиях.

30 (с. 58) — Б а я з и д или Баязет (*устар.*) — здесь имеется в виду османский султан Баязид II (1481—1512).

31 (с. 58) — И о а н н и т ы — члены духовно-рыцарского ордена, основанного крестоносцами в Палестине в начале XIII века. Названы были по месту нахождения резиденции ордена — иерусалимскому госпиталю св. Иоанна. В 1291 году иоанниты (их называли еще госпитальерами) переселились на Кипр, а оттуда под натиском мусульманских завоевателей перебрались на остров Родос. В 1530 году иоанниты, теснимые турками, перенесли резиденцию ордена на остров Мальту. После этого их стали именовать мальтийскими рыцарями. Орден сохранился до наших дней, объединяет около 8 тысяч человек. Резиденция ордена находится с 1834 года в Риме.

32 (с. 61) — Н у н ц и й (*лат. nuntius* — вестник) — постоянный дипломатический представитель папы римского в государствах, с которыми Ватикан поддерживает дипломатические отношения. Институт этих представителей стал складываться на рубеже XV—XVI веков.

33 (с. 64) — Совет десяти — одно из названий правительства Венеции, синоним Синьории. Совет составляли дож, три главных его советника, три председателя Коллегии сорока, ведавшей уголовными судебными делами, и три представителя городских судебных округов.

34 (с. 65) — Ж у ж у б а, или, по-иному, кйюба — дерево или колючий кустарник со съедобными плодами; научное название *zizyphus*.

35 (с. 66) — П р и о р (*лат. prior* — первый, важнейший) — настоятель небольшого мужского католического монастыря.

36 (с. 67) — С а в о н а р о л а, Джироламо (1452—1498) — настоятель доминиканского монастыря во Флоренции, страстный обличитель папства, тирании Медичи и гуманистической культуры. Казнен как еретик по приговору Синьории без согласования с папой.

37 (с. 69) — М а р р а н ы (*исп. marranos*) — так в средневековой Испании называли евреев, официально принявших христианство. Марраны принадлежали обычно к зажиточным слоям городского населения, занимаясь торговлей, откупом налогов, изредка попадали на государственные должности. Подвергались преследованиям инквизиции, обвинявшей их в тайной приверженности вере отцов.

38 (с. 70) — К о р д о б а, Гонсало де — правильно Гонсало Фернандес де Кордоба (1453—1515) — знаменитый испанский военачальник. Был прозван Великим Капитаном. В начале XVI века командовал испанскими войсками в Италии, сражавшимися с французами.

39 (с. 75) — П а т р и м о н и й — наследственное родовое имущество по отцовской или материнской линии. В Италии описываемой эпохи патримонием называли временный папский домен, земельное владение.

40 (с. 82) — И н ц е с т — кровосмешение, физическая связь между близкими родственниками.

41 (с. 86) — Интересно, что ни тогда, ни впоследствии никто не подозревал в организации убийства единственного человека, имевшего вполне реальные основания желать смерти герцога. Речь идет о кардинале Алессандро Фарнезе. Папа отобрал у него весьма прибыльную почетную должность, чтобы передать ее сыну, и Фарнезе мог надеяться, что со смертью Джованни Борджа должность управляющего патримонием св. Петра снова перейдет к нему.

42 (с. 87) — Римская курия — совокупность учреждений, подчиненных папе. Включает в себя разные конгрегации (церковные министерства), высшие церковные суды и канцелярии. Курия образовалась в XII веке на базе различных учреждений папского двора.

43 (с. 88) — Иов — герой ветхозаветного сюжета. С целью испытать его веру Господь насылал на него всевозможные несчастья. Когда же Бог убедился в крепости и бескорыстности веры праведника, то возвратил все потери его и «дал вдвое больше того, что он имел прежде... И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние... и умер Иов в старости, насыщенный днями» (Иов, 42, 10, 12, 17).

44 (с. 89) — Галлофилы — так называли в неаполитанском королевстве сторонников французского короля.

45 (с. 91) — Дочь Людовика XI была кривобокой.

46 (с. 98) — Диспенсация (лат. dispensatio) — специальное разрешение, выдаваемое церковными властями какому-либо человеку, которому тем самым позволялось делать что-либо запрещенное церковью или не делать того, что ею предписывалось.

47 (с. 107) — Согласно позднеэллиническому мифу Афина, греческая богиня мудрости и справедливой войны, появилась на свет в полном боевом вооружении из головы своего отца Зевса.

48 (с. 111) — Мортира — артиллерийское орудие с коротким стволом, предназначенное главным образом для разрушения особо прочных оборонительных сооружений. Стрельба из мортир велась при сильно поднятом вверх стволе. По внешнему виду напоминала ступу, откуда и произошло название (лат. mortarium — ступа).

Фальконет — артиллерийское орудие калибра 45—100 мм, стрелявшее свинцовыми ядрами.

49 (с. 113) — Бальи (фр. bailli) — военный или судейский чиновник, действовавший от имени французского короля или крупного сеньора.

50 (с. 121) — Сабатини ошибается, говоря о принадлежности крылатого латинского выражения Гаю Юлию Цезарю. На самом деле эти слова римский историк Гай Светоний Транквилл вкладывает в уста императора Гая Цезаря Калигулы: «Aut frugi hominem esse oportere, aut Caesarem» («Жить следует, либо во всем себе отказывая, либо по-цезарски»).

51 (с. 122) — Инвеститурий — католическая молитва, читаемая при инвеституре, обряде посвящения в сан епископа или аббата.

52 (с. 124) — Население Рима составляло в то время около 50 тысяч человек.

53 (с. 126) — Антик (фр. antique — произведение древнего искусства; древность).

54 (с. 130) — Санча Арагонская, жена Жофре Борджа.

55 (с. 136) — Гвельфы — партия сторонников папства в Италии, к которой принадлежали преимущественно торгово-ремесленные слои городского населения. Гиббеллины, в отличие от них, были партией феодальной знати, приверженцами императоров Священной Римской империи из династии Гогенштауфенов.

56 (с. 136) — Рейтары (нем. Reiter) — в средние века так назывались немецкие кавалеристы, служившие во Франции.

57 (с. 137) — Прозвище «Пандольфаччо» можно перевести как «Пандольфенок».

58 (с. 140) — Подеста — глава городской администрации, то же, что мэр или бургомистр.

59 (с. 143) — Имеется в виду высказывание французского государственного деятеля Шарля Мориса Талейрана (1754—1838): «Штык годится для чего угодно, но на нем нельзя усидеть».

60 (с. 143) — Имеется в виду библейский сюжет об осаде сынами Израилевыми под предводительством Иисуса Навина города Иерихона. В течение шестидневной осады совершался обход вокруг городских стен, при этом священники трубили в «юбилейные трубы». На седьмой день Иерихон пал: «Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом; и обрушилась стена города до своего основания, и народ пошел в город, каждый с своей стороны, и взяли город» (Книга Иисуса Навина, глава 6, стих 19).

61 (с. 161) — Этот канал протяженностью около 20 километров не был построен.

62 (с. 181) — Мардзокко — собственное имя геральдического льва, изображавшегося на гербе Флоренции во времена Медичи.

63 (с. 186) — Имеется в виду Ночера-Умбра (в Умбрии).

64 (с. 186) — Имеется в виду Баньо-ди-Романья.

65 (с. 191) — Камерарий — титул сановника при папском дворе. Полное название — тайный камерьер (*ит. cameriere segreto*).

66 (с. 203) — Руотта — колесо, круг) — церковный трибунал католической церкви в Италии. Происхождение названия связано с очередностью выступления судей, либо с манерой судей садиться при обсуждении дел кружком, либо с вращающейся этажеркой, на которую клали книги законов.

67 (с. 208) — Интердикт — временное отлучение от церкви.

68 (с. 227) — Вероятно, венецианский посол позаимствовал сравнение у Гая Светония Транквилла. Описывая привычки императора Веспасиана, римский историк писал: «... самых хищных чиновников, как полагают, он нарочно продвигал на все более высокие места, чтобы дать им нажиться, а потом засудить, — говорили, что он пользуется ими, как губками, сухим дает намокнуть, а мокрое выжимает».

69 (с. 229) — Современные итальянские историки считают доказанным тот факт, что кардинал Микель ди Сант-Анджело был отравлен Чезаре Борджа в ночь с 10 на 11 апреля 1503 года в замке св. Ангела.

70 (с. 231) — Афродисические средства — вещества, усиливающие половое влечение.

71 (с. 231) — Ирония Сабатини в данном случае безосновательна. Кантаридин — природный яд, вырабатываемый нарывным жуком *Lytta vesicatoria* (старое название — «шпанская мушка»). В чистом виде это бесцветное кристаллическое вещество, растворимое в жирах, но нерастворимое в воде, не обладающее ни вкусом, ни запахом. В очень малых дозах повышает мужскую потенцию, отчего был весьма популярен в Испании вплоть до XX века.

72 (с. 243) — Фаларис был изгнан из родного города Астипала на острове Родос и, явившись в Акрагас (ныне Агридженто) на острове Сицилия, захватил там власть и правил в 570—554 гг. до н. э. Ему принадлежала идея создания бронзовой статуи быка, в полom чреве которого помещали человека, после чего под статуей разводили огонь. Крики заживо поджариваемой жертвы называли «ревом быка Фалариса».

Пасифая — жена критского царя Миноса, мать чудовища Минотавра, которое она произвела на свет в результате своей страсти к быку.

73 (с. 260) — Атропос (*греч.* — неотвратимая) — одна из сестер — богинь судьбы в греческой мифологии. Неотвратимо приближала будущее.

74 (с. 261) — Сид (*араб.* господин) — прозвище, которое получил от мавров испанский национальный герой Родриго (Руй) Диас де Бивар (между 1030—1040—1099), прославившийся в многочисленных сражениях во время Реконкисты, освободительной войны народов Пиренейского полуострова. Его жизнь и подвиги воспеты в испанском национальном эпосе «Песнь о моем Сиде» и других произведениях.

75 (с. 262) — Молодой король Наварры Жан — по испанской исторической традиции Хуан II, или Хуан де Альбре. Был коронован в 1494 году. Умер во Франции в 1516 году.

76 (с. 267) — Ф а р и с е и — одна из религиозных партий в древней Иудее, возникшая во II веке до н. э. Для фарисеев было характерно внешнее благочестие и пренебрежительное отношение к простым людям. Фарисеи выступали против проповедовавшего новое учение Иисуса Христа, обличавшего их показную набожность, приверженность букве, а не духу слова Божьего. В переносном значении: ханжи, лицемеры.

Примечания А. МОСКВИНА и А. СЛУЧЕВСКОГО

СУД ГЕРЦОГА (THE JUSTICE OF THE DUKE).

Сборник исторических новелл, объединенных общим героем — герцогом Чезаре Борджа, вышел отдельным изданием в 1911 году. На русский язык переводится впервые.

1 (с. 271) — **Марк Эмилий Лепид** — древнеримский государственный деятель начала II века до н. э., который построил дорогу в Северной Италии (Виа Эмилия).

2 (с. 271) — **Рубикон** — река на границе Умбрии и Цизальпинской Галлии. В 49 году до н. э. Гай Юлий Цезарь перешел ее с армией, чем нарушил закон, запрещавший проконсулу возглавлять войско на итальянской территории, и фактически начал гражданскую войну. Выражение «перейти Рубикон» означает момент бесповоротного принятия важного решения.

3 (с. 276) — **Патриций** — представитель наследственной знати в Древнем Риме; в широком значении — аристократ.

4 (с. 278) — **Морион** (*исп. morion*) — легкая каска, которую носили арбалетчики, копейщики, аркебузиры и т. д.

5 (с. 285) — **Святая Дева Лоретская** — в местечке Лорето (Марке) в 1468 году был заложен так называемый «назаретский дом» (*ит. Santa Casa*), подобный тому, в котором Дева Мария, согласно евангельской традиции, услышала благословение Господне. По католическому преданию, «назаретский дом» был перенесен ангелами из захваченной турками Палестины сначала в Далмацию, а вскоре в Лорето (1295).

6 (с. 295) — Города Изола на Сицилии нет.

7 (с. 295) — Города Сан-Часкано в Италии нет.

8 (с. 296) — **Мазаччо** (Томмазо ди Джованни ди Симоне Кассаи; 1401—1428) — выдающийся флорентийский живописец.

9 (с. 296) — **Мадонна** — это слово в средние века употреблялось в двух значениях: 1) Дева Мария; 2) госпожа.

10 (с. 298) — **Сцилла и Харибда** — в греческой мифологии два чудовища, обитавшие по берегам узкого пролива. «Пройти между Сциллой и Харибдой» — фигуральное выражение, означающее: «Избежать двух опасностей».

11 (с. 304) — **Бентивольо, Джованни** — властитель Болоньи. См. о нем в главах 16—18 «Жизни Чезаре Борджа».

12 (с. 313) — **Эдем** — согласно Библии, местопребывание человека до грехопадения, земной рай.

13 (с. 319) — **Боккаччо, Джованни** (1313—1375) — один из величайших мастеров мировой литературы, автор бессмертного сборника новелл «Декамерон». Один из создателей итальянского литературного языка.

14 (с. 320) — Города Реджо-ди-Монте в Италии нет.

15 (с. 322) — **Фаланга** — сомкнутый строй пехоты у древних греков из 12 или 24 шеренг, насчитывавший от 16 до 18 тысяч человек. В армии Александра Македонского фаланга состояла из 16 шеренг по 1024 человека в каждой.

16 (с. 329) — Изображение пасущегося быка составляло часть герба рода Борджа.

17 (с. 330) — **Сенешаль** (*позднелат. siniscalcum* — буквально «старший слуга») — в странах феодальной Европы так нередко назывались управляющие замками крупных сеньоров.

18 (с. 337) — **Ниса** (Нисса) — мифическая местность, где нимфы, покровительницы вод, гор и лесов, воспитывали бога Диониса.

19 (с. 348) — **Марескотти** — семейство знатных болонских горожан; по документам известно с 1179 года.

20 (с. 351) — **Малатеста**, Сиджизмондо Пандольфо — тиран Римини (1417—1486), ловкий кондотьер, которого побаивались соперники. Проявил себя щедрым покровителем писателей и художников.

21 (с. 351) — **Конترفорт** — выступ на стене здания с наклонной или уступчатой внешней гранью. Характерен для архитектуры готики.

22 (с. 354) — **Колумбо** — итальянский вариант фамилии Колумб.

23 (с. 370) — **Аргус** — в древнегреческой мифологии великан, обладающий множеством глаз, причем одновременно спали только два из них.

24 (с. 373) — **Кастелло** — имеется в виду Читта-ди-Кастелло.

25 (с. 373) — Согласно древнегреческому мифу, бог земного плодородия, виноделия и виноградарства Вакх (рим. Бахус) встретил на острове Наксос давно любимую им Ариадну, дочь критского царя Миноса. Бог похитил земную женщину и вступил с нею в брак. Любовь Бахуса и Ариадны послужила источником сюжетов для многих произведений античного искусства.

26 (с. 378) — «**De rebus natuta**» («О природе вещей») — философская поэма римского поэта и философа-материалиста Тита Лукреция Кара (ок. 99—55 до н. э.).

27 (с. 385) — **Марс** — бог войны у древних римлян;

Эрос — бог любви, которого изображали крылатым.

28 (с. 389) — **Луккул** (106—56 гг. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, прославившийся своим богатством и обильными пирами.

29 (с. 389) — Имеются в виду соединения серы, перешедшие в виноградный сок из сернистых грунтовых вод.

30 (с. 397) — **Бальони**, Джанпаоло — один из лучших военачальников своего времени, который сумел отстоять город Перуджу от войск Цезаре Борджа.

31 (с. 397) — **Ассиэи** — городок в Умбрии, получивший широкую известность как родина Франциска Ассизского, одного из самых почитаемых католических святых.

32 (с. 397) — **Тоскана** — историческая область в Северной Италии, центром которой является Флоренция. Название связано с древним народом этрусков (тусков).

33 (с. 398) — **Люцифер** (буквально «носитель света») — по христианскому учению, Сатана, падший ангел, повелитель ада.

34 (с. 408) — **Прелат** — титул, присваиваемый высшим иерархам католической церкви.

35 (с. 410) — **Далила** — в ветхозаветном предании возлюбленная богатыря Самсона. Узнав, что неодолимая сила героя скрыта в его волосах, усыпила его, велела слугам остричь «семь кос» с его головы, а затем передала его в руки филистимлян, господствовавших в то время над Израилем. Образ Далилы часто используется Сабатини для характеристики коварной женщины.

36 (с. 422) — **Морфей** — древнегреческий бог сновидений, один из сыновей бога сна Гипноса.

37 (с. 428) — **Аквилано** (Серафино делл'Акуила 1466—1500) — придворный поэт, в совершенстве владевший разнообразной поэтической техникой.

Сперуло, Франческо — малозначительный придворный стихотворец.

38 (с. 435) — **Петрарка**, Франческо (1304—1374) — великий

итальянский поэт, родоначальник гуманистической культуры Возрождения.

39 (с. 435) — Кардинал Фарнезе — речь идет об Алессандро Фарнезе, будущем папе Павле III. См. прим. 41 к «Жизни Чезаре Борджа».

40 (с. 437) — Паскуино ди Маттео ди Монтепульчано (ок. 1425 — после 1475) — итальянский скульптор и архитектор.

41 (с. 440) — Орест и Пилад — в греческой мифологии неразлучные друзья; их дружба служила образцом для людей античного мира.

Примечания А. МОСКВИНА

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ ЧЕЗАРЕ БОРДЖА
герцога Романьи и Валентино,
князя Андрии и Венафри,
графа Дуа, повелителя Пьомбино,
Урбино и Камерино,
военачальника и знаменосца церкви

Перевод А. СЛУЧЕВСКОГО

5

СУД ГЕРЦОГА

Перевод В. ВЕБЕРА

269

Примечания

450

Сабатини Рафаэль

Собрание сочинений. Том пятый. Жизнь Чезаре Борджа, герцога Романьи и Валентино, князя Андрии и Венафри, графа Дуа, повелителя Пьомбино, Урбино и Камерино, военачальника и знаменосца церкви (пер. А. Случевского). Суд герцога (пер. В. Вебера). Редактор-составитель А. Полещук. М., АО «Прибой» — редакция журнала «Вокруг света», 1993, 464 с. (Библиотека «Вокруг света»).

ISBN 5-87260-005-4

В пятом томе Собрания сочинений Р. Сабатини представлены две его работы, объединенные одним главным героем — знаменитым итальянским военным и политическим деятелем эпохи Возрождения Чезаре Борджа. Первое произведение — оригинальное историческое исследование, облеченное в форму художественного жизнеописания. Автор задался целью развенчать ходячие представления о семействе Борджа как о скопище убийц, развратников и бесчестных интриганов.

«Суд герцога» представляет собой собрание новелл. Чезаре Борджа предстает в них хитроумным военачальником, дальновидным государем, справедливым судьей, воздающим по заслугам за добрые и злые деяния.

ИБ № 23

Сабатини Рафаэль
ЖИЗНЬ ЧЕЗАРЕ БОРДЖА
СУД ГЕРЦОГА

Редактор-составитель
А. П о л е щ у к
Художник
Н. М а н и к а л о
Художественный редактор
Ю. С е м е н о в
Технический редактор
О. Б о й к о
Корректоры
В. Н а з а р о в а, Н. О в с я н и к о в а

*В оформлении тома использованы фрагменты произведений
западноевропейских художников*

АО «Прибой» 103001, Москва, Трехпрудный пер., 9

ЛР № 070278 от 23.12.91.
Сдано в набор 17.03.93. Подписано в печать 15.10.93. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл.
печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 25,2. Тираж 139 000 экз. Заказ 1247

Москва, Акционерное общество «Прибой».
103001, Москва, Трехпрудный переулок, дом 9

Редакция журнала «Вокруг света».

Ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» Мин-
информпечати РФ. 198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

Экономические и социальные катаклизмы,
политические кризисы, военные перевороты,
преступления мафии —
эти темы заполнили сегодня печать.
Но есть и другая сторона жизни:

**ПУТЕШЕСТВИЯ И ОТКРЫТИЯ,
ИСТОРИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
НАРОДОВ,
НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ,
СМЕЛЫЕ ПРОЕКТЫ,
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЕ
РОМАНЫ — ЭТО МИР
«ВОКРУГ СВЕТА» —
СТАРЕЙШЕГО РОССИЙСКОГО
НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА
(индекс 70142)**

Редакция издает литературное приложение
«ИСКАТЕЛЬ»
(индекс 70424) объемом 160 страниц формата 84×108¹/₃₂

Подписка на «ВОКРУГ СВЕТА» и
«ИСКАТЕЛЬ» — принимается с любого месяца по
каталогу издательства «Известия», а также в редакции по
тел. 285-88-85.

Редакция рассмотрит предложения о совместной деятельности в области книгоиздания, распространения журнальной и книжной продукции.

Взносы в фонд поддержки журнала и для благотворительной подписки инвалидам и воспитанникам детских домов принимается на наш расчетный счет № 467749 МФО 201092 корсчет 182161200 в коммерческом банке «Колосс»,
адрес: г. Москва, 107150, ул. Лосиноостровская, 20.
Справки по тел. 285-88-83.

